

БЕСТИАРИЙ ХРИСТА

Том II часть (IX-XVII)

Том II часть (IX-XVII)

ЛУИ ШАРБОННО-ЛАССЭ
LOUIS CHARBONNEAU-LASSAY

ТАИНСТВЕННАЯ ЭМБЛЕМАТИКА ИИСУСА ХРИСТА

БЕСТИАРИЙ ХРИСТА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МИСТИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ И ЖИВОТНЫХ
В ХРИСТИАНСТВЕ

Тысяча сто пятьдесят семь образов, гравированных автором на дереве

ТОМ ВТОРОЙ
ЧАСТИ IX–XVII

Перевод с французского
Владимира Ткаченко-Гильдебрандта (Прандау)

Издательство Велигор
Москва 2017

УДК 133:061.236.61

ББК 86.42

Ш 25

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт
перевод с французского языка, независимый исследователь

Ш 25 Шарбонно-Лассе Л.

Бестиарий Христа. Энциклопедия мистических существ и животных в христианстве. Том 2. Части IX–XVII. – М.: ТД Велигор, 2018. – 640 с.: ил.

«Бестиарий Христа», плод монументального труда Луи Шарбонно-Лассе, был опубликован впервые в 1941 году. Два года спустя тираж этого издания почти полностью погиб во время бомбардировки Брюгге союзниками, как и все деревянные дощечки, служившие для украшения 1157-ю гравюрами этого трактата по зоологической символике, связанной с Иисусом Христом. Сегодня «Бестиарий Христа» в буквальном смысле воскрешен усилием французских ученых и впервые представлен на суд уже русскоязычного читателя.

Рассчитано на взрослого читателя.

Переводчик и автор предисловия выражает глубокое почтение за помощь и содействие в работе над этой замечательной книгой Великому Приорату России Суверенного Военного Ордена Иерусалимского Храма (OSMTH-KTI) и его Великому Приору полковнику Александру Александровичу Шаравину (GCTJ CMTN)

ISBN 978-5-88875-528-0

Подписано в печать 07.12.2017 г.

Формат 60х90/16. Печ. 42 л. Бумага офсетная 65 гр.

Тираж 120 экз. Заказ №

ООО «Торговый Дом Велигор»

г. Москва, м. Тульская, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1,
центральный вход, 1-й этаж, с левой стороны, офис 113

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

Интернет-магазин – WWW.VELIGOR.RU

Центр парапсихологии и магии ВЕЛИГОР – WWW.VELIGOR-CENTRE.RU

© Торговый Дом «Велигор», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ. ЛЕСНЫЕ И ПОЛЕВЫЕ ПТИЦЫ	17
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. СТРАУС	19
I. СТРАУС И ДРЕВНИЕ	19
II. СТРАУС В ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЯХ ПРОШЛОГО	20
III. СТРАУС, ПРЯМАЯ ЭМБЛЕМА ИСКУПИТЕЛЯ	21
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ГОЛУБЬ	23
ВОРОН – ВОРОВЕЙ	23
I. ГОЛУБЬ В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ	23
II. ГОЛУБЬ В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ; ГОЛУБЬ НОЕВА КОВЧЕГА	25
III. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА СВЯТОГО ДУХА	28
IV. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОГО ВДОХНОВЕНИЯ	29
V. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	31
VI. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ДВУХ ПРИРОД ИИСУСА ХРИСТА	35
VII. ГОЛУБЬ И ЕВХАРИСТИЯ	36
VIII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ	37
IX. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ	39
X. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ	40
XI. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА АПОСТОЛОВ И ВЕРНОЙ ДУШИ	42
XII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ЦЕРКВИ	44
XIII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА РАЗНООБРАЗНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ	44
XIV. СИМВОЛИЧЕСКИЕ АНТИТЕЗЫ ГОЛУБЯ: ВОРОН, ВОРОВЕЙ	46
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОРЛИЦА	48
ГОРЛИЦА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИМВОЛИКЕ	48
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ВОРОНА	51
I. ВОРОНА В ПРИРОДЕ И У ДРЕВНИХ	51
II. ВОРОНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	52

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПЕРЕПЕЛ И ПАСТУШОК ШИЛЬНЫХ ТРАВ	55
КУРОПАТКА	55
I. НЕИЗВЕСТНЫЙ ОБРАЗ	55
II. ПЕРЕПЕЛ И ПАСТУШОК ШИЛЬНЫХ ТРАВ	55
III. ЭМБЛЕМА СУПРУЖЕСКОГО СОГЛАСИЯ	58
IV. КУРОПАТКА, СИМВОЛИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА ПЕРЕПЕЛА	59
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ЛАСТОЧКА	62
I. ЛАСТОЧКА В ДОХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИЯХ	62
II. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ИИСУСА ХРИСТА	63
III. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОСВЕЩАЮЩЕГО ДУШИ	64
IV. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА УПОВАНИЯ И КАЮЩЕГОСЯ ГРЕШНИКА	67
V. ЛАСТОЧКА И ЗЛЫЕ ДУХИ	68
VI. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА САТАНЫ И НЕКОТОРЫХ ПОРОКОВ	69
VII. ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ	69
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. СЕЛЕВКИД	70
СЕЛЕВКИД, УНИЧТОЖИТЕЛЬ САРАНЧИ	70
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. МЕДОУКАЗЧИК	71
ОХОТНИК ЗА МЕДОМ	71
ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ. ВОРОБЕЙ	74
I. БЕЗЫМЯННЫЙ ВОРОБЕЙ	74
II. ВОРОБЕЙ В СИМВОЛИКЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	77
III. ВОРОБЬИ, ОБРАЗЫ ПОРОКОВ И САТАНЫ	78
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ЖАВОРОНОК	80
I. ПОЛЕВОЙ СОЛОВЕЙ И НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ	80
II. МОРСКОЙ ЖАВОРОНОК	83
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ТРЯСОГУЗКА	84
I. ТРЯСОГУЗКА В ПРЕДАНИЯХ ДО И ПОСЛЕ ИИСУСА ХРИСТА	84
II. ТРЯСОГУЗКА И ЦЕЛОМУДРИЕ	85
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ЗЕЛЕНЬ ДЯТЕЛ	87
I. ВРАГ СКРЫТЫХ ЧЕРВЕЙ	87
II. СИМВОЛ МОЛИТВЫ КАЮЩЕГОСЯ ГРЕШНИКА	88
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. СОЛОВЕЙ	89
I. СОЛОВЕЙ, ЭМБЛЕМА ДУХОВНОЙ РАДОСТИ И БОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА	89

II. СОЛОВЕЙ, ЭМБЛЕМА ВОСТОРЖЕННОСТИ СВЯТОЙ ЛЮБВИ	90
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. СЛАВКА	92
СИМВОЛИЧЕСКАЯ СПУТНИЦА СОЛОВЬЯ	92
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПТАШКИ СТРАСТЕЙ ИИСУСА ХРИСТА	93
КОРОЛЕК, ЩЕГОЛ, МАЛИНОВКА, ЗЯБЛИК, ЛАСТОЧКА В ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ	93
ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ. ПТИЦЫ ВОД И ПОБЕРЕЖИЙ	95
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ЛЕБЕДЬ	97
I. ЛЕБЕДЬ В ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ	97
II. ЛЕБЕДЬ В ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ МИФОЛОГИИ	99
III. ЛЕБЕДЬ В ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ	101
IV. БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ СКАНДИНАВОВ	104
V. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА ЧИСТОТЫ	105
VI. ЛЕГЕНДАРНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ ЛЕБЕДЯ	107
VII. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОВОДНИКА И СПАСИТЕЛЯ ДУШ	109
VIII. ВРАГ ЗМЕИ	112
IX. ЛЕБЕДЬ В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	113
X. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА СЛАДОСТРАСТИЯ И САТАНЫ	115
XI. ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ	116
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. УТКА И ГУСЬ	117
I. УТКА, БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА ЛЕБЕДЯ	117
II. ГУСЬ	119
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. ЗИМОРОДОК	120
ЭМБЛЕМА ХРИСТА И ЕГО ЦЕРКВИ	120
ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ. ПЕЛИКАН	122
ВАМПИР – ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ	122
I. ПЕЛИКАН В ПРИРОДЕ И В АНТИЧНОМ МИФЕ	122
II. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА ОЧИЩАЮЩЕГО ХРИСТА, АВТОРА НАШЕГО ОЖИВЛЕНИЯ	123
III. ПЕЛИКАН, ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА	129
IV. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ	130
V. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА ОСТАВЛЕННОГО ХРИСТА	132

VI. ОБРАЗ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПЕЛИКАНА В ИКОНОГРАФИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ФРАНК-МАСОНСТВА	133
VII. ВАМПИР – ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, АНТИТЕЗА СИМВОЛИЧЕСКОГО ПЕЛИКАНА	136
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ИБИС	140
I. ИБИС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	140
II. ИБИС В РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН	140
III. ИБИС, УНИЧТОЖИТЕЛЬ ЗМЕЙ	141
IV. ОЧИЩАЮЩИЙ ИБИС	142
V. ИБИС, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ПРОВОДНИКА ДУШ	143
VI. ИБИС В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	146
VII. ИБИС В СИМВОЛИКЕ ЗЛА	148
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ЦАПЛЯ	150
I. ЦАПЛЯ В ВЫМЫСЛАХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ	150
II. ЦАПЛЯ В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ	151
III. ЦАПЛЯ В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ФАУНЕ ХРИСТА	151
IV. ЦАПЛЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ	153
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. МАРАБУ	154
I. АФРИКАНСКАЯ И АЗИАТСКАЯ ПТИЦА	154
II. МАРАБУ В ВОСТОЧНОЙ СИМВОЛИКЕ	154
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ЖУРАВЛЬ	157
I. ЖУРАВЛИ	157
II. ЖУРАВЛЬ В ЕГИПЕТСКОЙ СИМВОЛИКЕ	157
III. ЖУРАВЛЬ В ГРЕЧЕСКОЙ СИМВОЛИКЕ	160
IV. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ ГАЛЛИИ	161
V. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ АЗИИ И ОКЕАНИИ	163
VI. ЖУРАВЛЬ, ЭМБЛЕМА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ	166
VII. ЖУРАВЛЬ, ЭМБЛЕМА БДИТЕЛЬНОСТИ И ВЕРНОСТИ	167
VIII. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ И ПРЕДАНИЯХ ХРИСТИАНСТВА	169
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. АИСТ	174
I. АИСТ У ДРЕВНИХ	174
II. АИСТ, ЭМБЛЕМА НЕСКОЛЬКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ДО НАШЕЙ ЭРЫ И В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	176

III. АИСТ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	177
IV. АИСТ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ	180
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ЛЫСУХА	182
ЛЫСУХА БЕСТИАРИЕВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	182
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. БЕКАС	184
I. БЕКАСЫ	184
II. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО БЕКАСА	184
III. БЕКАС И ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ	188
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. ЧИБИС	192
I. ЧЕРВЕЯДНЫЙ ЧИБИС	192
II. ЭМБЛЕМА СЫНОВНЕГО ПОЧТЕНИЯ И БЛАГОРАЗУМИЯ	193
ОДИННАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ	195
ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. ПАВЛИН	197
I. ЭМБЛЕМА СЛАВЫ И НЕТЛЕННОСТИ У ДРЕВНИХ	197
II. ПАВЛИН В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	199
III. ПАВЛИН, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	200
IV. ПАВЛИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОВОДНИКА И ПАСТЫРЯ ДУШ В ВЕЧНО БЛАЖЕННУЮ ЖИЗНЬ	204
V. ПАВЛИН И ЕВХАРИСТИЯ	205
VI. ДРУГИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОМ ПАВЛИНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	207
VII. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПАВЛИН, РАССМАТРИВАЕМЫЙ В СВОИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ	209
ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ. ПЕТУХ	211
ВАСИЛИСК	211
I. ПЕТУХ У ДРЕВНИХ	211
II. ПЕТУХ В НАИБОЛЕЕ ДРЕВНЕМ ХРИСТИАНСКОМ СИМВОЛИЗМЕ	217
III. ПЕТУХ, ПРЯМАЯ ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ОТЦА, ГЛАВЫ, ПРОВОДНИКА	218
IV. ГОЛОС ПЕТУХА, ГАЛЛИЦИНИУМ	219
V. ПЕТУХ НА КОЛОКОЛЬНЯХ	222
VI. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ	223
VII. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА И ЩЕДРОСТИ	224

VIII. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ПОРОКОВ СЛАСТОЛЮБИЯ И ГНЕВА	226
IX. ВАСИЛИСК, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО ПЕТУХА	227
X. ВАСИЛИСК У ДРЕВНИХ НАРОДОВ	228
XI. ВАСИЛИСК В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	230
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ПЕРВАЯ. КУРИЦА И ЕЕ ЦЫПЛЕНОК	234
КУКУШКА	234
I. КУРИЦА В АНТИЧНОЙ ЕВРОПЕ И В ЭКЗОТИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ	234
II. КУРИЦА, ЭМБЛЕМА БОДРСТВУЮЩЕЙ ДОБРОТЫ СПАСИТЕЛЯ	236
III. ЧЕРНАЯ САТАНИНСКАЯ КУРИЦА	240
IV. КУКУШКА, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ КУРИЦЫ	242
ДВЕНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЧАСТИ ПТИЦЫ	243
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ВТОРАЯ. КРЫЛЬЯ ПТИЦ	245
I. КРЫЛЬЯ В СИМВОЛИКЕ ДРЕВНИХ	245
II. КРЫЛЬЯ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	245
III. «РАЗМАХ КРЫЛЬЕВ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	248
IV. КРЫЛЬЯ ЖИВОТНЫХ ТЕТРАМОРФА, АНГЕЛЫ И ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ	251
V. ПРОКЛЯТЫЕ КРЫЛЬЯ	252
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ТРЕТЬЯ. ПЕРО	254
ПУХ	254
I. ДРЕВНИЙ СИМВОЛИЗМ ПЕРА	254
II. ПЕРО И ЭМБЛЕМЫ НАПИСАННОГО СЛОВА	255
III. НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ СИМВОЛИЗМ ПТИЧЬЕГО ПУХА	257
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ЧЕТВЕРТАЯ. ЯЙЦА ПТИЦ	258
I. ДРЕВНИЙ СИМВОЛИЗМ ЯЙЦА	258
II. ЯЙЦО И ИДЕИ ОЧИЩЕНИЯ И КРАСОТЫ	260
III. ЯЙЦО, ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛ УПОВАНИЯ	261
IV. ЯЙЦО, СИМВОЛ ВОСКРЕСЕНИЯ И ИИСУСА ХРИСТА	262
V. ЯЙЦО СТРАУСА, ЭМБЛЕМА ДУШИ ПРАВЕДНИКА	266
VI. ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА	267
VII. АНТИТЕЗА ОСВЯЩЕННОГО ЯЙЦА: ЯЙЦА РЕПТИЛИЙ	268
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ПЯТАЯ. «ЯЗЫК» И ПЕНИЕ ПТИЦ	270
МАНКИ	270

I. ГОЛОСА ПТИЦ	270
II. АНТИТЕЗЫ ПЕНИЯ И ЯЗЫКА ПТИЦ: «ПТИЦА ПАГУБНОГО СОВЕТА», КРИКИ НОЧНЫХ ПТИЦ, МАНКИ	274
ТРИНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. РЫБЫ	277
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ШЕСТАЯ. РЫБА	279
I. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБЫ	279
II. РЫБА В ПЕРВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ	280
III. РЫБА В СИМВОЛИКЕ ПЕРВЫХ ВРЕМЕН ХРИСТИАНСТВА	285
IV. ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ РЫБА В ГАЛЛИИ И У ВАРВАРОВ	291
V. ТРИНАКРИЯ	294
VI. РЫБЬЯ КОСТЬ	295
VII. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ РЫБА	296
VIII. РЫБА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА	297
IX. РЫБЫ ПРЕИСПОДНЕЙ: ЛЕВИАФАН, МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ	298
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА СЕДЬМАЯ. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА	300
I. ЖЕРТВЕННАЯ И ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЫБА В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ	300
II. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ	302
III. РЫБА, ЭМБЛЕМА ВЕРНОГО ХРИСТИАНИНА И ЕВХАРИСТИИ	310
IV. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	311
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ВОСЬМАЯ. ДЕЛЬФИН	313
I. ДЕЛЬФИН В ДОХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	313
II. ДЕЛЬФИН В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	315
III. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА-ДРУГА	317
IV. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, НАПРАВЛЯЮЩЕГО И СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ДУШИ	319
V. ДЕЛЬФИН И СВЕТ	321
VI. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА СРАЖАЮЩЕГОСЯ ХРИСТА	321
VII. ДЕЛЬФИН, ОБРАЗ ВЕРНОГО ХРИСТИАНИНА	323
VIII. ОБРАЗ ДЕЛЬФИНА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ СТОЛЕТИЙ	324
ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТАЯ. РАКООБРАЗНЫЕ	326
РАКООБРАЗНЫЙ, ЭМБЛЕМА НЕУязвимости ХРИСТА	326
ГЛАВА СОТАЯ. ПРИЛИПАЛА	330
I. ПРИЛИПАЛА В АНТИЧНЫХ ВЫМЫСЛАХ	330

II. РЕМОРА В ДРЕВНЕЙ ИКОНОГРАФИИ ХРИСТИАНСТВА	332
III. РЕМОРА В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ ЗАПАДА	335
ГЛАВА СТО ПЕРВАЯ. МОРСКОЙ КОНЕК	336
МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ	336
I. МОРСКОЙ КОНЕК В ПРИРОДЕ И В ДРЕВНИХ ИСКУССТВАХ	336
II. ПРОВОДНИК И СПАСАТЕЛЬ	339
III. МОРСКОЙ КОНЕК В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	340
IV. МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ, АНТИТЕЗА МОРСКОГО КОНЬКА. ИОНА И МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ	342
ГЛАВА СТО ВТОРАЯ. ЩУКА	344
ЩУКА И СВЕТ	344
ГЛАВА СТО ТРЕТЬЯ. ХРИСТОС–РЫБОЛОВ И ЕГО ОСНАСТКА	348
СИРЕНА	348
I. ИИСУС ХРИСТОС, ЛОВЕЦ ДУШ	348
II. ХРИСТОС, УЛОВЛЕННЫЙ БОГОМ, ЕГО ОТЦОМ	353
III. ХРИСТОС, УЛАВЛИВАЮЩИЙ САТАНУ	353
IV. ХРИСТИАНИН, ЛОВЕЦ ДУШ	355
V. РЫБА ТОВИИ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	356
VI. СМЕРТОНОСНАЯ СИРЕНА, АНТИТЕЗА ХРИСТА–РЫБАРЯ	357
ГЛАВА СТО ЧЕТВЕРТАЯ. АМБРА	361
I. СЕРАЯ АМБРА ИЛИ НАСТОЯЩАЯ АМБРА	361
II. ЖЕЛТАЯ АМБРА ИЛИ ЯНТАРЬ У ДРЕВНИХ	362
III. АМБРА И БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО У ГАЛЛОВ	363
IV. АМБРА В НАРОДНЫХ И ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ	365
V. ЧЕРНАЯ АМБРА	366
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. РЕПТИЛИИ	367
ГЛАВА СТО ПЯТАЯ. НИЛЬСКАЯ ГИДРА	369
КРОКОДИЛ	369
I. РОЛЬ КРОКОДИЛА В ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	369
II. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ НИЛЬСКОЙ ГИДРЫ В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ	370

IV. УРОБОРОС И ОБНОВЛЕНИЕ ЖИЗНИ	421
V. СТРАЖ БЕСКОНЕЧНОСТИ	422
VI. УРОБОРОС В ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА	423
VII. УРОБОРОС У АЛХИМИКОВ	424
VIII. УРОБОРОС И ХРИСТИАНСКАЯ ЭМБЛЕМАТИКА	427
IX. ТРИНИТАРНАЯ ЭМБЛЕМА	430
X. УРОБОРОС, ЭМБЛЕМА ПОСВЯЩЕННОГО	431
ГЛАВА СТО ТРИНАДЦАТАЯ. САЛАМАНДРА	432
I. САЛАМАНДРА В ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЯХ	432
II. САЛАМАНДРА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	433
III. САЛАМАНДРА В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ	437
ГЛАВА СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЛЯГУШКА	438
ЖАБА	438
I. ЗЕЛЕНАЯ ЛЯГУШКА; РЫЖАЯ ЛЯГУШКА	438
II. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЯГУШКА В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА	439
III. ЛЯГУШКА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	442
IV. ЛЯГУШКА В СИМВОЛИЗМЕ ПОРОКОВ И САТАНЫ	447
V. ЖАБА, АНТИТЕЗА ЛЯГУШКИ	447
VI. ЖАБЬИ КАМНИ (КРОПОДИНЫ)	450
ПЯТНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. НАСЕКОМЫЕ	455
ГЛАВА СТО ПЯТНАДЦАТАЯ. ЧЕРВЬ	457
I. ЧЕРВЬ, ЭМБЛЕМА УНИЖЕННОГО ХРИСТА	457
II. ЧЕРВЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА	461
III. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ЧЕРВЬ И СВЯТЫЕ	462
IV. СИМВОЛИЗМ НАДГРОБНОГО ЧЕРВЯ	463
V. «ЧЕРВЬ» СОВЕСТИ ВИНОВНОГО	464
VI. АДСКИЙ ЧЕРВЬ	465
VII. ПИЯВКА	466
ГЛАВА СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ. ГУСЕНИЦА	467
I. ДВЕ МЕТАМОРФОЗЫ	467
II. ГУСЕНИЦА, ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА	469
III. ХРИЗАЛИДА, ЭМБЛЕМА ЖИЗНИ И ДУХОВНОГО ПРИСТАНИЩА	469
IV. ХРИСТИАНСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ ГУСЕНИЦЫ	470

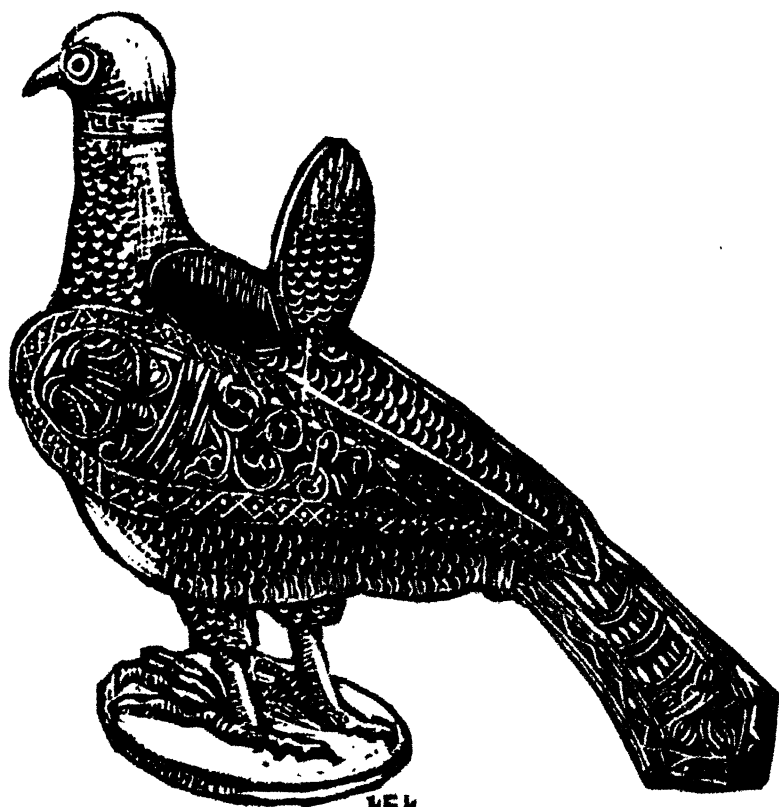
ГЛАВА СТО СЕМНАДЦАТАЯ. БАБОЧКА	472
I. СИМВОЛИЧЕСКАЯ БАБОЧКА У ДРЕВНИХ	472
II. БАБОЧКА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	474
III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА БАБОЧКИ	476
IV. БАБОЧКА, ЭМБЛЕМА ЛЕГКОМЫСЛИЯ ДУХА И НЕПОСТОЯНСТВА	477
V. САТАНИНСКИЕ АСПЕКТЫ БАБОЧКИ	478
ГЛАВА СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СВЕТЛЯК ИЛИ СВЕТЛЯЧОК	480
I. СВЕТЛЯК ИЛИ ЖИВОЙ СВЕТ В ЕСТЕСТВЕ	480
II. ЖИВОЙ «СВЕТ» И ЕГО НАЧАЛО В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	482
ГЛАВА СТО ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ПЧЕЛА	484
МУШКА	484
I. ПЧЕЛА	484
II. ПЧЕЛА У ДРЕВНИХ	485
III. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ	488
IV. ПЧЕЛА И БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО	490
V. ДРУГИЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИМВОЛИЗМА ПЧЕЛЫ	493
VI. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКИХ ДОБРΟДЕТЕЛЕЙ	494
VII. АНТИЧНАЯ ЛЕГЕНДА О РОЖДЕНИИ ПЧЕЛ	496
VIII. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ	498
IX. МУХА, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ПЧЕЛЕ	499
X. МУХА, ОБРАЗ ДЕМОНА	500
XI. МУХА, ЭМБЛЕМА ЭФЕМЕРНЫХ И НИЧТОЖНЫХ ВЕЩЕЙ	502
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТАЯ. ЦАРИЦА ПЧЕЛА И ЕЕ УЛЕЙ	503
I. ПАСЕКИ У ДРЕВНИХ	503
II. УЛЕЙ И ПЧЕЛИНАЯ ЦАРИЦА В СИМВОЛИЗМЕ ИИСУСА ХРИСТА И ЦЕРКВИ	504
III. УЛЕЙ И ДОБРΟДЕТЕЛЬ УПОВАНИЯ	506
IV. УЛЕЙ, ЭМБЛЕМА СЕМЬИ И МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ	507
V. АНТИТЕЗА УЛЬЯ – ОСИНΟЕ ГНЕЗДО	508
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. МЕД	509
I. МЕД В АНТИЧНОЙ ЖИЗНИ	509
II. МЕД, МИСТИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА «КРОТОСТИ И НЕЖНОСТИ ХРИСТА»	511
III. МЕД И ЕВХАРИСТИЯ	512

IV. МЕД ИЗ КАМНЯ	514
V. ДРУГИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДА	515
VI. АНТИТЕЗЫ ДОБРОГО МЕДА: ЯДОВИТЫЙ МЕД	516
VII. ЖЕЛЧЬ	517
VIII. ДОННИК	519
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ВОСК	520
I. ВОСК В АНТИЧНЫХ РЕЛИГИЯХ	520
II. СИМВОЛИЗМ ВОСКА В ХРИСТИАНСТВЕ.	
ВОСК И ДУХОВНАЯ ПРЕМУДРОСТЬ	521
III. ВОСКОВАЯ СВЕЧА – ЭМБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ИИСУСА ХРИСТА	523
IV. “AGNUS DEI” И ПОСВЯЩЕНИЯ	526
V. ПРОКЛЯТЫЙ ИЛИ ПРОФАНИЧЕСКИЙ ВОСК	527
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. РОЮЩАЯ ОСА ИЛИ ОСА ИХНЕВМОН	529
САРАНЧА	529
I. РОЮЩАЯ ОСА И ЕЕ ЖЕРТВЫ	529
II. СИМВОЛИЗМ САРАНЧИ	531
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КУЗНЕЧИК	533
I. ДВУКРЫЛЫЕ НАСЕКОМЫЕ В ВАРВАРСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ	533
II. КУЗНЕЧИК В ИСКУССТВЕ ГОТОВ	534
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. СВЯЩЕННЫЙ СКАРАБЕЙ	
И ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ НАВОЗНИКИ	537
СКОРПИОН	537
I. СКАРАБЕЙ В ПРИРОДЕ	537
II. СВЯЩЕННЫЙ СКАРАБЕЙ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН	538
III. ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ВЕЧНОСТИ	541
IV. СКАРАБЕЙ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	545
V. СКОРПИОН, АНТИТЕЗА СКАРАБЕЮ	547
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. НАВОЗНИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ФРАНЦИИ	550
НАВОЗНИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ФРАНЦИИ	550
ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. БОГОМОЛ	552
ПАУК И ЕГО ПАУТИНА	552
I. БОГОМОЛ	552
II. ПАУК, АНТИТЕЗА БОГОМОЛА	554

II. ЖЕМЧУЖИНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	607
III. РАЗЛИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЖЕМЧУЖИНЫ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ	610
IV. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ, ОТНОсяЩИЕСЯ К ЖЕМЧУЖИНЕ	611
СЕМНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ. ГОЛОВОНОГИЕ И ЗООФИТЫ	613
ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАРАКАТИЦА И ОСЬМИНОГ	615
I. ОСЬМИНОГИ В СИМВОЛИКЕ ДОХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ	615
II. СИМВОЛИЗМ ОСЬМИНОГОВ И ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ	619
III. КАРАКАТИЦА	620
IV. СПРУТ	621
ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. АСТЕРИЯ И МЕДУЗА	623
АСТЕРИЯ И МЕДУЗА И СИМВОЛИЗМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ	623
ЭПИЛОГ	626
ПЕРЕЧЕНЬ ГРАВЮР	629

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ

ЛЕСНЫЕ И ПОЛЕВЫЕ
ПТИЦЫ

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

СТРАУС

I. СТРАУС И ДРЕВНИЕ

Если в некоторых частях Древнего мира страус и брался в качестве символа *Тупоумия*, поскольку ошибочно считалось, что он казался невидимым для охотников, когда прятал свою голову в густой кустарник или в какое-нибудь отверстие, то в других местах его сделали эмблемой такой Прожорливости, о которой говорит средневековый *Бестиарий*:

“L’Ostriche fer mangue bien

Ne ja ne li grevera rien” (1)

«Съедает хорошо железо Страус,

И этим никогда не будет тяготиться» (1)

Хотя древний мир его мог и рассматривать во многих местах в более предпочтительных видах.

В Нубии, Аравии, Персии, Шумере, Месопотамии, Ассирии и Малой Азии ученые и старинные маги расценивали страуса как одну из самых покровительствуемых птиц различными астральными влияниями и удерживающей в себе от них небесные элементы.

На древних памятниках, по словам Дюмона, изображение Страуса часто увенчано розеткой, родственной солнечной ромашке Ассирии. Музей Святой Ирины в Константинополе обладает несколькими подобными экземплярами (2). Греко-Римляне трактовали страуса как существо, по-особенному улавливающее импульсы планеты Сатурн (3) и другого светила, которое древние тексты нам обозначают, что мы увидим дальше, под именем звезды *Виргилии*. С другой стороны, в самом древнем брахманизме южной и западной Азии, где урина считалась как бы святой вещью, страус почитался по причине того, что он – единственная птица, обладающая свойством мочиться.

Производитель совершенных, самых больших и прекрасных из яиц страус должен был ограждать собой, по мысли Древних, часть этих влияний, полученных им от светил. И это совершенное яйцо, как мы увидим дальше, стало в Средневековье одним из литургических образов Спасителя.

Старые натуралисты рассказывали, что страус, который, по их слишком преувеличенному мнению, откладывает до двадцати четырех яиц (4), начинает их несение в месяце июне, когда поднимается на небе звезда по имени

Виргилия; он хоронит свои яйца в песчаном пригорке, обогреваемом солнцем, и оставляет их там. Но когда наступает час вылупиться птенцам на вольный воздух пустыни, страус, предупрежденный об этом своей звездой, возвращается к своим яйцам, высиживая их одним пламенным взглядом, и тем самым вызывает их к жизни...

-
- (1) *L'image du monde. (De la Maniere de nos oisial).*
 (2) Cf. Albert DUMONT, *Revue archeologique*, IIe serie, T. XVIII, 1868, p. 258.
 (3) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 115.
 (4) ELIEN, *Histoire des Animaux*, XIV, 14.

II. СТРАУС В ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЯХ ПРОШЛОГО

На вышеизложенных данных первые христианские мистики и авторы Бестиариев Средневековья основывали разнообразные духовные темы.

Со II-го столетия *Physiologus* рассказывал миф о звезде Виргилии и о страусе; и возвращение птицы к своему материнскому долгу стало немногим позднее под пером наставников символом возвращения заблудшего человека к исполнению своих религиозных обязанностей, возвращения, вызванного божественной милостью, по словам Дюрана де Манда, наподобие возвращения страуса посредством небесной звезды (1).

С некоторыми другими мистическими авторами Вильгельм Нормандец сделал из страуса эмблематический образ мудрого и праведного человека:

"... prodome de bone vie Qui let les choses terriennes Et se prend aux celestiennes" (2)	«... честнейшего, благого жития, Который земные вещи оставляет, К небесным их подобиям обращаясь» (2).
--	--

Вот почему, несомненно, мы видим яйцо страуса, взятое в качестве эмблемы праведной души. В залах Константина и Сигнатуры Ватикана Рафаэль изобразил добродетель Правосудия, держащую в одной своей руке символические весы, а другой – ласкающую голову страуса (3).

В духовности современных коптских монахов солнечное тепло, заставлявшее вылупляться птенцов из яиц страуса, рассматривалось как эмблема милости Божией, заставляющей вылупляться и развиваться добродетелям в душе верного и в особенности монаха. С другой стороны, сам страус, прямо спешащий к добродетели и никогда не оборачивающийся, одинаково обозначает монаха, всегда прямо идущего к совершенству и никогда не прибегающего ни к прошлому, ни к профаническим вещам, оставленным им позади.

Мы видим, что суровость Библии к страусу, упрекавшей его в оставлении своих яиц и в жестокости в отношении своих птенцов (4), не слишком

впечатлила древних христианских символистов, поскольку они сделали из него эмблему возвращения к Богу заблудшего человека и возвращения добродетели, содержащей неявно в себе почти все другие добродетели – Правосудия.

- (1) Cf. GUILLAUME DURAND, *Le Rational des divins Offices*, Liv. I, ch. III.
 (2) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXX, *De l'Ostrice*.
 (3) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chretien*, T. III, p. 458.
 (4) Смотреть *Книга Иова*, Глава 39, стих 13-19.

III. СТРАУС, ПРЯМАЯ ЭМБЛЕМА ИСКУПИТЕЛЯ

Восполнив еще вымыслы, которые древние натуралисты нам рассказывали на тему кладки яиц страусом, символисты Средневековья утверждали, что птенцы страуса никогда бы не появились на свет, если бы родители не размягчали слишком жесткую скорлупу их яиц. И чтобы достичь этого, по мнению мечтателей былых времен, страус сначала пропитывает их медом, а после орошает своей собственной кровью.

Далее мы видим пользу, которую символисты могли извлечь из данной сказки; впрочем, они не прекращали этого делать: «При соприкосновении с кровью яйцо разбивалось, и юная птица вырывалась, начиная бить крыльями; так и Христос своей собственной кровью разбил камень гробницы и взлетел на небеса, воссев одесную Своего Отца» (1). Другие объясняли следующим образом: мед является образом, посвященным учению Христа, и кровь страуса есть искупительная кровь; Иисус нам дал сначала Свое учение, а затем пролил Свою кровь, и посредством этого двойного дарования освободил лю-

Фигура I. – Эмблема Обжорства: страус, поедающий железо. Согласно гравюре на дереве XVII-го столетия

дей, Своих детей, от «Закона страха» и сумрака античного идолопоклонства, призвав тем самым их к тому, что Отцы называли «свободой детей Божиих».

Значит, в пролитии воображаемой крови на своих детенышей страус занял место в эмблематической фауне Христа рядом с пеликаном, возрождающим своих птенцов в омовении своей очищающей кровью, и грифом, отдающим себя в пищу своему выводку – признанными всеми образами кровавого и искупительного жертвоприношения, совершенного на горе Голгофе.

Дальше мы увидим особый символизм, присущий страусиному яйцу, а также роль последнего в сказке об освобождающем черве (2).

(1) С. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*, p. 167. – DIDRON, *Annales archeologiques*, Т. XI(I), Liv. V, p. 259. – CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 308.

(2) Глава XCIV, *Яйца Птиц*, и Глава CXV, *Червь*.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ГОЛУБЬ

ВОРОН – ВОРОБЕЙ

І. ГОЛУБЬ В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ

По причине ее мирных и кротких нравов, ее привязанности к своему «голубю», – если говорить как Святой Франциск Сальский, – самым своим цветом и своим воркованием голубица бралась древними с самого начала их символизма в качестве идеограммы мира, супружеской верности, чистоты нравов и смиренной скорби.

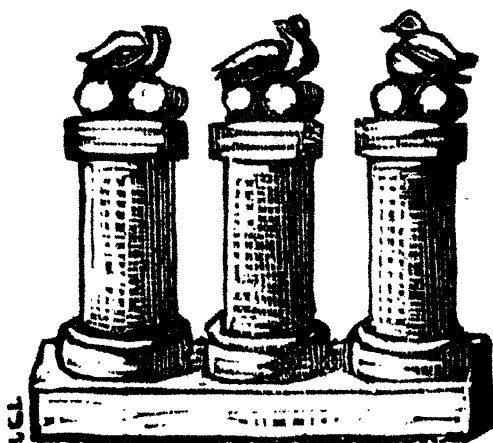
Именно на острове Крит и в древней Хеттской империи Малой Азии были обнаружены самые древние документы о культе голубя, являющиеся предшествующими использованию металлов в этих странах: «От неолитического века, – как писал недавно ученый Г. Глотц, – на Крите лепились терракотовые голуби, что продолжалось почти до конца доэллинского периода; и прежде чем произошли символические посвящения, эти фигурки являлись подлинными идолами, коим приносились как искупительные жертвы куницы, враги пернатых. В эти времена голубь обладал достаточной действенностью, чтобы стать талисманом для умерших» (1).

В критском мире в эпоху прекрасного среднего микенского искусства голубица, наподобие цветка лилии, обнаруживается повсюду изображаемой: на алтарях и на священных колоннах (Фигура I), на древе жизни, на картинах дворцов и в декорациях храмов. И позднее великая богиня Кносса ее будет носить на своей голове как саму эманацию божественного естества.

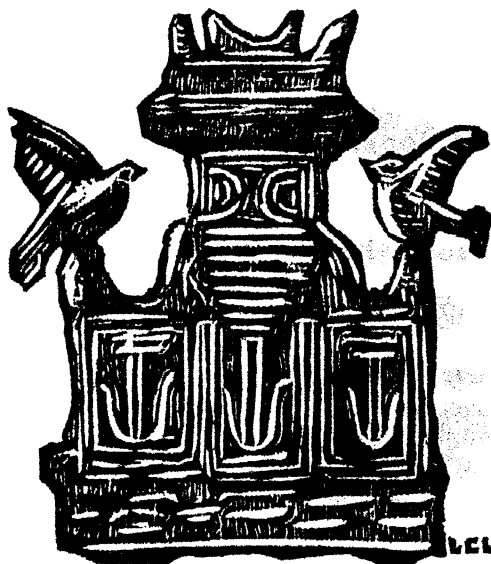
На золотой оправе античного алтаря с четырьмя рогами, найденного Шлиманом в Микенах, две голубицы машут своими крыльями (Фигура II).

У Хеттов – Хеттеян Библии – верховная богиня Астарата равно носила голубицу на своей голове как признак божественности; и эта птица была либо золотой, либо, по крайней мере, позолоченной (2).

В Финикии и в области, простирающейся до Ассирии, голубица также являлась птицей великой богини

Фигура I. – Божественная Голубица Крита на священных колоннах. Терракотовые скульптуры из Кносса

Фигура II. – Золотая оправа
античного алтаря, найденная
в Микенах Шлиманом.
Согласно M. COLLIGNON,
L'Archeologie grecque, p. 6

Любви Атаргатис-Деркетто, той же самой Астараты Хеттов, – и Финикийцы принесли ее культ на Сардинию (3).

У Сирийцев золотая голубица, представляющая собой более или менее явно дух Божества на земле, выносилась дважды в год, как нам сообщает Лукиан, на стороне сирийского побережья (4). Сирийцам запрещалось потреблять плоть птицы Атаргатис (5).

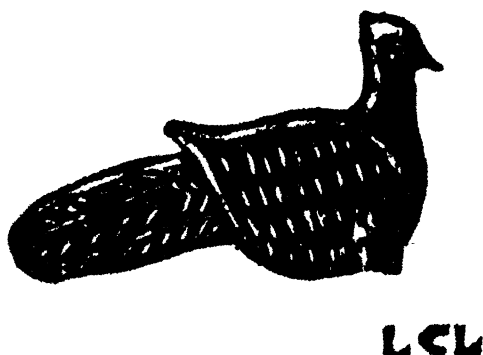
Говоря о смерти знаменитой царицы Семирамиды, считавшейся дочерью Атаргатис, Диодор Сицилийский нам сообщает, что «она исчезла внезапно; некоторые утверждали, что она обратилась в голубицу и устремилась в средоточие стаи этих птиц, которых было видно бьющихся на ее дворце в миг, когда она испускала последнее дыхание» (6). Даже имя Семирамиды, по рассказу Семирамиды, означает

«Голубицу» в наречии Ассирийцев, соседствующих с Сирийцами (7).

Этот голубиный культ распространился на восток Сирии до Вавилона и Суз, о чем свидетельствует крупный голубь из лапис-лазурита, найденный господином де Морганом в его раскопках в Сузах (8). Голубь обнаруживается и в старинных культах Персии и Индии (9).

У Филистимлян голубь являлся птицей, покровительствующей городу Аскалону (10), и богиня этого города равно его носила в качестве божественной эмблемы.

Греция узнала в своих вымыслах о «черной Голубице», отправившейся из Фив Египта в эпирскую Додону произнести человеческим языком волю богов (11); она дала имя Плект (πλεκτιάδης), «голубиц», жрицам Зевса, которых приводит Гомер (12), Павсаний (13) и Овидий (14), пове-

Фигура III. – Бронзовый голубь
с одной галло-римской могилы
из Пуана (Pouant) (Вьенн).
Реальная величина. У господина
Авриля из Грезийона в Пуанев

ствуя нам о метаморфозе дочерей Ания (титана Атланта), царя Делоса, в голубиц. Эта птица была по-особенному посвящена Греками богине Афродите и Венере Латинянами.

На Греческом архипелаге и в Великой Греции человеческая душа иногда изображалась голубем с человеческой головой (15), немного напоминая андроцефальную ласточку Египтян, одинаково образ души. Несомненно, отсюда причина присутствия маленьких голубей в узорах нескольких гробниц на Сицилии; изображения голубя порой обнаруживаются в галльских и галло-римских захоронениях (Фигура III).

-
- (1) G. GLOTZ, *La Civilisation egeenne*, L. III, p. 277. — Смотреть также: Jean CHARBONNEAUX, *L'art egeen*. Edit. Van Oest, Paris-Bruxelles, 1929.
 - (2) Cf. A. H. SAYCE, *Les Heteens*, p. 113.
 - (3) Cf. Miss HARRISON, *Transactions of the third international Congress for the History of Religions*, II, 115 etc.
 - (4) LUCIEN, *La Deesse de Syrie*, 31-33.
 - (5) *Ibid.*, Edition Glonneau, p. 21.
 - (6) Diodore DE SICILE, *Bibliothèque historique*, L. II, c. XX.
 - (7) *Ibid.*, Liv. II, 54. Смотреть также: Fr. LENORMANT, *La Legende de Semiramis*.
 - (8) Сегодня в Музее Лувра, зал колоннады.
 - (9) Cf. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, IV, p. 251.
 - (10) G. GLOTZ, *La Civilisation egeenne*, L. IV, p. 451.
 - (11) Cf. HERODOTE, *Op.*, Lib. II, 55.
 - (12) HOMERE, *Illiade*, XI.
 - (13) PAUSANIAS, *Phoc. (Itineraire de la Grece)*.
 - (14) OVIDE, *Metamorphoses*, XIII, 4.
 - (15) Cf. DE WITTE, *Gazette des Beaux-Arts*, novembre 1863, p. 428.

II. ГОЛУБЬ В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ; ГОЛУБЬ НОЕВА КОВЧЕГА

Из всех эмблем, принятых Христианской церковью от своих первоначальных времен, голубь, возможно, являлся наиболее изображавшимся символом на папертях катакомб Рима и других мест, на могилах мучеников и святых в первых христианских зданиях, на культовых вазах, лампах и во всем литургическом искусстве. Он по-особенному обозначает собой божественный Дух и Иисуса Христа, а также часто и верного; позднее он станет одной из эмблем Девы Марии; и всегда он будет олицетворять божественный Покой и христианские добродетели чистоты, кротости, простоты и смирения. Одна из первых ролей, данных ему христианским искусством, заключалась в напоминании библейской истории о Ноевом Ковчеге.

Фигура IV. – Голубь Ковчега. Фрагмент римской эпитафии эпохи Катакомб

поначалу евреев, сделать из оливы эмблему покоя, а голубя – аллегорическим посланником мира. Впрочем, и сами по себе две эти эмблемы обладают совершенными символическими качествами: олива производит прекрасное и мягкое масло, умиротворяющее грубость остроты, ослабляющее или успокаивающее страдания; и голубь предстает мирной и кроткой птицей более, чем все другие, будучи в высшей степени быстрым и верным посланником.

Итак, в христианской символике оливковая ветвь являлась эмблемой божественного покоя, дарованного миру, и в широком смысле умиротворенности душ и одинаково образом внешнего спокойствия во взаимоотношении людей между собой. И голубь, несущий в своем клюве или в своих лапах мирную ветвь, был эмблемой Христа, Рождество Которого приветствовалось ангельским песнопением: *“Gloria in excelsis Deo, et in terra pax hominibus, bonae voluntatis”* – «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (2); Христа, последнее желание Которого в отношении своих учеников выражалось словами: *“Pax vobis”* – «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (3). И разве не говорит Святой Апостол Павел, что пролитие Его крови примирило в умиротворении небо и землю (4); и много столетий раньше, не восклицал ли Святой Пророк Михей: «И будет Он мир...»? (5)

Дальше мы возвратимся к этому отождествлению Христа с голубем Ноева Ковчега.

Христианское искусство первых столетий часто изображало сцену с ковчегом. От корабля, имевшего обыкновенно форму плавающего жилища или короба (*arca*), Ной тянет в основном руки к птице доброго предзнаменования.

В этой сцене ковчег является эмблемой Церкви; Ной – эмблемой христианской души, которой Христос-Голубь приносит Свой мир, символизи-

Каждый с детства знает роль голубя в истории о Всемирном потопе, которая показывает эту птицу объявляющей Ную благодаря принесению ему оливковой ветви отступление вод и прекращение наказания от божественного гнева (1). Отсюда вполне естественно пришедшая идея у христиан, а

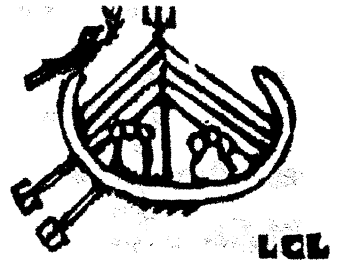

Фигура V. – Голубь Ковчега и Радуга, первые христианские времена

руемый ветвью. В согласии с этой символической темой я привожу два артефакта тех отдаленных времен: надгробный камень Эксуперия в Риме (Фигура IV) и великолепное золотое кольцо с гравированным ониксом в оправе, на котором мирная радуга появляется сверху над голубем (Фигура V) (6).

Другая римская эпитафия показывает корабль, перевозящий две амфоры, и на высокий борт его кормы христологический голубь приносит свой мир (7). В данном сюжете ничто не напоминает о Всемирном потопе и Ное: судно представляется Церковью; и здесь случай вспомнить, исходя из его содержания, что если Амфора являлась в античности эмблемой оплодотворенной женщины согласно своей форме (8), то в христианской эмблематике она была одной из эмблем евхаристического запаса из-за использования вазы для вина (Фигура VI) (9).

На древних памятниках, особенно на многих катакомбных эпитафиях мучеников или простых верных, голубь появляется с ветвью, не воскрешая никак в памяти историю о потопе; тогда это эмблема Христа, присуждающего усопшему высшую награду Своего славного покоя; или, если хотите, это достижение мира Христова через душу, для которой ее мученические страдания или осуществление ей христианских добродетелей заслужили умиротворение в победе; поскольку часто в символическом искусстве христианства ветвь имеет тот же самый торжествующий смысл, что и пальма.

Фигура VI. – Голубь и корабль. Римская гравюра первых христианских столетий

- (1) Книга Бытия, Глава 8, стих 8-14.
- (2) От Луки Святое Благовествование, Глава 2, стих 14.
- (3) От Луки Святое Благовествование, Глава 24, стих 36; От Иоанна Святое Благовествование, Глава 20, стих 27.
- (4) Послание к Колоссянам Святого Апостола Павла, Глава 1, стих 20.
- (5) Книга Пророка Михея, Глава 5, стих 5.
- (6) Согласно Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. I, vol. II, col. 2. 721, 2. 726.
- (7) Согласно ROSSI, *Roma sotterranea*, T. II, pl. XLIX, № 26.
- (8) Смотреть L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Le Sphinx*, in *Regnabit*, septembre-octobre 1928 (T. XV, p. 139, fig. VI и здесь выше Глава 53, *Сфинкс и Сфинга*).
- (9) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 2. 206, fig. 3. 119.

III. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА СВЯТОГО ДУХА

В орнитологии семейство голубиных представляет собой сегодня многочисленные разновидности. Символическое искусство христианства, кажется, использовало под родовым наименованием только лесного голубя, Вяхиря (*Columba palumbus*) и дикого голубя (*Columba livia*), свыкающегося с полусвободой голубятни, потомство которого, более или менее, по-разному выродившееся, образует разновидности домашних голубей, среди которых и белый голубь. Именно последний был избран почти всеми христианскими художниками, чтобы символизировать божественный Дух.

Святые тексты, благодаря христианским символистам несшие наиболее ярко изображения Святого Духа в форме голубя, бесспорно, являются фрагментами четырех Евангелистов, рассказывающих о крещении Иисуса в водах Иордана Иоанном Крестителем.

Послушаем другого Святого Иоанна, повествующего нам о Крестителе: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (1).

Равно с первых христианских времен голубь появляется в декоративном искусстве как воспринятая эмблема Святого Духа. Его видно повсюду с этим четким или правдоподобным значением. На первых изображениях крещения Иисуса он естественно фигурирует вверху над Спасителем, и немногим после Константинова мира мозаисты, украшавшие великую арку базилики Санта-Мария-Маджоре в Риме, помещают над Приснодевой Марией голубя, нисходящего с неба, когда архангел благовествует ей о ее скором божественном материнстве: «И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога, и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус... Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (2).

Тождественно божественный Дух необходимо видеть в голубе, который часто ведет лодку, эмблему Церкви, если все же птица не предстает голубем Ноя со своей оливковой ветвью; в последнем случае должно думать скорее о Христе, дарующем мир Своей Церкви; но нужно возвращаться к Святому Духу, когда символическая птица господствует над престолом истины, как это видно на гравированном мраморе III-го столетия в римских катакомбах Лавиканского пути. Божественный духовный голубь, дух силы и поддержки, парит над мучениками, коих он укрепляет: такова птица, показываемая нам в древних преданиях Аженэ над Святой Верой (*Sancta Fides*) (* около 290, + 303; пострадала при императоре Максимиане – прим. пер.) и набрасывающая на героиню покров белого света (3).

- (1) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 32-34; *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 4, стих 16; *От Марка Святое Благовествование*, Глава 1, стих 10; *От Луки Святое Благовествование*, Глава 3, стих 22.
- (2) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 1, стих 31-34.
- (3) Cf. Abbe BARRERE, *L'Ermitage de saint Vincent de Pompejac*, p. 23 (Пустынь Святого Викентия из Помпежака).

IV. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОГО ВДОХНОВЕНИЯ

Небесное вдохновение в каждом из нас это внутреннее содействие, идущее к нам благодаря божественной помощи, именуемой теологией «актуальной милостью». Это мысль, вовремя возникшая в нас, чтобы нас подтолкнуть к добру, удалив нас от зла, заставив нас исполнить действие таким образом, чтобы оно могло быть лучшим и в отношении нас и в отношении другого. Выражая голубем данную операцию божественной милости в человеке или в сообществе людей, это не является непосредственно Святым Духом, которого желали изобразить символисты, но восходя от дара к донатору, от волны к ее источнику, они захотели показать Его в качестве автора блаженного вдохновения. Так они заставили парить голубя над собором римских священнослужителей, обозначив тем самым божественный импульс, подвигнувший их избрать около 440 года папой Святого Фабиана.

Когда речь идет о человеке, голубь одинаково парит над его головой или оказывается сидящим у его правого уха, например, на его плече. Древние изображения Святого Григория Великого (В византийской традиции Святого Григория Двоеслова – прим. пер.) нам показывают птицу, внушающей первосвященнику мелодии григорианского песнопения (1). Одинаково дело обстоит и с некоторыми другими святыми, к примеру, со Святым

Фигура VII. – Голубь, эмблема божественного вдохновения, на «благословенной шляпе» эрцгерцога Фердинанда Австрийского

Фигура VIII. –
«Гугенотский
крест».

Согласно
одному
образцу XVIII-го
столетия.
Cf. *Catalogue
Beguín* 4012.
Эта инсигния
происходит
от Креста
Ордена
Воинских
Заслуг,
учрежденного
в 1759 году
для офицеров-
протестантов
Французской
армии

Иларием, епископом Пуатье в IV-м столетии, написавшем свой *Трактат о Святой Троице*.

В XVII-м столетии «благословенная шляпа» эрцгерцога Фердинанда Австрийского была декорирована сверху со стороны правого уха вдохновляющим Голубем (Фигура VII). На «Экспозицию», относящуюся к Ордену Мальтийских Рыцарей, устроенную в парижской Национальной Библиотеке в 1929 году, великий магистр Ордена прислал «регалии», то есть державные орденские атрибуты: драгоценные корону с золотой печатью, меч, кинжал и “pileo” или шляпу из красного бархата, украшенную голубем (2), образом присутствия, предоставляемого князю ордена, эмблемой дарования совета, исходящего от Святого Духа, чтобы руководствоваться им в своих властных полномочиях.

Изображение голубя, подвешенное к инсигнии кальвинистских церквей, предстает скорее вдохновением Святого Духа, нежели Самим Духом, поскольку это вдохновение в основе тезиса о свободе совести, который они утверждают (Фигура VIII).

Иногда семь голубей в нимбах, собранных вокруг образа Иисуса Христа, обозначают семь даров Святого Духа, обещанного Иисусом Своим апостолам направить Его после Своей смерти: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (3). Мы видим также семь голубей вокруг Приснодевы Марии, являвшейся «живой дарохранительницей воплощенной Премудрости» и «исполненной дарами Святого Духа». Мы обладаем примерами двух последних изображений семи голубей вокруг Иисуса и Марии на витражах XIII-го и XIV-го вв. в Шартре, в Ле Мане, в Сен-Дени, во Фрейбурге-в-Брейсгау и т. д., а равно на псалтири Святого Людовика, на Золотой Библии (*Biblia aurea*) и других книгах (4).

-
- (1) Cf. MOLANUS, *Hist. Sanct. Imag.* ap. MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 162. – Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, T. V, vol. I, col. 526.
 (2) Cf. S. B. *L'Exposition de l'Ordre de Malte*.
 (3) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 14, стих 26.
 (4) Cf. MALE, *L'Art religieux du XIIIe siècle en France*, passim, I. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chrétienne*, p. 103, etc.

V. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА

Даже без того, что голубь столь часто символизировал как Спасителя, так Святой Дух и верную душу, его образ с первых христианских времен, тем не менее, вошел в число личных эмблем Иисуса Христа.

Во II-м столетии, о чем сообщает свидетельство Тертуллиана, этот символизм был принят в церкви; и знаменитый археолог П. Л. Делаттр из Карфагена приводит выражение: "*Christum columba demonstrare solita est*" (1).

Со своей стороны, Мартиньи нам говорит, что числовое значение греческого имени голубя – peristera – то же самое, что и у аббревиатуры Альфа и Омега, о которой Сам Иисус Христос сказал, что она – Его образ: "Ego sum Alpha et Omega", Я есмь Начало и Конец всего (2). Одинаково поэт Пруденций в IV-м столетии воскликнул так об Иисусе Христе:

"Tu mihi, Christe, Columba potens,
Sanguine pasta cui cedit avis".

«О, Христос, для меня Ты – могучий голубь, уступивший птице, насыщенной кровью» (3).

Равно часто в искусстве первых христианских времен Голубь появляется между двумя рыбами (4), представляющих собой, бесспорно, верных христиан; следовательно, всегда между ними пребывает личная эмблема Христа, к которой они стремятся.

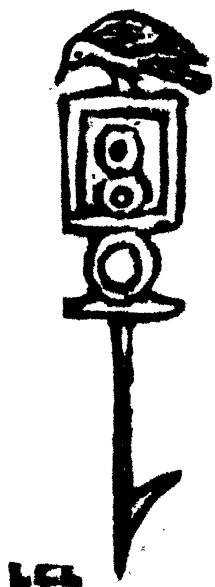
Необходимо заключить то же самое в отношении мотива терракотового блюда из коллекции Нардони, где два голубя почтительно взирают вверх на другого, венчающего сокращенную монограмму священного имени XPIstos (Фигура IX) (5).

Гравированные драгоценные камни первых четырех столетий изображают голубя, держащего ветвь мира и расположенного под монограммой или даже на ней самой: это Христос, несущий свой мир (6).

Резной саркофаг из Латерана, датируемый IV-м столетием, нам показывает одного святого, держащего венец перед воинской инсигнией; итак, на вершине этого вида «лабарума», покрытого завесой, находится большой голубь, пока голубята порхают в листве соседних деревьев. Как мне представляется, вполне очевидно, что на этой триумфальной инсигнии голубь заменяет

Фигура IX. – Три Голубя на блюде Нардони, IV-й или V-й вв.

Фигура X. –
Голубь,
венчающий
Лабарум.
Изображение
на монете
императора
Константина

константиновскую Хрисму Лабарума и может вызывать в сознании только Иисуса Христа (Фигура X).

На лампе, предоставленной первым христианским святилищем из Кьюзи (Chiusi), голубь показывает голову, увенчанную крестом; и земля Карфагена подарила многочисленные лампы, украшенные эмблематическим голубем и напоминающие о том, что незадолго до своей смерти писал ученый карфагенский археолог Патер Луи Делаттр: «После того, как перед моими глазами прошли тысячи христианских ламп, я вынес более или менее определенное впечатление, что обыкновенно их центральный сюжет относится к нашему Спасителю» (7). Он мог бы позволить себе, если бы имел в том нужду, повторить вслед за иным знаменитым карфагенянином Тертуллианом, писавшим в эпоху, когда гончарами производились эти лампы: «Голубь обыкновенно служит выражением Иисуса Христа» (8).

В ту же самую эпоху одна монета императора Константина, недавно обращенного в христианскую веру, имеет изображение «Лабарума», увенчанного, как и выше, голубем, относящимся только к Христу (9).

Значит, христологический смысл голубя в искусстве первых христианских столетий бесспорен, что позволяет его находить в памятниках последующих эпох таких, как алтарь из Баньоля V-го века, где кроткая птица венчает крестообразную монограмму слова ХРИСТОС – Христос (Фи-

гура XI) (10), и крест выполняет задачу буквы X.

На «мистических преследованиях Оленя» западных меровингских диоцезов Франции голубь парит сверху над Оленем, эмблемой души, которую преследуют собаки, то есть страсти, и которая устремляется вольным галопом к кресту. На одном экземпляре этих «преследований», найденном в Нанте и в Резе (Нижняя Луара) (Фигура XII), голубь приносит внутренний мир преследуемой душе и над ним – длинный латинский крест, положенный по протяженности его тела (11). Голубь здесь – Иисус Христос с содействием Своей божественной милостью.

Ключ псевдо-Мелитона Сардского прекрасно выражается следующим образом: *Columba, Deus, Christus* (12).

С V-го по XIII-е столетия в странах византийской ойкумены, а также в Италии и Франции, голубь появляется в изображении Этимакии, от греческого *Etoimacia*, то

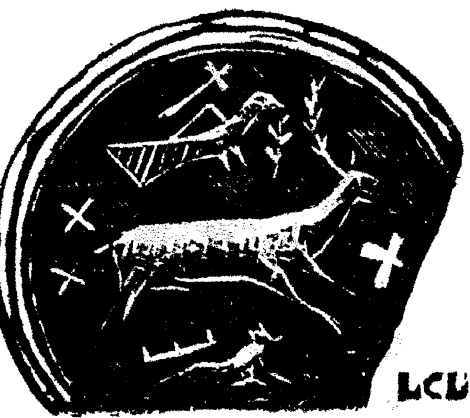
КСІ.

Фигура XI. –
Скульптура
галло-римского
алтаря
из Баньоля-
сюр-Сер (Гар),
V-й век

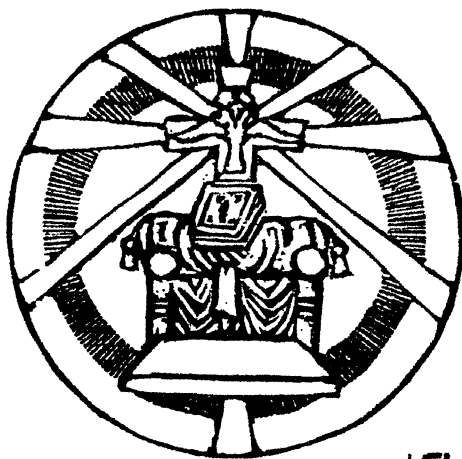
есть приготовления Страшного суда. Эту композицию в основном составляют трон и скамья, которые окружают крест и другие орудия казни Иисуса. Никто не может занимать трон, поскольку Судия не пришел: Его трон подготовлен и ожидает своего Господина; чаще всего на нем покоится книга: это Евангелиарий, по закону которого будут судимы подсудные.

В более поздних изображениях Этимакки иногда получается, что, опрокидывая этимологию, голубь занимает тронное место или парит над книгой. Итак, кого он может выражать, если не Судию, взшедшего на приготовленный Ему трон, несокрушимого судью, хотя и полного кротости и доброты. Одинаковым мы видим голубя в церкви Нонантоля XII-го столетия и в церкви Никеи XIII-го столетия с характерным признаком: его голова окружена крестообразным нимбом; на изображении в церкви Никеи она как бы распята посередине светящегося и источающего лучи креста (Фигура XIII) (13).

Церковь Святого Стефана в Безансоне обладает древним мраморным алтарем круглой формы, считающимся существовавшим уже с XI-го столетия (14), но некоторые археологи полагают, что алтарь намного старше, ведь, по словам Дома Леклерка, «его символизм представляет собой только соответствие древним образцам», и украшающие его доли «являются достаточно общим орнаментом, вполне характерным как для римского, так и для меровингского искусства» (15). На этом алтаре голубь находится над монограммой Христа, под которой изображен Агнец – двойная эмблема Спасителя в Его кротости и Его благосклонности. Вокруг мы читаем: “HOC PRAESTAT POPULIS CAELESTA REGNA” – «Этот знак являет народам царствие небесное» (Фигура XIV).

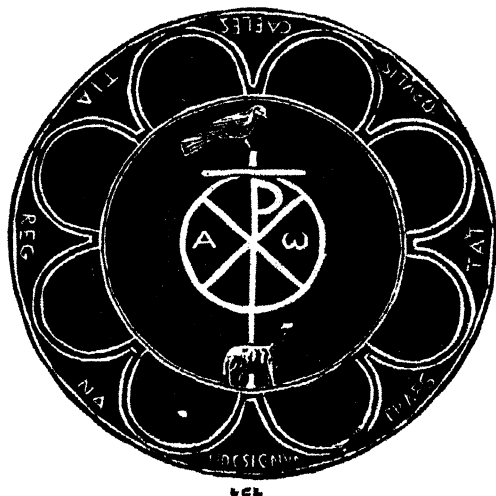

Фигура XII. – Голубь
на «преследовании» Оленя.
Нант (VI-VII вв.)

Фигура XIII. – Голубь на кресте
в изображении Этимакки.

Согласно мозаике Никейской церкви. Cf. P. DURAND, *Op. cit.* Fig. 10

Фигура XIV. – Мраморный алтарь
из Безансона

Который рано управляет и совершает рано все» (16).

Другой Бестиарий, приводимый Патером Кайе, видит в красном голубе окровавленного Иисуса и благодаря пролитию Своей крови «давшего нам жизнь и радость»:

“Li roges colombs, per reason
Senefie la Passion
On Ihu son sanc expandit
Qui vie et veie nous rendit” (17).

«Смысл красных голубей
Покоится на Страсти,
Когда Иисус пролил Свою святую кровь,
Чем даровал нам жизнь и радость» (17).

Некоторые желали видеть в «красном голубе» средневековых авторов красную галку, «граккулу», о которой говорит Плиний (18); другие думали о голубе, называемом «зарезанным», но эта птица, происходящая с Филиппинских островов, не могла никак быть известной в Средневековье французским авторам; кажется, что здесь речь идет просто о голубе-вахире, именуемом еще в Гийенне и в других французских провинциях «красным голубем» в противоположность полудикому голубю с голубятни или сизарю. Вяхирь и в самом деле обладает зобом несравненно красного цвета.

отголосков христианской древности, признавая Спасителя в образе голубя. В XII-м столетии Филипп де Тон писал:

“Li columes signefie
Jhesu le Fiz Marie;
Et nus, ses columes sumes”.

«Голубь изображает Иисуса, Сына Марии; и мы – Его маленькие голубята». И Гильом де Норманди немногим позднее выразился так:

“Cest oisel nos senefie
Jhesu qui tot en baillie,
Qui tot gouverne et qui tot fait” (16).

«Для нас же эта птица означает Иисуса, пробудившегося рано,

- (1) Cf. L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques de Carthage*, p. 72.
- (2) MARTIGNY, *Op. cit.*, p. 162. 1.
- (3) PRUDENCE, *Cathemerinon*, III, 166.
- (4) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. V, vol. I, col. 67.
- (5) Cf. *Bulletin d'Archeologie chretienne*, annee 1893, p. 136, Pl. X, № 2.
- (6) Cf. *Op. cit.*, Dom LECLERCQ, T. I, vol. II, col. 3. 009, fig. 1038.
- (7) L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques de Carthage*, p. 79.
- (8) TERTULLIEN, *Contre Valentiniens*, II.
- (9) Cf. Dom LECLERCQ, согласно J. MAURICE, *Numismatique constantinienne*, in *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. LXXXIII, col. 946, fig. 6. 540, 404.
- (10) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. II, vol. I, col. 67.
- (11) Смотреть PARENTEAU, *Catalogue raisonne de l'Exposition des Beaux-Arts*, 1872, p. 180. Pl. XI, № 3; Inventaire archeologique, p. 44, pl. XXI. О «погонях» смотреть выше – Глава XXX, Олень, XI.
- (12) Cf. E. RENOIR, in *Dictionnaire d'Archeologie chretienne et de liturgie*, T. III, vol. II, col. 1854.
- (13) Смотреть P. DURAND, *Etude sur l'Etimacia, symbole du Jugement dernier*, fig. V, VI, VIII, XII, XIX. Смотреть выше – Глава XXXVI, Слоновая кость, III.
- (14) Cf. Marc-Andre FABRE, *Les Tables d'autel du XIe siecle*.
- (15) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. II, vol. I, col. 825.
- (16) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXXI, de Colump.
- (17) CAHIER, *Melanges archeologiques*, T. III, pp. 275 etc.
- (18) PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, 46.

VI. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ДВУХ ПРИРОД ИИСУСА ХРИСТА

Представляется, что в V-м веке именно Святой Кирилл Александрийский, который в двух из своих произведений (1) стал первым говорить об этом, как считается, несколько искусственном символизме. Он его находит в двух голубях, которых жены Израиля должны были приносить в храм после их совершившегося материнства, когда проходило время их очищения (2); подобно другим матерям, такую же жертву принесла и Приснодева Мария (3).

Святой Кирилл Александрийский видит в этом жертвоприношении аллегорический образ Спасителя, Который, как и прекрасная птица, снизошел с небес. Но это еще не все: число голубей в храмовом жертвоприношении имеет для Кирилла типический смысл, и отнюдь не двух Христов, но пребывания в Нем обоих совершенных природ, коими Он обладает – божественной и человеческой (4).

- (1) Saint Cyrille D'ALEXANDRIE, *Glaphyr. in Levit.*, L. I. – *Esplan. In Luc.*, II, 24.
- (2) *Книга Левит*, Глава 12, стих 1-8.
- (3) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 2, стих 24.
- (4) F. PIPER, *De la representation symbolique du crucifiement*, in *Bulletin monumental*, 3e serie, T. VII, 1861, p. 479.

VII. ГОЛУБЬ И ЕВХАРИСТИЯ

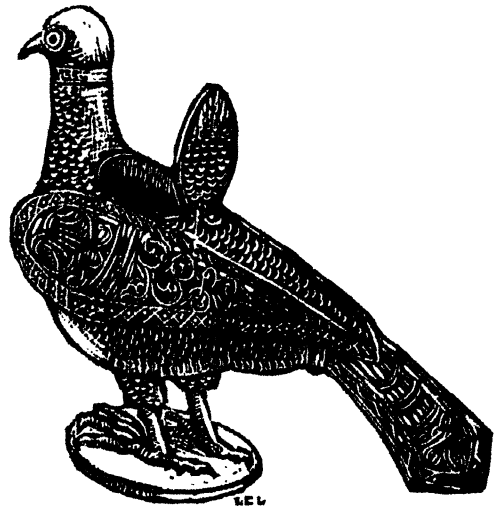
Не всегда легко, а порой и невозможно определить, каковой была истинная мысль тех, кто ваяли, писали или набрасывали эмблему голубя в религиозном искусстве; и все же повседневное исследование древнего символизма часто позволяет ухватить подлинное намерение художников тех отдаленных времен.

Мы находим, например, два различных декоративных мотива, связывающих между собой образы голубя и эмблематического винограда, являющегося одним из символов, посвященных Евхаристии. В некоторых случаях один или несколько голубей клюют виноград; в других случаях голубь несет виноград, который он держит за черенок в своем клюве и его предоставляет; именно это мы видим на одной из великолепных ламп из Кабинета древностей Франции (1). Вполне очевидно, что в первом случае голубь представляет собой христианскую душу, питающуюся евхаристическим виноградом; во втором случае – признавалась эмблема Христа, несущего и предоставляющего Самого Себя в Своей Евхаристии. Данный мотив сближают с иным, – когда голубь несет подобным же способом зерновой колос.

Могила лангобардского епископа VIII-го столетия, открытая в 1886-м году, содержала различные предметы, относящиеся к Евхаристии, среди которых голубь, несущий виноградную гроздь, и «Христос в форме рыбы в окружении двух голубей, над которыми текут потоки, выжатого виноградного сока» (2). Эта интересная находка, кажется, подтверждает сказанное мной до сих пор.

В другом месте, как я уже говорил, голубь предоставляет колос; или иногда два колоса несут в своих клювах по пшеничному зерну (3), что «являлось символом блаженной души, питавшейся небесной пшеницей» (4).

На христианских лампах первых четырех столетий, и особенно на лампах из античного Карфагена мы часто видим голубя, стоящего над чашей, перед которой преклоняются два других голубя, два агнца и две рыбы (*pisciculi*). Именно так Христос приносит Себя в жертву для верных в Своей Евхаристии. Когда, наоборот, два голубя пьют от священной чаши или застывают над ней, то это образ христиан, черпающих в таинственном сосуде укрепление и жизнь: «Если не будете есть плоть Сына человеческого и не будете пить Его

Фигура XV. – Евхаристический голубь XIII-го века. Смотреть CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 320; MALET, *Cours d'Archeologie religieuse*, T. II; *Mobilier*, p. 130, etc.

кровь, не получите жизни. Кто ест Мою плоть и пьет Мою кровь, тот во Мне живет и Я в нем» (Ин. 6, 53,56); напрашивается та же самое толкование, когда голуби несут в своих клювах по плодовой ветви винограда; оно может отличаться, если один из голубей несет в своем клюве виноградную ягоду.

Намного позже в Средневековье сам евхаристический сосуд получил форму голубя: его помещали в некое подобие тканевого шатра (*tabernaculum*), подвешенного на завитке епископского посоха над алтарем вместо современной дарохранительницы в форме короба. Освященный таким образом, голубь утверждался в качестве литургического символа Евхаристии, Христа, таинственно живущего в Евхаристии (Фигура XV).

Восточные обряды сохранили использование евхаристического голубя так, как мы это видим в греко-католической церкви Святого Юлиана Бедного в Париже.

(1) Cf. G. DU TOURET, in *Revue archeologique*, T. IV, 1884, p. 109.

(2) Смотреть Ed. LE BLANT, *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions*. – Séance du 14 mai 1886.

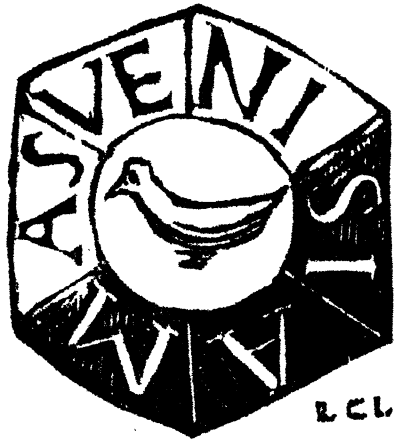
(3) Cf. DE BOISSIEU, *Inscriptions de Lyon*, p. 581.

(4) MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquites chretiennes*, p. 163.

VIII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ЛЮБВИ ХРИСТОВОЙ

Птица, посвященная богине Венере, будучи символом человеческой любви у древних народов, голубь сохранил аналогичный характер пернатого любви для высшей христианской эмблематики. И должно ли нам признать за клюющими друг друга голубями на катакомбных фресках то же самое эмблематическое значение, выраженное более таинственно и осторожно, что и смысл изображений поцелуя Эроса с Психеей, благодаря чему мы уверены в том, что первое христианское искусство желало олицетворить нежнейшую любовь Христа к любящей и верной душе? (1)

Представляется даже, что можно увидеть Спасителя и Его дух любви на свинцовой булле (печати) римской эпохи, вокруг которой написано: "SI AMAS VENI" – «Если любите – придите» (Фигура XVI) (2). Этот символизм преодолел многие столетия в незаметном полусне, чтобы пробудиться в XIX-м веке в лице производства жалостливых картинок, названных, по словам Гюисманса, «благочестивыми» и «елейно-благочестивыми».

Фигура XVI. – Голубь на свинцовой булле (печати). Первые христианские столетия

В начале той же самой эпохи один анонимный автор удачнее, нежели граверы «благочестивых картинок», сделался толкователем оживления благосклонности, которой пользовался голубь в качестве эмблемы любви Иисуса Христа. Описывая видение, в котором открытое Сердце Господа являлось средоточием, он выражался следующим образом: «Сквозь (Сердечную) рану я заметил белее, чем снег, голубя, имевшего там свое дорогое прибежище и источавшего посредством биения своих крыл исходящие от сердца тысячи огней любви, превращавшихся в языки пламени... Взгляните на это Сердце, обращались ко мне мои проводники, это жилище Любви, от сего Сердца она истекает и распространяется над верными возлюбленными» (3)..

Известна тонкая нить, соединяющая с самых древних времен символизм любви с символизмом огня. По этому поводу я не останавливаюсь на присутствии голубя на значительном количестве христианских ламп первых столетий (4), но я полагаю своевременным напомнить, что мистика Средневековья делала сближения между любовью Бога и Христа к человеку, с одной стороны, и, с другой стороны – новым огнем, зажигаемым и благословляемым понтификом на литургической службе Великой Субботы; итак, античная легенда сообщала, что в первые времена Церкви это был чудесный голубь, который в главный храм Иерусалима приносил в каждый канун Пасхи новый огонь. И благой Вильгельм де Норманди говорит нам об этом на языке XIII-го столетия:

“Iadis chascun au soleit l’en
En la cit Ierusalem,
La veille de Pasque, veir
Un colump blanc venir, por veir,
Qui aportout le feu nouvel” (5).

«Когда-то, исходя от солнца,
В твердыню Иерусалима
И накануне каждой Пасхи
Белейший голубь прилетал –
С собою приносил он пламя обновления» (5).

В этой роли голубь являлся для земли посланником, доставлявшим всякий раз огонь божественной любви и духовный свет.

- (1) У Римлян гаруспики консультировали в предзнаменованиях любви по трепещущему легкому, принесенного в жертву голубя (Cf. JUVENAL, *Satire* VI, 550 – Ювенал, *Сатира* 6).
- (2) Смотреть MACARIUS, *Hagioglypta*, p. 239.
- (3) X... *La Vision de l'amour divin*, Amiens, Caron-Vitet, 1828, p. 74.
- (4) Тогда даже производились лампы в форме голубей. Смотреть лампу подобного вида у Fortunio LUCETI, *De antiq. lucern.*, L. VI, 50.
- (5) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXXIV. De Colump. Edition Hippeau, p. 282.

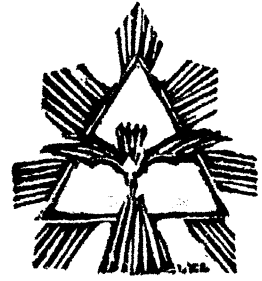
IX. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ

Некоторые мистики Средневековья брали белого голубя в качестве образа божественной Сущности без различия Ипостаси – одновременно единой и троиственной.

Этот символизм, впрочем, редко использовавшийся и довольно мало известный в наши дни, представит в совершенном согласии с рассказом о знаменитом видении Святой Франциски Римской: «20 января 1432 года ему было показано Божество прежде существования всякого творения. В воздушной пустоте он видел огромную и сияющую окружность, которая поддерживала сама себя и которая обладала в своем средоточии белейшим голубем. Благодаря этому голубю, служившему ей зеркалом, она смогла сразу прочесть в окружности данную надпись: Начало без начала и конец без конца, растолковав ее так: Бог всегда обладал в Своей мысли всеми вещами прежде их сотворения, и затем Он пожелал их создать для проявления Своей Премудрости» (1).

Представляется, что скорее к этой концепции, нежели к эмблематике Святого Духа, относятся образы голубя, находящиеся или не находящиеся в средоточии славы, но увенчанные треугольным нимбом или даже вписанные в обрамление

тринитарного треугольника. Два данных расположения чаще всего встречаются в религиозном искусстве средиземноморских стран, чем иных мест. Христианская иконография последних столетий северного Прованса, Ломбардии и Венето, кажется, не сохранила эту иконографическую тему: хотя официальное клеймо французской конгрегации Миссионеров Святого Духа для Африки, основанной в 1703 году (2), имеет голубя, парящего посередине лучезарного треугольника, где птица может символизировать только Святой Дух (Фигура XVII) (3). На одном из предметов древнего искусства это было скорее эмблемой божественной Сущности: таким предстает голубь горской часовни XVI-го века из области Фрежюс (Фигура XVIII).

Фигура XVII. – Голубь
на клейме
конгрегации отцов
Святого Духа
для Африки

Фигура XVIII. – Картина
XVI-го столетия
в часовне области
Фрежюс

(1) SCARPINI, *Fioretti spirituali di S. Francesca Romana*; traduction de G. GANDROY, S. J., *L'Ontologie du Vedanta*, p. 68.

(2) Это клеймо довольно позднее.

(3) Cf. D'ARLOT DE SAINT SAUD, *Armorial des Prelats francais du XIXe siècle*, pp. 285-294.

Х. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

Иногда, но очень редко, голубь аллегорически обозначал Приснодеву Марию по причине сближений, которые делает Песнь Песней между этой птицей и избранной Женой среди всех других женщин; и также из-за характера эмблемы совершенной чистоты, благодаря чему голубь в действительности является образом, удовлетворяющим Ту, Кого Византийцы называют *Панагией* (*Panhagia*), «Всесвятой», а вселенская Церковь восхваляет как *Непорочную*. В данной роли голубь почти всегда изображался так, что ему было невозможно сообщить иное значение.

Однако позволительно спросить, не могли ли некоторые средневековые изображения марианского голубя оказаться под подозрением в гетеродоксии по взгляду католической веры?

Я уже неоднократно, дабы оставаться искренним и более завершенным, сделать аллюзию на малоизвестные мистические и тайные сообщества Средневековья, как, например, *Fede Santa* (*Святая Вера*), в котором Данте, кажется, являлся одним из руководителей, и представлявшем из себя «нечто вроде третьего ордена тамплиерской преемственности» (1); отдельные среди этих сообществ совершенно согласовывались с самой строгой ортодоксией, обладая сами по себе вековыми и странно тревожащими тайнами; подобный случай с *Внутренней Звездой* (*l'Estoile Interne*), никогда не насчитывавшей больше двенадцати членов и существующей еще вместе с подлинными манускриптами XV-го века своих основополагающих документов и мистического учения. Другие более распространенные сообщества как *Агла*, наоборот, опирались на еврейскую Каббалу (2), превосходя рамку католической догмы и входя в полный рост в область верований, осуждаемых Римской церковью.

В некоторых из этих сообществ было принято полное отождествление между Ипостасью Святого Духа и Личностью Приснодевы Марии.

Данное мнение основывалось на особом толковании фрагмента из Книги Бытия, в котором выражалось следующее: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его. Мужчину и женщину сотворил их» (3).

Итак, говорили наставники этой школы, человек сотворен, как «мужское и женское», будучи образом Божиим; значит, в Боге существуют начала мужское и женское. И поскольку божественная женственность не могла быть ни Отцом, ни Сыном, постольку она являлась Духом. И разыскивая присутствие и действие этой женственности на земле, они полагали, что Святой Дух воистину воплотился в человеческое тело Марии в момент Благовещения, и что последняя, обожествившись в своем человеческом элементе, стала матерью Сына от Отца в миг, когда «Сила Всевышнего» (то есть Отца) «осенила ее своей тенью». Согласно этой теории, Иисус был плодом полного Божества в Его двух аспектах – мужском и женском.

С первых времен христианства уже обнаруживалась в определенных гностических сектах эта концепция, представляющая Святой Дух как женское начало (4), а Приснодеву как одну из Его земных проявлений. Мы находим

эту теологическую тему недвусмысленно выраженной в апокрифе Евангелия от Евреев; говоря об искушении Иисуса в пустыне, древнее произведение заставляет говорить Спасителя: «... Моя Матерь, Каковая есть Святой Дух, Меня восхитила за Мои волосы, перенесла Меня из пустыни на высокую гору Фавор» (5).

Эта концепция, нашедшая веру у Альбигойцев и признававшаяся среди некоторых гетеродоксальных сообществ Италии, еще и сегодня имеет своих сторонников; и хотя католик должен ее отвергать, иконограф обладает абсолютным правом исследовать черты, которые она могла оставить в произведениях христианского искусства на протяжении столетий.

Фигура XIX. – Деревянное панно, написанное в XVI-м веке и происходящее из Фонтевро (Maine-et-Loire): 8. 32 X 0. 24

И в самом деле, некоторые голуби Святого Духа из этих эпох настолько преувеличены в своей стилизации, что птица уже не владеет своим естественным видом, приближается странным образом к форме начальной буквы имени Марии – М. Таков голубь, изображенный на маленьком деревянном панно XVI-го века из пресвитерия Фонтевро (Fontevrault; Мэн-э-Луар) (Фигура XIX) (6). Я не думаю, что эта небольшая картина французского изготовления; вид ее голубя, окруженного излучением оранжевого цвета, не позволяет ли нам отнести ее скорее к испанскому искусству, хотя она, наверно, и происходит из Фонтевро?

Отдельные витражи Средневековья изображают голубей, приближенных к тому же самому типу (7).

- (1) R. GUENON, *L'Esoterisme de Dante*, p. 8; *Le langage secret de Dante et des Fideles d'Amour*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXIV, 1929, согласно L. VALLI, *El linguaggio segreto di Dante e dei Fideli d'Amore*.
- (2) Каждая буква слова *Agla* является инициалом слова, всякой формы и одной из графических эмблем Христа. Позже мы сможем это объяснить.

- (3) Книга Бытия, Глава 1, стих 27 (французский перевод – CRAMPON, *La Sainte Bible*, p. 2).
- (4) Cf. GODARD, *Le Messianisme*, p. 102.
- (5) Согласно ORIGENE, *In Joan.*, II, 12.
- (6) А. М. l'Abbe Deschamps, cure de Vezeres (Vienne), 1905 (согласно аббату Дешану, кюре из Везье (Вьенн), 1905 год).
- (7) Смотреть L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 103.

ХІ. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА АПОСТОЛОВ И ВЕРНОЙ ДУШИ

Искусство, которое следует сразу за Константиновым миром, часто изображало двенадцатью голубями Апостолов Господа; на одной из сторон блюд с алтаря храма Святого Виктора в Марселе голуби, по шесть в каждом ряду, устремляются к константиновской монограмме Христа (1).

Святой Павлин Ноланский нам сообщает, что в его епископском городе крест был окружен двенадцатью голубями, в которых должно видеть Апостолов:

“Qui coronae sunt Apostoli

Quorum figura est in columbarum choro” (2).

На большой мозаике церкви Святого Климента в Риме крест с изображением тела Иисуса усыпан двенадцатью голубями, в значении которых не стоит сомневаться (3).

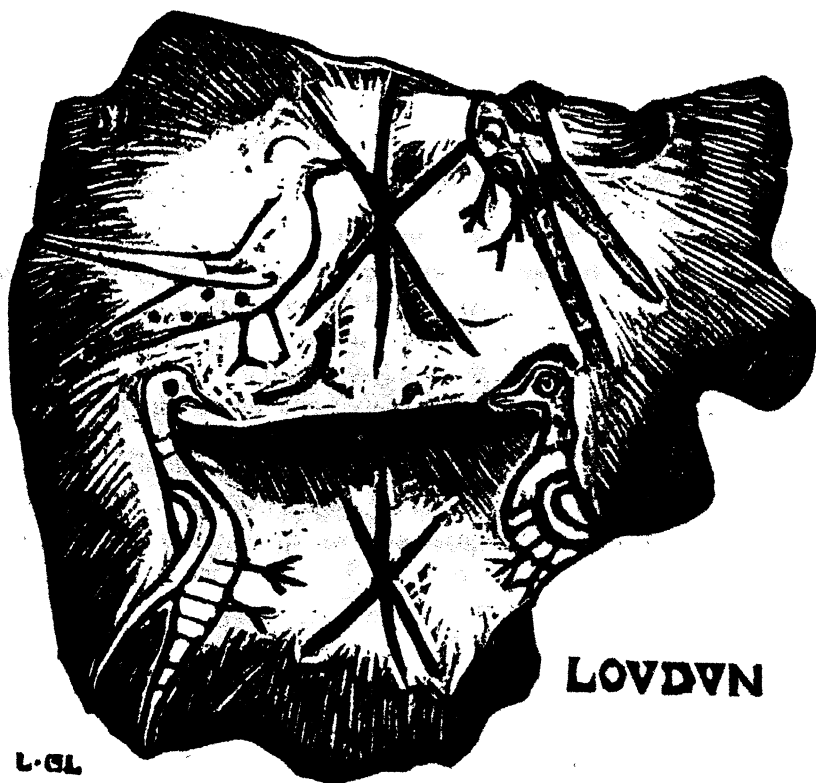
Очень часто голубь обозначает верную душу в христианском искусстве всех времен: изначально ее мы видим в голубиной голове, окруженной нимбом святости (Фигура XX) или хорошо преклоняющейся с любой из сторон перед священной монограммой Иисуса Христа, либо перед одной из Его бесспорных эмблем, либо даже отдыхающей по обоим сторонам креста (Фигура XXI).

В Средневековье духовным наставникам нравились замысловатые и сложные сравнения между различными частями тела голубя и качествами святой души: в XII-м столетии Гуго де Санкт-Виктор, например, видит в обоих крыльях птицы любовь к Богу и любовь к ближнему, возвышающие души; глаза голубя, цвет его оперения и его лап, одинаково являлись мотивом наиболее утонченных, нежели оправданных аллегорий, но анагогических в высшей степени, то есть присущих для обращения человеческого духа к Богу... И это было единственной целью, преследуемой всякой зоологической мистикой Средневековья, где вымышленное, странное и чудовищное непрестанно соседствовало с естественным, с наиболее наивным и наиболее простым.

Сам смысл ориентирования, избираемого направления, делающего голубя лучшим пернатым гонцом для человека, применялся наставниками католической духовности в символике душ: они считали, что поскольку голуби

Фигура XX. – Голубь с нимбом. Согласно DE ROSSI, *Inscript. christ.* T. I, p. 155; T. II, p. 313

Фигура XXI. – Голуби, изображения верных, почитающих монограмму "Iesus-Christ", I на X. Резьба ножом по известняку, найденному в центре кремации. Первые христианские века. Оригинал находится в кабинете автора; слепок этого артефакта, несущего на своей другой лицевой стороне изображение Орфея был выполнен Национальным музеем Сен-Жермен-ан-Лэ (Saint-Germain-en-Laye)

находят сами, на какое расстояние они бы не переносились, обратный путь к своей голубятне, постольку христиане обязаны не терять из вида смысл своего направления, долженствующего их ориентировать и приводить к своей голубятне, являющейся Римской Церковью, если вследствие какой-то причины они от нее слишком удалились.

- (1) Гравюра согласно Comte GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chretien*, T. II, p. 67.
- (2) Saint PAULIN DE NOLE, *Epist.* XXXII, in MIGNE, *Patrol. lat.*, LXI, 336.
- (3) Смотреть BOTTARI, *Sculture e pitture di Roma*, L. 118.
- (4) Cf. Dom L. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, Vbo Colombe.

ХII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА ЦЕРКВИ

Самые древние тексты сравнивают Церковь с голубицей, поскольку последняя является эмблемой чистоты и супружеской верности (1). «Как голубица, – говорил в IV-м столетии Святой Киприан Карфагенский, – Невеста Христова искажена быть не может: она чиста и нерастленна, знает один дом и целомудренно хранит святость единого ложа. Она блюдет нас для Бога, уготовляет для царства рожденных Ею» (2).

Соглашаясь со всеми Отцами и учеными католическими писателями, Гуго де Санкт-Виктор видит в голубице с красными лапами образ Церкви, которая в первые столетия своего существования держалась стоя на красных ногах от крови своих мучеников (3). Та же самая тема обнаруживается в XIII-м веке в писаниях аббатисы Геррады (Herrade) из Ландсберга (4).

Для других один Христос является истинным божественным голубем, призывающим в Свою голубятню, то есть «в Святую Церковь», обычных голубей, предстающих душами или народами христианства. Средневековая версия, приводимая ученым аббатом Ж. Корбле, гласит буквально: “*cascum ior nos assemble en son colombier, (c’est toi, sainte Yglise), les divers nations*” – «каждый день нас собираешь в своей голубятне, (это ты, святая Церковь!), различные народы» (5).

- (1) Тот же самый символизм у Элиана – ELIEN, *De animalibus*, L. III, c. XLIV; и у Горapolloна – HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, L. II, 30.
- (2) Saint CYPRIEN, *De cath. Ecclesiae unitate*, VI – Библиотека творений св. отцов и учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии. Творения Священномученика Киприана Епископа Карфагенского, типография Г. Т. Корчак-Новицкого, Киев, 1879 г., Часть 1, *О единстве Церкви (De Unitate)*, с. 170-193.
- (3) Hugues DE SAINT-VICTOR, *Op. cit.*
- (4) HERRADE DE LANDSBERG, *Hortus deliciarum*, ap. DIDRON, *Iconographie chretienne*, p. 405.
- (5) I. CORBLET, in *Revue d’Art chretien*, anno 1898, p. 393.

ХIII. ГОЛУБЬ, ЭМБЛЕМА РАЗНООБРАЗНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Христианские символисты соглашались с символистами, жившими прежде нашей эры, чтобы сделать из голубя эмблему определенных добродетелей: сначала *Кротости*, смиренной кротости, по причине приятного монотонного и печального голубиного воркования. Древние даже полагали, что эта птица не обладает желчью. В своем *Саду Здоровья* Иоанн де Кюба повторяет это утверждение: «Голубь, – говорит он, ссылаясь на слова Беды Достопочтенного, – не имеет совсем желчи. И все же Аристотель считает,

ЛСЛ

Фигура XXII. – Голубь из книги *Hortus Sanitatis* (Сад Здоровья) Иоанна де Кюба, глава XXXVII; издание Филиппа Ле Нуара от 1539 года

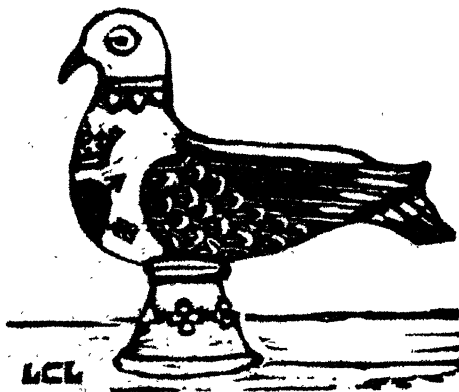
одного из самых совершенных образов *Невинности*.

Наконец после *Книги Пророка Осии* (4), Спаситель освятил голубя как символ Простоты: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф., Глава 10, стих 16). Тертуллиан комментировал этот текст в отношении гностиков Валентиниан (5); и в монашеском символизме всех времен именно простота сердца и духа, идущая от искренности, порядочности и верности, связывалась по-особенному с голубем, как эмблемой добродетели.

Разве не говорилось, что автор *Внутреннего Утешения* – первого

что у него есть желчь, но не там, где она находится у других зверей: она у него есть внутри малой кишки» (1). Хорошенько это отметим! (Фигура XXII). Впрочем, Средневековые сблизило пресловутую кротость голубя с кротостью Того, Кто мог сказать о Себе Самом в следующих определениях: «Я кроток и смирен сердцем»; и Кого Церковь умоляет в выражении: “*Jesus mitis et humilis corde, miserere nobis*” (2).

Одинаково голубь являлся одной из типических эмблем Чистоты, поскольку он среди птиц – один из образцов супружеской верности (Фигура XXIII): не подтверждает ли Гораполлон, что «голуби предают смерти тех их них, кто становится на путь супружеской неверности» (3). Особенно белая голубица, наравне с горлицей, была избрана в качестве

ЛСЛ

Фигура XXIII. – Голубь из многоцветного фаянса для верхушки голубятни; XVIII-е столетие. Профанический символ супружеской любви: птица несет на своей груди изображение сердца, пробитого двумя стрелами

французского названия подражания Иисусу Христу – размышлял о крыльях символического голубя, когда писал: «Человек обладает двумя крыльями, благодаря которым он поднимается к Богу и оставляет мир: это познание простоты и чистоты. Простота пребывает в намерении, а чистота в привязанности. Простота стремится к Богу: это познание того, что творится только ради любви к Богу, по крайней мере, в основном. Чистота вкушает и познает Бога» (6).

-
- (1) Jehan DE CUBA, *Hortus Sanitatis*, edition de 1539, IIe Part., *Des Oyseaulx*, XXII.
 (2) *Litanies du Saint Nom de Jesus*.
 (3) HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, Lib. II, 30.
 (4) *Книга Пророка Осии*, Глава 7, стих 11.
 (5) TERTULLIEN, *Contre les Valentiniens*, II.
 (6) *L'Internelle Consolacion*, текст первой половины XV-го столетия. Edition L. Moland et Ch. D'Hericaux, 1856, p. 12.

XIV. СИМВОЛИЧЕСКИЕ АНТИТЕЗЫ ГОЛУБЯ: ВОРОН, ВОРОБЕЙ

Ворон. – В библейском рассказе о потопе (1) и в христианской символике по своему цвету и по своему характеру ворон должен быть самой известной антитезой голубя и горлицы.

Древние произведения христианского искусства нам часто показывают голубя, возвращающегося на Ноев Ковчег, и ворона, улетающего от него. Дом Леклерк отмечает в этом плане несколько примеров из артефактов первых христианских столетий (2), и, подобно многочисленным расцвеченным миниатюрами манускриптам, иллюстрированные Библии, начиная с XVI-го столетия, не забывают изредка изображать побег ворона, который уж не вернется на ковчег.

В аскетической литературе ворон представляет собой самого демона. Наставники христианской духовности, наподобие Августина (3), интерпретировали его крик, *vox corvina*, звукоподражанием: «*Kap-kap!*», “*cras*”, латинским словом, означающим «завтра». Из-за этого карканья птица бралась в качестве нерадивого грешника, который откладывает назавтра свое обращение и окончательно угасает в завершительной нераскаянности. Другие учителя делали из ворона образ язычника, неверного, вероотступника, нечестивца, поскольку он питается нечистым мясом (4).

Зато бенедиктинский символизм, опираясь на *Золотую легенду*, сделал из ворона атрибут Святого Венедикта Нурсийского и образ его монахов, тогда как голубица обозначает здесь его сестру – Святую Схоластику и монахинь-бенедиктинок: всякая медаль имеет свою хорошую сторону.

Все вороновые, бесспорно, должны быть отнесены к наиболее сообразительным птицам Европы; вероятно, поэтому Древние связывали их с трудами предсказания: в Германии почитатели Вотана-Одина посвящали воронов этому богу, и двое из них, называвшиеся Хугин, то есть «мысль», и Муниин,

«память», всегда его сопровождали, даруя ему знание всех вещей сего мира (5).

Воробей. – Но никак не ворон, но воробей противопоставлялся символикой Средневековья голубю, рассматриваемому в качестве эмблемы Целомудрия; равно мы видим эту олицетворенную добродетель в юной женщине, сидящей верхом на единороге и держащей в руке либо цветок лилии, либо голубя. Сладострастие, наоборот, едет верхом на козе или козле, неся на плече или на руке воробья. Таким мы его обнаруживаем на Часослове конца XV-го столетия Маргариты Орлеанской, графини Ангюлемской; кажется, миниатюрист Симон Мармион изобразил на нем пылкого юноши, оседлавшего белую козу и держащего в руке воробья.

Вверху слово: *Luxur... Вожделение...* (Фигура XXIV).

Позднее в XVI-м столетии Гольтциус (Goltzius), выгравировав «Вожделение», придал ему женский образ, сопровождал козлом и вложив в руку воробья, которого удостоили этой символической роли его игрища совокупления.

Греки и Римляне задолго до нашей эры признали сластолюбивый характер воробья (2), и благочестивый комментатор Катулл кардинал Политианус его отмечал, когда говорил о Лесбийском воробье (3).

На побережьях Средиземноморья воробей был связан с символизмом смерти: цикада поет в апельсиновой роще, в виноградных розах и олеандрах; воробей, направляемый ее песнью, прилетает к ней и убивает ее.

В нашем народном западном символизме воробей обозначает маленького мародера, мародера садов, где он уничтожает или повреждает плоды и опустошает посевы; равно и мародера голубятен: там он беззастенчиво разграбляет пищу голубей. Древние Египтяне уже заклеили эту птицу как грабителя семян на птичьих дворах и в полях (4).

Фигура XXIV. – Воробей, эмблема вожделения на Часослове Маргариты Орлеанской; XV-е столетие

(1) Cf. TONNELAT, *Mythologie germanique*, in *Mythologie generale* de Guirand, p. 226-227 – Paris-Larousse, s. d. (1935).

(2) Смотреть Н. ROUX, *Herculanum et Pompei*, T. VIII, p. 215.

(3) Card. Ang. POLITIANUS, in *Catull, Carm.*, 2, 3.

(4) Cf. CHAMPOLLION, *Grammaire egyptienne*, XII, p. 383.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ГОРЛИЦА

ГОРЛИЦА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИМВОЛИКЕ

Большая часть древних христианских символистов отдавали горлице те же самые символические роли, что и голубю; и на древних скульптурных, гравированных или живописных артефактах почти всегда невозможно отличить одну от другой из этих двух птиц. Некоторые авторы, тем не менее, их отчетливо отделяли друг от друга; Вильгельм Нормандец, например, посвящает в своем Бестиарии две главы: одну голубю (1); другую – горлице (2), называемой им *la Torte*, *la Tuerte* и *Tuertrele*; не сближая эту птицу прямо с Иисусом Христом, делает ее эмблемой Церкви в отношениях со своим божественным Супругом. Основываясь на нескольких более древних священных писателях (3), составивший свой Бестиарий в первой половине XIII-го века Вильгельм Нормандец выразился следующим образом:

“*La Tuerte, qui bien i esgarde,
Qui si bien sa chaste garde,
Si denefie sainte Iglise;
Et vos dirai par quelle devise:
Quand sainte Iglise vit lier,
Batre, pener, crusefier
Jhesu Crist, son feal espous,
Moult en out le cuer angoisou.
Toz jorz s’est prit a lui tenue;
Tot ades atent sa venue;
Toz jorz le creit, toz jorz l’espeire;
Ne se veut o autre contraire (4)
A lui est tot son desirier,
D’autre ne veut acompagnier;
Toz jorz se tient a son parel,
Jhesu Crist, son leal feel*”.

С великолепным видом горлица,
 Хранящая столь верно целомудрие свое,
 Святую церковь тем обозначает;
 Я вам скажу, прибегнувши к девизу:
 Когда увидела Святая Церковь
 Христа Иисуса, супруга дорогого своего, опутанным,
 Страдавшим, избивавшимся, распятым,
 То многих привлекла к Нему своим разбитым сердцем;
 С тех пор она, содействием Супруга заручившись,
 Уж вскоре ждет пришествие Его;
 И верует в Него и непрестанно уповает на Него;
 И не желает иного противоположного (4),
 Лишь на Христа ее направлено стремление,
 Сопровождать другого не желает;
 И только своему законному Супругу,
 Христу Иисусу, всегда доверена она».

Итак, горлица, по мнению древних натуралистов, больше не спаривается после своего первого вдовства; и эта птица, которую Греки посвящали Деметре, а Латиняне Церере, способна, столь же совершенно, как и голубь, символизировать Целомудрие в христианской Символике, будь это celibат, супружеская жизнь или вдовство. Святой Кирилл воспел ее целостную чистоту в небольшой поэме, где он отмечает, в соответствии с Элианом (5), цельность нравов одной из разновидностей горлицы – *Порфириона*, обладающего столь великим ужасом перед адюльтером, что он остается умирать от голода, если станет невольным свидетелем этого явления.

Вот почему среди других Святой Амвросий Медиоланский ставит горлицу в пример женщинам, в особенности вдовам. В XV-м столетии Иоанн де Кюба, опираясь на знаменитого Медиоланского (Миланского) епископа, выражался следующим образом: «Горлица очень целомудренная птица, которая, если лишена общества своей собственной подруги, уже не желает видеть подруги в другой горлице... Итак, познайте, жены, какова милость вдовства, столь восхваляемого у птиц. Горлица не может изменить своей первой вере: ведь когда умирает ее первая подруга, она сознательно сохраняет свое целомудрие» (6).

Благодаря этой чистоте горлица соответствует настолько, насколько и голубь, обозначению «Всесвятой» Приснодевы, Панагии Византийцев: равно и Святой Амвросий Медиоланский рассматривает эту птицу как эмблему беспорочного порождения. Мы хорошо замечаем в Библии, что горлица была предпочтительней голубя в древнееврейской литургии для

жертвоприношения, сопровождавшего очищение родителей после рождения детей. И мы видим в Евангелии, что Приснодева Мария подчинилась сему правилу во время представления Иисуса в храме (7).

Некоторые авторы также предпочитают горлицу голубю в качестве эмблемы Кротости, ибо в естественном состоянии она обладает в более полном смысле, нежели голуби, этой достойной добродетелью.

Но одному голубю достается честь обозначения Святого Духа.

Эмблематические антитезы горлицы являются тождественными с эмблематическими антитезами голубя: это ворон и воробей.

(1) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXXIV, *De Colump*.

(2) *Ibid.*, XXXI, *De la Torte*.

(3) На Святого Василия Великого, *Шестоднев*; Святого Григория Назианзина (Богослова), *Советы девственникам*; Святого Амвросия Медиоланского, *Шестоднев*; Святого Августина, *Град Божий*, XVI и пр.

(4) Противоположный, contraire от латинского *contrahere (nuptias)* – соединяться в браке.

(5) ELIEN, *Histoire des Animaux*.

(6) Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*. Edition française de Ph. Le Noir, 1539, IIe Part. *Des Oyseaulx*, с. VIII.

(7) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 2, стих 24.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ВОРОНА

I. ВОРОНА В ПРИРОДЕ И У ДРЕВНИХ

Вороны являются маленькими птицами семейства врановых и подразделяются на две ветви: сначала черная ворона или галка (*corvus monedula* Линнея); она обыкновенна для Франции и всего старого света, где она обитает на колокольнях, башнях и в разрушенных замках. Затем идет ворона, отличающаяся по цвету спины от остального тела (*corvus cornix* Линнея), у которой шея, тыльная часть и грудь серо-пепельные, а остальное тело черное, покрывающееся с возрастом металлическими блестками; малоизвестная во Франции, она большими стадами встречается в северных и восточных частях Европы, в Малой Азии и в бассейне Нила.

Вороны наиболее разумные и наиболее общительные в семействе врановых.

Греки и Римляне использовали ворону в качестве эмблемы долгожительства: Аристофан полагает, что она живет пять человеческих жизней (1); Гораций говорит о «столетней вороне, объявляющей дождь» (2); и Авзоний утверждает, будто эта птица «существует трижды по три века» (3). Эти авторы преувеличивали, хотя ворона сильна и долго живет.

В прошлом Греки и Римляне рассматривали ворона, как птицу доброго предзнаменования, а ворону – как худого прорицания (4).

Тем не менее, Геродот, противореча этому мнению, рассказывает, как однажды два черных голубя вылетели из египетских Фив: один устремился в Ливию, а другой поспешил остановиться в Додоне в Эпире, где этот черный голубь повелел человеческим языком Додонейцам воздвигнуть храм, в котором великий Зевс совершал бы свои прорицания. Геродот видит в этих черных птицах двух египетских жриц с бронзовым цветом лица. Но поскольку культ Зевса не существовал в фиванской области долины Нила, постольку некоторые комментаторы полагают, что под черными голубями следует разумеать ворон.

(1) ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*, VI. – HORAPPOLON, *Hieroglyph.*, II-40.

(2) HORACE, *Odes*, Liv. III, XVII a AELIUS Lamiae.

(3) AUSONE, *Idylles*, XI.

(4) Cf. PHEDRE, *Les Fables*, Liv. III, fabl. 18e, *Le paon se plaint a Junon* (Федр, *Басни*, *Павлин жалуется Юноне*).

II. ВОРОНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Древние восхваляли целомудрие вороны, которая, наравне с голубем, остается верной своему супругу, как в течение его жизни, так и после его смерти (1). Армянский бестиарий, переведенный и опубликованный Патером Ш. Кайе (2), нам сообщает, что существует одна разновидность врановых, подобная голубю в том, что если оказывается во вдовстве, то затем пребывает верной своей первой любви. Вот почему мы можем увидеть, как мне представляется, на гербе благородного венгерского дома Хуньяди (Hunyadi), откуда происходят короли Сигизмунд и Матвей Корвин, скорее ворону, нежели ворона, поскольку этот герб соответствует истории короля Сигизмунда и Елизаветы де Морзины (de Morzina), о чем рассказывает фреска замка Вайдахуньяд, на которой врановая птица держит в своем клюве обручальное кольцо (Фигура I) (3). Это мнение может быть опровергнуто лишь историческим доказательством, удостоверенном в обратном, но существует ли оно в арканах знаний венгерской истории?

Не стоит удивляться, что христианская Символика в Малой Азии и на Ближнем Востоке иногда связывала с вороной тот же самый смысл, которым в странах Запада обладали голубь и горлица, относящийся к любви и взаимной верности Христа и Церкви. Иные по-особенному превозносят любовь и материнскую преданность вороны – и это большее для нее звание.

Ворона одинаково обозначала Приснодеву Марию, в которой Церковь признает Возлюбленную Песни Песней, воспевавшей для дев Израиля: «Дщери Иерусалимские! черная, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня (4): сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, – моего собственного виноградника я не стерегла. Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?»; и под этим солнцем, как считают древние мистики, должно разуметь солнце любви, обнимающее очень святые души и испепеляющее в них малейшие тернии.

Фигура I. – Ворона на гербе Хуньяди из Венгрии. Скульптура замка Вайдахуньяд, XV-й век.
Cf. Et. MOELLER, *Op. cit.*

Латинская литургия осватила этот символизм, применив к Приснодеве антифон *Nigra sum sed formosa*, в одной из своих самых торжественных молитв (5).

Мистики некогда применяли (6) тот же самый библейский текст к Церкви, что доказывает фрагмент из Поисков Святого Грааля, произведения, дошедшего от XIII-го столетия: «В черной птице... должно ясно разуместь Святую Церковь, сказавшую: Я черна, но красива; знайте, что лучше видеть мою черноту, нежели холодную белизну другой».

Для символистов очень древнего христианства Ближнего Востока и Египта была вдохновенной птицей, на которую с неба сходил импульс, наделявший ее таинственными знаниями. Верная и целомудренная птица любви, она обозначала для них Христову любовь к святой душе, как и ц Церкви. Так эрудит и основоположник Музея Святого Людовика Карфагенского патер Луи Делаттр, оказавший мне честь заинтересоваться моими скромными исследованиями (7), писал мне следующее: «Я определенно придерживаюсь того, что в вороне, весьма отличающейся от повсеместно плохо выглядевшего ворона, необходимо видеть странного черного голубя древнего христианского Востока; я полагаю, что она входила в этом регионе в число символов Нашего Господа, ведь ее там использовали, чтобы узнать благодаря некоей интуиции небесного происхождения состояние сознания всякого из людей и их секретные замыслы. Не стоит удивляться символическим особенностям, и в наши дни внушающих отвращение на Западе, но нисколько не шокировавших восточных людей прошлого...» (8).

В некоторых французских провинциях ворона-галка носит имя «Монашки», поскольку обязана своим предпочтением полагать жилище на колокольнях, ежедневно пробуждаясь, наравне с монахинями, со звоном колоколов, оповещающих об утренней Службе (9).

Белые вороны, являющиеся лишь единичными случаями альбинизма, в свое время пользовались большим почитанием. Древние птицеловы пытались вызвать данный феномен, погружая маленьких воронят в специальную жидкость перед тем, как у них отрастали перья: обычно птенцы умирали от этих преждевременных купаний.

Ворона не носит мистического смысла в дворянской Геральдике: здесь она в основном изображает язычника черной или коричневой расы, мавра или сарацина. Вюльсон де ла Коломбьер делает замечание об этом по отношению к гербу рода Козкеры (Cozquerou) из Бретани (Фигура II) (10).

Фигура II. – Герб рода Козкеры: на золотом (по-другому серебряном) геральдическом поле черная ворона, хорошо сложенная и с кормом в клюве; ее грудь пронзена на вылет красным копьём, расположенным по диагонали

- (1) HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, II, 32.
- (2) R. P. Ch. CAHIER, S. J., *Nouveaux Melanges archeologique*, T. IV, 1874.
- (3) Смотреть Et. MOELLER, *Les Monuments de l'Architecture hongrois*, pp. 23-31.
- (4) *Песнь Песней Соломона*, Глава 1, стих 4, 5, 6.
- (5) *Breviaire romain*. – *Office de Saint Vierge Marie*, ant. des Vepres, II (Римский служебник, Служба Святой Деве Марии, предшествующая Вечерне, II).
- (6) *La Queste del sainte Graal*. Edit. Alb. Pauphilet, p. 185.
- (7) Смотреть L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques*, Carthage, pp. 33, 57, 63 etc.
- (8) *Ibid.*, *Lettre a l'auteur*, 25 janvier 1931 – Там же. *Письмо автору* от 25 января 1931 года.
- (9) Cf. P. CONIL, *Encyclopedie*, T. I, p. 497.
- (10) LA COLOMBIERE, *La Science heroique*, ed. de 1669, p. 368, № 89.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ПЕРЕПЕЛ И ПАСТУШОК ШИЛЬНЫХ ТРАВ

КУРОПАТКА

I. НЕИЗВЕСТНЫЙ ОБРАЗ

Декоративное искусство первых христианских столетий порой изображало птицу, которую невнимательные или плохо осведомленные глаза многочисленных авторов заставляли их рассматривать будто бы в качестве голубя, тогда как ее чисто нарочитая форма обязывает признать в ней перепела или куропатку. Все же необходимо согласиться, что ее обычно сложно распознать с первого взгляда, перед какой из двух птиц находишься, поскольку профили одной и другой производят оба тождественных силуэта: и одни условия, в которых использовался этот образ, могут чаще всего установить разновидность изображаемой птицы.

Прежде всего, стоит напомнить, что в Символике Древности эмблематическая куропатка обозначает собой Землю, земные блага, сельскую жизнь и, наравне с этим, она здесь являлась, как будет видно дальше, эмблемой некоторых человеческих заблуждений, в особенности воровство, в том, что в нем присутствует наиболее отвратительного.

С другой стороны, нужно, наоборот, припомнить, что в Библии и в классической Мифологии перепел пользуется благоприятной репутацией.

II. ПЕРЕПЕЛ И ПАСТУШОК ШИЛЬНЫХ ТРАВ

Перепел предстал птицей доброго предзнаменования у древних Греков и Римлян, и наши крестьяне с Запада Франции притязают по перепелам и их весеннему возвращению предвидеть сухое или дождливое лето, делая предпочтение той или иной сельскохозяйственной культуре. Римляне в старину, кажется, злоупотребляли этой птицей в своих гадательных практиках, ибо император-философ Марк Аврелий советует мудрым «не содержать и вовсе у себя предвещающих перепелов» (1); Греки равно пользовались гаданием по перепелам и, с другой стороны, организовали в Афинах как петушиные, так и перепелиные бои (2).

Мифологические повествования той же самой страны сообщали, что Зевс, верховный бог, воспылил однажды любовью к прекрасной Лето (Латоне) и, превратившись в орла, заставил ее полюбить себя, породив с ней Феба-Аполлона, лучезарного бога света, и его сестру Артемиду, лунную богиню, светильник темных ночей (3).

Кроме того, наследовавшие Гомеру мифографы считали, что для того, чтобы укрыться от преследований Зевса, Астерия, дочь титана Коя, искала прибежище на одном острове, где обратилась в перепелку, откуда имя Ортигии (остров Перепелки; позже Делос в группе островов Киклады; здесь родились Аполлон и Артемида – прим. пер.), данное с тех пор этой гостеприимной земле (4).

Сегодня наиболее авторитетные среди исследователей мифологии соглашаются рассматривать эту земную любовь Олимпийских богов как существовавшие изначально символы любви Божества к человеческой душе, лучшему из всех даров, полученных от Всевышнего: таковы Ганимед, Леда, такова и Лето. Некоторые скажут, что

это был грубый символизм, но для нас важно признать весьма возвышенную идею, скрывающуюся под его слишком реалистичной для наших глаз оболочкой.

Человеческую душу античная мысль представляла иногда эмблематическим образом перепела; и христианское искусство первых времен восприняло для нее тот же самый символизм. Из-за осенних миграций в теплые страны эта птица изображала собой душу праведника, победившего земные испытания и оставившего пребывание в мире сем, дабы устремиться через порог смерти в неизменно счастливое царство Святых.

Вот почему на римской эпитафии Магнии Крескентины (Magnia Crescentina) в Типассе птица, несущая в своем клюве триумфальную ветвь и представляющая душу усопшей, имеет явный профиль перепела, направляющегося к якорю, безусловной эмблеме распятого за нас Христа (Фигура I) (5).

Эмблематическая идея воскресения вполне могла в античные времена быть связанной иногда и с перепелом, ведь именно в этом точном смысле он вошел в символику Геракла: не сообщает ли нам дорийская мифология, что божественному герою, убитому Тифоном, возвратил жизнь Иолай благодаря аромату от одного перепела, возложенного на его лицо?

В Книге Исход мы читаем, что в течение мучительного прохождения пустыни Фаран Еврейский народ горько жаловался на тяготы пути: «И сказал Господь Моисею, говоря: Я услышал ропот сынов Израилевых; скажи им: вечером будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом – и узнаете, что Я Господь, Бог ваш. Вечером налетели перепелы и покрыли стан, а поутру лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле» (6). И поскольку перепела и манна являлись чудесным

Фигура I. – Перепел на надгробном камне из Типассы (Tipassa). Эпоха римского господства

дарованием Бога Своему народу, постольку комментаторы Священных Книг их рассматривали как предвосхищение евхаристической трапезы.

Рассказ Книги Чисел, впрочем, весьма отличен от повествования Книги Исход: мы читаем в первой о том, что Евреи, уставшие ежедневно питаться манной, возроптали против Яхве, направившего тогда им перепелов в изобилии. Некоторые из них, слишком прожорливо насытившись этой пищей, умерли от нее. Так и душа умирает в Евхаристии, по словам толкователей, когда христианин принимает ее в злобном внутреннем расположении чувств: Святой Апостол Павел предупреждает Коринфян, что всякий, кто ее «... ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (7).

Скажем, наконец, что именно благодаря *Пастушку шильных трав*, другой птице, которой часто необоснованно присваивалось его имя, которая является его спутницей в своих ежегодных миграциях и живет на Западе с ним по соседству, перепел был по-особенному символически приближен к Искупителю людей.

Обыкновенные отношения в среде обитания и в перемещении привели к тому, что Древние ошибочно полагали об общности происхождения и тесного родства между перепелом и пастушком шильных трав, тогда как на самом деле первый принадлежит отряду курообразных, а второй является самой мелкой во Франции голенастой птицей. Это заблуждение по отношению к пастушкам шильных трав стоило того, что они рассматривались как вожаки и проводники перепелов на пути их долгих странствий, обозначаясь очень древними авторами напыщенным званием Царя перепелов, *Ортигометра* или *Глоттиса* (8), или *Кихрама* (9).

Подытоживая древних натуралистов, Бюффон сообщает нам, как эти авторы полагали избрание царя, летящего во главе их, особенно же над морем, ведя их в благоприятном направлении. Итак, получается, считали они, что по достижении стай перепелов определенных этапов своего путешествия, им начинает угрожать хищная птица; тогда царь перепелов, взяв главенство над стайей, один устремляется к хищнику, вынуждая его позволить беспрепятственно удалиться своему народу (10).

Подобным образом, говорили толкователи, наш Искупитель встал во главе падшей человеческой расы, предоставив Самого Себя как искупительную жертву для божественного правосудия, после чего посредством Его жертвоприношения спасение стало возможно всем.

Будучи основанной, как и некоторые другие, на вымысле и на орнитологической ошибке эта тема разве является менее удачной? И выражаемая ей мысль разве менее приемлема для христианской Символики, никогда не теряющей из виду, что Иисус «явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их»? (11)

Здесь та же самая жертвенная любовь, в которой наши отцы пожелали увидеть образ материнской преданности, которую они признавали в перепелке, как, впрочем, в куропатке и в самке глухаря (12). Когда, как полагали они, перепелка видит угрозу для своего выводка, то раненая противодействует, чтобы отвлечь на себя враждебную активность охотника и его со-

бак до тех пор, пока ее перепелята не находятся уже в безопасности, и если есть еще время, она мечтает о своем собственном спасении, но часто платит своей жизнью за свою жертвенную сообразительность.

-
- (1) MARC AURELE, *Pensees*, Liv. I, VI, Traduction Commelin, p. 29 (Мысли Марка Аврелия во французском переводе Коммелена).
 - (2) Cf. ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*, XVIII.
 - (3) Смотреть прекрасные страницы Mario MEUNIER, *La Legende des Dieux et des Heros*, pp. 56-90.
 - (4) Cf. PINDARE, *Fragments*, LVII.
 - (5) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 481, fig. 2. 965.
 - (6) Смотреть *Книга Исход*, Глава 16, стих 11, 12, 13, 14.
 - (7) *Первое Послание к Коринфянам Святого Апостола Павла*, Глава 11, стих 29.
 - (8) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. X, XXXIII.
 - (9) Смотреть Barthelemy SAINT-HILAIRE, Traduction de l'*Histoire des Animaux par Aristote*, III, p. 63 (французский перевод Бартельми Сент-Илера Истории животных Аристотеля).
 - (10) Cf. BUFFON, *Histoire naturelle*. Edition de 1769, T. XXIII, p. 261.
 - (11) *От Иоанна Святое Благовестование*, Глава 13, стих 1.
 - (12) Cf. OSSIAN, *Poesies gaeliques*, *Cathlava*.

III. ЭМБЛЕМА СУПРУЖЕСКОГО СОГЛАСИЯ

Перепел в Средневековье рассматривался как один из символов супружеского согласия, ведь если самцы перепелов иногда и сражаются до смерти, то они никогда, говорят, не притесняют перепелок.

Этот символизм даже породил, по крайней мере, во Франции весьма суеверный ритуал, практиковавшийся еще в XVI-м столетии, заключавшийся, по словам Вильгельма Буше, в том, «что если муж носит на себе сердце перепела-самца, а женщина перепелки, то никогда не прогневаются вместе друг на друга, как хочется думать Мизардю (Mizardus)» (1).

Даже тень от этой картины показывает перепела, как очень симпатичную птицу: некоторые символисты сделали из него, наравне с голубем, одну из эмблем виновной любви. Данную тему мы находим еще живой в конце XV-го века в Разговорах Птиц:

«Перепел:

Во мне такая чувственность живет,
 Что я никак не в силах воздержаться.
 И делаю я то, что совершать не должен;
 Сластолюбивого Господь обязан сжечь (кремировать)» (2).

-
- (1) Guillaume BOUCHET, *Des Serees*, Lyon M.DCXXV, Liv. III, p. 130.
 - (2) *Les Dictz des Oyseaulx*, in *Le Grant Calendrier des Bergiers*, 1480, fol. xlvi.

IV. КУРОПАТКА, СИМВОЛИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА ПЕРЕПЕЛА

Обвинение, сделавшее из куропатки птицу, пользующуюся дурной славой в древней Символике Востока и Запада, датируется старейшими цивилизациями. Пророк Иеремия, живший обычно в Анафофе в Иудее в течение VII-го столетия до нашей эры, становится отголоском этого мнения, говоря: «Куропатка садится на яйца, которых не несла; таков приобретающий богатство неправдою: он оставит его на половине дней своих, и глупцом останется при конце своем» (1). И закон Ману говорит, что души мошенников будут в другой жизни превращены в куропаток (2).

Запад, как и Восток, и, вероятно, вслед за ним сделал из куропатки эмблему лиходейства или наиболее отвратительной из краж, состоящей в похищении у других их детей (3).

Первые копии *Physiologus*'а, *Шестодневов* и *Бестиариев* Средневековья вместе повторяли, что куропатка иногда похищает и высиживает яйца других птиц, вьющих гнезда на земле:

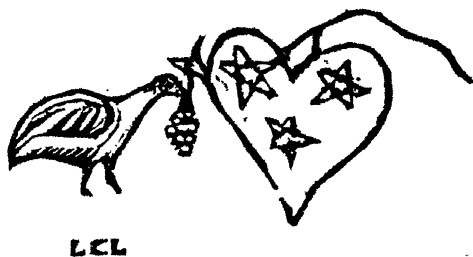
Le Perdrix est moult traitresse
Quer en guise de larronnesse,
Emble et cove les autrui oes (4).

Умелая злодейка куропатка,
Воровке уподобившись, она
Искать не устает и, похищая,
высиживать другого яйца (4).

И опираясь на эту легенду, святые и древние христианские авторы создали из бедной птицы эмблематический образ Сатаны, пленяющего души людей, сыновей Церкви Христовой: именно таким мы находим это обвине-

Фигура II. – Эпитафия Пасифила в римских катакомбах Домитиллы

Фигура III. – Куропатка на камне из Музея Ватикана. Эпоха Катакомб

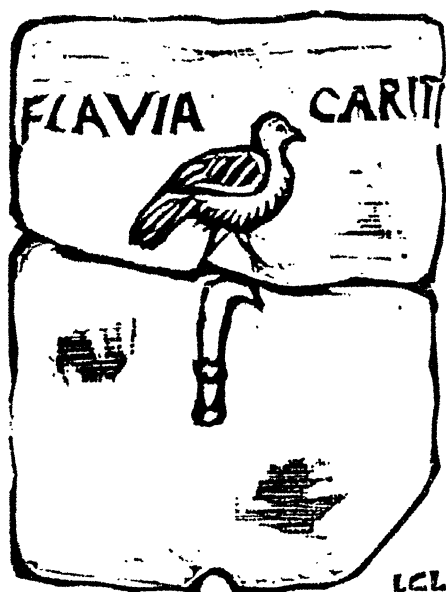
ние в Святого Епифания (5), Святого Евстафия (6), Святого Амвросия (7), Святого Кассиодора (8), Святого Исидора (9) и др. И после них Вильгельм де Норманди и Викентий де Бовэ полагали тождественно (10).

Вот благодаря этой, возможно, заслуженной репутации куропатка стала антитезой своего родственника перепела: царь перепелов полагает свою жизнь за спасение своих ближних, а куропатка овладевает самым драгоценным из достояния последних – их детьми.

На наших наиболее древних памятниках художники первых христианских времен изображали куропатку только в качестве почетного и изящного символа земли, которую она никогда не покидает, поскольку не умеет держаться на ветвях деревьев, и сельской жизни, поскольку она по преимуществу обитает на возделываемых полях и в виноградниках (11). Так мы видим ее на великолепной фреске дома Святых Иоанна и Павла на горе Целиус в Риме, где она соседствует с павлином.

На надгробном камне молодого Пасифила в римских катакомбах Домициллы душа юного ребенка представлена фигурой Икара, поднимающегося в небо, и по обеим сторонам от этого персонажа расположено по куропатке, держащей в своем клюве виноград: над каждой птицей находятся диск и лепесток вьюнка. Очевидно, эти птицы символизируют землю, которую Икар спешит оставить (Фигура II) (12).

Мы обнаруживаем символическую куропатку, сопровождаемую тем же самым лепестком и тем же самым виноградом на изделии из Музея Ватикана (Фигура III) (13); артефакт из Латерана содержит эпитафию, на которой куропатка венчает садовый нож виноградаря, аллюзию на культуру виноделия (Фигура IV) (14). С трудом объясняется, почему эмблематика наших последних столетий сделала из куропатки образ *Правдоподобия* (15). Ее предрасположенность к обитанию в виноградниках и виноград, который она несет на

Фигура IV. – Эпитафия из Музея Латерана, первые христианские времена

определенных античных памятниках, могли ли быть достаточными, чтобы применить к ней с некоторым правом известную поговорку: "*In vino veritas*"?

Отдельные старинные христианские символисты сделали одинаково из куропатки, как и перепела, сластолюбивую птицу, и Иоанн де Кюба принимает этот символизм, основываясь на Книге *О Природе Вещей* (16).

Нужно подняться в северные страны, чтобы обрести для куропаток почтенную репутацию: все белые птицы, как лебеди, а на самом деле, Снежные Куропатки, в большом поклонении у Эскимосов, рассматривающих этот вид как произошедший от душ маленьких детей, превратившихся в птицы в очень древние времена (17).

Фигура V. – Перепел или куропатка, выгравированная на фрагменте погребальной плиты. Эпоха катакомб

- (1) Книга Пророка Иеремии, Глава 17, стих 11.
- (2) Cf. CHARMA, *Philosophie orientale*, p. 55.
- (3) Cf. ARISTOTE, *De natura animalium*, IX; PLUTARQUE, *De la comparaison des Animaux*.
- (4) Guillaume DE NORMANDIE, XIIIe siècle, *Le Bestiaire divin*, XXVII, traduction C. Hippeau, p. 265.
- (5) Saint EPIPHANE, in *Physiologum*, IX.
- (6) EUSTATE, *Hexameron*.
- (7) Saint AMBROISE, *Hexameron*, VI, 3.
- (8) CASSIODORE, *Variorum*, II.
- (9) ISIDORE, *Origines*, XII, 7.
- (10) Vincent DE BEAUVAIS, *Speculum naturale*, Lib. XVI.
- (11) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 119.
- (12) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. I, vol. I, col. 1481, fig. 339.
- (13) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Ibid.*, T. I, vol. II, col. 3. 007, fig. 1. 030.
- (14) *Ibid.*, T. V, vol. I, col. 1212, fig. 4. 315.
- (15) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 133. – P. VER-NEUIL, *Dictionnaire des Symboles*, p. 184.
- (16) Cf. Jehan DE CUBA, *Le Jardin de Sante*, IIe Part., *Des Oiseaux*, XCVIII, 1491.
- (17) Смотреть Knud RASMUSSEN, *Du Groenland au Pacifique*, p. 117.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

ЛАСТОЧКА

I. ЛАСТОЧКА В ДОХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИЯХ

Во всех странах мира ласточка всегда являлась одной из наиболее благоприятных птиц для людской симпатии.

Древние Египтяне связывали с ней многочисленные сельские легенды (1); Египет знал богиню Ласточку, о чем свидетельствуют тексты великих Пирамид и *Книга Мертвых*. Возвышенный персонаж V-й династии был одновременно жрецом Двойного Топора и богини Ласточки (2). Этот культ продолжался до конца VI-й династии, эпохи, когда, как видим, исчезла официальная литургия, но порожденные в последние времена высшее знание и религиозное искусство сделали из ласточки образ человеческой души, принимавшей, считалось, ее внешность на пути трансформаций (3); вот почему эта птица столь часто изображалась на покровах мумий (Фигура I) и на могилах (Фигура II), чтобы ее интерпретировать относительно души усопшего, идеи воскрешения и легкости отделившейся от плоти души.

Фигура I. – Душа-ласточка на фрагменте покрывала мумии; у М. В. Бюжо, Лудюн (Вьенн)

Египетская ласточка одинаково представляла одной из эмблем мифа, столь связанного с Исидой, в котором рассказывалось, что последняя приняла форму ласточки, спеша в Библос оплакивать смерть Озириса (4).

В Вавилонии ласточка являлась эмблемой, посвященной богине Аруру-Нинмах (5) и, кажется, толковалась идеями освобождения в загробной жизни.

Благодаря своему полету, устремляющемуся в небо, и из-за характера своего кроткого и настойчивого щебетанья Древние сделали из ласточки, которую Греки называли *chelidon*, образ молитвы. В отдельных самых замечательных религиозных текстах Египта каждое жертвенного лада-на, с тех пор символа молитвы, сравнивалось с ласточкой. В Греции (6) молиться людям рекомендовалось с симпатией, которой пользовались ласточки, что называлось *chelidonis-та* – настоящим и протяжным речитативом, в котором бедные про-

Фигура II. – Душа-ласточка на могиле Рамсеса IV. Cf. LEFEBURE, *Les Hypogées royaux de Thebes*, in *Ann. du Musée Guimet*, T. XVI, 2e part. Pl. XIII

сили милостыню; это было нечто вроде немного смущенной и ускоренной псалмодии, желавшей подражать щебетанью ласточек – *chelidoniso*. Тот же самый народ сделал из изящной птицы эмблему достоинства и чуткости сознания, заставляющей избегать общества испорченных и злобных людей; ибо, как считалось, ласточки не прилетали больше ни в Фивы в Беотии, поскольку сей город дважды трусливо сдавался, ни в Бизию из-за преступлений Теряя (7), наказанного столь чудовищно ужасной Прокной, прежде чем ей самой превратиться в ласточку.

-
- (1) Cf. Hip. BOUSSAC, *L'Hirondelle dans les mythes egyptiens*, in *Cosmos* numero decembre 1905.
 - (2) Cf. Percy NEWBERRY, *A Bird cult of the old Kingdom*.
 - (3) Смотреть GUIMET, *Les Ames egyptiennes*, in *Revue de l'Histoire des Religions*, annee 1913, p. 4.
 - (4) Cf. PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, 16. Смотреть также AMELINEAU, *Essai sur le Gnosticisme egyptien*, p. 142.
 - (5) Cf. F. STEINMETZER, *In Beitrage der assyriologie*, VIII, 2, 1910, pp. 1-38.
 - (6) Cf. LEFEBURE, *La vertu du sacrifice funeraire*, III, in *Sphinx*, t. VII, pp. 85, 209; VIII, pp. 1, 51.
 - (7) PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, 34.

II. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ИИСУСА ХРИСТА

Возвращение ласточки, которая после зимнего исчезновения весной ежегодно возвращается не только на то же самое место, но еще и в то же самое гнездо, сооруженное ей в предыдущие периоды любви, являлось у Древних, как еще и сегодня во многих странах, одной из самых естественных эмблем идеи воскрешения, счастливого воскресения, поскольку ее прибытие возвещает собой начало солнечных дней, удивительное цветение растений и завязь великолепных плодов. Греки называли «хелидонским ветром» дуновение, господствующее в момент возвращения ласточек, наиболее мягких из всех дуновений, проходящих под добрым небом Эллады (1).

Здесь не только регулярность ежегодного появления после зимней смерти, придавшее ласточке эмблематический характер, о котором мы говорим: он равно основывался на ошибочном веровании, бытовавшем в течение долгих столетий: Аристотель и Древние и в самом деле считали, что ласточки северных стран прячутся в зимнее время под горами листвы, в перегное полых деревьев и даже в иле рек, чтобы воспрянуть весной, как из могилы (2). Натуралисты XVIII-го столетия Бюффон, Тесдорф фон Любек, Клейн, Герман и другие предпринимали затруднительные исследования, прежде чем отвергнуть сказки о погребении и особенно погружения северных ласточек на протяжении зимы (3).

В конце концов, вполне понятно, почему христианские символисты прошлого очень рано стали использовать ласточку для изображения пасхального триумфа Искупителя, победителя смерти: одна старинная армянская легенда

рассказывает, что вечером Страстной Пятницы все ласточки Иудеи и Галилеи собрались вокруг могилы Иисуса, и на заре Пасхи, когда Он воскрес, все попарно разлетелись по всем странам мира, чтобы нести туда неслыханную весть: “*Surrexit Dominus vere, alleluia!*” (4).

Еще и сегодня ласточки обладают этим характером, благовествующим воскресшего Христа, и в нескольких местностях Франции сельский человек расценивает благоприятным предзнаменованием для себя получить новости, пришедшие между двумя торжествующими праздниками Своего Спасителя: Неделей Вайи и Пасхой.

(1) NONNOS, *Les Dionysiaques*, Ch. XI.

(2) V. Olaus MAGNUS, *Histoire des Nations septentrionales*. Cf. *Les OEuvres complètes de Buffon*, édition Dumenil, 1835, T. IX.

(3) Смотреть BUFFON, *Histoire naturelle*, édition de 1769, T. XXI, p. 236, 271.

(4) *Breviaire romain*. (Office des Marins de Paques, Invit.).

III. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОСВЕЩАЮЩЕГО ДУШИ

Весь старый мир сделал из ласточки птицу света: Плиний нам говорит, что она использует для лечения глаз своих детенышей или детенышей себе подобных растение с золотистым соком, называемое *Чистотел* (*Chelidonium*) (Фигура III) (1). Весьма привычный для Иль-де-Франс чистотел был в почете у скульпторов больших стрельчатых кафедральных соборов на протяжении XIII-го и XIV-го вв. Не стал ли определенным в этом предпочтении факт того, что Средневековье создало из ласточки одну из эмблем Архитектуры? (2) Как бы то ни было, мы находим чистотел, «траву ласточек», в украшении кафедральных соборов Парижа, Реймса, Амьена, Бовэ, Шартра, Буржа (3) и в декорации многих менее значимых церквей.

Плиний рекомендует использовать кровь ласточки для приготовления глазных капель для человеческого применения (4), и в своем трактате по медицине Цельс равно полагает, что кровь ласточки лечит заболевания зрения (5). Павел Эгинета, Маркелл и Аэций придержи-

Фигура III. – Французский чистотел и его крестообразные цветки

ваются того же самого мнения: весь греческий и римский медицинский корпус думает аналогично (6).

И в последующие времена думали согласно с лекарями Рима и Афин; и в XVI-м столетии еще повторялось, что пепел с обожженной ласточки был совершенным снадобьем против помутнения глаз (7). В народных преданиях до сих пор встречается отражение этих верований: в Бискайе считается, что те, кто бесполезно убивают ласточек, становятся в старости слепыми, если, вообще, смогут состариться (8). В Оверни рассказывают, будто ласточка знает гравий, который проглоченный натошак слепым человеком возвращает его мертвым глазам свет (9).

Более того, старинные поверья желали, чтобы всякая ласточка несла в себе чудесный камень, который не только улучшает или возвращает зрение, но обладает еще и другими добродетелями. Он бывает красным, черным или белым: архиепископ Ренна Марбод, писавший в правление французского короля Филиппа Августа, нам сообщает, что красный ласточкин камень излечивает лунатиков, бесноватых и благоприятствует красноречию; черный — делает успешными замыслы, и пропитанная им вода укрепляет зрение (10).

Двумя столетиями позднее к середине XIV-го века Иоанн де Кюба говорит о «камне ласточки», что он «служит ко многим пользе, и его находят рыжего или иного белого цвета» (11).

Опираясь на античные мечтания, *Бестиарии*, эти бесспорные своды правил средневековой символики, а также произошедшие от них произведения, рассказывали, что сама ласточка, прежде чем отлучиться, выкалывает глаза своим детенышам, когда они проявляют слишком большое желание неосторожно оставить гнездо, чтобы пойти посмотреть на мир; но, возвратившись обратно, как говорит Бестиарий, цитируемый Кайе, «она заставляет своих мелких ласточек вновь ясно видеть. Никто не знает, как и что она делает; но они настолько прекрасно зрячи, что способны летать вслед за своими отцом и матерью» (12).

Тем не менее, в III-м столетии Тертуллиан был лучше всего осведомлен о лекарственном средстве, используемом птицей: «Ласточка ослепила своих

Фигура IV. — «Ласточка и ее птенцы»; миниатюра из Бестиария XIII-го века. Библиотека Арсенала. Согласно Ch. CAHIER, Op. cit., T. III, Pl. XIX, M. Fig. IV

птенцов? Ей известно, как возратить им зрение, применяя чистотел, который ей удалось открыть» (13).

Бестиарии Средневековья нам сообщают еще, что «Ласточка» (“Aronde”) является здесь эмблемой Искупителя, дающего, отнимающего и возвращающего человеку свет души и разума согласно его достоинству или тому, что ему надлежит для его духовного блага.

В соответствии с Кайе, я помещаю рядом репродукцию миниатюры, извлеченной из рукописной Библии Библиотеки Арсенала, где миниатюрист изобразил возвращение ласточки в свое гнездо, необыкновенно помещенное на стволе дерева (Фигура IV) (14).

Большой Календарь и Компост пастухов, опубликованный в 1480 году в Труа Николаем Ле Ружем, заставляет в «*Разговорах птиц*» так высказываться «Ласточку» (“Arondell”):

«Своим птенцам глаза я исцеляю,
И видеть заставляю их яснее;
Кто зреть желает Господа Небес,
С Ним жизнь свою законно согласует» (15).

Добавим, что если первые христианские символисты, занимавшиеся ласточкой как птицей света, отнюдь не смущались в своем принятии лечебного характера, приписываемого этой птице, злостью, произошедшим с библейским пророком и старцем Товией: именно об этом определенно свидетельствует Библия, ведь ослепление святого человека произошло из-за помета ласточек (в русском переводе Книги Товита обозначены воробьи – прим. пер.), то есть из-за элемента, отверженного птицами, чуждого их естеству, который не в состоянии усвоиться никакой ласточкой (16).

(1) PLINE, *Histoire naturelle*, VIII, 41; XXV, 50.

(2) Cf. L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 328.

(3) Cf. Emile LAMBLIN, *La Flore des grandes Cathedrales*, – passim.

(4) PLINE, *Histoire naturelle*, XV.

(5) CELSE, *De Medicina*, Lib. VI, c. IV, 39.

(6) Смотреть H. DE VILLEFOSSE et THEDENAT, *Note sur quelques cachets d'oculistes romains*, in *Bulletin monumental*, annee 1882, p. 709.

(7) MATTHIOLI, *Commentaires sur Dioscoride*, L. II, ch. XLIX, edition 1565, p. 239.

(8) Docteur POMMEROL, *Folklore d'Auvergne*, in *Revue des Traditions populaires*, T. XII, p. 444.

(9) Ibid., p. 448.

(10) Cf. MARBODE, *Poeme, Le Lapidaire*, XVII, *De Chelonidio*.

(11) Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*, IIe Part., c. VII. Traduction fraincaise de Ph. Le Noir, 1539.

(12) Cf. Ch. CAHIER, S. J., *Bestiaires*, in *Melanges archeologiques*, T. II, p. 216.

(13) TERTULLIEN, *De la Penitence*, XII. Traduction de M. de Genoude, T. II, p. 216.

(14) Ch. CAHIER, *Op. cit.*, Pl. XIX, M.

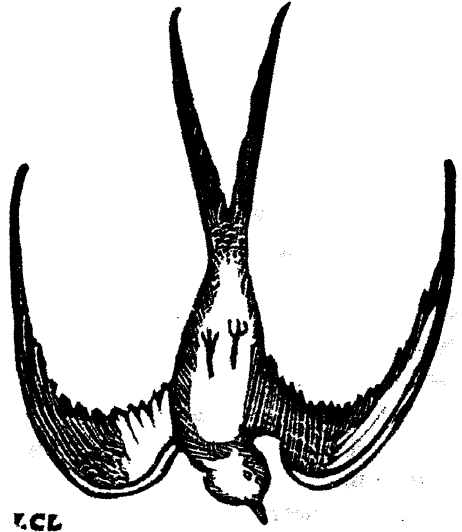
(15) *Grant Kalendrier*, folio xi.vij.

(16) *Книга Товита*, Глава 2, стих 11.

IV. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА УПОВАНИЯ И КАЮЩЕГОСЯ ГРЕШНИКА

В некоторых областях побережья Средиземноморья ласточка стала одной из эмблем добродетели Надежды. Тогда она изображалась головой вниз.

Этот символизм основывается не только на том, что возвращение ласточки заставляет с уверенностью *надеяться* на вящую близость погожих дней, но еще и на том, что эта птица, когда ниспадает в полете от неба к земле принимает со своими большими согнутыми крыльями и своими длинными хвостовыми перьями форму морского якоря, являвшегося со времени Катакомбной

Фигура V. – Ласточка в своем положении эмблемы Надежды

Церкви эмблемой Элпис, теологической добродетели Надежды (1), равно нисходящей с небес в сердце христианина (Фигура V). Данная идея в отдельных провинциях Франции придает чистотелу полей и руин, «ласточкиной траве», эмблематический смысл «ожидания близкой грядущей радости» (2).

XVII-е столетие сделало из ласточки образ Господа, который удаляется от души, когда она охладевает и затмевается, и который возвращается к ней, когда она снова являет свое усердие; одинаково ласточка удаляется из страны, когда ее охватывают холод и тучи, но она в нее возвращается с теплом и светом весны (3).

С другой стороны, если, наоборот, по отношению к перелетам перепела, ежегодные миграции и возвращение ласточки не связывали эту птицу с эмблематикой Иисуса Христа, но иным порядком и только благодаря характеру символа Воскресения они ей придавали символизм одного из самых трогательных наставлений – *Притчи о блудном сыне*: побег вдаль и возвращение ласточки, ее удивительный инстинкт, приводящий в точности к родовому гнезду, чтобы обрести здесь лучшие дни, делают из нее аллегорический образ грешника, отдалившегося от жизни и христианских практик, но обращающегося, наконец, к Церкви, дабы рядом с ней и посредством нее найти отдохновение и покой сознания.

(1) Cf. L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 243.

(2) Cf. P. VERNEUIL, *Dictionnaire des Symboles, emblemes et attributs*, p. 38.

(3) *Emblemes et devises chretiennes*, edition Chavance, 1717, p. 181.

V. ЛАСТОЧКА И ЗЛЫЕ ДУХИ

Натуралисты Античности, являвшиеся великими «поставщиками» первых христианских символистов, приписывали ласточке силу исцелять человека от эпилепсии, и Плиний указывает на превосходное снадобье от этой ужасной болезни – потребление в пищу птенцов ласточки, застигнутых в гнезде (1). В качестве действенного амулета для предохранения от данного недуга он обозначает небольшой камушек, взятый из ласточкиного гнезда (2), отличный от минерала хелидонима, о котором он также говорит.

В этом, как и во всем, что мы увидели относительно глазных болезней, средневековая медицина следует Древним и обогащает уже написанное ими: в XVI-м столетии Маттиоли считал, что антиэпилептический камень должен был находиться при возрастающей луне в желудке «первых ласточкиных птенцов», и представлялось необходимым найти два таких разноцветных камня, завернуть их, и прежде чем они смогли бы коснуться в куске кожи телицы или оленя земли, заставить их поглощать недуг у больного (3).

Дю Шесн, лекарь короля Генриха IV, указывал, как на лучшее средство против эпилепсии и других болезней подобного рода, на «ласточкину воду», изготовливавшуюся на восьми или десяти шкурках детенышей ласточки, взятых в гнезде (4).

Итак, известно, что в прошлом эпилепсия, бешенство, конвульсии, эклампсия, истерия и другие аналогичные заболевания приписывались влиянию злых духов на человека, либо более или менее полной его одержимостью ими; вот и получилось естественное сближение символического порядка между птицей, прилетавшей, чтобы лечить эти неистовые недуги и божественным Спасителем, который на пути своих странствий исцелял больных, угнетаемых злобными духами.

Непрестанная охота, которую ведет ласточка на насекомых, еще усилила ее характер врага демонов, ведь известно, что мухи и мошки даже до Христианства были эмблемами зловредных гениев, «какодаймонов», против которых призывался в классических странах бог Миод (5). В Христианстве муха представляет собой демонов Сатаны: кажется, ложная интерпретация переведенного имени Беельзевут (Вaal города Зебута) (6) выражением «царь или бог мух». Мы расскажем об этом, исследуя символизм пчелы.

В некоторых селениях Франции до сих пор ласточкины гнезда рассматриваются в качестве предохранения домов, которым они покровительствуют. Я слышал высказывание крестьян Вандеи, что одно ласточкино гнездо даже зимой внушает страх дьяволам ночи.

Те же, кто их пытаются уничтожить, добровольно разрушая ласточкины гнезда, сами рискуют впасть позднее в «высшее зло» (эпилепсию) (7).

(1) PLINE, *Histoire naturelle*, L. XXX, 12.

(2) *Ibid.*, XXX, 27.

(3) Cf. MATTHIOLI, *Commentaire sur Dioscoride*, L. II, c. XLIX, edition de 1565, p. 239.

(4) Cf. MASSON, in *Aesculape*, T. XVIII, 1928, p. 242.

(5) CHOMPRES, *Dictionnaire de la Fable*, p. 275.

(6) Смотреть J. HALEVY, *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions du 4 mars 1892*.

(7) Rens. Arthur BOUNEAULT. (*Deux-Sevres et Vendee*).

VI. ЛАСТОЧКА, ЭМБЛЕМА САТАНЫ И НЕКОТОРЫХ ПОРОКОВ

Для некоторых символистов трех последних столетий, находясь в полном противопоставлении с тем, что мы увидели относительно интерпретации охоты, которую предпринимает эта птица на насекомых, ласточка была эмблематическим образом Сатаны, похитителя душ, непрестанно рыщущего в мире в ожесточенном преследовании их, подобно ласточке, ополчающейся на воздушных насекомых. Чтобы пользоваться этой идеей, граверы и художники несколько раз изображали один из таких воздушных вихрей, в котором насекомые танцуют по вечерам погожих дней: ласточка его пересекает, проходит и снова прореживает, унося всякий раз свою добычу.

Я не знаю только другую символическую тему о Пауке, в которой муха и мошка были взяты как эмблема душ; хотя их обыкновенная роль в изображении духов преисподней.

Другие обесцвечивали образ ласточки, заставляя его символизировать определенные человеческие слабости: Непостоянства, поскольку в своем полете эта птица, кажется, нигде не останавливается и покидает каждый год страну, где она рождена; Нечистоты, поскольку она касается земли для того, чтобы подцепить грязь, из которой она делает гнездо и в нем отдыхает (1).

Дворянские геральдисты, жившие после Ренессанса, оставались одинаково суровыми к Ласточке: «Ласточка, – говорит самый известный из них, – изображает льстеца и вкрадчивого друга; ведь в течение зимы она срывается и оставляет нас» (2).

Однако другие делали из ласточки идеограмму Благоразумия; быть может, они опирались на свидетельство Брюнетто Латини, писавшего в конце XIII-го столетия: «Некоторые говорят, что это – божественная птица, ибо она сохраняет дома, которые должны обрушиться» (3).

(1) L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, pp. 328, 351.

(2) Vulson DE LA COLOMBIERE, *La Science heroique*, p. 372, edition de 1669.

(3) Brunetto LATINI, *Li Livres dou Tresor*, Liv. I, CLXV, De l'Arondelle.

VII. ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

В отдельных из наших провинций ласточкино гнездо становилось признанной идеограммой человеческого и родового жилища – столь птица была наделена преимуществами и привлекательностями, всегда к ней возвращающимися, ведь ласточка после каждого зимнего испытания прилетает в гнездо, где ежегодно собирается выводить своих птенцов.

И аналогия равно применялась к храму Божию, куда верный должен часто желать возвращаться для вящего блага, мира и радости своей души.

Народный символизм, символизм простодушных – да; но благочестивая и так богатая мудростью семейная поэзия наших деревень создавалась именно этой бесхитростью.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

СЕЛЕВКИД

СЕЛЕВКИД, УНИЧТОЖИТЕЛЬ САРАНЧИ

Полчища зловредной саранчи, периодически обрушивающиеся на Ахаю, острова Эгейского Архипелага и на Малую Азию нашли на пути своих миграций в эти страны двух чудовищных недругов: птицу Селевкид и Осу-Ихневмон, которые их безжалостно убивали. Соловей завершал их работу, в свою очередь, уничтожая, яйца, оставленные на земле саранчой (1).

Все древние авторы горевали над огромными ущербами, причиняемыми разрушительной саранчой в вышеназванных провинциях и в Северной Африке; и христианские писатели первых столетий, к примеру, Святой Амвросий Медиоланский и Святой Августин Гиппонский, проклинали, со своей стороны, опустошающее бедствие. Большинство из последних рассматривали полчища саранчи как бич наказания в деснице Божией или эмблематический образ Зла и Сатаны, опустошающего «Божье поле»; первые не могли забыть, что саранча в Библии является восьмым из десяти бедствий, посланных Богом по молитве Моисея на измывающийся Египет, а вторые вспоминали Иоанново повествование и его саранчу преисподней, выходящую из Кладезей Бездны, облеченную в железо как катафрактарии армии Тиберия (3). Не являлась ли она очевидным образом Зла, опустошающего землю?

Эти inferнальные происхождение и роль сами по себе определяли для птицы, уничтожающей саранчу, ее эмблематическое значение – отображать собой божественного Недруга, Победителя Сатаны и разрушителя его трудов во всем мироздании.

Селевкид, по мнению Греков, пожирает огромное количество саранчи, но, даже пресытившись ей, продолжает ее избиение с утра до вечера: значит он – истинный Освободитель. Святой Амвросий Медиоланский рассуждает так: «Для устранения этой напасти (саранчи) Бог позволяет некоторым птицам, ненасытным по своей природе и называемым у Греков *Селевкидами*, заставить ее прекратиться, насильно пожрав паразита, ее причиняющего» (4).

Итак, Селевкид весьма законно разделяет христологический символизм великих насекомоядных, составляющих собой эмблемы, удовлетворяющие Христа освободителя.

(1) Cf. PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, LXXIV.

(2) *Книга Бытия*, Глава 10, стих 4-20.

(3) *Книга Откровения Святого Иоанна Богослова*, Глава 11, стих 3-12.

(4) Traduction de I. BAUDOIN, in *Recueil d'Emblemes divers*. Edition de 1652. T. II, p. 316 (Текст из Святого Амвросия, переведенный на французский язык И. Бодуэном для *Сборника различных эмблем*; издание от 1652 года).

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

МЕДОУКАЗЧИК

ОХОТНИК ЗА МЕДОМ

В счастливых странах живого света и изысканных ароматов, видевших некогда пути царицы Савской, юного Товии и Царей Волхвов, существует чудесная птица, которая выше всех вещей любит человека и смакует мед.

Непрестанно прекрасная птица ищет в чаще тенистых деревьев скрытые гнезда диких пчел, многочисленных в этих областях, затем спешит к людям и призывает первого встречного из них, сопровождая его через цветы и тернии к своей находке, дабы разделить и вкусить вместе с ним этот дар Божий, пришедший от цветочной чаши, которым питался в пустыне Святой Иоанн Креститель (1).

Так и Наш Господь Иисус Христос, ведающий тайну верховных духовных сладостей и знающий как и где каждому из людей можно их действительно вкусить, привлекает к себе души и сопровождает их через житейские радости и невзгоды до состояния внутреннего совершенства и единения с Ним, позволяющим вкушать, насколько это возможно на земле, то, что святые называли «нежностями Христа».

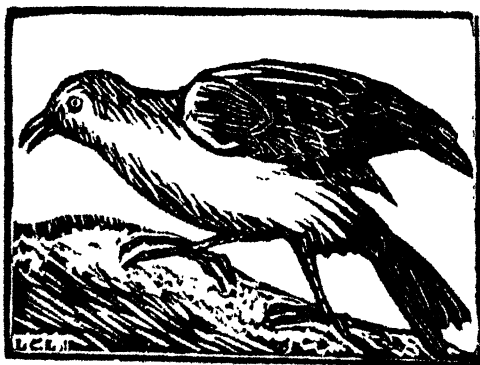
– Не показалось ли, что я перевел здесь на наш современный язык один из простодушных и поэтических вымыслов старинных Бестиариев Средневековья с применением к Спасителю, рассказ о Котором всегда следует? Отнюдь.

Это лишь передача одной рукописной страницы уроженца Пуату, подвизавшегося миссионером в Абиссинии (2) в начале нашего столетия и умершего свято в трудах; на этих страницах я узнал о птице, о которой идет речь, и удачном сравнении, сделавшем из нее эмблему Спасителя людей.

Откуда происходит такой изящный символизм? Не сохранялась ли эта жемчужина в течение долгих столетий у абиссинского духовенства, унаследованного от древних Коптов, поклоняющегося всегда образам Льва из колена Иудина, голубя и амфисбены, или скорее она родилась в сердце одного из героических распространителей католической Веры, которые порой встречают в этих отдаленных странах христиан возвышенной мистичности, нуждающихся в душевной пище, соответствующей их уровню духовности? В этом случае здесь кроется сугубое доказательство, что религиозный символизм является потребностью всех времен, и что плодотворность христианской мысли в данной области, как и во всех других, производит всегда избранные плоды.

Птица, о которой мы говорим, не миф: она существует. От Нила до побережья Сомали туземцы ей дали местное имя, обозначающее «медовую» или точнее «любительницу меда» (Фигура I).

Французские натуралисты сегодня ее называют «Индикатором» («Медоуказчиком»). Они описывают ее и классифицируют двенадцатой разновидностью в семействе кукушковых (по настоящей классификации медоуказчики принадлежат к семейству медоуказчиковых отряда дятлообразных – прим. пер.) Все подтверждают, что эта птица, заблаговременно обнаружив залежь меда и встречая путника, «летает, щебеча между деревьев, чтобы привлечь его внимание, и когда медоуказчик полагает, что достиг своей цели, то направляется к ближайшему рою диких пчел, время от времени останавливаясь на высоких местах, чтобы увидеть, следует ли за ним человек; прибыв к дереву, содержащему мед, он парит сверху и взгромождается на ближайшую ветвь, затем с шумной тревогой, со своей стороны, ожидает добычу» (3).

Фигура I. – Медоуказчик. Согласно J. TROUSSET, *Nouveaux Dictionnaire encyclopedique*, T. III, p. 364

Французский энтомолог, сегодня активно занимающийся всем тем, что касается пчеловодства на практике, в истории, нумизматике, искусствах и археологии, господин граф Франсуа де Рилли мне недавно написал, рассказывая о медоуказчике: «... Его среда обитания идет от Центральной Африки, чтобы завершиться Капским полуостровом; существуют также его отдельные разновидности в Азии, обладающие той же самой особенностью. Вас интересующая разновидность есть *Indicator Sparmanni*, являющийся, впрочем, видовой разновидностью. Я знал одного миссионера, утверждавшего мне, что видел эту птицу в Аннаме в большом лесу, буквально преследовавшую его своим усердием, пока внимание священника не остановилось на гнезде диких пчел, что, поистине, очень любопытно...» (4).

Медоуказчик стал известен благодаря знаменитому немецкому романисту Виссу в одном эпизоде истории семьи из-за бедствия, оказавшейся на одном вымышленном острове Индийского Океана, и по стечению обстоятельств, касающихся привычек этой птицы, совпадающих с тем, о чем было сказано выше (5).

– Напомним здесь, что мед в символике Отцов Церкви предстает одной из эмблем доктрины евангельской кротости, о чем мы подробнее скажем, изучив символизм Пчелы.

Я не думаю, что даже у Абиссинцев медоуказчик воплощался в изобразительных искусствах в качестве эмблемы Христа, приводящего души к Своим сокровищам счастья и ко всяким духовным благам; то, чего мы коснулись, происходит единственно из устной или литературной эмблематики: несмотря на это, думаю, я не имел права не сообщить о скромной и любезной пти-

це, столь хорошо поддающейся самым удачным анагогическим сравнениям и заставляющей мечтать о тексте священной литургии: “Gustate et videte quoniam suavis est Dominus: beatus vir qui sperat in eo” (6), «Вкусите и смотрите, сколь благ Господь: блажен муж, уповающий на Него».

- (1) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 1, стих 6.
- (2) Леопольд Мартен, в монашестве брат Викентий Конгрегации Братьев Святого Гавриила. *Письмо*, адресованное аббату Дюри (Dury), кюре из Шалэ (Chalais) (Вьенн).
- (3) J. TROUSSET, *Nouveaux Dictionnaire encyclopedique*, Т. III, р. 364.
- (4) Comte Fr. DE RILLY, *Lettre du 18 mai 1929* (Письмо от 18 мая 1929 года).
- (5) J.-R. WISS, *Le Robinson Suisse*, edition Mame, 1858, Т. II, ch. XII, pp. 110-112.
- (6) *Breviaire romain* (Office du VIIe Dimanche après la pentecote). Римский бревиарий (Служба Седьмой Недели после Пятидесятницы).

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

ВОРОБЕЙ

I. БЕЗЫМЯННЫЙ ВОРОБЕЙ

В столь приятной символике, созданной христианским людом деревень для наших скромных друзей в лесах, на полях и в садах, одна из частей, принадлежащая воробьям, была обширной и прекрасной: мы все это уже видели, когда ласточка символизировала возвышенные идеи для наших отцов в религиозном и профаническом смыслах.

В последней области певчий дрозд, обыкновенный дрозд, скворец, зеленушка, малиновка, зяблик, щегол, коноплянка, королек равно обладали своими священными ролями благодаря народной поэзии различных стран. В легендах о бесконечной милости она заставила войти тайком двух среди них – малиновку и короля – в преувеличенные и фантастические рассказы о распятии Искупителя, без того, однако, чтобы эти птицы изображали саму Его Личность.

Но безымянный воробей, скромная птичка без точного названия, равно обладал своей частью в великой официальной эмблематике Спасителя.

Обычай держать маленьких пойманных птичек в клетке, который свидетельствует по отношению к ним больше о сердечной привязанности, нежели о щедрой дружбе, должен быть старым, как сам мир. Греки и Римляне после многих других делали для них элегантные узилища (1), как и мы, из прутьев ивы или из металлической проволоки. Петроний нам говорит, что в Риме их изготавливали для патрицианских домов из золотой филигрании (2). Первые христианские художники, украшавшие Катакомбы несколько лет спустя после смерти Петрония, часто изображали в рощах и цветущих садах птичек всех видов (3), эти цветы великолепия, которые подвижнее среди других цветов и удачливее их, аллегорический образ, возможно, обретенного с лихвой эдемского счастья, а с другой стороны – смерти в несокрушимой легкости и в вечной красоте.

В самом средоточии подземных святилищ обгащенной кровью Церкви и на предметах христианского искусства (4) изображались в клетке иные птички, вылетающие из своего узилища, и в этом последнем случае эмблематический воробей, конечно, обозначает христианскую душу, освобожденную смертью от житейских скорбей и радостно поднимающуюся ввысь, воспевая свое избавление. Это воскрешение в памяти слов Давида, включенных латинской литургией в службу Невинным святым (5): «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились»; *“Anima*

nostra sicut passer erepta est de laqueo venentium: Laqueus contritus est, et nos liberali sumus” (6).

Тертуллиан сравнивает с этим взлетом избавления души мучеников и их славные тела *alias caro volucrum, id est martyrum qui ad superior conantur* (7). Неоднократно на могилах христиан героических времен верные души изображались в образе маленьких птичек, которые не являются всегда голубями, как об этом часто говорится: отдельные из пернатых даже носят имена усопших (8).

Пленная в своей клетке птица благодаря дерзкому символизму напрямую связывалась с личной эмблематикой Спасителя. Мозаика античной церкви Святой Марии в Транстевере в Риме служит тому неопровержимым свидетельством: на ней изображены две птицы в клетках; одна из клеток находится рядом с образом Святого Пророка Иеремии с надписью: *“Christus Dominus captus est in peccatis nostris”*; «Господь Христос сделался пленником в наших грехах». Другая клетка у образа Святого Пророка Исайи с препровождающими его словами: *“Ecce virgo concipiet et pariet filium”*; «Се дева зачнет и родит сына». И эти слова, по справедливому замечанию аббата Мартиньи, относятся к воплощению Христа, посредством которого Он был заключен девять месяцев в девственной утробе Марии, как птица в клетке» (9).

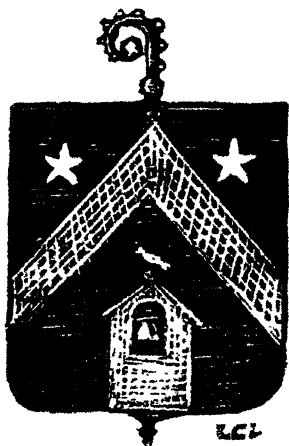
Фигура I. – Птица в клетке.
Христианская лампа
из Карфагена

Фигура II. – Одинокая птица.
Гностическая резьба по камню
из Кабинета Медалей. Согласно
L. BREHIER, *L'Art chret.*, p. 15

Именно это считается одним из двух смыслов, спрятанным под оболочкой изображенной птицы на христианской лампе из Карфагена III-го или IV-го столетия.

Воробей в клетке, к которому, вероятно, должен применяться изложенный мозаикой Святой Марии в Транстевере смысл, виден еще лучше на двух других карфагенских христианских лампах, опубликованных ученым патером Делаттром из Кар-

Фигура III. – Герб Дома
Гране (Грани),
аббата Сенанка

фагена (10); одна из них воспроизводится здесь же (Фигура I). Даже если плененная птица и была голубем, смысл оставался тождественным.

Воробей одинаково брался как иероглиф Спасителя, покинутого на пороге Его Страстей в Гефсиманском саду, когда все Его ученики удалились, за исключением троих, спавших на некотором расстоянии от Него; Церковь запечатлевает Его в этот момент одиноко страждущим по словам сто первого Псалма: *“Vigilavi et factus sum sicut passer solitarius in tecto”*; «не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле» (Фигура II) (11).

Монашеский герб Дома Гране (Granet; в перечне аббатов Святой Марии Сенанка значится как Раймон Грани – Raymond Granit (1898-1094); прим. пер.), цистерцианского Аббата Сенанка (1898 год) восходит к символизму Птицы-Христа, одиноко сидящей на крыше: «На лазоревом поле золотое стропило, по бокам которого сверху расположены две пятиконечных звезды; вверху часовни обретается колокол, а вершину ее крыши увенчивает крест, на котором сидит одинокий воробей. Девиз: *“Sicut passer solitarius in tecto”* (Фигура III) (12).

Мы видим воробья, господствующего над земным шаром, на гербе семейства де Ришери (de Richery), из которого произошел Монсеньор Шарль де Ришери, умерший в 1830 году архиепископ Э-ан-Прованса (Фигура IV) (13). Здесь воробей также одинок, но он мастерски господствует над миром.

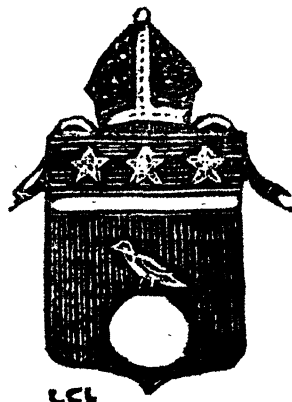
В Средневековье прилюдное «выпускание на волю» плененных птиц особенно в профаническом смысле обозначало эмблему освобождения, общественной свободы, иногда амнистии.

Равно в профаническом, но в индивидуальном смысле птица в клетке являлась в ту же самую эпоху образом рабства, в котором любовь держит сердце в интересах любимого существа. Напротив, в очень старой песне из Пуату невеста говорит о своем возлюбленном:

«Я мечтала, чтобы был он птицей,

И сердце мое бы стало ее клеткой...»

Изящное простодушие, родившееся, вероятно, от великолепной свежести в пастушеском сердце, которое мистики этого времени оказа-

Фигура IV. – Герб Монсеньора Шарля де Ришери, архиепископа Э (Aix-en-Provence)

лись способными перенести на духовный план, чтобы выразить желание того, что они называли «обителью Христа» в нас.

- (1) Смотреть А. RICH, *Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines*, traduction Cheruel, p. 132.
- (2) PETRONE, *Satyricon*, XXVIII, 9.
- (3) Смотреть J.-B. DE ROSSI, *Boll. Archeol. Crist.*, annee 1863, p. 3.
- (4) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. II, vol. II, col. 1548 et *passim*.
- (5) *Breviaire romain* (Office des Saints Innocents, Graduel et Offertoire de la Messe).
- (6) *Псалтирь*, Псалом 123, стих 7.
- (7) TERTULLIEN, *De resurrect.*, L. II.
- (8) Cf. J.-B. DE ROSSI, *Inscript.*, T. I, fig. 939.
- (9) MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquites chretiennes*, p. 447.
- (10) Смотреть P. Louis DELATTRE, *Symboles eucharistique*. Carthage, pp. 73 et 74.
- (11) *Псалтирь*, Псалом 101, стих 8.
- (12) Cf. Comte DE SAINT-SAUD, *Armorial des Prelats francaise du XIXe siècle*, p. 318.
- (13) DE SAINT-SAUD, *Ibid.*, p. 95.

II. ВОРОБЕЙ В СИМВОЛИКЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Им обозначались поначалу молитвы святых: щебетанье, которое воробьи – и не только ласточка, жаворонок и соловей – возносят от земли к небу, представляло всегда человеческими славословиями и преклонениями, обращенными к Всевышнему Богу.

За несколько столетий до нашей эры нельзя ли было уже прочесть в еврейской книге Святого Пророка Даниила эту пламенную мольбу: “*Benedicite omnes volucres coeli Domino; laudate et super exaltate eum in saecula*”; «Благословите, все птицы небесные, Господа, пойте и превозносите Его во веки» (1).

С другой стороны, по крайней мере, раз воробьи олицетворяли двенадцать Апостолов Господа: несколько апокрифических книг первых христианских времен, в особенности Евангелие детства (Евангелие от Фомы), нам рассказывают эту легенду, пользовавшуюся известностью в последующие столетия: «Когда мальчику Иисусу было пять лет, Он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину и сделал птиц, и осквернил день субботний. И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: для чего делаешь в субботу то, что не должно?! Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: Летите! и воробьи взлетели, щебеча. И иудей

дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам, что они видели, как Иисус свершил сказанное» (2). И мистики видели в этих двенадцати воробьях, вылепленных из глины, грубых и инертных, которые благодаря дуновению божественного Дитя тотчас стали прекрасными живыми птицами, прообраз двенадцати Апостолов, избранных Христом в толпе Его учеников, из которых дуновение Духа Святого на Пятидесятницу сделало новых и неузнаваемых людей (3).

Воробей являлся также эмблематическим образом, избранным божественным Мастером, чтобы рекомендовать Своим ученикам всецелое доверие божественному и материнскому Провидению: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (4); «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучших многих малых птиц».

(1) Книга Пророка Даниила, Глава 3, стих 80.

(2) Евангелие детства (Евангелие от Фомы), II.

(3) Деяния Святых Апостолов, Глава 2. Смотреть LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, Т. II, р. 75.

(4) От Матфея Святое Благовествование, Глава 6, стих 26.

(5) Там же, Глава 10, стих 29, 30, 31.

III. ВОРОБЬИ, ОБРАЗЫ ПОРОКОВ И САТАНЫ

Древние заставили изображать воробьев некоторые из человеческих недостатков: *Невоздержанность языка* обозначалась их непрерывным лепетом и, по крайней мере, с Аристофана они рассматривались как идеограммы *Непостоянства*: «Се непостоянная птица, порхающая и не умеющая пребывать на месте» (1).

В христианской Символике воробей одинаково имеет свою прискорбную страницу, в которой он обозначает непосредственно Сатану, Опустошителя. Она взята из главы Евангелия, где Иисус говорит: «... вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы небесные (*volucres coeli*) и поклевали то...»

Фигура V. – Птица, несущая цветущую ветвь. Печать Петра Теобальда (S. PIERRE TIBAUT). Cf. Fr. EYGUN, *Sigillographie du Poitou*, Pl. LII, N° 1691

(2) Эти птицы, питающиеся зерном, упавшим при дороге, суть воробьи, но никак не большие птицы.

Иисус, когда давал Своему окружению разъяснение притчи о сеятеле, уточнил, что действие этих птиц, похитителей превосходного семени, отображало демонический труд: «ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге» (3); «*Посеянное* при дороге означает тех, в которых сеется слово, но *к которым*, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их» (4); и Святой Апостол Лука говорит в тех же самых определениях (5).

Среди древних художественных произведений одни Евангелии и иллюстрированные Библии XVI-го века и двух последующих столетий изображали Спасителя, «исполняющего жест августейшего сеятеля» и за Ним расхищающих воробьев. Эта евангельская сцена отнюдь не исходит из сферы производства картинок (6).

(1) ARISTOPHAN, *Les Oiseaux*, IV.

(2) *От Матфея Святое Благовествование*, стих 3, 4.

(3) *Там же*, Глава 13, стих 19.

(4) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 4, стих 15.

(5) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 8, стих 12.

(6) Особо смотреть Jerome NATALI, S. J. *L'Evangile selon saint Matthieu*, Anvers 1593, Edit. et paraphrase du P. DE CARRIERE, grav. p. 37.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ЖАВОРОНОК

I. ПОЛЕВОЙ СОЛОВЕЙ И НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Жаворонок наших нив и наших пшеничных полей, *Alauda arvensis*, был на Ближнем Востоке предметом одного предания, которое древнее даже греческой литературы, и отголоски его мы обнаруживаем в произведениях Феокрита, Аристофана, Эзопа и нескольких других авторов; согласно этому вымыслу, жаворонок должен был являться первым сотворенным существом на земле, и со своего вхождения в жизнь он заключил (буквально «похоронил») своего создателя и отца в своей голове... откуда хохолок, который он столь изящно носит (1).

У Греков из-за этого хохолка жаворонка стали называть *Korydallis*, от слова *korys*, означающего «гребешок» и являвшегося также наименованием воинского шлема, увенчанного гребнем. Дальше мы увидим, что этот хохолок сближал, носящую его птицу, с символизмом Спасителя. Во Франции хохлатый жаворонок называется *Cochevis*.

В очень древней мифологии определенных северных областей жаворонок рассматривался как тесно породненный с «Духом Зерна», пришедшим, чтобы содействовать тем же самым таинственным импульсом изящной птице и растению, питающему людей. После распространения Христианства в этих странах «Дух Зерна» стал более или менее отождествляться со Христом, Который Сам сказал в свидетельство Святому Иоанну: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (2).

Всякий подобный символизм проистекает от предпочтительности любимого для жаворонка жилища:

«Вьют гнёзда жавронки весною,
Когда на нивах зреет рожь» (3).

Ежедневная встреча, когда землепашец видит птицу, летающую над засеянными полями или над соседней нивой, и замечает ее как бы поднимающей зеленые колосья своей вертикальной устремленностью в небо, наподобие стрелы в «королевском выстреле», проникая столь глубоко в синеву, что человеческий глаз уже зачастую не в силах ее различить, заставляла проявлять в его разуме символизм, очень простой и выразительный. Поначалу человек сделал из соловья образ молитвы, являющийся возвышением человеческой души к Богу, ибо птица, пребывая в головокружительных высотах, некоторое время парит оттуда, чтобы исполнить песнь со всей своей силой.

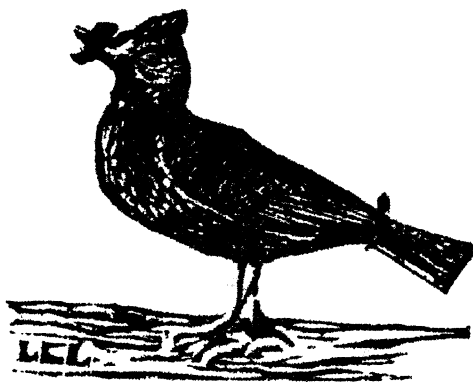
Крестьяне провинций французского Запада называют так всех малышей-мальчишек в своих семьях, показывая им птицу, рассказывая им, что она там, в вышине, умоляет Младенца Иисуса за детей сеятелей зерна. Жаворонок в наших деревнях также есть символ *радости, освобождения от налогов*.

Соглашаясь с комментатором Аристофана Гаропием, древние монахи считали, что жаворонок семь раз в день воспевал хвалы Господу, но с наибольшим усердием и радостью он их исполнял лишь в утренний час их монастырской службы *Laudes*, откуда и его латинское имя *Alauda* (a *lauda*). Это, конечно, простодушная игра слов от сельского приорства (монастыря, подчиненного аббатству – прим. пер.); но продолжим.

После многих других наиболее удачно аноним XVII-го века сделал из жаворонка эмблему Спасителя, сказавшего ученикам перед Своим Вознесением: «Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу» (4). Затем священный текст сообщает: «Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (5). Именно об этом вознесенном характере и символике жаворонка, кажется, размышлял Святой Григорий, когда писал: «Спаситель по праву назывался птицей, поскольку Его тело было восхищено в поднебесье» (6).

Не являясь определенно червеедным, жаворонок, тем не менее, должен быть классифицирован среди активных истребителей личинок, маленьких гусениц, земляных червей; он состоит особенным недругом «проволочника урожая» (Фигура I). Плутарх сообщает, что жаворонки некогда весьма почитались на острове Лемнос из-за проявляемой ими активности в уничтожении яиц кобылки (7), большой опустошающей саранчи, которую христианская Символика, опираясь на Библию (8), отмечала как одну из эмблем Сатаны. Благодаря чему символизм жаворонка можно соединить с символизмом трясогузки, зеленого дятла и больших насекомоядных, с которыми мы встретимся дальше.

Авторы, занимавшиеся легендами, относящимися к Святому Христофору, «Несущему Христа», нам говорят, что если жаворонок весьма часто изображался на верхушке посоха святого, то это было сближением, о современности которого можно спорить, но от чего оно не представляется менее реальным, установленным между латинским именем Мессии, *Christus*, и именем хохолка, *crista*, носимого жаворонком на своей голове, как Святой Христофор несет Христа на своем плече!... Мне дозволяется пример из се-

Фигура I. – Хохлатый жаворонок Франции, пожирающий проволочника. Согласно клише Лиги покровительства птиц

рьезного профессора Анджело де Губернатиса, чтобы изложить здесь равно наивную тему (9).

Духовность Ордена проповедников (доминиканцев – прим. пер.) некогда создала сближение между монахом-проповедником и жаворонком, поскольку эта птица проходит через два разных круга: один тихий и уединенный в оплодотворенной борозде или в благоприятной и питательной тени урожая; в сем убежище он пользуется безопасностью, находя здесь поддержку своей силе, позволяющей его крыльям очень высоко взлетать; другой – воздушная область, куда он вступает, когда устремляется от почвы в высоты, чтобы оттуда низводить на землю свою мелодию, заставляющую поднимать к небу головы и глаза людей, а иногда и их мысли. Значит, монах-проповедник обретает в тишине и покое своего монастыря и отдохновение для своей души, и существенную пищу как для нее, так и для своего тела; когда же затем он поднимается на кафедру, чтобы распространять сверху на верных слова веры, надежды, любви, благоразумия, правосудия, силы и умеренности во исполнение здесь теологической классификации добродетелей; то не заставляет ли он тем самым подниматься к Богу сердца и души людей?

С большей справедливостью еще сближали два круга, пересекаемых жаворонком, с двумя великими фазами земного жития Иисуса: одну из них священные авторы называют «сокровенной жизнью» Спасителя, тихо протекавшей под сенью дома Иосифа и Марии в Назарете; другая – «общественная жизнь», проходившая, наоборот, в селениях и городах Иудеи и Галилеи и бывшая обрамлением великих проповедей, благодаря которым распространилось и укрепилось на земле учение Спасителя.

В определенных французских провинциях жаворонок сохраняет еще среди крестьян имя *calandre*, что вынуждало некоторых символистов его смешивать с *caladre* или *kaladrius* Бестиариев Средневековья, прототипом которого, как говорилось выше, скорее всего, является *Charadrius pluvialis*, ржанка, зуек. Научная орнитология обладает тем же самым словом “calandre”, чтобы обозначить одну из самых больших разновидностей очень многочисленного семейства «Жаворонковых», и уже отмеченная мной номинальная путаница, удостоила жаворонка в не совсем древнем символизме быть, наравне с Каладрием, наиболее благодетельной эмблемой Любви (10), ведь благодаря только взгляду облеченному милосердием эта птица возвращала здоровье больным, приняв на себя их недуг. Тем самым, но украдкой, жаворонок еще раз входит в крылатую фауну символизма Иисуса Христа.

(1) Смотреть CLERMONT-CANNEAU, *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions*, année 1906, séance du 9 novembre.

(2) От Иоанна Святое Благовествование, Глава 6, стих 51.

(3) Жан де Лафонтен, *Басня Жаворонок с Птенцами и Землевладелец*, перевод Владимира Мазуркевича (1871-1942).

- (4) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 16, стих 28.
- (5) *Деяния Святых Апостолов*, Глава 1, стих 9.
- (6) Saint GREGOIRE, *Homelies*, XXIX.
- (7) Cf. PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, LXXIV.
- (8) Смотреть *Книгу Бытия*, Глава 10, стих 10-20; *Книгу Откровения Святого Иоанна Божьего*, Глава 9, стих 3-12.
- (9) A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, Т. II. Edition Durand-Lauriel, p. 288.
- (10) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, Т. I, p. 127; P. VERNEUIL, *Dictionnaire des Symboles*, p. 9.

II. МОРСКОЙ ЖАВОРОНОК

Водный жаворонок или морской жаворонок встречается на каждом шагу на побережье Ла Манша и Северного моря. Его находят даже на скалистых и самых пустынных островках у бретонского берега.

Эта птица, *Anthus obscurus* орнитологов, гнездится на земле и во многом по сложению и цвету напоминает полевого жаворонка; более того, она, как и он, устремляется в небо, где задержавшись на мгновение и запев, начинает почти вертикально падать (1).

Морской жаворонок весьма симпатичен для моряков и населения побережья Ла Манша, но мне неизвестно, рассматривался ли он в их религиозных преданиях: его привычки представляются такими же, как и привычки нашего дорогого полевого жаворонка.

-
- (1) Cf. Mme FEUILLEE-BILLOT, *La Reserve ornithologique des Sept-Iles, en Perros-Guirec, (Cote du Nord)*, p. 36.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ТЯСОГУЗКА

1. ТЯСОГУЗКА В ПРЕДАНИЯХ ДО И ПОСЛЕ ИИСУСА ХРИСТА

Предания, относящиеся к скромным воробьям всех видов, нашим ежедневным спутникам, часто приносят нам интересные отблески мысли людей прошлого.

Как и некоторые другие воробьи, трясогузка у древних Греков была предметом высшего значения: Филострат, описывая вымышленный Вавилонский храм, целиком сооруженный из голубого небесного сапфира, говорит, что на каждом углу его свода были подвешены изображения четырех трясогузок (1). И соглашаясь с Павсанием, он добавляет, что образ этой птицы, посвященной Фойбосу-Аполлону, находился также под сводами Дельфийского храма (2).

Скажем дальше, что античные суеверия широко использовали трясогузку. В народных преданиях Франции она не только как жаворонок подруга сеятеля зерна, но и особенная приятельница пастуха (*le berger*), ибо от него происходит ее французское имя (*la bergeronnette*). Когда первый, идя за своим плугом, развзвзает землю, то, оборачиваясь назад, видит в канавках свежей борозды изящную птицу, следующую за ним и уничтожающую вредных земляных червей; и когда, с другой стороны, пастух рассматривает на пастбище своих быков и телок, то замечает трясогузку, иногда садящуюся на спины этих животных, избавляющую их от опасных паразитов и защищающую от злостных мух и оводов, в то время, как движение их членов не могут спасти скотину от этого. И поступая так с личинками двукрылых или даже с червями в борозде, трясогузка пользуется тем же самым символическим характером, что и журавль, бекас или чибис: она является аллегорическим образом Христа, разрушающего начала Зла, у которого червь, личинки, моль всегда были эмблемой в Символике всех народов древнего мира.

Средневековье, унаследовавшее самые древние иллюзии, полагало, что некоторые трясогузки – как и определенные другие птицы – были божественно наделены великим даром ношения в себе святого камня, способного предохранить людей и животных от чумы, бешенства и одержимости злыми Духами. Считалось, что образ гостии иногда фигурирует посередине этого камня, который нельзя разбить, но который должен быть почтительно носимым в мешочке или даже вставленным в крест, в драгоценность, в оправу кольца. Сей камень не является вымышленным, и только его предполагаемые качества принадлежат иллюзии. Согласно минералогу Бёрару (*Beurard*), это

камень соли хлористой кислоты, образующийся иногда в желудке трясогузки (3), и образ гостии должен быть лишь округлым и более бледным бликом, составленном в центре данного отложения. Сближение между этим диском и евхаристическим хлебом может вполне восходить к первым временам Христианства, тогда как первые ритуальные хлеба уже обладали круглой формой, которую обрели с VI-го столетия первые формованные гостии (Фигура II) (4).

Отложение, о котором ведут речь Бёар и Ланден и называемое другими минерологами и собирателями преданий *Камнем Трясогузки*, *Камнем Пастушки*, *Бержеронном* (*Bergeronne*), как считал в XV-м веке добрый герцог Рене Анжуйский (5), очень показательно именуется в нескольких областях *Камнем доброго пастыря*, поскольку пастухи им пользуются в качестве охранительного и лечебного амулета против эпидемических заболеваний, одолеваящих стада; и в века глубокой и живой веры самостоятельно делалось сближение между этим названием и божественным и идеальным Пастухом, сказавшим о Себе Самом: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (6).

- (1) PHILOSTRATE, *Vie d'Apollonius de Tyanes*, I, 25.
- (2) *Ibid.*, VI, 11. – PAUSANIAS, *Voyage historique*, X, 5.
- (3) Cf. LANDIN, *Dictionnaire de Mineralogie*, p. 332.
- (4) Cf. *Dictionnaire d'Archeologie Chretienne et de Liturgie*, T. V, vol. I, col. 1367.
- (5) Cf. DE VILLENEUVE-BARGEMONT, *OEuvres du Roi Rene*, T. II.
- (6) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 10, стих 11.

II. ТРЯСОГУЗКА И ЦЕЛОМУДРИЕ

С другой стороны, в соответствии со временем и местом, Древние предоставляли птице, нас занимающей, иногда непреодолимую власть афродизиака, а иногда диаметрально противоположную силу.

Пиндар нам сообщает, что трясогузка является даром, созданной людям самой Афродитой (1). Именно для Ясона, чтобы соблазнить Меду, этот дорогой подарок был сделан богиней любви.

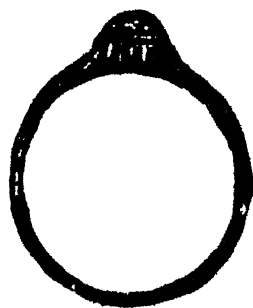
По словам византийского грамматика Цецеса, маги еще в XII-м веке использовали внутренности

Фигура I. – Трясогузка в двух магических кругах. Согласно I. BAUDOUIN, *Op. cit.*

трясогузки для виновных практик и волшебства и вызывали эту птицу эротическими песнями, что представляется продолжением существования того, о чем мы читаем у Феокрита.

Другие, совсем наоборот, делали из той же птицы нечто вроде покровительницы Целомудрия, предохраняющей от огня блуда, и в своем сборнике эмблем, опубликованном в 1639 году, И. Бодуэн их любопытно подытожил в нескольких словах, которые иллюстрирует гравюра, на которой птица изображена лишь с относительной орнитологической точностью: «... Вполне достоверно, что Гомер, – сообщает он, – и те, кто его комментировали, пребывают в согласии относительно того, что для преград раздражения Венеры нужно взять только эту птицу, которая, прежде всего, помещается между двух пересекающихся друг с другом кругов, затем это прикладывают на живот» (Фигура I) (2). Вот какое лечебное средство, которое вас легко избавит от скучной строгости аскетизма, рекомендованного святыми!.. Впрочем, добряк Бодуэн остается скептически настроенным в его действенности, ибо, как сам убежденно добавляет: «Полагать, что это могло бы совершиться благодаря очарованию, которое здесь под вопросом, конечно, не безумие, но сие, по крайней мере, большой признак сумасбродства и развращенного Духа...» Тождественным должно быть мнение нашего Святого Отца Папы.

Фигура II. – Кольцо XVII-го или XVIII-го столетия, несущее в оправе «камень трясогузки»

(1) PINDARE, *Pyth.*, IV.

(2) I. BAUDOUIN, *Receuil d'Emblemes divers*, edition de 1639, T. II, p. 229.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

ЗЕЛЕНый ДЯТЕЛ

I. ВРАГ СКРЫТЫХ ЧЕРВЕЙ

Нравне с символизмом трясогузки, символизм зеленого дятла, относящийся к червеядной птице, подчиняется той же самой концепции: Иисус Христос, непримиримый враг Сатаны, преследующий повсеместно этого губителя душ. Более того, с ней соединяется частный аспект, принадлежащий испытаниям, которые мы претерпеваем в ходе нашего земного странствия.

В конце последнего столетия доминиканец Р. П. Гедон, собиратель вандейских преданий и поэт, резюмировал следующим образом то, что можно сказать на предмет зеленого дятла: «Взгляните, — говорил он, — на эту птицу: она любит деревья наподобие всех иных земных птиц и даже больше многих из них таких, как ласточка, куропатка, перепел и соловей, редко пользующихся их тенью, и все же она их жестоко поражает своим острым клювом, их ранит, их терзает; но это для того, чтобы удалить из них опасных червей, подтачивающие и грызущие личинки внутри самих же растений; затем тотчас она убивает паразитов» (Фигура I).

«Наш Господь зачастую действует тождественно по отношению к нам: Он нас любит и, однако, поражает нас в нашем теле, в нашем духе, в нашем сердце посредством часто очень мучительных испытаний; но это для того, чтобы нам сделаться лучше, когда мы претерпеваем скорби, и чтобы нам избавиться от порочных личинок, подтачивающих нас, являющихся делом Сатаны. Итак, разумеете, как древо, оставаясь бесстрастными, или, по крайней мере, терпеливыми в постигающих нас испытаниях, которые, несмотря на их суровость, предстают чаще всего лучшим лечением, нежели удары наказания» (1).

Фигура I. — Зеленый дятел, уничтожающий личинку усача.
Согласно клише Лиги покровительства птицам

(1) Cf. R. P. GUEDON, *Instruction de retraite spirituelle*, Saint-Laurent-sur-Sevres (Vendee), 1897.

II. СИМВОЛ МОЛИТВЫ КАЮЩЕГОСЯ ГРЕШНИКА

Патер Гедон не был единственным интересовавшимся в краю Вандеи зеленым дятлом: одно легендарное предание, довольно состарившееся от столетий, делает из этой птицы эмблему действенности молитвы кающегося грешника; по ее словам, когда в ходе творения Бог пожелал завершить устроение источников, рек, стремнин, прудов и озер, повелев всем роющим животным и всем птицам, имеющим крупные и крепкие клювы, прийти и Ему помогать.

Все, за исключением одного зеленого дятла, тотчас.

И тогда, чтобы наказать, Бог говорит непослушной птице: «Впредь ты не выпьешь ни одной капли воды, коснувшейся земли». Вот почему, когда зеленый дятел чрезмерно страдает от жажды, то кричит к Богу, упрашивая сжалиться над ним; и благой Бог направляет тогда Свои облака к умоляющей птице, которая может тогда пить на листе деревьев дождевые капли, прежде чем они коснулись земли; но поскольку всегда необходимо исполниться правосудию, Бог его заставляет ждать иногда весь день или более того перед тем, как удовлетворить его просьбу. И знающий эти вещи сельский человек, как только слышит повторяющиеся крики зеленого дятла, поднимает в скирды свое скошенное сено, складывает в кучу свои уже связанные снопы, в то время как мать семейства спешно собирает белье, сушившееся на соседнем кусте (1).

Все европейские птицы семейства дятловых разделяли в качестве охотников на личинки и вредных червей символизм зеленого дятла вплоть до крошечной пищухи, величина которой едва достигает величины самых мелких синиц (Фигура II).

Фигура II. – Пищуха в деле охоты

(1) Cfr. *La Vendée Historique et Traditionnelle*, ann. 1910, № IV, p. 111.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

СОЛОВЕЙ

І. СОЛОВЕЙ, ЭМБЛЕМА ДУХОВНОЙ РАДОСТИ И БОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Греческая мифология сделала из соловья перевоплощение души Филомелы, сестры Прогна, ласточки, много пострадавшей от ненавистного Терея. Филомела, превратившись, удалилась в лесную сень, чтобы там петь на протяжении летних ночей, когда возвращались трагические воспоминания, ее одолевая.

Эта тема, опечалившая греческий Миф, не возымела влияния, оказанного на христианскую Символику определенными другими сюжетами, поскольку соловей в ней стал уже очень рано одной из эмблем Восторга, являвшегося со времен столь освидетельствованных римский гонений, как бы характеристикой христианского духа (1), который средневековая духовность нарекла «святой радостью чад Божиих».

Несомненно, соловей был одной из птиц, очень часто посещавших мысль художников, кисти которых украшали подземные святилища Рима в течение первых четырех христианских столетий: там так многочисленны птички, порхающие в цветах, между венками, в листве весенних садов или рощ.

Средневековые Бестиарии, говорящие о *Ousegnol*, *Rousegnol*, *Roussigneul*, *Noussigneux*, делают из этой птицы эмблему святой радости, увенчивающей душу праведника. В тождественном смысле выражался Петр Пикардиец, писав в XIII-м столетии о соловье: «Эта очень маленькая птица, о которой нам сообщает Физиолог, что она добровольно пребывает в великолепных лесах и прекрасных садах, где поет каждую ночь, но далее перед зарождением дня и восходом солнца она проявляет сама по себе и своей песней огромную радость. Здесь заключен образ святой души, житейской ночью ожидающей Нашего Господа, истинное Солнце Правды, и когда она чувствует, что Он снизошел в ее сердце, то от такой великой радости она уже не в силах молчать» (Фигуры I и II) (2).

Фигура I. – Соловей на
бронзовой закладке
Мартена Сеньёля
(Martin Segneul), XIV-й
или XV-й вв. Найдена
в Пюи-Сен-Бонне
(Puy-Saint-Bonnet)
аббатом Боссаром,
кюре Менигупта
(До-Севр)

И хотя в этом средневековом тексте не говорилось о древней интерпретации, сделавшей из соловья одну из эмблем Спасителя, божественного Слова, тем не менее, очевидно, что древние мистики, поднимаясь по течению к своему истоку, видели, как и нынешние мистики и мистики завтрашнего дня, коим предстоит сие увидеть, в воплощенном Христе «созидателя нашей радости» по самому факту того, что Он является автором человеческого спасения, *causa nostrae laetitiae*. «Сын есть причина бьющей ключом радости» – так позже напишет Якоб Бёме, соглашаясь в этом с католической мистикой (3).

– С другой стороны, символисты до и после Петра Пикардийца часто видели в ночном пении соловья эмблему божественного Слова, которое, прежде Вифлеемской зари, слышалось во тьме дохристианских времен в устах Пророков Израиля и Вдохновенных от Языческого мира (4), и которое, облекшись плотью и человеческим естеством, распространило над миром собственными устами свет своего учения и радость спасения.

Фигура II. – Восторженный Соловей.
Миниатюра из манускрипта
Бестиария Петра Пикардийца,
XIII-й век. Согласно С. CAHIER,
Op. cit., Т. II, Pl. XX, 5

- (1) Смотреть Dom A. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, Т. III, col. 1286.
(2) Pierre le Picard. Texte integral dans Ch. CAHIER, *Bestiaires*, in *Melanges archeologiques*, Т. II, p. 159.
(3) Jacob BOENME, *L'Aurore naissante*.
(4) Смотреть Andre GODARD, *La Pitie antique et Le Messianisme*, passim.

II. СОЛОВЕЙ, ЭМБЛЕМА ВОСТОРЖЕННОСТИ СВЯТОЙ ЛЮБВИ

Мистики прошлого брали соловья одинаково в качестве символа любви души к Богу, вознесенной на самую высокую степень восторженности.

В ту же самую эпоху, когда жил и писал Петр Пикардиец, Святой Бонавентура восхвалял соловья и его мелодичный голос в следующих определениях:

«Я читал об этой птице, что, ожидая приближение смерти, она садится на дерево и с начала зарождения дня, воспрянув своей головой, всецело разливается в удивительных песнопениях».

«Ее наиболее сладостные звучания предваряли зарю, но когда солнце испускает свои первые лучи, ее голос становится самым сильным и нежным, и в своих песнях она уже не знает отдохновения».

«На третий час, кажется, что она не ведает никакой меры, ибо ее радость возрастает все больше и больше, ее грудь, казалось бы, готова разорваться от своих усилий; ее голос возрастает и вздымается с возрастающей силой; она истощаема пылкостью».

«Но когда к середине дня солнце источает самые жгучие свои лучи, ее хрупкое тело погибает от избытка своих воплей».

«Ее голос угасает в своем клюве, который еще колеблется, ее тело трепещет в высшем усилии, и она испускает свой последний вздох в девять часов...»

«Мой сын, желал бы я увидеть твою душу, ставшую этой Филоменой, живущей и умирающей от своего песнопения любви. Пусть жизнь проявится перед тобой только как день ожидания, часы которого отмечены благодеяниями Божиими перед вечной трапезой на свадьбе Агнца» (1).

Эта чрезмерная песнь соловья, не подобна ли, как отголосок, последнему песнопению лебедя, символизм которого почти тождествен?

(1) Saint BONAVENTURE, *Philomene*. Traduction de R. Zeller, *Chroniques du royaume de Dieu*, p. 112.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

СЛАВКА

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СПУТНИЦА СОЛОВЬЯ

Очень близкая родственница соловья, поскольку принадлежит к одному и тому же орнитологическому семейству, Славка некогда разделила с ним его роль эмблемы радости христианского народа и эмблемы божественного Слова у духовенства: один – чудесный певчий ночей; другая – изысканная певица солнечных дней.

Две разновидности славки по-особенному оспаривают вокальное совершенство у Соловья: Орфическая славка (*Sylvia hortensis*) лесов и садов и Черноголовая славка (*Sylvia atricapilla*). Древние воспитывали эту последнюю в неволе, заставляя ее символизировать идею «горькой кротости», ибо «нет птицы в клетке более нежной» (1). Именно отсюда характер, коим не обладает соловей, но который, однако, ему соответствовал в качестве птицы духовной любви. Разумеется, что, дополняя, таким образом, один другую, они побуждали древних мистиков, восхищавшихся их чудесными голосами, благодарить с автором Христиады Бога, «породившего восхвалявшего Его Христа, Любящего Учителя, Нерасторжимо Любящего, посылавшего песнь любви в массу разумеющих хоров симфонического Мироздания» (2).

На оборотной печати архиепископа Мелля (Melle) в диоцезе Пуатье две птицы сидят на цветах. Это и есть символ небесных радостей и счастья, уже интерпретировавшийся в искусстве римских катакомб, который наше Средневековье непрестанно сохраняло в мистической сигиллографии (Фигура I).

Дальше мы увидим символизм, некогда связанный с пением птиц.

Фигура I. – Оборотная печать Готфрида, архиепископа Мелля, 1291-1296 гг. (3)

(1) J. TROUSSET, *Nouveaux Dictionnaire encyclopedique*, T. II, p. 77.

(2) Deodat DE BASLY, *Le Christiade*, T. I, p. 213.

(3) Cf. Fr. EYGUN, *La sigillographie du Poitou*, pl. XLIII, № 1348.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ПТАШКИ СТРАСТЕЙ ИИСУСА ХРИСТА

КОРОЛЕК, ЩЕГОЛ, МАЛИНОВКА, ЗЯБЛИК, ЛАСТОЧКА В ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Не давая символического значения каждой из них, предания и легенды, образующие Фольклор Франции и других стран Крайнего Запада очень изящно связали некоторых из маленьких гостей деревьев наших садов со Страстями Искупителя так, что единственный вид этих птиц напоминал нашим отцам великую драму Голгофы.

Не говорили ли эти легенды, например, что королек прилетал непрестанно проливать на иссохшие уста Распятого Бога свежие капли воды, приносимые им с ложбинки на лепестке розы, и не в силах сделать ни больше, ни лучше? Добрые люди прошлого в северном Пуату и в Анжу утверждали даже, что этот королек пришел оттуда, богатый божественными дарами, завершить свои дни к ним, и что все корольки данного региона являются его правнуками.

Не будем слишком улыбаться: важный Светоний всерьез рассказывал Римлянам своего времени, что смерть Юлия Цезаря заранее возвещалась для мартовских Ид смертью одного королька, растерзанного другими пташками в храме Помпея, когда он нес лавровый лист (1).

В других местах рассказывали, что *Щегол*, *Малиновка* и *Зяблик* проявили все трое сочувствие к страданиям благого Иисуса, вменив себе в обязанность вытащить один за одним из божественной плоти шипы тернового венца. Все трое были ранены этими шипами и равно оказались покрыты божественной кровью, благодаря чему части их маленьких тел остались славно отмеченными: Щегол заработал, таким образом, красный чепчик на свою голову; Малиновка и Зяблик получили по нагруднику кровавого цвета. И непрерывное наследие чести удостоило их потомков участвовать в той же самой привилегии.

Когда совершилось великое жертвоприношение, и Иисус после трех дней погребения опрокинул камень Своей гробницы, чтобы восстать победителем смерти в славе зари Пасхи, то случилось, как я уже говорил, согласно восточной легенде, что все *Ласточки* Иудеи полетели по четырем ветрам неба, чтобы прокричать всем народам земли *Alleluia* и *Surrexit Dominus vere*.

Эти легенды, не соотносились ли с определенными особенностями, которые мы отмечаем на изящных произведениях искусства, например, с тем фактом, что Примитивные живописцы XV-го столетия и художники Ре-

нессанса, их наследники, часто влагали в руку божественного Дитя или помещали рядом с ним образ щегла? (1) Доктор Пробст-Бирабен, касаясь картин Леонардо да Винчи, приводил другой довод, объяснявший смысл присутствия вышеназванной птицы на нескольких произведениях великого мастера: «Неужели произвольно, – говорит он, – Леонардо дает определенные цвета, всегда те же самые, птицам и цветам? Щегол сопровождает дитя Иисуса; он *желтый*, символ солнечного просвещения, и *красный*, цвет вина, крови и жизни» (2).

Желтый также является в христианской символике цветом прославления, а красный – цветом жертвоприношения.

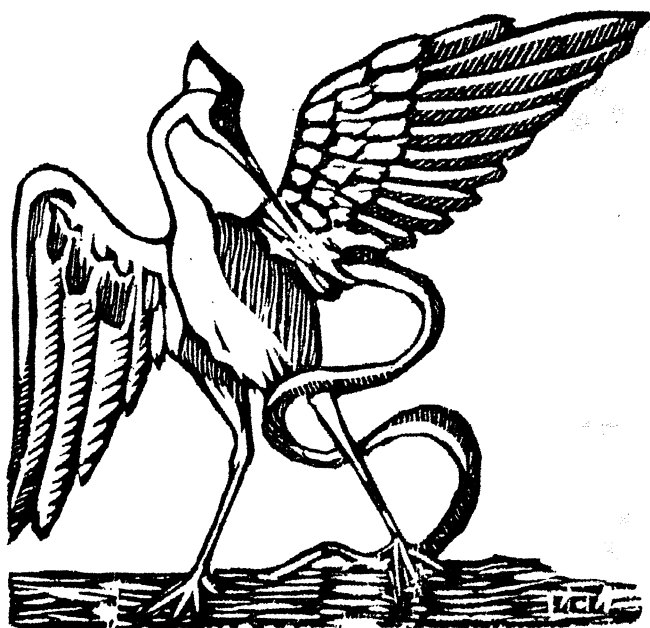
(1) SUTONE, *Vies des douze Césars*.

(2) Пример: Приснодева Мария со Щеглом Рафаэля, которая находится в Уффици во Флоренции.

(3) Dr PROBST-BIRABEN, in *Leonard de Vinci initie*; in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVIII, 1933, № 162, p. 264.

ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ

ПТИЦЫ
ВОД И ПОБЕРЕЖИЙ

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

ЛЕБЕДЬ

І. ЛЕБЕДЬ В ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

Целиком белый в своем незапятнанном платье эмблематический Лебедь приходит к нам из северных стран, покрытых почти всегда ослепительными снегами. Когда изучаются самые древние свидетельства о человеческом присутствии в этих высоких европейских областях, первая из птиц, встречающихся здесь в нарождающемся эмблематическом искусстве, это Лебедь.

Какой народ жил тогда в этих странах и под суровыми и великолепными небесами?.. Едва он поспешил добавить к своему первому каменному инструментарию, который он сумел чудесно изготовить, инструменты из меди и бронзы, как тотчас повсюду появляется Лебедь, как наперсник мысли этих первобытных людей и изящное выражение их верования в верховное и светлое Существо, господина мироздания и отца их расы.

На своем вооружении, мечах, кинжалах и ножах всех видов, эти варвары, очень быстро ставшие замечательными мастерами в зарождающемся искусстве металлической плавки, помещали, конечно, Лебеда как религиозный знак и, вполне вероятно, как талисман, символ священной птицы, будь он выгравирован на предмете или отдельно выточен на нем же (Фигура І) (1).

Та же самая практика присутствует на ювелирных украшениях, где мы видим иногда солнечный диск, испускающий лучи, заканчивающиеся лебедями или головами лебедей, наподобие рук, распределяющих милость, которые завершают лучи солнечных дисков сверху над головами фараонов в иератическом искусстве Египта.

Доисторическая археология очень древних народов Финляндии, Скандинавии и Дании нас равно снабжает многочисленными бронзовыми экземплярами солнечных колесниц и лодок, у каждой из которых края завершаются шеей и головой лебеда, являвшегося для этих народов тем, чем Аполлон

Fig. I.

Фигура І. —
Скандинавский нож
бронзового века.
Согласно DECHELETTE,
Op. cit.

позднее станет для классических стран, образом и олицетворением, если можно так выразиться, бога Солнца, излучаемого им сияния и благодетелей; бога, посылавшего с высоты небес на землю тепло, свет, плодovitость, радость. Вот почему их художники запрягали лебедя не только в лодку (2) или в колесницу, но еще и прицепляли его к солнечному колесу, и в этом эмблематика лебедя уподоблялась эмблематике солнечного коня (3).

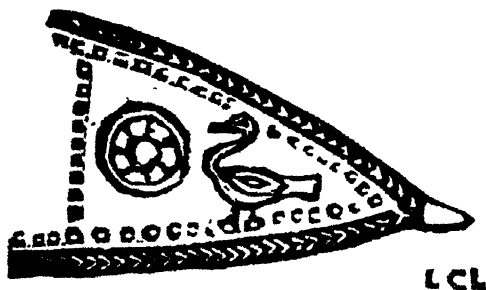
На крайнем севере у Лапонов и на Нордкапе и до Карского моря предания увековечивают еще и сегодня старинный восторг далеких предков по отношению к таинственному лебедю: его образ остается здесь действующим амулетом, как одинаково и его голова, опорожненная и высушенная, оберегает иногда с занимаемого ей благоприятного места семейный очаг. У Эскимосов юные девицы, приближающиеся к возрасту замужества, носят амулет из клюва лебедя, дабы их первый ребенок был мальчиком (4).

В северной Германии богиня Фрейя, бедная сестра латинской Венеры, обладала, как и королева Берта рейнских легенд, ногами лебедя (5).

Чистая и благородная доисторическая эмблема, кажется, очень рано пришла из нордических регионов в центр и юг Европы, поскольку с бронзовой эпохи она встречается в Гибернии (Ирландии), Германии, на юго-востоке Галлии и в Ломбардии. Фрагмент пластины поясного ремня, который приводит Дешелетт, лигурийского происхождения, который, вероятно, восходит к той же самой далекой эпохе, показывает нам лебедя перед солнечным Колесом, что считалось скандинавским произведением (Фигура II) (6). Раскопки Мон Бёврэ (Mont Beuvray) в Бибракте (Bibracte) у Отюна обеспечили нас бронзовым лебедем, предшествующим римскому вторжению; он увенчивает наконечник, предназначенный закреплять его на древке, как и инсигнии независимых Галлов: руку, кабана, жаворонка, петуха и т. д. (7)

Немногом дальше мы обнаружим звездного лебедя в Греции; но кто скажет, какими неведомыми путями он стал в Ведах древней Индии эмблемой Солнца? (8) И почему он обозначался там как средство передвижения Брахмы? (9)

Не потому ли, добавлю здесь, что серьезные авторы полагают, будто символические характеры, достаточно близкие характерам, относимым к лебедю народами Севера, равно связывались и с уткой, а особенно с белой уткой? «Лебедь и утка, – считает Губернатис, – смешиваются друг с другом в одной и той же традиции» (10). Будучи так сформулированным, это утверждение предстает, конечно, слишком абсолютным: оно может быть точным лишь в отношении очень древних периодов и только некоторых стран.

Фигура II. – Лебедь и солярное колесо. Край бронзового поясного ремня из Поджо Бюстоне (Poggio Bustone). Согласно DECHELETTE, *Op. cit.*

- (1) Смотреть J. DECHELETTE, *Le culte du Soleil aux temps prehistoriques*, in *Revue archeologique*, T. XIII, p. 331.
- (2) Смотреть J. DE MORGAN, *L'Humanite prehistorique*, p. 266; J. DECHELETTE, *Manuel d'Archeologie prehistorique*, T. II, Part. I, pp. 426-453.
- (3) Cf. J. DECHELETTE, *Les Origines de la Drachme et de l'Obole*, in *Revue numismatique*, annee 1911, pp. 28, 29.
- (4) Cf. Knud RASMUSSEN, *Du Groenland au Pacifique*, p. 241.
- (5) Cf. A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*. Edition Durand-Lauriel, T. I, p. 272.
- (6) Смотреть J. DECHELETTE, *Le culte du Soleil aux temps prehistoriques*, in *Revue archeologique*, T. XIII, 1909, p. 349.
- (7) Смотреть BULLIOT, *Les fouilles de Bibracte*, in *Revue archeologique*, IIe serie, T. XXIII, 1872, p. 187.
- (8) MAURY, *Religion de la Grece*, T. I, p. 147, note 6; P. DECHARME, *Mythologie de la Grece antique*, p. 104.
- (9) R. GUENON, *L'Homme et son devenir selon le Vedanta*, p. 71.
- (10) A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, T. I, p. 163.

II. ЛЕБЕДЬ В ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Мифология Греков, унаследованная Латинянами, неоднократно вводила лебедя в свои фантазии, первоначальный смысл которых нам почти совсем неизвестен: он, несомненно, сокрыт от наших глаз под искажениями, увеличивавшимися из века в век до времени самых древних писателей, передавших нам мифы. Некоторые персонажи появляются в них перед нами под именем и в образе благородной белой птицы: Кикнос с Тенедоса, сын Посейдона, Нептуна Латинян, коего Ахилл нашел неуязвимым, над которым можно восторжествовать, лишь задушив его, и которого боги превратили в лебедя; другой Кикнос, отвратительный сын Ареса, Марса Латинян, побежденный Гераклом и умерщвленный им, но воскрешенный своим отцом в виде лебедя; затем Кикнос, царь Лигурии, столь возлюбивший своего родителя Фазтона, сына Аполлона, и столь оплакивавший его смерть, что бог света обратил его в лебедя, поместив среди звезд (1).

Этого не произошло, тем не менее, в воспоминание о победе Геракла над сыном Ареса, ведь на щите победителя, согласно Гесиоду (2), было изображение Океана, на поверхности которого плавали лебеди. Тот же самый Гесиод нам сообщает, что в иных местах лебеди часто обозначают аэдов, прославляющих богов и героев (Фигура III).

Одна вещь для нас содержательна во всех поэтических мечтаниях, относящихся к метаморфозам различных Кикносов в лебедей — это то, что они, в итоге, оказывались равнозначными некоему виду воскресения, таившемуся под покровом чудесного превращения.

Греки, иногда запрягавшие лебедя в колесницы Диониса (3) и Афродиты, ставили его в особые отношения с Аполлоном: их легенды рассказывали, что на Делосе в момент своего рождения юный бог прыгнул в средоточие

лебедей, которые очень мелодично воспевали его появление на свет. Осенью каждого года, по словам аэдов, Аполлон-Солнце восходил к гиперборейским областям, где правила по ту сторону ледяной преграды непрерывная весна, купавшаяся в неподвижном свете серебристого солнца. И бог красоты жил там, среди лебедей, которые его на колеснице доставляли к пальмовым рощам Делоса, когда зарождались первые цветы и бутоны олеандров.

Для аэдов, однако, лебедь не являлся непосредственным образом Аполлона. Он был служителем Аполлона, чтобы его переносить, чтобы его прославлять. Он символизировал божественную потенцию, доставляющую каждую весну чистый свет и радость земле и приносящую, с другой стороны, духу и человеческой душе божественный дар умственного света.

Наконец, те же самые поэты восхваляли материнство юной Леды: с высоты Олимпа Зевс-Юпитер возлюбил изящество и красоту этой принцессы Этолии, и под внешностью ослепительного лебеда царь богов спустился к ней, пока она спала в тени возле горы Тайгет. И вот, что она услышала после своего пробуждения от божественной птицы, сказавшей ей: «Леда, не страшись ничего, я – царь неба и хочу, чтобы для меня ты стала знаменитой матерью двух детей, подобных друг другу. Они будут жить, как живут, один уступая место другому – Солнце и Луна. Нареченные Кастором и Поллуксом они станут богами, милосердие которых смягчит то, чем мучительным для людей обладает смерть...» (4) И вот девять месяцев спустя Леда снесла миру чудесное яйцо, откуда вышли два ребенка, в точности тождественные друг другу; «с их рождения одна и та же звезда искрилась над их головами; позже они садились верхом на одного и того же белого скакуна, и их руки были вооружены одним и тем же копьем» (5).

Какова же часть первоначальных истин, скрывающихся в этих изумительных сказках?.. Не стоит ли здесь напомнить, что некоторые среди наиболее проникательных нынешних мифологов рассматривают все эти невозможные адюльтеры и эти похищения античных богов в качестве слишком реалистичных для наших глаз манифестаций, но на деле выразительных проявлений верования, укрепленного в глубинах души нашей расы изначальными преданиями, нетленного верования в возможность телесного соединения между нисходящим с неба Божеством и Человечеством.

Представляется, что если в последние доисторические столетия «ключ» почти всех очень древних мифов все же не был утрачен для доброго числа посвященных, то их символический смысл больше не разумелся толпой, для которой, таким образом, сюжетное звено лебеда и прекрасной Леды воспринималось только изящной эмблемой чувственных игр; но мы должны при-

Фигура III. – Лебедь
на монете из Клазомены
в Ионии

знать, что, переместившись в строгую область искусства, художники Греции и Италии извлекли из этой темы в скульптуре, в чеканке и по-особенному в гравировке на драгоценных камнях неоспоримые и чарующие чудеса (6).

Что же касается яйца, служившего Диоскурам Кастору и Поллуксу их оболочкой, странной для света дня, то его символизм соответствует символизму Мирового Яйца, которое мы изучим, говоря об ископаемом морском еже; заметим здесь просто, что яйцо лебедя, наравне с яйцом змеи, одинаково рассматривалось в античности в качестве родственного с Мировым Яйцом, обозначаясь, как таинственное, очень древними концепциями. Считается, что само происхождение Диоскуров заставило смотреть на них, как на существовавших людей-лебедей (7).

По словам Арнобия, в Сирии бог Ходад (Hodad) и богиня Атаргатис также произошли из одного яйца.

-
- (1) Смотреть OVIDE, *Les Metamorphoses*, Livre II, fol. IV. Mario MEUNIER, *La Legende doree des Dieux et des Heros*, edition 1925, p. 118. – CHOMPRES, *Dictionnaire de la Fable*, edition de 1786, p. 122, etc.
 - (2) HESIOD, *Le Bouclier d'Hercule* (Гесиод, Щит Геракла).
 - (3) Таким мы его видим на живописной вазе сзади колесницы, увлекаемой шеей Лебедя. Cf. MALET et ISAAC, *L'Orient et la Grece*, p. 210, gravure.
 - (4) Cf. Mario MEUNIER, *La Legende doree des Dieux*, p. 32.
 - (5) Та же самая особенность у печати Ордена рыцарей Храма, изображавшей двух рыцарей на одном и том же коне. Cf. Fr. EYGUN, *Sigillographie du Poitou*, p. 443, pl. LXVII, № 1. 662.
 - (6) Смотреть, например, M., *Camees, scarabees, intailles et pates de verre*. Paris, Hotel Drouot, 27 et 28 mai 1926; fig. № 11, 166, 167, 180.
 - (7) Cf. Salomon REINACH, in *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions* séance du 15 fevrier 1901) et *Revue archeologique*, IIIe serie, T. IX, 1902, p. 382, note.

III. ЛЕБЕДЬ В ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ

Не стоит удивляться, что изображения сюжетного звена Юпитера-Лебедя и Леды очень редко появляются в декоративном западном искусстве первых христианских столетий; тем не менее, этот образ этолийской принцессы и птицы присутствует на нескольких христианских предметах данной эпохи, просто скопированных с других подобных языческого использования; все же отметим, что мы видим Леду и лебедя-Юпитера на древнем саркофаге, сохранившемся в кафедральном соборе Тортоны, христианское происхождение которого доказал Ботаци, и на нескольких других скульптурах из музеев Берлина и Александрии, рассматриваемых в качестве христианских; в XIII-м столетии почтенный церковнослужитель из Суассона заставил изготовить на печати античную резьбу, изображавшую мифологическую тему, и написать вокруг нее: “+ SIGILL. MAGIST. ANDREE. ARCHID. SVEISSON” (1), печать Магистра Андрея, архидиакона из Суассона. Сообщив эпоху ис-

Фигура IV. – Эрос,
Лебедь и Лета.
Христианская
коптская скульптура
(Верхний Египет).
Согласно *Dictionnaire
d'Archeologie chreti-
enne*, fasc. 88-89, col. 2.
037, fig. 7. 033

пользования этой печати, можно лишь повторить с Ле Куром: «Необходимо уточнить, что сие приключение Леды не расценивалось определенными людьми Церкви, как выражающее плотский акт» (2).

Так не считал, однако, Климент Александрийский, горячо ставивший в упрек христианам эллинистического Египта то, что они продолжали гравировать на своих кольцах «образ Леды и влюбленной птицы» (3); значит, этот обычай был весьма распространенным в одной стране. Немногим позже копты-христиане Верхнего Египта, менее суровые, нежели знаменитый александрийский автор, использовали в скульптурной декорации своих религиозных зданий изображение приключения Леды. Здесь мы приводим одно из таких произведений искусства, находящихся в музее Каира (Фигура IV); остаются еще три артефакта (4), что вполне нам доказывает о распространенности этой скульптурной темы в христианстве долины Верхнего Нила.

Будет в высшей степени интересно узнать о всякой задумке, сумевшей там избрать для церквей этот исключительный мотив украшения, который не мог оставаться чисто орнаментальным. Мы можем после всего остановиться только на одном факте оплодотворения девицы Лебедем-богом, чтобы узреть в нем прообраз материнства Приснодевы Марии, «объятой» Святым Духом: *"Spiritus Sanctus superveniet in te, et virtus altissimi obombrabit tibi"* (5). Не таков ли был замысел папы, заставившего изобразить на великих вратах храма Святого Петра в Риме образ Леды рядом со своим лебедем?

Мы обнаруживаем одинокого лебедя и на отдельных христианских лампах: Дом Леклерк

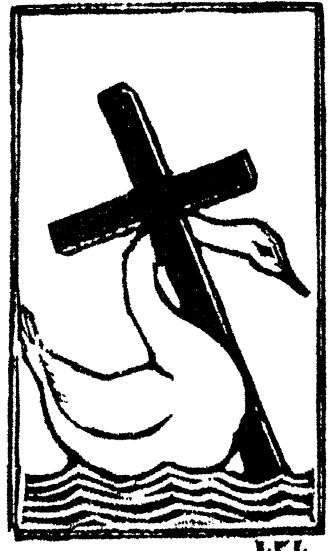

Фигура V. – Печать Якова
Бонно XIII-го столетия.
У господина аббата
Фр. Шарпантье

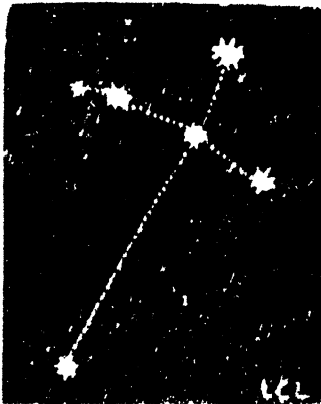
приводит восемь ламп, украшенных птицами, классифицируя их под рубрикой «Лебеди и Пеликаны», на которых несколько пернатых являются чистыми лебедями (6).

Сообщим также, что между иными предметами обнаружен ковш, несущий монограмму Иисуса Христа, рукоятка которого завершается головой лебедя. Я добавлю, что на великой мозаике храма Святой Констанции в Риме, относимого к правлению императора Константина, дети играют с лебедями, и один ребенок унесен одной из этих птиц (8).

Некая темная связь для нас, кажется, сблизила в прошлом, по крайней мере, в провинциях нашего Запада лебедя и крест Спасителя. Взгляните рядом на печать Жака Бонно XIII-го столетия, где лебедь плывет по «тихой воде» под крестом (Фигура V) (9). Но значительно раньше Удары (Oudart), бароны Кюрсэ (Cursay) в Лудюне, сегодня маркиз де Рилли д'Уазонвилль (d'Oysonville), носили на своем гербе крест, украшенный пятью ракушками, где гербовым клейнодом являлся лебедь. Воспроизведенная дальше миниатюра того же XIII-го века показывает нам лодку, увлекаемую лебедем в поис-

Фигура VI. – «Крестовый Лебедь» на древней коммерческой инсигнии Франции. Согласно P. REBOUX, Op. cit.

Фигура VII. – Вид созвездия Лебедя на Млечном Пути в ноябре в Париже. Согласно A. VIGER, *Le Ciel*, p. 17

ках короля Илии с крестом на шите, украшающем его парус (Фигура XIII). В XV-м столетии птица украшает щит того же самого самодержца на печати города Булони (Фигура XIV). В XV-м столетии Жиль де Лаваль, барон де Ретц (Синяя Борода сказок Перро), являлся товарищем Жанны д'Арк и имел на гербе геральдический крест Лавалей, а на своей печати щит, поддерживаемый двумя лебедями, и еще одного лебедя в клейноде. В XVII-м веке в правление Людовика XIII-го в Лудюне гостинный двор «Крестовый Лебедь» ("Cygne de la Croix"), где проживал Лобардемон (10) нес на своей инсигнии изображение белого лебедя, отмеченного крестом. Поль Ребу подчеркивал, что существуют еще магазины, имеющие в качестве герба белого лебедя, обвиняющего своей шеей крест, и с надписью: «К КРЕСТОВОМУ ЛЕБЕДЮ» ("AU CYGNE DE LA CROIX") (Фигура VI) (11). Мне предлагалось увидеть в

этих крестоносных лебедях образ Христа, несущего крест. Сие иногда возможно, но еще менее доказано то, что они происходят от христологического символизма и никак не могут быть простым каламбуром.

Здесь необходимо напомнить аспект небесного созвездия, названного Лебедем, составленного в основном из шести звезд, пять из которых образуют большой немного разбитый крест, лежащий на Млечном Пути» (Фигура VII) (12).

-
- (1) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 72-73, col. 1202, fig. 944, № 1.
 - (2) P. LE COUR, *Le Cygne*, in *Atlantis*, № 35, Ar. Mai 1931, p. 118.
 - (3) Clement D'ALEXANDRIE, *Exhortation aux Gentils*, XVIII.
 - (4) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 88-89, col. 2308.
 - (5) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 1, стих 35.
 - (6) Смотреть R. P. DELATTRE, *Lampes chretiennes de Carthage*, in *Revue de l'Art chretien*, annee 1890 et *Symboles eucharistiques*, pp. 66-92 – Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 84, col. 1133, № 348-352 et col. 1136, fig. 6633.
 - (7) *Ibid.*, T. III, col. 3176.
 - (8) Cf. Eugene MUNTZ, *Les Mosaïque chretienne de l'Italie*, in *Archeologie*, IIe serie, T. XXX, 1875, p. 255.
 - (9) В Вандейском хронографе (*Chroniqueur vendeen*) покойного Аббата Франциска Шарпантье.
 - (10) Смотреть Dr LEGUE, *Urbain Grandier*. AUBIN, *Les diables de Loudun*.
 - (11) Paul REBOUX, *Les Enseignes-rebus*, in *Figaro artistique illustre*, T. VIII, mars 1931, p. 27. – Одно из таких изображений существует в Бурже на плакате Мароннье (сообщение господина Шеню из Буржа, 1933 год).
 - (12) *Annuaire du Bureau de Longitude pour l'an 1921*, p. 361.

IV. БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ СКАНДИНАВОВ

Иисус, сын Марии, вероятно, не являлся первым христом, которого Скандинавы связывали с лебедем.

Задолго до позднего обращения этих нордических людей в истинное христианство существовало у них очень симпатичное божество, называвшееся *Бальдером*, богом высшей красоты и всех ее аспектов, а также прекрасной и чистой любви. Первые путешествия людей Севера в более южные страны, контакты с последними Галло-Римлянами или с Галло-Франками смогли еще до их вторжений IX-го столетия на побережья Англии и Франции передать им некоторые познания, настолько смутные, насколько можно себе это предположить, о наших христианских доктринах, ведь, поистине, удивительно увидеть, как миф о Бальдере был запечатлен христианской печатью до такой степени, что последний назывался в нем БЕЛЫМ ХРИСТОМ. Итак, по словам Пера Скансена, из южных стран «из южных стран распространилось по всему Северу верование в Белого Христа, странное,

притягательное, чистое: и Бальдер, бог красоты, правосудия, невинности и любви, составил по образу Самого Сына Человеческого. Со страстями и смертью Христа люди Севера связали красивую легенду (о Бальдере, Белом Христе), переработанную еще в согласии со своими еще языческими концепциями» (1).

С этим Белым Христом, воскрешающим в памяти мысль об истинном Христе в Его Преображении, когда Он явился «белым как снег», лебедь со своей полной белизной не преминул быть сближен, прежде чем стать Тем, у Которого Бальдер Скандинавов являлся лишь предшественником.

(1) Per SKANSEN, in *Melanges de Litterat. Philolog. et Hist., offerts a Louis Arnould*, Poitiers, 1934, p. 198.

V. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА ЧИСТОТЫ

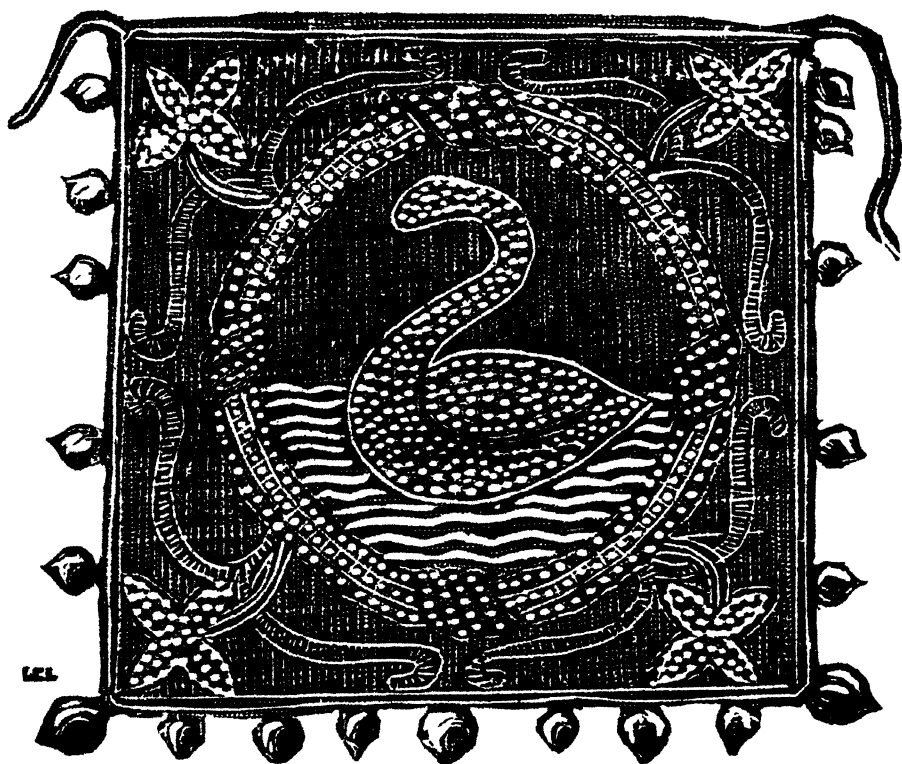
Из-за своей приязни к прозрачным водам, своего белейшего оперения, белее даже, чем оперения голубя, ибиса и всякой другой птицы, лебедь в странах севера, непо потревоженных южным классическим мифом о Леде, стал одной из эмблем полного целомудрия, немеркнувшей чистоты, у которой Иисус Христос в христианской мысли является единственным цельным и абсолютным архетипом.

Итак, в лебеде и эмблематическом голубе мы обладаем символами двух видов целомудрия: одной – суровой и энергичной; другой – более мягкой и чувственной; например, монашеским целомудрием и целомудрием супружеским. «Одно сродни лебедю, а другое – голубю», – так говорил Гюго (1).

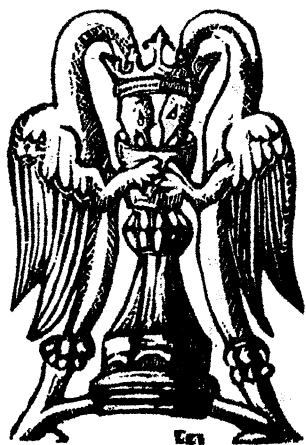
В этом эмблематическом смысле легенда о Святой Бригитте, королеве Швеции, нам сообщает, что большие дикие лебеди северных морей притягивались к ней благодаря аромату ее добродетели, опускаясь на ледяной пруд Килдара, чтобы оставаться ласкаемыми руками святой.

Здесь в меньшей степени речь идет о большом лебеде Лапландии и Сибири, *Cygnus ferus*, нежели о дикой разновидности *Cygnus olor*, называемом «польским», у которого одного птенцы появляются на свет абсолютно белыми; другие поначалу вылупливаются серыми; представители «польского лебеда», *cygnus olor*, приручены во всей Европе.

Тридцать лет назад монахи цистерцианского траппистского монастыря из Бель-Фонтэна в Анжу содержали на водоеме, окаймляющем аббатский двор, многочисленную стаю прекрасных лебедей, и когда ими восхищались, монастырский гостиничный Дом Эдмон так разъяснял их присутствие: «Они здесь, чтобы напоминать нам, что если они белые, как складки носимых нами мантий, то и мы должны беречь наши души чистыми, целомудренными и белыми, как и их оперение».

Фигура VIII. – Лебедь на евхаристическом мешочке из Бражака (Brageac)

Фигура IX. – Скульптура
из замка Белло
(de Belleau)
(Кальвадос), XV-й век

Возвышенный и прекрасный урок дается сегодняшним монахам лишь благодаря трем лебедям в аббатстве Бель-Фонтэн.

Возвратимся к христианской археологии Лебедя. Приходская церковь Бражака (Канталь) имела в 1886 году евхаристический мешочек византийской эпохи, известный под именем «кошелек Святого Тия» (Фигура VIII). На вышитой золотой нитью ткани, образующей этот мешочек, изображен жемчужной вышивкой лебедь в закрученном круге, одинаково выложенном жемчугом (2). Выражает ли эта птица «Тело Господа», содержавшееся в Евхаристии, которую заключал в себе мешочек, или скорее она является эмблемой чистоты души, необходимой для принятия Таинства? Это может иметь либо одно, либо другое из двух значений, но первое, кажется, наиболее вероятным.

Разве это не предписание чистоты, необходимой чистоты для приближения к Евхаристическому «Таинству любви», которое мы должны разуместь, рассматривая средневековые скульптуры, показывающие нам в различных вариантах двух лебедей, пьющих из чаши? (Фигура IX) (3).

Наравне с голубем, являясь всегда у Древних птицей любви, лебедь также был одной из эмблем идеальной и чистой любви, исполненной искренности, о чем напоминает сам по себе его белый цвет.

Это то, что выражало у Греков «Золотую Афродиту», стоящую на лебеде и вдохновлявшую людей небесной любовью (4).

Я привожу здесь силуэт бронзовой статуэтки высотой 42 сантиметра, найденной недавно в верховье Сены. Богиня стоит, но не на лебеде, а на лодке, носовая часть которой представляет собой голову лебедя (ее уменьшение дает подобие с головой утки), а корма поднимается перепончатым хвостом (Фигура X).

Фигура X. – Бронза из раскопок Коро (H. Corot), июнь 1933 года. Согласно клише из Matin, 15 juin 1933

(1) Victor HUGO, *L'Aurore*.

(2) Cf. Chanoine CHABAU, in *Regne de Jesus-Christ*, T. IV, p. 60, Pl. L.

(3) Смотреть Abbe L., in *Bulletin monumental*, T. XXXVI, 1870, p. 630.

(4) Cf. Victor MAGNIEN, *Lettre a l'auteur*, 23 juin 1931 (Виктор Маньян, Письмо автору от 23 июня 1931 года).

VI. ЛЕГЕНДАРНОЕ ПЕСНОПЕНИЕ ЛЕБЕДЯ

Это лишь легенда... но насколько древняя и показательная! Чувствующий близкую смерть лебедь мгновение спустя спешит отделиться от своих плотских и земных оболочек и воспевает свое освобождение, ибо перед его открытыми для другой жизни глазами воссияет невыразимый свет... и тогда его песня заставляет смолкнуть от изумления само безмолвие смерти и бездны и все содрогания небес.

Каллимах, Эсхил, Феокрит, Еврипид, Лукреций, Овидий, Проперций, Аристотель и некоторые другие греческие или латинские поэты прославляли эту восхитительную мелодию агонии Лебедя неслыханной красоты: это подвигло наших старинных французских авторов всерьез признать «будто они даже видели лебедей, умирающих в музыке и поющих свои похоронные гимны» (1).

Фигура XI. – Лебедь и Арфист.
Миниатюра XIII-го века.
Согласно P. CAHIER, Op. cit.

Плиний, однако, предупреждал, что данное поверье является заблуждением. По словам натуралиста, «это видно для него из нескольких экспериментов» (2). Хотя его мнение нисколько не помешало Брюнетто Латини, в конце XIII-го столетия объяснявшего, что лебедь заранее предупреждается о своей смерти одним из перьев его головы, проникающим в мозг птицы: «одно из перьев его головы застревает в его мозгу, – так он оповещается о своей смерти; тогда начинается столь сладостное пение, сколь чудесно это

слышать и, творя песнопение, он завершает свою жизнь» (3).

Откуда к нам идет эта гармоническая легенда? Спустилась ли она к нам с гиперборейских взморий, где господствует большой *cygnus ferox*, «лебедь-кликун» натуралистов?

Довольно любопытное совпадение, что в фольклоре некоторых стран Северной Европы ромашка была названа «Растением Лебедей». С другой стороны, известно, что цветок этого растения, но особенно простой скандинавской ромашки, образуется, как и цветок полевой маргаритки, из желтой сердцевины и белых лепестков, расходящихся от центра; вполне традиционно в древнейшем священном искусстве севера, Персии, Мидии, Сузианы и Вавилонии она рассматривалась, как символ божественного Слова и его распространения над мирозданием.

Хотя идеальная и вымышленная красота этого предсмертного песнопения снабжала мистиков элементами сравнения не только, чтобы говорить о благой смерти удивительных святых, но чтобы прославлять подлинную и божественную возвышенность самых трогательных слов Иисуса Христа, сказанных людям во всей Его жизни за несколько часов до Его агонии и переданных Святым Иоанном (4) как истинное завещание божественного Учителя, Который за мгновение до того спешил отметить евхаристическую Вечерю: итак, кто бросит камень в тех, кто осмелились сравнить эту божественную песнь любви и жертвоприношение с лебединой песней древних поэтов?..

Делались и другие сравнения: на Севере рассказывали, что в Средневековье считалось, что дикие лебеди сами некогда приплывали к артисту, достаточно хорошо игравшему на арфе, чтобы их очаровать, предоставляя ему эту аллегорию: Христос, божественный лебедь небес, приходит к человеку, молитва которого достигает высокого усердия; с тех пор Давид, царь-псалмопевец, всегда являлся эмблемой такой молитвы, предстающей по существу призывом, обращенным душой к Спасителю; и Святой Иоанн следующим

образом формулирует этот призыв: «И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди!... Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (5) И Он обращается к душе, как эмблематический лебедь к вызывающему его музыканту. Прекрасная миниатюра XIII-го столетия из Библиотеки Арсенала, воспроизведенная патером Ш. Кайе, нам простодушно показывает лебедя, подвергшегося притягательному очарованию арфы (Фигура IX) (6). Тот же самый ученый иезуит сообщает в другом месте буквально текст одного пикардийского бестиария XIII-го века: «Сие правильная для слуха мелодия, когда Лебедь соглашается с арфой, чтобы петь» (7).

Греческий миф, согласно которому лебеди соединялись в Базилее, на «царственном острове», и только оттуда могли гармонично хором возглашать песнопения, где каждый из них мог петь соло лишь в момент своей смерти, был взят для аллегорического образа евангельского фрагмента, когда Иисус говорит Своим ученикам, что будет всегда присутствовать между ними, если двое или трое из них соберутся в Его имя, чтобы молиться (8).

-
- (1) BUFFON, *Histoire Naturelle*, edition de 1769, T. XXXVI.
 - (2) PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, XXXII. Можно было бы возразить, что наблюдения Плиния основывались на прирученном лебеде (*Cygnus olor*), тогда как прототип эмблематического лебедя должен быть скорее дикий северный лебедь (*Cygnus ferus*). Это две весьма отличные друг от друга разновидности одного и того же семейства, но их нравы различны.
 - (3) Brunetto LATINI, *Dou Cigne*, in *Li Livre dou Tresor*, Liv. I, CLXIII.
 - (4) *От Иоанна Святое Благовествование*, Главы 14, 15, 16.
 - (5) *Книга Откровения Святого Иоанна Богослова*, Глава 22, стих 17, 20.
 - (6) Cf. Ch. CANIER, *Bestiaires*, in *Melanges archeologiques*, T. II, Pl. XXII, A-Z.
 - (7) *Ibid.*, T. III, p. 233.
 - (8) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 18, стих 20.

VII. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОВОДНИКА И СПАСИТЕЛЯ ДУШ

Наподобие павлина лебедь обрел свое место в ряду эмблем, обозначающих Христа, ведущего на небо спасенные Им души. Тут еще лишь продолжение в течение христианских времен символического характера, связанного с лебедем в предыдущие столетия.

Необходимо признать в этом символизме «пути спасения», шествия к счастливой жизни, две последовательные фазы: сначала пересечения «моря сего мира» верной душой, затем ее восхождения в «небесное царствие».

Когда символизируется первое из этих «водительств», лебедь разделяет роль дельфина, с которым мы встретимся дальше: мы увидим, что рыба иногда изображалась в первоначальном христианском искусстве несущей

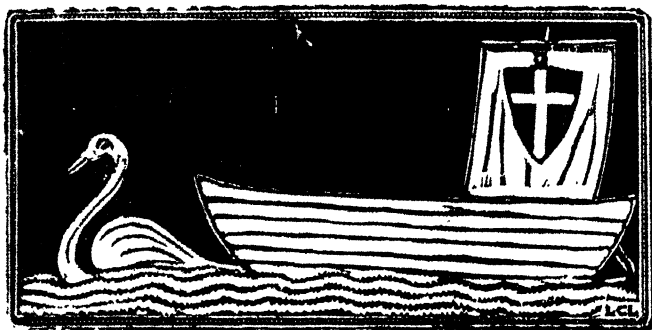
Фигура XII. – Лебедь и Лодка.
Римская лампа из Карфагена.
Согласно *Dictionnaire d'Archeologie
chret. Loc. cit.*

на своей спине лодку, являющуюся аллегорической фигурой Церкви Иисуса Христа: сам лебедь не влечет ее выше волн, но удерживает на их поверхности, направляя в гавань безопасности, где царит покой на тихих водах.

Половина римской лампы христианского исполнения, открытой в Карфагене, показывает нам Лебеда, увлекающего корабль, на борту которого находятся трое пассажиров под навесом, поддерживаемом центральной мачтой (Фигура XII) (1); можно ли в этом

увидеть аллюзию на группу Апостолов, представленную тремя любимыми учениками Господа: Петром, Иаковом и Иоанном? Не имея возможности его найти, я припомнил иной артефакт ранней христианской эпохи, где лодка, ведомая лебедем, несла на своем борту часовню с треугольным фронтоном, вроде монет каролингского императора Лотаря или Рено, графа Санса, в начале капетингского периода (2), и обозначающую церковь.

В Средневековье в Германии, Нидерландах и особенно на Севере Франции поэты и художники Рыцарства овладевают данной темой для всяких изящных произведений и героических чувств: лебедь в них становится в высшей степени благородной птицей. В XIII-м столетии под пером Вольфрама фон Эшенбаха рождается поэма о Лознгрине, освободившем принцессу Брабанта с помощью чудесной птицы, которая в своей лодке его направила к ней. В сказочной *Генеалогии* Готфрида Бульонского дети королевы Биетрис для своего спасения превращаются в лебедей; когда позже возвратился в человеческую форму один из них, добрый король Илия (Helias) (3) (лебединый рыцарь), то получил провиденциальную миссию: он зрит спешащего к нему по берегу его острова лебедя, влекущего лодку, в которую поднимается и которая доставляет его «в место, назначенное Богом, чтобы дать ему жену; от последней должна родиться

Фигура XIII. – Лебедь со своей лодкой,
плывущий к Лебединому Рыцарю.
Миниатюра из Библиотеки Арсенала, XIII-й век

Фигура XIV. – Лебедь,
ведущий короля Илию
(Лебединогo Рыцаря).

Печать города
Булонь-сюр-Мер.
XVI-е столетие

прекрасная девица, что произведет на свет трех сыновей, которыми и благодаря которым будет великолепно исполняться закон Нашего Господа Иисуса Христа; и из них первый – Готфрид Бульонский» (Фигура XIII) (4).

Печать города Булонь-сюр-Мер в XVI-м столетии отображала этот рыцарский эпизод.

Это была игра труверов, но мистики видели нечто большее, нежели образ ведущего голубя и рыцаря, облеченного совершить на земле «деяния Божии»: одна анонимная рукопись, *Орден благородных рыцарей Лебеда* (5), из коллекции каноника Рипо (Ripault), бывшего старшего кюре из Лузиньяна, предоставила мне в 1908 году следующие слова, датируемые эпохой Людовика XIII, в продолжение рассказа о приключении Лo-энгрина: «Итак, Наш Господь, истинный лебедь Божий снизошел с небес на землю ради нашего

спасения, поведа Церковь, Свою супругу по морю сего мира». Мы видим, что в эту позднюю эпоху сказания о рыцарстве, как и о древности, иногда еще аллегорически применялись к Спасителю.

Второе «водительство», отсылающее к вознесению души, рассматривалось в соответствии с двумя различными и наследующими друг другу временами: сначала Христос, вдохновляющий Своей милостью дух Своего верного, возвышающий и поддерживающий его мысли над обыкновенной будничностью хода земной жизни; наконец, освобождающая смерть, пришедшая разорвать телесные путы души, которую Христос увлекает в небо и, принимая ее, устанавливает здесь в вечной безопасности.

Для этого вознесения души, уносимой Христом в небесное царствие, символисты нашли в классической мифологии аллегорический образ: Камарину, которая, считается, была дочерью Океана (6), как и Амфитриту, и несколько других нимф. Обосновавшись на Сицилии на свежих берегах одного цветущего болота, воды которого вскармливали самых прекрасных рыб и самых удивительных среди водных птиц, нимфа проводила счастливые дни. Однажды вечером боги призывали ее к себе; тогда большой и великолепный лебедь спустился к ней и, мягко подхватив

Фигура XV. – Колье
Ордена Лебеда
XVIII-го века.

Согласно
геральдическому
альбому,
опубликованому под
руководством Бенара
(Benard), 1772 год.
Pl. 26, № 72

ее, взмыл в своем полете к Эмпирею. Вскоре вблизи любимого ей болота был заложен город, взявший имя Камарины, и Камаринцы осушили болото своей покровительницы: тогда враг по новому пути вторгся сюда и разгромил их город (7).

Но прежде своей неблагодарности, на протяжении своих лучших дней, город Камарина выбил замечательные монеты, подражавшие греческому искусству, где мы видим нимфу, изящно сидящую на лебеде, который возносит ее в Небеса над тихими водами ее болота (Фигура XVI) (8).

Фигура XVI. – Лебедь на монете из Камарины

- (1) Смотреть P. MONCEAUX, *Abraxas et poignée de lampe de Carthage*, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de France*, T. LXVI, 1906, p. 323. D. H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, T. III, vol. II, col. 3212, fig. 3. 471.
- (2) Смотреть A. BLANCHET, *Manuel de numismatique* (Album). Pl. VII, № 351, p. 19.
- (3) Отметим, что имя короля Илии (Helias) сродни греческому имени солнца *helios*.
- (4) *La genealogie et nobles faits d'arme du tres preux et renomme prince Godfroy de Bouillon, lequel fut roy de Jerusalem et de ses chevaliers frères Baudoin et Eustace, Yssus et descendants de la tres noble et illustre lignee du vertueux chevalier au Cygne*, edition d'Arnoullet. Lyon, 1580, p. 89.
- (5) Речь идет об *Ордене Лебеда*, основанном в XV-м веке Фридрихом II, электором Бранденбурга; его рыцари должны были отличаться личными делами милосердия. Этот орден подвергся реорганизации в 1843 году благодаря монарху Пруссии (Фигура XV).
- (6) PINDARE, *Op.*, V, 24.
- (7) CHOMPRES, *Dictionnaire de la Fable*, p. 88.
- (8) Смотреть Salvatore MIRONE, *Types monétaires de la grande Grece et de la Sicile* in *Arethuse*, annee 1926, p. 71, pl. XI, № 8. И того же автора – *Divinites fluviales de la Sicile*, in *Revue numismatique*, 4e serie, T. XXII, 1917.

VIII. ВРАГ ЗМЕИ

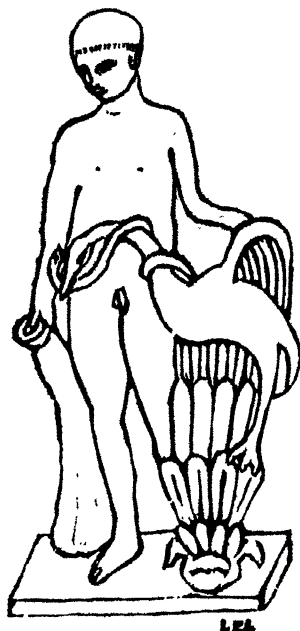
Лебедь, несмотря на относительную кротость, которую ему приписывает Аристотель (1), существующая только у приученного европейского вида, является благодаря темпераменту борцом, «иногда даже объявляющим войну орлу и часто выходящим из нее победителем» (2).

Фигура XVII. – Золотой кулон из Эгины доисторической эпохи. Согласно DECHELETTE, *Op. cit.*

Древность также признавала в нем одного из врагов, устрашающих змею, и именно отсюда звание, которое, кажется, по-особенному ему открыло доступ в эмблематическую фауну Иисуса Христа. Впрочем, очевидно, что лебедь добровольно кормится болотными угребобразными и змеенышами, и мы обнаруживаем это зачастую в обществе животных на украшениях бронзового века и очень древних цивилизаций.

Прекрасная золотая подвеска, открытая в Египте на греческом архипелаге, изображает солнечного бога на лодке, атакованного змеями, и чтобы от них защититься противопоставляет им двух лебедей, удерживающих змей на безопасном расстоянии (Фигура XVI) (3). На прекрасной скульптурной группе античного греческого искусства, находящейся сегодня в Швеции, лебедь пребывает растении и широкими пальмовыми листьями, сжимая в своем клюве змею; представляется, что он тем самым защищает стоящего перед ним обнаженного юношу (Фигура XVIII) (4).

Фигура XVIII. –
Лебедь и змея;
статуя греческого
искусства.
Согласно *Revue
archeologique. Loc. cit.*

- (1) ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, XIII, 15.
- (2) *Ibid.*, IX, II.
- (3) Смотреть J. DECHELETTE, *Le Culte solaire aux temps prehistoriques*, in *Revue archeologique*, 4e serie, T. XIII, XIV, 1909.
- (4) Согласно M. GEOFFROY, *Collections antiques de la Suede*, in *Revue archeologique*, 3e serie, T. XXIX, 1896, p. 33, pl. X.

IX. ЛЕБЕДЬ В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Зачастую на французских гербах лебедь является иероглифом отваги, соединенной с красотой, поскольку он верный и белый одновременно: Аристотель говорил о нем, что «он не страшится вступить в борьбу с орлом, из которой нередко выходит победителем» (1). Квириты, аристократы прежней расы, имевшие сеньории в Лудюне, Турени и Пуату, с XIV-го века несли на своем гербе «на зеленом геральдическом поле серебряного лебедя, плывущего по одинаково серебряной реке»; их девиз гласил: «смело иди на приступ, благоприятствующий взятию».

Вероятно, в смысле живого мужества нужно интерпретировать эту надпись Помпея, в которой можно признать аллюзию на первых христиан: «*Saevos olores*» (2).

Фигура XIX. – Герб рода
Даро дю Пуату
(Darot du Poitou),
согласно экслибрису
XVIII-го столетия,
изображающему щит
союза Маркиза де
Вассело (de Vasselot),
объединенного с Даро.
Из кабинета автора

Часто на гербах лебедь это эмблема целомудрия сознания, чистоты жизни, ведь он белый и водится на светлых водах.

Средневековье знало еще другую эмблему, давшую место великолепным мотивам геральдической орнаментации и двум различным интерпретациям. Она складывается из двух лебедей, находящихся напротив друг друга и шеи которых переплетены. Дворянская геральдика сделала из нее по справедливой мысли идеограмму нежной и верной любви, ибо если известно, что лебедь борец, то одинаково известно, что он, наравне с голубем, ласковая птица и, как и голубь, моногамная.

Монастырская мистика была строже, нежели геральдика, и Викентий де Бовэ писал во время Святого Людовика Французского, выразительно нам сообщая, что «два лебедя с переплетенными шеями являются эмблемой ласк и сладострастных игр» (3). Если бы они обладали этим значением лишь в осуждаемом смысле, то столь явно не водружались бы на гербы благородными и

очень достойными семействами, такими, например, как Даро дю Пуату, у которых птицы держат в своих клювах по обручальному кольцу: «на черном геральдическом поле двое серебряных лебедей с переплетенными шеями, хорошо сложенные и с золотыми клювами, держащими в них по золотому кольцу» (Фигура XIX) (4).

Ношение супружеского кольца лебедями Даро сближает их с тем, что делает одна из врановых птиц, ворона, на гербе венгерского королевского Дома Хуняди (5). Присутствие этого кольца невинности означает всегда то, что без него эмблема могла бы нести собой двусмысленность.

(1) ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, IX, II.

(2) Смотреть LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 3213.

(3) Vincent DE BAUVAIS, *Speculum majus*, L. XVI, c. 50.

(4) Cf. R. PETIET, *Armorial poitevin*, p. 49, и другие геральдисты.

(5) Смотреть выше Главу LXV, Ворона.

Х. ЛЕБЕДЬ, ЭМБЛЕМА СЛАДОСТРАСТИЯ И САТАНЫ

Поскольку Латиняне запрягали его в лодку Венеры, как и голубя в ее воздушную колесницу, и по причине очевидной роли, играемой им в приключении Леды, постольку Лебедь использовался иногда в качестве эмблемы Сладострастия первыми христианскими символистами. Художники Средневековья и Ренессанса часто делали так, забывая, одни и другие, о том, что золотая Афродита Греков, воздвигнутая на лебеде, вдохновляла людей чистой любовью Божества. Именно в этой прискорбной роли сладострастной эмблемы два великолепных лебедя тянут по поверхности прекрасного озера челн торжествующей Венеры на замечательной фреске Франсиско дель Коссы во дворце Шифанойя (Schifanoia) в Ферраре XVI-го века.

Ставшие христианами символисты Рима, разве не впечатлялись от обычая великих и богатых куртизанок смазываться лебединым жиром, который, по словам Плиния, поддерживает красоту лица, предупреждая или даже стирая морщины? (1)

Значит, взятый в этом ужасном аспекте лебедь, пребывая в полном противопоставлении с мистическим смыслом птицы чистой любви, о которой мы вели речь, стал эмблемой тех, кто исполненные тайными пороками лицемерно и поверхностно облачаются в одежды чистых душ: таковые, по слову Спасителя, «уподобляются окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (2).

Соглашаясь с этим ужасным символизмом лебеда, прочитаем написанное Готье Мапом (Gautier Map) в XIII-м столетии:

«Под белой птицей, имеющей подобие с лебедем, нужно разуть врага, ведь говорят же о лебедях: насколько белы они снаружи, настолько черны они внутри: это лицемеры» (3).

Иногда наравне с орлом, цаплей, аистом и журавлем, которые обыкновенно являются престижными эмблемами Господа, и которые одинаково по случаю выражают Сатану, похитителя душ, лебедь предстает на древних живописных или скульптурных произведениях искусства с рыбой в своем клюве, которую он выловил в воде. Здесь вне всякого возможного сомнения демон нечестивости, добывший из чистой воды целомудренной жизни христианскую душу и спешащий ею неумолимо насытиться.

Я воспроизвожу здесь по патеру Кайе средневекового лебеда высокого стиля, держащего в клюве несчастную рыбу (Фигура XX) (4).

Фигура XX. – Лебедь, эмблема Сатаны, миниатюра XIII-го столетия. Согласно CAHIER, Op. cit.

- (1) PLINE, *Histoire naturelle*, XXX, 10.
 (2) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 23, стих 27.
 (3) *La quete del Saint Graal*, Edit. Albert PAUPHILET, p. 185.
 (4) Согласно Ch. CANIER, *Bestiaires in Melanges archeologiques*, T. III, p. 233.

XI. ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Если я хорошо осведомлен, то эта разновидность лебедей, *Chenopsis atrata* натуралистов, стала известна на Западе весьма поздно, вероятно, вряд ли до открытия Европейцами в XVI-м столетии больших островов Архипелага Океании, откуда она родом. Как бы то ни было, характер эмблемы предателя и Сатаны, связанный с этой птицей, не представляется очень древним. Художники последних столетий противопоставляли ее белому лебедю, который, находясь рядом с ней, обозначает добродетель Верности или Христа.

Именно в этом последнем смысле, а быть может, и в двух смыслах, мы должны рассматривать печать личной библиотеки французского короля Генриха III (1574-1589): «супер-либрис» переплетов книг этого самодержца нам показывает имеющуюся под Христом на кресте аббревиатуру Имени Иисуса, I H S, представленную следующим образом: I – стоящей Святой Магдалиной; H – стоящими и соединенными ангелочком с распростертыми крыльями Приснодевой Марией и Святым Иоанном Богословом; и S – двумя шеями лебедей, одного белого и другого черного (одного отделанного золотым штрихом, а другого полностью золотого на коже корешка). Две лебединые шеи расположены как головы змей в амфисбене, которую мы изучим ниже: верхняя из этих голов символизирует Христа; нижняя – Сатану (Фигура XXI).

Книга, обладающая «супер-либрисом» короля Генриха, находится в музее Клуни в Париже (1).

Фигура XXI. – Буква S на монограмме Иисуса Христа из книг короля Генриха III. Согласно H. DE BARENTON, Op. cit.

(1) Смотреть также Hilaire DE BARENTON, *La devotion au Sacre-Coeur*, p. 170, fig. 11.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

УТКА И ГУСЬ

I. УТКА, БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА ЛЕБЕДЯ

В предыдущей главе мы видели, что доисторические народы гиперборейских областей весьма часто изображали на своих произведениях искусства уток, которые никак не могли быть неловко воспроизведенными Лебедами.

Если символические обозначения этих двух птиц никогда не смешивались, как желают того определенные авторы (1), то не менее верно, что утка, наряду с лебедем, обладала у них аллегорическим смыслом, о котором мы и вовсе не осведомлены.

Утки самого северного доисторического искусства являются *Эйдерсами* (*Eiders*), наиболее прекрасными из птиц этого вида после лебедей в гиперборейских странах. Уже ближе к нам, на побережьях Готланда и Пруссии, Дании и Шотландии, утка предстает *Синьгой* (*Macreuse*). Шакорнак нам напоминает, что первобытные предания этих пределов полагали, что синьга рождалась без родителей, отцов и матерей своей расы, но из листвы деревьев, упавшей в море, которую морская пена обращала птицу! (2) Путешественники XIV-го столетия, по Мандевиллю, думаю, открывали равно на Востоке деревья, листва которых, сорванная ветрами, становилась рыбами!!!

В древней иконографии классических стран, а особенно в римской, утка возникает довольно часто. Она отдельно фигурирует в христианском искусстве первого тысячелетия, будь то декор катакомб, или украшения первых зданий, сооруженных новой религией: вплоть до последних лет это понималось некоторыми лишь как рисунок утки, не отвечавший никакому символическому замыслу и обладавший только простой декоративной ролью.

Однако сие неверно.

Мы видим, что утка обычно резвится одна, парой или в стае на гладких светлых водах, где на-

Фигура I. – Утки на мозаике Баптистерия Латерана. Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Op. cit.*, fasc. 128-129, col. 289

Фигура II. – Утки на мозаике из Неаполя. Смотреть E. BERTAUX, *L'Art dans l'Italie meridionale*, T. I, p. 41

перегонки произрастают камыши, кувшинки, ирис или стрелолисты. Это водное отражение цветущих лугов, тенистых долин, где пасутся и играют олени и ягнята, украшенных гирляндами рощ и обвитых зеленью сводов, где порхают и поют птицы всяких видов. Все здесь предстает весельем, умиротворенностью и ясностью.

Не без причины усматривали в этих пестрых цветущих лугах, в этих зеленеющих рощах, в этих очаровательных долинах образы, родственные небесным эдемам, предназначенным для вознаграждения блаженных душ Праведных. Разве не складывается то же самое впечатление от зрелища птиц, плывущих по прозрачным и спокойным прудам или плескающихся в роскошных водоемах? Как не сделать подобное сближение, находясь, например, перед великолепной фреской катакомб Святых Петра и Маркеллина в Риме? (3)

Представляется даже, что утка, птица радостного, впрочем, естества, связывалась с идеей Блаженства, высшего счастья, восходящего, разумеется, к духовному смыслу этого слова, как бы обозначая несравненное и вечное небесное счастье. Мозаика Латеранского Баптистерия в Риме спешит опереться на эту идею: в центре расположена ваза, изобилующая плодами; с двух ее сторон находятся по утке, взгляд которых сосредоточен на вазе, наподобие того, как в других местах мы видим голубей с обеих сторон от евхаристической чаши, наполненной хлебами (Фигура I). Значит, символический сосуд с плодами тождествен рогу изобилия и имеет ярко выраженный смысл эмблемы Блаженства в чрезмерном изобилии всех благ. И приведенная сцена из Латерана двух птиц, хорошо изображающих собой две праведные души, заставляет думать об Олене и Лане, находящихся с каждой стороны от Древа Жизни или мистического Холма Агнца.

Вероятно, образами счастливых душ являются утки, плывущие по тихим водам или держащиеся вблизи бьющих ключом источников в декоре нескольких античных церквей Равенны, Неаполя, Нолы и иных мест, душ, получивших нетленное вознаграждение, автор и щедрый распределитель которого есть Христос.

(1) A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, T. I, p. 163.

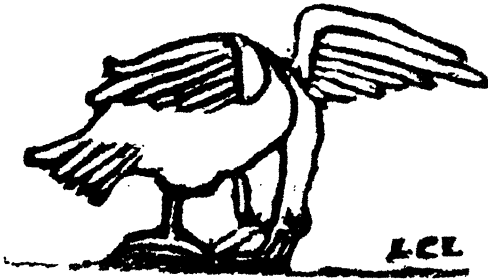
(2) Cf. P. CHACORNAC, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVII, p. 458.

(3) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. II, vol. II, col. 1819.

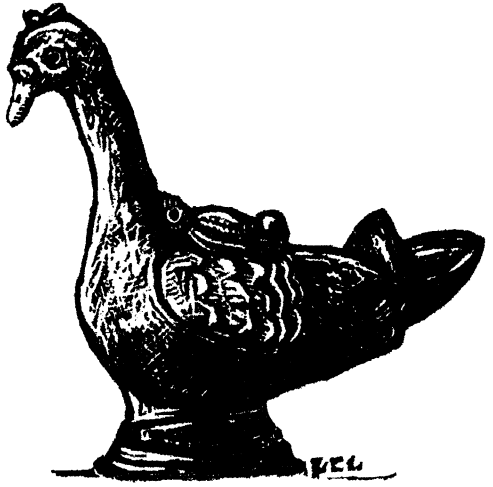
II. ГУСЬ

Прежний мир не питал к гусю незаслуженного презрения, которым мы его обложили на Крайнем Западе, и декоративное искусство древнего Египта его часто с честью изображало.

В христианской Символике все вышесказанное относительно уток было равноценно и для гусей, которые на наших очень древних религиозных памятниках, особенно в Северной Африке и на Ближнем Востоке, важно прохаживаются посреди цветов или шествуют, сопровождаемые своими гусятами, по безмятежным лугам (1). Сверх того, гусь обогатился от своей светской роли символа Бдительности: совсем не-

Фигура IV. – Один из гусей
на гобелене из Байё;
XI-й век

Фигура III. – Бронзовая лампа
из Музея Кайзера Фридриха
в Берлине

случайно галлы, осаждавшие Римский Капитолий, были обнаружены криками гусей. В эту эпоху (390 год до Рождества Христова) Древние им уже доверяли в укрепленных лагерях службу ночных уведомителей, для которой позднее их рекомендовали Вегеций и Колумелла (2). Античная лампа из Музея Кайзера Фридриха в Берлине обладает формой гуся из бронзы, и эта особенность делает из нее дважды усиленный символ, ибо лампа, наравне с гусем, является эмблемой бдительности (Фигура III).

(1) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 136, col. 2032 et suiv.

(2) VEGECE, *De re militari*, lib. IV, c. XXVI. – COLUMELLE, *De re rustica*, I-VIII, c. XIII.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

ЗИМОРОДОК

ЭМБЛЕМА ХРИСТА И ЕГО ЦЕРКВИ

Преческий миф об Алкионе, подробно рассказанный Гомером (1) и Овидием (2), нас здесь не интересует. Скажем дальше, что Древние обозначали именем Алкиона (Альциона) самую маленькую чайку средиземноморского вида.

Лукиан еще преуменьшил маленького пернатого, описав зимородка следующим образом: «Эта птица величиной с обыкновенного воробья, у которой оперение одновременно зеленое, голубое и немного красное; у нее маленький и вытянутый клюв зеленоватого цвета. Альцион обитает по всему побережью Сицилии. Он несет только пять яиц и сооружает свое гнездо из морских колючек и рыбьих костей, переплетая их между собой как нить полотна; оно настолько крепко, что человек не в силах его разрушить. Самка зимородка откладывает яйца в зиму; семь дней она трудится над изготовлением своего гнезда и семь других дней несет и высиживает своих яйца. Время кладки яиц является священным; оно обычно имеет место при заходе Плеяд» (3).

Другие Древние считали, что альцион вышивает свое гнездо из очень мягкого морского мха, который он делает нетонущим. Греки называли этот мох по имени птицы *Alkuoneion*.

Из-за того, что говорит Лукиан об оперении зимородка, Линней дал имя гальциона птицам семейства зимородковых, но эти птицы плавают по пресным водам, но не по морским волнам (Фигура II).

Выходит, Древние желали, чтобы гнездо легендарного альциона пребывало бы на беспокойных морских волнах нетонущим и нерушимым; они полагали, что он поднимается вместе с волной в бушующем море, опускается с ней, но не тонет. Более того, они наделяли Альциона прорицающим инстинктом, заставляющим его задолго до разгула стихии предвидеть бури и штормы, и в этом они, возможно, немного преувеличивали.

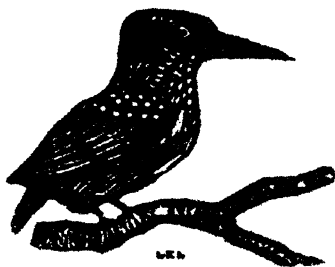
Фигура I. – Альцион
в геральдическом искусстве

Эти вымыслы оказались достаточными, чтобы, когда пришел ее час, христианская Символика пожелала увидеть в привилегированном гнезде, в котором находил всякое безопасное убежище драгоценный выводок зимородка даже посреди чудовищных ураганов, эмблематический образ Церкви, а в Птице – символ строителя этого несравненного гнезда, эмблему Христа, ее божественного Создателя.

И поскольку гнездо зимородка поднимается и опускается, согласно приливу беспокойного моря, постольку и Церковь, предоставляющая в своем лоне верное убежище своим детям, нисходит и вновь поднимается в зависимости от моментов шторма или затишья, но не тонет: Христос, божественный Альцион, ей внушает уверенность, что никогда врата адовы ее не одолеют (4).

Презрев описание зимородка, оставленное нам Лукианом, наука о дворянском Гербе, предписывает изображать альциона полностью белым и почти сходным по виду с Лебедем (5). Альцион всегда изображался лежащим в своем гнезде, плывущим по морю (Фигура I).

Начиная с XVI-го столетия, геральдика относилась к зимородку только профанические значения, связанные с благоразумием, предвидением, приятностью счастливых дней. Позволительно усомниться, что он обладал тем же самым в лучшие времена средневековой Геральдики.

Фигура II. – Французский зимородок
(Martin-pêcheur), рассматривавшийся
Линнеем как прототип легендарного
альциона

(1) HOMERE, *L'Odysee*, X.

(2) OVIDE, *Les Metamorphoses*, XII.

(3) То есть в последние дни ноября. – LUCIEN, *L'Alcyon*, I.

(4) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 16, стих 18.

(5) Cf. A. LABITTE, *Traite elementaire du Blason*, p. 101.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

ПЕЛИКАН

ВАМПИР – ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

І. ПЕЛИКАН В ПРИРОДЕ И В АНТИЧНОМ МИФЕ

В натуральном виде Пеликан является, наравне с Лебедем, большой перепончатой птицей, достигающей иногда больше одного метра в длину. На воде он обладает всеми качествами и всей изящностью Лебедя в своих движениях; он белый, слегка окрашенный розовым цветом, но свисающий карман под его вытянутым клювом и его отвислые крылья делают из него по красоте лишь обиженного судьбой родственника Лебедя.

Европейский пеликан, вошедший в христианскую символику в звании эмблемы Иисуса Христа, предстает птицей, называвшейся Греками *Pelekos*, от *pelekus*, секиры, поскольку открывание его огромного клюва, расширяющегося веером, походит на железо античной секиры, когда он обрушивается с небес на рыбу у водной поверхности, сделавшуюся его главной пищей. Древние Греки его одинаково окрестили *Onocrotale*, ибо обнаружили, что его странный крик, *krotos*, напоминал рев осла, *onos*.

Пеликан обитает в восточной Европе, в юго-западной Азии и на севере Африки. Плиний нам сообщает, что его в свое время находили в части Галлии, соседствующей с северным Океаном – Северным морем (1). Нечто более правдоподобно полагает, что он иногда встречается в средиземноморских областях Прованса и Лангедока.

Одна весьма древняя легенда была связана с Пеликаном. Она гласила, что порой получалось, будто птенцы пеликана вылупливались на свет столь слабыми, что казались вовсе безжизненными, или даже возвращавшаяся в свое гнездо птица находила их убитыми змеей; в другие разы эти слишком живые пернатые принимали недостойно своего отца

Фигура І. – Легендарный Пеликан. Согласно одному Бестиарию XIII-го столетия из Национальной Библиотеки в Париже.

Cf. Ch. CANIER, *Melanges atcheologiques*, T. II, pl. XIX, H.

при его возвращении, поражая его в голову своими клювами и крыльями; тогда он в своем праведном гневe убивал их на месте. Но по прошествии трех дней, видя своих детенышей бездыханными, – являлись ли они жертвами его или нет, – Пеликан ощущал свое отеческое сердце сжавшимся и кричал о своей скорби ко всем горизонтам, склонялся над маленькими окровавленными телами и, разрывая своим клювом себе грудь, орошал их своей кровью. Тогда под теплым омовением отеческой крови мертвые детеныши пеликана вскоре начинали трепетать, обретая жизнь, радостно били крыльями и умилительно съезживались на перьях отца, которому дважды были обязаны жизнью (Фигура I).

(1) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. X, LXVI.

II. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА ОЧИЩАЮЩЕГО ХРИСТА, АВТОРА НАШЕГО ОЖИВЛЕНИЯ

Со второго века нашей эры христианский автор *Physiologus*'а составил сказание о пеликане, оживляющем своих детенышей, и в следующем веке гонимые Карфагена поместили его образ в числе эмблем Исккупителя, которым они украшали христианские лампы (1).

Так называемый Ключ Святого Мелитона нам уточняет, что пеликан изображает собой Христа в Его Страстях, D. C. *in Passione* (2).

В конце XV-го столетия Иоанн де Кюба следующим образом приводил старинных авторов.

Согласно Исидору. – «Пеликан является египетской птицей, одиноко обитающей на реке Нил, от которой взял свое имя, ибо Египет называется Сапарос. Говорят, что он убивает своих птенцов и оплакивает их в течение трех дней. Затем наносит себе рану, и благодаря окроплению его кровью птенцы пеликана оживают» (Фигура II).

Согласно *Physiologus*'у. – «Пеликан слишком любит своих птен-

Фигура II. – Пеликан, воскрешающий своих птенцов. Согласно гравюре на дереве из Сада Здоровья Иоанна де Кюба. Издание Филиппа Ле Нуара от 1539 года, *loc. cit.*

цов, которые когда начинают возрастать поражают своих родителей в лицо. И когда последние рассердятся, то поражают в ответ детенышей и убивают их. Они оплакивают их три дня, и на третий день мать ранит себя в бок, отверзая его, ложится на своих птенцов, распространяя свою кровь на их тела и воскрешая их от смерти».

«Из Книги о природе Вещей. — ... Эта птица оживляет своих птенцов кровью из своего бока после того, как из-за своей докучливости она их могла убить или их обнаружила мертвыми от ужалившей их змеи. Пролив свою кровь, она настолько бессильна, что никак не может избавиться от своего страдания...» (3)

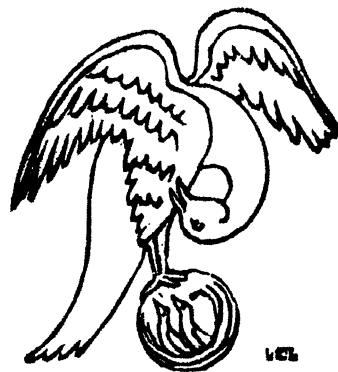
В следующем столетии дю Бартас, взяв тему умерщвляющей птенцов пеликана змеи, подытоживает тем самым авторов, которые прежде него толковывали эту особенность.

Пеликан, по его словам, оказывается рядом со своими птенцами и:

«Как скоро он увидит их, змеею умерщвленных,
То пробивает свою грудь, на них распространяя
Живую влагу, дабы ей согреть их;
Из своей смерти так они жизнь новую приемлют:
Вот образ твоего Христа, Который сделался плененным,
Чтоб вызволить рабов; Который, на древе распростершись,
Невинным пролил кровь из ран Своих,
Чтобы спасти от змей укусов смертоносных,
Который, будучи бессмертным, стал смертным добровольно,
Дабы Адама сотворить из смертного бессмертным...» (4)

Вместе с тем, мы находим тему почти мертворожденных детенышей пеликана, рождающихся, как считал в конце XIII-го столетия Брюнетто Латини, «иногда лишенными чувств и бездыханными, от чего родители их излечивают своей кровью...» (Фигура III) (5)

Здесь, в действительности, смысл, изначально связавший птицу с христианской символикой, поскольку, наподобие детенышей Пеликана, человеческая раса оказалась мертвой для духовной и небесной жизни, будучи оскверненной грехами, посредством которых унизилась пред своим Богом. Спаситель с креста, где

Фигура III. – Пеликан, бьющий себя в правый бок. Рисунок Виллара де Оннекура (Villard de Honnecourt) из Национальной Библиотеки в Париже, XIII-е столетие

были пронзены Его члены и Его сердце, распространил на нее Свою кровь, очистив ее благодаря Своему жертвоприношению и вернув ей истинную жизнь. Так более или менее удачно излагалась тема всех Бестиариев Средневековья; процитируем выборочно наиболее известное из этих произведений – Бестиарий нормандского клирика Вильгельма от XIII-го века.

<i>“Del pelican est grand merveille</i>	О пеликане вящем чудо,
<i>Quer unque nule mere oelle</i>	Ведь никогда овца не любит
<i>N’aima tant son petit aignel</i>	Столь же агнца своего,
<i>Comme il fet son petit oisel.</i>	Сколь пеликан своего малого птенца.
<i>Quant ses poucinez a esclos,</i>	Когда заставил он своих птенцов родиться,
<i>En eus norrir et char et os</i>	То полагает он свой труд, свои заботы,
<i>Met tot sa peine et sa cure</i>	Чтоб лично выкормить птенцов

.....

<i>Quer quant il sont norris et granz</i>	Когда ж они, насытившись, воспрянут,
<i>Et auques sages et puissanz</i>	Окрепнут, разуменья не набравшись,
<i>Si bechent lor peres et vis.</i>	То клювами своими отца в лицо бить станут;
<i>Et tant lors sont et eschis,</i>	За вероломство их и злостность, отец,
<i>Que lor pere de fin corroz</i>	Прогневавшись, предаст их смерти всех.
<i>Les ocit et les tue toz.</i>	На третий день отец вернется к ним,
<i>Au tiers ior vient le pere a d’eus;</i>	Узнает их, к ним жалостью исполнившись –
<i>Tant les aime d’amor parfaite.</i>	Столь он их любит совершенною любовью.
<i>Quand donc vient et si les visite;</i>	Итак, придя и посетив их, затем он клювом
<i>De son bec perse son coste,</i>	Бок свой разрывает
<i>Tant qu’il en a del sanc oste;</i>	И кровь оттуда течь он заставляет;
<i>De cel sanc qui d’ilec est fors</i>	И кровью сей, что из него сочится,
<i>Lors ramaine la vie et cors</i>	Он возвращает жизнь в тела своих птенцов –
<i>A ses poucins, n’en doutez mie</i>	Не сомневайтесь в этом.
<i>Et en tel sens les vivifie”.</i>	Тем самым он их оживляет (Фигура IV).

Не здесь ли, добавляет Вильгельм, кроется сказание о короле Артуре, императоре Карле Великом и Ожье Датчанине, но...

<i>“Dex est le vrai pelican</i>	Бог истым пеликаном предстает,
<i>Qui por nos treist peine et ahan</i>	За нас понесшим муки и усталость.
<i>Oez que dist la prophecie</i>	Внимайте же, что говорит пророчество
<i>Par le boen prophete Ysaie:</i>	Пророка вдохновенного Исайи:
<i>Je engender, fet damledeu, fiz;</i>	Глаголет так Господь: «Я породил сынов,
<i>Quant les oi creuz et Norris,</i>	Когда же их вскормил,

*Il me depistrent et me hairnet
Et mes commandemens desfiredrent*. Они, презрев, возненавидели Меня
И нарушали повеления Мои».

Это мы, продолжает Вильгельм, птенцы Бога, поражавшие Его в лицо нашими прегрешениями: вот почему Он прогневался, наказав нас духовной смертью наших душ...

*“Por nos pechiez morz estions
Quant au Pere pitie en prist.
Notre vrai Deu Ihesu-Crist
Son chier fiz, enveia en terre,
Por fere pes de notre guerre.
Dex devint hom por nos pechiez
Circuncis et baptisiez,
Et por nostre salvation
Soffrit torment et passion,
Prendre se lessa et tenir.* За прегрешения свои мы были мертвы,
Когда Отец к нам жалость возымел.
Наш истинный Господь Иисус Христос,
Его любимый Сын, на землю послан был,
Чтоб умиротворить восстание наше.
Бог человеком стал за наши прегрешенья,
Обрезан был и окрестился,
Для нашего спасенья пострадал
Мученьями Страстей
И образ узника воспринял.

.....

*Et cloufichier et piez et mains.
Le Sauveor, de pitie plains,
Se lascia ferir el coste;
Si savons bien, de verite,
Que li sanc et l’eve en issit.
Par cest sanc sommes toz gari,
Cest saint sanc nos racheta vie
Et nos osta de la Baillie
Du felon qui a nom Sathan.
Dex qui est vrai pelican
Nos raient en itel maniere
Comme la gent qu’il out moult chiere*. Руками и ногами пригвожденный
И полный жалости Спаситель
Был прободен в ребро;
Мы ведаем, воистину, отсюда
Кровь истекла с водой.
И этой кровью все исцелены;
Святая кровь нам жизни искупила,
Избавила от власти вероломной того,
Кого мы именуем Сатаной.
Господь, что истым пеликаном предстает,
Нас искупил тем самым, поскольку
Семейство наше очень дорого Ему (6).

Следовательно, в этом тексте и почти во всех других средневековых текстах не говорится вовсе, что символическая птица вскармливает своих птенцов своей кровью, поскольку они мертвы, когда она их орошает, но делая это, она их прощает, очищает от их заблуждения (Фигура V) и возвращает им жизнь. Именно так это понималось и называлось всеми великими мистиками того времени: Викентием де Бовэ, Альбертом Великим, Святым Фомой Аквинским...

Альберт Великий даже выразительно возмущается против тех, кто рассказывают, будто пеликан вскармливает своих детенышей собственной кровью (7); и в другом фрагменте он объясняет это следующим об-

Фигура IV. – Пеликан, воскрешающий свой выводок. Фриз XIII-го века в кафедральном соборе Страсбурга

разом: «Пеликан весьма познавателен и зовется Вольтри (Voltri) у Халдеев и Ифилати (Yphilati) у Греков. Его добродетель удивительна: странно убивая своих птенцов, чтобы не разорвать их сердца, он берет свою кровь и влагает ее теплой в их клювы, и они становятся живыми, как и прежде» (8).

Равно и выдающийся ученик Альберта Великого Святой Фома Аквинский в гимне “*Adoro te*”, составленном им для Службы Святого Таинства, связывает с пеликаном только идею искупления человеческой души в очищающем омовении божественной кровью, но отнюдь не с идеей оживления благодаря акту евхаристического потребления:

*Pie Pelicane, Jesu Domine,
Me immundum munda tuo sanguine,
Cujus una stilla salvum facere
Totum mundum quit ab omni scelere*”.

Благочестивый Пеликан, Господь Иисус
Омой в Твоей крови все наши скверны,
Которой капли хватит, чтобы стереть
Все злодеянья мира этого (9).

Смысл существа, очищающего мир, зачастую является единственным, который выражает мистический пеликан. Таким он представлен на общественном фонтане, датируемом 1543 годом (10), у храма Святого Лазаря в Отюне; таким его поместил один художник по керамике на закруглении знаменитого кувшина для воды из Уарона (Фигура VI) (11); в таком смысле его отлил один мастер по олову на верхушке фонтана, приводимого Жерменом Бапстом (12)...

Фигура VI. – Очищающий Пеликан на сосуде для воды из фаянса Уарона (Оугон), XIV-й век. Согласно офорту графа Октава де Рошбрюна

Фигура V. – Пеликан со своим выводком на Древе Жизни. Печать Брата Вильгельма д'Аженака (Guillaume d'Agenac), XIII-е столетие. Музей Антикваров Запада в Пуатье

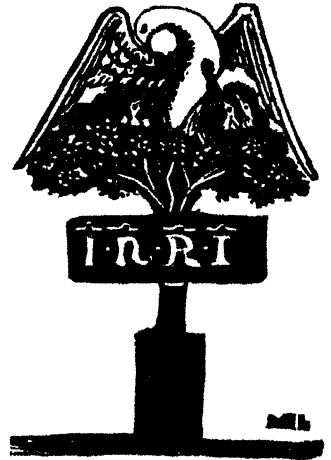
Фигура VII. – Пеликан
на вершине Креста,
изображенный
на белом шелке,
XV-е столетие.
Музей Лувра, Париж

пеликаном нашим возлежа, к его груди приник; и с выси крестной Приял великий долг, ему служа» (14).

Именно в смысле всецело «очищающего» древние Алхимики рассматривали пеликана, когда обозначали под именем «Кровь Пеликана» состояние элементов, предназначенных к Великому Деланию после первоначального очищения (15). От их трудов нам остался для нынешней химии инструмент, носящий название «пеликана», представляющий собой нечто вроде одночастного перегонного аппарата с двумя клювами, выходящими из трубчатого колпака устройства.

На протяжении трех последних столетий Средневековья художники очень часто изображали пеликана со своим выводком на вершине креста (13), обыкновенно сверху над табличкой с титлом I. N. R. I. (Фигура VII); иногда они даже заставляли произрастать от спасительного древа непредвиденную ветвь, опутывающую гнездо своей листвой (Фигура VIII). Я имел перед своими глазами тридцать из таких изображений: на всех показан пеликан, наносящий себе рану посередине груди или в правый бок. В этой теме пеликана на кресте птица представляет собой единственный одновременно очищающий и оживляющий итог крови, распространенной Христом над миром, ставшим, таким образом, автором нашего спасения и нашего воскресения.

Кажется, то же самое думал и Данте о Пеликане, помещенном над Христом на кресте его современниками, когда писал, рассуждая о Святом Иоанне: «Он, с Пе-

Фигура VIII. – Пеликан
над титлом Креста.
Картина Лоренцо
ди Джованни, XV-е
столетие. Галерея
Уффици во Флоренции

(1) Cf. L. DELATTRE, Carthage, *Symboles eucharistiques*, p. 91.

(2) *Spicilege de Solesmes*, T. II, p. LXXX.

(3) Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*, IIe Part. XCVII. Traduction de Philippe Le Noir, 1539.

(4) Guillaume DE SALUSTE DU BARTAS, *OEuvres*, *Le Cinquiesme iour de la semaine*, p. 247.

(5) Brunetto LATINI, *Li Livre dou Tresor*, L. I, CLXVIII.

- (6) *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*. Edition de C. Hippeau, Caen, Hardel 1852, pp. 207-210.
- (7) Albert LE GRAND, Op., T. XII, *De animalibus*, p. 504.
- (8) *Ibid.*, *Des vertus des Herbes, Pierres, Bestes et Oyseaux*, L. III.
- (9) Saint THOMAS D'AQUIN, *Hymne Adoro te*, 6.
- (10) Cf. *Magasin pittoresque*, annee 1860, p. 300.
- (11) Cf. B. FILLON et O. DE ROCHEBRUNE, *Poitou-Vendee*, Pl. XI. – L. CHARBONNEAU-LASSAY, in *Regnabit*, mars 1923, p. 288.
- (12) G. BAPST, *L'Etain*, p. 251.
- (13) Смотреть GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chretien*, T. II, pp. 354, 365, 372; T. IV, p. 324.
- (14) Данте Алигьери. *Божественная комедия*. Перевод М. Лозинского. Издательство «Правда», М.: 1982; Рай. Глава XXV, 112.
- (15) Cf. *Le Triomphe Hermetiste de la pierre philosophale*. Edition Desbordes, 1704, p. 129.

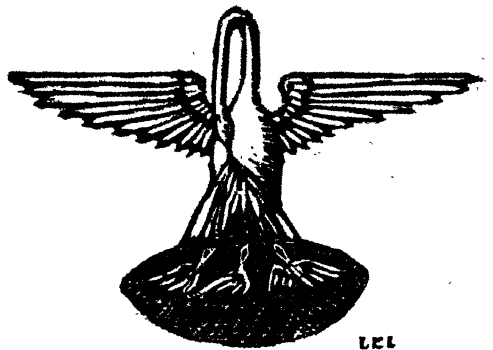
III. ПЕЛИКАН, ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА

К первоначальным смыслам очищения, искупления, воскресения, которые символика Христа связывала с Пеликаном, поспешил привиться другой смысл, возобладавший с тех пор, делающий из этой птицы эмблему любви Христа к душам, выраженной дарованием Его крови в Евхаристии.

Следовательно, как было сказано выше, античный миф, связанный с пеликаном, служивший точкой отсчета его роли в христианском символизме, говорит не о воскрешении мертвых детенышей пеликана благодаря невероятному высасыванию крови их отца, но об их оживлении через единственное омовение этих трупов (Фигура IX).

Зато очень древнее египетское сказание, весьма распространенное в Ливии и вплоть до Нумидии, сообщало, что *Гриф*, когда не находил ничего в пищу своим птенцам, увлекался своей преданностью к ним до того, что вскрывал вену на своем бедре, чтобы накормить свой выводок собственной кровью (1).

Бюффон полагает, что Святой Иероним и Святой Августин в конце IV-го столетия явились первыми, кто перенес на пеликана египетский миф, относящийся к грифу. В своем комментарии на Псалом 101 Святой Августин, впрочем, лишь вскользь касается евхаристического смысла Пеликана, что делали после него редкие авторы; Гуго де Санкт-Виктор в XII-м веке выражался следующим образом после того, как

Фигура IX. – Возрождающее окропление кровью. Гобелен на литургической сумке из Лузиньяна (Вьенн), XVI-е столетие. У господина каноника Рипо (Ripault)

БББ

Фигура Х. – Пеликан
на чаше; завершающая
скульптура

дарохранительницы
храма Святого Иакова
в Ганде (Gand) (Бельгия),
XVIII-й век

рассказывал миф, посвященный пеликану: «Мы поразили нашего Бога в лицо, мы Его отвергли. И тем не менее, Он предал Своего Сына на заклание; копьё воина пронзило бок, откуда истекли вода и кровь, послужившие нашему искуплению. Вода есть благодать крещения, а кровь – чаша, которую нам даровано вкушать во оставление грехов» (2).

Мы видели, что Святой Фома Аквинский в гимне “*Adoro te*” никоим образом не сближал пеликана и его героический поступок с евхаристическим потреблением, но тот факт, что он упоминал пернатого в евхаристическом песнопении в качестве эмблемы Икупителя, во многом способствовало утверждению евхаристического характера птицы, преобладавшего с тех пор над всеми другими характеристиками в христианском символизме.

(1) Cf. Horus Apollon. – Abbe Van Drival, *Grammaire comparee des Langues bibliques*, IIe Part., XVI, p. 115. Смотреть выше Главу LXIII, *Гриф*.

(2) Смотреть HIPPEAU, *Introduction au Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*, p. 95.

IV. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ

Поскольку венцом любви и милосердия является самопожертвование, постольку пеликан представлял собой удивительную эмблему подобного героизма.

Именно в этом звании некоторые миниатюристы XV-го и XVI-го столетий изображали пеликана над персонифицированным Милосердием (1). Эмиль Маль воспроизвел одну из этих миниатюр и в совершенстве изложил предмет, который она выражает (2).

В ту же самую эпоху и в том же самом смысле было помещено в церкви Святого Бавона в Гарлеме в Голландии скульптурное древо в форме пеликана, где через отверстие, сделанное в его теле, принимались подаяния верных (3).

Представляется, что пеликан выражает собой именно материнское милосердие, когда сопровождает образы Приснодевы Марии, как на обрамлении врат в церкви Нотр-Дам в Пуи-ан-Велэ (Puy-en-Velay).

В геральдике и сигиллографии прелатов он сообщает об абсолютной преданности отеческой любви у тех, кто, имея попечение о душах, избрал

его для украшения своих печатей и гербов. Именно в этом качестве мы его видим на многочисленных печатях Средневековья и на церковных гербах, как и кардиналов Ренье, де Камбрэ (de Cambrai) (4), Лавижери (Lavigerie), д'Альжера (d'Alger) (5). Девизы двух прелатов: "*Charitas Christi urget nos*" и "*Charitas*"; удачно подчеркивают характер героической птицы.

В гражданской геральдике он равно обозначает любовь, отеческую преданность, доведенную до личного самопожертвования. Таким мы его видим на клейноде щита рыцаря из Пуату Филиппа де Марманда (de Marmande) (1303 год) (6) и на гербе семейства Камю (Camus) (7); на гербе Анри Ланглуа (Langlois), продавца гравюр из Марселя, он венчает собой оба сердца, отцовское и материнское, полных самой преданной нежности к своим детям (8).

Об этом отеческом милосердии говорит Альфред де Мюссе, когда рассуждает о пеликане:

«... Как только пеликан спускается тяжелый,
из странствий возвратясь, к туманным тростникам,
голодные птенцы бегут на берег голый,
узнав его вдали по плещущим крылам.
Уже обильную добычу предвкушая,
на радостях крича и клювами качая,
зобастые птенцы торопятся к нему.
Но он, на берегу, застыв на камне вышем,
он покрывает их крылом своим повисшим,
как горестный рыбак, глядит в ночную тьму.
Сквозь жесткое перо сочится кровь из раны.
Бесцельно было ночь пучинную пытаться:
безжизненны пески, безрыбны океаны,
и он своим птенцам лишь сердце может дать.
На камень опустясь, угрюмый, неуклюжий,
деля между детьми живую плоть свою же,
всей силою любви боль заглушает он,
и, глядя, как бежит горячий ток багряный,
среди пира падает, шатается, как пьяный,
блаженством, ужасом и нежностью пронзен.
Но иногда среди высокой этой казни,
наскуча смертью столь длительной, в боязни,
что сытые птенцы его оставят жить,
он поднимается, чтоб крылья распустить,

и, яростно себя по сердцу ударяя,
с такую дикую унылостью кричит,
что в трепете со скал взмывает птичья стая,
и путник, в поздний час по берегу блуждая,
почуя смерть вблизи, молитву вслух твердит...» (9)

Перевод фрагмента из «Майской ночи» Альфреда де Мюссе великого русского писателя Владимира Набокова (прим. пер.)

-
- (1) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chretien*, T. III, p. 445.
 (2) Emile MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-Age en France*, p. 319.
 (3) Cf. DIDRON, *Annales archeologiques*, annee 1856, p. 97.
 (4) Cf. D'ARLOT DE SAIN-SAUD, *Armorial des Prelats francais du XIXe siecle*, p. 54.
 (5) Cf. L. DELATTRE, *Carthage*, p. 91.
 (6) Cf. GAIGNIERES, *Recueil*.
 (7) LA COLOMBIERE, *La Science heroique*, 1669, p. 363.
 (8) Cf. Comte DE MONTGRAND, *Armorial de la ville de Marseilles*, p. 364.
 (9) Alfred DE MUSSET, *Poesie diverses*. – La nuit de mai. – Edition Charpentier, Paris, 1846, p. 340. Полное собрание опубликованных на русском языке стихотворений В. Набокова. Подготовка электронного текста для некоммерческого распространения: С. Виницкий.

V. ПЕЛИКАН, ЭМБЛЕМА ОСТАВЛЕННОГО ХРИСТА

Уже Древние приписывали «горестному рыбаку» (пеликану – прим. пер.) Мюссе природную склонность к печали, заставлявшую его искать пустынные и унылые места; царь Давид в своей жалобе несчастливца обращается к Яхве о своих невзгодах, восклицая Ему: «Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах»; *“similis factus sum in pelicano solitudinis...”* (1); крик скорби, красноречиво истолкованный Святым Епифанием, применялся затем мистическими писателями ко Христу в двух обстоятельствах Его жизни: когда Он удалился в течение сорока дней в пустыню, и особо когда Он был оставлен Своими учениками в Гефсиманском Саду при Его задержании. Здесь именно то, что выражает собой пеликан, препровождающий текст из Давида на средневековом витраже кафедрального собора Буржа (2). С тем же самым характером пеликан встречается на некоторых иных произведениях искусства прошлого, но в них он отдельно применялся в литературном символизме.

-
- (1) *Псалтирь*, Псалом 101, стих 7 (Вульгата – 101).
 (2) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Op. cit.*, T. II, p. 283.

VI. ОБРАЗ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПЕЛИКАНА В ИКОНОГРАФИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ФРАНК-МАСОНСТВА

В древнем католическом искусстве мистический пеликан зачастую больше изображался в профиль, нежели анфас; но в обоих случаях он либо поражает себя клювом в правый бок, либо посередине груди, но никогда не в левый бок (Фигура XI). Если отдельные металлические печати в виде редкого исключения и представляют последнюю особенность, то это происходит от рассеянности гравера, который обязан вырезать свой образ обратной стороной, чтобы иметь правильную картинку на отпечатке, и который ошибся.

Подобно и все древние изображения Распятого имеют рану от удара копья с правой стороны Его тела; таким же образом, начиная с XV-го века, обозначения Сердца Иисуса Христа его показывают сокрушенным в правой части.

Это иконографическое правило сделалось непреложным законом вплоть до XVIII-го столетия. Оно идет от текста одного видения Святого Пророка Иезекииля, подытоженного римской литургией в песнопении пасхального периода: *"Vidi aquam..."*; «Потом привел он меня обратно к дверям храма, и вот, из-под порога храма течет вода на восток, ибо храм стоял лицом на восток, и вода текла из-под правого бока храма, по южную сторону жертвенника. И вывел меня северными воротами, и внешним путем обвел

меня к внешним воротам, путем, обращенным к востоку, и вот, вода течет по правую сторону» (1). Этот текст поется перед торжественной воскресной мессой во время окропления народа благословенной и очищающей водой; и этот обряд совершенно согласуется с характером пролития божественной крови, распространенной для стирания скверн людских, а одинаково с очищающей символической ролью, связанной с пеликаном.

С конца XVI-го столетия непонимание аутентичного католического символизма смягчало иногда строгое правило, прежде заставлявшее всегда изображать пеликана, поражавшего себя в правый бок или в середину груди, но никак не в левый бок. Позднее, на протяжении XVIII-го

Фигура XI. – Пеликан на старинной скульптуре из приорства Вивуан в Мэне (Maine), XVI-XVII вв.

века, новое влияние прискорбно размножило неправильную практику удара клювом пеликана в свою левую сторону. Это произошло в эпоху, когда организовалось или реорганизовалось Франк-Масонство в его нынешнем виде в графстве Норфолк в Англии. Оно превратилось в философическое общество в Лондоне в 1717 году. Для общества оно полагало быть лишь тайным объединением взаимопомощи и милосердия.

Чтобы использовать обряды таинственной привлекательности, которые тогда оно установило, франк-масонство взяло теперь в них уже освященные значения или придало им новые смыслы от древних почти всех христианских эмблем. Образ пеликана был из этого числа и сохранял у Масонов две из своих древних католических ролей – обозначения Искупителя людей и добродетель Милосердия.

Прочитаем в древних масонских ритуалах этой эпохи формуляр принятия в степень Розы и Креста (2). Тексты отличаются не по смыслу, а лишь несколькими выражениями, в зависимости от разных изданий.

«Драгоценность (инсигния) рыцаря Розы и Креста, – уточнялось в одном из изданий, – представляет собой треугольник, образованный из компаса и четверти градуированного круга; посередине расположен Крест, на котором находится Роза, а внизу на четверти круга Пеликан, истекающий кровью для своих птенцов» (3).

И вот – после диалога, где излагалось масонское значение трагических букв титла креста Голгофы I. N. R. I. и где вышеназванные буквы обозначались как священное слово Розенкрейцеров – то, что сообщает Катехизис о смысле, который должен признавать посвященный в раненой Птице:

«Весьма Премудрый вопрошает у Весьма Досточтимого кандидата:

– Знаете ли вы пеликана?

– Да, Весьма Премудрый.

– Что означает он?

– Он для нас является символом Искупителя Мира и совершенного человечества» (4).

С этим значением пеликан повсюду с тех пор изображался у Масонов, неизменно связывавших с ним иконографическую особенность нанесения раны *всегда с левой стороны* груди, имея *всегда согнутую в эту сторону* шею и пребывая в противостоянии с традиционным пеликаном католической иконографии.

Эта важная подробность, упускаемая католиками, позволяет Масонству с середины XVIII-го столетия хорошо проводить предприятие, стремящееся заменить своим пеликаном Пеликана, представленного в литургике; тем самым оно его ввело на алтари.

Вот как это происходило.

Перенесемся в конец XVIII-го и в начало XIX-го столетий. Это была прекрасная эпоха Компаньонажа: рабочие всех специальностей, чтобы усовершенствоваться в своем ремесле, переходили из города в город, работая некоторое время в каждом из них. Те из них, кто являлись членами Компаньо-

Фигура XII. – Массонский пеликан у подножия Креста, облеченного розой и компасом вверху четверти градуированного круга. Гравюра на дереве XIX-го столетия

нажа, были почти уверены, что найдут, по прибытии в менее значимый город, работу и помощь. Компаньонов насчитывалось очень много. И Массонство быстро наложило руку на это учреждение, к основанию которого оно, кажется, не имеет никакого отношения, дав Компаньонам секретные знаки признания, а также инсигнии, происходившие от масонских символов: пеликан был одной из них, наряду с треугольником, мастерком, уровнем, компасом и акацией. На самом деле Компаньонаж стал неким подобием третьего рабочего ордена философического Массонства, а для некоторых своих членов и преддверием Ложи вольных каменщиков.

Благодаря Компаньонажу Массонство проникло во все промышленные предприятия, на фабрики, посредством чего смогло очень легко в мастерских скульпторов, чекан-

щиков, религиозных ювелиров, изготовителей риз заменить мало-помалу традиционного пеликана христианского искусства на своего левостороннего пеликана. С тех пор в ремесленных корпорациях обычай использовать масонского пеликана сделался «профессиональной традицией» – это, по меньшей мере, то, что можно сказать.

Так произошло, поскольку христианские художники и те, кто должны были их в этом направлять или наставлять, забросили изучение истинных и традиционных начал христианской Символики. Осведомленные иконографы, литургисты и мистики впадали в печаль от ежедневного вида прискорбных аномалий. Во многих церквях масонский пеликан господствует на алтаре, его мы видим на дверцах дарохранительниц, на сводах, на спинах священников, совершающих бескровное жертвоприношение, на исповедальнях, на дароносицах, на хоругвях... И отсюда эта чужеродная презрительная насмешка над теми, невежество которых его оставило занимать место пеликана истинной литургии: *Vidi aquam egredientem de Templo a LATERE DEXTRO*.

Я имею перед глазами каталог одного из больших французских домов по производству ювелирных изделий, риз и утвари для церкви; среди священнических облачений, там представленных, много очень красивых по покрою и рисунку; семь из них несут на себе изображение пеликана: и все они – масонские пеликаны!

«Эмблематические фигуры, – потрясающе здравомысляще выразился профессор Иппо, – не должны рассматриваться в качестве произвольных. Они опираются на авторитет священных текстов, они были освящены использованием их Отцами Церкви. Верно передаваемые они составили некое подобие *художественной ортодоксии*, не позволяющей их расценивать только как порождение воображения и каприза...» (5)

Золотые слова. Оставим нынешнему католическому искусству извлечь урок из этого к вящей пользе всякого, кто взывает к литургическому символизму в поисках возвышенного элемента для своей души и своего духа.

(1) *Книга Пророка Иезекииля*, Глава 47, стих 1, 2.

(2) Это нельзя путать с древним розенкрейцерским посвящением.

(3) *Receuil precieux de la Maconnerie Adonhiramite, par un chevalier de tous les ordres maconiques*, 5. 807, p. 118. (Драгоценный сборник Адонирамического Масонства, составленный одним рыцарем всех масонских орденов).

(4) *Ibid.*, p. 31.

(5) С. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin* (Introduction), p. 34, note.

VII. ВАМПИР – ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, АНТИТЕЗА СИМВОЛИЧЕСКОГО ПЕЛИКАНА

Фигура XIII. – Сатана-вампир.
Фреска из Кампо-Санто
в Пизе, XIV-е столетие.
Согласно DIDRON, *Op. cit.*

В древних легендах и суевериях Франции, Англии, а особенно Германии, центральной Европы, Венгрии и Дунайских областей, вампиры, название которых происходило от германского слова Упир (Oupir; упырь – прим. пер.) (1), являлись лишь духами проклятых мертвых, выходившими по ночам из могил, где тлели тела, и которые дьявольски высасывали кровь спящих живых людей после того, как наносили рану в левую вену на их шее. Тем самым они их очень быстро заставляли умирать от истощения; иногда даже они обезглавливали своих жертв, что было проще и скорее.

Искусства Средневековья изображали нам этих ночных злодеев дьявольского послушания либо под видом чудовищного черта, либо в более простом облики огромной летучей мыши. Иконография Кампо-Санто в Пизе содержит такое чудище преисподней, имевшее себе равное по мерзости, разве что

под резцами Дюрера и Кало (Calot): это существо кошмара, мохнатое и рогатое, высасывающее и глотающее с помощью змеи, служащей ему сифонной трубой, кровь одного обезглавленного человека (Фигура XIII).

Большая летучая мышь скамеек XIII-го столетия в кафедральном соборе Святого Петра в Пуатье относится к той же самой сущности (2); еще Ориген обозначил Летучую Мышь как эмблему еретиков, поскольку она таится в течение светлого времени суток, имея специфические признаки, как птиц, так и млекопитающих. По крайней мере, во Франции дворянская геральдика, опираясь на Оригена (3), взяла Летучую Мышь за образ Ереси (Фигуры XIV и XVI).

Средневековое искусство иногда прикрепляло крылья летучей мыши к морской Сирене: такой мы обнаруживаем ее на капители XV-го столетия церкви Святого Германа в Пуатье. Тогда она становится образом Асмодея, демона Сладострастия, черпающего в человеческом существе жизненные соки его тела и осушающего источник благодати, являющийся жизнью его души.

Многовековая легенда из Пуату нам описывает Сатану, спускающегося в виде летучей мыши в средоточие нечестивого танца: танцоры и танцовщицы падают, сраженные замертво, одни после других от единственного прикосновения адских крыл, кружащихся вместе с ними (4).

Поверья восточной Франции, уличающие летучую мышь в тесных взаимоотношениях с происками злобных гениев ночи и их заклинателями, являются очень древними, поскольку *nucterix* обладала недоброй славой у Греков, и Плиний нам сообщает, что летучих мышей пригвождали в его время головой вниз к порогам домов, чтобы удалить от них зловредных гениев и порчи, приносящие несчастье (5). Во Франции летучих мышей, которых удавалось поймать, бросали в огонь, что делается еще в захолустных деревнях, вопреки услугам, которые они оказывают как на-секомоядные.

Екатерина Эммерих соглашается со всем этим фольклором в рассказе об одном из своих виде-

Фигура XIV. – Летучая мышь на гербе семейства Ко (Cot). Смотреть DE LA COLOMBIERE, Op. cit.

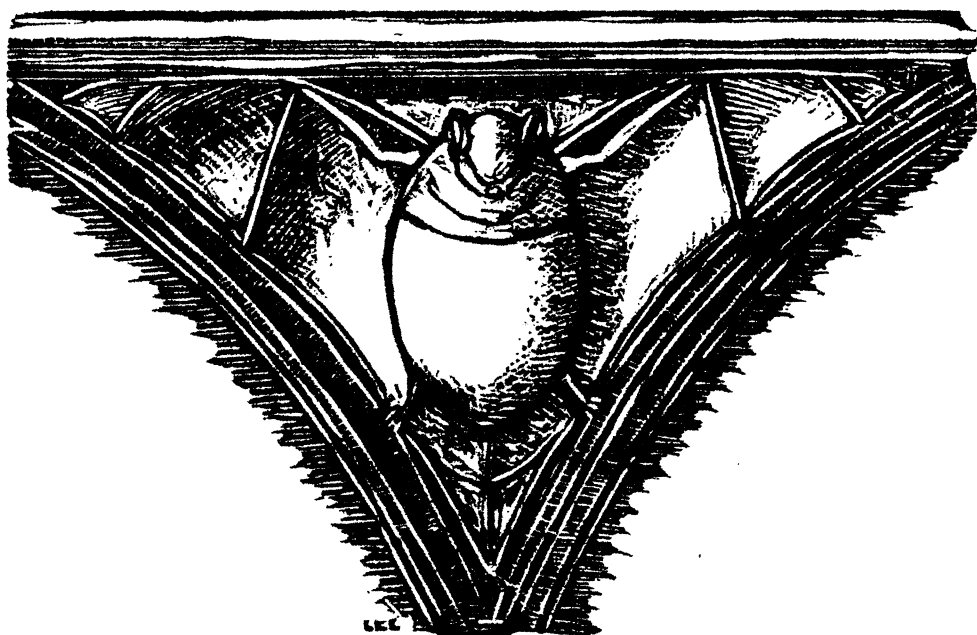

Фигура XV. – Летучая мышь согласно китайскому талисману. Cf. H. DORE, Op. cit.

ний жизни Иисуса Христа. Сообщая во фрагменте о палестинском городе, называемом Асах, она выражается следующим образом: «Люди отсюда устраивают охоту на ужасных испещренных пятнами зверей, имеющих перепончатые крылья, при помощи которых последние быстро летают. Это демоны – летучие мыши, высасывающие кровь людей и животных, пока те спят. Они выходят из болотистых непроницаемых дебрей, расположенных вблизи моря, и они причиняют много ущерба» (6).

На самом деле нужно добраться до Америки, чтобы повстречать столь ужасающий вид летучих мышей – большого Веспертильона (*grand Vespertilion*), которому европейские натуралисты дали имя *Vampirus spectrum* (призрачного вампира): его тело обладает величиной тела курицы и достигает 75 сантиметров в охвате. Он в основном питается крупными насекомыми и червями, но одолеваемый голодом, он, наподобие ласки, пьет кровь из шеи маленьких млекопитающих: крыс, кроликов; кажется, было бы преувеличением обвинять его в подобном злодеянии над своими детенышами. Эти твари больше отвратительны, нежели опасны. Бесполезно подчеркивать здесь, что Старый Мир на протяжении Средневековья не знал об их существовании.

Сельские верования прошлого во Франции воображали, будто колдуны могли сделаться невидимыми благодаря омовению в крови летучей мыши. Альберт Великий говорил об этом четко: «Если ты желаешь видеть ночью,

Фигура XVI. – Большой вампир со спинки одной скамьи в кафедральном соборе в Пуатье, XIII-е столетие

как и днем, читать книги и писания, то смажь свое лицо кровью летучей мыши» (7). Опыт не стоит большего.

В противоположность нашим европейским идеям летучая мышь предстает на Дальнем Востоке желаемым амулетом. Это ведется от того, что на юге Китая ее плохо произносимое имя *hou* становится почти подобным слову *fou*, блаженство (Фигура XV) (8).

Нам остается лишь добавить, что в нашей западной и христианской Символике противостояние между пеликаном и вампиром представляется полным: первый сам проливает свою кровь в жертвенном излиянии в пищу, давая тем самым жизнь существам, утратившим это; вампир высасывает кровь человека, которому сам нанес рану, вызывая, таким образом, его смерть: один соответствовал символу Иисуса, автора жизни, *Jesu auctor vitae* литургического текста (9); другой изображает как нельзя лучше «Разорителя», «Князя Тьмы».

-
- (1) Cf. *Nouveau Larousse illustre*, T. VII, p. 1216.
 - (2) Мадмуазель Мэйар полагает, что эта летучая мышь не имела смысла; тем не менее, она признала символические значения некоторых других животных, изображенных на удивительных скамьях собора в Пуатье: феникс на костре, кентавр, петух, василиск. Смотреть G. MAILLARD, *Les sculptures de la Cathedrale Saint-Pierre de Poitiers*, pp. 134-145, Pl. XXIX.
 - (3) Cf. V. DE COLOMBIERE, *La Science heroique*. Edition de 1669, p. 373, № 106.
 - (4) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *La Maldanee*, in *Bulletin de la Societe des Antiquaires de l'Ouest*, annee 1872, Ire fascicule.
 - (5) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. XXIX, 26.
 - (6) *Vie de Jesus-Christ d'apres les visions d'A. C. Emmerich, par Brentano, traduction de Cazalis*. Edition Bray, 1860, p. 314.
 - (7) *Le Livre du Grand Albert, lequel traite des merveilles du Monde*, s. d., XVIIe siècle.
 - (8) Cf. Henri DORE, *Recherche sur les Superstitions en Chine*, Ire Part., T. II, vol. IV, p. 475.
 - (9) *Breviaire romain*, Litanies du Saint Nom de Jesus.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ИБИС

I. ИБИС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Семейство ибисовых включает в себя достаточно большое количество разновидностей. Священный ибис Египтян (*Geronticus Aethiopicus*), которым мы здесь занимаемся, является крупным голенастым с телом как у курицы, менее высоким на своих лапах, нежели аист, журавль, цапля или марабу; его размер превышает размер белого европейского кулика, с которым он, впрочем, схож. У него белое оперение, за исключением шеи, головы и султана хвоста, которые черные. Символика Древних учитывала эти два цвета Ибиса, а равно определенные манеры поведения, присущие ему (Фигура XIII).

II. ИБИС В РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Ибис, обладавший лишь незначительной и невыгодной частью в нашем средневековом символизме Запада, являлся, наоборот, одной из наиболее благородных религиозных эмблем Ближнего Востока на протяжении Античности.

Как и в случае с фениксом, именно египетское жречество продвинуло ибиса к славной роли, ставшей своеобразной в эмблематике древних народов. В теологии древнего Египта Единый бог правит над мирозданием; и солнце есть его лицо. Египтянин его называет *Амоном*, когда рассматривает его в качестве владыки и наставника мира; он называет его *Ра*, когда хочет прославить его во всей его славе; он его называет *Птахом*, когда его обозначает как отца вторичных богов, людей и всех существ. Единый Бог АМОН-РА-ПТАХ создал все своим Словом, но теологи различали в труде этого божественного Слова «часть творческой мысли, называемой ими сердцем, и часть орудия творения, называемого ими языком» (1). Итак, это божественное Сердце, престол вечной мысли и вечного разума, именовалось ГОРОМ, богом с головой сокола, и этот божественный Язык, осуществлявший словом божественные замыслы, именовался ТОТОМ, богом с головой ибиса.

Фигура I. –
Инсигния бога
Тота-ибиса.
Согласно
A. MORET,
*Mysteres
egyptiens*,
p. 77, fig. 26

И как мы это видели раньше, сокол стал иероглифом, изображающим Гора-божественное-Сердце, а ибис – иероглифом Тота-божественного-Слова. И священный знак Тота был увенчан ибисом (Фигура XIII).

Элиан, греческий натуралист III-го столетия, дает этому символизму запоздавшее и недостаточное объяснение: «Итак, – говорит он, – поскольку черные перья ибиса сравнимы с речью, которая еще не была произнесена и которая содержится еще в нашей внутренней сосредоточенности, постольку его белые перья предстают символом произнесенной речи, разумея из этой речи, кто является служителем и посланником внутренней мысли» (2) и (3)

Значит, Тот персонифицировал в античном Египте божественное Слово и рассматривался в качестве небесного посредника, облеченного приносить понтификам дух толкования божественных вещей; самодержцам же и всем вождям – мудрость и скромность; всем остальным – благие вдохновения.

(1) Alex. MORET, *Mysteres egyptiens*, p. 122.

(2) Согласно COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, p. 268.

(3) ELIEN, *De nature animalium*, № 38, traduction M. SAVIGNY, *Histoire naturelle et mythologie de l'Ibis*.

III. ИБИС, УНИЧТОЖИТЕЛЬ ЗМЕЙ

Вне всякой символической идеи ибис фигурировал, с другой стороны, в числе животных, которых Египтяне окружали признательностью за услуги, которые они им оказывали. «Ибис почитается в Египте, – сообщает Плутарх, – поскольку он уничтожает там змей, коих укусы представляются смертельными» (1).

Помпоний Мела нам говорит, что каждый год маленькие змеи, наделенные сильнодействующим ядом, направляются в Египет большими ордами, но при самом вторжении в эту страну собравшиеся в стаи ибисы противостоят их проходу, с ними борются и их убивают (2).

Геродот, Диодор Сицилийский, Элиан, Маркеллин и другие древние авторы говорят нам о том же; Плиний добавляет, что Египтяне религиозно заклинали ибисов в период, когда змеи выходили из топей Нила (3); и Бюффон не противоречит на сей счет ни одному из древних натуралистов.

Это уважение в пользу ибиса сохранилось до наших дней, ибо и поныне белый ибис еще рас-

LCL

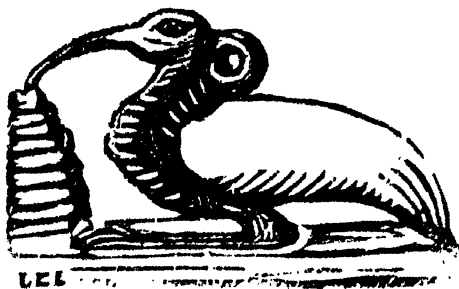
Фигура II. – Ибис из Музея Ватикана. Античная скульптура. Согласно S. REINACH, *Op. cit.*

считается феллахами как благословенная птица, присутствие которой покровительствует и благоприятствует сельскохозяйственным работам, и всякий, кто его убивает, оказываясь святотатцем, становится объектом осуждения других, как и во времена господина де Бюффона (4).

Еврейский историк Иосиф нам рассказывает на полях Библии, что Моисей, идя на войну против Эфиопии, позаботился о том, чтобы его войско взяло с собой большое количество ибисов для противодействия змеям, наводнявшим эту страну (5).

Великолепная скульптура из музея Древностей Ватикана прославляет эту роль ибиса, истребителя змей, показывая птицу с головой, поднятой к небу, и держащей в своем клюве своего поверженного и мертвого врага (Фигура II) (6).

Враг змей ибис является таким же и для ящериц, всегда представлявших собой породу скверной репутации. Одна египетская скульптура его показывает пожирающим ящерицу и, если верить Гораполлону, крокодил делался неподвижным единственным прикосновением к нему пера ибиса (7). По этой и по другим причинам почитаемое изображение ибиса помещалось в домах (Фигура III).

Фигура III. – Ибис, амулет
из керамической пасты.
Музей Лувра

(1) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, L. XXV.

(2) Pomponius MELA, *Description de la Terre*, Liv. III-VIII.

(3) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, XXVIII et XL.

(4) BUFFON, *Histoire naturelle*, edition de 1769, T. XXXIV, p. 3.

(5) JOSEPH, *Antiquites judaiques* (Иосиф Флавий, Иудейские древности).

(6) Cf. S. REINACH, *Repertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. IV, p. 539, № 6.

(7) HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, II, 81.

IV. ОЧИЩАЮЩИЙ ИБИС

Ибис не только убивает змей и других рептилий, но он ими питается. Он кормится также плотью мертвых животных, рыб, разложившихся на солнце на топях Нила, отбросами всех видов животного происхождения.

Египтяне видели в нем, наравне со священным скарабеем, «очистителя мир» и были ему признательны за эту услугу.

Зато Ибис утоляет жажду лишь очень чистой водой, о чем писал Плутарх: «Наиболее щепетильные среди египетских жрецов в отношении обрядов берут для очищения воду, которой ибис утоляет жажду, ибо он не только

ни пьет никогда нездоровую и испорченную воду, но даже и не приближается к ней» (1).

Дальше мы увидим, что вместе с ибисом разделяет эту полезную обязанность чистильщика марабу, снискавший тем самым симпатию у народов Африки и Азии. Но как мы обнаружим, это не единственный признак, общий для обеих птиц.

(1) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, LXXV.

V. ИБИС, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ПРОВОДНИКА ДУШ

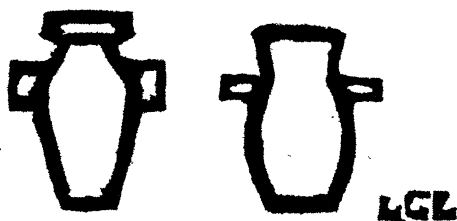
Элиан нам сообщает, что египетская религия посвящала ибиса луне, и что эта птица столько дней высидит свои яйца, сколько времени Луна проходит цикл своих фаз (1). Возможно; но истинная причина сближения ибиса и луны заключена в том, что Тот был богом, управлявшим этим светилом (2); равно часто он изображался с диском и полумесяцем лунного возраста на своей голове (Фигура IV).

Другой аспект религиозных концепций Египта ставил Ибиса в соответствие с Озирисом, делая из него одну из эмблем идеи воскресения, в которой луна, возрастающая в сиянии, убывающая и исчезающая, чтобы появиться вновь, была также одной из эмблем. Подобно и человек возрастает в своей юности, сияет крепостью в своем зрелом возрасте, убывает в своей старости и умирает, чтобы возродиться к новой жизни.

Но для воскресшего усопшего необходима определенная участь. Именно тогда, наподобие орла, грифона и пантеры в иных областях, ибис Египта вмешивался, чтобы помочь душе заслужить постоянное пребывание у Божества. Именно на крыле Тота-Ибиса религиозная поэ-

Фигура IV. – Тот и головой Ибиса, увенчанный диском и возрастающим полумесяцем. Храм Рамсеса II в Антиное. Cf. Alex. GAYET, in *Annuaire de Musee Guimet*, 1897, 3e Part., Pl. XV

Фигура V и VI. – Вазы египетских иероглифов, эмблемы сердца

зия Египта заставляла подниматься на небо богов, сошедших на землю, и души Праведных. Ибис был святым и уверенным проводником на эфирном пути вечного блаженства (3).

Эта роль психагога исполнялась у Греков Гермесом, которого эллинизированные Александрийцы сближали с Тотом до степени почти полного отождествления одного с другим, хотя Цицерон уточняет, что

Гермес Трисмегист никогда не носил имени Тота (4).

Все то, что я изложил, будет достаточно для объяснения, почему древний Египет воздавал великие почести ибису, которого мумифицировали после смерти, как это делалось и с соколами Гора.

Геродот сообщает, что ибисов хоронили по-особому в Гермополисе (5). В Абидосе их предавали земле в маленьком храме Тота; будучи легкими мумиями, мумии ибисов в Мемфисе заключались в конические вазы высотой меньше одного локтя. Та же самая практика имела место для погребальных колодцев Сахары, известных под именем «Колодцев Птиц», что происходило не без глубокой причины, поскольку существовала символическая связь между эмблематическим ибисом и иероглифической вазой, самой по себе представлявшей эмблему человеческого сердца.

В священном писании Египтян Сердце, сердце Единого бога, как и сердце человека, обозначалось изображением вазы (Фигуры V и VI); с другой стороны, сам ибис брался за одну из эмблем сердца. Об этом нам сообщает Элиан: «Когда ибис прячет свою голову и свою шею под свои крылья, он принимает образ сердца, и именно сердцем Египтяне в старину иероглифически изображали Египет» (6). Птица одинаково приобретает этот вид, когда опускает свою голову к своим ногам или когда запрокидывает свою шею назад (7).

Искусство иногда, даже очень поздно, изображало ибиса в этом символическом положении: таково украшение в форме эмалированной накладки XIII-го столетия, репродукцией которого владел эрудит и коллекционер из Пуату граф Рауль де Рошбрюн; на ней показан белый ибис со склоненной вперед головой и в позе, придающей ему форму, отмеченную Элианом (Фигура VII).

Плутарх делает другое сближение: птенец ибиса, по его мнению, в момент, когда вылупился из яйца, весит в точности столько же, сколько и сердце ребенка, который только что родился (8).

Не отсюда ли истекает идея подобного рода, ведь в раскопках, ранее произведенных в Гермополисе, находили мумифицированных ибисов, содержащихся не только в эмблематических вазах, но еще и в оболочках в форме маленьких человеческих тел? (9)

Напомним здесь, что у Египтян сердце в человеке рассматривалось как

источник, очаг Разумения и Мысли, а значит Знания и Мудрости. Итак, у них мысль человека зарождается в его сердце и, убегая оттуда, останавливается в мозгу, чтобы обрести там форму и внешнее выражение благодаря языку и губам, став тем самым человеческим словом. И Тот-Ибис символизировал это слово одновременно с божественным Словом.

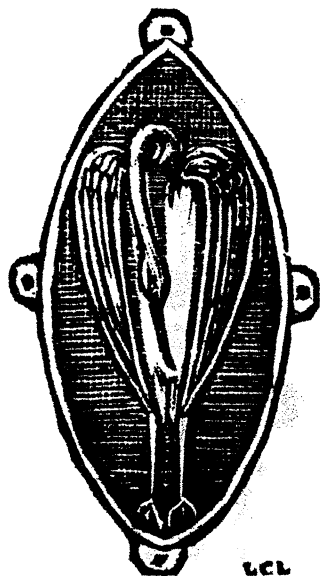
Сближение, сделанное в эллинистическом Египте между Тотом и греческим Гермесом, господином всякого знания, вечной и божественной мыслью, Гермесом Трисмегистом (Трижды Величайшим) заставило их вместе почитать в Гермополисе, «городе Гермеса». Греки полагали, что этот последний изобрел письменность и воодушевил людей ее использовать для установления их знаний о Божестве, мироздании и самих себе. Благодаря ему премудрость, цветок Знания, расцвел в духе людей.

С другой стороны, Платон, возвратившись из Египта, писал, что был в этой стране у Навкратиса, бога всякого почитаемого времени, кому и посвящался ибис. Платон добавляет, что его имя Тот, и он первым изобрел числа, вычисление, геометрию, астрономию, письменность и игру превратностей, затем он повелел первым фараонам распространять эти науки среди своего народа (10). И оттуда, считает Плутарх, первая буква алфавита Египтян изображалась ибисом (11).

Климент Александрийский нам сообщает, что египетские предания его времени соглашались еще с утверждением, будто Тот сам составил первые книги священных знаний; и число этих книг было сорок две (12).

Являясь эмблемой знаний, которые человек может обрести над окружающим его миром, ибис Тота выражал собой еще и самостоятельную эмблему, ведь эта птица благодаря длине и гибкости своей шеи способна донести свою голову и свой взор ко всем частям своего тела, и мудрецы почерпнули отсюда символ точного знания, которое человек может получить посредством наблюдения и отражения качеств и недостатков своего тела, добрых или злых пристрастий своего сердца. Гибкости птицы было обязано открытие лекарства интимного порядка (13), обрадовавшего Блефира из Аристофана (14), и эта история равно сближает ибиса Тота с Гермесом, хранителя медицинских секретов (15).

Сегодня египтологи соглашаются с высказыванием одного из них, что Тот являлся «Посланником небес.... который заставляет соединиться небо с землей... и который связывает прошлую и настоящую жизнь с той, что будет в грядущем»

Фигура VII. –
Средневековое
украшение,
показывающее
геральдического ибиса
в сердцевидном
положении

(16). Киноцефалы, заклинатели знания и божественной премудрости, одинаково посвящались в египетской иерологии богу Тоту с головой ибиса, представлявшемуся, прежде всего, выражением этого знания и этой бесконечной премудрости.

Мы увидим, что под иными небесами цапля и марабу некогда разделили данный символизм Тота и Ибиса, его отображавшего.

-
- (1) ELIEN, *Op. cit.*, II, 35, 38; X, 29.
 - (2) Cf. Ph. VIREY, *La Religion de l'ancienne Egypte*, p. 142.
 - (3) Cf. Alex. MORET, *Du Sacrifice en Egypte*, in *Revue de l'Histoire des Religions*, 1908, p. 97. LEFEBURE, *Sphinx*, VIII, p. 16.
 - (4) CICERON, *De la nature des dieux*.
 - (5) HERODOTE, *Histoire*, II, 67.
 - (6) ELIEN, *De nature animalium*, X, 28.
 - (7) Смотреть также Pierre VALERIEN, *Hieroglyphiques*, L. XVII, p. 174; HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, I, 36.
 - (8) PLUTARQUE, *Propos du table*, IV; 5, 2.
 - (9) Cf. J. PASSALACQUA, *Catalogue des Antiquites decouvertes en Egypte*, par J. Passalacqua, de Trieste, p. 20.
 - (10) Cf. PLATON, *Phedre*.
 - (11) PLUTARQUE, *Propos du table*, IX, 4.
 - (12) Clement D'ALEXANDRIE, *Stromates*, VI, 4.
 - (13) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, VIII, 41. Святой Исидор выражается здесь без обиняков: "*Quae semet rostro purgat, in anum aquam inficiens*". *Op. Lib. XII*; Brunetto LATINI, *Li Livre d'ou Tresor*, Liv. I, CLXII, de Ephes.
 - (14) ARISTOPHANE, *L'Assemblee des Femmes*.
 - (15) Cf. G. GUIART, *La medecine aux temps des Pharaons*; G. TABOUIN, *Tout-ank-Amon*, p. 252.
 - (16) Ph. VIREY, *La Religion de l'ancienne Egypte*, pp. 100-101.

VI. ИБИС В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Мы знаем, что египетская символика Тота, отождествляющая его с Логосом, живо интересовала александрийских Греков, и даже когда образовалась великая христианская школа Александрии Дидаскалия, она не могла не признать элементы, исключительно сближавшие Тота-Ибиса, божественное Слово единого Бога с эллинистическим Логосом и божественным Словом, ставшим плотью (Фигура VIII).

Характер эмблемы воскресения, связанный с белым ибисом, особые роли победоносного врага змеи, «чистильщика мира» и проводника душ в небо являлись не менее чистыми, не менее освященными тысячелетними религиозными преданиями Египта, и этот характер и эти столь благородные и великие роли, заставившие войти в личную эмблематику Спасителя льва, орла, пантеру, феникса и некоторых других животных, обозначали для ибиса то же, что и для них. Концепции, связывавшие эту птицу с мифологическими

Фигура VIII. – Египетский
Тот-Ибис, божественное
Слово. Статуэтка
из Музея Лувра

Изображения ибиса в западном искусстве первых христианских времен не являются очень многочисленными; тем не менее, они встречаются на некотором количестве артефактов, в том числе на представленном здесь гностическом амулете (Фигура IX) (1), на скульптурном изделии из слоновой кости из Ломбардии и на лампе IV-го века, весьма вероятно христианского происхождения, найденной в районе Пуатье в 1914 году (Фигура X) (2). На нескольких произведениях искусства Ибис иногда предоставляет

олицетворениями премудрости и медицинского знания могли только возвысить его в глазах мистиков Дидаскалии, как и в глазах тех же Гностиков. Христос от Бога божественное Слово, «обитавшее среди нас», вечное начало воскресения и непреложный проводник душ к блаженной жизни, разве не представлял Он равно несотворенной Премудростью и державным исцелителем человеческих скорбей?

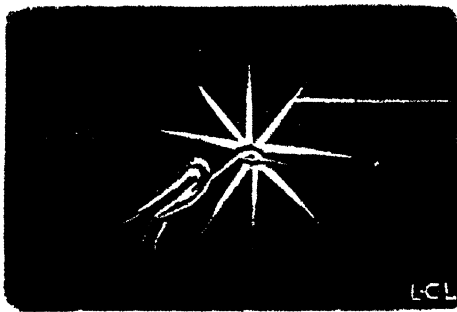
Впрочем, факт выражения каким-нибудь символом, и каким бы то ни было способом божественной Премудрости уже достаточен для обладания правом его вхождения в ортодоксальном или гетеродоксальном звании в Символику Христа и Святого Духа.

Фигура IX. –
Ибис на
гностическом
амулете

Фигура X. – Галло-римская лампа из
Пуатье. Из коллекции Фр. Эйгюна
(Collection Fr. Eygun)

Фигура XI. – Звезда мозаики
базилики Святых Космы
и Дамиана в Риме

свои формы Фениксу, служащему, как и он, символом воскресения (3). Полагаем, что его должно видеть в этой замещенной роли на большой мозаике римской базилики Святых Космы и Дамиана, датируемой понтификатом Папы Феликса IV, 526-530 гг. На ней показан Спаситель Мира, вознесенный на облака, делающий своими широко раскрытыми руками жест доброго приветствия; вблизи Его главы большой полностью белый кулик подлетает к Нему на полном ходу; птица увенчана

монограмматической звездой священного имени *Xristos*: буква X на кресте (Фигура XI). Дж.-Б. Росси, бегло описывающий эту мозаику (4), видит Феникса в находящейся здесь птице, что вполне вероятно по причине двух пальм, склонившихся по краям мозаики; но рассмотрев только белую птицу, не обладающую хохолком пурпурного феникса, позволительно, как мне кажется, признать в нем белого ибиса, замещенного фениксом.

(1) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, Fasc. 76-77, col. 2. 155.

(2) Из кабинета господина Фр. Эйгюна в Пуатье.

(3) Смотреть выше, Глава LV, *Феникс*, Фигура VI.

(4) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 2632 et suiv.

VII. ИБИС В СИМВОЛИКЕ ЗЛА

Итак, *Physiologus* и западные Бестиарии Средневековья пренебрегали добрыми сторонами символического прошлого ибиса, чтобы видеть в нем лишь эмблему разлагающих пороков.

Приняв во внимание, что *Второзаконие* помещает ибиса, цаплю, аиста и пеликана в разряд нечистых птиц, плоть которых не должна была употребляться в пищу Евреями (1), и вспомнив древних натуралистов, сообщавших, что ибис питается разложившимися телами и мертвой

Фигура XII. – Ибис на средневековой миниатюре из Библиотеки Арсенала.
Согласно Ch. CAHIER, *Op. cit.*

рыбой, авторы Бестиариев сравнивают его с христианином, насыщающимся обжорством и развращенностью своего гнусного аппетита (Фигура XII) (2). Своевременный урок, конечно, для всех столетий, но символисты Запада выиграли бы больше от сближения Самой Личности Иисуса Христа, используя все, что измыслил о Ней столь выгодного Восток, с белой птицей из долины Нила.

Фигура XIII. – Священный ибис Египтян.
В соответствии с гравюрой,
приводимой TROUSSET, *Nouv.*
Dictionnaire encyclop., Т. III, p. 332.

-
- (1) *Книга Второзакония*, Глава 14, стих 16.
(2) GUILLAUME DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XIV, *De Ybice*. Edition Hippau, p. 119, 228. – Ch. CAHIER, *Bestiaires*, in *Melanges archeologiques*, Т. II, p. 201.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ЦАПЛЯ

I. ЦАПЛЯ В ВЫМЫСЛАХ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Эта птица в религиозной поэзии Греков была одним из обыкновенных посланников Афины, которую эта богиня знания и мудрости отправляла покровительствуемым ей. В Илиаде Гомер нам показывает посланную к Одиссею и Диомеду ее цаплю, летевшую справа от героев и указывавшую им верную дорогу (1). Та же самой птице поручается еще от Афины миссия вести по морю корабль Арго, чтобы он не разбился, находясь напротив сталкивающихся скал, Кианей (2), состоящих из пемзы и, считалось, огромных как храмы, управлявшихся на поверхности волн злобными гениями.

Следовательно, Цапля участвовала самым фактом своих добродетельных ролей в характере премудрости, связанной с Минервой-Афиной. Вероятно, прав Ланоз-Виллен, говоря, что эта птица «должна была, несомненно, восприниматься в качестве одного из символов божественного знания».

Определенно получается, что во всем Древнем Море Цапля, летящая на Север или на Юг, рассматривалась как благоприятное предзнаменование. Она возвещала человеку, по словам Плиния, конец опасностей и обоснованных страхов (4).

Цапля, о которой здесь идет речь, является птицей, называвшейся Греками *Leukos*, что означает не только белую Цаплю, но еще и счастливую благоприятную птицу. На самом деле эта большая белая Цапля (*ardea alba*), обитающая особенно на Сардинии, в Венгрии, Польше и в бассейне Дуная; это также маленькая цапля того же цвета (*ardea Garzetta*), путешествующая по северному побережью Средиземноморья и даже по югу Франции.

Серая пепельная цапля (*ardea cinerera*), известная по всей Европе, являлась одинаково у Древних счастливой приметой; именно с ней по-особенному был связан западный символизм на протяжении Средневековья.

(1) HOMERE, *L'Illiade*, XV.

(2) Pseudo ORPHEE, *L'Argonautide*.

(3) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, IV, p. 143.

(4) PLINE, *Histoire naturelle*, XI, 52.

II. ЦАПЛЯ В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ

На другой стороне мира, в центре и на севере огромной Америки белая цапля была в большом почете во времена дохристианских культов.

Первоначальные предания Мексики рассказывают, что первые люди, происходившие из семи пещер, где родилась раса, прибыли вскоре в «Страну белых Цапель», и древние мексиканские иероглифы изображают эту счастливую страну как остров, расположенный посреди громадного озера (1).

Религиозные идеи древних Тольтеков поставили эту птицу в соотношение с действием божественной Премудрости на земле и в соответствии со сказанным Геноном о древней Туле Мексиканцев, обязанной своим происхождением Тольтекам, Тула это «верховная страна», Туле (*Thule*) Греков. На мексиканских памятниках идеографический знак Тулы – цапля (2).

В 1925 году газеты нам сообщили, что Индейцы Американского Севера организовались в Республику Туле: их знамя несло свастику.

По всему североамериканскому бассейну Тихого океана цапля, какого бы цвета она ни была, является традиционно очень почитаемой, занимая свое место в религиозном фольклоре Индейских туземцев; иногда, по их мнению, в цаплях обитают досточтимые духи мертвых, которые возвращаются посетить на земле места, где они пребывали в течение своей жизни.

(1) Cf. BOUCHAT, *Manuel d'Archeologie americaine*.

(2) Смотреть R. GUENON, *Le Roi du Monde*, p. 114.

III. ЦАПЛЯ В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ФАУНЕ ХРИСТА

С самого начала Цапля разделяет роль всех больших голенастых – уничтожителей, как и она, маленьких рептилий, ящериц, головастики, саламандр, червей всех размеров; и поскольку черви, наравне со змеями и ящеричными, рождаются в тени и в тлении, постольку они повреждают и разрушают здоровые вещи, являясь эмблемами смертного разложения, позорного уничтожения, эмблемами агентов преисподней, с которыми борется Христос. Ведь именно показав себя их врагом, цапля обрела место в христологической фауне.

Значит, прав Рене Генон, утверждая, что цапля обладает той же самой символической ролью, что ибис и аист, и

151

Фигура I. – Белая Цапля и пальмовая ветвь на Сакраментарии Геллона, X-е столетие. Национальная Библиотека в Париже, латинский фонд (fonds latin 120 48)

что три птицы стали и остаются эмблемами Христа (Фигура I) (1).

Наблюдая ее поодиночке или в обособленных парах по берегам уединенных прудов и на протоках рек, наши средневековые отцы рассматривали цаплю как меланхолическое существо. У пепельной цапли, цвет оперения которой с покаянным характером еще возвышал ее в глазах символистов того времени, это нота печали; и, опираясь на текст Плиния, заявлявший, будто эта птица плачет кровавыми слезами, когда ее одолевает скорбь, они видели в ней, несмотря на то, что Альберт Великий пришел к недвусмысленному отрицанию иллюзии Плиния (2), образ Христа, отстраненного от Своих учеников в Гефсиманском Саду, когда в крайней горечи Своей тоски Его члены дрожали и кровавый пот покрывал Его тело, стекая на землю: *"et factus est sudor ejus, sicut guttae sanguinis decurrentis in terram"* – «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (3). Так гласит священный текст.

Предрасположенность цапли к уединенным местам сделало равно из нее в христианской Символике одну из редких живых эмблем Безмолвия, плодотворного безмолвия, о котором говорится, что оно драгоценно, откуда и поговорка: «слово – серебро; молчание – золото»; поскольку от размышления человек приходит к мудрости.

Когда художники Средневековья, а особенно геральдисты, пожелали присвоить цапле характер эмблемы Безмолвия, то стали изображать ее стоя, держащей в своем клюве камень, мешающий ей кричать (Фигура II) (4). И этот камень вовсе не какой-нибудь булыжник, поднятый со дна реки, но камень, называемый Древними *leucochryse*: от греческих слов *leukos*, белый, и *chrysos*, золото; он – гиацинт цвета чистого золота, испещренный белыми венами; он был способен облегчить носившему его человеку достижение мудрости: олицетворяемое цаплей безмолвие, разве не налагает на человека внутренней сосредоточенности и созерцательности, делающих его разумющим и мудрым.

Весьма примечательно, что идея премудрости, источник которой является божественным, почти повсюду связывалась с цаплей: у древних Греков, у Тольтеков доколумбовой Америки, у мистических символистов Крайнего Запада на протяжении времен христианского Средневековья! Но почему эти последние не посвятили этот символический характер Тому, Кого Церковь, согласно официальному тексту, умоляет как «предвечную Премудрость», *"Jesu, Sapientia aeterna, miserere nobis"*? (5)

Фигура II. – Эмблема
Безмолвия:
геральдическая Цапля,
держущая в клюве
камень-левкохриз.
Смотреть BARBIER DE
MONTAULT, *Op. cit.*

- (1) Cf. R. GUENON, *Op. cit.*, p. 144, note.
- (2) Albert LE GRAND, *De Animalibus, OEuvres*, T. XII, p. 284.
- (3) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 22, стих 44.
- (4) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 201.
- (5) *Breviaire romain. – Litanies du Saint Nom de Jesus.*

LEL

Фигура III. – Цапля
на гербе семейства
фон Эйкке из Силезии.
Согласно LA COLOMBI-
ERE, *Op. cit.*

IV. ЦАПЛЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ

Французские рыцари прошлого, с удовольствием принимали участие в охоте на цаплю с использованием больших стремительных птиц, выдрессированных для этого – ястреба, сокола, кречета и балабана, сделав из нее одну из профанических эмблем Робости: они основывались на символизме, согласно которому эта птица живет в уединении и с трудом сближается, ведь «цапля труслива и молчалива», как гласит один старинный текст.

В Азии Индусы, опираясь на два фрагмента из Законов Ману, сделали из нее образ Обмана и Ереси (1).

В христианской символике цапля иногда обозначала Сатану. Она изображалась тогда, держащей в своем клюве рыбу или стоящей на ней своими лапами. Известно, что рыба, одолеваемая злобным существом,

сиреной или орлом, например, является христианской жертвой демона.

Рыба под лапами символической цапли появляется на анэпиграфной печати XVI-го века, принадлежащей господину Ван Пельду; и дворянский дом фон Эйкке (des Eicke) из Силезии носил в XVII-м столетии герб следующего содержания: «на серебряном геральдическом поле цапля такого же цвета, стоящая на краю болота и держащая в своем клюве рыбу того же цвета» (Фигуры III и IV) (2).

На самом деле, возможно, что на этом гербе цапля была лишь иероглифом ленного владения сеньора, покрытого зарыбленными болотами; но христианская эмблематика не изображала цаплю по-другому, когда она становилась эмблемой Сатаны.

LEL

- (1) *La Loi de Manou*, IV. – Ap. LANOE-VILLENE, *Op. cit.*, T. IV, p. 143.
- (2) V. DE LA COLOMBIERE, *La Science heroique*, 1669, p. 363, pl. № 70.

Фигура IV. – Гравированная печать на драгоценном камне. У господина Ван Пельда (Van Peld) из Лилля; 1903 год

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

МАРАБУ

I. АФРИКАНСКАЯ И АЗИАТСКАЯ ПТИЦА

Марабу представляет собой крупного голенастого, неизящного и несуразного по своим манерам, обитающего в северной и в северо-восточной части Африки и на юге Азии. Именно природная неуклюжесть и некрасивость сумели снискать ему симпатию людей.

С чрезвычайной прожорливостью марабу равнодушно питается рыбами, змеями, земноводными, ящеричными, птицами и маленькими млекопитающими, живыми или мертвыми, крупными насекомыми, слизнями, отходами кухни, грязными детритами. Благодаря чему оказываемые им услуги – бесценны.

Очень уважаемый повсюду марабу всегда по-особенному почитался в мусульманской Африке. Его имя носила религиозная секта, основавшая династию Альморавидов в Мавритании и на юге Испании в XII-м столетии; его одаривают еще у отшельников, святых Ислама, на их могилах и в маленьких мечетях. В Азии Индусы называют его Философом (1), предоставляя ему отдельные привилегии сверхъестественного порядка.

(1) Cf. A. FEUILLE-BILLOT, *Petit Journal agricole*, № 1863, 20 mars 1932.

II. МАРАБУ В ВОСТОЧНОЙ СИМВОЛИКЕ

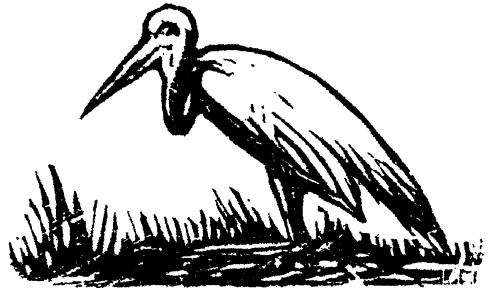
Наравне с ибисом, марабу является «чистильщиком», уничтожающим на земле паразитов и вредные нечистоты. Кажется даже, что они в древние времена разделили в христианстве восточного бассейна Нила и двух областей побережья Красного моря между собой один и тот же символизм.

С другой стороны, марабу обладает, особенно в Азии, метафизическими значениями, иногда исключительно родственными со смыслами, связанными с цаплей; и их происхождение теряется в отдаленных предшествующих нашей эре временах.

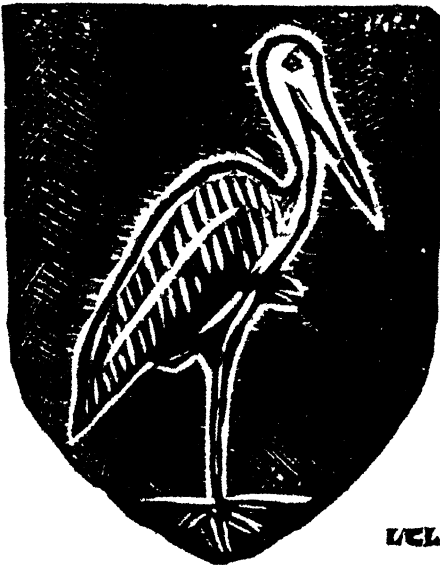
Посмотрите на эту странную птицу, иногда неподвижную на протяжении часов или застывшую в некоем подобии коленопреклонения с взглядом, теряющимся в загадочной грезе; считалось, что она изучает в тайниках своей мысли самые непостижимые таинства (Фигура I). В Бенгалии, кстати, полагают, что каждый марабу заключает в себе душу одного святого Брахмана

(1). Индейцы Северной Америки говорят подобное о цапле, служащей вместилищем душам, возвращающимся на эту землю для таинственных паломничеств.

В некоторых азиатских областях считалось, что марабу обладал над человеком силой психологического анализа, позволяющим ему четко видеть состояние сознания каждого из людей. Помещенный один, как говорят, в присутствие виновного, воздействием и тревожным выражением своего печального взгляда он умел проникнуть в сердце этого кающегося человека, вызывающего к божественному прощению и получающего его (2). В этом служении марабу рассматривается еще раз как «очищающий», и его освобождающий взгляд сближает его с каладрием Бестиариев Запада и Армении, избавлявшего человека от его телесных недугов, столь часто показанных в Символике в качестве образа душевных заболеваний.

Фигура I. – Марабу на отдыхе.
Эскиз, сделанный в Парижском зоопарке. 1931 год

Фигура II. – Марабу в геральдической позе. Согласно гербу на коже, изготовленному Мадмуазель Алиетт де Мондион (Aliette de Mondion) (1928 год)

В брахманической Азии, наравне с исламской Африкой, марабу символически изображал собой размышляющего и благочестивого аскета, испытующего божественные вещи и ценителя их, мудреца. Ведь, наподобие ибиса и цапли, марабу был связан тысячелетними преданиями – и один Бог ведает воистину почему – с культом божественной Премудрости, единственного начала мудрости земных мудрецов. На сей счет Рене Генон писал, что «почти всегда присутствует отождествление между Премудростью и божественным Словом, следовательно, марабу, являясь символом Премудрости, тем самым должен быть сам по себе символом Слова» (3).

Тем же самым путем он входит одинаково в символику Параклета, Святого Духа.

Но божественное Слово едино. Как бы оно ни призывалось, как

бы ни приветствовалось во все эпохи на берегах Нила, Ганга или Колорадо, в священных пещерах или монастырях Тибета, в обагренных кровью катакомбах Рима Кесарей, в азиатских пагодах, в кромлехах Галлии, в святилищах Греции, в храмах Мексики или в римском соборе Святого Петра, божественный Глагол, творящее проявленное или искупительное Слово, несмотря на все отклонения, искажения и видоизменения, которым подвергалось на протяжении столетий примордиальное верование, это Христос. Единый в Своей божественной Премудрости, Христос представал ее непреложным и верховным Наставником на земле; и все символы, посвященные человеческой мыслью для выражения Премудрости и Слова, возвращаются сами по себе к Нему.

Вот почему я осмеливаюсь вписать в сборник, посвященный эмблематической фауне, символического марабу, который, на первый взгляд, ей кажется чуждым.

Впрочем, я морально убежден, что эта птица, облеченная своими значениями всем религиозным прошлым, не могла быть встреченной с безразличием первоначальным восточным правоверным христианством и несторианскими центрами Западной Азии прошлого, влияние которых распространялось до Тибета, где еще заметны следы их существования.

В иконографии марабу в искусствах Индии изображался либо в натуральном виде, либо в одном из иератических положений. Я его выше воспроизвел, согласно верному рисунку, взятому в зоопарке Парижа в 1931 году (Фигура I), как и Ибисов, но, в отличие от других животных, марабу бывает коленопреклоненным, если можно так выразиться, протягивая свои лапы вперед.

Геральдика и иерография Ближнего Востока его обозначают обычно в иной медитативной позе, стоящего на одной лапе со второй сложенной под его зобом (Фигура II). Одинаково его образ берется и изображается в некоторых восточных областях в виде амулета или благоприятного талисмана, связанного с внутренней умиротворенностью, с искренностью души и сердца.

Фигура III. – Марабу.
Восточная бронза.
В половину величины

(1) Cf. J. TROUSSET, *Nouveau Dictionnaire encyclopedique*, T. III, p. 745.

(2) Сведение, полученное в павильоне французской Индии на Колониальной выставке в Париже в 1931 году.

(3) Rene GUENON, note mss. 20 janvier 1932.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ЖУРАВЛЬ

I. ЖУРАВЛИ

Наравне с орлом, голубем, фениксом, аистом и некоторыми другими птицами, журавль вошел в священную фауну всех великих народов Средневековья. Он разделил общий символизм с ибисом, цаплей, аистом и бекасом: этот символизм должен был стать эмблематическим отражением Добра, борющегося со Злом, затем Иисуса Христа, сражающегося с Духом Зла и его клеветами; поскольку журавль, как и другие голенастые, является страшным недругом ряда вредных маленьких животных с дурной славой. К этому символизму мифы древних и определенные нравы журавля прибавили только ему принадлежащие характеры.

Журавли являются большими и красивыми птицами. Их семейство разделяется на несколько видов, из которых основные суть: живущие во Франции пепельные журавли; балеарские или венценосные журавли, встречающиеся, главным образом, на юге Франции и в Сенегале; нумидийские журавли, обитающие на побережье Средиземного моря; наконец, большие маньчжурские журавли, населяющие север Азии и Японию.

Мы увидим, что поверья и суеверия связаны с каждым из этих видов птиц и что они проникли в символизм разных эпох жизни древнего мира.

II. ЖУРАВЛЬ В ЕГИПЕТСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Именно в Верхнем Египте, на крайнем юге страны, у истоков Нила, Плиний и Древние помещали легендарное царство Пигмеев (1), сказочной расы нечестивых и зловредных карликов, по словам Рабле, «людей-коротышек, охотно являющимися холериками» (Фигура I и II) (2).

Как сообщает Евстафий, они спускались на морской берег верхом на куропатках и козах (3), а, по мнению Аристотеля, на мелких карликовых лошадях, опустошая там все вещи и досаждая жителям. Все Древние соглашались друг с другом, говоря, что в каждый поход, побуждавший спускаться с гор этих неистовых опустошителей, журавли, друзья людей, устремлялись в молниеносном полете на пигмеев, истребляя их в большом количестве, обращая в бегство других и преследую до стен их столицы, названной Плинием Геранией.

Бюффон полагает, что этот миф появился из-за существовавшей антипатии между обезьянами и журавлями (4). Вполне вероятно; это не мешало

Фигура I. – Борьба Журавлей с Пигмеем. Согласно гравюре на дереве из Сада здоровья Иоанна де Куба. Издание Ф. Ле Нуара от 1539 года, глава LIX

Необходимо еще обратиться к Египту, чтобы заметить дополнительный аспект роли журавля у Древних. На самом деле в иероглифических текстах журавль с косматым зобом является эмблемой человеческой души (11).

Эта теория изумительно подытожена Ф. Виреем: «Если мы рассматриваем, как трактуется смерть в нашем катехизисе, то египетская душа Ба, представляется, вполне хорошо соответствует, по крайней мере, одному из христианских определений. Для Египтян, наравне с нами, это разделение души, Ба, и тела. *(Тогда, согласно текстам, душа уходит на небо, тело в землю, а дух в обитель Манов)*. Разлученное с Ба (душой) тело разлагается и превращается в прах... (Фигура III)

Собственно говоря, душа поднимается, устремляясь в небо. Следуя идеям архаической эпо-

некоторым авторам, поздним в отношении введения Христианства, разглядеть в мифе о журавлях и Пигмеех образ непрестанной борьбы Добра и Зла.

Страбон одинаково рассказывает о врагах журавлей индийских карликах, но последние нападают на их гнезда, разоряя их, для собственного пропитания (5): это антитеза эллинистическому египетскому мифу.

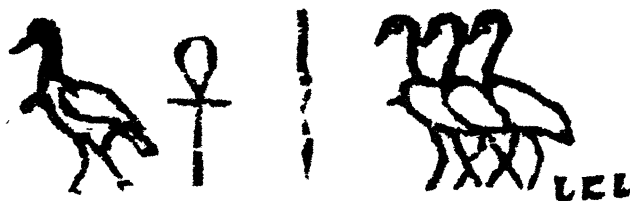
Современные этнологи после господина Катрефажа (6) видят в определенных негроидных племенах очень маленького роста, особенно в Бажьелли из Камеруна, Ватва из Урунди, Бамбутти из Итури, наследников расы Пигмеев, о которых Гомер (7) и Афиней (8) знали раньше уже приведенных авторов (9).

Господин Луи Тарди смог посвятить самым западным из этих племен очень интересное исследование (10).

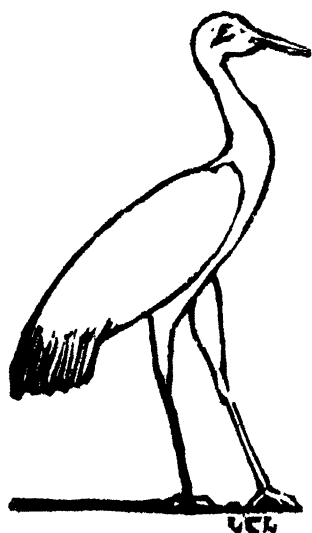

Фигура II. – Пигмей. Маленькая греческая терракотовая фигурка из Музея Лувра

хи, изложенным в текстах Пирамид, она идет соединиться с многочисленными звездами. Или же, согласно доктринам, возобладавшим позже, она спешит раствориться в Солнце, в высшей степени светиле, "*Sideris in numeris*"

Фигура III. – Иероглиф Души и Душ.
 ВА Душа
 ВАIOU Души

(Вергилий, Георгики, IV, 227). Она входит тогда в универсальную душу, представляющую Самим Божеством, эманации Которого исходят на землю для воплощения в тела живых» (Фигура IV) (12).

Чтобы хорошо подчеркнуть, что душа действительно являлась по их откровенной мысли вдохновителем тела, жреческие писцы записывали часто слово «душа» фигурой журавля, препровождаемого Ключом Жизни, Анком. Надпись на гробу жрицы Амона Маши в Каире являет нам тому пример (13).

Фигура IV. – Журавль на могиле египетского принца Манофера. Приблизительно 2580 год до Рождества Христова. Cf. H. FEICLHEIMER, *La Sculpture egyptienne*.

- (1) Cf. ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, L. VIII, 14.
- (2) RABELAIS, *Pantagruel*, L. II, ch. XXXII, edition de 1732, T. II, p. 264.
- (3) EUSTATHE, *Scholies* ap. ROUX, *Herculanum et Pompei*, T. VIII, p.39.
- (4) BUFFON, *Histoire naturelle*, edition de 1769, vol. XXXII, p. 427.
- (5) Cf. STRABON, *Geographie*, L. XV, I, 57.
- (6) Смотреть QUATREFAGES, *Les Pygmees*, Paris 1887.
- (7) HOMERE, *L'Illiade*, III, 6.
- (8) ATHENEE, *Deipnosophistes*, IX.
- (9) Смотреть на эту тему: R. P. LEMONNYER, O. P., *Les Pygmees dans l'Etnologie contemporaine* in *Bulletin Joseph Lotte*, T. II, 1931, № 14, pp. 170-173. – Pierre ICHAC, *Les Peuples des forets*, in *L'Illustration*, № 4, 947, (decembre 1937), p. 503.
- (10) Mgr TARDY, *Nouvelles notions sur Pygmee*, in *Annales des Peres du Saint-Esprit*. T. LVIII, 1934, pp. 208-215. Смотреть также Mgr LE ROY, *Les Pygmees*.
- (11) Cf. E. GUIMET, *Les Ames egyptiennes*, in *Revue de l'Histoire des Religions*, annee 1913, p. 8.
- (12) Philippe VIREY, *La Religion de l'ancienne Egypte*, p. 239.
- (13) Cf. Ph. VIREY, *Ibidem*, p. 240, note.

III. ЖУРАВЛЬ В ГРЕЧЕСКОЙ СИМВОЛИКЕ

У наиболее древних Греков, возможно, из-за заимствования, сделанного в Египте, Журавль являлся образом души, и блестящие раскопки Шлимана в Микенах и Тиринфе нас обеспечили предметами искусства, где происходящие от журавлей теории не могут представлять собой нечто иное (Фигура V) (1).

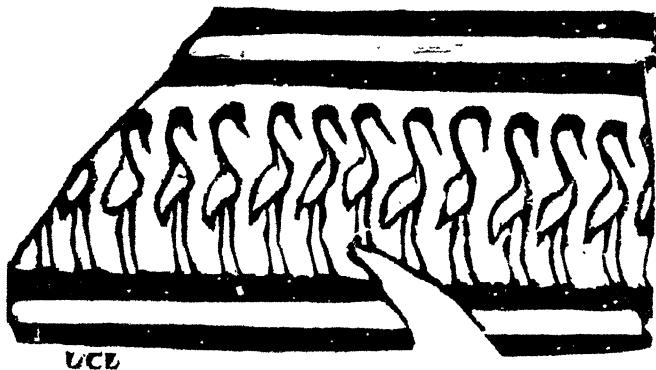
С другой стороны, мы увидели, что именно старинные греческие авторы, начиная с Гомера, нам передали рассказываемое их современниками на тему журавлей и Пигмеев. К тому же, само имя, данное в Греции Журавлю, *geranos*, содержит в себе этимологически идею знания, красоты, уважения и благоговения (2).

Когда они рассказывали перипетии Девкалионова Потопа, столь схожего с определенных сторон с Всемирным Потопом Книги Бытия (3), некоторые греческие авторы уточняли, что герой был спасен стаей журавлей, доставивших его на склоны горы Гераней (4).

Гесиод делает журавлей предвещающими благоприятный день для плодотворных посевов: «их глас, по его мнению, объявляет с высоты небес для пахарей удачное мгновение для вскрытия земли» (5).

Впрочем, полет и клекот журавля, в высшей степени, перелетной птицы, летнее пребывание которой Геродот устанавливает в Скифии (6), были всегда тщательно изучаемы древней орнитомантией; гаруспики и авгуры Римской империи, как зубаги и оваты у Галлов, извлекали из них разного рода предзнаменования и предуведомления.

Плутарх делает замечание, что полет журавлей производит впечатление формы Y, или буквы Пифагора, по словам Франсуа Рабле, «которую, сколько вам известно, изображают собою летящие журавли и которая есть не что иное, как острый угол, и вот вершину такого угла образовала «Таламега», а команда ее приготовилась биться не на жизнь, а на смерть...» (7) После него Бюффон также подчеркивает эту форму полета, где стая журавлей разворачивается в равнобедренный треугольник (8). Дальше мы увидим, как эта буква Y и этот треугольник вошли в эмблематику Христа.

Фигура V. – Орнаментация одного фрагмента греческой вазы. Согласно SCHLIEMANN, *Thyrinthe*, Pl. XIX, T.

- (1) Смотреть SCHLIEMANN, Mycenae, p. 192; Thyrinthe, Pl. XIX, 6.
- (2) Cf. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. IV, p. 138.
- (3) LUCIEN, *La deesse de Syrie*. – OVIDE, *Metamorphoses*, passim.
- (4) Cf. LUCIEN, Op. cit., traduction Glomeau, p. 18 (note du traducteur). Лукиан, *Богиня Сирии*, французский перевод Гломо (замечание переводчика).
- (5) HESIODE, *Les Oeuvres et les Jours* (Гесиод, *Труды и дни*).
- (6) HERODOTE, Euterpe, XXII.
- (7) Рабле, *Гаргантюа и Пантагрюэль*, *Пантагрюэль*, Книга 4, Глава 33, перевод Н. Любимова. Москва, 1938.
- (8) BUFFON, *Histoire naturelle*. – *Les Oiseaux*, edition de l'an X, T. XXI, p. 28.

IV. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ ГАЛЛИИ

Мы мало знаем об идеях Друзидов, касающихся священной фауны, хотя эти жрецы ничего не записывали, скрывая от профанов большую часть своей доктрины. Тем не менее, мы достоверно знаем, что она была весьма возвышенной благодаря определенным ее метафизическим концепциям и даже сведущей в религиозных идеях других народов древнего мира. Знание высшего друидического жречества нам засвидетельствовано такими писателями, как Диодор Сицилийский, Страбон, Плиний и некоторыми другими.

ЛСЛ

Фигура VI. – Монеты
из Амбьена
(Пикардия).
Cf. A. PARMENTIER,
Album hist. I, p. 8

Друзиды управляли прямо, непосредственно и мало-помалу всеми вещами в Галлии, и эмблематика нашей первой туземной чеканки монет к началу II-го века до нашей эры не избежала, конечно, их влияния. Итак, мы обнаруживаем символического журавля, изображенного на нескольких золотых статирах галльских племен. Он там появляется чаще всего стоящим на спине одного из больших четвероногих животных, например, на коне на

монетах из Амбьена (Фигура VI).

И поскольку, с одной стороны, эта птица питается червями и насекомыми, то с другой, – некоторые пернатые имеют обыкновение садиться на спины оленей, ланей и домашних животных, чтобы насытиться там насекомыми паразитами, досаждающими им, постольку некоторые нумизматы полагали, что создатели монетарной эмблематики в Галлии намеревались показать журавля за этим полезным занятием (1), которое, признаем, не мотивировалось только духом услужливости; зато, по крайней мере, с такой же вероятностью Ш. Ренель видит в журавле, обозначен-

ЛСЛ

Фигура VII. –
Золотая монета
Битуригов (Берри).
Cf. A. PARMENTIER,
Album hist. I, p. 8

ном на монетах Биттюригов-Кюби (des Bitturiges-Cubi) (Фигура VII), и в других птицах, сидящих на спине эмблематического Коня, гениев, направляющих действие больших животных; «иногда даже птица держит в своих лапах узду коня или имеет лапы, запутанные в его гриве» (2). Достоверно, что тогда птица точно занимает место, которое удерживают за собой гении человеческой формы и наделенные крыльями на других золотых статирах из Галлии, к примеру, пиктонских (des Pictons) (3), вдохновленных чеканкой монет Филиппа Македонского.

На нескольких монетах из того же региона голенастая птица сидит на поднятом колене коня коня-андроцефала и, кажется, его вдохновляет.

Очень известный галло-римский алтарь, найденный у основания Нотр-Дам в Париже, несет на одной из своих лицевых частей *Tarvos trigaranus* (Фигура VIII): на ней телец держит одного журавля, сидящего у него на голове, и двух других на своей спине. Никакого полностью удовлетворяющего объяснения еще не было дано, несмотря на изобретательные гипотезы д'Арбуа де Жюбэнвилля (4) об этой загадке, которая не освещает Трирский алтарь, где мы видим дровосека, рубящего дерево с сидящими на нем тремя журавлями возле головы тельца, показывающегося из листвы (5).

Некоторые исследователи кельтов желали видеть в трех журавлях на этих алтарях тройственное божественное разумение прошлого, настоящего и будущего, а в тельце – эмблему верховного единства! (6) Но эта гипотеза не из тех, которые бросают вызов всем критикам. Эти каменные артефакты дошли только из галло-римской эпохи. Раньше Друзиды, совсем нечуждые метафизике Греков, смогли очень хорошо связать с журавлем смысл эмблемы человеческой души, переселяющейся из этого мира в бессмертие, которое они за ней признавали.

Недавние открытия нам, по крайней мере, предоставили достоверность того, что Галло-римляне приносили в жертву Меркурию журавлей, вероятно, потому, что этот бог рассматривался как покровитель путешественников, а журавли, в высшей степени, являются перелетными птицами (7).

LEL

Фигура VIII. – Телец с тремя журавлями на галло-римском алтаре (Музей Клуни)

Похожая мысль также заставила посвятить эту птицу Сатурну, и мы ее находим в запоздавшем отражении в описании, сделанном Рабле: «... изображение Сатурна, стоявшего совершенно прямо с косою в руках и с журавлем у ног, журавлем золотым, искусно покрытым эмалью, цвет коей в точности соответствовал представлению о расцветке Сатурновой птицы» (8).

В других странах кельтской расы символизм журавля, кажется, был тем же самым, что мы указывали в галльской эмблематике: эта птица рассматривалась в качестве дальновидного вдохновителя и проводника и, возможно, как осторожно убеждает Ланоз-Виллен, символа божественного психизма. К ней обращались во время практик прорицания. Великий ирландский бард Оссиан восхвалял журавлей, «которые выражают с такой кротостью свои страдания в жалобных песнопениях» (9).

- (1) Cf. Adrien BLANCHET, in *Revue numismatique belge*, annee 1895, p. 165.
- (2) Ch. RENEL, *Les Religions de la Gaule avant le Christianisme*, p. 207.
- (3) Смотреть LECOINTRE-DUPONT, *Essai sur les Monnaies du Poitou*, p. 6; A. DE BARTHELEMY, *Etude sur les Monnaies gauloises trouvees en Poitou et en Saintonge*, in *Memoire de la Societe des Antiquaires de l'Ouest*, v. XXXVII, p. 493, pl. № 38, 98, etc. G. CHAUVET, *Petites Notes charentaises*, p. 25, etc.
- (4) D'ARBOIS DE JUBAINVILLE, in *Revue Celtique*, T. XXIX, pp. 245-250.
- (5) Cf. S. REINACH, *Catalogue du Musee de Saint-Germain-en-Laye*, p. 35.
- (6) Cf. JAHAN, *La Bretagne*, p. 290.
- (7) Смотреть Camille JULLIAN, *Academie des Inscriptions*, séance du 10 juin 1927.
- (8) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 131.
- (9) Рабле, *Гаргантюа и Пантагрюэль*, *Пантагрюэль*, Книга 5, Глава 42, перевод М. Любимова. Москва, 1938 год.
- (10) OSSIAN, *Poesie gaelique – Dermid*. Edition Hachette, Paris, 1888, p. 334.

V. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ АЗИИ И ОКЕАНИИ

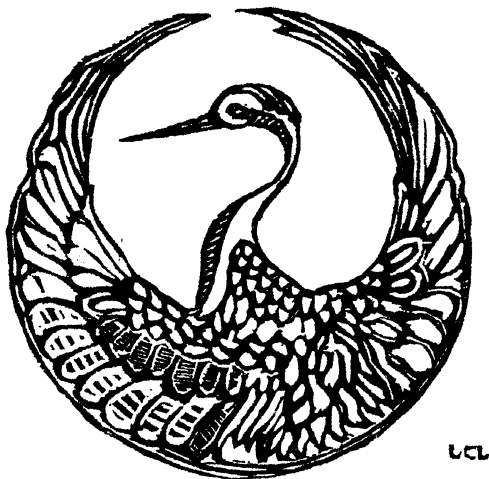

— — — — —
 Фигура IX. —
 Журавль,
 найденный
 в раскопках Суз

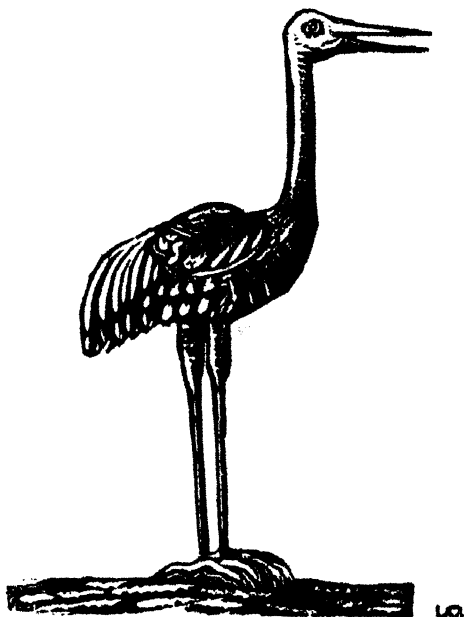
Во время вавилонского расцвета журавль являлся одной из священных птиц берегов Евфрата; таковым же он был в Сузиане и в Мидии (Фигура IX). И поскольку эта птица допускает жизнь в почти одомашненных условиях, постольку благодаря наблюдению за ее поведением делались предзнаменования, когда ей исполняются исключительные и свойственные ей танцы, рассматриваемые как бы порожденными внутренним почти божественным состоянием. И в самом деле, известно, что всякие разновидности журавлей исполняют время от времени иногда бесконечно изящно или степенно некое подобие танца, что побудило наших предков дать имя этих птиц ярма-

рочным балеринам, которое позднее в широком смысле перешло на женщин легкого поведения. Еще до наших дней в Китае и Японии фокусники обучают журавлей наиболее сложным танцам, нравящимся утонченной публике и составляющим забаву для народа (Фигура X) (1).

Путешественник Бовини рассказывает, что в некоторых регионах северо-западной Азии, где ничего не изменилось со сказочных времен, народ верит, что священные журавли (вероятно, белые маньчжурские журавли) собираются каждый год на высокой горе Центральной Азии, куда больше никакое живое существо не имеет доступа, и оттуда после длительного поста они спускаются более крепкими, чтобы

Фигура X. – Торжествующий Журавль на фарфоре из Японии. Коллекция Жакемара (M. A. Jacquemart). Согласно *Histoire du Mobilier*. Hachette, Paris, 1876; p. 595

Фигура XI. – Благовоние для каждения с Дальнего Востока в форме журавля. Согласно FONSSAGRIVES, Op. cit.

распространять над миром и нести сюда собой как бы всепроникающее излучение божественного присутствия и благословения. Быть может, поэтому, продолжает Бовини, некоторые народности тех же самых стран приписывают поеданию журавлиного сердца обеспечение себя божественным содействием и счастливыми вдохновениями (2).

В Китае в префектуре Та-и-хьен находится легендарная гора, у подножия которой мудрец Хо-минг-шан столкнулся с гениями и странными колдовскими чарами; она носит имя «Горы песнопения Журавля» (3).

В этой же стране, где журавль очень почитаем, его формы с незапамятных столетий придают ритуальным предметам культа Предков в погребальных помещениях и в храмах (Фигура XI) (4). Он является Птицей Хак, приходящей и не оста-

Фигура XII. – Азиатская эмблема долголетия: Журавль, стоящий на Черепахе; бронзовый подсвечник; кошен-китайское искусство.

Согласно одной фотографии, принадлежащей мадам Рига (Rigat) из Лиона (1932 год)

ющей птицы. Подобным образом и предки приходят сюда и уходят отсюда, и их потомки жертвуют их духам благовония, которые наиболее приятны, когда исходят от изображения Птицы Хак.

По всей южной и восточной Азии Журавль (или Аист) верхом на черепахе образует эмблему Долголетия (Фигура XII). Некоторые полагают, что птица, стоящая в таком положении, воплощает в себе дух Феникса Дальнего Востока, сближающийся тем самым со смыслом протяженности, бесконечно длящейся в последовательных обновлениях, привилегии, коей обладал в своем легендарном имуществе египетский Феникс.

В Китае одна черепаха является символом Разврата (5); ее положение под ногами журавля в составлении эмблематического образа Долголетия открыло Европе понимание того, что для достижения Долголетия земной и затем непрестанно счастливой жизни необходимо попирать ногами виновные нестроения разврата, но в Китае?.. (6)

На Западе несколько древних авторов тоже сделали из журавля эмблему долголетия; в подтверждение чего можно взять сказанное Полем Жовом (Paul Jove) о ручном журавле философа Леона Тома (Leon Thomas), жившем сорок лет в сообществе своего хозяина и умершем в тот же день, что и он. Более щедрые восточные люди одаривают журавля тысячью лет жизни, что им остается доказать.

В Океании, а особенно на севере Австралии, журавль до сих пор предстает почитаемой в зависимости от ре-

Фигура XIII. – Тотемическая трость в форме журавля; высота приблизительно 1 метр 70 сантиметров. Новая Гвинея

гионов в различных званиях птиц; и у Папуасов Новой Гвинеи изготавливаются по его образу тотемические трости, связанные с подлинным культом. Этнологический музей Трокадеро располагает несколькими такими (Фигура XIII).

- (1) Cf. *Grue de Mandchourie*, in *Magasin pittoresque*, T. XXVIII, 1860, p. 289.
- (2) Cf. J. BOVINI, *Lettres de Voyages*, 15.
- (3) Cf. Henri DORE, S. J., *Recherches sur les Superstitions en Chine*, IIe Part., T. X, p. 789.
- (4) Cf. E. FONSSAGRIVES, *Si Luiq*, in *Annales du Musee Guimet*, annee 1907, p. 54.
- (5) Cf. DORE, *Op. cit.*, IIe Part., T. VI, p. 129.
- (6) С другой стороны, морская черепаха является для Дальнего Востока эмблемой Мудрости и Неуязвимости. Cf. H. DORE, *La Legende de la Tortue*, in *Delassements*, T. III, № 3, p. 13.

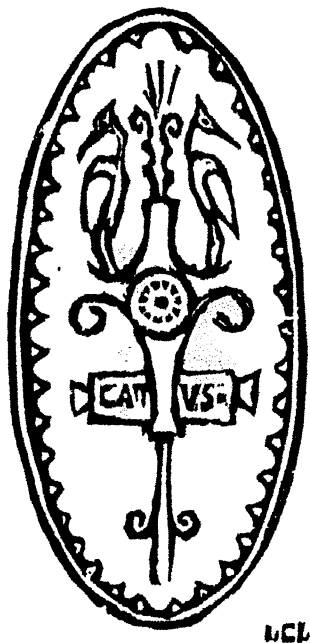
VI. ЖУРАВЛЬ, ЭМБЛЕМА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ

Мы увидели, согласно Бовини, что некоторые восточные народы рассматривают поедание журавлиного сердца в качестве действенного средства привлечения на себя божественного покровительства в опасностях.

В Египте также видели в журавле существо, облагодетельствованное Божеством истинной силой покровительства: за пять столетий до нашей эры греческий историк Геродот это подтверждал (1): «Египтяне – писал он – покрывают свои щиты журавлиной кожей». И эта практика согласуется с идеей, показывающей жителей Верхнего Египта, защищенных журавлями от Пигмеев.

Весьма далеко оттуда и в менее древние времена наши отцы Галлы периода Цезаря обеспечивали свои щиты, если не кожей, то, по крайней мере, изображением Журавля; доказательство тому мы имеем на трофеях галльских щитов с Триумфальной Арки Оранжа (Фигура XIV), и Соломон Рейнах усматривает в присутствии журавля на данном оборонительном оружии одно из доказательств священного характера этой птицы у Галлов (2).

Журавль в том же самом смысле, что и на щите Оранжа, равно изображен на накладке одного античного шлема, найденного в Карниоле (III-II вв.

Фигура XIV. – Галльский щит, представленный на Триумфальной Арке Оранжа

до Рождества Христова) (3): накладка шлема, да и сам шлем представляют собой не что иное, как щит для головы (Фигура XV).

Как мститель журавль возникает в легенде о поэте Ивике, явившемся на Самос ко двору Поликрата в течение VI-го столетия до нашей эры. Смертельно раненый разбойниками Ивик заклинал пролетающую стаю журавлей, прося у этих священных птиц отомстить за него. И птицы стали парить над театром Коринфа, где находились убийцы, которые настолько встревожились, что сами признались в преступлении и были наказаны.

Фигура XV. –
Защищающий Журавль
на накладке одного
античного шлема

- (1) HERODOTE, *Euterpe*, VII, 70.
- (2) S. REINACH, *Cultes, Mythes et Religions*, T. I, p. 44.
- (3) Сообщение господина графа Фр. де Рилли.

VII. ЖУРАВЛЬ, ЭМБЛЕМА БДИТЕЛЬНОСТИ И ВЕРНОСТИ

Исключительный характер журавля в эмблематике всех древних народов сделал из него символический знак добродетели Бдительности.

В мифе о Пигмеях журавли следят за действиями этого народа мелких зловредных карликов, и их роль защитников человеческой жизни заключает в себе со своей стороны бдительное внимание.

Все древние авторы восхваляли это качество журавлей; они сообщают, как эти птицы, когда находятся на земле, расставляют вокруг себя часовых, обязанных предупредить стаю при меньшем появлении опасности (1); некоторые даже доходят до уверения нас – те, кто осмелился – что облеченные этим журавли для безопасности других стоят только на одной ноге, держа в другой камень из-за боязни уснуть (2). И Бюффон, помимо доведенной до крайности детали с камнем, подтверждает, что Плиний (3), Аристотель (4) и другие Древние говорят о бдительности журавлей (5).

Когда в XII-м и XIII-м столетиях уточнялись правила дворянского Герба, европейская Геральдика одина-

Фигура XVI. –
Журавль со своей
«Бдительностью»
на гербе господ
де Сюэн

Фигура XVII. – Медаль
князя фон Вальсазина,
1567 год

ково освятила журавля
в том же самом симво-
лическом духе, в кото-
ром Древние дали имя
бдительности камню,
каковой надлежало
держат птице в под-
нятой лапе. Итак, герб
семейства де Сюэн (de
Suin) выражается сле-
дующим образом: «На
лазовом геральдиче-
ском поле находится
журавль, держащий
свою золотую бдитель-

Фигура XVIII. – Жетон
из Дофине,
XVII-й век

ность; во главе находятся две золотые звезды» (Фигура XVI) (6).

Мы обнаруживает похожий рисунок на медали Франца фон Турна-и-Таксиса, князя фон Вальсазина от 1767 года (7) и на дофинском жетоне XVII-го столетия (Фигуры XVII и XVIII) (8).

Боевая труба, объявляющая утренний подъем в лагере, дающая сигналы марша и тревоги, равно была одной из эмблем Бдительности, и Древние иногда ее сближали с Журавлем; и на одном великолепном гравированном сердолике греко-римской эпохи поражает журавль, который стоя трубит в большую бронзовую трубу, *keras* Греков, звучавшую как *cornicen* в римском легионе (9).

Что касается камня, вложенному Мифом в лапу журавля, то древние предания давали ему другое не менее сказочное имя. Иоанн де Кюба говорит об этом следующими словами: «Считается, что поднявшись в небо и воспарив, журавли проглатывают с мелким песком и пылью камень, называемый орихалком Восточных гор, и затем, перелетев море, частично отгрызают это. О чем говорили те, кто уверены, что камни, изблеваемые журавлями, благодаря жару превращаются в золото» (10).

На Западе сделали из журавля в средневековой символике равноценную эмблему Верности (11), и это присуждение связано, конечно, с добродетелью бдительности, подтверждающей «верную стражу», как говорит один рыцарский роман.

(1) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. X, XXX.

(2) Cf. Ch. CAHIER, in *Melanges archeologiques*, T. II, p. 142.

(3) PLINE, Loc. cit.

(4) ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, L. VIII, 12; L. IX, 10.

(5) BUFFON, *Histoire naturelle*, edition de 1769, T. XXXII, p. 127.

(6) Cf. V. BOUTON, *Nouveau Traite des Armoiries*, p. 440, fig. 670.

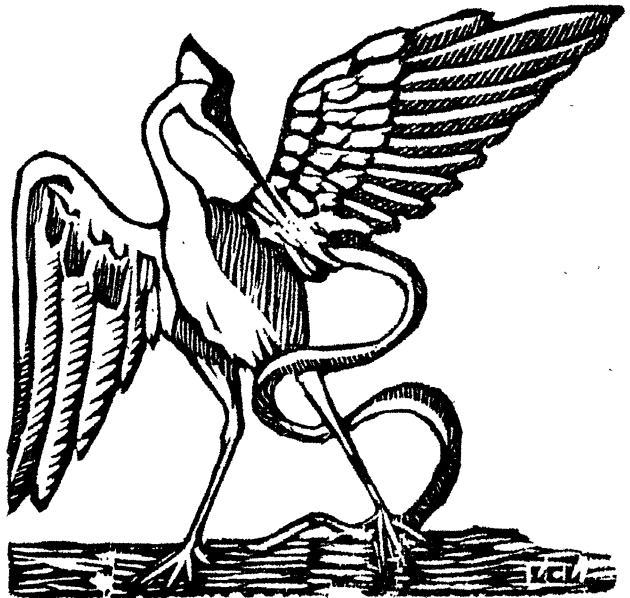
- (7) *Collect. Eug. Merzbacher*, № 306.
 (8) Cf. *Revue numismatique*, IVe serie, 1916, p. 16.
 (9) Смотреть *Catalogue de la collection M. X. dispersee a l'Hotel Drouot (Paris) les 21 et 22 mai 1926*, p. 9, Pl. II, № 102.
 (10) Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*, traduction francaise de Ph. Le Noir, 1539, IIe Part. des *Oyseaulx*, ch. LIV.
 (11) Mgr BARBIER DE MONTAULT, T. I, p. 131.

VIII. ЖУРАВЛЬ В СИМВОЛИКЕ И ПРЕДАНИЯХ ХРИСТИАНСТВА

Из того, что мы увидели, получается следующее: принятие Журавля в качестве священной птицы и предвещающего пернатого являлось настолько общим, быть может, более общим, нежели утверждение древним миром в подобных же званиях какой бы то ни было иной птицы, поскольку это освящение пришло из западной Мавритании в Египет и страны Дальнего Востока, а из северной Галлии — в Маньчжурию.

Почти во всех этих странах, а особенно в Европе и Африке, журавль с незапамятных времен был, о чем мы уже сообщали, одной из эмблем Доброго Начала, борющегося против Злого Начала; то же самое произошло с ибисом, цаплей и аистом; и этот символизм благодаря первым наставникам в христианской духовности перенесся на непрерывное сражение Христа с Сатаной.

Натуралисты нам сообщают, что прежде чем пуститься в свои обыкновенные перелеты, журавли избирают вожака, дающего старты, сигналы к отправлениям и остановкам; значит, все животные, устанавливающие тем самым в природе и в мифологии личность вожаков, проводников, — таковы олень, овен, дельфин,

Фигура XIX. — Журавль, борющийся со Змеей. Декор одной античной вазы, происходящей с виллы Адриана в Тиволи и находящейся сегодня в Музее Клуни. Согласно рисунку, сообщенному господином графом Фр. де Рилли

королевский перепел и пр., – привожу произвольно, – всегда рассматривались, как эмблемы Христа, направляющего Свою Церковь, являющуюся Его духовным семейством, Его народом.

Журавль одинаково получил и от Христа звание уже некогда благоприобретенной эмблемы Бдительности. Все античные религии благословляли и восхваляли разнообразными способами бдительность Божества, как в Его собственной и личной деятельности, так и в делах Его служителей: подобно один египетский гимн в честь Амона прославляет бога: «Святой Страж, Хем-Амон, Наставник времен, Создатель Вечности, Господь, обожаемый в Фивах... будь благословен!» (1) И во многих фрагментах Книги Еноха, написанной в Иудее всего за несколько столетий до нашей эры Ангелы названы «Стражами Небес» (2).

И в самом деле, догмат Провидения заключает в себе неизбежно идею отеческого и пристального Божия взгляда на Его творение, подобно тому, как и жертвоприношение Бога-искупителя являлось бы нелогичным, если бы не продолжалось в череде человеческих поколений благодаря бдительности внимательной любви, поддерживающей полное разумение его спасительных последствий.

Чтобы удостоверить, что эта бдительность нас никогда не покидает, Иисус сказал Своим ученикам: «Не пять ли малых птиц продаются за два ас-сария? И ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже многих малых птиц» (3). И далее, продолжая о воронах, которые не сеют и не жнут, и о лилиях, которые «... не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»; Он подытожил: «Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры!» (4) Эту божественную бдительность Христа, являющегося Богом, христианская эмблематика обозначала в разных аспектах под иероглифическими образами льва, сфинкса, петуха, сокола и особенно журавля, возможно, наиболее изначального и наиболее обобщенного образа, принятого незапамятными столетиями в качестве эмблемы Бдительности. Разумеется, что применяемая к Спасителю эмблема бдительности затрагивает одновременно Его характеры воителя, проводника, стража и покровителя.

Представляется даже невозможным, чтобы средневековая Геральдика, бывшая в своем юном возрасте больше религиозной, нежели профанической, не смогла даже иногда сама по себе выставить журавля вековой эмблемой бдительности, пока обозначение этого качества во Христе в ту же самую эпоху не перешло на петуха, другую эмблему бдительности Спасителя, следуя обычаю помещать его на вершинах колоколен, поскольку его образ домашней птицы был более популярным. Что обозначает, например, журавль на гербе древнего графства Грюйер в Швейцарии? Простой «говорящий герб», порожденный фонетической близостью между словами *grue* (журавль по-французски – прим. пер.) и *Gruyeres*?.. Не совсем так; любо-

ЛЛЛ

Фигура XX. –
Гностический бронзовый
амулет

пытно подчеркнуть, что средневековые руины замка графов де Грюйер расположены рядом с горой, называемой Монсальван (Montsalvent), и это имя странным образом связано с Монсальватом из «Поиска Святого Грааля», «Горой Спасения» (5); следовательно, этимология обоих наименований тождественна.

Мы обнаруживаем в христианском искусстве несколько изображений символического журавля. Эта птица находится, например, на гностическом амулете-обереге, на котором она борется со змеей, образом Зла; сверху надпись: IAO SABAOT PINO, *Иао, Саваоф я, пью* (Фигура XXI) (6).

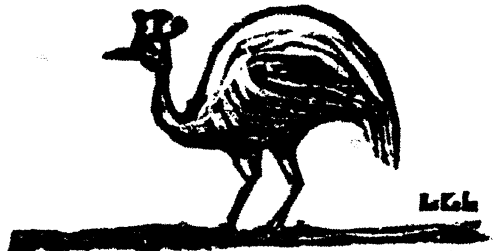
И на прекрасной мозаике христианского святилища Мадабы в Палестине, возведенного в 490 году в честь Святого Илии, присутствует характерное изображение увенчанного журавля (Фигура XII) (7).

В скульптурной декорации наших романских церквей XI-го и XII-го столетий во Франции также появляются большие голенастые птицы, вкушающие от чаши. Поначалу они были только подобострастной копией восточного декоративного мотива, пришедшего на наши ткани из

Малой Азии и Сирии: это священные журавли древних Персов, пьющие в пирее пламенеющую и чудесную Сому; но для христиан Запада они представляли душами верных, черпающих на земле духовную жизнь из евхаристической чаши. Эта народная интерпретация являлась полностью естественной и, значит, неизбежной.

И каково число наших старинных символистов Средневековья, всегда прибегавших к азиатской теме, приписывающей такую добродетель поеданию журавлиного сердца, сближающей этот акт с таинственным принятием Тела и Сердца Господня.

Ветхие народные преданья Европы посвящали журавлю маленькую дикую герань (*geranium*) с красивыми цветками в пять лепестков замечательного ярко-красного цвета (Фигура XXIII). Это прототип всех гераней наших садов, и ее имя происходит от греческого названия журавля – *geranos*, *geranion*, поскольку форма семенной коробки, содержащей ее зерно, очень хорошо напо-

Фигура XXI. – Увенчанный Журавль на
мозаике из Мадабы, V-е столетие

минает клюв вышеназванной птицы, столь ужасной для рептилий (8). И, вероятно, поэтому в некоторых западных областях дикая герань именовалась «изгоняющей дьяволов»; с другой стороны, считается, что ее особенный запах удаляет злые духи из мест, где Бог ее повелевает насадить.

В древней народной фармакопее использовались листья дикой герани – Травы Робера – для остановки кровотечений; Цыгане их еще применяли в свежем или высушенном виде для перевязки кровоточащих ран. Примечательно, что те же самые Цыгане сближают журавля с их покровительницей Святой Саррой, на праздник

Фигура XXII. – Дикая герань
(*Geranium Robertianum*).

Реальная величина растения

Фигура XXIII. – Скульптура на портале
церкви Монквермута (Англия)

которой они ежегодно приходят в Сент-Мари-де-ла-Мер, и женщины их носят имя *Cartocolha*, журавль.

Добавим, завершая, что скорее правдоподобнее можно приписать журавлю, нежели цапле, английский символ двух голов голенастых птиц, которые, кажется, точат друг другу свои клювы, находясь сверху над двумя переплетенными между собой змеями. Этот исключительный мотив появляется, например, на основании двух колонн в притворе церкви Монквермут (Monkwearmouth) (Duram) (Фигура XXIV), датируемом IX-м столетием (9). Этот странный мотив должен быть связан только с символизмом борьбы Добра и Зла, сражению, ведущемуся здесь не прямо Христом, но его верными, действующими на земле, будучи Его орудиями, направляемыми Его предписаниями и Его духом, ополчившись, насколько они едины, против зла и своих врагов. Отсюда, по крайней мере, экзотерический смысл скульптуры из Монквермута, но я бы не удивился,

что эзотерическое значение скрывалось под внешним видом ассоциации из двух змей, с одной стороны, и с другой – двух голенастых птиц.

В том, что касается переплетенных змей, нужно заметить, что их головы, удаляющиеся друг от друга, образуют очень расширяющуюся V, проклятую фигуру в черной магии. Они обладают здесь положением других сплетенных между собой змей, изображенных в условиях, не оставляющих никакого сомнения в их сатанинском характере, как, например, на кощунственных гостиях Вентра, по поводу которых Элифас Леви сделал следующее замечание: «головы и хвосты, вместо того, чтобы сближаться в двух параллельных полукругах, разнесены по внешним сторонам, и нет никакой промежуточной линии, представляющей кадуцей. Сверху над головами змей видна фатальная V, вилка Тифона, характер преисподней» (10). Голенастые птицы Монквермута должны являться лишь недругами проклятых змей. Я не сомневаюсь, что информированные лучше меня английские символисты смогли бы дать точное значение этому странному мотиву.

-
- (1) GREBAUD, *Hymne a Amon Ra*, in *Revue archeologique*, 2e serie, T. XXV, 1873, p. 386.
 - (2) Смотреть *Livre d'Henoch*, traduction Fr. Martin, passim.
 - (3) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 12, стих 7.
 - (4) *От Луки Святое Благовествование*, глава 12, стих 24, 27, 28. *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 6, стих 26-34ю
 - (5) И *Монсальви (Montsalvy)* (Cantal). Отметив это любопытное совпадение, скажем, что недалеко от этих мест находятся другие, носящие имя Сиона. Такой же случай с коммуна *Грю (Grues; Журавли)* в Вандее, расположенной в нескольких лье на юг от Сиона на скалистом берегу Круа де Ви (Croix de Vie; Креста Жизни). Возможно, в последнем случае лишь фонетическое совпадение, но оно поразительно. А Монсегюр в Жиронде и легендарный Монсегюр в Лангедоке?
 - (6) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, Fasc. CVIII-CIX, col. 12. 88, fig. 7. 547.
 - (7) *Ibid.*, Fasc. CVI-CVII, col. 869, fig. 7. 427.
 - (8) Cf. Jacques PEYROT, *L'Herbe a Robert*, in *Le Matin*, 15 mai 1933.
 - (9) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. II, v. I, fig. 1559, et col. 1224, fig. 1695.
 - (10) Eliph. LEVY, *La Clef des Mysteres*.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

АИСТ

I. АИСТ У ДРЕВНИХ

О н у них был одной из наиболее любимых и почитаемых птиц: все греческие и латинские авторы единодушно это констатируют. По словам Элиана, «Египтяне ценят аистов вплоть до преклонения перед ними, поскольку те кормят своих родителей, когда те становятся старыми и окружают их вниманием» (1). И Плутарх сообщает: «Фессалийцы почитают аистов, ибо они прибыли в момент, когда земля изрыгала большое количество змей; и эти птицы их уничтожали, вследствие чего Фессалийцы издали закон, наказывающий смертью всякого, кто убивал аиста» (2). Со своей стороны, Плиний подтверждает, что в Фессалии смертная казнь была предпрешенной для человека, умертвившего аиста, и это из-за услуг, оказываемых птицей в борьбе со змеями. Он добавляет, что аисты ежегодно встречались в области Азии, называемой там Равниной Змей (3).

Я оставляю здесь эти свидетельства старых авторов, весьма снабдивших текстами, относящимися к аисту, из которых Томпсон сделал, собрав их, материал долгого перечисления (4). Эта признательность являлась, впрочем, вполне обоснованной: ученый Шлиман во время своих восхитительных раскопок Трои оказался весьма стесненным из-за множества мелких змей и писал из Гиссарлика: «Я полагаю, что без тысяч аистов, прилетающих сюда на протяжении весны и лета пожирать змей, равнина Трои стала бы необитаемой благодаря большому количеству этих рептилий» (5).

Разумеется, греческая Мифология для своих вымыслов ухватила саму птицу, услуги которой вызывали столько уважения: «Выткан с другой стороны был матери жалких пигмеев жребий: Юнона, ее победив в состязанье, судила сделаться ей журавлем и войну со своими затеять. Выткала также она Антигону, дерзнувшую спорить с вышней Юноной самой, — Антигону царица Юнона сделала птицей; не впрок для нее Илион оказался с Лаомедонтом отцом, и пришлось в оперении белом аисту — ей — восхищаться собой и постукивать клювом. Угол оставшийся был сиротеющим занят Киниром. Храма ступени обняв, — родных дочерей своих члены! — этот на камне лежит и как будто слезами исходит» (6).

И с тех столь отдаленных столетий аист сохранял эту привилегию, принеся ее в наши страны Крайнего Запада (7).

Отсюда понятна многократность присутствия эмблематического аиста на произведениях античного искусства всех видов и на монетах (Фигура I).

В своем замечательно сработанном исследовании Соломон Рейнах предложил видеть в полете аиста прототип эмблемы *свастики*, столь наполненной различными смыслами (оставившей в христианской эмблематике один «гамматический крест»). Его наличие в орнаментации определенных фюзарол (архитектурных украшений веретенообразной формы – прим. пер.) заставляет, по крайней мере, полагать, что чрезмерная стилизация полета аиста заканчивалась, иногда приводя в итоге к свастичным изображениям (8).

Фигура I. – Аист и Змея, произведение греческого искусства. Согласно Salomon REINACH, *Repertoire de la statuaire grecque*, T. III, vol. II, p. 772

Наконец, высшей почестью у Греков, когда Афиняне укрепляли Акрополь своего города, явилась возведенная ими с западной стороны и единственно доступная твердыня с девятью пробитыми воротами и называвшаяся *Pelargicon*, «Оплот Аистов».

В Марокко, начиная с античных времен, аист является священной птицей, периодически прилетающей с экваториальных болот. Для нынешних Марокканцев он остается птицей марабу (9), святой птицей, которую должно чтить.

С наиболее отдаленных времен аист в Индии, Китае и Японии считается одним из самых уважаемых животных; стоя верхом на черепахе, он изображает, как и журавль, с которым разделяет все символические характеры, Долголетие (10) и равно воплощающего в себе дух божественного Феникса.

С незапамятной даты в Китае во время «Церемонии Ростков», отмечаемой ежегодно с первым проявлением весеннего обновления, используется талисман, имеющий ритуальное изображение аиста, рассматриваемого в качестве покровителя (11).

(1) ELIEN, *Histoire des Animaux*, X, 16.

(2) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, 74. – Propos de table, VII, 7.

(3) PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. X, 31.

(4) THOMPSON, *A Glossary of greek bird*, pp. 117 et suivant,

(5) SCHLIEMANN, Lettre du 5 avril 1872.

(6) Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. М., «Художественная литература», 1977. Перевод с латинского С. В. Шервинского; Книга 6, стих 90-100; перевод С. Шервинского. – SERVIUS, *Commentaires sur Virgile*.

(7) BUFFON, *Histoire naturelle*, edition de 1769, T. XXXII.

(8) Смотреть S. REINACH, *A propos d'un stamnos beotien*, in *Revue archeologique*, 3e serie, T. XL, 1902, pp. 372-387. – Смотреть также VON DER STEINCK, *Prahist. Zeichen*, fig. 12.

(9) L. RICHARD, *Les Cigogne de Rabat*, p. 3.

(10) Cf. *Mythologie generale*, p. 353, Paris, Larousse, s. d. (1934).

(11) Cf. H. DORE, S. J., *Recherches sur les Superstitions en Chine*, Ire Part., T. I, vol. II, p. 200, fig. 136.

II. АИСТ, ЭМБЛЕМА НЕСКОЛЬКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ДО НАШЕЙ ЭРЫ И В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Со времени, когда стали известны написанные тексты (1), натуралисты нам утверждают, что видели пары аистов, заботящихся о пропитании ставших старыми своих родителей с таким усердием и попечением, о чем они свидетельствуют своим аистяткам. Из-за этого редкого для животных качества аист благодаря Древним приобрел, как мы уже видели, звание эмблемы *Сыновнего почтения* (2). Он разделяет этот символизм в Бестиариях Средневековья с чибисом и удоном (3), хотя последняя птица и находилась среди птиц с наихудшей репутацией, но она начинает кормить своих родителей, говорят натуралисты, когда замечает их «старение», ласково обогревая и избавляя их от старых перьев (4), что делают и аисты, по словам других старинных авторов. Благодаря чему эти птицы стали символами Сыновней признательности.

Фигура II. – Аист
и благочестие,
консульская монета
Цецилий в Риме

Аист у древних Греков и Римлян являлся также эмблемой Благочестия по отношению к Божеству, матери человеческого рода и всякого живого существа. Задолго до христианской эры “Gens Coecilia” его стала отображать на консульских монетах с аллегорическим бюстом *Pietas*, персонификацией всех видов благочестия (Фигура II) (5). И в наши дни еще говорят в некоторых областях Турции, Малой Азии и Аравии, что ежегодно аисты благочестиво совершают свое паломничество к Каабе в Мекке (6).

Продвинув идею благочестия до ее высшей степени, мистики Средневековья иногда интерпретировали в виде аиста *религиозную экзальтацию*.

Благодаря мифу об Антигоне, приведенному выше, аист обозначал с тех пор у Древних *супружескую любовь и материнскую преданность*.

Сыновние Почтение и Признательность, супружеская Любовь и материнская Преданность являются богатствами сердца, которые подытоживает единственное имя: *Доброта*.

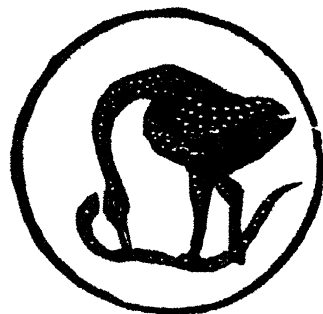
- (1) ELIEN, III, 23; PLINE, X, 32; ARISTOTE IX, 13, 20; etc.
- (2) HORAPOLLON, *Hieroglyphica*, II, 58. – ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*, XIX.
- (3) Cf. *Physiologus*.
- (4) Cf. Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, X, *De La Hupe*.
- (5) Cf. Dom GUERANGER, *Sainte Cecile et la Societe romaine aux deux premiers siècles*, XII, pp. 238, 239.
- (6) Cf. Lucy M. G., GARNET et J. S. Stuart GLENINE, *Nouveau Folklore grec*, p. 177.

III. АИСТ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Столь частой использованный греческим искусством аист вошел только едва в первоначальную иконографию римской церкви, и я не знаю никакого текста, говорящего о его символической роли. Тем не менее, великолепная мозаика мраморного пола в базилике Теурния в Иллирии V-го или V-го столетий нам предоставляет прекрасный и редкий пример аиста в его роли *Офимаха* (*Ophimachus*), которой его наделяют несколько древних текстов (1), то есть действенного врага змеи (Фигура III).

Возможно даже, что две голенастые птицы, выгравированные на кольце каролингской эпохи, были аистами, выражавшими собой супружескую любовь, эмблемами которой являлись эти птицы со времени создания мифа об Антигоне, по крайней мере. Это кольцо происходит из усыпальницы, открытой на пороге церкви Святого Юста на Диве (Saint-Just-sur-Dive) рядом с Лудюном (Фигура IV).

Получается, что изображение эмблематического аиста встречается редко в западном искусстве не только в первое христианское тысячелетие, но даже в эпоху нашего романского искусства, и Бестиарии часто путают эту птицу с журавлем или ибисом.

1.54

Фигура III. – Аист
на мозаике базилики
в Теурнии

Ibex d'oise est nun
Que cigonie apelun.

Ибис не та птица,
Что аистом зовется.

Так писал в XII-м столетии Филипп де Тон в своем *Бестиарии* (2).

Однако Фома де Кантемпре (Thomas de Cantimpre) возвестил о качествах аиста, сказав, что он есть друг человека, отвращающий змею, объявляющий ей войну, поедаящий ее, отвергая то, что в ней вредного и ядовитого (3). И Дюран де Манд в XIII-м веке без достаточного объяснения сравнивает Христа с аистом. По его словам, "Beatus Vir" («Блажен Муж») литургии это Христос, являющийся, подобно аисту, головой и членами (4). Именно в ту эпоху христианская символика и геральдическая наука ввели аиста в свой обиход, сделав его, согласно Древним, эмблемой сыновнего почтения и Милосердия (5); последняя добродетель предстает другим цветком, корень которого находится в сердце: это доброта! (Фигура V).

В порядке религиозной мысли аист выражает с той поры доброту Спасителя, о божественной манифестации Которого Святой Апостол Павел напоминал Титу:

1.55

Фигура IV. –
Каролингское
кольцо
из Сен-Жюст-
сюр-Див.
Из кабинета
автора

"apparuit benignitas Salvatoris nostri", «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога» (6); а Церковь ежедневно призывает следующим образом: *"Jesu, bonitas infinita"* – «Иисус, бесконечная доброта» (7).

И этот смысл, разумеется, накладывается на смысл эмблемы непрестанной борьбы, объявленной Христом демонам и порокам. Об этом нам говорят многочисленные мистические печати религиозных персонажей, показывающие стоящего и борющегося со змеей аиста: такова, например, печать капеллана XIII-го века из Сиво (Civaux) в Пуату, на которой торжествующая над рептилией птица поднимает ее вверх (Фигура VI) (8). Тот же самый сюжет мы видим на гербе семейства Буэз д'Амази (Bouez d'Amazy): «на серебряном

геральдическом

поле лазоревый аист с левой поднятой лапой, держащий в своем клюве зеленую змею, сопровождаемый тремя черными отрезанными головами кабана»; а вот герб Вилэнов (des Vilain): «на красном геральдическом поле серебряный аист, держащий в своем клюве одинаково серебряную змею» (9). Та же самая эмблематика на гербе Сигуэнов (des Sigoing): «на лазоревом геральдическом щите серебряный аист с красными клювом и членами, держащий в своем клюве зеленую ящерицу» (10). И т. д.

Иной символизм, как мне кажется, у великолепной церковной печати XIII-го века с именем Симона Бертини или Бертена, коей владела госпожа маркиза Ш. де Кюмон-Дамас (Ch. De Cumont-Damas), от которой мне удалось получить ее отпечаток (11). На нем мы видим аиста: последний, чтобы поднять змею к небу, твердо держится на колючей ветке (Фигура VII). Не являлась ли печать эмблемой священнослужителя, являющегося также Христом, то есть помазанным свя-

Фигура V. – Аист, спускающийся над добычей. Согласно витражу кафедрального собора Буржа, XIII-е столетие

ССС

Фигура VI. – Печать капеллана из Сиво (Sivaus, Civaux) в диоцезе Пуатье, XIII-е столетие

Фигура VII. – Печать
Симона Бертини,
XIII-е столетие

щенническим помазанием, священнослужителя, для которого одни достоинства суровой жизни способны утвердить в нем и вокруг него победу над злом, представляемым рептилией?

В дворянской геральдике, когда аист, изображенный на гербе, не держит никакую рептилию ни в клюве, ни в своих лапах, то он становится эмблемой, посвященной не только обыкновенной доброте, но и милосердию (12).

Мы обнаруживаем аиста, спокойно торжествующего над рептилией на торговой марке фаянсового завода Ла Гайе (La Haye), работавшему с 1778 по 1785 гг. и производившему великолепную продукцию (13).

Таким же образом аист пронзает своим клювом голову змеи в гравированной на дереве орнаментации обрамления коронования Филиппа-Августа, украшающей книгу Великих Хроник Франции, изданную Антуаном Вераром (Verard)

в Париже в сентябре 1493 года (Фигура VIII) (14).

В 1931 году на Колониальной выставке в Париже в Павильоне Индостана находился большой бронзовый аист из коллекции Козлова (Kosloff). Эта птица, указанная как произведение искусства XVI-го столетия, несет на своей спине большое отверстие в форме сердца, увенчанного крестом: таким изображалось тогда и долгое время спустя Сердце Иисуса Христа, многочисленные примеры которого из XV-го столетия я публиковал с контролируемыми и бесспорными датами) (15). Вполне вероятно, что это произведение азиатского искусства навеяно христианским вдохновением: апостолические проповеди Святого Франциска Ксаверия начались в 1545 году, явив собой быстрые и очень значимые успехи; он умер в Гоа в 1556 году. Возможно, что рассматриваемый нами аист был заказан местным прозелитом или одним из Португальцев, обосновавшихся тогда в Индостане.

И поскольку древняя Ботаника посвятила журавлю (*geranos*, *geranion*) дикую герань из-за формы ее семенной коробки, похожей на журавлиный клюв, постольку она предназначила для аиста по аналогичной причине пеларгонию, принадлежащую к тому же самому ботаническому семейству, что и герань: оба растения, впрочем, во многом схожи, как и силуэты обеих птиц.

Фигура VIII. – Аист,
убивающий змею.

Согласно одной
гравюре от 1493 года.
Catalogue FIERE, loc. cit.

- (1) Смотреть Dom LECKERCO, Dictionnaire d'Archeologie chretienne, T. VII, v. I, col. 149, fig. 5803.
- (2) Ap. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin* de Guillaume, clerc de Normandie, p. 119.
- (3) Thomas DE CANTIMPRE, *De Naturis rerum*, X; ap. AUBER, *Histoire et Theorie du Symbolisme religieux*, T. IV, p. 457.
- (4) DURAND DE MENDE, *Rational des divins offices*, Liv. VII, I 39. Здесь, как я полагаю, аллюзия на полет клином голенастых птиц, собравшихся для перелетов, в котором каждая из них занимает свое место во главе и в направлении клина, а затем возвращается позади других. Так поочередно она становится вожаком и членом стаи.
- (5) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 130.
- (6) *Послание к Тиме Святого Апостола Павла*, Глава 3, стих 4.
- (7) *Litanie du Saint Nom de Jesus*.
- (8) Музей Больших Школ в Ассоциации Антикваров Запада в Пуатье.
- (9) Cf. R. PETIET, *Armorial poitevin*, pp. 25, 115.
- (10) Cf. RIS-PAQUOT, *Dictionnaire encyclopedique des Marques et Monogrammes*, T. II, p. 533.
- (11) Смотреть L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Sceaux de pretres et de moines du Bas-Poitou au Moyen-Age*, in *Revue du Bas-Poitou*, annee 1915, L. III.
- (12) Cf. M. L. *Nouvelles Methode raisonnee du Blason, ou l'art heraldique du P. Menetrier*, edition de 1770, p. 152, pl. XX, № 20.
- (13) Cf. RIS-PAQUOT, *Dictionnaire encyclopedique des Marques et Monogrammes*, T. II, p. 533.
- (14) Согласно: *Manuscripts. Livres rares et precieux des XVe, XVIe et XVIIe siècles*. – *Bibliotheque de Mr Ch.-L. FIERE, Bibliophile dauphinois*. (Catal, p. 6, Paris, Desombres, 1933).
- (15) L. CHARBONNEAU-LASSAY, in *Revue Regnabit*, annee 1921 a 1926, passim.

IV. АИСТ

В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ

Древние Латиняне поднимали на смех особый «хруст», производимый аистами их клювами, делая из этой птицы одну из эмблем посмешища (1); и они связывали его имя с двусмысленным и смешным поведением (2), о котором говорит Святой Иероним (3).

Как и большая часть самых великолепных эмблем Иисуса Христа, аист иногда служит также образом Сатаны. На примеры других голенастых это происходит, когда аист несет в своем клюве безобидную рыбу; тогда он представляет собой демона, овладевшего христианской душой; по крайней мере, лишь исключительно он персонифицирует болотистую страну, которую, полагая, он отображает на греческих монетах из Сельмонте, где являлся иероглифом топей Эври-медузы (4).

Фигура IX. – Аист на торговой марке фаянсового завода в Гааге в Голландии, XVIII-е столетие

С другой стороны, древнее западное колдовство знало демона, называвшегося *Scox* или *Chax*, который, кажется, показывался в виде аиста (5). И в том же самом порядке идей ко мне пришла уверенность, что колдуны Дунайской долины в прошлом пользовались в своих демонических операциях неким подобием свистка, сделанным из левой бедренной кости одного аиста, с помощью которого они извлекали протяжное речитативное звучание, с коим связывали заклинательную силу. Быть может, это верование имело родственные узы с античными преданиями, рассказывавшими, что престарелые аисты удалялись на острова Океана, чтобы там превратиться в человеческих существ? (6)

-
- (1) Cf. H. ROUX, *Herculanum et Pompei*, p. 172.
 - (2) PERSE, *Satyres*, I, 58 (Персий, *Сатир*).
 - (3) Saint JEROME, *In soph. – Ad Rustic. Ep.* IV.
 - (4) Cf. Salvatore MIRONE, *Types monétaires de la grande Grece et de la Sicile*, in *Aretuse*, fasc. II, 1926, p. 71.
 - (5) Cf. COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*. Смотреть *Cigogne*.
 - (6) Cf. ELIEN, *Nat. anim.*, III, 23.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

ЛЫСУХА

ЛЫСУХА БЕСТИАРИЕВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В реальности Лысуха является маленькой голенастой птицей размером с водяную курочку, обитающей во многих странах Европы на прудах и на болотах. Авторы Бестиариев и Волукрариев Средневековья (от Волукрарий – книга о птицах; прим. пер.) ей, наоборот, приписывают предпочтительное место пребывания на морских островах; и все соглашались ее представлять как «красивую и куртуазную», миролюбивую, предвидящую и благоразумную птицу.

Вильгельм де Норманди делает из этой птицы «очень мудрой и очень понимающей», соответственно избирающей себе пищу, образ безукоризненного человека, достойного и верного, вкушающего свой ежедневный хлеб добрым христианином, достойно потребляющего Тело и Кровь Господни и не прикасающегося «к огненному мясу, доставляющему душе смертную скорбь» (1).

Более дерзкие из иных символистов Средневековья воспринимали Лысуху, как один из аллегорических образов Искупителя.

Мы видели в главе, посвященной орлу, что эта птица, когда судит одного из своих недостойных птенцов в своем гнезде, которого считает незаконнорожденным или обладающего слишком слабым темпераментом, то выбрасывает его вниз или оставляет его на скалах. Этого желали иллюзии Древних. Итак, опираясь на авторитет Святого Августина (2), наши старинные Бестиарии времен Капетингов не хотели, чтобы бедный орленок так оставался, безвозвратно погибая; затем, по их мнению, к нему спешила на помощь птица, охваченная жалостью к нему, унося в свое собственное гнездо и вскармливая там, пока последний не смог бы взлететь (3). Этот спаситель, сообщает Брюнетто Латини «исполнял службу царственной птицы, поскольку принимал того в среду своих детей и вскармливал как родного» (4). Благодаря чему отвергнутый как недостойный орленок возрастал в силе и обретал свое место и свои права в господствующих высотах.

И сближение делалось даже между Лысухой, спасительной птицей, и Спасителем людей. Человеческий род осуждался Богом, будучи недостойным Его царствия, и отбрасывался вдаль от судьбы, ему опре-

делявшейся; но Спаситель пришел к нему, принял его в Свою церковь, напатав ее Своим учением; благодаря чему искупленное, воспрянувшее и вошедшее в благодати в царствие Божие человечество снова встало на стезю своих вечных предназначений.

- (1) Cf. Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXIII, *De Fullica*.
- (2) Saint AUGUSTIN, *Commentaires sur les Psaumes*, с. II.
- (3) Cf. *De natura rerum*.
- (4) Brunetto LATINI, *Li Livre dou Tresor*.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

БЕКАС

I. БЕКАСЫ

Семейство Бекасов по-особенному отображалось в народных преданиях и охотничьих попечениях в трех разновидностях: большой бекас (*Scolopax rusticola* Линнея), обычный болотный кулик (*Scolopax gallinago*) и малый болотный кулик (*Scolopax gallinula*).

И те и другие водятся преимущественно на лесосеках, в низких порослях вереска, на влажных лугах. Это птицы, полноправно увлекающие охотников и появляющиеся перед ними из-за своих еще не разгаданных привычек как бы окруженные ореолом небольшой тайны (1). Быть может, стоит спросить о причине этого у атмосферных или астральных воздействий, для нас недоступных, но странному влиянию коих подвергаются эти маленькие существа.

Хорошо известно только то, по словам орнитолога Бюрдэ (Burdet), что материнская преданность бекаса по-особому трогательна и заслуживает всяческих симпатий (2).

(1) Смотреть comte Pierre DE BROISSIA, *La Becasse a grande quete*, passim.

(2) Cf. Mme FEUILLE-BILLOT, in *Bulletin de la Federation pour la protection des Oiseaux*, annee 1932, juillet, p. 81.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО БЕКАСА

Особая эмблематическая роль бекаса на Западе Франции стала к концу XIX-го столетия объектом наблюдений господ Ф. Паранто (Parenteau), хранителя Археологического музея Нанта и Бенж. Фийона (Benj. Fillon), а также моих в Бозе почивших друзей и археологов из Пуату Габриэля де Фонтэна (Gabriel de Fontaines), Жуссома (H. Jousseau), графов Октава и Рауля де Рошбрюнов (de Rochebrune). Один Паранто опубликовал по символизму бекаса (1) несколько страниц, и господин Юшер (Hucher) из Ле-Мана последовал его примеру (2).

Первый символический аспект занимаемой нас птицы принижен, как для цапли и журавля, и заключается в том, что бекас питается насекомыми и червями, в изобилии пребывающими на влажных деревьях, где сам обитает, и на пути его миграций. В действительности бекасы с началом осени, как

Фигуры I, II и III. – Галльские монеты из коллекции
Ф. Паранто

сообщает нам Бюффон, покидают высоты Вогезов и Северных Альп, где проводят лето, и попарно направляются всегда на Запад, останавливаясь только перед морем; по прибытии они находятся в большом количестве, иногда начиная с конца октя-

бря, в прибрежных областях Океана, где укрываются в густых кустарниках и в соседних с болотами дюнах (3). Вот почему, добавляет великий натуралист, ноябрьская луна называлась «Луной Бекасов» (4).

Сверка нескольких относящихся к бекасу археологических артефактов наших западных пределов Франции убедили вышеназванных эрудитов, что существовали смутные для нас связи, восходящие в далекую древность, между миграциями бекаса и друидическим культом светил с Беленусом, галльским Аполлоном наших западных провинций.

И в самом деле, примечательно, как считали они, что некоторые галльские монеты, несущие бесспорный для них образ бекаса, обрелись в точности в приморских кантонах, омываемых Океаном, пределах, где останавливаются ежегодные миграции этой птицы (5). Паранто обладал четырьмя экземплярами подобных монет, три из которых он выгравировал и опубликовал (Фигуры I, II и III) (6); одна из монет принадлежала Юшеру; господина А. Лафон (Lafont), Фийон, Г. де Лафонтэн и Жусом одинаково владели ими: монеты были золотыми, происходя, одна из Шоле (Cholet), а другие из приморских районов Вандеи и Нижней Луары.

Мне приходит на память в отношении этих монет из пикто-бретонского региона очень справедливое наблюдение господина Р. Генона: «Отмечалось, что у Кельтов символы, изображенные на монетах, могут объясняться только в сопоставлении их с доктринальными знаниями, присущими Друидам, что включает в себе прямое вмешательство последних в эту область, и этот контроль должен был продолжаться до конца Средневековья» (7).

Добавим, что Друиды весьма хорошо знали символизм, происходящий у Египтян, Греков и Римлян из взаимоотношений между голенастыми птицами, рептилиями и червями.

Ш. Фарсине (Ch. Farcinet), единственный среди археологов, интересовавшихся вышеуказанными монетами, никогда не проживавший в Пуату, предложил видеть в изображаемой на них птице чибиса; Рауль де Рошбрюн, большой охотник на бекасов (8), умело занимавшийся археологией этой птицы, целиком соглашался с Паранто по причине: 1) многочисленности бекаса в регионе, где были найдены монеты; 2) той же самой формы изображенной птицы, которая никак не может быть ни чибисом, ни цаплей; 3) роли бекаса в предани-

ях региона, где он еще рассматривался в качестве элемента почти небесных предзнаменований.

На самом деле в древнем княжестве Тальмон-дуа, где господин де Рошбрюн жил в замке де ла Кур д'Арон (de la Court d'Aron) (9), раньше предвосхищали и должны еще предвосхищать продолжительность и суровость зим, в соответствии с отсутствием или присутствием бекасов на день Святого Мартина (11 ноября). Многочисленными были и еще остаются деревенские постоянные дворы Вандеи, носящие в качестве вывесок: «К Бекасу», «К Золотому Бекасу» и т. д.

В Пуату и Бретани бекас вошел главным элементом в состав некоторых патронимических имен и в композицию их фамильных гербов; например, семейства *Bécassin* (Бекассен), *Bécasseau* (Бекассо), *Bécassier* (Бекасье), *Begasson* (Бегассон) имеют на гербе: «красного бекаса на серебряном геральдическом поле» (Фигура IV) (10); существует и род графов *de la Bégassiere* (де ла Бегассьер).

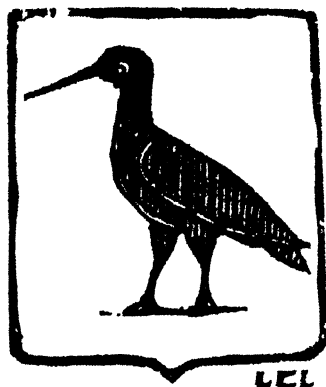
Часто в тех же самых провинциях народные песни говорят о бекасах.

По всему Пуату распространена «детская считалка», монотонно читающаяся в веселом ритме и представляющая собой следующее:

«Когда Король идет на охоту,
Бекасов обратно приносит с нее;
По перышку, по кучке
Своим друзьям он раздает их.
Во имя Отца и Сына
И Господа Святого Духа.
Дерлин, дерлин, дерлин... Возьми!»

Необычное выражение «Господа Духа Святого» кажется смутным воспоминанием о Никейском Кредо (Символе Веры – прим. пер.), которое поется на воскресной мессе: “et in Spiritum sanctum Dominum, et vivificantem...” – «И в Духа Святого, Господа, Животворящего...»; а «дерлин, дердин» напоминает колокольчик *Sanctus*'а («Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!», древнего христианского литургического гимна – прим. пер.) и Элевации (преподнятия Св. Даров для их благоговейного обозрения – прим. пер.) на том же богослужении.

В своем эссе по интерпретации этой птицы на античных монетах Паранто справедливо опирается на способ, при помощи которого бекас, чтобы накормить себя, искореняет червей из вазы или из мягкой земли, когда она находится, по выражению старинной псовой охоты, в состоянии «порождения червей» (“veroter”). «Итак, – говорит он, – черви, кольчатые черви, змеи

Фигура IV. – Род Бегассон в Бретани имеет в гербе «на серебряном геральдическом поле красного бекаса»

в общем, и Питон, в частности, являются врагами Аполлона-Беленуса. Известно, что это зло, борющееся против добра. Значит, бекас становится одним из агентов бога-солнца» (11).

Думаю, этот символизм не мог удивить Кювье, связывающего священного Ибиса Египтян, *Ibis religiosa*, с подвидом семейства Бекасовых (12).

Я не стану следовать за Паранто в его эссе объяснению относительно соседства на одной из его монет бекаса и сфинги (но не сфинкса) (Фигура I): глубокая мысль вдохновителей этого изделия, на мой взгляд, еще сохраняет нетронутой полное обладание его таинством.

В отношении нас занимаемых монет говорилось, что чеканка галльских изделий не является достаточно чистой, чтобы можно было различить на них бекаса с другим пернатым. На что хочется ответить: это не всегда верно. Я видел только две монеты по интересующему нас вопросу – у господ де Фонтэна и де Рошбрюна; одна из них, принадлежавшая первому археологу, была такой четкости, что не оставляла желать ничего лучшего: относительно короткие лапы птицы не могли соответствовать ни журавлю, ни цапле, ни чибису, а ее клюв представлял поистине слишком длинным, чтобы думать о голубе или вороне. Господин де Рошбрюн, ознакомившись с артефактами Паранто, пришел к такому же выводу, что мы видели выше. На монетах биттуригов, наоборот, большие лапы птицы и ее хвостовое оперение с султаном при первом же взгляде наводит на мысль о журавле (13). Я имею перед глазами несколько монет галльского пиктонского вождя Атекторикса: они являются изделиями намного лучшей, более совершенной и более чистой чеканки, нежели французские монеты XVIII-го столетия.

- (1) F. PARENTEAU, *Odyssée de la Bécasse en Gaule*, in *Bulletin de la Fédération pour la protection des Oiseaux*, année 1932, juillet, p. 81.
- (2) HUCHER, *L'Art gauloise*, pl. 101, 14.
- (3) Cf. BUFFON, *Histoire nationale, Les Oiseaux*, édition de l'an X, T. XXI, p. 363.
- (4) Смотреть Н. BOUAN DU CHEF DE BOS, *La Chasse à la Bécasse en Bretagne*.
- (5) На старинном патуа в Пуату с XIV-го и XV-го столетий бекас назывался l'Assée, смотреть: Ordonnance de police pour la réglementation des denrées a Poitiers. Cf. THIBEAUDEAU, *Abrégé de l'Histoire du Poitou*, T. II, p. 2, édition de 1839.
- (6) Смотреть F. PARENTEAU, *Odyssée de la Bécasse en Gaule*, Pl. I, № 1, 2, 3; *Inventaire archéologique*, p. 79, Pl. 40, № 10, 11, 12.
- (7) R. GUENON, *Autorité spirituel et pouvoir temporel*, p. 111, Paris 1929.
- (8) Была выбита большая медаль с его изображением, после чего он убил за два дня 50 бекасов во время одного охотничьего подвига в Пуату. – Ж. Робюшон (J. Robuchon), скульптор.
- (9) Коммуна Сен-Сир-ан-Тальмондэ, округ Сабль-д'Олонн.
- (10) Cf. V. DE LD COLOMBIERE, *La Science heroique*, édition de 1669, pp. 368, 371, fig. 90 – armoriaux poitevin et bretons.
- (11) F. PARENTEAU, *Odyssée de la Bécasse en Gaule*, p. 4.
- (12) Ap. Geoffroy SAINT-HILAIRE, *Communication à l'Academie Royale des Sciences*, séance du 9 janvier 1826.
- (13) Смотреть Главу об эмблематическом Журавле.

III. БЕКАС И ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

Фактически благодаря своему естеству и своим жизненным привычкам бекас, каковой бы не была птица на галльских монетах наших приморских регионов Запада, должен разделять христологический символизм, присущий другим голенастым уничтожителям червей. Известно, что комментаторы священных Книг рассматривают как прямую эмблему Сатаны червя, источавшего корень растения, под которым отдыхал Святой Пророк Иона рядом с Ниневией и которое, как только сделалось пораженным этим укусом, иссохло. Однако этот червь, по словам Библии, был послан Богом, чтобы испытать Своего пророка (1); но в глазах христианской эмблематики всякий червь является по существу зловредным и одним из самых неизменных символов inferнального Духа, враг которого – Христос.

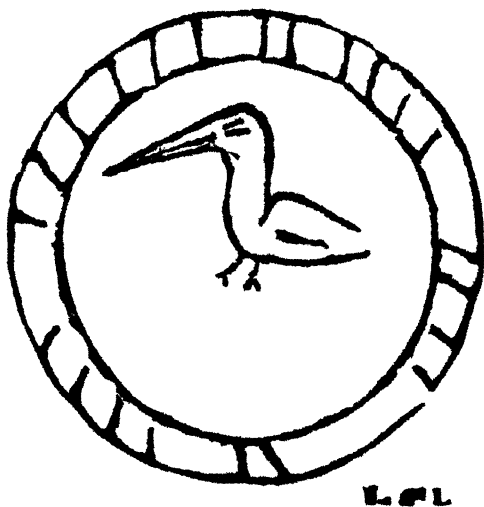
Остается теперь показать, что эмблематический бекас реально вошел в аллегорическую иконографию Иисуса Христа.

Мне кажется, что здесь необходимо сообщить о первом артефакте, оказавшемся в наличии, хотя он и приписывался голубю. В своем блестящем произведении о варварских кольцах Галлии Макс Делаш из Института опубликовал бронзовый перстень из Музея Лозанны (2), современный французской династии Меровингов (Фигура V). На его шатоне, по словам Делаша, видна птица с распростертым крылом с взошедшей над нею звездой, одной из эмблем Иисуса Христа (3). Должно добавить, что это крестообразная звезда; на самом деле, благодаря рисунку, данному Делашем, она представляет собой равносторонний крестик; птица же наделена длинным клювом и никак не могла быть голубем, которого видно на нескольких кольцах той же самой эпохи. С одной стороны шатона артефакт обладает еще тремя шариками, характерными для первой франкской эпохи VI-го и VII-го столетий.

Более того, Паранто сблизил со своими галльскими монетами на-

Фигура V. – Варварское кольцо из Музея Лозанны

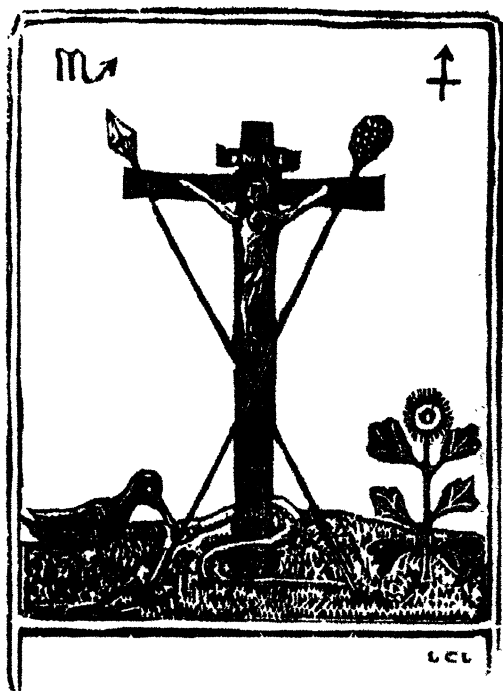
Фигура VI. – Общее изображение круга Зодиака на одном бретонском календаре. Согласно Паранто

много более поздние религиозные документы, не выходящие дальше области гипотезы: это Зодиаки, изображенные на старинных бретонских календарях, датируемых в рамках между XVI-м и концом XVIII-го столетий. К сожалению, гравюра, приводимая в одном из календарей, принадлежавшем ему, вместо воспроизведения целиком страницы календаря, ее содержавшего, ограничивается картинкой бекаса в круге Зодиака, наскоро градуированного (Фигура VI) (4), чего совсем недостаточно, чтобы автор препровождал эту фигуру следующими строками: «Бретонский Зодиак из моей коллекции. Это длинная полоса, сложенного в двенадцать раз самого в себе пергамента. В заголовке четыре маленьких изображения: Сотворение Мира, Потоп и Рождество Христово. Ковчег обозначен двойной чертой с одной мачтой, возвращающимся голубем и удаляющимся вороном и пр.»

«Второй экземпляр Зодиака изображает личность со светлыми волосами, держащую на своей шее желтого бекаса» (5).

Безусловно, на первом из этих документов бекас поставлен в более или менее прямое соотношение с христианскими мистериями: Творение, первородный грех Адама и Евы, Потоп, Рождество Христово; но Паранто слишком скор в своем описании, чтобы мы могли понять причину, мотивировавшую присутствие бекаса в композициях, о которых он говорит, и это очень прискорбно.

Я имел возможность в 1903 году сделать и передать затем господину Р. Рошбрюну (Паранто покинул уже тогда сей мир) копию листка, относящегося к ноябрю месяцу на календаре такого же рода, как и у Паранто, принадлежащего Школе глухонемых де ла Персаготьеря в Нанте. Это не полоса пергамента, но восемнадцать пластин из крепкого картона, собранных в книжку, прошнурованных кожаной тесьмой; двенадцать первых из них имеют аллегорические картинки месяцев года и напротив каждой «Собственное Время» католического латинского обряда и перечень святых месяца; на шести других картонных листках записаны астрономи-

Фигура VII. – Иллюстративный образ ноября месяца на календаре XVIII-го столетия

ческие указания и «прогнозы» XVIII-го столетия; все записано от руки и формата in-12.

Миниатюрная картинка ноября месяца составлена следующим образом: распятый Спаситель на очень высоком кресте, подножие которого обвивает собой змея, традиционно вяло распростертая в изнемогающем положении; к ней приближается бекас и своим длинным клювом, кажется, поражает ее в голову; копьё и губка крестообразно пересекаются перед крестом, у подножия которого напротив бекаса поднимается весьма стилизованное растение, вид и значение коего от меня полностью ускользают (6). Вверху по углам изображения два знака Зодиака, управляющие ноябрем месяцем – Скорпион и Стрелец (7).

На этом документе две вещи представляются бесспорными: во-первых, ассоциация Христа с эмблематическим бекасом в ослаблении и наказании inferнальной рептилии, погибающей от пролития божественной крови и от удара птицы; во-вторых, уподобление эмблематической змеи и червей, являющихся обыденной добычей Бекаса, нападающего, конечно, только на малых, новорожденных рептилий.

На календаре из Нанта и очень вероятно также на кольце из Лозанны (Фигура V) эмблематический бекас поставлен в соотношение с искупительным крестом благодаря идее, остающейся загадкой по моему неведению. Отметим также, что вышеприведенная «детская считалка» завершается ритуальным призыванием: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа»; которое является литургической формулой Крестного Знамени.

Наблюдатели отмечали, что большой бекас и зачастую бекасики почти всегда взлетают против ветра, когда поднимаются в воздух по своей доброй воле (8). Тем самым они «борются» с ветром. Значит, по общему Правилу христианской Символики Ветер есть зло. Христос во всем действует всегда против зла: мы увидим, что это символическое значение петуха на колокольнях, который головой на ветру изображает сражающегося Христа.

Я завершаю, добавив, что бекас разделит с совой на Западе и с пеликаном на Востоке роль аллегорического олицетворения «благочестивого и созерцательного отшельника» (9). Книги по ониромантии (толкованию снов), иногда содержащие посреди чистых и простодушных химер элементы, пришедшие из весьма отдаленных эпох и ушедших столетий, упоминают об этом символизме бекаса (10). Мог ли он разделять особенность, принадлежавшую на Востоке пеликану, который символизировал Христа, удалившегося на протяжении сорока дней в одиночество пустыни? (11) Я не обладаю доказательством этого, но опираясь на то, что являл дух христианских символистов Средневековья, факт вполне вероятный.

Остается лишь пожелать, чтобы новые документы просветили вопрос символизма бекаса, связанного столь же безусловным, сколь и таинственным образом с эмблематикой Иисуса Христа.

- (1) *Книга Пророка Ионы*, Глава 4, стих 7.
- (2) Страна, в которой, согласно Бюффону, бекасы проводят летний период, *vid. supr.*
- (3) Max DELOCHE, *Etude historique et archeologique sur les anneaux sigilaire et autres les premiers siècle du Moyen-age*, XXXII, p. 33.
- (4) F. PARENTEAU, *Odyssée de la Bécasse en Gaule*, Pl. I.
- (5) PARENTEAU, *Ibidem*, p. 8.
- (6) Быть может, подсолнух?
- (7) Прибытие бекасов на Запад совпадает, в общем, с зимним солнцестоянием под знаком стрельца, но иногда опережает на одну или две недели начало длительности этого астрономического знака.
- (8) Это, впрочем, привычка многих птиц, особенно голенастых. Фольклор, как мне кажется, интересовался лишь взлетом бекаса, по которому охотники делали более или менее основательные прогнозы по ближайшему состоянию атмосферы.
- (9) В Азии голенастая птица, стоящая на одной лапе и как бы ушедшая в мысли, рассматривалась в качестве эмблемы благочестивого аскета и отшельника. Cf. H. KERN, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, ch. II.
- (10) Cf. HALIL-EL MASRI, *L'Interprete oriental des Songes*.
- (11) Смотреть *От Луки Святое Благовествование*, Глава 2.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ЧИБИС

I. ЧЕРВЕЯДНЫЙ ЧИБИС

Он был в почете у Египтян, думавших, что человеческая душа для исхода после смерти тела от земли к солнечному небу могла принимать как форму ласточки, так и чибиса (1).

Шампольон-младший видел в чибисе прототип *бенну*, египетского феникса (2); и господин Клермон-Ганно (Clermont-Ganneau) придерживался того же мнения (3). Мы говорили, что древние греки Александрии, хорошо размещавшиеся, чтобы быть осведомленными, переводили *бенноу* как *foinix* от *foinikes*, блестящий пурпуром, что больше соответствует фазану, *fasianos*, нежели чибису, который, каким бы хорошим ни был, не имеет ничего сверкающего в своем оперении. Но он равно является птицей *aex* Греков: именно о ней говорит Аристотель, и она являлась в древности, как почти все перелетные птицы, предметом наблюдения для авгуров.

Христианская Символика побудила войти чибиса в Волукрарий Христа лишь благодаря червеядному характеру, который он разделяет с цаплей, бекасом и другими голенастыми птицами, и который всегда содержится вместе с ролью борца против Духа зла и чистильщика земли, поскольку в христианской Символике Червь заключает в себе не только идею отвержения (посредством чего мы увидим дальше, что он сам был приближен к Искупителю, исходя из текста царя Давида (4), но и идею уничтожения в разложении.

Фигура I. – Маленькая плитка
камина древнего приорства
Святого Леже
из Монбрие (Montbrillais)
(Вьенн)

- (1) Cf. *AEgyptologie*, p. 170. (Согласно *Книге Мертвых*; *Livre des Morts*, ch. LXXXIII).
 (2) CHAMPOLLION LE JEUNE, *Precis du systeme hieroglyphique des anciens Egyptiens*, Pl. IV, № 1.
 (3) Cf. Jean CAPPART, in *Revue de l'Histoire des Religions* (Bibliographie), annee 1906, p. 38.
 (4) *Псалтирь, Псалом 21 (Вульгата – Псалом 21)*.

II. ЭМБЛЕМА СЫНОВНЕГО ПОЧТЕНИЯ И БЛАГОРАЗУМИЯ

Исключительное совпадение на грани христологического смысла в некоторых странах произошло благодаря христианским авторам между чибисом и аистом в значении эмблемы Доброты и, по-особенному на Востоке, символа Сыновнего почтения (1). *Армянский Бестиарий* Средневековья, переведенный ученым иезуитом Ш. Кайе, выражается об этом следующим образом:

«Эта птица называется чибисом. Когда ее птенцы видят состарившимися своих отца и мать и уже с помутненным зрением, они принимают выдерживать их старые перья, лизать их глаза, укрывать и обогрывать их своими крыльями. Они их сами кормят, приговаривая такие слова: «Как вы согревали нас, пока мы находились каждый в своем яйце, мы согреем вас в свою очередь теперь, когда наша помощь стала для вас необходимой». – Как наделенный разумом человек может пренебрегать своим отцом и своей матерью?» (2)

Средневековые искусства, конечно, изображали чибиса в своих декоративных аллегориях: я видел его рисунок на ткани конца XV-го столетия в значении определенной, но, к сожалению, слишком загадочной эмблемы. Подобно и на сделанной из чугуна фигурной плитке камина из церковного прихода приорства Святого Леже в Монбрие в диоцезе Пуатье (Фигура I). В дворянской геральдике, например, в говорящем гербе семейства Ваннеро (Vannegeau; от французского Vanneau, чибис – прим. пер.) «на красном поле щита изображен серебряный чибис» (3), и на гербе господина Ма-

Фигура II. – Чибис, приносящий счастье. Граффити на внешней стороне двери дома XVII-го века. В предместье Больших Погребов в Лудюне (Вьенн)

нажье, мэра Пуатье, «на лазоревом геральдическом поле золотые стропила, сопровождаемые тремя серебряными чибисами» (4).

Одинаково чибис рассматривался как одна из профанических эмблем осмотрительного Благоразумия, поскольку к нему лишь с трудом приближаются охотники, но пойманный в силки и хорошо угощенный он легко приручается. Эта поимка и домашнее сохранение чибиса некогда считались на Западе Франции привлекающими на дом счастье и предохраняющими от ворожбы. Эти простодушные поверья позволили мне увидеть скорее его образ, нежели образ бекаса, в профиле голенастой птицы, гравированной ножом, на камне узорчатого свода по соседству со мной, датируемого первой четвертью XVII-го столетия; кроме того, рисунок птицы не имеет султана, которым наделены только швейцарские чибисы (Фигура II).

(1) Cf. *Physiologus*.

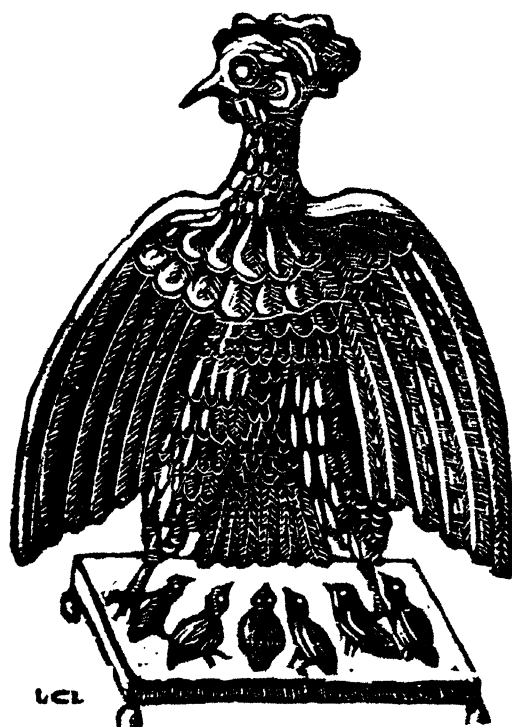
(2) Cf. CAHIER, *Bestiaire armenien*, in *Nouveaux Melanges archeologiques*, 1874, p. 123.

(3) Leon GILLES DE LA TOURETTE, *Notes manuscrites*.

(4) *Armorial des Maitres de Poitiers*. – R. PETIET, *Armorial poitevin*, p. 89.

ОДИННАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

ПАВЛИН

I. ЭМБЛЕМА СЛАВЫ И НЕТЛЕННОСТИ У ДРЕВНИХ

Вот как продвигается живое сияние. Разве первые из людей, кто повстречали подвижного павлина под огненным солнцем Индии, страны его происхождения, с глазчатым аметистовым, берилловым и изумрудным узором на оперении, не онемели от изумления перед раскрытием подобного великолепия? И разве наиболее естественная идея, которая могла бы представиться духу нарождающегося символизма, не должна была сделать из павлина эмблему славы?

Греки, столь влюбленные в красоту форм и цветов, желавшие овладеть в пользу своей страны всем тем, что в этой области превышало общую меру, полагали, что наиболее замечательные павлины рождались на острове Самосе, являвшемся страной зарождения этого вида (1). Вымышленный ими священный миф рассказывал, что волопас Аргус, несмотря на свою сотню глаз, половина из которых должна бодрствовать днем, а другая в течение ночи, целиком уснул во время стражи, облеченной на нее Герой, Юноной Латинян; воспользовавшись этим забвением, Гермес отрезал ему голову; тогда Гера взяла сотню глаз Аргуса и разместила их навсегда в украшении уже богато одетого павлина (2).

И вовсе не из-за этого действия Геры павлин оказался ей посвященным, но потому, что Греки рассматривали великолепие его оперения как эмблему небесного свода в течение безоблачных ночей, и звездное небо называлось в религиозной поэзии Эллады «Лицом Геры»! (3) Так павлин, взятый в качестве эмблемы божественной супруги Зевса, Царя богов, обрел тем самым разряд идеограммы небесного сияния, божественной славы.

И как эта красивая птица, облеченная такой эмблематической ролью на протяжении своей жизни, могла, после фатального часа, когда всякое живое существо должно покинуть сей мир, подвергнуться надругательствам тления? Боги не могли этого позволить, считали поэты, с завистью воспевавшие нетленность павлина; а греческие и латинские натуралисты повторяли за ними ту же самую легенду.

Римский мир полагал, что тело павлина, помещенное в определенные благоприятные условия среды, сохранялось само по себе, не утрачивая своей формы, и сделал из него эмблему Нетленности (4). Позднее во Франции в течение Средневековья наблюдалось еще применение крови павлина и его кровотокающего тела на беспокоящие язвы как действенное предохра-

няющее средство от гангрены, и до наших дней в наших деревнях еще утверждается, будто павлин, какую бы рану не получил сам, никогда не видно, чтобы ее рубцы воспалялись, производя какую бы то ни было су-кровицу.

Галлия узнала павлина благодаря морским эмпориумам, установленным Финикийцами и Греками на ее средиземноморском и атлантическом побережье, а затем через Римлян: коллекции нашей галло-романской археологии содержат многочисленные терракотовые и бронзовые статуэтки, изображающие павлина (Фигура I).

Итак, красота павлина напоминала в глазах Древних идею высшей славы и идею всех видов нетленности.

Павлин не являлся никак пренебрегаемым и древними народами Азии, особенно северной Индии, где леса его урывают его еще в диком состоянии (5). Он вошел задолго до нашей эры в мифологию этого региона, где его сделали верховным животным бога войны Картикейи (6), богини Сарасвати и бога Субранавара, второго сына Шивы и победителя Суры; этот павлин сражается со змеей и изображается держащим рептилию в своем клюве или попирающим ее своими ногами (7).

Библия говорит о павлине лишь тогда, когда сообщает, что царь Соломон доставлял павлинов из страны Фарсис, наравне с золотом, слоновой костью и обезьянами (8).

Фигура I. – Серый терракотовый павлин из галло-римских печей бассейна Алье. Музей Мулен (Moulins)

(1) Смотреть AULU-GELLE, *Noct, Attic*, L. XIII, XVI.

(2) Cf. Mario MEUNIER, *La Legende des Dieux et des Heros*, pp. 99-101.

(3) *Op. cit.*, p. 45.

(4) Смотреть dom P. GUERANGER, *Saint Cecile et la Societe romaine aux premiers siècles*, XIV, p. 332.

(5) Cf. J. TROUSSET, *Nouveaux Dictionnaire encyclopedique*, T. IV, p. 406.

(6) Cf. A. JAQUEMART, *L'Inde in Gazette des Beaux-Arts*, 1869, T. II, 2e partie, 169, p. 335.

(7) Cf. JOUVEAU-DUBREUIL, *Archeologie du Sud de l'Inde*, T. II, p. 47, fig. 11, Pl. XVII, XVIII, A.

(8) *Книга Царств*, Глава 10, стих 22.

II. ПАВЛИН В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Эта мифическая нетленность, во что некоторые верили еще в римском мире во время Святого Августина (1), вполне естественно заставила христианских символистов сделать из павлина эмблему бессмертия, к которой приходят через воскресение, и одинаково эмблему посмертного возрождения: разве не замечали натуралисты Аристотель (2) и Плиний (3), что павлин ежегодно с приближением зимы теряет красивые перья, чтобы вновь облачиться в них, когда наступает весна? Все, кто уже сделал из дерева с листвой, опадающей осенью и возобновляющейся весной, эмблему воскресения, применили тот же самый смысл к перьям павлина, исчезающим зимой и возвращающимся с новой листвой.

Вот почему те, кто изучал таинственные смыслы изображений христианского искусства Римских Катакомб, рассматривают павлина в качестве недвусмысленного символа воскресения (4); и Мартини, у которого я позаимствовал эту констатацию, подчеркивает, после доминиканца Мамахи (Mamachi), что хотя это мнение и опирается на авторитет Святых Отцов, оно, тем не менее, не имеет никакой допустимой причины для опровержения (5). На самом деле Святой Августин, напоминающий о веровании в нетленность павлина, подразумевает под ним просто эмблему бессмертия, что, впрочем, применяясь к цельному человеческому существу, телу и душе, скрыто содержит предварительную идею воскресения (6).

Наконец, отметим, как наблюдалось многими эрудитами, что в Катакомбах павлин часто сопровождает мотивы или сцены, являющиеся очень откровенными аллюзиями на догму воскресения и бессмертия: например, Ноев Ковчег или кораблекрушение Ионы, или воскрешение Лазаря и пр.

Средневековые наделяло павлина тождественными символическими смыслами: «Во всеобщее Воскресение, – считал Святой Антоний Падуанский, – в день, когда все деревья, то есть все святые, начнут снова покрываться зеленью, этот павлин – предстающий только нашим телом – избавившись от оперения смертности, воспримет перья бессмертия» (7).

Мы часто обнаруживаем образ павлина в живописном украшении литургических книг последних столетий первого христианского тысячелетия, например, на Евангелиарии из Мюнхенской Библиотеки (8), на старинном Миссале Галлов (*Missale Gallorum vetus*) из Ватикана (9) и т. д.

В ту же эпоху и на протяжении нескольких следующих столетий художники иногда изображали ангелов с крыльями, образованными из перьев павлина, дабы подчеркнуть, прежде всего, их характер бессмертных существ (10).

На знаменитых тканях из аббатства Шэз-Дьё (*Chaize-Dieu*), которые почти все конца Средневековья, павлин распускает хвост у ног Воскресшего Господа возле пантеры и льва, двух прямых эмблем, которые, тем не менее, здесь занимают только вторичные места: в данном случае павлин, символ воскресения, изображает непосредственно Христа, побеждающего Смерть.

- (1) Смотреть Святой Августин, *Град Господень*, Книга XXI, 4.
- (2) ARISTOTE, *Histoire des parties des Animaux*, L. X, 7.
- (3) PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, 22.
- (4) MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquites chretiennes*, p. 500, Ire col.
- (5) MAMACHI, *Antiq. Christ.*, T. III, p. 22.
- (6) Святой Августин, *Op. cit.*, XXI, 4.
- (7) Saint ANTOINE DE PADOUE, *Sermon pour la ferie*, 5e ap, la Trinite.
- (8) At. 6. 224. Смотреть D. H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, Fasc. 120-121, col. 1306.
- (9) *Pal. lat.* 493. *Ibid.*
- (10) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 132.

III. ПАВЛИН, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА

Наравне со всеми образами, примененными христианской символикой к идее воскресения, павлин связан с эмблематической фауной Христа, изображая Его как первого из воскресших и как начало всех предшествовавших или последующих воскресений по отношению к Его собственному, и утверждает тем самым католическую теологию. Это достаточное доказательство присутствия птицы на ткани из Шэз-Дьё.

Фигура II. – Юстиниан, увенчанный перьями павлина. Древняя статуя, возведенная в Константинополе.

Согласно рисунку от 1340 года. Смотреть Ch. DIENL, *Justinien*, p. 27

В других ситуациях, кажется, что павлин мог разумно изображать лишь Спасителя, особенно в сценах триумфа, ибо христианская символика не лишала его уникальной обязанности таинственного знака верховной славы: еще в VI-м столетии без какой-либо критики со стороны Церкви император Юстиниан мог совершенно свободно быть увенчанным перьями павлина на своих монетах и статуях (1), особенно после торжества его войск над Вандалами и Персами (Фигура II); но в области, предназначенной священному искусству, а конкретно в символическом украшении святых и алтарей в героические времена Веры, разве мог он выражать иную полную и державную славу, кроме славы Самого Христа? Прославления самых поразительных святых и удивительных мучеников

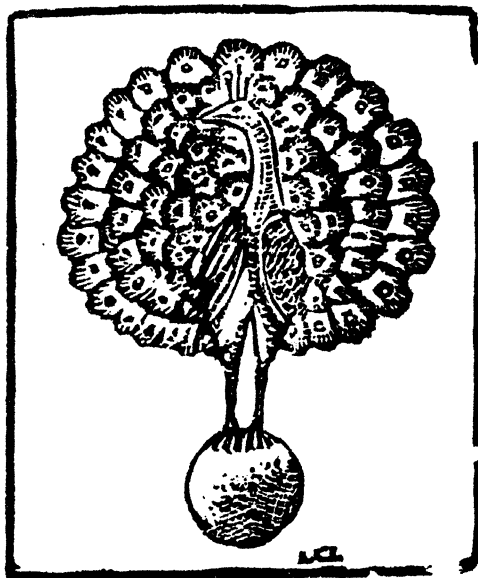
для него казались недостаточными: в римских катакомбах Прискиллы павлин, например, возвышается в двойной оболочке своего сияющего оперения и в лавровом венке, предназначенном для Императора и Триумфатора (Фигура III). В иной композиции он держит венок между своих лап (2).

На одной фреске тех же самых катакомб Прискиллы (3), как и на фресках катакомб Святой Агнессы и Святых Петра и Маркеллина (4), павлин стоит на земном шаре, распустив колесом свой хвост над своей головой (Фигура IV).

В желании лучше установить роль павлина в качестве эмблемы воскресения Мартиньи нам сообщает, что в этих картинах художник имел, очевидно, намерение выразить в земном шаре землю, которую покидает воскресшее тело, а в перьях — небо, на которое оно направляется (5). Но нет! Павлин, изображенный на выше-

Фигура III. – Прославленный Павлин.
Римские Катакомбы Прискиллы

Фигура IV. – Павлин, господствующий
над миром. Римские Катакомбы
Святой Прискиллы

указанных артефактах, никуда не взлетает; он пребывает в покое с распушенным колесом хвостом; он торжествует и держит шар под своими ногами, наподобие того, как его удерживает на монетах римских императоров, в особенности Марка Аврелия, римский Орел (Фигура V). В обоих случаях эмблематический смысл тождествен: идея славы и верховного господства; он применяется с той лишь разницей, что на имерских трофеях слава и всемирное верховенство являются лишь относительными для Кесарей, тогда как они абсолютны для Христа-Бога. Фигура Агнца Божия, водруженного над земным шаром, в точности выражает аналогичную идею, что и павлин Катакомб (6): под обеими формами это Христос, прославленный и торжествующий Господь, Тот,

Фигура V. –
Господствующий
римский орел

В другом месте, например, на римской эпитафии от 341 года, воспроизведенной Командором Росси, павлин, грудь которого украшена крестом, приносит усопшему лавровую ветвь, символ вечного торжества и заслуженной славы (Фигура VII) (9). «Этот павлин, – вопрошает эрудит В. Давен, – не является ли воскресшим и прославленным Христом?» (10)

Должно признать Христа в павлине, сопровождающем или несущем своих птенцов на одной из христианских ламп Карфагена, опубликованной патером Делаттром, или даже когда эта птица помещена на верхушке крестового дерева, наподобие пеликана, которого художники Средневековья по всей Европе располагали сверху Распятого, как эмблематический образ Его Личности, что мы увидим дальше. Одинаково мы обнаруживаем павлина в навершии бронзового креста, най-

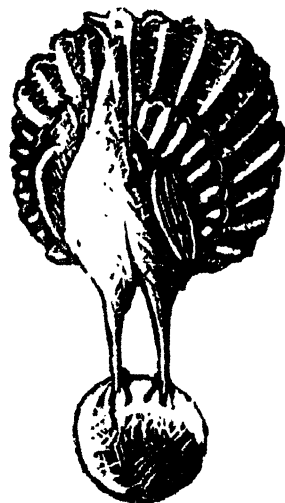

Фигура VII. – Павлин,
выгравированный на
эпитафии от 341 года.
Согласно Rossi

Коего “*Te Deum*” Святого Амвросия восхваляет следующим образом: “*Tu Rex Gloriam, Christe*”.

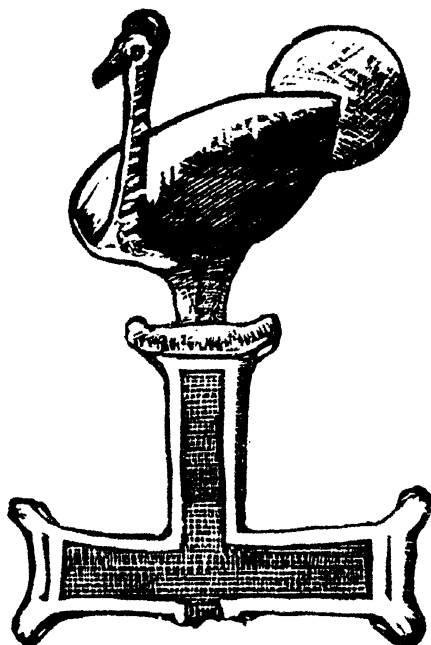
Бронзовый павлин, стоящий на шаре и датированный немногим ранее Мерovingской эпохи, был открыт в Нанте в конце XIX-го столетия и составил часть коллекции Ф. Паранто (Фигура VI) (7).

Позже Средневековье продолжило изображать в иконографии Христа, господствующего над землей, посредством павлина, стоящего на шаре: его мы видим вышитым на ризе XIII-го века, приписываемой Святому Доминику и происходящей из Тулузы (8).

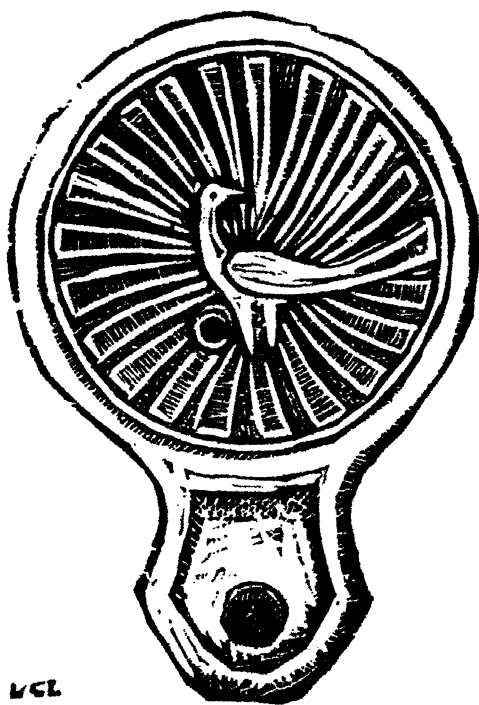
Фигура VI. –
Господствующий Павлин.
Галло-римская бронза,
происходящая из Нанта.
Коллекция Ф. Паранто

у графа Фр. де Рилли (Фигура VIII). Этот предмет происходит, конечно, от лампы IV-го столетия очень известного типа. Впрочем, павлин появляется на многочисленных лампах той же самой эпохи: я привожу здесь одну из самых красивых, что я знал; по происхождению она из Пуату и находится в коллекции Общества Антикваров Запада в Пуатье (Фигура IX) (11). Этот павлин, наполняющий собой раковину вышеназванной лампы,

LCI

Фигура VIII. – Стоящий на кресте большой лампы бронзовый павлин, IV-е столетие. Коллекция господина графа Ф. де Рилли

LCI

Фигура IX. – Римская лампа, происходящая из Пуатье. Музей Антикваров Запада

воскрешает в памяти то, что под церковью Святого Севастьяна на Аппиевой дороге в Риме находится в погребальном помещении одна из самых красивых христианских могил III-го века, и над ней мы видим в широкой раковине великолепного и распутившего хвост павлина (12).

Наконец, припомним, что Древние полагали, будто крик павлина обращает в бегство змей (13). Крестьяне Запада Франции говорят о том же, добавляя, что яд гадюки не действует на павлина, который старается ее убить, когда находит змею уснувшей: первый удар крепкого павлиньего клюва по голове рептилии ее оглушает; второй – ее убивает; тотчас птица кладет лапу на шею своего врага и дальше только кромсает его.

Этот характер победоносного недруга змеи для Средневековья оказался достаточным, чтобы подтвердить вхождение павлина в эмблематический Волукрарий Господа.

(1) Смотреть Ch. DIEHL, *Justinien*.

(2) Cf. Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archeologie chretienne*, T. I, p. 167.

- (3) Cf. Dom P. GUERANGER, *Sainte Cecile et la Societe romaine aux deux premiers siècles*, p. 322.
- (4) Cf. MARTIGNY, *Op. cit.*
- (5) MARTIGNY, *Ibid.*
- (6) Смотреть выше: Глава XX, *Агнец*.
- (7) Смотреть Fort. PARENTEAU, *Inventaire archeologique*, 1878, Pl. 19, № 1, p. 41.
- (8) Смотреть воспроизведение этой вышивки у L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chretienne*, p. 333.
- (9) Cf. DE ROSSI, *Iscriptions chretiennes*, T. I, p. 514.
- (10) Ch. V. DAVIN, *Les Antiquites chretiennes rapportees a la Capella Greca du cimetiere apostolique de Priscille*, p. 313.
- (11) Musee des Grandes-Ecoles.
- (12) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, Fasc. 76-77, col. 2046.
- (13) Cf. Saint AUGUSTIN, *La Cite de Dieu*, L. III, C. IV.

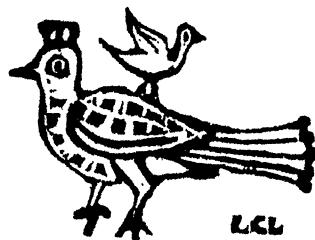
IV. ПАВЛИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ПРОВОДНИКА И ПАСТЫРЯ ДУШ В ВЕЧНО БЛАЖЕННУЮ ЖИЗНЬ

Наравне с орлом, грифоном, пантерой, фениксом, ибисом и другими психагогами, павлин у язычников Греции и Рима являлся одним из животных, которым приписывалось преимущество доставлять к богам для блаженного предназначения бессмертные души.

Считалось, что в торжественном великолепии апофеоза римских императоров душа мировых самодержцев возносилась к богам благодаря плененному орлу, которого выпускали с вершины костра, где их тела или его чучело спешили сделаться добычей пламени; но когда речь шла об императрице, то вовсе не орел уже уносил в небо обожествленную душу, но павлин; для императоров полагался орел Юпитера, для императриц – павлин его жены Юноны.

Эти апофеозы самодержцев и самодержиц праздновались в Риме в ту же эпоху, когда христиане обитали в своих подземных святилищах, украшая их образом павлина; вероятно ли, чтобы их умы никогда не сближали эту птицу, отбравшуюся ими на могилах их прославленных небом мучеников, с павлином, который в своем взлете, ужаснувшись пламени, исполнял иллюзорную роль восхищения на небо душ самодержцев; да, роль иллюзорная, но становившаяся действенной в том случае, если обе души, как раба, так и Кесаря Августа, были бы достойны другого мистического павлина – умершего за всех Иисуса Христа.

Одна римско-христианская лампа, опубликованная *Христианским Искусством* (1) и воспроизведенная Домом Леклерком (2), украшалась изображением символического Павлина,

Фигура X. – Павлин и его птенец, декор христианской лампы III-го столетия.

Смотреть Dom LECLERCQ, *Op. cit.*

несущего на своей спине одного из своих птенцов; четверо других бегают вокруг лампы: это аллегорический образ Христа, поддерживающего душу до окончательного завершения, когда она укрепится для вечности (Фигура X).

(1) *Revue de l'Art chretien*, annee 1891, T. II, p. 46, № 118.

(2) Смотреть Dom A. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*. Fasc. 84, col. 1137, fig. 6636.

V. ПАВЛИН И ЕВХАРИСТИЯ

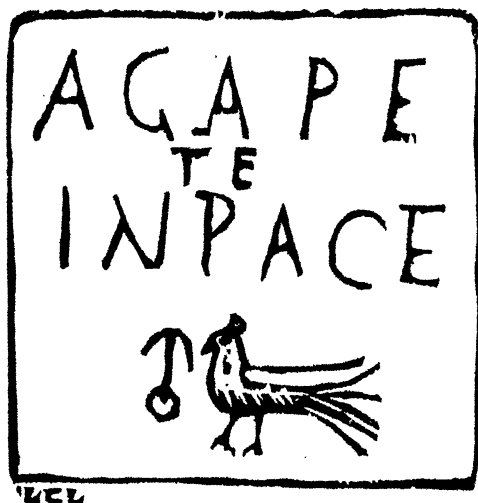
Многочисленные произведения искусства первых столетий нам показывают павлина или двух павлинов, пьющих из евхаристического сосуда или спешащих к нему (Фигура XI). Что сказать на сей счет? Разве что в этом случае павлин облечен двойным характером своей эмблемы нетленности и бессмертия, и если не выражает здесь собой верного христианина, то, по крайней мере, указывает на обретенный в евхаристическом вкушении Тела и Крови Спасителя, содержащихся в священном сосуде, фермент нетленности и устойчивости в безграничном блаженстве. Или, если угодно, это формула из христианских иероглифов Евхаристии Христа, обеспечивающего верного силой противостоять тлению и залогом бессмертного и блаженного существования по ту сторону могилы (1). Не того ли определенно желает и священник, когда причащая, влагает ему в уста освященную гостию: «Вот тело Нашего Господа Иисуса Христа, сохраняющее твою душу для вечной жизни. Да будет так» – *“Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam. Amen”*? (2)

И это чаяние священника основано на обетовании священного текста: *“Qui manducat meat carnem, et bibit meum sanguinem, habet vitam aeternam, et ego resuscitabo eum in novissimo die”* – «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (3).

В Риме на христианской скульптуре первых столетий мы видим двух павлинов, сидящих на канфаре, который содержит не освященное вино, но евхаристический виноград (Фигура XI) (4). Здесь всег-

Фигура XI. – Христианская скульптура из древнего Рима. Согласно PERRET, *Catacombes de Rome*, T. V, pl. LVII; KIRSCH., *Dictionnaire d'Archeologie chretienne et de Liturgie*, T. I, v. 2, col. 2015

Фигура XII. – Погребальная надпись катакомб Домитиллы в Риме, III-е столетие

Иногда также павлин был непосредственным и безусловным образом христианской души. Пример тому на римской эпитафии Агапита, где павлин изображается перед якорем, являвшимся одновременно символом Христа и Уповаания у первых христиан (Фигура XIII) (7).

То же самое значение на мистических печатях Средневековья, где мы видим двух павлинов, клюющих плоды от Древа жизни, например, на великолепной печати приора де Сент-Уан-де-Га (Saint-Ouen-des-Gats) близ Марёйля (Mareuil) (Вандея), происходящей с XIII-го века (Фигура XIII) (8).

И на капители из Сиврэ (Civray) XII-го столетия павлины клюют плоды, которые, весьма вероятно, вызывают в памяти идею Евхаристии, часто называемой «Плодом Жизни».

Вспомним также, что некоторые Древние приписывали плоти нетленной птицы преимущество обеспечивать человека путем потребления ее в пищу неким видом невосприимчивости по отношению к определенным заразным

да тождественное символическое значение: павлины, вкушающие от чаши, от кивория «являются символами устремления к вечной жизни» (5), высшим чаением христианина.

Средневековье сохранило эмблему павлина и евхаристического сосуда. Здесь можно привести в качестве прекрасного артефакта той эпохи скульптуру из древнего бенедиктинского аббатства Нуайе (Nouaille) в диоцезе Пуатье, относящуюся к X-му столетию: на ней запечатлен павлин, пьющий из вазы, расположенной справа (6).

Фигура XIII. – Бронзовая печать XIII-го столетия приоров Сент-Уан-де-Га (Вандея). Музей Великих Школ. Общество Антикваров Запада в Пуатье

заболеваниям. Возможно, что идея этого рода скрывается под загадочным видом гриллуса или гравированного гностического камня, происходящего из Тура, увеличенной картинкой которого пожелала меня снабдить мадмуазель Альетт де Мондион (Фигура XIV). Известно, насколько странными и непроницаемыми являлись составные символы гностиков.

Фигура XIV. – Павлин на гностическом камне, происходящем из Тура. Римская эпоха

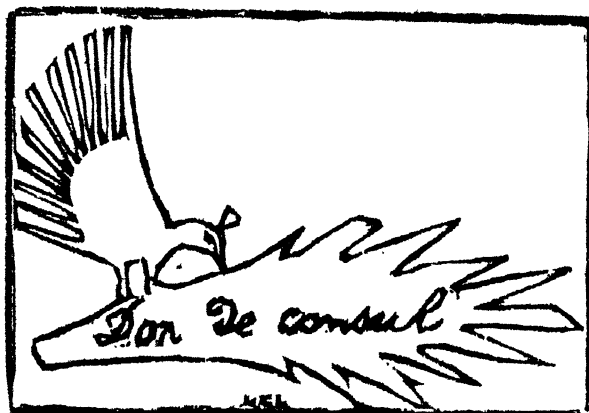
- (1) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. II, p. 168.
- (2) *Liturgie romaine. Rituel de la Messe* (Римская Литургия. Ритуал Мессы).
- (3) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 6, стих 54.
- (4) Cf. KIRSCH, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne et de Liturgie*, T. I, vol. II, col. 2015.
- (5) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. LXXV, col. 1. 800.
- (6) Смотреть *Bulletin de la Societe des Antiquaires de l'Ouest*, annee 1894, 4 livr., p. 505.
- (7) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. IV, vol. II, col. 1437.
- (8) Cf. L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Sceaux de Moines et de Pretres du Bas-Poitou au Moyen-Age*, p. 9, Pl. I, № V. Матрица этой печати находится в Музее Великих Школ в Пуатье (Общество Антикваров Запада).

VI. ДРУГИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОМ ПАВЛИНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Столь соблазнительной является красота павлина, которого символисты перегрузили многими смыслами с идеями великолепия, торжествующей Славы, Нетленности, Воскресения и Бессмертия, добавив сюда еще по-особому почетную роль существа, представляющего иногда как бы один из атрибутов Правосудия, которое никогда не должна «извращаться» по соображениям определенных лиц или целесообразности. В Средневековье изображения Правосудия иногда сопровождаются образом павлина: тогда это означает, «что оно вечно и неизменно как Сам Бог» (1).

Впрочем, божественное Правосудие изображалось как павлин Катакомб, стоящий «двумя ногами на земном шаре, над которым он господствует, поскольку он – властелин мира» (2).

Другая символическая концепция, исходящая из того, о чем мы говорили, состоит в созерцании в павлине эмблемы *Праведника*, архетипом которого является Христос. Мартиньи, опираясь на Святого Августина, выражается следующим образом: «В христианских принципах павлин есть символ со-

Фигура XV. – Народный образ, происходящий из Маньяк-Лавалья (Лимузен)

вершенного человека, праведного и святого, незапятнанного никаким пороком, ведь, по мнению Древних, плоть павлина нетленна (3). Наподобие павлина, праведный человек светится разнообразным блеском не перьями, но добродетелями; и поскольку эта птица своим пением изгоняет змей, постольку и человек обращает в бегство демона своей молитвой» (4).

Это согласуется с самой идеей, что между флабелл

или больших вееров, которые носят перед папами на парадных церемониях, отдельные делались из перьев павлина (5), дабы напоминать Викариям Христа, что они должны быть, по Его примеру, наиболее праведными и наиболее нетленными из людей.

Другие, по причине характера его эмблемы Правосудия и Праведника, сделали из павлина символ доброго *Советника*, указующего словом и примером путь спасения и средства достижения конечной цели, которая должна быть целью всякого человека, приходящего в мир, но ее достигают лишь одни праведники. Я имею перед глазами старинный простодушный благочестивый рисунок, происходящий из Маньяк-Лавалья (Magnac-Laval) в Лимузене: на белой разрезанной бумаге изображен силуэт в жанре, в котором в изобилии исполнялись картинки в женских монастырях, особенно XVIII-го столетия; рисунок представляет собой павлина, держащего клювом и ногами широкий пальмовый лист с написанными на нем словами: *Дар Совета* (Фигура XV).

Значит, представленный как символический образ «доброго советника» и «Дара совета», павлин непосредственно связан с эмблематикой Святого Духа.

Наконец, с эпохи Катакомб павлин просто символизировал период Весны, поскольку это время, когда обретает вновь перья своего несравненного хвостового убранства. Мартиньи совершенно справедливо приводит по этому поводу павлина, изображенного на одном из концов богатого мраморного саркофага Юния Басса (Junius Bassus) (6) в Риме; и как хронологическое продолжение этого символизма – древний христианский календарь, опубликованный Ламбецием, где павлин олицетворяет месяц май (7).

Перед моими глазами рукописное замечание покойного эрудита Ж. Паллю дю Беллэ: он сообщает по существу, что белый павлин, который не что иное, как случай альбинизма, пользовался во Франции во времена Ренес-

санса исключительным почтением: когда он неожиданно появлялся на свет в каком-нибудь доме, то рассматривался в качестве залога блаженства и в этой, и в будущей жизни, а Небесам воздавалась хвала за подобное рождение. Следовательно, здесь речь не велась о павлинах, полученных от союза белого отца с белой павой, поскольку их рождение зависело от желаемого человеком сопоставления.

Подобным же образом белые ласточки, дрозды и вороны всегда являлись предметом суеверных воззрений...

(1) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 222.

(2) *Ibid.*, p. 223.

(3) Saint AUGUSTIN, *Gloss. in C. II, Reg.*

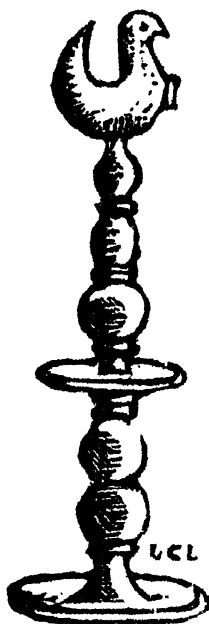
(4) Cf. Saint AUGUSTIN, *De Civitate Dei*, Lib. III, c. IV.

(5) Ap. MARTIGNY, *Dictionnaire d'Antiquites chretiennes*, p. 276.

(6) Cf. BOTTARI, T. I, p. 1.

(7) MARTIGNY, *Op. cit.*, p. 501.

VII. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПАВЛИН, РАССМАТРИВАЕМЫЙ В СВОИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ

Сколь бы совершенной ни была, всякая медаль обладает своим реверсом: славное символическое достояние павлина несет в себе и свою противоположность, ведь христианская эмблематика заставляет его изображать одно из обликов демона Гордыни, той исключительно презренной гордыни, которая основывается только на одном владении преходящим богатством или тщеславной красотой тела; это напоминает об объединении в человеческом духе двух жалких подруг: тщеславия и лживости суждения.

Учителя Ислама вообразили относительно павлина и тщеславия весьма занятный вымысел, послуживший к чести прекрасной птицы: Аллах, как они считали, образовал дух Магомета от одной очень чистой жемчужины, которой он придал для наиболее полного великолепия форму павлина, положив ее перед зеркалом. Духовная птица возгордилась поначалу от неслыханного богатства своего убранства, но видя в то же самое время, что она «благородная сущность великого Бога», она тотчас уразумела свое собственное ничтожество (1).

Фигура XVI. — Царь-Павлин Езидов.
Согласно Ж. Менану

Определенные авторы полагают, что «у Езидов, поклонников дьявола, о которых упоминают арабские авторы с XI-го столетия, павлин является символом, под которым демон заставляет себя почитать» (2). Здесь заключается некое заблуждение: образ символического павлина, кочующий у Езидов из села в село (Фигура XVI) не является дьявольским идолом. Ученый Жан Менан в своем произведении об этой нации, которую он хорошо знает, говорит следующим образом: «Мелек-Таус, то есть Царь-Павлин у Езидов Курдистана, не несет в себе имя божества; кроме того, это никак не имя гения Добра или Зла; это Сенжак, знамя, содержащее священный характер» (3).

Видно, что реверс символической медали павлина не вполне выразительно обвиняем со своей отрицательной стороны, тогда как богатство его аверса мощно повышает славу и верховенство Христа, Царя мира, и великолепно воспевают самые возвышенные упования, которых жаждет человеческая душа.

(1) Cf. ECHIALLE-MUFTI, *Religion ou Theologie des Turcs*, T. I, p. 2.

(2) B. SIENNE, *Une excursion a Bagdad in La Croix*, grande edition, 7 mai 1925.

(3) J. MENANT, *Les Yesidis* (Bibliothèque du Musée Guimet).

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ

ПЕТУХ ВАСИЛИСК

І. ПЕТУХ У ДРЕВНИХ

После птиц для охоты — соколов, кречетов и других, являющихся наиболее благородными, идет непосредственно петух, высокомерие которого, смелость и бдительность стали общеизвестными качествами, заставляя его брать как эмблему или как знак очень различными человеческими сообществами.

Эту птицу мы обнаруживаем раньше VI-го века до нашей эры в искусствах наиболее великолепных античных цивилизаций, на греческих монетах, например, из Ликии, где три протомея (головы в украшении) петуха соединяются в три-скелион (1), а также на различных монетарных изделиях Имерии (Фигура I), на очень древней Киринейской керамике (2) и на керамике с острова Тасос (Фигура II) (3), в нашей галльской протоисторической археологии и в древнейших искусствах Вавилонии, Индии и Дальнего Востока.

Фигура I. – Петух на драхме из Имерии

Фигура II. – Петух на штемпелеванном знаке греческой амфоры из Тасоса. Согласно *Rev. archeolog.*, 2e serie, T. III (1861), p. 265

У Греков, а затем у Латинян белый петух посвящался сначала Зевсу-Юпитеру; вот почему Пифагор запрещал своим ученикам его потребление в пищу; и Диоген Лаэртский добавлял, со своей стороны, что белый петух является тем самым эмблемой всего доброго, достойного и очень ценного (4). Также белый петух был птицей Гелиоса-Аполлона: его изображения иногда мы видим у подножия последнего, либо бог несет его в своей руке, о чем вспомнил Рабле в Пантагрюэле, когда сообщил, говоря о статуе этого бога: «Феб держит в своей правой золотой руке белого петуха...» (5)

Было естественным сближать с богом дня птицу, которая раньше всех других желает зари и призывает ее своими повторяющимися криками: соловей предстает поэтом ночей, любовно

LEL

Фигура III. – Нисходящий на петуха божественный импульс. В соответствии с греческой монетой

воспевающим их таинственную и спокойную красоту; петух – пророк дня, возвещающий даже посреди самой плотной ночи верное пришествие солнечного света.

Глас петуха, утренняя вспышка жизни над еще сумрачным миром, первый крик объявления войны инерции, побудил взять эту птицу в качестве эмблемы Бдительности; вот почему греческий миф рассказывает о том, как воина Алектриона из-за недостатка у него внимания в течение стражи, на которую его обязали Арес и Афродита, бог битв обратил в петуха, дабы он мог стать более бдительным.

Одинаково петух был связан с культом Гермеса-Меркурия, бога торговли, поскольку всякий

коммерческий успех по-особому предстает делом бдительность, и еще потому, что, согласно Халдеям, древние мудрецы считали, будто петух, начиная с рассвета, получал божественный импульс от планеты Меркурий, достигавший только его; отсюда следует, что алхимики «его брали за символ естественного тепла, связанного с Меркурием, которое ему сообщается от сумеречного пика утренней зари» (6).

Греческая монета сокровища Вурли (Vourla) VI-го столетия до Рождества Христова нам показывает петуха, на которого нисходит божественный импульс, убегающий от астрального знака, родственного солнечным спиральям, к знаку буквы S или перевернутой S и в своих производных часто изображавшихся в эмблематике Древнего Мира (Фигура III) (7). Сопоставления Меркурия и петуха объясняют очень интересный античный алтарь из Флёрё (Fleuriot) (Рона), посвященный Меркурию и Росмерте, находящийся в музее Гиме в Париже (Фигура IV) (8).

Другие Древние говорят, что петух был одним из атрибутов бога-кузнеца Вулкана, но продолжим... (9)

Каждый знает, с другой стороны, что петух являлся птицей Эскулапа и его храма в Эпидавре. По существу слов господина Озея возможно, что петух посвящался богу Медицины, поскольку этой птицы приписывалась власть над болез-

Фигура IV. – Петух на гальском алтаре из Флёрё (Рона), находящийся сегодня в Музее Гиме в Париже

Фигура V. – Гальская монета
из Лима (увеличенная).
Согласно Hucher

нетворными влияниями, ибо первоначальная медицина, в особенности восточная медицина, обладала характером суеверного и магического заклинания (10).

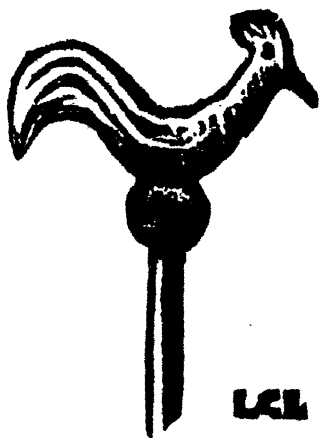
В изображениях Эскулапа петух, птица света и жизни, обыкновенно противопоставляется змее, скрытной и немой рептилии, несущей собой свой смертельный яд в мрачную ночь земли. Одна выражает болезнь с последующей смертью; другой – исцеление, сохраняющее жизнь. Именно так лицом к лицу мы их видим на гербе Медицинского факультета Лионского университета.

Греки сделали также из петуха эмблему воинской смелости, вспомнив, что Фемистокл перед тем, как дать сражение Персам, торжественно

обратился к своим воинам, приведя в пример петухов; в память чего Афины установили ежегодный праздник, заключающийся в проведении петушиных боев. Избранный Фемистоклом пример, впрочем, оставался в полном соответствии с обстоятельством, ибо Древние полагали, что раса петухов зародилась под солнцем Ирана, обозначая этих пернатых под именем «персидских птиц». «Его имя Медей, – говорит Аристофан, – он правил, повелевая Персам, перед Дарием и Мегабизом; одинаково его называют Птицей Персии в воспоминание об этом древнем верховенстве» (11).

Ассирийский Марс Нергал равно олицетворялся боевым петухом (12). Он являлся богом Кото, «Великим Героем, господином Сражений, ужасная голова которого высокомерно водружается на тело льва» (13). Нергал также в иератическом смысле изображался «большой дубиной, завершавшейся кубической головой: символ Шукамуны, тождественного Нергалу бога преисподней» (14). Мы увидим дальше, что Элифас Леви его морфологически уподобляет Василиску.

В Галлии как воинские идеи бдительности, достоинства, смелости, так и значения правоты, верности и плодотворности одинаково связывались с петухом, и его образ их символизировал; петуха мы видим на монетах (Фигура V) (15), а галло-римские усыпальницы скрывали в себе драгоценные украшения, его изображавшие, к примеру, в Лиллебонне и в Катильоне (Нижняя Сена) (Фигура VI) (16). Более значимый артефакт – барельеф из Страсбурга представляет собой инсигнию, которую держит галльский сигнефер (младший офицер), завершающуюся эмблематическим петухом (Фигура VII). Тем не менее, петух не являлся, о чем неоднократно повторялось,

Фигура VI. – Галло-римское украшение из посеребренной бронзы, происходящее из Лиллебонна (Нижняя Сена). Смотреть Abbe Cochet, *Rev. archeolog.* 2e serie, T.

главной эмблемой галльской нации; например, кабан встречается намного чаще в иератическом искусстве Галлии.

Та же самая концепция присутствует у древних Скандинавов, и Тегнер повторял ее, когда писал: «... петух испускает свой крик в Валгаллу, окровавленный петух, которого бросают на землю, и в царство Хель призыв к войне...» (17). Именно он – красный петух, Фьялар, глас которого «возвещает Рагнарёк, то есть конец света, сумерки богов» (18).

По всей старинной языческой Европе человек рассматривает богов как мятущихся актеров, приводящих в движение по воле своих таинственных замыслов земные вещи, независимые от своего собственного действия универсальные силы и порядок грядущих событий, который ему не известен; тогда он пытается охватить повсюду отблеск этих божественных замыслов: в феноменах небесной безмерности и в проявлениях жизни растений и животных. Он наблюдает этих последних в тональности их голосов, в их привычках, в разнообразии их действий, в их играх, в их страданиях и, становясь их палачом, же-

стоко вскрывает их живые тела, чтобы внимательно изучить дергающиеся сокращения их внутренностей, излияние их крови и последние толчки их сердец.

Петух, в особенности возвышенный судьбой белый и девственный петух, был одной из птиц, обладавших скорбной честью видеть человека и искать тем самым тайно от его плоти божественные намерения и предзнаменования будущих успехов или несчастий.

Вторя старинным авторам, Рабле напоминает, что благодаря «прорицающему петуху» император Проб узнал заранее имя своего преемника Феодосия (19). Этот способ гадания по забиваемому или иначе по вопрошаемому петуху назывался *алектриомантией*.

Вчера и, быть может, еще сегодня на Западе Пуату и на юге Нантской провинции, прежде чем обустроить для проживания новый дом, женщина должна зарезать в камине черную курицу и окропить ее кровью преддверие. Без этого жертвоприношения смерть очень быстро может прийти и забрать кого-нибудь из будущих жильцов (20). Часто черный петух заменяет собой черную курицу.

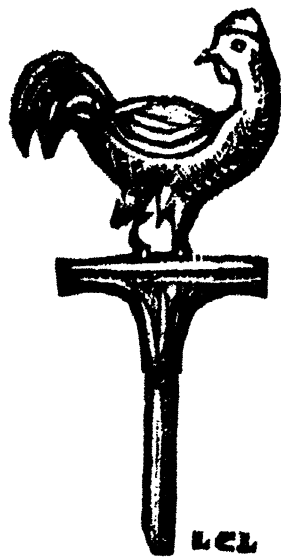
Древние искали также в груди боевого петуха чудесный камень, *алекторианский Камень*, составлявший в их глазах драгоценный талисман, порождающий дух решительности, отваги и крепости. Некоторые из них даже

утверждали, что несравненный атлет Милон Кротонский, убивший, как считалось, одним ударом кулака тельца, был обязан алекторианскому камню своей удивительной силой (21). Благой архиепископ Ренна Марбод, умерший в 1123 году, написал, рассказывая о камне «аллектере»: *“Nam Milo Crotonios pugiles hoc preside vicit”*; и добавляет, что аллектер «дарует пылкость оратору и делает мужа всегда верным своей жене» (22). Это доказывает, что нельзя ничему удивляться.

Зоб кастрированного петуха должен был содержать, но реже, одинаково чудесный и очень взыскуемый камень, обладание которым обеспечивало человека мудростью и проницательностью. Во Франции в Средневековье его называли «Камнем Каплуна» или «Шапоннетом». Опись драгоценностей герцога де Берри (de Berry), дяди Карла VI, составленная в 1416 году, упоминает среди дорогих украшений: «Камень Каплуна в белых и красных пятнах в оправе на золотом кольце; извлеченный *iiij* турнирных книг» (23).

Старые народы вне континентальной Европы сохраняли в своих преданиях особенности, которые показывают, что суеверные воззрения, относящиеся к петуху, были универсальными: разве не писал Блез де Вержессер, что если Бретонцы из Великобритании отказывались есть мясо петуха и все из его рода, то это происходило «благодаря почтению, которое в их идолопоклонстве они воздавали скрытым причинам в преклонении перед Солнцем, являющимся автором порождения и жизни. Ибо, как говорит Прокл, нет ничего здесь внизу более солнечного, чем петух, который, повинувшись естественному инстинкту, двигается и сообразуется со всеми солнечными обращениями, если даже лев, предстающий на небе экзальтацией Солнца, уступает на земле петуху, ощущая себя ниже в этом отношении» (24).

На Антильских островах, островах Ветра, еще и сегодня совершается жертвоприношение черных петухов, чтобы те захотели благоприятно повлиять на судьбу. Колдовство практикуется следующим образом: заинтересованное лицо берет три маленьких камня, нанизывает их в ожерелье, одевает затем его на шею, чтобы оно касалось кожи, и приносит в жертву петуха. Потом зажигает три свечи, снимает свое ожерелье, произносит несколько раз «Отче наш» над камнями и, рассматривая средний камень, представляющий судьбу, заклинает его сделать судебное решение в свою пользу (25).

Фигура VII. –
Скульптурная галльская
инсигния на барельефе
из Страсбурга

В религиозных идеях античной Азии, которые почти все еще сохраняются, мы находим петуха, освященного в качестве солнечной эмблемы. Его утренняя песнь, по словам старинного текста, помогает даже заре рассеивать ночную тьму, более или менее сопротивляющуюся, исходя из состояния атмосферы. С другой стороны, античная песнь Аннама уподобляет солнечный характер петуха солнечному характеру феникса, священной и святой птицы стран Дальнего Востока, приписывая обоим пернатым общие добродетели (26). В Китае петух рассматривался как приносящий счастье, поскольку его имя Кі произносится одинаково с именем счастья Кі. Петуха побуждали вмешиваться и в похоронные действия в качестве покровительствующего над усопшим и его семьей (27). Мы увидим, что в той же стране с петухом связывают и много других особенностей.

-
- (1) I Cf. G. H. HILL, *Coins of Lycia and Pisidia*, Pl. VII; S. REINACH, in *Revue archeologique*, IIIe serie, T. XL (190) p. 384.
 - (2) *Музей Лувра* E. 667.
 - (3) Cf. *Revue archeologique*, 2e serie, T. III (1861), p. 264, pl. X, № 34.
 - (4) Cf. Diogene DE LAERTE, *Vie de Pythagore*.
 - (5) RABELAIS, *Pantagruel*, L. V, ch. XLII.
 - (6) *Bibliothèque des Philosophes alchimiques*, T. IV, p. 575.
 - (7) Согласно *Revue numismatique*, année 1911, p. 60, pl. I, № 2.
 - (8) Смотреть RENEL, *Les Religions de la Gaule avant le Christianisme*, p. 308, fig. 36.
 - (9) Смотреть S. REINACH in *Revue de l'Histoire des Religions*, T. LXVII, 1913, p. 71.
 - (10) Cf. HEUZEY, in *Bulletin de l'Académie des Inscriptions*, séance du 2 avril 1890).
 - (11) ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*, VI.
 - (12) Cf. HEUZEY, *Op. et loc. cit.*
 - (13) G. R. TABOUIIS, *Nabuchodonosor*, p. 263.
 - (14) PEZARD et POTTIER, *Catalogue des Antiquités de la Suziane, au Musée du Louvre*, p. 50.
 - (15) Смотреть HUCHER, *L'Art gaulois*, p. 44, fig. 61.
 - (16) Abbe COCHET, *Revue archeologique*, IIe serie, XXIX, 1875, p. 143.
 - (17) Esaias TEGNER, *Frithiof*, XI.
 - (18) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, I, p. 44.
 - (19) Cf. RABELAIS, *Pantagruel*, L. III, ch. XXV, edit. de 1732, T. III, p. 167.
 - (20) Cf. Jehan DE LA CHESNAIE, *Le Vieux Bocage qui s'en va*, p. 113.
 - (21) Cf. COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, p. 154.
 - (22) MARBODE, *Poemes. – Le Lapidaire*, III (*De Allectorio*).
 - (23) Cf. Leon DE LABORDE (*Glossaire française du Moyen-Age*, p. 441).
 - (24) Cf. *Atlantis*. T. IV, 1933, № 47, p. 134.
 - (25) Cf. J. PERRIGAULT, *L'Aventure aux Iles du Vent*, in *Matin*, 21 juillet 1933.
 - (26) Смотреть G. DUMOUTIER, *Les Symboles, les Emblemes et les Accessoires du Culte chez Annamites*, p.12.
 - (27) Cf. DORE, S. J., *Recherches sur Superstitions en Chine*, Ire Part., T. I, p. 54.

II. ПЕТУХ В НАИБОЛЕЕ ДРЕВНЕМ ХРИСТИАНСКОМ СИМВОЛИЗМЕ

Фигура VIII. – Галло-римская терракотовая лампа, найденная в Ардене (До-Севр). Согласно эскизу господина Жана де Фонтэна

ними поет и бьет своими крыльями петух, и другой петух виден у их ног (4). Пришествие Иисуса на землю в духовном смысле означает то же, что и в физическом – утренний восход солнца, изгоняющего ночь и возвещаемого пением петухов.

Гностики часто изображали, гравирова на драгоценных камнях, к которым они питали страсти, фигуру IAO (ЙАО), имени, обозначающего Бога, Предвечного Евреев (5). Они представляли его с петушиной головой, держащего в руках бич, как некоторые египетские божества, и щит, носивший иногда его имя. Две змеи ему давались вместо ног, и эти рептилии обладали иногда также петушиными головами (Фигура IX) (6): петух является птицей света, а змея хтоническим существом; разве не желал вышеприве-

Характер птицы света всецело сохранялся за петухом на протяжении первого христианского тысячелетия. В предшествующие времена Египтяне иногда придавали его форму своим терракотовым и бронзовым лампам (1); и позднее языческие и христианские гончары и литейщики Греции и Рима аналогично использовали ее для христианских ламп первых столетий, где часто петух появляется, сопровождая собой крест (2) или направляя лодку в спокойный и верный порт, или даже неся на себе пальмовую ветвь триумфатора (Фигура VIII) (3). В нескольких из этих случаев можно признать в птице эмблему Спасителя – провозвестника избавительного дня, совершенно тождественного данному символизму, о чем с избытком свидетельствует христианская литература того времени. Сему соответствует терракотовая лампадка первых христианских столетий, изображающая Приснодеву Марию, представляющую некоей расположенной перед ней личности своего новорожденного Сына. Сверху над

Фигура IX. – Тайнственный Петух гностических еретиков на гравированном камне. Cf. *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 3784

денный иероглиф выразить этим, что Iao есть Господь Света, Тьмы и всего населяющего день и темень на земле и под землей?

- (1) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 2901, fig. 3. 300.
- (2) Ibid. fasc. 84, *Lampes*, col. 1133, № 354-366.
- (3) Cf. *Dictionnaire d'Archeologie chretienne et de Liturgie*, T. III, vol. I, col. 164.
- (4) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'archeologie chretienne*, T. I, vol. II, col. 1. 733, fig. 453.
- (5) Cf. Saint EPIPHANE, *Contra Celsum*, Liv. VI, c. XXXII.
- (6) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'archeologie chretienne*, fasc. 76-77, col. 2. 155.

III. ПЕТУХ, ПРЯМАЯ ЭМБЛЕМА ХРИСТА, ОТЦА, ГЛАВЫ, ПРОВОДНИКА

Говоря о тельце, олени, овне, мы видели, что эти животные символизировали Иисуса Христа в качестве мистического и плодотворного супруга Церкви, отца верных, их главы, их проводника и их защитника. Петух разделяет полностью с ними этот символизм: его голос, трубящий в ночи, успокаивает семейство, в котором он муж и плодотворный отец, проявляя перед ним свое невидимое присутствие; глава семейства издает в течение дня крик тревоги, когда хищник парит, очаровывая сверху его птенцов, которых он защищает, если они в том нуждаются; он призывает их, когда обнаружил укрепляющую пищу, и сопровождает их к верному убежищу. Таким же образом поступает и Христос, вознесшийся на небо, со своим земным семейством, Церковью, столь часто изображавшейся на старинных артефактах первых четырех столетий судном, и разве не петух олицетворяет на корабле главу семейства и его бдительного проводника, неусыпно бодрствующего на носовой части (1) и иногда несущего на себе пальмовую ветвь триумфатора? (2) Это мы обнаруживаем на нескольких терракотовых лампах четырех первых столетий. На других, более многочисленных, петух стоит на земле и несет только пальмовую ветвь победителя (3), и эта эмблема победы вполне способна на христианских предметах соответствовать идеи воскресения, которая часто интерпретировалась в древние эпохи зеленым пальмовым листом или зеленеющими ветвями (Фигура X).

Смелость петуха в обороне своих цыплят и их матерей сделали из него в китайской символике эмблему защитника семейства. Его рассматривают в качестве энергичного «бесогона»: «Очень часто мы видим выставленным в домах картинку петуха, рассекающего сороконожку (4) ударом

Фигура X. – Петух на эмблематической лодке. Шатон кольца с зеленой яшмой. Рим, первая христианская эпоха

своего клюва. Сороконожка, «Уконг», является одним из пяти вредных существ, от которых оберегаются» (5).

- (1) Cf. Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'archeologie chretienne*, T. I, vol. 2, col. 2. 198, fig. 706.
- (2) *Ibid.*, T. VI, vol. I, col. 8. 365.
- (3) Смотреть лампы из Вэзона в Музее Сен-Жермена, зал XVI, витр. IV, № 2. 504; и лампа из Утики в Лувре, зал Северной Африки.
- (4) Или скорпиона.
- (5) R. P. DORE, *Recherches sur Superstitions en Chine*, Ire Part., T. II, vol. IV, p. 471.

IV. ГОЛОС ПЕТУХА, ГАЛЛИЦИНИУМ

а) *Прямая эмблема Христа. Глас Петуха.* – Он не является пением, криком, он нечто подобное льющемуся звуку фанфар; повинуюсь часу, это сигнал тревоги, голос главы или внимательного отца; это рог триумфатора, очень высоко звучащий во всех отголосках о своей победе и своей радости...

С этим голосом петуха древние связывали исключительные легенды. Они считали, что когда он разрывает безмолвие ночей, то всех опасных ночных бродяг и самого льва охватывает страх, и они удаляются (1). Жители уединенных деревень на краю африканских пустынь еще верят в это, отсюда ими обретоено почтение к петухам, голос которых наиболее звучный. Подобная легенда сохранилась в геральдике французского рыцарства: благородное семейство Воге де Монлор (*Vogué de Montlaur*) в Виварэ, например, носит герб следующего содержания: «на лазоревом геральдическом поле золотой петух, хорошо сложенный и с красным гребнем»; фамильный девиз говорит нам: “*Sola vel voce leones terreo*” – «один мой голос ужасает львов» (2).

В продолжение идеи древность признавала за голосом петуха власть изгонять все зловредные силы тьмы, ночных гениев, лярв, упырей, лемуров, миражей и призраков всех видов. Наш первоначальный символизм закрепил этот вымысел в христианском тоне, и некоторые полагали, что голос петуха обращает в бегство блуждающих вокруг них демонов ночи. Именно в IX-м столетии на барельефе в Милане изобразили петуха, голос которого изгоняет демонов трех вожделений (3). Это античное верование пережило Средневековье и сохранялось еще во времена Шекспира (4); два столетия спустя Кат. Клаубер на замечательных медных досках своего оформления «Литаний Лоретты» изображает следующим образом «Утреннюю Звезду»: Приснодева Мария появляется в сияющем обрамлении звезды с шестнадцатью лучами, внизу которой разворачивается такая картина: из моря поднимается сияющее светило утра, *stella splendida et matutina* (5); на берегу петух приветствует появление солнца с высоты дерева, на котором сидит и внизу которого изгоняются лев с воздушными чудовищами, вампирами и крылатыми драконами; звезда с шестнадцатью лучами – это Мария; петух – это Христос, Слово Божие: Его глас вселяет смятение в адские силы (6). То же самое выражает

собой петух в нимбе, которого аббат из Менардэ, убежденный сторонник аутентичности псевдоодержимости Урсулины из Лудюна в 1634 году, заставил выгравировать в конце бедной книги, посвященной в конце XVIII-го века этому прискорбному событию (7).

Все это согласуется с тем, что писал Рабле: «Почему лев, одним своим рыканием наводящий страх на всех животных, боится и чтит только белого петуха?» Оттого, как говорит Прокл в книге *De sacrificio et magia* [75], что свойство солнца, источника и вместилища всего земного и небесного света, более подходит и подобает белому петуху, если принять в соображение его цвет, его особенности и повадки, чем льву. Еще он говорит, что бесы часто принимают обличье льва, меж тем как при виде белого петуха они внезапно исчезают. Вот почему *Galli* [76] (то есть французы, названные так потому, что они от рождения белы, как молоко, а молоко по-гречески *gala*) любят носить на шляпах белые перья, ибо по природе своей они жизнерадостны, простодушны, приветливы и всеми любимы, и гербом и эмблемой служит им белейший из всех цветов, а именно – лилия» (8).

И в самом деле, белый петух по-особенному раньше пользовался преимуществом изгонять зловредных существ в ночное время; делается любопытное сопоставление между этим цветом и восходом дня, являющимся моментом возвращения на землю света, провозвестник которого – петух; последний предстает птицей «восхода» дня, птицей «белизны» (*albus*).

Мы констатируем пережиток этих верований в нескольких французских провинциях, а равно в старинных легендах и преданиях Швейцарии (9).

В Китае тоже верят, что злые духи изгоняются при утреннем пении петуха (10).

Подобным же образом древний мир отмечал покровительствующую силу петуха – от колонн Геракла до Дальнего Востока; и от Вергилия, Овидия и Цицерона и до арабских поэтов нашего времени. Еще сегодня в Марокко в определенных обстоятельствах семейной жизни, например, при рождении ребенка, приносится в жертву петух, голова которого подвешивается сверху над дверью дома. И это жертвоприношение с выставлением напоказ имеют целью воспрепятствовать демонам вредить новорожденному в первые дни его жизни (11).

б) Галлициниум

Тот же петушинный голос облакался другим характером в вековом ходе христианской жизни. Здесь он являлся эмблемой *Христового Гласа*, призывающего души к молитве, заставляя их выходить из тени материальной жизни на ясный свет духовной жизни.

Принявшие этот символизм многочисленные наставники и аскеты первых столетий говорили о *Галлициниуме*, что это час, когда петушинный голос истолковывается гласом Христа, становясь побудителем христианских душ; так полагают Святой Дионисий Александрийский, Святой Василий Великий, Пруденций, Святой Амвросий Медиоланский и др. (12)

В IV-м столетии Святой Иларий из Пуатье, немного удалившись от этой темы, выражался следующим образом: «Поющий и бьющий крыльями петух

предчувствует приближение дня. Равно и мы прежде света возвещаем столетию Христа, нашего Царя» (13).

В свою очередь тринадцать спустя Жан Расин сделался красноречивым отголоском древних священных писателей:

«Пернатый бдящий пробуждает нас;
И, кажется, удвоенное его пенье прогоняет ночь;
Иисус Себя услышать заставляет душу спящую,
Ее вызывая к жизни, куда ведет нас день Его.
Он говорит: «Покиньте ложе праздное,
Где вы погребены томленьем вялым:
Воздержанные, целомудренные, чистые, око и чуткая душа,
Внимайте: близок Я, стучусь Я в ваше сердце» (14).

Особенно на востоке галлициниум был сроком, посвященным ежедневным упражнениям в монашеской жизни. В V-м веке, по словам Дома Леклерка, у египетских монахов отдельные монастыри каждый день знали только два времени, предназначенных для общей молитвы: утром – *Галлициниум*; и вечером – *Люцернариум*; «час петуха» и «час лампа».

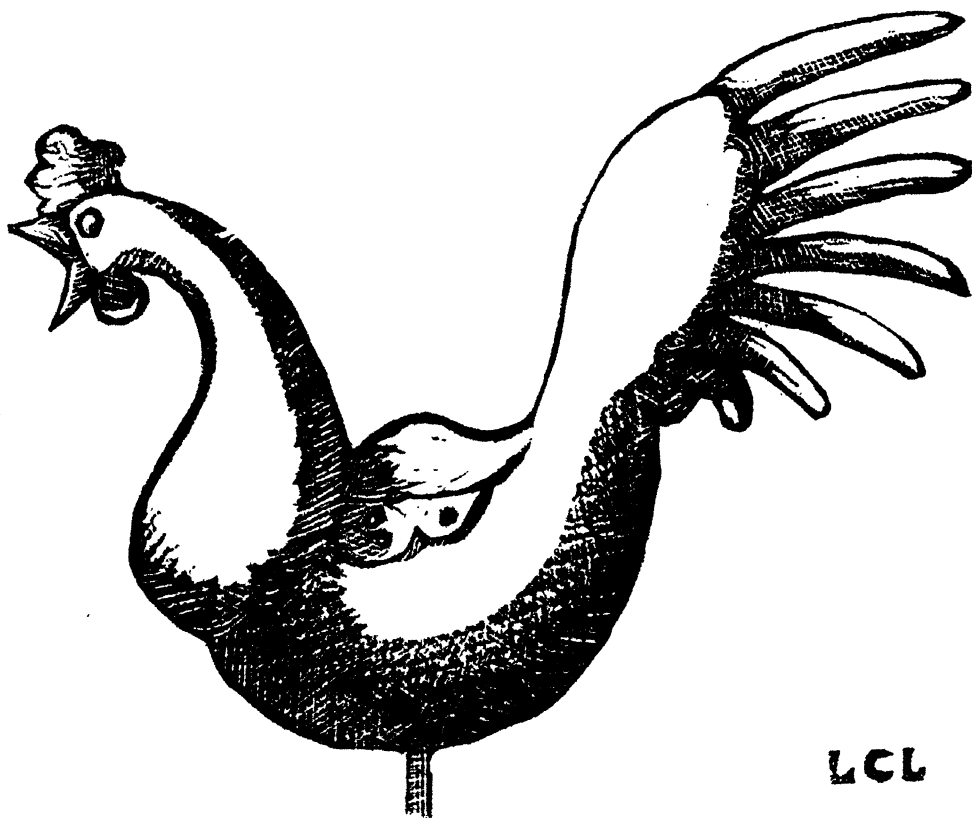
В литургическом тексте, возвращающемся всякую неделю, римская Церковь делает аллюзию на символизм галлициниума, говоря: «О, Христос, пробуди наш сон, разорви узы, нас связывающие с ночью, удали древний грех и вдохни в нас новый свет» (15).

В римско-католическом обряде воскресной Службы *Laudes*, постоянно совершающейся в час галлициниума, содержится это побуждение к утреннему старанию: “*Surgamus ergo, gallus jacentes excitat*”.

- (1) Смотреть Лукреция, а в Средневековые авторов таких, как Брюнетто Латини – Brunetto LATINI, *Li Livre dou Tresor*, Liv. I, CLXXVI.
- (2) Cf. V. BOUTON, *Nouveau traite des Armoiries*, p. 440.
- (3) Cf. ALLEGRAZO, *Monuments de Milan*, p. 113.
- (4) SHAKESPEARE, *Hamlet*, acte I.
- (5) *Книга Откровения Святого Иоанна Богослова*, Глава 22.
- (6) *Les Litanies de la Sainte Vierge*, illustrees par Cath. Klauber, pl. 41. XVIIIe siècle.
- (7) LA MENARDAIE, *Examen et discussion critique de l'histoire des diables de Loudun*, Edit. de 1749, p. 403.
- (8) RABELAIS, *Gargantua*, L. I, ch. X, edition de 1732, T. I, p. 71. Рабле, *Гаргантюа и Пантагрюэль*, *Гаргантюа*, Книга I, Глава X; перевод Николая Любимова. Москва, 2005.
- (9) Cf. J. ROUVIER, *Legendes valausainnes*, in *Societe historique du Haut-Valais*. Edition Attinger, p. 55.
- (10) Cf. H. DORE, *Op. cit.*, IIe Part., T. X, p. 766.
- (11) Cf. Dr E. MAUCHAMP, *La Sorcellerie en Maroc*, p. 113.
- (12) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. IV, vol. I, col. 593 et suivantes. – Dom BESSE, *La Vie et les Arts liturgiques*, annee 1918, p. 166.
- (13) Cf. MURATORI, *Anecdota latina*, T. IV. – S. HILAIRE, *Гимн*.
- (14) J. RACINE (*Гимн, переведенный из Бревиария*).
- (15) *Римский Бревиарий*, Гимн Вторника.

V. ПЕТУХ НА КОЛОКОЛЬНЯХ

Это весьма древняя практика помещать эмблематического петуха на самой высшей точке церквей: таков сделанный из позолоченной меди петух кафедрального собора Бресции (1), датировавшегося IX-м столетием; английский поэт X-го века Вольстан сообщает о петухе, господствовавшем на кафедральном соборе Винчестера (2); петух кафедрального собора Кутанса был поражен молнией в 1091 году (3); и эрудит А. де Комон видит в этом применении продолжение одного обычая, использовавшегося в римской цивилизации (4). Возможно, что Римляне не употребляли петуха как украшение флюгера, но древние епископы, помещая эмблематического петуха на верхушках своих кафедральных соборов, разумеется, должны были придавать этому значение, полностью соответствующее символизму, который с первых христианских времен связывался с ним в Церкви, особенно с его двойным характером бдительного покровителя и смелого защитника детей, благодаря чему птица изображает Христа, находящегося сверху над земной воинствующей Церковью, бодрствующего над ней и всегда готового ее за-

Фигура XI. – Петух шпиля Собора Парижской Богоматери

щитить, обратив лицо к шквалу бурь, откуда бы они ни устремлялись; это покровительство, обетованное Святому Апостолу Петру на полях Кесарии против угроз злых сил, против предприятий «Врат ада» (5).

И услуга аменоскопа, флюгера, заставляющего петуха на наших колокольнях всегда держать лицо на ветру, делает этот символизм непрерывно точным. Жорж Клемансо не знал об этом, когда, работая на склоне дней, приписывал петухам наших церквей, как и символическим петухам Дальнего Востока, лишь один характер провозвестника света (6).

Очень часто в металлическое тело символической птицы заключали мощи святых и особенно, когда это было возможно, местночтимых святых, дабы их души покоящиеся на лоне Христовом, молились за селение или город. Когда недавно, чтобы почистить, спустили старого петуха со шпиля Собора Парижской Богоматери (Фигура XI), то обнаружили нетронутыми в нем священные мощи.

(1) ECKARD, *De casibus sancti Galli*, ap. BARRAUD, *Recherches sur les Coqs des eglises*.

(2) Смотреть *Livre noir de Coutances*.

(3) Смотреть *Livre noir de Coutances*.

(4) A. DE CAUMONT, *Abecedaire archeologique*, p. 138.

(5) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 16, стих 18.

(6) Cf. G. DE CLEMENCEAU, *Au soir de la pensee. — Les Symboles*, T. I, p. 314.

VI. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ

Каждое утро возрождение дня после смерти ночи, распростирающей над землей темень и безмолвие, есть нечто подобное воскресению; Святой Климент, один из первых пап, об этом объявлял уже: «День и ночь нам выражают воскресение: ночь ложится, солнце встает» (1); и Святой Епифаний говорит подобным же образом. Птица, воспевающая мгновение, когда совершается эта последовательность дня ночи, должна естественно символизировать ту же самую идею; вот почему ее утренний голос был взят первыми символистами за эмблему всемогущего гласа Христа судии, Который в конце времен даст сигнал воскресения мертвых, чему мы находим дока-

Фигура XII. — Костяной петух из захоронения одного жителя Бордо.
Из кабинета автора

зательство в гимне поэта IV-го столетия Пруденция, обозначающего так утренний голос петуха: «Это образ нашего Судии» (2).

Мартиньи соответственно обозначил этот характер петуха в качестве эмблемы Христа, автора воскресения усопших и судии воскресших мертвых, благодаря чему объясняется присутствие изображения петуха на христианских могилах первых времен, где оно приобщено к более или менее ясным формулам упования и веры в будущее воскресение (3). Не представляется слишком дерзким увидеть тот же самый символический смысл в маленьком костяном петухе, найденном в могиле старика в Сен-Савен-де-Блэ (Saint-Savin-de-Blaye) (Жиронда) в 1890-м году. Артефакт мог происходить из Мерovingской эпохи (Фигура XII).

(1) Saint CLEMENT, *Epître aux Corinthiens*, XXXIX, 2 (Послание к Коринфянам Святого Климента, Папы Римского).

(2) PRUDENCE, *Cathemerinon*, I, 16.

(3) Смотреть MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 117.

VII. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА И ЩЕДРОСТИ

а) Все знают смысл эмблематического петуха, сопровождающего образ Святого Апостола Петра; символ установлен как раз благодаря двум фрагментам из рассказа о Страстях Иисуса в Евангелии от Святого Апостола Матфея (1), относящимся к провинности, совершенной этим апостолом во дворе первосвященника Каиафы, когда он отрекся от своего Учителя. С первых столетий этот эпизод достаточно часто изображался на саркофагах, особенно в Италии, и причина состояла в том, чтобы оградить данным примером верных от сомнения и безнадёжности (2).

Многочисленные священные писатели равно сделали из петуха образ проповедников христианской доктрины, поскольку его голос жгуч и разносится далеко. Это объяснял Евхерий Лионский в V-м веке, добавляя, что слово проповедника должно исполняться тактом и своевременности; ведь Иов провозглашал разумение петуха: “*Qui dedit gallo intelligentiam?*” (3) Святой Григорий комментирует этот библейский фрагмент подобным же образом (4). Вильгельм Дюран, епископ Манда в XIII-м веке, также делает из петуха эмблему проповедников в результате более сложных и, как бы то ни было, менее удовлетворяющих соображений (5).

Наконец, благодаря Беде Достопочтенному в VII-м веке петух стал в некоторых мистических школах своего времени образом Праведника, ведь, по его словам, «в ночи этой жизни праведник получает посредством веры разумение и добродетель, которые заставляют кричать к Богу, дабы потопить зарю торжествующего дня: *Emitte lucem tuam et veritatem tuam*» (6).

Нельзя ли увидеть этих праведников, измененных светом и истиной, в декоре одной романской капители XII-го века, где два петуха пьют вместе от священной чаши (7). В любом случае, идея Беды, представляющая Праведника, обозначенного петухом, как получающим «в ночи этой жизни» особые милости, кажется отголоском мнения Древних, полагавшего, что Петухи воспринимают перед рассветом от планеты Меркурий драгоценные влияния, которые могут быть обретенными только ими (8).

б) Чтобы выразить Щедрость, дающую не только свой избыток, но еще и то, что ему, бесспорно, полезно, Средневековые взяли образ петуха, поскольку эта птица, даже в часы, когда будет с удовольствием съедена, созывает свое семейство, чтобы щедро ему предоставить корм, который нашла.

Одна из миниатюр *Книги Рондо*, написанной в конце XV-го столетия, которая была у Луизы Савойской, снабжает нас примером этого символизма: Щедрость в ней показана в ряду Добродетелей, персонифицированной женщиной, сидящей верхом на петухе и разбрасывающей золотые монеты (9).

Я должен отметить здесь, что как бы ни был обоснован этот символический аспект петуха, я совсем не увидел, чтобы он брался для интерпретации щедрости Христа по отношению к человечеству. Зато эта роль подтверждена Оленем, Пчелой, плодоносящим Древом, Рогом изобилия и т. д.

В Китае петух посвящен богу богатства Хуан-К'ану, щедро дающему всем, кто ему нравится: одинаково ему приносятся в жертву петухи, и кровью этих жертв натирается низ его изображения (10).

- (1) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 14, стих 30; Глава 16, стих 68-75.
- (2) MARTIGNY, *Op. cit.*, pp. 117, 577.
- (3) *Книга Иова*, Текст по Вульгате, Глава 38, стих 36: "*Quis posuit in visceribus hominis sapientiam, vel quis dedit gallo intellegentiam?*" Буквальный перевод: «Кто поместил во внутренности человека мудрость, и кто дал петуху разум?»
- (4) Saint GREGOIRE, *Lib.: Moral. III, in Job.*
- (5) DURAND DE MENDE, *Rational des divins Offices*, L. L. I, ch. I, 224.
- (6) *Псалтирь*, Псалом XLIII (Вульгата).
- (7) Коллекция камней господина Анри Эмара (Henri Aymard) в Лудюне (Вьенн). Та же самая идея равно выражена в христианском ювелирном украшении, представляющем двух петухов, пьющих от чаши. Cf. *Le Regne de Jesus Christ*, T. II, Pl. XXVIII.
- (8) *Bibliothèque des philosophes*, loc. cit.
- (9) Cf. Comte GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chrétien*, T. III, p. 477.
- (10) H. DORE, *Recherches sur les Superstitions en Chine*. Ire Part., vol. IV, p. 426; IIe Part., T. 959. p. I, X.

VIII. ПЕТУХ, ЭМБЛЕМА ПОРОКОВ СЛАСТОЛЮБИЯ И ГНЕВА

Возвышенным значениям эмблематического петуха, которые мы изучили, противостоят другие менее почетные символические аспекты.

В дохристианском язычестве, например, с богом Зевсом-Петухом, Вельханосом-Петухом, петух рассматривался как одна из эмблем мужской репродуктивной силы: его естественные качества воспроизводства, являющиеся драгоценным даром Божиим, посодействовали этому символизму, очень быстро уклонившемуся к характеру эмблемы похоти. Доказательство этого мы находим на некоторых непристойных изображениях античного искусства, наподобие скульптурного петуха на Делосе, носившего гнусную голову (1); сюжет, впрочем, воспроизводимый карикатурным искусством языческого Рима, обеспечивший то же самое с выражением чисто кощунственного намерения по отношению к Иисусу, поскольку надпись, сопровождающая чудовищного петуха, явно указывает на то, что он «Спаситель Мира» (2).

В Европе Средневековье приписало иной неприятный характер петуху, заставив его символизировать Гнев из-за частых боев, в которых участвуют юные петухи.

Великолепный манускрипт XIV-го столетия изображает Гнев женщи-

ной, сидящей верхом на ошетилившемся кабане и держащей над своим кулаком петуха. Внизу это картинки читаются слова: *"Ire ressemble a une femme chivauchant sur un sengler, portant en sa main un cok"* – «Гнев подобен женщине, оседлавшей кабана и несущей в своей руке петуха» (Фигура XIII) (3).

Намного раньше Восток усвоил похожий символизм, ведь самые древние теории ламаистского Тибета «признают три главных грехов»: гнев, сладострастие и гордыню. В знаменитых Колесах Жизни эти три «прегрешения» обозначены петухом, свиньей и змеей, которые держатся благодаря хвосту, образуя среднюю окружность, вокруг которой вращается Колесо жизни (4).

На западе Франции, а особенно в Бретани отметины в форме от-

LCL

Фигура XIII. – Гнев, миниатюра из одного манускрипта XIV-го столетия

печатков петушиных лап, виднеющиеся на скалах, например, на южной стороне Киберона (Quiberon) у *Грота Приснодевы Марии*, называются *Когтями Дьявола*. Та же отличительная черта у Рош-Приоля (Roch-Priol) в этом регионе (5).

-
- (1) P. LE COUR, *Lettre*, 24 septembre 1928 – Поль Ле Кур, *Письмо* от 24 сентября 1928 года.
 (2) Cf. dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 2. 887.
 (3) *Bibliothèque nationale*, № 7011, 3, 3.
 (4) J. MARQUES-RIVIERE, *Un texte tantrique tibetain*, dans *Le Voile d'Isis*, T. XXXV, № 126, p. 431.
 (5) Замечания господ М. Клавелля (M. Clavelle) и Р. Жанти (Genty), сентябрь 1937 года.

IX. ВАСИЛИСК, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОГО ПЕТУХА

Насколько часто петух представлял собой образ Спасителя, настолько же часто Василиск являлся образом Сатаны, Противника и Антихриста, после того, как побывал в дохристианских культах эмблемой Зла и Смерти.

Это мифическое животное в христианской иконографии состоит из тела петуха, завершаясь формой ящерицы или змеи, наподобие каладрия, выражающего целиком отличный символизм. Василиск слишком часто изображался в христианском искусстве Средневековья, чтобы мы не остановились здесь перед его чудовищным образом и перед легендой о нем.

а) Василиск в легендарной зоологии. – Натуралисты вслед за Линнеем дают имя василиска нескольким видам средних ящериц, живущих в основном в Америке и полностью чуждых знаменитому Василиску Древних, обозначавших под именем *basilicos*, «царственный», змею, голова которой снабжена неким подобием гребня, расположенного в виде короны.

Ученый иезуит Ш. Кайе полагает, что исторический василиск это *Ureus* Египтян, гадюка Хаже (1), священный образ которой охранял одновременно золотой диск солнца и коронованное чело фараона. Гореполлон, писавший в IV-м столетии нашей эры, придерживается такого же мнения (2).

На римской лампе этой же эпохи Христос изображен стоящим на проклятых животных, и василиск фигурирует среди них в такой же форме гадючьего аспиды (3).

И это соответствует теории Плиния, описавшего василиска Киренаики, как змею малой величины, имеющую на голове белое пятно в форме диадемы. Старинный автор утверждает, что дыхание василиска способно поразить деревца и кустарники, сжигать травы и разбивать; всадник, убивший василиска ударом копья, умирает наравне со своей лошастью, поскольку яд рептилии поднимается и проходит вдоль древка оружия... и Плиний добав-

ляет: «И, тем не менее, это ужасное чудовище, – часто даже для желающих королей становилось испытанием увидеть его труп, – не сопротивляется ласкам; сего хочет естество: ничего не существует без своего противовеса» (4).

В XVI-м столетии Амвросий Паре остановился на чисто змеевидном типе, когда пожелал изобразить василиска отнюдь не легендарным благодаря образу змеи, коронованной гребнем с несколькими шипами, пасть которой испускает язык в форме железной стрелы (5).

Соглашаясь больше с современными натуралистами, изделие из слоновой кости из Ватикана, предшествующее XIII-му веку, представляет библейского василиска как маленькую ящерицу (6).

В XIII-м столетии Брюнетто Латини так описывал василиска: «Его величина около (vj) фута, он обладает белыми пятнами и гребнем как петух, ползет справа в гору, одной половиной перед и второй как другая змея» (7).

(1) Смотреть Ch. CAHIER, in *Melanges archeologiques*, T. II, p. 215 (Это змея Нажа).

(2) HORAPOLLO, *Hieroglyphica*, L. I, II, 60.

(3) *Bull. di arch. crist. Ap. Dictionnaire archeologique chretienne*, fasc. 84, col. 1173-1174, № 8.

(4) PLINE, *Histoire nationale*, L. VIII, XXIV.

(5) Смотреть Ambroise PARE, *Oeuvres*, Livre XVI, Des Venins, edition du XVIe siècle, p. 769.

(6) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chretien*, T. II, p. 444, fig. 55.

(7) Brunetto LATINI, *Li Livre dou Tresor*, I, CCLI.

Х. ВАСИЛИСК У ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Египтяне стали олицетворять василиском своего Уреуса, идею Вечности, поскольку, по словам Гораполлона, «он принадлежит к одному и тому же виду змей, которые не умирают».

Он добавляет, что василиск «поражает смертью лишь своим дыханием, неважно какое животное, без всякой нужды прикасаться к нему или его кусать» (1). Из-за этой устрашающей силы отдельные из иных античных наций, имевшие о нем сведения, видели в василиске образ катастрофической власти Зла.

Со времен Давида василиск рассматривался как одно из четырех чудовищ, образ inferнальной силы: аспид, василиск, лев и дракон, которых будущий Христос должен торжественно попать ногами, о чем гласит псалом: "*super aspidem et basilicum ambulabis, et conculcabis leonem et draconem*" – «на аспиде и василиска наступиши, и попереши льва и змия» (2).

Исайя выражается еще явственней. В первых главах своего пророчества он возвещает два таинственных пришествия: одно – это явление благословенного Христа, господина и начала всякого блага:

«И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произойдет от корня его;

И почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (3).

Его правление будет господством правосудия и добра.

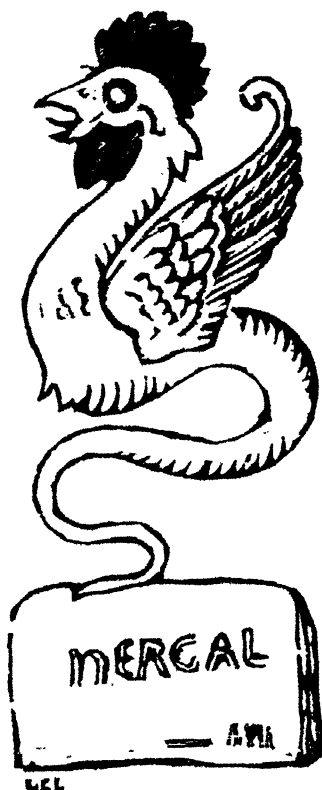
Другое пришествие есть появление проклятого Антихриста, господина всякого зла:

«Не радуйся, земля Филистимская, что сокрушен жезл, который поражал тебя, ибо из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» (4).

У языческих народов бассейна восточного Средиземноморья василиск пользовался никак не лучшей репутацией: некоторые из них, как говорит Пиерий, его заставляли появляться на свет из яйца, образованного в теле очень ибиса из концентрированного яда всех змей, пожранных этой птицей в течение ее жизни (5).

Плиний следующим образом подытоживает греческие и римские легенды, относящиеся к василиску: «Что касается василиска, обращающего в бегство самих змей, который убивает одним своим запахом и который, считается, приносит смерть одним своим взглядом; то его кровь чудесно отмечалась магами: она застывает как смола, цвет коей имеет; разведенная, она становится более красной, нежели киноварь. Они приписывают ей власть сделать успешным человека в прошениях перед силами, в молитвах перед богами, исцелять болезни и предупреждать порчи. Некоторые называют ее кровью Сатурна» (6).

В Ассирии бог войны Нергал, мифическое существо свирепее, нежели греческий Арес и римский Марс, изображался более или менее в драконьем виде: его Элифас Леви обозначил, не ссылаясь на какой бы то ни было древний источник, как средневекового василиска, петуха и змею (Фигура XVI) (7).

Фигура XIV. –
Каббалистический
образ Нергала.
Согласно E. LEVI,
Op. et loc. cit.

(1) HORAPOLLON, *Op. et loc. cit.*

(2) Псалтирь, Псалом 90, стих 13.

(3) Книга Пророка Исайи, Глава 11, стих 1, 2.

(4) Книга Пророка Исайи, Глава 14, стих 29.

(5) Cf. BUFFON, *Oeuvres complètes*, édition Dumenil, 1835, T. IX, p. 203; C. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin de Guillaume de Normandie*, p. 120.

(6) PLINE, *Histoire naturelle*, XXIX, 19.

(7) Eliphas LEVI, *Les Mystères de la Kabbale*, p. 57.

XI. ВАСИЛИСК В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Христианская эмблематика использовала все языческие вымыслы, относящиеся к василиску, чтобы сделать из него образ Духа Зла, и авторы «Бестиариев» и похожих произведений в Средневековье добавили еще свое к античным данным.

Доминиканец Викентий де Бовэ, писавший в правление Святого Людовика, подытоживал их следующим образом:

«Утверждают, что петух, став очень старым, несет сам по себе яйцо (“*facit ovum ex se*”) (1), и это чудесное яйцо порождает благодаря определенным условиям василиска. Яйцо, положенное в кучу навоза, согревается в его средоточии и оттуда выходит после очень продолжительного времени маленькое животное, постепенно вырастающее, как и молодые утки. Это животное имеет хвост как у змеи и остальное тело как у петуха. Некоторые авторы полагают, что это яйцо не имеет никакой скорлупы и является неким подобием кожи столь твердой, что самые неистовые усилия не могут ее разорвать. Другие считают, что гадюка и филин высидивают это яйцо, ято не представляется достоверным. Писания Древних ограничиваются подтверждением, что существует вид василиска, порождающийся от яйца старого петуха» (2).

В главе о Яйцах Птиц мы сможем подробнее поговорить об этом странном яйце, которое в наших деревнях называлось «кокатриксом» (“*cocatrix*”), «кокатрией» (“*cocatrie*”), яйцом «петуха-василиска» и т. д.

Флорентиец Брюнетто Латини, современник Викентия де Бовэ, добавляет одну деталь, не упоминаемую последним: василиск столь мощно выбрасывает своими глазами истечения своего внутреннего яда, что убивает одним своим взглядом людей и зверей, когда способен нацелиться на них, прежде чем они сумели бы его заметить (3). Это повторение приведенного выше старика Горополлона.

Некоторые художники Средневековья желали подчеркнуть характер молниеносной злобности, приписываемый взгляду василиска, изображая его со зрительными органами на конце хвоста, завершавшегося иногда головой змеи; то есть, если бы он мог быть так устроен, то видел бы и выбрасывал смерть как впереди, так и сзади от себя. Одна романская капитель кафедрального

Фигура XV. – Средневековый образ Василиска. Согласно CRESPEL, *Bulletin monumental*, T. XI (1856), p. 163

Фигура XVI. – Василиск; скульптура главного зала кафедрального собора Пуатье, XIII-е столетие

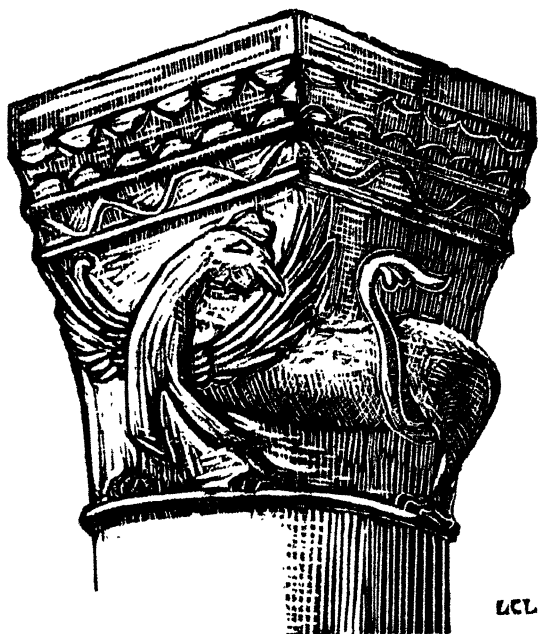
пау) у Лудюна (Вьенн) есть романская капитель, украшенная изображением пешего рыцаря, поражающего своим мечом василиска, облаченного большим шлемом рыцарей из Бувина. Это борьба между Добром и Злом, столь часто и множественными способами отражавшаяся, и в ней можно увидеть Христа, сокрушающего Сатану. Но местная легенда, не заботясь о бросающемся в глаза анахронизме, желает здесь видеть образ удалого рыцаря Фреттара (Frettard), сеньора из Клонэ, изгнавшего в 1350 году Англичан из

собора Ле Мана снабжает нас скульптурным примером этого гиперболического символизма (4).

Полупетуха и полужмея василиска (Фигура XV) мы видим не только на скульптурах великих кафедральных соборов Ле Мана, Амьена (5), Сана (6) и Пуатье (Фигура XVI) (7) или аббатских храмов, как в Везелэ (Фигура XVII), но еще и на очень многочисленных сельских церквях, настолько был некогда популярен символизм василиска. В маленькой деревенской церкви в Клонэ (Clau-

Фигура XVII. – Василиск; скульптура аббатской церкви в Везелэ, XII-е столетие

Фигура XVIII. – Капитель в церкви Венье
(Вьенн)

Людюна, которые в течение трех месяцев тщетно осаждали неприступную крепость этого города. Когда, по словам легенды, он вернулся в свой замок Тюрзэ (Turzay) в Клонэ, то отправился в церковь, чтобы возблагодарить Бога, но выходя из святого места, он обнаружил у врат Сатану, преградившему ему путь под видом вооруженного василиска.

Завязалась ужасная битва, длившаяся до утра, в продолжение которой рыцарь Фреттар принудил чудовище отступать шаг за шагом вплоть до двора его дома Кулэн-ан-Мутерр (Coulaines-en-Mouterre) в трех лье отсюда. Они оказались во дворе в определенное мгновение, когда один из петухов этого поместья не поприветство-

вал своим зычным голосом крайнее начало рассвета.

При этом сигнале Василиск, ослабев внезапно на конечности, неистово рухнул в колодец Кулэна. Все последующие десять лет только петушиный крик позволял ночью чудовищу подниматься на несколько коротких мгновений до края колодца.

Вполне очевидно, что, даже отступив посредством народного воображения от своих мистических смыслов, сказки, связанные с сатанинским петухом, в глубинных деревнях Франции остаются пребывать в своих главных чертах в античной теме, почерпнутой религиозными авторами Средневековья. И если я задержался на легенде из Клонэ, то лишь потому, что она одновременно представляет собой сатанинский характер народного василиска и характер пугала по отношению к ночным демонам и чудовищам благодаря тысячелетнему преданию, связанному с голосом петуха, приветствующего зарю.

Любопытная капитель крайнего завершения периода романского искусства, находящаяся в церкви Венье (Veniers) у Людюна (Вьенн), отображает тему, отличную от василиска, показывая бюст петуха, привитый на тело тельца (Фигура XVIII). Должно ли видеть в этом иероглифе соединение Разумения и доблестной Силы – одно, которое сопровождает другое? Возможно, ведь в христианской символике петух повсюду остается – когда он не изображает Христианина или даже порок – одной из эмблем Разумения из-за

парящего над ним священного текста и освящающего его, как такового: "*Quis dedit gallo intelligentiam*" (8). Но в базилике это драгоценное свойство, способное быть сильным в делах, поставлено в услужение зла. Гибридное существо из Венье не является непременно одним из служителей Духа злобы.

Базилик являлся также эмблемой развращенного христианина, который ни перед чем больше не останавливается. Несомненно, это изображает капитель кафедрального собора Ле Мана, где два базилика, по слову Святого Апостола Павла, пьют из чаши «свое собственное осуждение» (Фигура XIX). И эта аллегория, вызывающее в памяти кошмарное приращение, противостоит сюжету капители из коллекции Анри Эмара, о которой говорилось выше, где два Петуха вкушают от чаши жизни.

В Каббале Базилик предстает верховным животным адского ангела Азагеля, поскольку это чудовище убивает не только своим взглядом, но и возбудителями чумы и заразных болезней, которые несет собой (9).

Фигура XIX. – Романская капитель в Эннеза (Ennezat), XII-е столетие

- (1) Альберт Великий в ту же самую эпоху отверг этот предрассудок (*De Animalibus*, Lib. XXIV, I.)
- (2) Vincent DE BEAUVAIS, *Speculum majus*. Lib. XX.
- (3) Cf. Brunetto LATINI, *Li Livre dou Tresor*. Mss. Bibliotheque nationale, fonds francais, № 7068, fol. 44.
- (4) Смотреть А. DE CAUMONT, *Abecedaire archeologique*, p. 163; p. 267.
- (5) Смотреть L. MALE, *L'Art religieux du XIIIe siècle en France*, p. 61.
- (6) Ibid., p. 74.
- (7) Cf. Elisa MAILLARD, *Les Sculptures de la Cathedrale de Poitiers*, p. 15, pl. XLIII.
- (8) Книга Иова, Глава 38, стих 36.
- (9) TELESOPHORE, *Description hieroglyphique du Rempart mystique de la Sante*. Согласно Robert Fludd (*Иероглифическое описание мистического Оплота Здоровья*. Согласно Роберту Фладду).

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ПЕРВАЯ

КУРИЦА И ЕЕ ЦЫПЛЕНОК

КУКУШКА

І. КУРИЦА В АНТИЧНОЙ ЕВРОПЕ И В ЭКЗОТИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Из всех домашних птиц курица является наиболее полезной для человека, живущей и наиболее освоившейся рядом с ним: несомненно, она была предметом первой систематической попытки одомашнивания птиц.

Представляется, что наши далекие предки очень рано сделали из занимаемой нами птицы персонификацию домашних добродетелей жены и семейного процветания. Как это часто происходило, они преувеличивались по отношению к курице, и Плиний сделался служителем этого античного обычая преумножения, когда писал, что куры обладают такими же «религиозными обыкновениями, благодаря которым очищаются, после того как снесли яйца, и очищают одинаково свои яйца, оборачивая их вокруг соломы» (1).

Будучи предсказательной жертвой, курица отдавалась на заклятие в античных храмах, и мы находим ее изображаемой в искусствах Греции и Рима. Я привожу здесь два примера: первым предстает маленькая терракотовая фигурка, а вторым – бронзовая статуэтка из Афин (2). Мы совсем не знаем, чем являлись эти артефакты, но кажется вполне вероятным, что бронзовая афинская курица не была простой детской игрушкой (Фигуры I и II).

Фигура I. – Курица
в греческом
искусстве. Согласно
S. REINACH, *Op. cit.*

Одна греческая монета из Имеры (Himera) имела на аверсе петуха в круге и на реверсе – курицу, вписанную в квадрат.

Терракотовые изделия эламитов, сдается, также изображают кур (3).

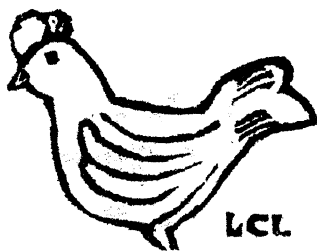
Галло-римские терракотовые куры, вышедшие из печей бассейна Алье, были открыты в Виши, в Варанн-сюр-Алье, в Нери и других местах. Музей Мулен владеет несколькими из них. Артефакты пытаются рассматривать и как обеты, приносимые богам с целью достигнуть домашнего процветания, так и в качестве простых детских игрушек. Подобного нельзя сказать о терракотовой курице, находящейся в Лувре среди христианских древностей из Акмина (4). (Для кур из Алье смотреть Фигуру IX).

Я не ведаю, какие идеи связывали с курицей наши Галльские предки, но я встречал несколько раз ее останки и скорлупу ее яиц в погребениях галльских некрополей Пуату, которые мог изучить, особенно в Шателье-Шатомюр (Chatteliers-Chateaurmur) и в Бурбеляре в Пузоже (Bourbelard de Pouzages) (Вандея), датируемых от II-го до I-го века перед Рождеством Христовым; я предположил, что речь здесь шла лишь о залоге для усопшего, прах которого покоился рядом в пепельной вазе – *dolium* (?)

В древней Азии с курицей связывались древние суеверия и гадательные практики: красота черных восточных кур, белых кур Кохинхины (юго-восточной части полуострова Индокитай – прим. пер.), разноцветных кур, несущих имя Брахмы, например, достаточно объясняет внимание, предметом которого они всегда являлись. Сегодня еще на Борнео, как и на азиатском континенте, курица продолжает с давних столетий быть одной из эмблем, присущих человеческой душе (5).

В других местах плодovitость курицы поставила ее в соотношение с таинством, всегда тревожащим простые народы, о происхождении жизни. В древней религии Мальгашей, например, она была заклинанием, притягивающим жертвоприношения, предоставляемые Занахари, богу, сотворившему жизнь (6). И у некоторых племен черного континента курица всегда персонифицирует человеческое существо и, в частности, женщину, что стоило еще вчера птице чести, иначе преимущества, заменять собой человеческое заклинание в жертвоприношениях, подаваемых воздушным гениям – Ветру, Дождю и Молнии; и дикари перемешивали кровь курицы с ее битыми и тепловатыми яйцами; и все это, подвергшись тепловой обработке, затем раздавалось среди участников жертвоприношения (7).

В Китае курицы приносятся в жертву в честь открытия плавательных бассейнов, общественных бань, и их двери отмечают жертвенной кровью, чтобы здесь не произошло никакое неприятное происшествие (8). Я добавлю, что Цыгане, предстающие Европейцами по своим традиционным погребальным обрядам, производят сжигание головы одной курицы, в продолжение чего происходит очищение мертвых.

Фигура II. – Курица в греческом искусстве. Согласно S. REINACH, *Op. cit.*

(1) PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, 57.

(2) Согласно S. REINACH, *Repertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. IV, p. 537, № 6; T. II, p. 775, № 1.

(3) Музей Лувра. Зал Мастаба (Salle Mastaba).

(4) Музей Лувра. Зал Баут (Salle Baout).

(5) Cf. M. KUERH, *Skizzen aus West Borneo*.

(6) Cf. Amedee SEYRET, *Madagascar et les Malgaches*, in *Le Foyer*, T. XIII, 1181, p. 25.

(7) Cf. Pietro MENDES, *Africa*, IV.

(8) Cf. H. DORE, *Recherches sur les Superstitions en Chine*, Ire Part., T. II, vol. IV, p. 427.

II. КУРИЦА, ЭМБЛЕМА БОДРСТВУЮЩЕЙ ДОБРОТЫ СПАСИТЕЛЯ

Это случилось вовсе не из-за счастливого наследия дохристианских времен, и вовсе не благодаря размышлениям и писаниям Отцов и Наставников Церкви и не благодаря благочестивой изобретательности народа или мистических символистов, когда курица достигла занимаемого ей места в эмблематике Спасителя; отнюдь – она его получила из уст Самого Господа, и ее родословная целиком находится на одной из самых трогательных страниц Евангелий.

Иисус, как сообщают нам Святой Апостол Лука и Святой Апостол Матфей, странствовал из города в город, идя в Иерусалим; и однажды на подходе к Святому Граду пришли сказать ему, что Ирод Галилейский желает Его убить; вспомнив тогда ужасные мучения, причиненные на протяжении предшествующих столетий Боговдохновенным людям, происходившие в Иерусалиме, Иисус бросил взгляд на город. Перед Ним гигантские каменные кубические строения и располагающиеся ярусами, идущие от земли своды; с одной стороны, новый дворец Ирода; с другой – громадный массив Храма, господствующий Башней Антония и перед городом сверху от дворца царей Хасмонеев высоты Голгофы, где он знал, что должен вскоре умереть... Иерусалим, град Давида, Соломона, Осии, Езекии и других царей, прямых предков Его по плоти!.. И Учитель был взволнован всем этим до глубины души; тогда Его уста стали отголоском Его сердца: «Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (1) (NB. В Вульгате вместо «птицы» с «птенцами» присутствует «курица» с «цыплятами» – прим. пер.)

Это скорбное чувство, эта печаль сердца Богочеловека, сделавшие из курицы одну из самых трогательных Его эмблем, часто комментировались наставниками Веры на протяжении древних времен (2). *Vitis mystica* подытожила их следующим образом: «Почему Господь предпочел образ курицы всякому другому понятию сравнения? Святые Отцы видят в этом намерение показать нам несравненную пламенность Его милосердия. Никакое живое существо не питает такого сострадания, как курица к своим цыплятам. Она ошетиливается всем своим телом; ее голос становится сильным; ее сердце исполняется любовью; но ее члены от этого становятся лишь более слабыми; ничто не сравнится с тем, как она страдает. Если же наделенное рассудком животное столь живо сопереживает недугам своих детенышей, то каково же должно быть сострадание блаженнейшего Иисуса к человеческому роду, и до какой степени немощи это сострадание должно было Его низвести?» (3)

Найденная в Карфагене терракотовая лампа II-го или III-го столетий несет в своем декоре прямую интерпретацию евангельского фрагмента, касающегося куриной материнской нежности, воскрешенной в памяти Иисусом: в центре этой лампы присевшая курица и возле нее ее цыплята

образуют круг; по словам Дома Леклерка, это соотносится с головами апостолов, размещенными вокруг монограммы Христа» на лампах того же времени (Фигура III) (4).

В мистике наших отцов курица обозначала не только сочувствующую доброту Сердца Иисуса Христа, но еще и Его бдительность, в чем, но другим образом, последняя символически соответствует бдительности петуха. Святой Франциск Сальский своим простодушным языком так излагает материнскую бдительность обычной курицы: «Смотрите, говорят древние, смотрите, какой любовью, какой заботой, какой ревностью обладает курица по отношению к своим цыплятам (ведь Наш Господь не счел это сравнение недостойным в Своем Евангелии); курица есть курица, то есть пернатое без дерзости и какого-либо великодушия, пока она не становится матерью, но когда она делается ей, то обладает сердцем льва, всегда с поднятой головой, всегда с внимательными глазами, всегда старается осмотреть своим взглядом все стороны, чтобы не было никакой опасности для ее цыплят, и нет врага, на глазах которого она не бросится, чтобы защитить свой дорогой выводок, о котором непрестанно заботится и который ее делает кудахтающей и жалостливой...» (5)

Кудахтанье курицы, созывающей своих цыплят, стало для мистиков естественным напоминанием о пламенном призыве к душам Христа, желавшего собрать вокруг себя сынов Иерусалима, как курица созывает своих птенцов под крылья. Этот символизм еще очень жив в религиозных домах, где чтение Евангелия является ежедневным.

Эта столь любящая бдительность и проистекающая из нее благоразумие образуют материнскую мудрость, вот почему древние в Церкви говорили о *Gallina sapientia* (Куриной премудрости) (6).

Справедливости ради следует признать, что эти разнообразные значения курицы принадлежали в основном к литературной символике и не находили совсем интерпретаторов среди художников древних времен. Тем не менее, некоторые из них в Средневековье сделали из курицы один из иконографических атрибутов Милосердия (7).

Обычай отдельных славянских народов желает, чтобы на праздник Всех Святых крестные отцы дарили бы своим крестникам подарок в форме курицы (8), и здесь, кажется, между этой традицией и управляющим ей праздником возникает скрытая аллюзия на евангельский эпизод, в котором Христом упомянута материнская нежность курицы, ведь святые являются

Фигура III. –
Терракотовая
христианская лампа.
Карфаген, III-IV вв.

цыплятами, навсегда собранными под крылья божественного Учителя.

В гробнице, названной в честь герцога Гизульфа в Чивидале во Фриуле и датирующейся временем Византийской империи, был найден усопший, имевший на себе богатый золотой крест, усыпанный драгоценными камнями и маленькая эмалированная фибула, изображающая цыпленка (9): Учитель и ученик; один обозначался крестом; другой — цыпленком. Полагаю, что тот же самый символизм объясняет другой артефакт, воспроизводимый, наравне с предыдущим, Домом Леклерком, показывающий нам рыбу, неоспоримый символ Христа, сопровождаемую птицей, сама форма которой нам говорит о цыпленке, но не о другом пернатом (10).

Тождественная идея заставляет говорить в так называемом *Ключе Святого Мелитона*, что курица может изображать или Церковь, или души верных, поскольку Церковь, ожидая другую жизнь, собирает в своем материнстве души учеников своего божественного Создателя.

Средневековое почитание Девы Марии посвятило ей курицу-мать в качестве эмблемы материнского попечения, о котором в XVIII-м веке вспомнила Кат. Клаубер, гравировав свои очень интересные иллюстрации *Литаний Лоретты*. Вот почему рядом с *Virgo clemens* (милосердной Приснодевой) она поместила курицу со своими цыплятами (11). И эта тема совершенно согласуется с последующей и другой известной с XV-го века темой — *Mater omnium*: Приснодева стоит и держит на своих руках Сына, а под ее широким плащом великой госпожи, открытым как шатер, укрываются коленопреклоненные Папа и другие понтифики, Император и Король, Императрица и Королева, монахи и монахини, рыцари и дамы, мировые судьи, ремесленники, хлебопашцы, пастухи... (12) Итак, Приснодева является «Матерью всех», милосердной Матерью в истинном латинском смысле слова *clementia*, обозначающем прежде всего мирное и милосердное благо, дружелюбие и нежную кротость.

В Средневековье курица, наряду с другими животными, появляется на стенах кафедральных соборов, чтобы составить краткое изложение животного мира (13).

Фигура IV. — Лис в монашеской рясе, проповедующий курам (одна из них уже в его капюшоне). Кафедральный собор Амьена, подлокотник скамьи

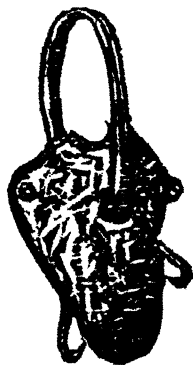
Приводимая иногда в мистической символике той же эпохи в качестве образа бодрствующей и мудрой души, предугадывающей козни и способной их избежать (14), курица являлась также в профанической символике эмблемой матери и совершенного семейства. В Романе о Лисе Пинта это достойная уважения умная и сообразительная курица:

“Pinte... qui plus savoit,	«Пинта... кто больше ее знает,
Cele qui le gros oes ponnoit,	Той, что несет большие яйца,
Et pres du coc iuchoit a dextre”.	Резвясь по правой стороне от петуха» (15).

Но эта мудрость, несомненно, приходит к курице только с возрастом, поскольку сатирические сборники Средневековья неоднократно изображают ложного проповедника, лукавого доброго апостола под видом лиса в монашеской рясе, «изрыгающего» лицемерную проповедь перед аудиторией легковых кур: некоторые из них уже уложены в его переметную суму. Безусловно, они были неопытными «курочками» (Фигура IV).

-
- (1) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 13, стих 34; также *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 23, стих 37.
 - (2) Смотреть, например, писания Евхерия Лионского, Святого Григория Великого и Ключ псевдо-Мелитона Сардского и пр.
 - (3) *Vitis mystica* (приписываемое Святому Бернарду), Глава V, I, перевод Аполл. де Валянса (Аполлония Валенсийского).
 - (4) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 84, col. 1119. *Ibid.*, Manuel d'Archeologie chretienne, T. II, p. 522.
 - (5) Francois DE SALES, Euesque de Geneve, *Traicte de l'Amour de Dieu*, edition de Rigavd., Lyon, 1617, p. 873.
 - (6) Pseudo saint MELITON, *La Clef*, смотреть *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 1854.
 - (7) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *Traite d'Iconographie chretienne*, T. I, p. 133.
 - (8) Cf. M. REHSENER, *Das Leben in der Auflosung der Gossensasser*.
 - (9) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, T. III, vol. II, col. 1828, fig. 2999, 3001.
 - (10) *Ibid.*, T. IV, vol. II, col. 2112, fig. 3975.
 - (11) Pl. XXVI.
 - (12) Смотреть «милосердную Приснодеву» одного мастера из Ниццы XV-го столетия в книге: L. BRENIER, *L'Art chretien*, XIII, I, p. 350; «Приснодеву в Мантии» Шантильи в книге: E. MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*, VI, p. 199. – Смотреть также Abel FABRE, *Pages d'Art chretien*, T. V, pp. 106-115.
 - (13) Cf. Emile MALE, *L'Art religieux du XIIIe siecle en France*, p. 43.
 - (14) Смотреть DUCHALAIS, *Le Rat employe comme symbole dans la sculpture du Moyen-age*, in *Biblioth. de l'Ecole des Chartres*, 2e serie, T. III, № 229.
 - (15) *Le Roman du Regnard*, Ire part., vers. 1333-1335.

III. ЧЕРНАЯ САТАНИНСКАЯ КУРИЦА

ЛСЛ

Фигура V. –
Сердце
эввольтации или
ворожбы, XVIII-е
столетие.
Из кабинета
автора

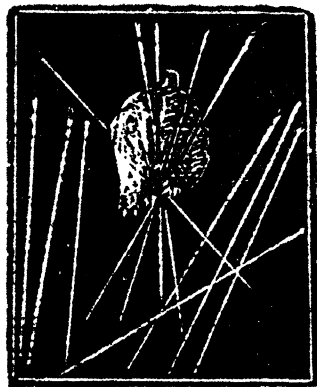
Необходимо, несомненно, искать в предсказательных и гадательных практиках язычества несчастную участь, связавшую черную курицу с худшими извращениями низшей магии.

Во Франции еще и сегодня некоторые деревенские колдуны совершают жертвоприношения черных куриц Сатане, и их закляние между другими намерениями связано с поиском скрытых сокровищ и пагубными операциями эввольтаций (1).

Дом Проспер Руссо, аббат Августинцев из Бошене (Vauchene) в Пуату, мне сообщил, что незадолго до 1900-го года один крестьянин, не пожелав из-за наследства свернуть шею своей тетушке, был рад резать за нее черную курицу и, замешав ее кровь с перьями, сжег все это и бросил пепел под кровать дорогой тетушке. Но, увы! Благодаря своему дурному характеру она, упорствуя, прожила на земле дольше, чем ее замечательный племянник, раскаявшийся в деянии перед своей смертью.

В 1922 году я получил от господина каноника-протоиерея Т. Барбо (Th. Barbot) из Пуатье небольшое сердце животного, величиной с сердце мумифицированной курицы и жесткое как картон. Оно было снабжено бронзовым кольцом и двумя булавками, пронзавшими его крест-накрест; предметы, конечно, являлись предреволюционного производства. Оконечности булавок загибались в крюки (Фигура V). Я видел и изобразил другое сердце той же величины, проткнутое двенадцатью новыми иглами. Оно находилось под разобранном полом в коридоре знакомого мне дома, и нынешний владелец жилища его сохранил (Фигура VI) (2). Можно считать определенным, что это сердца черных кур.

И в других мерзостях, о которых я не должен здесь упоминать, черная Курица изображает непосредственно Сатану; некоторые ему дают тогда имя Суккот Бенот (Succoth Benoth). Элифас Леви сделал для этой inferнальной эмблеме рисунок, который многим сродни другому переданному мне до того, как я познакомился с его произведением, и который я здесь воспроизвожу (Фигура VII) (3).

ЛСЛ

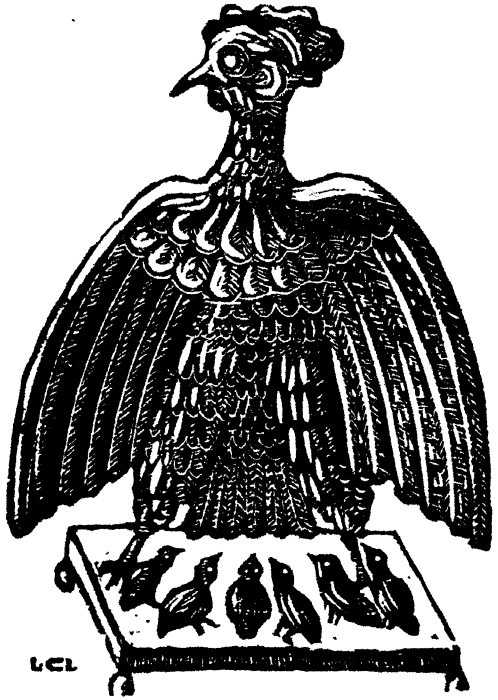
Фигура VI. – Другое
погибельное сердце.
(Верхушка изменена;
семь из двенадцати
пронзавших его
игл вырваны),
XIX-е столетие (2)

В своем трактате о Религиях, написанном в XVII-м столетии, Александр Росс рассказывает об идолах, некогда почитаемых в Самарии, и говорит, что они являлись равными «СукотБенот», «Дарохранительнице Девочек» (4); именно отсюда, несомненно, происходит имя сатанинской курицы.

Согласно Челламари (Cellamari), сукот-беноты обладали текстами, предназначавшимися для службы вавилонской Венере (5).

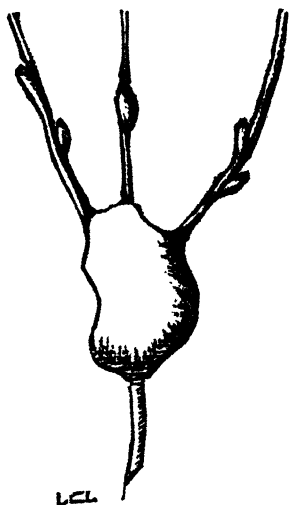
Говоря о ней, Коллен де Планси нам сообщает, что если бы он изображал Христа в виде эмблематической курицы, то украсил бы последнюю белым цветом в противоположность черной курице, столь часто применяемой в сатанинских заклинаниях колдовства (6). Это прекрасно.

Использование черной в качестве жертвы одинаково встречается в обычаях африканских негров. В области Сюзаных (Suzanah) в португальской Казаманке высокопоставленные фетишисты еще и сегодня заставляют вводить в литургию своих энвольтаций и практик погибельного колдовства жертвоприношение черной курицы, которая затем хоронится, повинувшись особым ритуалам (7).

Фигура VII. – Адская курица, называемая Суккот Бенот

- (1) Один из наиболее известных трактатов по современной низшей магии с красным Драконом носит название *Черной курицы*.
- (2) Смотреть L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Les Coeurs d'envoutement in AEsculape*, 31 octobre 1936.
- (3) Eliphaz LEVI, *Les Mysteres de la Kabbale*, p. 58.
- (4) Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*, traduction Th. Grue, 1666, p. 50.
- (5) Christophori CEELAMARI, *Collectionae Historiae Samaritanae*, (1688), p. 48.
- (6) Collin DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, V Poule.
- (7) Cf. Didier POULAIN, *Au pays des Sorciers et des Feticheurs*, septembre 1934.

Фигура VIII. – Пенистая масса личинки Афрофоры, называемая «слюной кукушки», оставленная на соединении набухших веточек ивы. Из природы

IV. КУКУШКА, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ КУРИЦЫ

Естественная антитеза курицы в качестве эмблемы материнской заботы это самка европейской кукушки. Известно, что она в своем годовом возвращении из Африки подбрасывает свое яйцо в гнездо другого насекомоядного – трясогузки, овсянки, снегиря, певчего или черного дрозда; яйцо раскрывается, и вскоре не желаемый птенец выбрасывает вниз из него законных детенышей, чтобы ни с кем из них впредь не делить пищу, которую приносят введенные в заблуждение птицы.

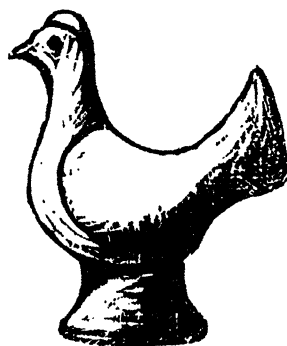
Что касается подлинной матери, избавляющейся так от своих детей, то она лучше всего подходит, чтобы символизировать оставление материнских обязанностей.

Древние в своих вымыслах не желали, чтобы бесцеремонность кукушек по отношению к своему семейному долгу могла, по крайней мере, теоретически оставаться без наказания; равно Святой Исидор Севильский, в начале VII-го столетия подытоживший более древние предания, нам рассказывает, что кукушка, имеющая в период откладывания яиц привычку повсюду плевать, порождает своими плевками особый вид цикад. Когда эти насекомые вырастают, то привязываются к кукушкам и, по словам Святого Исидора, проникают в их крылья и изрешечивают их грудь укусами, которые могут им быстро причинить смерть; и это правда.

На самом деле, целиком белая весенняя эмульсия, называемая в некоторых западных и южных провинциях Франции «слюной кукушки», производится личинкой Афрофоры или пенистой Цикады (*Aphrophora spumaria*) (Фигура VIII), но какая от этого разница? Предания наказали чудовищное поведение кукушки, мораль которых, по крайней мере, здравая и спасительная. Вот все, что оказалось необходимо для наших старых символистов.

В Анжу и Пуату, а особенно в области Шоле (Cholet) и Брессюир (Bressuire), деревенские жители называют «пометом кукушки» смолу вишен, черешен и персиковых деревьев, из которой делают ужасный клей; и о двух людях, живущих в сожительстве, они говорят, что они соединены «кукушкиным пометом».

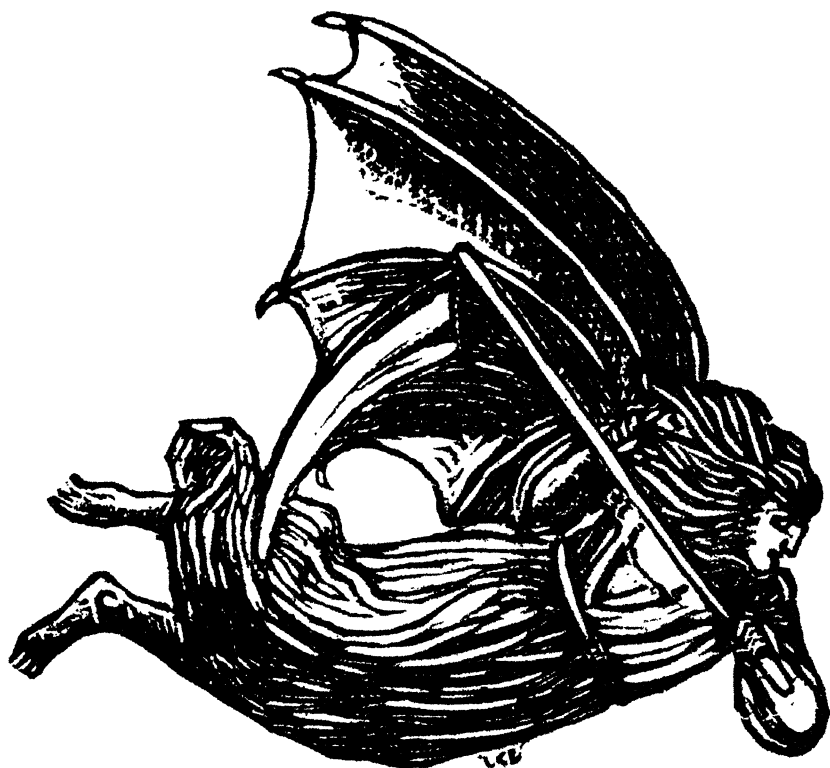
В Анжу и Пуату, а особенно в области Шоле (Cholet) и Брессюир (Bressuire), деревенские жители называют «пометом кукушки» смолу вишен, черешен и персиковых деревьев, из которой делают ужасный клей; и о двух людях, живущих в сожительстве, они говорят, что они соединены «кукушкиным пометом».

Фигура IX. – Почти белая терракотовая кукушка Буржа; галло-римская эпоха

ДВЕНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЧАСТИ ПТИЦЫ

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ВТОРАЯ

КРЫЛЬЯ ПТИЦ

I. КРЫЛЬЯ В СИМВОЛИКЕ ДРЕВНИХ

Крылья птиц, сделавшие их единственными владыками и хозяевами в воздушной области, еще вчера целиком недоступной человеку, всегда почитались в символическом искусстве древности: Египтяне преклонялись перед крыльями Гора-сокола и срачивали их с образом диска божественного солнца; Ассирийцы делали то же самое, связывая их мощными плечами Херувимов-тельцов; на Скинии Израиля они оттеняли собой Ковчег Завета, величие трижды святого Бога; у Греков Сфинксы и Пегасы простирали свои длинные крылья, наравне с Никой (Нике), Победой; мы видим их привитыми к ногам стремительного Гермеса, как и к колесам колесницы Триптолема, и Химера на шедеврах великих художников Эллады взлетает в своем размашистом полете и парит в лазури. Галлы прикрепляли к своим шлемам распростертые крылья; и на многих их золотых и серебряных монетах конь-андроцефал оседлан крылатым гением.

Повсюду в эти отдаленные времена крылья являлись одной из идеограмм Славы, Красоты, Верховенства и Возвышенности, чаемого или полученного покровительства и содействия Свыше, устремленности к духовным или философским высотам.

В III-м столетии нашей эры ирландский бард Оссиан, воспевая богов и героев зеленого острова Эрин, говорит победоносному Катмору (Cathmor): «Я восхожу на крыльях орла, чтобы охватить славу».

Авгуры Рима и всего Древнего Мира пытались прочесть в полете птиц самые ценные предзнаменования, толкуя волю богов на человеческие судьбы: «Сохрани в своей девственной руке участи, открытые полетом птиц на месте, где я получаю прорицания», – сказал Еврипид авгуру Тиресию (Thiresias).

II. КРЫЛЬЯ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

В то же самое время, когда крылья вошли в антропоморфические изображения ангелов, или, быть может, даже раньше Христианское искусство первых веков позаимствовало крылья языческих Дедала и Икара, созданных критской мифологией (1), чтобы передать их святой душе в ее восхождении на небо. Таким образом, мы видим в римских катакомбах Домитиллы крылатую душу ребенка Пасифила (Фигура I), точно представленную как бронзовая дохристианская статуэтка Икара из Смирны (Фигура II) (2). Дальше мы

ΨΧΗ

Фигура I. – Душа Пасифила (Pasiphilos). Катакомбы Домитиллы в Риме. Согласно Дому Леклерку

увидим, что крылья птицы, отделенные от своего тела, отображались в римских катакомбах.

Тысячелетие спустя, в Средние века появилась в герметических кругах эмблема, сохраненная для нас тайными архивами *Внутренней Звезды*, состоящая из крыльев птицы, отображенных двумя древнееврейскими буквами «йод»; одна справа, другая – перевернутом состоянии; и обе они соединены основой (Фигуры III и IV) и помещены наверху круга или сферы; это иероглиф Святого Духа, парящего над миром, «Пара-

ΨΧΗ

Фигура II. – Статуэтка Икара из Смирны

Фигуры III и IV. –

1) Древнееврейская буква *iod*; 2) две буквы *iod*, соединенные в своей основе

клета, оплодотворяющего Землю» (Фигура V).

На геральдическом языке можно назвать это линейное положение двух «йод», соединенных в форме птичьих крыльев, «парящим Полетом»; оно отличается от «взмывающего Полета» и от «нисходящего Полета»: о них мы расскажем дальше.

Когда этот «парящий Полет» не возвышается над земным шаром, то уже обозначает не Святой Дух, но становится эмблемой Предвечного Слова, Слова Божия, о котором сказал Святой Апостол Иоанн: «В на-

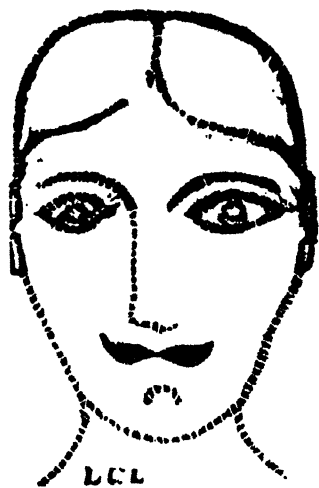
чале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (3). Итак, «парящий Полет», составленный из двух «йод» является эзотерической эмблемой Христа, Глагола Божия, пришедшего на землю, чтобы здесь распространить Слово истины и спасения.

Следуя параллельному символизму, Герметизм берет обе «йод» «парящего Полета», помещая их на человеческом лице, чтобы составить из них губы, являющиеся плотскими органами человеческого слова, инструментами, благодаря

ΨΧΗ

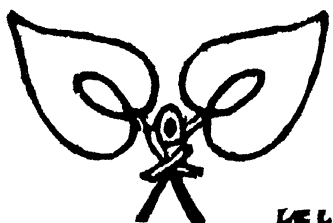
Фигура V. – Две буквы *iod* и сфера

Фигура VI. – Два *iod*, герметический образ человеческого слова

тинская Церковь, всякий раз воспевая этот стих псалма в сумеречной службе Повечерия, завершает его молитвой, которую подхватывает Капитул: «Покровительствуй нам, Господи, под сенью крыл Твоих» – “*sub umbra alarum tuarum, protege nos*” (6).

Западная эмблема состоит из двух семян «вяза, соединенных наподобие крыльев». Разумеется, символист *Внутренней Звезды* взял соединенные семена обычного вяза, *ulmus campestris* Линнея, с тем, чтобы заменить семена смоковницы, почти неизвестной в Европе в его эпоху.

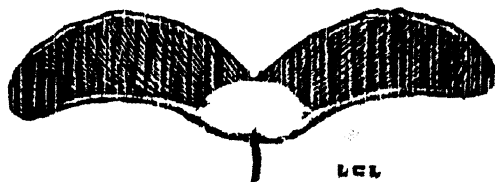

Фигура VIII. – Два семени вяза, стилизованные и соединенные, XV-е столетие

которым выражается мысль и распространяется звуками по воздуху. Слово предстает воздушной и летающей вещью: “*Verba volant...*”, гласит одна известная пословица (Фигура VI).

Мы уже видели в главе о «Человеческих губах» две «йод», использующие символизм произнесенного слова (4).

Символический секретный сборник *Внутренней Звезды* указывает две других эмблемы в форме «парящего Полета»: крылатое семя западного вяза и оное же смоковницы Востока (Фигура VII), которые обозначаются в качестве таинственно олицетворяющих любящее покровительство Христа, распростертое над своим верным и как бы символизирующее следующее слов царя Давида, ставшее литургическим во всех христианских обрядах: “*Scapulis suis obumbrabit tibi, et sub pennis ejus sparabit*”; «Плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешься...» (5). И латинская

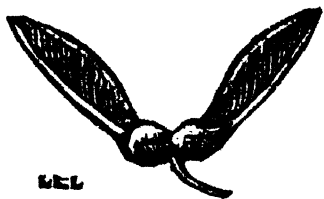
Фигура VII. – Семя смоковницы, реальная величина

Церковь, всякий раз воспе-
вая этот стих псалма в сумеречной
службе Повечерия, завершает его
молитвой, которую подхватывает
Капитул: «Покровительствуй нам,
Господи, под сенью крыл Твоих» –
“*sub umbra alarum tuarum, protege
nos*” (6).

Западная эмблема состоит из двух
семян «вяза, соединенных наподобие
крыльев». Разумеется, символист
Внутренней Звезды взял соединенные
семена обычного вяза, *ulmus campestris*
Линнея, с тем, чтобы заменить семена
смоковницы, почти неизвестной в Европе
в его эпоху. Примечательно, что они
связаны инициатическим узлом, находящимся
на многочисленных документах конца
Средневековья (Фигура VIII) (7).

Кольцо, которым украшено посередине пергаментное семя вяза на рисунке эмблемы, указывает на вздутие сумки, содержащей растительный зародыш.

Относительно дважды крылатого семени смоковницы сборник, разбирая его, старается следовать рекомендации указанного смысла данного замечания: известно, что в сущности Закхей

Фигура IX. – Семя
полевого клена

был «коротышкой», о чем рассказывает Святой Апостол Лука (4), но пожелав увидеть Спасителя глазами своего тела, поднялся своим маленьким телом на ствол смоковницы; подобно тому и мы, желающие увидеть Бога духовными глазами, просим Его возвысить наш дух к Нему, наподобие того, как ветер поднимает семя смоковницы, высоко его унося.

Два соединенных семени вяза, я полагаю, были выбраны лишь из-за роли, предоставляемой ими инициатическому узлу, форма которого мало варьируется в герметической иконографии Средневековья и обозначение которого в ту пору сильно ценилось братствами *Внутренней Звезды*, поскольку другое семя, принадлежащее полемому клену, (*acer campestre*), могло лучше соответствовать, будучи совершенно родственным с семенем восточной Смоковницы, «геральдическому Полету Герба» (имеются в виду геральдический размах крыльев – прим. пер.) (Фигура IX).

- (1) Смотреть Mario MEUNIER, *La Legende dorée des dieux et des héros*, pp. 310-312.
- (2) Cf. Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archeologie chrétiennes*, T. I, p. 142, fig. 24, 25.
- (3) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 1, 14.
- (4) Vid. sup. Ch. XI, *La langue et les levres humaines*.
- (5) *Псалтирь*, Псалом 90, стих 4.
- (6) *Breviaire romain*. Off. dominic des Complices. Согласно Псалму XXXVI-му латинской традиции, 8).
- (7) Например, *Grant Kalenrier des Bergiers*, edition de 1480, fol. xxxij, xxxiij. Плавный узел у Египтян являлся знаком посвященных в мистерии. Cf. BRUGSCH-BEY, Berlin, *Jaake*, T. avr. 1878, p. 42, ap. SCHLIEMANN, *Mycenes*, p. 324; это произведение приводит узел на фарфоре египетского и герметического изготовления, fig. 323, 352.
- (8) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 19, стих 2-10.

III. «РАЗМАХ КРЫЛЬЕВ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

В дворянской геральдике западных стран, по крайней мере, начиная с XII-го столетия, два птичьих крыла, отделенных от своего тела, но почти всегда соединенных вместе в своей основе, стали под именем «взмывающего Полета» (1) эмблемой, обозначающей всякие великие устремления, возвышенные сами по себе, располагавшие рыцаря в чистой и благородной ментальной атмосфере намного выше вульгарных мыслей и грубых позывов, принижавших и порой очень низко низводивших; таков смысл герба Дома де Вердильяк (de Verdilhac) из Пуату, на красном геральдическом поле которого изображен серебряный размах крыльев (Фигура X) (2), герб семейства Осмон де Медави (Osmond de Medavy), носящих на красном поле

LEL

Фигура X. –
«Взмывающий полет».
Герб семейства
де Вердильяк

размах крыльев в горностаевой отделке (3); таково же одно из значений эмблематического «полета» Луи де Бурбона, герцога Монпансье (duc de Montpensier) в XVI-м столетии, сопровождаемого словом *Espérance* (Упование); и герба сеньора Фуэнтеса той же эпохи, увенчанного словом *Ascendo* (Восхожу).

В духовном и религиозном смысле «размах крыльев» обозначал душу, охваченную высшим идеалом; под его покровом она появляется очищенной от материи настолько, насколько сие возможно на земле, поскольку два крыла «полета» являются избавленными от телесной тяжести птицы; облегчаясь, таким образом, она всегда восходит и парит в светлых пределах, наполняемых ясностью. Вот почему мистика всегда олицетворяла с «полетом» Молитву и Созерцание;

данный смысл необходимо признать на епископском гербе монсеньора Латти (Mgr Latty), епископа Шалона в 1895 году: «На лазоревом геральдическом поле находится размах крыльев (крылья молитвы); в расшитой главе пребывает золотая пятиконечная звезда» (Фигура XI) (4).

К концу XIV-го столетия автор *Внутреннего Утешения* (*Internelle Consolation*; первое французское название *Подражания Христу*) писал, соглашаясь с мистицизмом своей эпохи: «Человек обладает двумя крыльями, благодаря которым он поднимается к Богу и отрывается от мира: это познание простоты и чистоты. Простота заключена в намерении; чистота – в любви. Простота устремляется к Богу – это разумение относительно того, что делается для любви лишь к Богу, по крайней мере, в главном. Чистота вкушает Бога, наслаждаясь Им» (5).

Последние столетия создали немногим в том же смысле символический мотив, связав оба крыла с человеческим сердцем в изящных и довольно наивных композициях. В одной из них, приводимой здесь, можно увидеть под крестом эмблему человеческого сердца, восходящего на крыльях молитвы и страдания (Фигура XII).

Либертарианцы XVIII-го столетия брали крылатое сердце за символ моральной легковесности и непостоянства: печать этой эпохи представляет сердце, несомое двумя крыльями, над которыми надпись: «Я ПЕРЕМЕНЧИВО» (6).

LEL

Фигура XI. – Епископский
герб монсеньора Латти

Р.Р.Р.

Фигура XII. –
Сердце,
восходящее к Богу.
Образ благочестия,
XVIII-е столетие,
четвертая часть от
реальной величины

Ренессанс, столь прискорбно порвавший со старым и таким богатым христианским символизмом, извлек, тем не менее, счастливую часть из нас занимающей эмблемы: он сделал из нее «Ангелочков», которых составил только из лица, помещенного на основании «полета» между двумя крыльями; ангел, небесный посланник стал, таким образом, более воздушным, еще более небесным: именно тут заключен самый нематериальный образ воспроизведенного искусством Посланника Всевышнего (7).

Однако было сделано еще лучше.

Именно в замке де ла Булэ (de la Boulaye) (8) я встретил очень удачное использование символических крыльев на живописном деревянном панно середины XVI-го столетия, принадлежащим госпоже маркизе де Сентре (de Cintré): это небольшой корпус плафона, происходящий из замка Пюи-дю-Фу (Вандея), изображающий целиком белый «размах крыльев» с двумя белыми лентами, где читаются следующие слова: DIVINITAS – на правой ленте; и на другой – HUMANITAS; расположение крыльев и перевязей образуют букву Х, греческий инициал Господа Христа (Фигура XIII). В действительности благодаря соединению в Себе божественного и человеческого естества Искупитель снизошел с небес в дольний мир, осуществив примирение неба и земли, и стал верховным Посредником.

В геральдической теории это всегда крылья отважного, стремительного, сильного и благородного хищника, образующие, даже в мистическом значении, геральдический полет. И все же средневековая духовность иногда избирала крылья Голубя: мистическое завещание Средневековья – Подражание Христу – выражается следующим образом в своей наиболее древней форме: «Кто даст мне крылья как голубю, и я полечу к Богу, и я найду в отдохновение (в Нем)» (9).

Антитезой «взмывающего» геральдического полета является «нисходящий полет» (Фигура XIV).

В дворянской геральдике «нисходящий полет» это орел на утесе, яс-

Фигура XIII. – Корпус деревянного живописного плафона, происходящий из замка Пюи-дю-Фу, Лез Эпесс (Вандея), XVI-е столетие

треб или охотничий сокол на шесте или на кисти руки ловчего; это заслуженное отдохновение после рыцарского деяния, это умиротворение и покой (10).

За пределами герба в духовной эмблематике это душа, которая из-за недостатка воли не смогла взлететь и, обескураженная, прикинула к земле; это духовное бессилие онемевшего духа, которому вопиет Небо: «Помоги себе, и Я тебе посодействую! Но кто остается глух к голосу Всевышнего; не поможет себе никак, и приходит смерть».

Фигура XIV. –
«Нисходящий
Полет» дворянской
геральдики.
Согласно LABITTE,
Traité élémentaire
du Blason, p. 106,
№ 347

- (1) Некоторые гербовники говорят об «обращенном Полете».
- (2) Cf. R. PETIET, *Armorial poitevin*, p. 114.
- (3) Cf. V. BOUTON, *Nouveau traité des armoiries*, p. 446.
- (4) D'ARLOT DE SAINT-SAUD, *Armorial des Prelats francais au XIXe siècle*, p. 80.
- (5) *Le Livre de l'Internelle Consolacion*, Liv. I, ch. IV. Edition Moland et Héricault, p. 12. Paris, Janet, 1856.
- (6) Из кабинета автора.
- (7) Почему профаническое искусство подвергло «профанации» очарование этих маленьких ангелов, сделав из них почти с начала их возникновения «Амуров» более умаленного порядка.
- (8) Коммуна Трез-Ван (Treize-Vents) (Вандея).
- (9) *L'Internelle Consolacion*, Liv. II, ch. XXXI (первая французская версия Подражания Иисусу Христу, XV-е столетие).
- (10) Обычно два крыла «нисходящего Полета» соединены вместе, в противоположность примеру, здесь представленному.

IV. КРЫЛЬЯ ЖИВОТНЫХ ТЕТРАМОРФА, АНГЕЛЫ И ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Мы видели в главе о Тетраморфе, что четыре Животных видений Иезекииля и Святого Апостола Иоанна обладали: одни по четыре крыла, а другие по шесть крыльев, чтобы обозначить их небесное естество, их духовный характер, их несравненную ловкость и их чрезвычайную пылкость.

По тем же самым причинам христианская иконография привила простые или многие крылья ангельским Духам, по крайней мере, наиболее возвышенным из их порядков.

Папа Святой Григорий Великий излагает следующим образом символическую роль четырех таинственных животных: «Эти четыре животных, которых дух пророка предвидит в будущем, живописуются для нас в искусном и проникновенном описании, когда он говорит, что у каждого из них по четыре лица и по четыре крыла. Что обозначает Лицо, если это не Знание; и что суть крылья, если это не Полет? Именно благодаря лицу каждый узнает-

ся; и благодаря крыльям птицы взлетают в воздух. Значит, лицо соотносится с Верой, а крыло с созерцанием; поскольку посредством веры всемогущий Бог нас познает. Благодаря созерцанию, возвышающему нас над нами самими, мы поднимаемся будто бы в воздухе». Святой Григорий Двоеслов выразил эту символическую концепцию в VI-м веке (1).

На протяжении Средневековья ваяние и живопись связывали иногда крылья с человеческими образами всех Добродетелей, особенно с Упованием, Милосердием, Истиной и Правдивостью, Евангельской Бедностью и Покаянием (2). Здесь крылья передают еще этим символическим персонажам их духовный характер, помещающий их выше простых естественных добродетелей в некий идеал, которому последние соответствуют, будучи очищенными, насколько возможно, от мелочных целей. Ведь на земле, как сказал об этом Пеладан, «всякий идеал идет от потустороннего мистического Идеала» (3).

(1) Saint GREGOIRE LE GRAND, *Exposition sur le prophete Ezechiel. Homelie* III, liv. I.

(2) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chrétien*, T. III, passim et pl. XX.

(3) Josephin PELADAN, in *Le Foyer*, T. XII, p. 388.

V. ПРОКЛЯТЫЕ КРЫЛЬЯ

Они быются обыкновенно по бокам inferнальных животных, вампиров, василиска (1), дракона, а иногда и сирены (2).

Фигура XV. – Сатана на гравированной меди XIII-го столетия. Согласно Mgr BARBIER, *Traité d'Iconographie*, T. II, p. 16, pl. XX, № 213

Эти крылья в воображаемых изображениях вышеуказанных животных сделаны не из перьев, но из одной мембраны, и способны лишь подчеркнуть свой характер проклятых зверей. В зоологии они являются крыльями рукокрылых.

Я видел только раз перепончатые крылья, собранные во «взмывающем полете»; они служили гребнем шлема в гербовом мотиве германского или славянского происхождения.

В христианском символизме перепончатые крылья связаны с идеей извращения интеллектуальных свойств, и задача, исполняемая ими, свойственна тем, кто занимается служением злу: посредством данного труда, как и всякого ментального

упражнения, они поднимаются вверх над человеческой общностью, но не в высшие пределы, наполненные глубоким покоем, но в вихревую область, чтобы спуститься оттуда, бросив на землю семена темного заблуждения, тревоги, раздоров, развращенности...

Это те же самые крылья, которыми христианское искусство наделяет Смерть (3) и часто Сатану (Фигура XV), Князя порочных и сбившихся с пути Умов; иногда даже демоны изображались в цельном виде летучей мыши (4), и это животное в народных преданиях Франции предстает неоднократно самим воплощением «Монарха Преисподней» (5).

Фигура XVI. – Проклятые крылья: Смерть, разрушающий бич; согласно Орканья в Кампо-Санто в Пизе. XIV-е столетие

-
- (1) Кафедральный собор Пуатье. Смотреть главу о Петухе, Фигура XIV.
 - (2) Церковь Святого Германа (Сен-Жермен) в Пуатье.
 - (3) На фреске из Орканья в Пизе, например. Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Manuel de l'Art chrétien*, p. 268, fig. 98; *Guide de l'Art chrétien*, T. III, p. 321, fig. 41.
 - (4) Кафедральный собор Пуатье.
 - (5) На капители, происходящей из Церкви Святого Георгия ле Бэйержо (Saint-Georges-les-Baillergeaux) близ Пуатье. Cf. BARBIER DE MONTAULT, *La Maldanzée*.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ТРЕТЬЯ

ПЕРО

ПУХ

I. ДРЕВНИЙ СИМВОЛИЗМ ПЕРА

В священной иконографии Египта перо страуса было иероглифом богини Ма или Маа'т, персонификации Истины, Искренности, Правосудия, исходя из чего, она выражала те же самые идеи.

Вот почему судьи, ассессоры Озириса, на судилище усопших носят иногда, как и сама Маа'т, перо на голове (1). Одинаково его держит развоплощенная душа как знак искренности и правоты совершенных ей деяний в течение земной жизни (Фигура I).

В теологических концепциях Египта Маа'т являлась дочерью Солнца, но порожденная от этой звезды, она представляла не богиней света, но скорее самим Светом, непосредственно исходящим от божественного светила и показывающим все вещи в их абсолютной реальности, во всей их истине.

Отсюда ее эмблемой было перо страуса, целиком белый как незапятнанный луч (Фигура II).

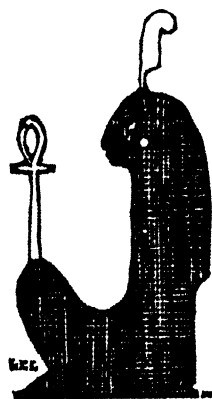
На другой стороне земного шара с незапамятных времен большие перья не страуса, но хищных птиц всегда рассматривались как символическое изображение лучей, нисходящих от лучезарного лица солнца, вот оттого Инки центральной Америки украшали ими вокруг свои головы (2).

У Греков и Римлян большое перо птицы (la penne) связывалось с символизмом быстроты, поскольку именно оно образует крылья пернатых, и им же оперялись стрелы луков (3).

Со времен Кесарей то же самое большое перо, обрезанное как античный калам, служило для письма. И хотя его повсеместное употребление распространилось лишь к V-му веку (4), оно уже применялось с начала II-го столетия, поскольку иконография колонн Траяна и Антонина предоставляют нам образчики сего.

ЛЕЛ
Фигура I. –
Душа-птица,
несущая перо.
Согласно
фрагменту
египетского
саркофага.
А. М. В. Бюжо
(Vujeau),
Лудюн (Вьенн)

Фигура II. –
Иероглиф
богини Маа'т.
Согласно
египетской
картине

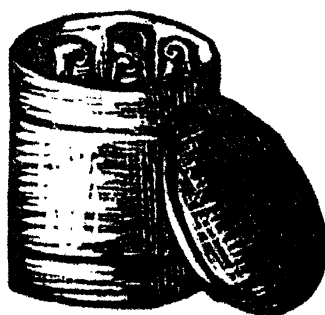
Говоря о павлине, мы равно увидели, что даже в христианские времена большие перья этой птицы обозначали, как и она сама, славу.

- (1) Cf. Philippe VIREY, *La Religion de l'ancienne Egypte*, p. 156.
- (2) Cf. G. BOUCHET, *Cosmogonie humaine*, p. 466.
- (3) A. RICH, *Dictionnaire des Antiquités romaines et grecques*; traduction Cheruel, p. 546.
- (4) Cf. BERCKMAN, *History of Inventions*, I vol. p. 408.

II. ПЕРО И ЭМБЛЕМЫ НАПИСАННОГО СЛОВА

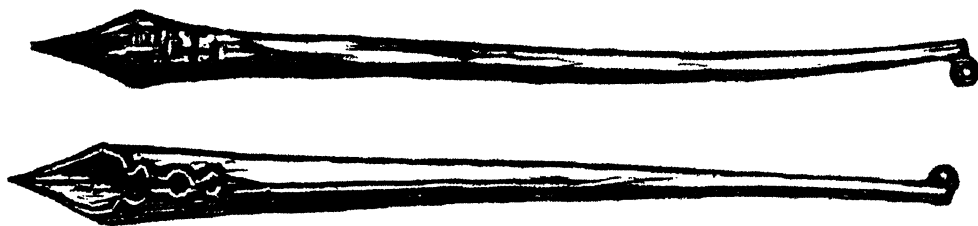
Католическая доктрина гласит, что Слово Божие стало известно нам не только благодаря словам, произнесенным устами Христа на земле и переданными нам Евангелистами в писании, но и еще благодаря тому, что одинаково записывалось Боговдохновенными людьми, признанными в качестве истинных орудий и толкователей божественного Слова.

Это написанное слово, этот переданный глагол обозначался различными символическими предметами и особенно *Евангелиарием*, содержащем четыре повествования о жизни Мессии. На памятниках и саркофагах из камня первых христианских столетий Евангелиарий отображался не открытой книгой, но *скриниумом* (*scrinium*) (также сосудом, ящиком для хранения рукописей – прим. пер.), видом печати, помещавшей четыре пергаментных свитка, представляющих четыре евангельских рассказа (Фигура

КСС

Фигура III. – Священный Скриниум на одной катакомбной фреске из Рима. Согласно X. BARBIER DE MONTAULT, *Op. cit.*

КСС

Фигуры IV и V. – Калам из бронзы; романская эпоха. Из кабинета автора. Приобретен в Лионе и происходит из аббатства Шэз-Дьё (Chaise-Dieu) (1924)

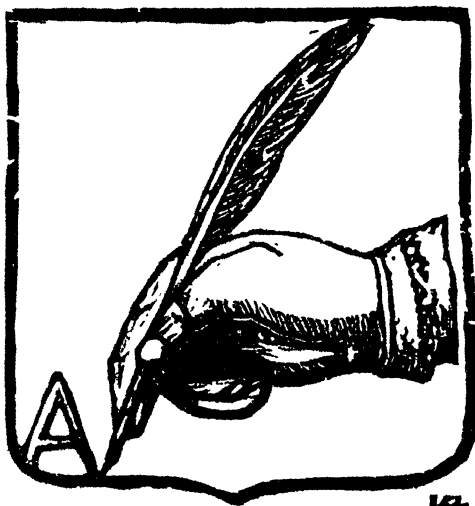
III). Сам Христос порой держит в руке *volumen*, пергаментный свиток с записанным на нем «Новым Заветом» (1); иногда Учитель протягивает свиток Святому Апостолу Петру, и рядом с ними читаются эти слова: “*Dominus legem dat*”.

К этой первой эмблеме нужно прибавить металлический или костяной *стилос*, служивший для записи на воске переносных табличек, бронзовый или камышовый *калам* (Фигуры IV и V), обрезанное гусиное, лебединое или павлинье *Перо*, применявшееся для записи чернилами.

Христианская иконография очень быстро вложила калам и перо в руки священных писателей, толкователей евангельских посланий, наставников и всех, чьи писания отмечались и почитались в Церкви.

В искусствах Средневековья миниатюристы, граверы, среди которых тот, кто украшал знаменитый крест Святого Бертена (2), влагли иногда перо в руки персонажей, обязанных его держать; скульпторы обыкновенно предпочитали более

простой в отображении калам, что мы видим в библейской утвари Доната и Аристотеля на портале кафедрального собора Шартра; но удаляясь от этой эпохи, перо с чернильницей, часто его сопровождающей, становится типичным написанного слова и тех, кто его использует, профессиональной эмблемой всех писателей, всех писцов: Базо (Bazot), нотариус XIX-го столетия, обладал следующим гербом: «на лазоревом геральдическом поле находятся три золотых чернильницы, снабженные каждая по одному гусиному серебряному перу» (смотреть также Фигуру VI) (3).

Фигура VI. – Герб «Корпорации писателей и школьных учителей» Бреста; XVII-е столетие:

«на лазоревом геральдическом поле изображена рука телесного цвета, в запястье одетая в серебряное, протянутая с левой стороны и держащая также серебряное перо, которым очерчивает золотую букву А».

Смотреть LACROIX, FOURNIER et SERE, *Hist. de l'imprimerie*, p. 60-61

(1) Смотреть BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chretienne*, T. II, pl. XXXV, № 358, p. 278.

(2) Cf. Emile MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 155.

(3) Согласно его экс-либрису, где мы читаем: «Базо, нотариус, Амьен, 1548-1858».

III. НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ СИМВОЛИЗМ ПТИЧЬЕГО ПУХА

Маленькие птичьи перья обладали в христианской символике досадной ролью обозначения трех человеческих недостатков: *Легкомыслие*, *Непостоянство* и *Изнеженность*; Легкомыслие и Непостоянство, поскольку малейшее дуновение ветра сметает эти маленькие перья, что позволило воскликнуть: «Ибо надежда нечестивого исчезает, как прах (в латинской традиции пух – прим. пер.), уносимый ветром, и как тонкий иней, разносимый бурею, и как дым, рассеиваемый ветром, и проходит, как память об однодневном госте» (1).

Изнеженность, поскольку ленивый не в силах старательно вырваться от тепла пуха своей постели; даже кротость, которую представляет пух в профанической символике, не способна его удержать в достойном звании, ведь все материальное не является кротостью, прославленной Христом, когда Он сказал: «Блажени кротцыи, яко тии наследят землю» (2); чему отголоском вторит древний Псалом: «Кротцыи же наследят землю и наслаются о множестве мира» (3). В романах Артура цикла о Круглом Столе упоминание пуховой постели всегда сопутствует сценам, когда расслабленность вмешивается в практику рыцарских или христианских добродетелей.

(1) *Книга Премудрости Соломона*, Глава 5, стих 14.

(2) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 5, стих 3.

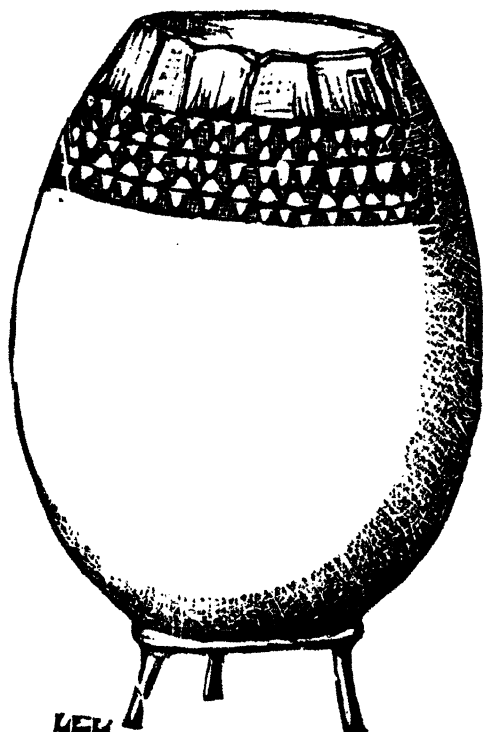
(3) *Псалтирь*, Псалом 36, стих 11.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЙЦА ПТИЦ

І. ДРЕВНИЙ СИМВОЛИЗМ ЯЙЦА

Ф ортунат Паранто – после других – полагал, что прототипом первого опыта человека в керамическом искусстве, на который он вдохновился, был не цветок, о чем писали Ж. Лелевель (J. Lelewel) и дю Клузиу (H. Du Clouziou), но оказалось Яйцо Птицы (1). Исследование наиболее древних известных ваз, предоставляемых человеческими установлениями неолитической эпохи, не подтверждает мнение ни одного из этих авторов (2).

Фигура І. – Яйцо страуса, вмонтированное в кубок, половина от натуральной величины. Гробница Суб-Ад, царицы Ура. Смотреть L. ABENSOUR, *Op. cit.*, fig. VIII

Но, наоборот, достоверным представляется, что яйцо являлось в самых древних человеческих сообществах одной из первых религиозных эмблем в качестве, по крайней мере, идеограммы отправной точки существ, первоначальным зародышем жизни, поскольку благодаря интуиции, которая им не изменяла, примитивные люди заблаговременно восприняли знаменитый афоризм, которым Харвей (Harvey) завершил свои ученые исследования общей биологии: "*Omne vivum ex ovo*", «всякое живое существо происходит от яйца», то есть зародыш заключен в некоей оболочке (3).

От наиболее древних династий Египтяне поставили яйцо в соответствие с идеей начала всех вещей, самой сущности живых существ. Они называли его Водным Яйцом, и именно над природным яйцом или над эмблематическим яйцом из глины читались заклинания, которые должны были зачаровывать воды (4). И это Водное Яйцо, «великое в высшем небе и великое в низшем

небе» заставляло невольно мечтать о Духе Божиим, носившемся над первоначальными водами, над текучим хаосом, когда в начале вещей десница Предвечного заседала над бродившими мирами первые зародыши жизни (5). Разве не сообщают аллегорически некоторые египетские тексты о том, что все эти зародыши покоились в божественном яйце, которое высиживал Тот-Ибис в Мемфисе (6).

На Крите в микенскую эпоху и на протяжении двух последних тысячелетий до нашей эры хранились в богатых усыпальницах эмблематические яйца больших птиц, даже яйца страуса, роскошно вмонтированные в кубки.

Недавние раскопки, произведенные в Уре в Халдее, родном городе Авраама (7), открыли гробницу царицы Суб-Ад IV-го тысячелетия до нашей эры. Среди драгоценных предметов, обеспечивавших усыпальницу этой правительницы, фигурировало одно натуральное яйцо страуса, вмонтированное в кубок на треноге из чистого золота; оно украшалось пластинами из перламутра, инкрустациями красных камней и ляпис-лазури (Фигура I). В той же самой гробнице находилась золотая копия этого яйца страуса (8).

Но я не знаю, стоит ли приписывать символический смысл яичной скорлупе, иногда встречающейся в захоронениях независимой Галлии. Она находилась там (9), сопровождаемая останками животных, что является доказательством положения вместе с человеческим прахом «залога» для путешествия в будущую жизнь.

Напомним здесь для той же самой эпохи о символическом стеклянном или кристаллическом яйце, которое носили на шее великие Друиды, и которое считалось обозначавшим притязание на то, что они могли читать будущее (10).

Макробий сообщает нам, что в греко-римских мистериях Liber Pater Яйцу «воздавались почести с сугубым преклонением лишь по причине его овальной и почти сферической формы, которое не представляет раскрытие какого-нибудь смысла, поскольку оно заключает в себе жизнь...» (11)

Галло-римляне продолжили древний обычай помещать яйца в усыпальницах не только как провизию для великого путешествия, но, быть может, как эмблему принципа жизни, загробной жизни даже посреди смерти; и дабы удовлетворить практики более или менее традиционной магии, иногда в эту эпоху целные яйца филина клались рядом с человеческими останками, как, например, в Кенуийере (Quenouillere) в Ангумуа (Angoumois) (12). В Сёрпе (Seurre) в Бургундии это яйцо из каолина, помещенное в тех же самых условиях, которое могло отражать тождественный смысл (13). Подобно этому и в Блуа было открыто одно символическое яйцо в захоронении (14).

(1) F. PARENTEAU, *Inventaire archeologique*, p. 175.

(2) Смотреть J. DECHELETTE, *Manuel d'Archeologie prehistorique*, T. I, p. 345-365.

(3) Смотреть P. LE COUR, *Les OEufs de Paques*. In *Atlantis*, année 1930, (27-28), p. 121.

- (4) Смотреть CHABAS. *Le Papyrus Heris*, p. 144. – LEFEBURE, *Rites égyptiens*, p. 93. – Ph. VIREY, *Religion de l'ancienne Egypte*, p. 219.
- (5) Книга Бытия, Глава 1, стих 2.
- (6) ERMON, *Religion égyptienne*, p. 40. – *Livre des Morts*, ch. 85, ap. Alex. MORET, *Mysteres égyptiens*, p. 115.
- (7) Книга Бытия, Глава 9, стих 28, 31; Глава 15, стих 7.
- (8) Cf. L. ABENSOUR, *Une Visite aux fouilles d'Ur*.
- (9) Раскопки Шателье-Шатомюра и Бурбеляра в Пузоже (Вандея), 1898-1901.
- (10) Cf. AURIGER, *Le Culte d'Isis en Gaule*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVII, № 147, p. 174.
- (11) MACROBE, L. VII, 16.
- (12) G. CHOURET, *Une Tombe gallo-romaine a incineration a la Quenouilliere (Charente)*, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, 3e serie, T. VII, p. 164 (1925).
- (13) Abbé CLEMENT, in *Memoire de la Société Eduenne*, 1881, 2e serie, T. X.
- (14) L. GROGNARD, *Bulletin de l'Association française pour l'avancement des Sciences*, année 1886, I, p. 276.

II. ЯЙЦО И ИДЕИ ОЧИЩЕНИЯ И КРАСОТЫ

Римляне, несомненно, после Этрусков, связывали с присутствием яйца таинственную власть очищения и силу, быть может, исходящую из той же идеи удалять от человеческих жилищ зловердные воздушные гении.

У Древних, как писал в XVI-м столетии нашей эры Корнелий Агриппа Неттесгеймский, «яйцо использовалось в церемониях очищения, откуда название «очистительных яиц», о чем говорят и стихи Овидия: «Как женщина в годах спешит исполнить долг, благословляя ложе и жилище, имея серу с яйцами в своей руке дрожащей» (1). Я не обнаружил даже черты этого античного значения ни в одном из народных обычаев Франции (2).

Но другая больше восточная и греческая, нежели латинская, концепция сделала из яйца или точнее из яйцевидной формы, естественной моделью которой является первое, одним из символов линейной, равномерной и совершенной Красоты; и все древние искусства любили использовать яйцеобразный орнамент в декоративных работах. После древнего Египта Ближний Восток часто придавал форму яйца терракотовым лампам, и в этой области христианское искусство первых веков сохраняло то же самое употребление. Дом Леклерк опубликовал яйцевидную христианскую лампу из Коптоса: ее центр украшен прекрасной хрисмой (монограммой Христа в круге – прим. пер.), вершина которой показывает крест между двумя юными лицами; вокруг читается надпись: *eumorphoikalo...* (3), «прекрасная форма – красота», что переводилось следующим образом: все красивое обретается в том, что есть красота.

Тот же самый бенедиктинский ученый описывает другую христианскую лампу, происходящую из Каира: «Она действительно в форме яйца, которое несут три львиных лапы...» (4)

В Новом Свете с незапамятных времен Индейцы Сиукс (Sioux) из Северной Америки верят, что грозы заключены в невидимых яйцах одной маленькой и божественной птицы, Духе Грома, несущей их в священном месте, где они спешат стать жертвоприношениями, наподобие листьев табака (5).

- (1) Corn. AGRIPPA, *De Occulta philosophiae*, Lib. III, cap. LVII.
- (2) Плиний подробно занимается верованиями своего времени, относящимися к различным свойствам куриных яиц и их скорлупы. *Histoire naturelle*, LXXIX, 12, 13.
- (3) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, fasc. 84, col. 1104, fig. 6 588.
- (4) *Ibid.*, col. 1107, № 35.
- (5) G. CATLIN, *La vie chez les Indiens*, traduction de F. de Lanoye, pp. 167-169.

III. ЯЙЦО, ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛ УПОВАНИЯ

Яйцо, как и зерно, являющееся растительным яйцом, содержит в интересах активного естества обетование новой жизни, которая вскоре придет распуститься и действовать, и что так называемое естество вправе надеяться по факту самого существования яйца.

Для человека, который благодаря провиденциальному закону выращивает в целях своего пропитания домашних птиц и который для украшения и очарования своей жизни видит вокруг себя вольных птиц, сооружающих свое гнездо, яйцо также изображает упование блага, более весомое в значении, чем само по себе. Отсюда понятно, что яйцо очень рано было взято как одна из эмблем Надежды.

Когда христианство сделало из этого чувства, перенеся его на сверхъестественный план, одну из трех теологических добродетелей, яйцо осталось одной из его эмблем. Вот почему Святой Августин смог написать этот текст, цитируемый Мартиньи (1): *"Restat Spes quae quantum mihi videtur, Ovo comparatur. Spes enim nondum pervenit ad rem; et Ovum est aliquid, sed nondum est pullus"* – «Остается Упование, которое, на мой взгляд, может сравниться с яйцом. Надежда на самом деле еще не достигла цели; равно и яйцо есть нечто, но еще не цыпленок» (2).

Для Святого Августина, как и для всякого христианина, добродетель Уповаания может иметь целью только полное обладание даром Божиим в жизни, освобожденной от земной материальности.

Это то, что, конечно, выражает надпись, гравированная по периметру маленького яйца из слоновой кости, висящего на серебряном кольце, завитом на манер венецианской филигранны XVI-го столетия. Надпись гласит: *"Post tenebras spero lucem"* – «После тьмы надеюсь на свет» (Фигура II). Для заточенного в яйцо цыпленка это стремление к свету дня после вылупливания из скорлупы; для христианина это надежда, что его душа после разрушения теле-

Фигура I. –
Символическое яйцо
полностью
из слоновой кости,
XVI-е столетие.
Коллекция Габриэля
де Фонтэна
в Сен-Андре-
сюр-Севр (D.-S.)

сных связей целиком возрадуется в излучении Того, о Котором Святой Иоанна сказал, что Он вечный светильник рая (3).

И это приводит нас к самому известному христианскому символизму яйца, выражающему высшее упование христианина в счастливое существование по ту сторону могилы в полном возрождении своего существа.

(1) MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 470.

(2) Saint AUGUSTIN, *Serm.* CV, 8, opp. T. V, p. 379.

(3) *Откровение Святого Иоанна Богослова*, Глава 21, стих 23.

IV. ЯЙЦО, СИМВОЛ ВОСКРЕСЕНИЯ И ИИСУСА ХРИСТА

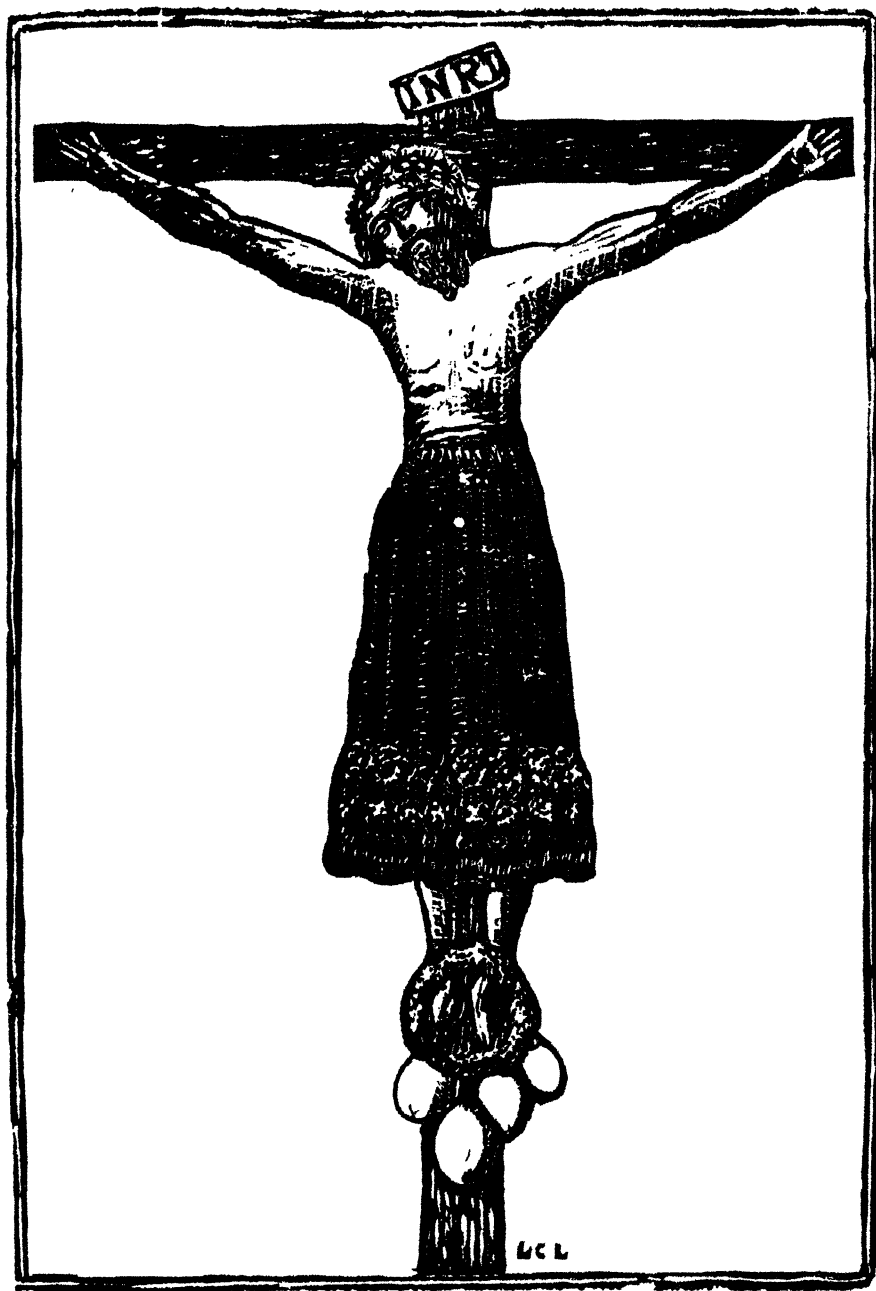
Во все времена делалось сопоставление между идеей возрождения к будущей жизни и яйцом, скорлупа коего может быть уподоблена ограде гробницы, где почивает поначалу инертный в объятиях смерти принцип жизни, который однажды должен расцвести и начать действовать: "*Ex morte vita*".

Вот почему христианский символизм воспринял яйцо как один из многочисленных символов воскресения. И это объясняет присутствие в Риме мраморных символических яиц, больших, как и куриные яйца, на могилах мучеников, например, Святых Бальбины и Феодоры (1). Одинаково несколько раз в других усыпальницах мучеников, в самих римских катакомбах, находили скорлупу натуральных яиц (2). Я сам встречал куриное яйцо в двух христианских захоронениях франкской эпохи в Сен-Марсо (Saint-Marceau) (До-Севр) в 1900-м году и в Самарсолле (Samarçolles) (Вьенн) в 1904-м году; VI-е или VII-е столетия.

Не представляет никакого сомнения, что во всех этих случаях яйцо выражает в объятиях самой смерти идею будущего возрождения (3).

В данном качестве яйцо принадлежит эмблематике Иисуса Христа, являясь прототипом воскресшего. Мы увидим, что сама литургия сделала из него непосредственно свой образ.

Древние уже обоснованно рассматривали в качестве прекрасного образчика яйцо страуса, как из-за его величины, так и по причине гибкости его закруглений. Больше того, натуралисты считали, что способ инкубации (высиживания) достаточно сделать лучше всего подходящим для олицетворения чаемого воскресения. Послушаем, что Вильгельм Нормандец, будучи отголоском предыдущих эпох, писал по этому поводу в правление короля Филиппа-Августа: «Страус откладывает яйца в июне месяце, когда на небосводе появляется «звезда Вергилия»; он закапывает свои яйца в песок пустыни и забывает их, помышляя только о своей звезде, но солнце согревает яйца в «песочных комках», откуда выходят птенцы без содействия своей матери» (4). Тем не менее, *Physiologus* добавляет, что страус вызывает своих

Фигура III. – Символические Яйца у подножия Иисуса в кафедральном соборе Бургоса. Деревянное тело Искупителя покрыто человеческой кожей, XV-е или XVI-е столетие. Cf. Al. REYES, *Heures de Burgos*, in *Visage du monde*, II, (1933), p. 43

детенышей к жизни, высиживая их своим взглядом, когда звезда Вергилия уведомляет, что время пришло (5).

На самом деле, Вильгельм де Норманди и епископ Дюран де Манд теряются в своих очень сложных объяснениях о символизме страуса, ничего не говоря об эмблематике его яйца (6). Однако, начиная с их эпохи (7), в XII-м и XIII-м столетиях яйца страуса вывешивались в больших церквях Франции и других стран в течение Святой Седмицы, что являлось, чему мы не преминем обрести доказательство, эмблемой Самого Спасителя.

В инвентарной описи кафедрального собора Байё, возведенного в XV-м столетии, упоминается яйцо страуса (8), выставлявшееся на алтаре в некоторые торжества (на Пасху и, возможно, на Рождество).

Эти яйца иногда вывешивались перед алтарями; их мы видим в тюрбе (гробницах-мавзолеях) при мечетях и даже сегодня нам могилами там, где еще они обозначают идею воскресения. В Средневековье торговцы, размещавшиеся рядом с колоннами при входе в Собор Парижской Богоматери, продавали здесь верным различные вещи: свечи, индийские орехи, яйца страуса и пр. (9) Эти последние жертвовались церкви, как и свечи. Еще сегодня яйца страуса присутствуют почти во всех коптских церквях. В одном из величественных кафедральных соборов Испании в Бургосе очень крупные яйца как бы подвешены у подножия Распятого (Фигура III).

В некоторых кафедральных соборах в прошлом в Великий Четверг яйцо страуса клалось вместе с Евхаристией в ритуальную «Могилу», и в день Святой Пасхи его торжественно вынимали оттуда с пением тропаря пасхальной заутрени: "*Surrexit Dominus vere; alleluia!*"; «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!». Вполне очевидно, что в этом литургическом обычае Яйцо становилось прямой эмблемой погребенного, а затем воскресшего тела Иисуса Христа.

В кафедральном соборе Анжера эта церемония облакалась особенным характером и исключительной торжественностью (10). Инвентарная опись драгоценностей этого храма в XV-м столетии, опубликованная Годар-Фотрие (Godard-Faultrier), приводит следующую интересную подробность: «В большом реликварии хранятся яйца страуса, скрепленные серебряными цепями. В день Святой Пасхи необходимо положить два яйца на алтарь Святого Рената...» (11)

Итак, выбор анжерского алтаря, не был произвольным: он являлся алтарем дважды рожденного *Рената* (*René* – по-французски), святого, воскресшего, как и Спаситель мира, умершего юным, но сумевшего на самом деле чудесно вернуться к жизни (12).

Одно из двух яиц страуса анжерского церемониала должно было аллегорически связываться с Рождеством Иисуса Христа, а другое – с Его Возрождением в безмятежности пасхальной зари в погребальном саду Иосифа Аримафейского. И это, как мы наблюдали, совершенно в духе символизма яйца, относящегося к отправной точке всякой земной или сверх-земной жизни. С первых столетий Церковь в своих литургических текстах часто совме-

шала эти две идеи рождения и воскресения. Поющийся или читающийся на каждой мессе Никейский Символ Веры, датируемый 325 годом нашей эры, свидетельствует нам о том же в своих заключительных словах: "*Confiteor unum baptismum in remissionem peccatorum. Et expecto resurrectionem mortuorum...*" – «Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь». Крещение предстает рождением верного в жизнь Церкви, даруемым сегодня от рождения к земной жизни; воскресение это воз-рождение для безграничной жизни.

Яйцо страуса некогда обладало и другим значением. Некоторые старинные авторы полагали, что иногда Страус, возвратившись к своим яйцам перед тем, как им раскрыться, вызывал разрушение яичных скорлуп, обдавая их своей кровью, и тем самым высвобождал оттуда своих птенцов (13).

И эта сказка непосредственно сблизила страуса с Искупителем, Который благодаря излиянию Своей крови, освободил человеческий род.

Большая триумфальная фреска церкви Святого Жилья (Saint-Gilles) в Монтуре рядом с Вандомом, относящаяся к XII-му столетию, нам показывает Спасителя в величии на Своем троне и держащего между Своих двух обнаженных ног эмблематическое яйцо, опоясанное по центру лентой, наподобие яйца, воспроизведенного нами выше (Фигура I). Что можно сказать на сей счет? Весьма вероятно, что Христос находится в начале пути всякой жизни как ее принцип: не говорит ли Святой Пророк Исайя о Мессии, что Он есть «Зародыш», универсальное зерно; и Святой Иоанн Богослов вторит: «Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (14). Итак, во всем старом дохристианском мире, уже с тех пор яйцо было эмблемой главного принципа жизни.

В Средневековье несколько больших церквей обладали яйцами страуса, вмонтированными в кубки в более или менее богатом убранстве. Некоторые из этих кубков являлись реликвариями (15); другие, как яйца страуса, вмонтированные таким же способом, и упоминаемые в *Инвентарных описях* Карла V-го от 1363 до 1380 гг., Карла VI-го от 1399 года, герцога Иоанна де Берри от 1416 года, служили обычными и роскошными чашами, и я не знаю, в каком церковном применении были эти сосуды. Возможно, что поначалу они соотносились с идеей очищения, связанной с яйцами в античном мире (16). Предназначались ли они для принятия святой воды, воды очищающей?.. Но это лишь гипотеза.

(1) Cf. BOLDETTI, *Observations sur les cimetieres des martyres et des anciennes chrétiens*, p. 519.

(2) Cf. Raoul ROCHETTE, *Memoire de l'Academie des Inscriptions*, T. XIII, p. 181.

(3) Положение яиц с мертвыми древними Египтянами, кажется, происходит из подобной идеи. Cf. J. CAPART, *Les debuts de l'Art en Egypte*, p. 40.

(4) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXX, *De l'Ostrice*; edition Hippeau, pp. 165, 272.

- (5) Смотреть, кроме того, сказки о страусе. Vincent DE BEAUVAIS, *Miroir historial*, Lib. XVI, с. 230. – Hugues DE SAINT-VICTOR, *De clauastro animae*, с. XXIII. – HESYCHIUS, *Ad Plinium*, Lib. X, I; etc. – Смотреть выше главу LXII, *Страус*.
- (6) Guillaume DURAND, *Rational des divins Offices*, III, 89.
- (7) Cf. Leon DE LABORDE, *Glossaire francais du Moyen-age*, p. 407.
- (8) Cf. Charles BAZIN, *Bulletin monumental*, T. X, année 1844, p. 330.
- (9) Cf. J. MOURAT et LOUVET, *Notre-Dame de Paris, centre de vie*.
- (10) Смотреть Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*. T. I, p. 128; T. II, p. 98.
- (11) DIDRON, *Annales archeologiques*, T. XI, 1891, p. 259.
- (12) DIDRON, *loc. cit.*, ap. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*, p. 167.
- (13) Cf. L. CLOQUET, *Elements d'Iconographie chrétienne*, p. 308.
- (14) *От Иоанна Святые Благовестование*, Глава 1, стих 3, 4.
- (15) Cf. Abbé J. CORBLET, *Revue de l'Art chretien*, T. XVIII, p. 354.
- (16) Смотреть выше: Corneille AGRIPPA, *De Occult. Philos.*

V. ЯЙЦО СТРАУСА, ЭМБЛЕМА ДУШИ ПРАВЕДНИКА

В древней символике на протяжении, по крайней мере, Средневековья яйцо страуса было эмблематическим образом души Праведника, и старинные Бестиарии капетингских времен дают этому следующее основание: по примеру яйца страуса, которое вылупливается благодаря одному действию солнечного тепла, душа христианина «высится и питается в жизни от истинного солнца правды» и, как говорит одно из этих старых произведений, подобна птице, оставляющей свои яйца на попечения Промысла, из чего следует:

“A home que Dex fist resnable
Et quenoissant et entendable,
De guerpir (2) la joie terrestre,
Por avoir la joie celeste” (3)

Человеку, которого разумным Бог создал
И восприимчивым, и познающим,
От радости земной бежать пристало,
Чтоб заслужить небесное блаженство».

Равно Вильгельм Нормандец позаботился сначала сказать о страусе:

“Icest oisel nos senefie
Le prodome de bone vie
Qui let (4) les choses terriennes
Et se prend a celestiennes”.

«Пернатый этот нам обозначает
Безукоризненность благого жития,
Которое земного мира покидает вещи,
Чтобы к вещам небесным устремиться».

(1) *Guerpir*, бежать, спасаться.

(2) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXX, *De l'Ostrice*.

(3) Которое оставляет.

VI. ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА

В том же самом духе христологического символизма, диктовавшего ей аллереорию воскресения Господа в положении одного яйца в ритуальной «могиле» Святого Четвертка и выставлении его в день Пасхи (1), средневековая Церковь благословляет в Великую Субботу яйца, которые верные съедали в семье наутро прежде всякой иной пищи: это то, что называлось «Пасхой Яйца» (2), продолжавшейся в определенных аббатствах, а также в епископских и кастелянских застольях «Пасхой Агнца».

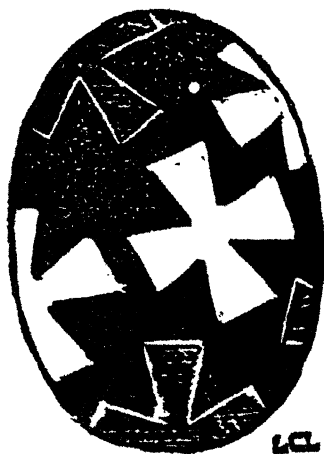
Обычай благословлять яйца в качестве эмблем воскресения Иисуса существует еще в Риме: в Великую Субботу епархиальные священники Рима «направляются в частные дома своих прихожан благословлять принадлежащие им жилища, супружеские ложа и пасхальные яйца» (3).

Румыны, Сербь и Греки используют еще сегодня пасхальные яйца, благословленные и окрашенные в красный цвет (4); те из них, что предназначены замечательным личностям, зачастую очень красочные (Фигура IV). И это мне напоминает яйца Сарацинов, поднесенные рыцарям-крестоносцам у Дамьетты, когда последние их выпустили из своих узилищ, о чем Жуанвилль говорит следующим образом: «В честь наших персон они украсили яйца снаружи разными цветами» (5). Уже ближе к нам Людовик XIV-й разве торжественно не благословлял в пасхальный день большие корзины, наполненные расписными и раззолоченными яйцами, которые он лично раздавал своим придворным, даже своей охране, своим лакеям и всей своей домашней прислуге?

В Бургундии собирают еще с большой заботой яйца, снесенные в Святой Четверток, чтобы их съесть в день Пасхи из-за легендарных добродетелей, которые с ними связывали древние предания. Еще большими были предания, слагаемые о пасхальных яйцах, переживших «градовые бури» вдоль травянистых и крутых склонов холмов!.. (6)

На западе Франции еще окрашивают пасхальные яйца в различные цвета, и в некоторых местах того же региона пироги, присущие празднованию Пасхи, содержат поочередно прослойки рубленого мяса и крутых яиц, порезанных кружками или овально. Эти народные и прочие обычаи, которые было бы слишком долго здесь перечислять, участвуют в том же символическом духе, что и литургическое благословение, и напоминают в своей манере о воскресении Господа.

Одновременное освящение епархиальными священниками Рима супружеской спальни, брачного ложа и пасхальных яиц, кажется, соединяют с идеей воскресения смысл распространения жизни посредством христианского брака; другие обычаи могли бы быть с ним сопоставлены, например, один из них,

Фигура IV. – Пасхальное яйцо из Румынии.

На темно-красном фоне желтые и белые кресты

наблюдавшийся в XIX-м столетии, когда девицы с острова Уэссан (Ouessant), желавшие выйти замуж, но которые не могли этого сделать из-за большого количества молодых людей, удаляемых с острова мореплаванием, приносили на Пасху в церковь яйца, выставлявшиеся в течение мессы перед алтарем и освящавшиеся, а затем благоговейно уносившиеся теми же девицами (7).

Разве не превращают эти практики освященное яйцо в некое подобие христианского талисмана, приобретающего свое значение только в соответствии с мыслью о воскресении Господа?

-
- (1) Благодаря исключительному ономастическому совпадению символизм птицы и яйца занимает важное место в религиозных концепциях туземцев Острова Пасхи. Cf. Fr. SCHULZE-MAIZIER, *Do osterinsel*.
 - (2) Cf. MARTIGNY, *Dictionnaire d'Antiquités chretiennes*, p. 470.
 - (3) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *L'année liturgique a Rome*, p. 160.
 - (4) S. PETRIDES, *Dictionnaire d'Archeologie chretienne*, vol. I, col. 905.
 - (5) JOINVILLE, *L'Histoire et Cronique du tres chrestien roy S. Loys IXe du nom et XLIIIe roy de France*. — Edition d'E. de Marnet, dédiée a Francois Ier, folio LXXXVII.
 - (6) Cf. Alain DUVAL, *L'Antique coutume des OEufs de Paques*.
 - (7) Cf. André LAVIGNON, *Les Filles de la Pluie*, p. 45.

VII. АНТИТЕЗА ОСВЯЩЕННОГО ЯЙЦА: ЯЙЦА РЕПТИЛИЙ

В противоположность этим яйцам, призывающим в мир жизнь или воскресшую Личность Спасителя и освященным Церковью, существуют проклятые яйца, которые европейские предания связывают с демонизмом и рассматривают даже иногда как будто плотские произведения зловердных духов; этот вопрос касается определенным образом инкубов и суккубов, которыми я здесь не должен заниматься.

Сетчатые яйца рептилий, ящериц, змей и черепах обладали отрицательной репутацией в древних верованиях и народных суевериях (1), в особенности же яйца крупных ужей, которые оказывались, чтобы быть оплодотворенными inferнальными духами, иногда под землей в день Страстной Пятницы, и которые откладывали затем свой нечистый помет в сыром гумусе или навозе.

Говоря о василиске, я уже упоминал это легендарное яйцо, коим занималось все Средневековье. Если верить Викентию де Бовэ (2), то кожа, окутывающая его настолько жестка, что ее невозможно разорвать, поскольку его отцом являлся старый петух, оплодотворенный преисподней. Василиск выходит из этого яйца.

Деревенский люд одарил это inferнальное порождение очень близким родственником. Все, кто жили вне больших городов, знают эти маленькие и весьма продолговатые яйца, встречающиеся на хозяйственных дворах в начале или в конце куриного насеста, внутри которых находится один белок без зародыша и желтка: они обязаны лишь недостатку строительного материала для яйца внутри курицы, но во многих деревнях их относят еще к петухам или к оплодотворенным петухами «самкам змей». Рассматриваемые как пагубные и способные

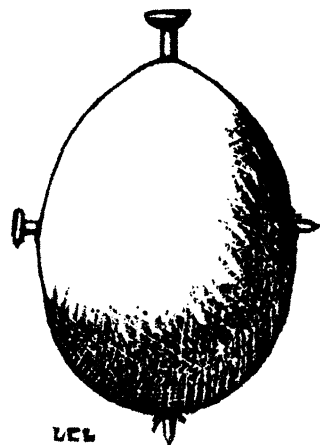
содержать зародыш василиска, эти маленькие яйца некогда выбрасывались в огонь, пламя коего окроплялось или тушилось святой водой (Вандея, До-Севр), дабы предохранить дом от порчи, которую они могли ему причинить. Их использовало низшее колдовство. В зависимости от провинций, их называли кокатриями, яйцами василиска, яйцами петуха-василиска, яйцами бледной нечисти, яйцами дьявольского кокоса или петуха дьявола и пр. (3)

И когда курица имела невезение пропеть, подражая голосу петуха во время появления одного из этих неполных и столь оклеветанных яиц, она безжалостно подвергалась смерти, как возвещающая определенное несчастье или гибель в своем окружении.

Равно необходимо упомянуть здесь яйца, освящаемые в магических обрядах или колдовстве, отягощенные пагубными заклинаниями или даже используемыми в делах некромантии и других жутких практиках. К этим мерзостям, например, относятся яйца филина или совы-сипухи, положенные в древние могилы с трупами указанных птиц или без них (4); а также кокатрии, яйца ужа или жабы, которые деревенские колдуны используют в жалостливой ворожбе (Фигура V).

Итак, все эти проклятые яйца, вызывающие смерть и несчастье, будучи эмблемами демонических дел, не являются ли совершенной антитезой освященных яиц, предстающих выразительными знаками божественного происхождения жизни, посмертного возрождения человеческого тела и Личности воскресшего Искупителя?

Я не говорю здесь о таинственном мировом Яйце Халдеев, Египтян, Фракийцев и Греков, изображаемого у Друидов ископаемым морским ежом и называемого *Ovum anguinum*. Значение его мы увидим, ведя речь о символической роли скорлупы.

Фигура V. – Сваренное в крутую куриное яйцо и пробитое двумя столярными гвоздями после предшествующих колдовских заклинаний и обрядов, предназначенных вызвать выкидыш и смерть ребенка в материнской утробе. Сообщение патера Кайетона (R. P. Cailleton), бывшего премонстранта из аббатства Приголе (Prigolet) в Провансе

- (1) Я знал, тем не менее, поблизости Шоле в Анжу одну крестьянку, звавшуюся Марией Бремо, заставлявшей поглощать своего мужа яйца ужа для излечения его от пьянства. Бремо никак не поправился, зато «поправил» свою жену, узнав, какое лекарство она прописала без его ведома.
- (2) Vincent DE BAUVAIS, *Spec. Nat. Lib. XX*.
- (3) В Бестиариях Средневековья василиск-кокатрикс это вид дракона, прототипом которого является крокодил.
- (4) Смотреть Abbé F. BAUDRY, *Les Puits funéraires gallo-romains du Bernard (Vendée)*, pp. 67, 247, 315. – Gust. CHAUVET, *Op. et loc. cit.*

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ПЯТАЯ

«ЯЗЫК» И ПЕНИЕ ПТИЦ МАНКИ

I. ГОЛОСА ПТИЦ

Пение соловья или малиновки выражает обыкновенно в литературной и мистической Символике пение птицы, взятое в общем значении, и известна огромная роль, которую играет это пение в Золотой Легенде и в народных преданиях Старого Континента.

В старинных сказаниях Азии птицы небесные очень часто отождествлялись с гениями более или менее сравнимыми с Ангелами и облеченными, как и они, божественными посланиями. Исламизм усвоил весьма схожие положения.

«Знание языка животных и особенно птиц обнаруживается у древних восточных рас. Хотя оно отмечается не только в Персии, но еще в Скандинавии и в Германии.

В римскую эпоху жизнь Аполлония Тианского предоставляет примеры этого» (1).

В действительности в дохристианском Риме Ауспиции (от *aves spisere*, наблюдения птиц) извлекали счастливые или пагубные предсказания не только по полету птиц, но также по их пению. Тем самым они связывали Язык Богов с Речью Птиц: так голос птицы становился передачей для использования людьми божественного гласа (2).

Еврейские предания желают, чтобы *Книги Премудростей* (3) были продиктованы царю Соломону птицами; и Коран сохранил отголосок указанных традиций, когда вложил в уста этого царя следующие слова: «...люди! Мы научены языку птиц; нам доставлены всякие вещи: истинно, это есть очевидное благодеяние Бога» (4).

В средневековых легендах народная агиография в свою очередь нам представляет святых, получающих благодаря птицам божественные послания или наставления; почтенные отшельники умственно устранились от этого мира до степени разумения смысла языка диких пернатых, общаясь с ними и восхваляя в согласии с их пением Творца всех вещей!

В средневековых сочинениях часто разумение таинственного языка птиц нам преподносилось как вознаграждение героев, одолевших Зло: Святой Георгий или Зигфрид, например, после их победы над Драконом, то есть над Духом Зла, беседовали с птицами. Это достижение разумения вещей, зависящих от высшей области по отношению к общему для всех плану, ставит героическую и привилегированную душу на почетный духовный уровень,

как бы являющийся введением в преддверие Царства Знания, куда обыкновенный Праведник может попасть лишь благодаря освобождающей смерти, единственными вратами блаженной жизни.

В различных фаблио Средневековья «Двор Любви» (вещь, очень отличающаяся от путей любви) (5) (здесь во французском тексте игра слов: Cour – Двор; cours – пути; прим. пер.) составлен из аллегорических птиц, рассуждающих вместе, среди которых господствует соловей, в высшей степени виртуоз мелодического мира. Так и в своем произведении, усеянном столь живописно воссозданными звукоподражаниями, Аристофан воодушевленно воспроизвел беседы всех крылатых существ под небом Греции (6).

Повсюду известна эта средневековая легенда, которая, как считается, выскользнула из одного португальского аббатства. Один святой монах этого монастыря вопрошал в своих размышлениях о том, как человеческая душа, столь изменчивая на земле в своих удовольствиях, могла бы в другой жизни ненасытно созерцать всегда то же самое небо и вкушать вечно то же самое блаженство, и эта упрямая мысль сделалась для него как бы тревожной навязчивой идеей... Однажды утром, когда он прогуливался вблизи аббатства по опушке большого леса, то вошел под деревья, чтобы размышлять там в их приятной тени; и как только он оказался под ветвями, прекрасная птица принялась петь столь чудесно, что добрый монах, восхитившись ей, бессознательно последовал за птицей, все больше удаляясь в глубину леса, которая остановилась в очень сладкозвучной и столь великолепной мелодии, способной быть прекраснее разве что в раю у Бога. Мелодия долго продолжалась, затем птица тихо улетела, и монах возвратился в свой затвор.

Он едва узнавал монастырские окрестности. Насколько все изменилось в его отсутствие! Аббатская церковь стала полностью серой, и здания, которых он никогда не видел, поднимались вместо построек, служивших ему приютом еще накануне. На проходной его не узнал брат-охранник, и он сам не узнал никого из братьев, свободных от занятий: «Я ушел этим утром, – сообщил он всем, – что же тогда произошло?» Он пожелал увидеть владыку Аббата: последний не являлся тем, кто в то самое утро собирал капитул перед его убытием; он зывал к своему аббату и своему монастырскому приору, и все воздымали руки в небо при таких подробностях, ибо оба уже более ста лет покоились под надгробными плитами своей обители... Тогда обратились в монастырский архив, чтобы посмотреть старые реестры, и увидели, что на самом деле брат, носивший имя только что прибывшего, исчез в одно майское утро и уже не возвратился. И бедный монах понял, что он оставался в лесу более ста лет, и неожиданно прозрел, что если птица сумела держать мистика на земле в экстазе в течение столь долгого времени, то с насколько большим основанием развоплощенная душа могла неутомимо вкушать невыразимое блаженство небес.

В самый раз святой человек имел время воздать благодарности Богу, когда его тело подвисло, отпустив его душу к блаженству, чудесной гарантией которого оказалось пение удивительной птицы.

В написанной или устной литературе мистиков прошлого птицы интерпретировались очень по-разному; мы видели, что щебетание ласточки рассматривалось как настоятельная мольба: пение жаворонка, парящего в синеве небес, представляло хвалебным гимном земли, восходящей к Богу; последняя песнь лебедя символизировала «Священническую Молитву» Христа на трапезе, на несколько часов предшествовавшей Его смерти; воркование голубя было отголоском Его нежности; утреннее пение петуха приглашало на молитву, воодушевляя на ежедневные обязанности жизни, и материнские кудяханья курицы являлись любящими и настойчивыми призывами Спасителя к душам Его духовных детей, Его сыновей, которых благодаря голосу медоуказчика Он привлекает к блаженствам будущей жизни; и это грядущее счастье обретает самый радостный образ в пении соловья и малиновки.

LCL

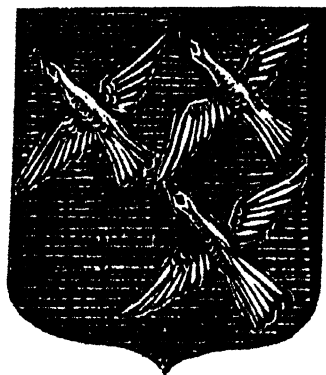
Фигура I. – Птица
на печати Иоанна
де Лонуа

Это последнее значение, о чем я уже говорил, касаясь римских катакомбных фресок, являлось смыслом роскошных мелодий, которыми наполняют наши сады и поля все птички: все они, – певчие дрозды, черные дрозды, скворцы и иволги, зяблики, чижи, зеленушки, щеглы, снегири, коноплянки, малиновки и вплоть до малюсенького королька, веселящего своими трелями последние часы вечера; все они обладали в Символике любимой ролью призывать счастливую жизнь в этот мир, богатый в умиротворении, богатый в досугах, где можно в ясности и неспешно внимать птичьему пению; все они обладали ролью призывать то, на что уповают все христиане – цельное счастье в вечном умиротворении. Здесь полная Эмблема блаженства в этом и ином мирах.

Наравне с искусством катакомб, именно это цельное блаженство певчие птички также изображают в стилизованной листве на средневековых печатях и закладках, например, на печатях Иоанна де Лонуа (Jehan de Launoy) от XIII-го века (Фигура I) и Мартина Сеньёла (Segneul), XIV или XV столетий (7).

Обыкновенно тем же самым значением обладают птички на гербах, изображаемые в единственном числе или по несколько. Пример тому – герб семейства Шаранси (Charancy) из Дофине: «на лазоревом геральдическом поле три летящих птицы, размещенные по перевязи «в положении 2 и 1» (Фигура II) (8).

Поющая птица, то есть изображаемая с подчеркнуто раскрытым клювом, может быть взята как эмблема певчего, голос которого посвящен

LCL

Фигура II. – Герб
де Шаранси. Согласно
V. DE COLOMBIERE,
Op. et loc. cit.

литургическому прославлению Бога, регента капеллы или церковной школы пения, великого певчего капитула или просто хорового певца. Она может одинаково обозначать проповедника, слово которого распространяется, побуждая любить учение, некогда преподанное миру гласом Христа, благодаря чему певчая птица связана с символикой божественного Слова.

Такой случай являет собой печать, высеченная в XIII-м веке для Эблona, французского брата-проповедника; артефакт изображает сидящую на дереве птицу, голова которой обращена назад, как бы приглашая следовать за ней. Вокруг разворачивается надпись: *Sigillum fratris Eblonis de Ordine Praedicatorum* (Фигура III) (9).

Древние изображения Святого Григория Великого, чаще иконографии других святых, обеспечивают нас отдельной темой: на них мы видим птицу, известный образ Святого Духа (которая в частном случае Святого Григория не является непременно голубем). Эта птица поет на ухо гениального понтифика, вдохновляя тем самым его на григорианские мелодии, остающиеся наиболее чистым музыкальным выражением чувств мистической души, когда они скорбят над смертью божественного Закланного, а на пороге осени над уходом тех, кого мы любили, или даже когда они бодро радуются со всеми литургическими *Gaudeamus, Gaudete cum laetitia, Laetere, Alleluia*. В этой особой теме пение птицы предстает четким голосом Святого Духа. Некоторые образы Святого Августина (10), Святого Илария и других наставников имеют птиц, говорящих им на ухо и являющихся также эмблемами присутствия Святого Духа, чему соответствуют голуби и воробьи.

Fig. 3

Фигура III. –
Главный мотив
печати брата
Эблona,
XIII-е столетие.
Вокруг
разворачивается
надпись,
приведенная
в тексте.
Коллекция
П. Шеню
(P. Chenu)
из Буржа
(1933 год)

- (1) R. P. Louis DELATTRE, *Symboles eucharistiques*. – Carthage, p. 93.
- (2) Cf. René GUENON, *La Langue des Oiseaux*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVI, № 143, pp. 667 etc.
- (3) *Притчи царя Соломона; Книга Экклезиаста; Песнь Песней; Книга Премудрости Соломона; Книга Экклезиаста*.
- (4) *Коран*, Сура 27 «Муравьи», стих 16; перевод смыслов Саблукова.
- (5) R. GUENON, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVIII, 1933, p. 289.
- (6) ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*.
- (7) Смотреть в главе LXXIV о Соловье, Фигура I.
- (8) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science heroique*, p. 366, № 81.
- (9) Cf. René GANDILHON, *Collection de M. P. Chenu, a Bourges*, p. 15, № 84.
- (10) Смотреть Е. MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 16, fig. 12.

II. АНТИТЕЗЫ ПЕНИЯ И ЯЗЫКА ПТИЦ: «ПТИЦА ПАГУБНОГО СОВЕТА», КРИКИ НОЧНЫХ ПТИЦ, МАНКИ

Птица пагубного совета.

Птицы, о которых мы только что говорили, передающие вдохновения и божественные советы, являются всегда белыми или разноцветными, но они обладают своей антитезой в целиком черной птице со странными формами, говорящей иногда на ухо ораторам или писателям, служащим Духу Зла, голова коего лишена всякого нимба, в отличие от голов святых, и особенности его деятельности обозначаются всегда в качестве зловредных агентов.

Монсеньор Барбье де Монто воспроизвел миниатюру XI-го столетия, дающую совершенный пример этой иконографической теме (1).

Крики ночных Птиц.

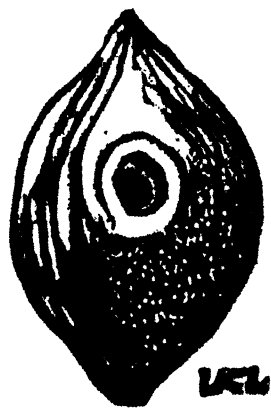
Намного меньше в литературной символике, нежели в преданиях европейских наций, сумрачные крики ночных птиц противопоставлялись радостным пениям дневных птичек – символам поочередно божественного Слова, молитвы, блаженства и человеческого веселья.

Почти повсюду деревенский люд рассматривает сову-сипуху как провозвестницу смерти носительницу самых пагубных влияний. Крик филина, одинаково представавший в отдаленные времена злополучным предсказанием, оставался в некоторых регионах проклятым протяжным пением. Если ночной крик кулика является достаточно симпатичным для крестьян, то, наоборот, скверный голом выпи, раздирающий тишину ночи, случается, чтобы разоблачить невидимое присутствие духов, вышедших из преисподней.

Наконец, иногда посреди ночи нарушались стаи отдыхающих перелетных птиц несвоевременным появлением человека или животного; тогда все сообщество птиц в один миг взлетало, чтобы не рассеяться в темноте, крича в полные глотки самым несогласованным способом. Всю ночь стая не прекращает громогласно кружиться в сумрачном небе. И сельские жители, слышащие этот странный гам в воздухе, считают, что это души, несущие наказание, которых непрерывно преследует Проклятый.

И в нескольких наших французских провинциях этот громкий водоворот называют *Гогочущей Охотой* (*Chasse Gallery*), *Чирикающей Охотой* (*Chasse a Guillery*) или *Дьявольской Охотой* (*Chasse du Diable*) (2).

К этим неприятным и ужасным звукам в наших деревнях нужно присоединить голоса не-

Фигура IV. – Манок из абрикосовой косточки птицеловов парижского региона, 1933 год

скольких птиц морских побережий, которые с первых темных часов вечера прилетают возвещать, даже привлекать бури на берега и вызывать кораблекрушения. Таковы крики, хотя и довольно слабые, прямохвостой или британской качурки (*Hydrobates pelagicus*), морского гонщика (3). Госпожа Фёйе-Билло говорит следующим образом об этой маленькой птице: «Народное суеверие ее обвиняет в возвещении бури. Ее окрестили именем Сатаниты, и моряки не преминут убить всякий раз, когда они это могут, невинную птицу. Особенно в сумерках она предпринимает свои отчаянные походы по воздуху» (4).

Рыбаки Конкарно называют прямохвостую качурку «Сатаникой»; на берегах Морбиана она — «Ласточка Дьявола» или «Капитан дальнего плавания», поскольку ее почти никогда не видят на земле; ее характер «носительницы беды» является тем же самым с обеих сторон полуострова Бретань.

Прямохвостая качурка соседствует на этих побережьях с другим перепончатопалым пернатым с весьма худой славой и неприятным голосом — *Бакланом (морским вороном)* или лысым вороном, жертвой, как и первая птица, довольно злой и несправедливой репутации.

Манки

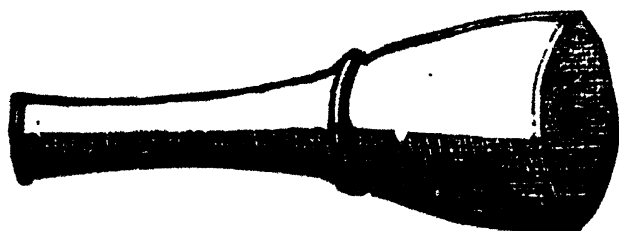
Мы уже видели, что неодушевленные вещи входили по различным основаниям в символику животных христологической фауны: пастушеский посох, жезл и молочный кувшин с нашими домашними животными; граненое зеркало с жаворонком; лук и копье и пр.; мы увидим сеть и рыболовный крючок, говоря о рыбе; увидим также лодку и т. д. Здесь же перед нами Манок, противопоставленный в качестве антитезы добродетельным значениям птичьего голоса.

Птичий голос часто применяется божественным гласом, научая, вдохновляя, советуя, увлекая души и ведя их к конечной цели, заключающейся в вечном блаженстве. Голос манка, наоборот, осуществляя определенным образом роль Сирены, привлекает к себе слушающих его птиц на погибель.

Известны старинные народные манки, единственные указанные древней символикой: один делается из листа плюща, дважды согнутого, с нанесением в нескольких местах отверстий по центральной жилке; его используют как рожок, вдыхая и сильно выдыхая через место, где находился изъятый черешок; другой манок образуется из листка пырея, сложенного между мизинцем и указательным пальцем; третий изготавливается из крупной косточки персика или абрикоса, просверленного с обеих сторон на станке или напильником и освобожденного от миндаля; иные делаются из кости крыла

Фигура V. — Манок из свинца, происходящего из русла Сены.
Музей Клуни

Фигура VI. – Старинный манок из Турени
для жаворонка, сделанный из выточенного
самшита

индейки и гуся или даже из небольшого устройства из просверленного дерева, которым пользуются также посредством духового воздействия.

Поупражнявшись заранее, птицелов лукаво прячется в свое укрытие из ветвей, подражая крику печали или призывному пению птиц, и пернатые в окрест-

ности приближаются сами на расстояние, достигаемое смертельным оружием, или спешат воссесть на предательской ветви, чьи разветвления покрыты плотным слоем смолы, склеивающей их крылья и обездвиживающей их.

Наименование манков или «призывающих» дается также пойманных птицам, которых используют, чтобы привлечь свободных пернатых. Чаще всего здесь применяются куропатки, называемые «подсадными птицами», содержащиеся в клетке и своим призывным пением привлекающие молодых куропаток в округе. С той же целью употребляются маленькие птички – щеглы, чижи и пр. Но манок, будь он инструмент или даже живая птица, невинно выполняющая ту же самую роль, все равно предстает для символиста образом вероломного демона, чей обманчивый голос увлекает души к гибели. Это антитеза благословенного голоса птицы, которая притягивает к Богу, утешает, радует и очаровывает души, символизируя вечные небесные блаженства.

(1) Cf. BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chretienne*, T. II, pl. XX, p. 20.

(2) Смотреть Paul SEBILLOT, *OEuvres diverses sur le Folklore de France*.

(3) Это Талассидром натуралистов, *Hydrobates pelagius* Линнея.

(4) Mme FEUILLE-BILLOT, *La Réserve ornithologique des Sept-Iles, en Perros-Guirec* (Cotes du Nord), p. 35.

ТРИНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

РЫБЫ

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ШЕСТАЯ

РЫБА

I. ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБЫ

В течение последних лет труды, относящиеся к очень отдаленной истории человечества, гравировавшего кости, обработанные в четвертичных пещерах, нам показали, что Рыба с тех времен уже часто изображалась (1).

Такие рыбы иногда делались из костяной пластины, вырезанной в натуральной форме, но чаще всего они гравировались чертой на крупных костях, на рогах оленей или северных оленей или на камнях (Фигура I) (2). Представлялось, что первые могли служить примитивным людям приманками для рыб, использовавшиеся ими, как это делают еще сегодня Эскимосы (3); что вполне возможно, но данное объяснение ничего не стоит по отношению к другим артефактам; кажется, скорее необходимо допустить, что последние чертились с магическим, талисманным или фетишистским намерением. В этом порядке вещей Колониальная выставка в Париже в 1931 году показала фетиши рыб всяких величин, происходящие от очень примитивного населения Океании (Фигуры II и III).

154

Фигура I. – Рыба, гравированная на кости. Искусство Магдаленских островов. Согласно Капитану и Пейрони (Peugny).

Смотреть M. PATTE, *Op. cit.*

В Европе рыба, конечно, сохраняла, подчеркнем это еще раз, тот же характер на протяжении протоисторического времени.

Считалось, что в эти отдаленные эпохи распространение символической или фетишистской рыбы сошло на Европу и Азию из гипербореических областей (4).

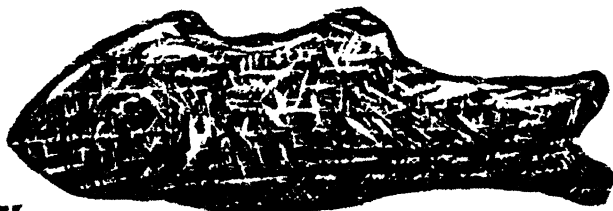
То же самое было и для эмблематического осьминога, но тысячелетний культ, обретенный рыбой в южной и центральной Африке и на многочисленных островах Архипелагов Оке-

155

Фигура II. – Рыба, деревянный фетиш: около 2-м метров в длину. Архипелаг Новые Гибриды (Океания). Колониальная выставка в Париже (1931 год)

ании, позволяет спросить, не был ли он раньше занесен с собой самым древним человечеством?

❧❧

Фигура III. – Рыба-фетиш из скального гранита; приблизительно 0,25 метра в длину. Гавайские острова (Океания). Колониальная выставка в Париже (1931 год)

- (1) Смотреть J. DECHELETTE, *Manuel d'Archeologie prehistorique*, T. I, p. 721.
- (2) Смотреть M. PATTE, *Les poissons figurés des Grottes du Chafaud*, in *Bulletin de la Société d'Antiquaires de l'Ouest*, IIIe serie, T. IX, 1931, pp. 261-273.
- (3) Смотреть прекрасные труды господина де Сен-Перье о пещерах Лепюня (Lepugne) (Аръеж).
- (4) Cf. R. GUENON, *A propos des Poissons*, in *Regnabit*, fevrier 1927, pp. 216 etc.

II. РЫБА В ПЕРВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

Бесспорно, что за каких-то два тысячелетия до нашей эры культ рыбы, как образа Божества, с ней отождествленного, отмечается в Туране, Индии и на Дальнем Востоке, в Халдее, Вавилонии, Мидии, Сузиане, Месопотамии, Ассирии, Персии, Сиро-Финикии, эгейских регионах, Египте, Ливии и Нумидии; пересекая Океан, мы обнаруживаем его в виде изваянного или гравированного с большим талантом на самых древних мексиканских памятниках, например, в Паленке.

В наших европейских регионах крайнего Севера Дух Вод, воспринимаясь поначалу в форме рыбы, мало-помалу облекся всеми интеллектуальными свойствами человека, став полурыбой и получеловеческим существом; таковым будет бог Дагон Финикийцев и Филистимля, о котором рассказывает Библия (1).

По всему старому миру Европы и Азии рыба рассматривалась в первых цивилизациях, как эмблема человеческой и животной плодовитости. С одной стороны, невероятное число икринок, носимых ей в себе – от сотен и порой до тысячи, как считают натуралисты (2); и с другой – вера древних народов, помещавших в глубоких водах отправную точку жизни в мире, обозначили для нее этот характер: «По мысли Шумеров – говорит ученый Делапорт – это от влажного начала, из которого проистекает все имеющее жизнь» (3).

Итак, для этого дара жизни признание древнего человечества являлось глубоким в отношении Божества, которого оно плохо знало, но от которого, как оно довольно определенно ощущало, исходила его душа со всеми ее свойствами.

В тех же самых регионах западной Азии священное искусство избрало и сохраняло на протяжении многих столетий до нашей эры, чтобы символизировать эту плодovitость, различные иные эмблемы и особенно конические шишки кедра и сосны; тогда же, наподобие рыбы, она облеклась богом Оаннесом, который, будучи Духом Северных Вод, стал под резцом художников Человеком-Рыбой; он рассматривался как Господин Земли и жизней, питаемых им в качестве посредника между небом и землей (4). Все недавние исследования подтвердили уже сказанное об этом в III-м веке до нашей эры вавилонским историком Берозом (5).

Цилиндрические печати вышеназванных регионов, которыми в столь большом количестве обладают музеи Европы, показывают нам часто Оаннеса или Ану либо в натуральном виде рыбы, поставленной на алтарь, либо даже плывущей в своей гибридной форме. Тогда он сопоставляется в некоторых аспектах с Логосом Греков, с предвечным Словом. Понтифики, чтобы отметить его культ облачались, и облачались его изображения, мантией, составленной из подобия тела разрезанной рыбы, голова которой накрывала чело жреца как митрой или шлемом. Такие Оаннесы изображены на одних воротах дворца Калаха (Фигура IV), и два жреца у траурного ложа выгравированы на одной из бронзовых табличек (6).

У Финикийцев и Филистимлян Оаннес плучает имя Дагона, происхождение которого, должно быть, ассирийское (7), «выражающее одновременно идею рыбы и зерна» (8), напоминающее тем самым происхождение жизни и ее поддержку на земле (Фигура VI); храмы Дагона в Газе и Азоте часто приводятся в Библии, и в его храм в Азоте Филистимляне препроводили Ковчег Завета после их победы у Афека над Израилем (9).

Под именем Баал-Итана мы обнаруживаем Оаннеса-Дагона, человека-рыбу, на монетах города Итанос на Крите, отчеканенных, когда на острове финикийское влияние было господствующим (10). Наравне с Посейдоном, Баал-Итан носит трезубец (Фигура VII).

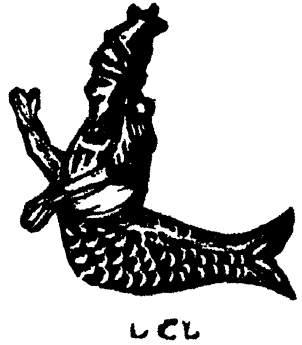
451
Фигура IV. – Бог Оаннес.
Скульптура из Калаха

Фигура V. – Жрецы Оаннеса.
Смотреть *Revue archeologique*,
loc. cit.

Оаннес на Севере и Востоке от Евфрата, и Дагон на Западе и Юге от этой реки рассматривались как эмблемы мужской и животной плодovitости, имевшие свои парные женские божества – Иштар в Халдее и Асторет или Атаргатис в Сиро-Финикии; последние изображались иногда целиком в женском виде обнаженными, но целомудренными; иногда же полуженщинами и полурыбами как позднее водные сирены, которых они являются художественным прототипом.

Едва ли можно себе представить идею неслыханного великолепия, которым восточные народы окружали эти мифические культы; грек Лукиан писал приблизительно за два века до нашей эры, что в своем храме в Иерополисе статуя Атаргатис-Деркетто была покрыта золо-

Фигура VI. – Бог Дагон, барельеф в Хорсабаде; согласно BOTTA, *Monuments de Ninive*, Pl. XXXII; XXXIV, I

Фигура VII. – Ваал из Итана на монете этого города.
Cf. S. REINACH, *Itanos et l'Inventio scuti*, I

Сараванне, в индокитайском Лаосе буддистская библиотека располагается на свайных основаниях над водоемом, где «кишат священные рыбы» (14). Здесь случай напомнить, что рыба является индусской *Матсьей*, то есть первой аватарой Вишну и одновременно проявляемой и спасающей (15).

Вернемся к дальним временам халдейской мифологии; она нам представляет родителя Оаннеса бога Эа, имевшего тело, составленное

том и ослепительными драгоценными камнями всех соцветий, доставленными из Египта, Эфиопии, Армении, Финикии, Мидии и Вавилонии (11). В священном садке, прилегавшем к ее храму, выращивались в ее честь почитаемые рыбы, шедшие по зову жрецов кормиться из их рук. Облаченные в золотые нагрудники рыбы носили на жабрах, плавниках и иногда на губах богатые украшения, сверкающие самыми дорогими камнями (12). В Риме подобный бассейн, *temenos*, был создан у храма «сирийской богини» на Яникуле (13); его разрушили только в правление императора Констанция II, умершего в 361 году.

Еще сегодня находятся такие священные садки в Азии: в

Фигура VIII. – Халдейский бог Эа на Кудурру Мелишпака. Согласно PEZARD, *Op. cit.*, Pl. VII, № 21

из передней части антилопы и задней части рыбы, как у Оаннеса-Дагона. Эа, «господин Апсу», был халдейским богом Мудрости, могущественного разума, что соответствует рогам, его увенчивающим, что видно на кудурру царя Мелишпака, гравированном в 1200 году до Рождества Христова и находящемся в Музее Лувра (16).

Эа не был морским божеством, но обладал властью над источниками, реками, потоками, водоемами и высшими водами – облаками, туманами, росами, дождями, снегами и всеми водами, называемыми Апсу. Он являлся также богом знания и искусств, богом заклинаний, и он давал достоверные предсказания (17).

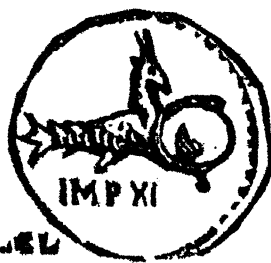

LEL

Фигура X. – Деревянная рыба из одной царской могилы из Агоры в Микенах. Согласно SCHLIEMANN, *Mycenes*, p. 205, fig. 211

Минос, по словам мифа, заставил прийти, чтобы найти Главка; Древние приписывали этой рыбе знание секретных чар, помогающих безошибочно исцелять растительное, животное и человеческое бесплодие (20).

Египет равно обладал своими символическими рыбами (Фигура XI), не говоря уже о тех, которых приводит Плутарх, сообщая, что жители Оксирринха не желали их есть из-за их вымышленной роли в аватарах Озириса, и пагров Нила граждане Сиены почитали провозвестниками оплодотворяющего паводка (21). Первые являлись проклятыми рыбами, и Климент Александрийский, наравне с нашими современными египтологами, подтверждает сказанное Плутархом, что в Египте слова «ненависть» и «ненавидеть» писались в виде этих рыб (22).

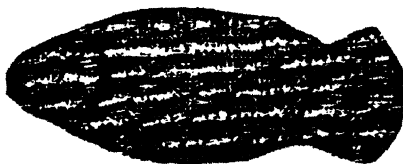

Фигура IX. – Монета императора Августа. Согласно A. DE BARTHELEMY, *Op. cit.*

Одна монета императора Августа изображает существо, идентичное вавилонскому Эа (Фигуры VIII и IX) (18).

В одно и то же время с западной Азией рыба как символ плодovitости была принята на Крите (Фигура X) и в Греции, где вазы из Фив и Беотии на передней части платья Артемиды-Диктинны (19).

Тогда же эллинистическая Сицилия почитала знаменитую рыбу-меч из Венецианского пролива, которую

LEL

Фигура XI. – Рыба из сланцевой породы, произведение додинастического египетского искусства; предшествует 3400 году до Рождества Христова. Cf. G. JEQUIER, *L'Histoire de la Civilisation égyptienne*, p. 73

Фигура рыбы одинаково представляла иероглифом человеческого тела (Фигура XII) (23); что, возможно, объясняет загадочное кладбище мумифицированных рыб, открытое в Мединет-Горабе, где покоились в особенности рыбы *latus piloticus*: некоторые из них приближались к двум метрам длины при весе около 150 килограмм.

LKL

Фигура XII. – Символическая рыба царских захоронений Фив в Египте

LKL

Фигура XIII. – Эмблема закланного Христа на одной фреске из римских катакомб

Ардеатинского Пути

Еще сегодня в египетском Судане делаются определенные сближения между рыбой и мужским половым органом в обрядах, восходящих к фетишизму. В бассейне Чада культ плодовой рыбы тоже существует; его находят даже у племени Сконгхоис в северной области Нигера, где он выражается в мифе о Рыбе-боге, в назначенное время появляющемся на поверхности воды и носящем на голове большое золотое кольцо (24). Вышеуказанные суданские практики нам напоминают также, что в Лаосе, охраняющем священных рыб, юные девушки носят на шее металлические украшения в форме женских органов между золотыми или серебряными рыбами, символами плодovitости (25). Тот же самый обычай встречается в нескольких регионах Китая и на некоторых азиатских островах Тихого океана.

Накануне Рождества Христова и появления Его церкви рыба почти повсюду служила культом; и ее изображение рассматривалось как дарование неоспоримой магической добродетели и не только по отношению к плодovitости.

(1) Книга Судей, Глава 16, стих 23 и пр.

(2) Cf. MILNE-EDWARDS, *Zoologie*, p. 488.

(3) L. DELAPORTE, *Les Cy lindres orientaux de la collection de luynes*, in *Arethuse*, XII, 1926, p. 87.

(4) Смотреть М. С. in *Le Voile d'Isis*, T. XXXIV, 1929, p. 153. – GRASSET-DORCET, *Cypris et Paphos*, in *Gazette des Beaux-Arts*, 1868, p. 333.

(5) Berose. – Смотреть Лепцигское издание от 1925 года.

(6) CLERMONT-GARMEAU, *L'Enfer assyrien*, in *Revue archeologique*, 2e serie, T. XXXVIII, p. XXV, A.

(7) Cf. MENANT, *Le Mythe de Dagon*.

(8) Ch. LENORMANT, *Commentaire sur le Cratyle*, p. 125.

(9) Книга Царств, Глава 1, стих 4, 5.

(10) Cf. MIONNET, *Description de medailles antiques*, in *suppl.* T. II, p. 285; Guillaume REY, *Note sur un bronze phenicien*, in *Revue archeologique*, 2e serie, T. X, p. 217.

- (11) LUCIEN, *La deesse syrienne*, XXII.
 (12) *Ibid.*, XLV.
 (13) Основания этого *теменоса* были обнаружены в 1910 году. Cf. *Revue archeologique*, 4e serie, T. XVI, 1910, p. 419.
 (14) Alix AYME, *Une Francaise du Laos*, 1932.
 (15) Смотреть R. GUENON, *A propos du Poisson*, in *Regnabit*, anée 1927 (février), p. 218.
 (16) Смотреть PEZARD, *Catalogue des Antiquités de la Susiane*, au Musé du Louvre, 1926, pp. 50, 51.
 (17) F. GUIRAND, *Mythologie Assyro-babylonienne* in *Mythol. Générale*, p. 47, 48. – Paris, Larousse, s. d., 1934.
 (18) Cf. A. DE BARTHELEMY, *Nouveaux Manuel de numismatique ancien*. Edition NORET, *Album*, pl. I, № 63.
 (19) Cf. Salomon REINACH, *Chronique d'Orient*, in *Revue archeologique*, année 1873, p. 249.
 (20) Смотреть G. CIACERI, *Culti e miti nella storia dell'antica Sicilia*, Catane, 1911.
 (21) Cf. PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, VII.
 (22) Clement D'ALEXANDRIE, *Stromates*, V, 7. – PLUTARQUE, Op. cit., XXXII.
 (23) Philippe VIREY, *Religion de l'ancienne Egypte*, p. 244.
 (24) Cf. F. DUBOIS, *Toumbouctou la mysterieuse*, p. 105.
 (25) Cf. P. LEFEVRE-PONTALIS, *Talismans laotiens* in *Annales du Musée Guimet*, T. XXVI, p. 74.

III. РЫБА В СИМВОЛИКЕ ПЕРВЫХ ВРЕМЕН ХРИСТИАНСТВА

На заре основания Церкви сами апостолы в своих первых рассуждениях применяло к Христу все важные фрагменты из Священных Писаний Израиля, которые могли соответствовать Его качеству Наставника и Искупителя, а в особенности Его двойному божественному и человеческому естеству.

Рассматриваемый в качестве человека, Он являлся сразу для первых Учителей новой веры архетипом совершенного человека; равно в своем Послании к Ефесянам Святой Апостол Павел, говоря о естественном и освященном союзе мужчины и женщины, не колеблется перед формальным уподоблением между этим и духовным союзом Христа и Его Церкви, называемом им «великим таинством» (1). Итак, все усилия Святого Апостола Павла и других распространителей нового учения были только содействием в том, чтобы мистический союз Искупителя и Его Церкви осуществлял библейское слово: «... плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (2). Исходя из этого, не казалось не уместными применять к божественному Христу античную эмблему всякой плодovitости – рыбу (Фигура XIII). И намного лучше, нежели древний мир, знавший способ непосредственного оплодотворения благодаря самцу рыбы икры, отложенной в воде самкой (3); такова особенность с отсутствующим плотским соитием, сделавшаяся наиболее благоприятным смыслом рыбы и ее применения не только по отношению к единению Спасителя и Его Церкви в таинстве собственного рождения в земной жизни.

СЛ

Фигура XIV. –
Монета из
Саламина
на Кипре

Фигура XV. –
Христос, Его имя
и Рыба, Его эмблема.
Cf. *Dict. Arch. chrét.*,
fasc. LXXVIII-LXXII,
col. 2. 446

Одна греческая монета из Саламина на Кипре, кажется, изображает отеческий акт рыбы (Фигура XIV) (4).

С другой стороны, старинные халдейско-сирийские мифы об Оаннесе, Ану или Дагоне не могли быть совершенно чуждыми к принятию первыми христианами рыбы в качестве символа Спасителя Мира. Напомним, что Святой Апостол Петр, покидая Иерусалим, установил свою первую епископскую кафедру в Антиохии в Сирии, полностью посреди царства мифа об Оаннесе: сближение могло делаться между Спасителем и вымыслом о сирийском боге-рыбе: «В этой языческой легенде, – говорит Ф. Делонэ (5), – рассказывающей нам о Первородном Боге, посреднике между Своим Отцом и человечеством, покровителем и спасителем расы Адама и любящим ее до такой степени, чтобы сделаться че-

ловеком для ее просвещения, некоторые пожелают признать воспоминание, пребывавшее провиденциально неизгладимым обетованием об искупителе, устойчивую черту первоначального откровения. С этой точки зрения миф и легенда, возможно, не являются чуждыми христианской эмблеме рыбы. Тем не менее, это лишь вероятность, но никак не достоверность» (Фигура XV) (6).

И потом вот как однажды один христианин, считается, что грек из Александрии (7), заметил, что беря за инициал от каждого слова из букв Ἰχθύς, *ichthus*, «рыба», можно получить следующую фразу:

Ἰησοῦς Χριστὸς Θεὸς Ὑιὸς
Σωτὴρ

Иисус Христос Бога Сын
Спаситель (Фигура XVI).

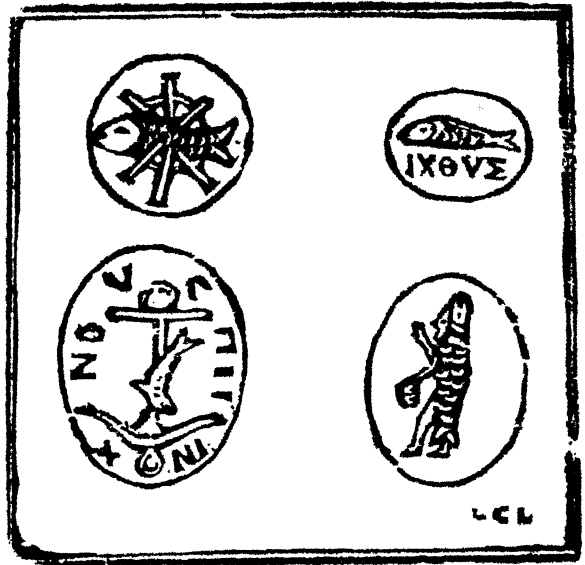
Этот акростих имел особенно в Риме огромный успех и отсюда распространился по всему христианству, где правил столь необходимой тогда «дисциплиной секрета»; Ихтус в натуральном виде или это имя изображались или писались повсюду с таинственным обозначением, которое могли понять одни посвященные в христианские догмы. В Средневековье Робер де Борон, сочиняя роман о рыцарстве, нашел очень удачное выражение, принятое несколькими другими писателями

Фигура XVI. – Христос-Рыба;
Его эмблематическое имя
и изображения. Печать на черном
камне в Музее Святого Людовика
в Карфагене. Cf. L. DELATTRE, *Revue
de l'Art chrétienne*, année 1870, p. 226

того времени: Наш Господь, как они считали, прийдя на землю «s'aombra» «скрылся под сенью» утробы Приснодевы Марии; равно и в первые христианские времена Его «скрыли под сенью» для профанов в виде таинственной Рыбы и других эмблем.

Символ акрограмматического Ихтуса, принятый таким образом, был одновременно признанием Иисуса как Спасителя и возмущением против осуждения, проявленного Первосвященником Евреев по отношению к Нему, когда он провозгласил Себя в течение Своих страстей истинным Сыном Божиим (8).

Фигуры XVII-XX. – Христос-рыба: гравировка на драгоценных камнях первых веков христианства

† Χ Θ Υ Σ Ι Τ Χ Θ Υ Σ

LCL

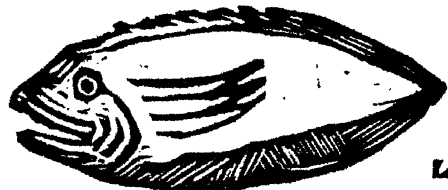
LCL

Фигура XXI. – Имя божественного Ихтуса на мраморе из Карфагена. Cf. L. DELATTRE, *Op. cit.*

Фигура XXII. – Имя божественного Ихтуса, начертанное в орнаменте одного подземного святилища в Риме. Cf. Dom LECLERCQ, *Op. cit.*

От сего дня поклонение перед Рыбой-Христом стало очень усердным в юной Церкви; одинаково понтифики прошлого и после них Климент Александрийский (9) рекомендовали верным делать гравировки почитаемого образа на своих драгоценностях, на своих кольцах, на своих печатях (Фигура XVI), на своих могилах. И Бог ведает, сколь они были послушны!..

Я воспроизвожу здесь несколько гравированных изящных камней

Фигура XXIII. – Рыба, амулет римских катакомб. Согласно A. BOUVENNE, *Op. cit.*

Фигура XXIV. –
Рыба из
слоновой кости,
отмеченная
инициалами
Иисуса
Христа – I. X.
Хвост, образую-
щий кольцо для
подвешивания,
сломан.
Cf. L. DELATRE,
Op. cit.

первых столетий христианского Рима, согласно замечательному Словарю христианской Древности и Литургии бенедиктинцев из Фарнборо. На одном из них божественная Рыба расположена на инициалах Его имени I и X, Иисус Христос (Фигура XVII); на другом рыба размещена на якоре, символизировавшем тогда Голгофский крест (Фигура XVIII); на третьем – она увенчивает свое имя $\text{I}\chi\theta\upsilon\varsigma$ (Фигура XIX); четвертый украшен человеком, облаченным в Рыбу, как и изображения ассирийских Оаннесов, и место, где он найден, может одно служить гарантом его использования христианским символизмом, за что ручаются эрудиты Костадини и Коллогера (Фигура XX) (10).

Иногда имя символического Ихтуса обозначает одно: таким мы его видим, например, на сердолике из Музея Ватикана и на кладбище финикийского стиля IV-го века, открытом в Каннах (11). На одной мраморной плите из Карфагена первая буква слова Ихтус, йота, заменена крестом (Фигура XXI) (12). В другом месте имя посередине пересечено крестом или даже тау, Т, добавлено между букв (13): все это крест (Фигура XII).

Чтобы повсюду распространить этот символ, поместив его в своих жилищах, христиане прошлого сделали его символическим и рыбообразным амулетом из разных материалов и очень различных величин: таковы металлические, кристаллические, стеклянные рыбы, а также рыбы из слоновой кости или из драгоценных камней с просверленным или нет отверстием для подвешивания. Одни носились на шее, а другие использовались в качестве крестильных тессер (tessera – на латыни вид жетона; прим. пер.), к примеру, рыба из горного кристалла, найденная в катакомбах Рима (Фигура XXIII) (14). Приведем также важную небольшую рыбу из слоновой кости, опубликованную патером Делаттром. Обретенная на земле античного Карфагена, она имеет на себе два инициала I и X' – Iesous Xristos (Фигура XXIV) (15). Приведем еще и другую

рыбу того же самого вида из стекла, найденную в Риме (Фигура XXV).

Мне представляется равно своевременным привести здесь большую деревянную рыбу, сохранявшуюся как залог «спасения» в одной из усыпальниц христианского некрополя в Антиное в Египте, но которая могла предварительно иметь применение домашней эмблемы (16). С тем же самым порядком идей связаны многие графические изображения рыб, нарисованных карандашом на кувшинах, плоской посуде и других предметах повседневного употребления.

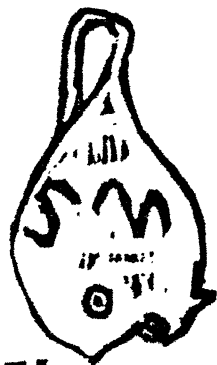
Следует упомянуть и довольно большую стеклянную вазу, отлитую в форме рыбы, найденную в захоронении и сохранявшуюся в Гостинице города Отюна. По мнению Дома Леклерка, данный предмет достаточен для установления того, что могила была христианской. Значит, он в нем признает характер эмблемы Христа (Фигура XXVI) (17).

Многочисленными являются священные писатели первых столетий, сообщавших о символической рыбе, особенно на тему акростиха и Ихтуса, для которой Дом Леклерк цитирует со всеми текстами и ссылками себе в поддержку: Климента Александрийского, Тертуллиана, Оригена, Святого Оптата Милевского, Оракулы Сивилл, Святого Иеронима Стридонского, Святого Павлина Милостивого Ноланского, Святого Августина, Святого Севериана, Святого Евхерия, Святого Петра Хрисолога, Ориентия, Святого Максима Туринского, Святого Проспер Аквитанского и др.

На многих погребальных и других памятниках надписи и изображения очень явственно умоляют божественную рыбу или воспевают ее славу. Два из них по-особенному проявляют собой первостепенное значение: эпитафия Пектория Отюнского и эпитафия Святого Равноапостольного Аверкия, епископа Иерапольского во Фригии.

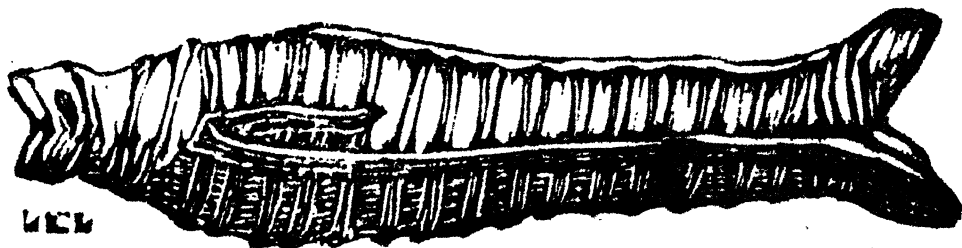
На надгробии из Отюна, датируемом концом II-го или III-м столетиями, надпись по-гречески гласит:

«Небесная раса божественной Рыбы, да укрепит твое сердце, ведь ты получил посреди смертных бессмертный источник божественной воды. Да возрадуется твоя душа, дорогой друг, благодаря воде, всегда источаемой премудростью, дарующей сокровища. Получи пищу нежную, как и мед Спасителя святых, и вкуси с наслаждением, держа Рыбу в своих руках. Насыться с Рыбой. — Я сего желаю, мой Учитель и Спаситель. Солнце мерт-

LECL

Фигура XXV. — Рыба-энколпион из стекла римского происхождения; опубликовано ROSSI in *Bulletin d'Archéol. chrét.*, année 1875, pl. X, № 4

LECL

Фигура XXVI. — Стеклянный флакон в форме рыбы. Музей Отюна. Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Op. cit.*

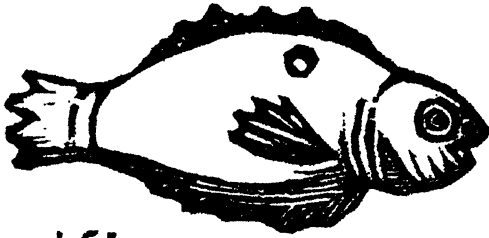
вых, я умоляю тебя дать моей матери благой покой. – Асхандиос, возлюбленный отец моего сердца с моей нежной матерью и моими братьями в умиротворении Рыбы помяни о Пектории» (18).

Бесспорно, что в этом тексте присутствует больше одной простой аллюзии на божественную воду Крещения и евхаристическую трапезу.

И вот то, что сообщает в своей эпитафии епископ Святой Аверкий Иерапольский, говорящий поначалу о своих апостольских путешествиях, осуществленных в ходе III-го столетия, и добавляющий: «... Вера меня направляла повсюду. Повсюду она служила мне пищей – Рыбой из источника, очень большой, очень чистой, пойманной Святой Приснодевой. Она предоставляла ее вкушать с друзьями; она обладает восхитительным вином, даруемым вместе с хлебом» (19).

Мы видим, что невозможно было для идолопоклонников, непосвященных в христианские таинства, различить божественную личность Христа под литературным образом таинственной рыбы, о которой говорят эти два текста, в коих, однако, христиане ясно читали упоминание о таинстве Крещения и о евхаристической пище, распространяемой тогда между всеми под видом хлеба и вина.

-
- (1) Послание к Ефесянам Святого Апостола Павла, Глава 5, стих 21-23.
 - (2) Книга Бытия, Глава 9, стих 1.
 - (3) Смотреть MILNE-EDWARDS, *Zoologie*, p. 488.
 - (4) Смотреть L. MENARD, *Histoire des Grecs*, T. I, p. 273.
 - (5) F. DELAUNAY, *Note sur l'origine et la signification de l'emblemе chrétien du poisson*, in *Comptes rendus des stances de l'Academie des Inscriptions*, 1886, 4e serie. T. VIII, pp. 45-57.
 - (6) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, Fasc. LXXVI, col. 1998.
 - (7) Cf. DIDRON, *Histoire de Dieu*, p. 337.
 - (8) Смотреть *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 25, стих 64.
 - (9) Clément D'ALEXANDRIE, *Le Pédagogue*, III, 106.
 - (10) Cf. Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, T. VI, vol. I, col 827 – MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 519, 2e col.
 - (11) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 99, Pl. XXIV.
 - (12) L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques. – Carthage*, p. 22.
 - (13) Cf. Dom LECLERCQ, *Op. cit.* Fasc. LXXVI, col. 2. 046.
 - (14) Cf. BOUVANNE, in *Revue de l'Art chretien*, T. XII, 1868, p. 335.
 - (15) L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques. – Carthage*, p. 44.
 - (16) Musée Guimet, Paris (Музей Гиме в Париже, Христианский зал).
 - (17) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. CII-CIII.
 - (18) Смотреть для двух текстов: Dom H. LECLERCQ, *Op. et loc. cit.* – *La Musée chretien de la Chapelle de Saint-Germain-en-Laye*, in *Revue archéologique*, 4e serie, T. II, 1903, p. 291.
 - (19) Смотреть D. LECLERCQ, *Op. cit.*, Frantz CUMONT, *Revue de l'Instruction publique de Belgique*, année 1897, p. 91.

LCL

Фигура XXVII. – Рыба, амулет из стеклообразной массы, происходящий из Лангона (Вандея).
Cf. PILLON et O. DE ROCHEBRUNE,
Op. cit.

IV. ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ РЫБА В ГАЛЛИИ И У ВАРВАРОВ

Великая известность христологической рыбы в Риме на протяжении трех первых столетий быстро распространился в Галлии; многочисленные украшения, особенно кольца, служат нам в том гарантией. Существуют несколько из этих маленьких эмблематических и талисманных рыб, о которых вопрос поставлен выше. Я здесь обозначаю

две из них: первая сделана из стеклообразной массы и происходит из Лангона (Вандея) (Фигура XXVII) (1); вторая изготовлена из бронзы и несет на себе надпись $\Sigma\Omega\text{C}\text{A}\text{I}\text{C}$, *salva*, желание вечного спасения; она находится в музее Отюна (Фигура XXVIII) (2). Третья была найдена еще в Вандее в Илэ-ле-Ваз (Isleau-les-Vases) в Налье (Nalliers) (3); другая из стекла, как и предыдущая, найдена в Рантоне у Лудюна (Вьенн) доктором Леоном Жилем де ла Туреттом в 1880 году (4). И я сразу сближаю эти галло-римские рыбы по времени с рыбой из визиготского некрополя в Эрпе (Herpes), происходящей с VI-го века. Она бронзовая (Фигура XXIX) (5).

Когда в 314 году император Константин, обращенный в христианство, даровал мир Церкви, то принял и распространил, поместив на имперском знамени *Лабарум*, аббревиатуру, слагающуюся из совмещенных X и P, первых букв греческого слова $\chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, Христос (Фигура XXX), и некоторые артефакты нам показывают ее носимой или поддерживаемой божественной Рыбой (6).

При преемниках Константина власть старой и громадной империи Кесарей ослабела до такой степени, что варварские народы по соседству прорвали со всех сторон ее границы. Придя с Востока через страны Скифов, Сарматов и Даков, Готы обратились к Вере в Иисуса Христа, – плохо понятой ими, поскольку они стали арианами, – и принесли с собой искусство, богатое в пожеланиях и полное жизни, очень дружественное с блестящим и усложненным, суровое как

LCL

Фигура XXVIII. – Бронзовая рыба из Музея Отюна. Согласно MARTIGNY,
Op. cit. Одна подобная рыба, имеющая те же самые буквы, находится в музее Карлсруэ.
Смотреть D. LECLERCQ, *Dict. d'Arch. chrét.*, fasc. 86-87 col. 2. 065.

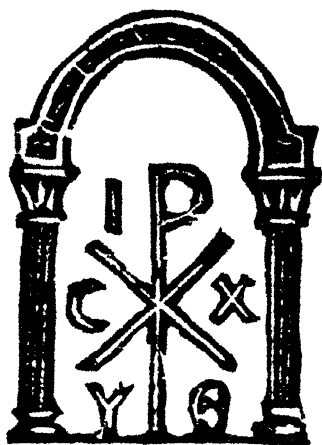
Другая бронзовая рыба обладает надписью: *SPES IN DEO*.
Музей Кампо-Санто в Риме

УС1

Фигура XXIX. – Эмблематическая бронзовая рыба из визиготского некрополя Эрпа в Сентонже, VII-е столетие

их души и как их нравы, под натиском которых рухнула цивилизация упадка Рима и Византии. Это оказалось грубым горнилом, через которое должно было пройти согнувшееся античное искусство, чтобы в общем кипении вместе с новыми формами этих варваров возродиться спустя несколько столетий в удивительном французском искусстве Средневековья, представляющем наиболее чистым и наиболее богатым выражением христианской души и ее мысли.

УС2

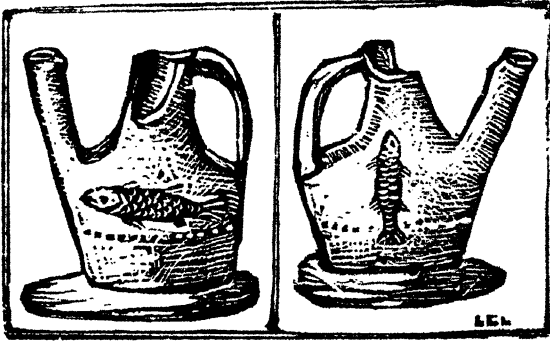
Фигура XXX. – Ихтус и монограмма Христа: ХР. На финикийской могиле в Каннах

Фигура XXXI. – Пряжка поясного ремня от меча меровингской эпохи, найденная в усыпальнице в Клюссэ (До-Севр). Согласно наброску господина Габриэля де Фонтэна

И вот, начиная с V-го столетия, принесенная Готами с Черноморского побережья эмблема божественной рыбы вновь приобретает свою известность по всему бассейну Дуная, в Лигурии, Эмилии и Галлии, где мы ее видим в очень ярком почете. В том же V-м веке она, причалив в Ирландии, распространилась и здесь, одолев тогда то, что ее все меньше и меньше связывало с Римом (7).

В Галлии проявления божественной рыбы в этом искусстве декаданса и варварских времен представляются множественными; я привожу здесь произвольно в качестве примеров: рыбообразную фибулу, происходящую из Шарнэ (8), пряжку поясного ремня из Клюссэ (До-Севр) (Фигура XXXI), несколько перстней-печаток, приводимых Делашем (9) и очень любопытную терракотовую вазу из Ангулема (Фигуры XXXII и XXXIII).

Фигуры XXXII и XXXIII. – Терракотовый кувшин, украшенный рыбами и найденный во Вьё-Серье (Шарант) в 1863 году; сегодня в музее Ангулема. Меровингская эпоха. Смотреть *Revue poitevine et saintongeaise*, année 1886, p. 27; 1887, p. 183

лачавший останки одного ломбардского епископа VIII-го или IX-го столетий: на облачении виден челн, несомый рыбой, образом Христа, поддерживающего Свою Церковь в жестоких штормах (11).

Дальше мы обнаружим других рыб, в особенности дельфина, образ Христа, укрепляющего и направляющего Церковь на волнах и в широком смысле, спасая верного в опасности на поверхности бездны, поддерживая его в угрозах, которыми зло ополчается на его душу, помогая ему тем самым достигнуть счастливого берега вечного блаженства.

В Западной Азии мусульманские или индуистские символические изображения показывают Святого Аль-Хизра у первых, Хважа-Хизра у вторых, в виде пожилого человека, облаченного зеленым плащом и несомого по воде рыбой, которая его так перевозит по реке жизни (Фигура XXXIV) (12).

Эдмон Ле Блан относит большую популярность символической рыбы в Галлии особенно на период между второй половиной V-го и серединой VII-го столетий (10). Мы видели, что она здесь широко использовалась на протяжении пяти первых христианских веков.

Среди других артефактов, найденных за пределами Франции, нужно привести декорированный орнамент, об-

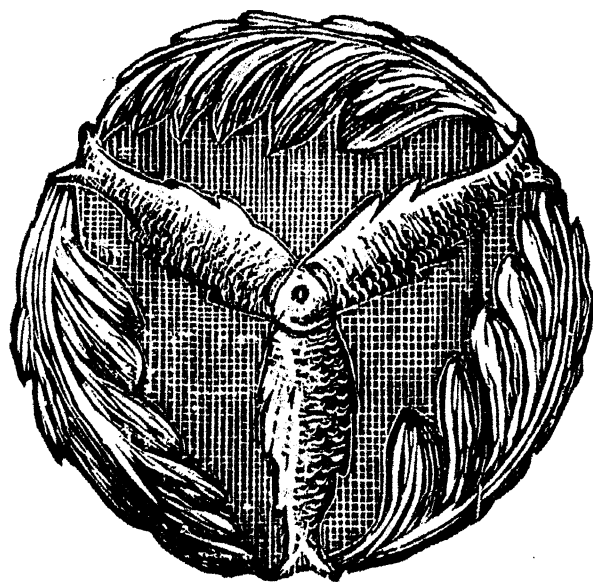

Фигура XXXIV. – Аль-Хизр, «Святой». Согласно картине из коллекции А.-К. Кумарасвами (Бостон). Перевод в гравюру на дереве с фотогравюры из *Etudes Traditionnelles*, loc. cit.

- (1) Cf. B. FILLON et O. DE ROCHEBRUNE, *Poitou et Vendée*, p. 8.
- (2) Cf. MARTIGNY, *Dictionnaire d'Antiquités chrétiennes*, p. 545.
- (3) Cf. B. FILLON, *Introduction au mémoire de l'Abbé Ch. Joussemet sur le littoral bas-poitevin*, 1878, p. X.
- (4) Сообщение Ж. Моро де ла Ронда.
- (5) Cf. Baron J. DE BAYE, *Cimetière visigothique a l'Herpes*, Pl. XIV.
- (6) Cf. Dom LECLERCQ, *Op. cit.*, col. 2073, fig. 6. 108.
- (7) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, T. II, vol. II, col. 2. 942.
- (8) Она из золота и граната. Cf. J. DU BAYE, *Notice sur des bijoux barbares*, Pl. I, 2.
- (9) M. DELOCHE, *Etude sur les anneaux barbares*, CCLIV, LXXIII.
- (10) Cf. Ed. LE BLANT, *Nouveau Recueil des Inscriptions chrétiennes de la Gaule*.
- (11) Cf. Ed. LE BLANT, *Académie des Inscriptions*, séance du 14 mai 1886.
- (12) Cf. Ananda COOMARASWAMY, *Kawadjd-Khadir et la Fontaine de Vie*, in *Etudes Traditionnelles*, T. XLIII, ann. 1938, № 224-225, p. 304.

V. ТРИНАКРИЯ

Я припоминаю здесь только странную тринитарную эмблему, в которой Иисус Христом в виде, занимающем нас здесь, обладает своей частью.

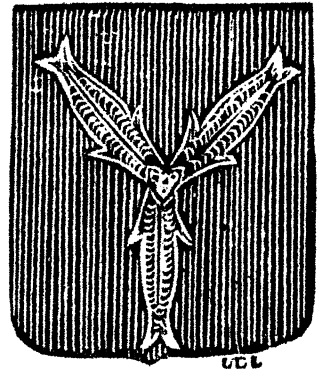
LCL

Фигура XXXV. – Тринакрия на замке свода бенедиктинского аббатства Люксёйль (Верхняя Саона). Согласно эскизу господина барона Пиду де ла Мадьер (Pidoux de la Madière), 1927 год

Это три абсолютно одинаковых между собой рыбы, соединенных таким образом, что их три головы составляют лишь одну голову. Очень древняя эмблема, которую сохранило Средневековье, не удержав, кажется, первоначальную мысль, позволявшую применять к Отцу и Святому Духу внешность рыбы, обычно предназначенную для Сына.

Я воспроизвожу здесь эту фигуру согласно основанию свода XII-го столетия монастырской церкви Люксёйля (Luxeuil) Ордена Святого Бенедикта (Фигура XXXV). Под ее именем Тринакрии дворянская геральдика сберегла это изображение на редких щитах, таких, как герб семейства Гундеров (Hunder) из Франконии (Фигура XXXVI) (1).

Недавний геральдический трактат Жевэра признает в этой фигуре или, говоря корректнее, в этой «геральдической мебелировке» одну из эмблем Святой Троицы (2). Здесь необходимо подчеркнуть намерение сохранить за Сыном Его символическую и традиционную внешность рыбы и, быть может, аллюзию на «предвечное порождение» божественного Сына, «... рождена, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша» (3). Тожество божественного естества, общего трем Лицам, было подтверждено этой фигурой благодаря схожей форме трех рыб, наподобие того, как единство сущности проявилось в единственной голове, слагающей из трех рыб только одно существо.

Фигура XXXVI. –
Тринакрия в геральдике;
герб Гундеров.
Cf. LA COLOMBIERE,
op. cit.

Как *Трикетра* (*Triquetra*) и *Трискелион*, – его различные формы, наподобие *Свастики*, нам сохранило античное монетное производство, – Тринакрия предстает фигурой воображаемой центральной оси, по существу выражающей вращательное движение, вдохновляющее все и связанное со всем, находящееся в отправной точке всякой жизни. И в этом смысле Тринакрия символизирует творческую активность и продолжает три божественные Личности, это производящая активность, сообщающее божественное Слово, о котором Святой Иоанн Богослов нам говорит: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (4).

(1) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, 1669, p. 330, Pl. № 24.

(2) GEVAERT, *L'Héraldique*, p. 36.

(3) *Profession de la foi de Pie IX*.

(4) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 3.

VI. РЫБЬЯ КОСТЬ

Некоторые археологи утверждают, что иногда брались для изображений триумфальной Пальмовой ветви рисунки, гравированные на христианских памятниках первых столетий и являвшиеся отображениями герметических эмблем Христа под схематической внешностью рыбы, сведенной к ее главной кости.

Эрудит Муре подытоживает сказанное на сей счет следующим образом: «В последние времена гонений символ рыбы не обеспечивал достаточной безопасностью тех, кто им пользовался... Несомненно, тогда изобрели за-

КСС

Фигура XXXVII. – Рыбья
кость (?) на одной
погребальной надписи
III-го века. Смотреть
Dom H. LECLERCQ,
Op. cit.

мену рыбы ее костями. Они напоминали языческий декор, употреблявшийся с очень отдаленной древности, с которым их могли смешивать; различие между этим новым орнаментальным мотивом, тем не менее, стало возможно благодаря определенным различиям техники и ассоциации этого декора с некоей иной характеристикой христианского искусства, такой, как пальмовые ветви и излучаемые круги...» (1)

Латеранский музей в Риме располагает надписью конца III-го или начала IV-го столетий, венчаемую словом *IKOYC*, *ictus*, под которой находится знак, быть может, изображающий символическую кость (Фигура XXXVII). Можно было бы достаточно привести и другие примеры этого.

(1) *Primulide et Eusérune, centre de foi chrétienne a l'époque romaine*, p. 5.

VII. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ РЫБА

Некоторые авторы пытались найти основание, которое заставило бы воспринимать рыбу как эмблему Иисуса Христа, хотя по факту Вифлеемское Дитя не было рожденным под астрономическим знаком Рыб, управляющим сегодня с середины февраля по середину марта месяца. Шарль Никулло уточнил следующим образом это мнение: «Ко времени пришествия Спасителя точка гамма, где эклиптика пересекает экватор, находилась в созвездии Рыб, после того, как прошла созвездие Овна. Известно, что в результате движения прецессии равноденствий и перемещения земного полюса знаки зодиака не совпадают с одноименными созвездиями.

Благодаря этому астрономическому указанию эзотерические пророки во все времена возвещали пришествие Искупителя; и это положение точки гаммы или точки весеннего равноденствия в сочетании с появлением чудесной звезды предвещало Царей Магов Халдеи. Таков, как нам представляется, смысл, почему алтари и могилы первых христиан несут на себе астрономический знак Рыб или слово *ictus*» (1).

Конечно, в первые времена Церкви астрономические знания, унаследованные от египетско-сиро-халдейского мира, являлись еще достаточно чистыми. Тем не менее, несмотря на положение точки гаммы в момент рождения Иисуса, кажется, что сей факт не был пустяковым для эмблематического усвоения рыбы: последние отблески сиро-финикийского культа Оаннеса и александрийская, или вовсе нет, находка акростиха *ichthus* представляются наиболее достоверными источниками. Это нисколько не препятствует тому,

что первые христиане могли весьма хорошо использовать, больше, чем даже можно себе представить, зодиакальный знак Рыб для хронологических указаний на своих надгробных памятниках, о чем Дом Леклерк точно полагает по отношению к двум рыбам, изображенным на христианской эпитафии из Булонь-сюр-Мер (2).

(1) Ch. NICOULLEAU, *La Théosophie, in Revue internationale des Sociétés secrètes* (Dr Mgr Jouin), T. XII, p. 459.

(2) Dom H. LECLERCQ, *Op. cit.*, Fasc. LXXVI, col. 1993.

VIII. РЫБА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНИНА

Христианский иероглиф рыбы, один из первых, который использовался для обозначения Искупителя мира, служил равно, чтобы таинственно изображать верного христианина, Его ученика. Рыбообразная лампа может вызывать в памяти, как Господа, так и Его ученика, обозначенного своим символом: крестом (Фигура XXXVIII).

Впрочем, первые христиане сами по себе значились, как «дети небесного Ихтуса», «Великой Рыбы», «божественной Рыбы», которые должны были следовать и подражать ей во всем: «Мы, маленькие рыбы – писал во II-м веке Тертуллиан – в соответствии с нашей Рыбой Иисусом Христом, рождаемся в (крестильной) воде, и мы можем быть спасены, только пребывая в воде» (1), то есть в вере крещения.

И в следующем столетии Святой Киприан Карфагенский выражался так: «Именно в воде мы возрождаемся *по образу* Христа, нашего Учителя, Рыбы».

Художники, современные этим наставникам, передали сотню способов аллегорического уподобления верного и Христа-Рыбы; я не хочу приводить здесь в качестве одного из лучших примеров этого большой медальон на мозаике из катакомб Гадрумета в Сусе в Тунисе: на нем мы видим Рыбу-Спасителя, лежащую на Якорь, герметическом образе креста Голгофы, и вокруг нее маленьких рыб, символизирующих верных, спокойно плавающих посреди водорослей.

Фигура XXXVIII. – Христианская лампа в форме крестоносной рыбы.
Cf. Dom LECLERCQ, *Dict. d'Arch. chrét.*, fasc. 78-79

(1) TERTULLIEN, *Du Baptême*, I.

Фигура XXXIX. – Сражение
ангелов с Левиафаном.
Согласно миниатюре
XIII-го столетия

IX. РЫБЫ ПРЕИСПОДНЕЙ: ЛЕВИАФАН, МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ

Как почти все главные эмблемы Иисуса Христа рыба была усвоена христианской символикой иногда для изображения в области Литературы и Искусств «Ангела Зла», Сатаны.

Книга Иова, обозначив под именем Левиафана чудовищного морского царя, который «кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь» (1), стала великим вдохновителем рыбообразных форм Сатаны, часто появляющихся на витражах Средневековья с более или менее дельфиньей головой, выбрасывающей языки пламень из своей пасти, куда низвергаются осужденные.

Иногда также с аллюзией на другой фрагмент той же самой библейской книги, где Бог говорит Иову: «можешь

ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбацьею острогою?» (2); наши средневековые миниатюристы изображали Христа, поднимающего на леске ужасную рыбу, кончающуюся в страшных и тщетных толчках.

В других местах, например на *Psalterium cum figuris* XIII-го столетия из Национальной Библиотеки в Париже, это Ангелы, сражающиеся мечами, будучи добрыми рыцарями неба, с адской рыбой, осуществляя тем самым вме-

сто Бога и от Его имени сказанное Святым Пророком Исайей: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Фигура XXXIX) (3).

Именно этого проклятого и отвратительного хищника вод я повстречал на одной миниатюре XV-го столетия с меньшей рыбой в своей пасти, которую пожи-

Фигура XL. – «Морской Дьявол». Согласно
произведениям Амвросия Паре,
глава о Чудовищах

рает. Именно о нем говорил Святой Франциск Сальский, когда проповедовал о духовной радости конгрегации визитанток, сообщая им, что думал «о существовании в море рыбы под названием рыбины (*pescheteau*), имеющейся морским Дьяволом, двигающей и толкающей туда и сюда ил, возмущающей всю воду вокруг себя, чтобы держаться на ней как бы в засаде, в которой она выслеживает маленьких рыб и, кидаясь на них, их застигает врасплох и пожирает; откуда, возможно, происходит выражение ловить рыбу в мутной воде, каковую повсеместно использует: значит, это тот же самый Дьявол преисподней, как и морской дьявол, поскольку творит свои засады в пещерах» (4).

Фигура ХLI. – Предшествующие нашей эре греческие и римские легенды приписывали некоторым рыбам роль спасителей: наши первые символисты сделали из них эмблемы Спасителя душ. На терракотовой фигурке из Музея Лувра дельфин спасает ребенка, оказавшегося жертвой кораблекрушения. Дохристианская эпоха

В своем трактате о чудовищах Амвросий Паре наделил этого «морского Дьявола» «отвратительным изображением», свидетельствующим о сильном воображении его гравера (Фигура ХL) (5).

Знаменитый хирург сопровождает данную фигуру неожиданными чертами, вышедшими из-под пера подобного же автора: «Геснерус упоминает об этом морском чудовище, снабженном портретом одного Художника, который его наблюдал в Антверпене в натуральном виде, имеющего весьма безобразную голову с двумя рогами и длинными ушами и все остальное тело рыбы, за исключением рук, приближенных к настоящим: его выловили в Иллирийском море, когда оно бросилось на берег, пытаясь схватить маленького ребенка, и, будучи преследуемым заметившими его Матросами, было ранено ударами камней и вскоре умерло недалеко от берега».

Как, читая эту странное описание, не удивиться простодушию и доверчивости авторов наших Бестиариев предшествующих столетий?

(1) Книга Иова, Глава 41, стих 23.

(2) Там же, Глава 40, стих 26.

(3) Книга Пророка Исаии, Глава 27, стих 1.

(4) Saint Francois DE SALES, *Traité de l'Amour de Dieu*, édition de 1616, p. 1033 (Святой Франциск Сальский, *Трактат о Любви к Богу*).

(5) Ambroise PARE, *OEuvres*, Livre XXV, c. XIX, *Des Monstres et Prodiges*, pp. 1053, 1573.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА СЕДЬМАЯ

ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА

I. ЖЕРТВЕННАЯ И ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЫБА В ДОХРИСТИАНСКИХ КУЛЬТАХ

Изучая религии, предшествовавшие нашей эре, исследователь очень быстро приходит к выводу, что все догмы христианской веры, так сказать, предвосхищались в верованиях, религиозных обычаях, эмблематических материальных или ритуальных формах, побуждающих нас познавать писания или произведения искусства тех далеких времен.

Именно эти важные констатации, полагаю, привели известных и весьма независимых эрудитов, каковы Луи Менар (1) и Александр Море (2), произведения которых определенно не исходят от католической мысли, к рассмотрению в качестве некоего вида предхристианства «отдельных религиозных проявлений догматического или литургического порядка у очень древних народов Языческого мира».

Сколь удивительными не могли бы казаться на первый взгляд эти факты, они объясняют, что это провиденциальное действие, издавна приготавливающее, даже у самых сумрачных Язычников, пришествие Христа, «Чаемого всеми Народами», Который должен был собрать и спасти всех Праведников земли, сделав из них народ Своего царствия, каковое «не от мира сего».

Евхаристия, как и все великие христианские таинства, а среди них Святая Троица и Творящее Слово, Воплощение Христа в утробе Приснодевы, Искушение в пролитии спасительной Крови, Воскресение «Первородного среди смертных», обладала в виде колоса, пшеничного зерна, винограда, вина и, наконец, рыбы своей частью в подготовительном действе божественной десницы.

Некоторые культы Азии задолго до Рождества Иисуса праздновали мистерии божественной рыбы, исходя из особых обрядов приносимой в жертву рыбы, которая торжественно употреблялась в пищу.

Этот культ рыбы, приносимой в жертву и съедаемой, нам засвидетельствован многими бесспорными памятниками Сирии, Ассирии, Месопотамии и Халдеи.

Барельеф Нимрода (Фигура I) нам показывает помещенной под изображением Ху, ассирийского символа верховного бога, под возрастающей лунной и звездой Иштар, богини любви и плодovitости, принесенную в жертву рыбу и положенную к подножию алтаря. С одной стороны от него мы

видим Оаннеса, ей уподобившегося ее жреца; с другой – крылатого персонажа, возможно, принесшего ее в жертву, поскольку за ним находится обнаженный меч.

На гравированном драгоценном камне из Британского Музея (Фигура II) видна та же рыба, распростертая на алтаре, увенчанная сверху звездой и возрастающей луной; с каждой из сторон сидят за ритуальной трапезой мужчина, голова которого, кажется, соединяется с эмблемой Ху, и женщина, обращенная к нему лицом и держащая поднятой, как и он, чашу без ножки; третий персонаж держит в руке неопределенный предмет и, думается, прислуживает в церемонии.

Отметим присутствие на этих двух артефактах (3), пусть даже это не имеет отношения к изучаемой нами теме, семи таинственных шаров.

Заметим, что на фресках римских катакомб Претекстата, изображающих ритуальные пиршества фригийского культа Сабазия, мы обнаруживаем на одном из блюд запеченное животное, – ягненка, козленка или кролика, – а на другом блюде рыбу; кругом хлеб и пирог (4).

Должно ли сопоставлять с этими азиатскими обрядами, когда Рыба становилась божественной пищей, обычай, о котором я уже говорил, в соответствии с которым каждый египтянин перед дверью своего дома в девятый день каждого месяца благоговейно съедал запеченную рыбу? (5) Кажется, что нет; но на самом деле мы ничего не узнаем о нем, не имея представления об определенной отправной точке египетского обыкновения.

LCI

Фигура II. – Ассирийская литургическая трапеза. Гравированный цилиндр из Британского Музея

Фигура I. – Жертвенная Рыба. Барельеф Нимрода

Церемонии, аналогичные ассирийским и халдейским, в которых вкушение рыбы становилось существенным действием, практиковались даже в Малой Азии и, считается, что на Кипре. Все эти обряды преследовали одну и ту же цель – тесное единение очищенного человека и божества путем включения рыбьей плоти, более или менее определенное участие в естестве и качествах священной рыбы.

Римские завоевания и мир принесли знание об этих язы-

ческих литургиях бога-рыбы по всей огромной империи Кесарей, наподобие того, как распространялись ритуалы Атиса и Митры, на заре дня, когда Евхаристия спешила утвердиться в качестве самого очага духовной жизни в новой религии Христа Искупителя.

Некоторые писатели, основываясь на определенных фактах, подтверждаемых постоянно восточной археологией, чтобы внушить, что Христианство не что иное, как ручей, вытекший из великих религиозных течений Халдеи, Сузии, Ассирии и Сиро-Финикии. Ученый еврей Соломон Рейнах им отвечает: «Отнюдь! Конечно, ни один здравый человек не пожелает искать происхождение Христианства в жертвенном культе рыбы, но этот культ существовал в Сирии; он задолго предшествовал Христианству, и со всей исторической очевидностью верно, что мы его там обнаруживаем, как мы обнаруживаем одинаково пережитки двух других зооморфических культов – голубя и агнца» (6).

Остается вероятным, что последние отражения жертвенных обрядов символической рыбы и культа Оаннеса, Дагона и Эа оказали определенное влияние на выбор рыбы как символа Искупителя. Здесь лишь вероятность, с которой кое-кто соглашались вследствие Ф. Делонэ (7); но это еще не достоверность. Все же отметим, что ничто не сумело бы противиться тому, что первоначальная Церковь с полной уместностью могла принимать и брать для своего употребления древние идолопоклоннические эмблемы, навязывая им свое значение, когда они были способны, интерпретируя удовлетворяющим способом одну из ее догм, облегчить дисциплину секрета, на которую ее вынуждали ее гонители. Это, впрочем, она неоднократно исполняла с вящей целесообразностью.

-
- (1) L. MENARD, *Histoire des Grecs*, 2 vol. Paris, 1893, passim.
 - (2) Alex. MORET, *Mysteres égyptiens*, Paris, Colin, 1923, passim.
 - (3) Cf. J. MENANT, *Glyptique orientale*; смотреть также: A. DE LONGPERIER, in *Bulletin archéologique de l'Atheneum francais*, 1855, p. 100 et 1856, p. 96.
 - (4) Cf. R. GARUCCI, *Les Mysteres du Syncretisme phrygien dans les Catacombes romaines de Prétextat*, in *Mélanges archéologique*, T. IV, pp. 8-17.
 - (5) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, VII.
 - (6) Salomon REINACH, in *Cultes, Mythes et Religions*.
 - (7) Смотреть F. DELAUNAY, *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*, 4e série, T. VIII, 1880, pp. 45-57.

II. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

В предыдущей главе я привел две эпитафии, бесспорно устанавливающие, что в III-м столетии, согласовываясь с текстами более древних христианских авторов, рыба обладала в Церкви очень определенным евхаристическим значением; надгробная надпись Пекториуса (Pectorius) из Отюна нам гласит: «Прими пищу нежную как мед от Спасителя Святых; вкушай ее с на-

слаждением, держа Рыбу в своих руках, и насыщайся Рыбой...» Похоронная надпись епископа Аверкия Фригийского «Вера меня вела повсюду. Повсюду она мне давала в пищу Рыбу из источника, очень большую, очень чистую, выловленную Святой Приснодевой. Ее же она даровала в пищу друзьям...»

Значит, эти и другие тексты отчетливо представляют рыбу в качестве символа, обозначающего в таинственном словаре первых христиан как Христа, скрытого под материальными видами Евхаристии, так и в других обстоятельствах ту же самую рыбу, изображавшую для них жертвенного Христа или Христа, ведущего и поддерживающего свою Церковь.

Вследствие этого евхаристического значения первые христианские художники отображали рыбу в большинстве своих очень ясных композиций: иногда она помещалась сверху чаши или на алтаре; порой казалась предоставляемой верному (Фигура III) на катакомбных фресках; порой она плыла, неся на своей спине корзину, полную освященных хлебов, или даже приносила в своем рту хлеб или виноградную гроздь (Фигура XV); в другом месте, находясь между чашей и хлебом, она ожидала быть розданной, подобно им, в пищу; одинаково часто она придавала свою форму предметам, относящимся к таинственной трапезе или к церемонии благословенных агап.

Вот Христос-Рыба, несущая на себе корзину или евхаристический ладанник, исходя из фрески из римских катакомб Луцилы, датируемых, вероятно, III-м столетием (Фигура IV).

Фигура III. – Рыба-Христос и верная рыба, помещенные сверху евхаристического сосуда. Христианская лампа III-го века

Фигура IV. – Рыба, несущая евхаристическую корзину. Картина из катакомб Луцилы в Риме, III-е столетие

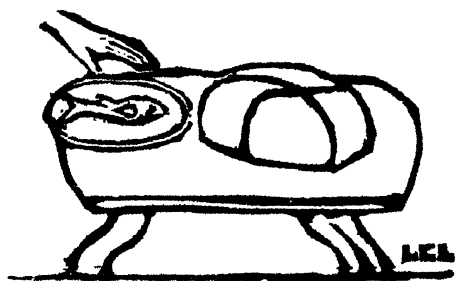
Сцены трапез являются многочисленными в живописных произведениях из римских катакомб. Это художественные композиции, изображающие Святую Трапезу, небесное пиршество Избранных, таинственное освящение евхаристических видов, агапы религиозных и дружественных ужинов верных. И когда Церковь после императорского эдик-

Фигура V. – Рыба на алтаре. Согласно саркофагу из Музея Кальве в Авиньоне

лись, то увидели, по словам Святого Иоанна Богослова (1), горящие уголья на прибрежном песке, положенную сверху рыбу и хлеб тут же. И Иисус им говорит: «Идите и ешьте»; и, взяв хлеб, дал им его; то же самое он сделал с рыбой (2).

Представляется достоверным, что этот евангельский рассказ во многом помог приданию символической рыбе ее евхаристического значения, ведь именно этот эпизод с семьей избранными учениками являлся наиболее любимым в композиции мистических трапез в первоначальном христианском искусстве: катакомбы Святого Каликста располагают его несколькими изображениями (3). Равно рыба

Фигура VII. – Рыба и Хлеб на алтаре; картина из катакомб Каликста в Риме

та от 314 года обрела, наконец, свободное место при свете дня, мозаики, скульптуры и картины первых базилик повторяли эти сюжеты, не изменяя их художественного жанра, которыми вдохновлялись позднее художники-стеклодувы Средневековья.

На них мы почти всегда видим гостей, распределенных по сторонам центрального стола с хлебами, вином и рыбой, разложенной на блюде.

Присутствие символической рыбы предстает вполне вероятно аллюзией на трапезу, которую Иисус после Своего воскресения разделили с семьей из своих учеников, ловивших рыбу на берегу Тибериадского озера. Когда они приблизи-

Фигура VI. – Рыба на алтаре. Катакомбное изображение

появляется в центре стола и перед Спасителем на одной «Трапезе» мозаики VI-го столетия в базилике Святого Аполлинария Нового в Равенне.

На другом конце христианства того времени в церкви Абу-Сархага (Святого Сергия) в Старом Каире, происходящей с VII-го или с VIII-го столетий, находятся деревянные скульптурные врата, декорирующие изображение Тайной Вечери: на нем – двенадцать апостолов окружают продолговатый стол, верхний предел которого занимает Иисус;

на столе присутствуют по краям двенадцать хлебов; посередине лежит большая рыба, которую берет Спаситель, чтобы раздать Своим Апостолам (4).

Это присутствие рыбы под рукой Иисуса в течение Тайной Вечери (о чем не упоминают Евангелисты) вызывают в памяти одинаково ее присутствие на алтаре треножного стола подземного кладбища Святого Корнилия, где мы ее видим на блюде рядом с хлебом (5). «У этого алтаря стоит один персонаж, облаченный в один *паллиум* (*pallium*), оставляющий обнаженными руки, наложенные на жертвоприношения; с другой стороны находится равно стоящая женщина, которая молится с поднятыми вверх руками (Фигура VI)». «Тот, кто не увидит здесь, – говорит господин де Росси, – евхаристическое освящение, будет полностью слепым... Мы имеем тут аскета, или, если лучше выразиться, священника, облаченного в *паллиум* на манер философов и налагающего руки жестом, для которого, учитывая естество вещей, положенных на столе, было бы невозможно установить иной смысл, кроме значения освящения» (6).

И на другом артефакте из катакомб рука равно простерта к рыбе и хлебу в жесте, который, возможно, скорее наложение руки, нежели схватывающее действие (Фигура VII) (7).

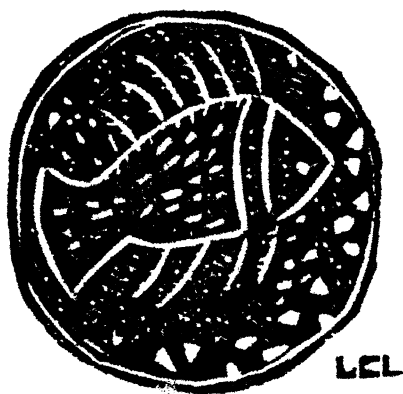
Не все ли равно, что имелась аналогия художественной диспозиции между этими христианскими изображениями и образами жертвенной рыбы на алтарях, намного более древних, чем христианская эра, из Фригии, Тира или Вавилона? Среди многих других артефактов барельеф из Лувра устанавливает данную аналогию: (как считается) прядущая женщина сидит рядом с престолом-алтарем, на котором положены рыба и шесть хлебов (8); слишком много хлеба: говорили о клубках шерсти; но никто не сумел объяснить эти клубки, слипшиеся при соприкосновении с приготовленной или сырой рыбой! (Фигура VIII) Было ли это важно, если даже первые христианские художники Рима вдохновлялись линейными диспозициями образов культов Сабазиуса, Оаннеса или Дагона, ведь христианское значение и все христианское, на первый взгляд, подменялось античными интерпретациями дохристианских культов?

Даваемая в пищу печеная рыба часто представляла из уст или из-под пера первых христианских наставников:

«Спаситель, – говорит Святой Проспер Аквитанский, – является приготовленной рыбой (буквально «испеченной рыбой») – “le poisson cuit”, от *coctus*) в Своих Страстях для пропитания, которое есть повседневное просвещение»; и Аноним Африканский V-го столетия, произведение которого (9) составляет продолжение сочинению Святого Проспера, равно говорит, делая аллюзию на эпизод у Тибериадского озера, что Христос – «великая

Фигура VIII. – Жертвенная рыба на халдейском алтаре. Cf. PEZARD, Op. cit.

Фигура IX. – Штемпель для клеймения хлебов.
Cf. *Dict. d'Arch. chret.*, fasc. 77-78, col. 2. 062, fig. 6099

Рыба, сама собой кормившая своих учеников, и это рыба (ictus), закланная для всего мира».

Святой Августин добавляет более определенно: «Господь удостоил Своих семи учеников трапезы, составленной из рыбы, которую они видели положенной на горящие угли. Рыба, запеченная таким образом, это Христос» (10).

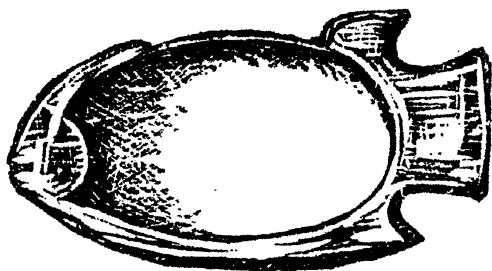
Равно объясняется присутствие Рыбы на образах «пиршества Избранных», ведь таинственный *Ихтус* «это Христос», вечная пища, которую вкушают приглашенные за небесный Стол; и она там может соседствовать с «Хлебом Ангелов» и Вином, о котором Иисус сказал, что Он его будет сам пить снова в царствии Своего Отца (11).

Вполне очевидно, что множество из этих изображений рыбы в первоначальном христианском искусстве помещало верных в положение, которое должно было неизбежно возвысить их мысли к Спасителю, божественному Ихтусу каждый раз, когда на ритуальном столе агап или на семейном столе частного жилища рыба представлялась в качестве пищи; и их умы оказывались естественно побуждаемыми к ментальному действию, названному христианской духовностью «духовным общением».

Впрочем, монументальное искусство не являлось единственным украшенным божественной рыбой: ей также декорировались вазы и разнообразные предме-

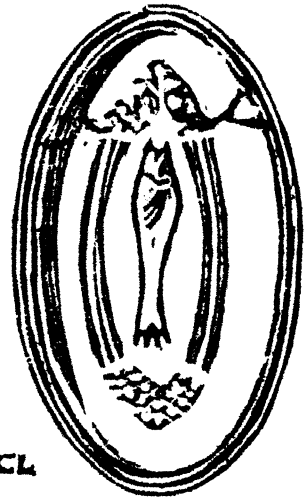
Фигура X. – Лжица из Соше-ан-Тивар.
Галло-римская эпоха

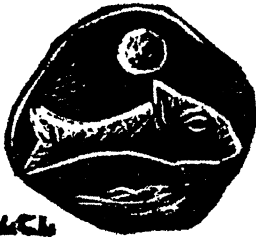
Фигура XI. – Деревянная рыба-лжица из христианских захоронений Акмина (Египет). Cf. Dom LECLERCQ, *Op. cit.*

ты евхаристического или домашнего использования. Я воспроизвожу рядом рисунок штампа для клеймения хлебов (Фигура IX); и лжицу, как считается евхаристического употребления, найденную в Соше-ан-Тивар (Soché-en-Thivars) (Эр и Луар) (Фигура X); мы на ней видим таинственную рыбу в углублении чашечки (12). Раскопки Акмина в долине Нила предоставили нам христианские лжицы того же самого предназначения V-го или VI-го столетий (Фигура XI).

Большие блюда, носящие тот же самый образ, были обретыены в разных местах в течение одного столетия, которым, казалось бы, можно приписать тождественное происхождение. Одно из них нашли в Сулуссе в Вогезах (Фигура XII); другое обнаружили в Эпплшау (Appleshaw) (Англия) (13). Тем не менее, необходимо сохранять сдержанность по отношению к евхаристическому применению этих блюд, ведь древние пользовались до христианской эры блюдами, декорированными рыбой таким же образом, что доказали открытия Помпеи (14). Но когда большие продолговатые блюда носят какую-нибудь эмблему Христа, тогда возможно, что они служили евхаристическими символами рыб: таково большое серебряное блюдо, украшаемое посередине монограммой Христа и найденное в 1866 году неподалеку от устья Тибра в имении князя Торлонии (15).

Фигура XII. – Блюдо из Сулосса (Вогезы)

Фигура XIII. – Булла из свинца, происходящая из Тира

лампе, которую я здесь воспроизвожу (Фигура XIV) (17).

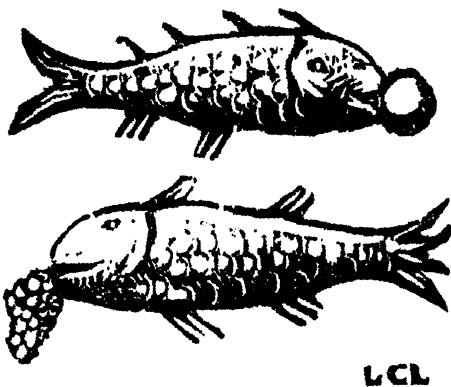
И эти артефакты могут быть сопоставлены с рыбами из римских катакомб Святого Калликста (18), несущими каждая в своем рту, – первая хлеб для причастия; другая – евхаристическую виноградную гроздь (Фигуры XV и XVI).

Иногда получается, что таинственный хлеб, носимый таким образом рыбой, противопоставлен

Наша уверенность зиждется на мистическом характере рыбы, когда она предстает в сообществе священного хлеба, как, например, на пломбе из Музея Святой Анны в Иерусалиме (16), найденной в Тире (Фигура XIII), или даже в изображениях на кувшине для вина и на античной

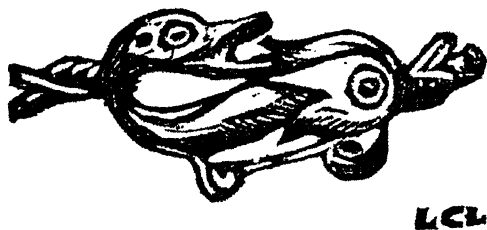
Фигура XIV. – Античная лампа, несущая евхаристические Рыбу и Сосуд

Фигуры XV и XVI. – Евхаристические рыбы из катакомб Святого Калликста в Риме

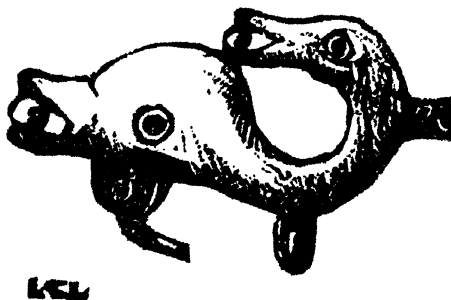
ветхого Адама, поединок, символизирующий противоречие хлеба жизни плоду смерти: «Эта интерпретация, – говорит Дом Леклерк, – вне всякого сомнения, достоверна» (20).

Считалось, что тот же символизм можно признать на бронзовом аграфе из коллекции Паранто (21), найденном в Анжере. На нем мы видим дельфина, несущего во рту шарообразный предмет; его тело приподнимается сзади, завершаясь животной формой вида змеи, также держащей в своей пасти шарик (Фигура XVII). Подобный аграф был найден в Шерселе в Алжире (22); другой находится в Музее Пешта в Венгрии (Фигура XVIII) (23). Все они восходят к готскому искусству, но не у всех из них имеются шарики в челюстях животных, из которых они образованы.

Фигура XVIII. – Фибула из музея Пешта. Cf. Von POULSZKI, *Op. cit.*

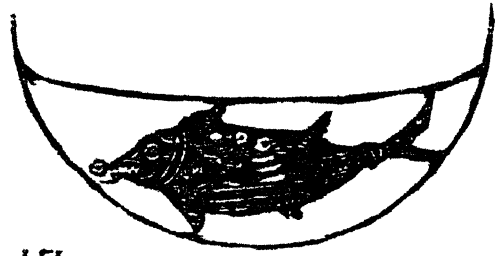
фатальному плоду земного Рая, впечатляющего своей шарообразной формой, который держит другое животное. Следовательно, бронзовая лампа в виде лодки римского христианского искусства снабжена носовой частью в форме Дельфина, несущего «Хлеб жизни», тогда как ее корма предстает как эмблема злого Духа – поднимающегося грифона, держащего в своем хищном клюве проклятый плод (19). Это поединок между Христом, «новым Адамом» и духом преисподней, совершившим впасть в заблуждение

Фигура XVII. – Фибула из Коллекции Ф. Паранто, находящаяся сегодня в музее Нанта

Нельзя неразборчиво рассматривать в качестве евхаристических все шарики, носимые рыбами в античном искусстве, или к которым они устремляются: на дне чаши одного киликса из Кириены, очень предшествующего нашей эре и находящегося в Национальной Библиотеке в Париже, мы обнаруживаем внизу сцены Улисса с Полифемом

большую рыбу, приближающуюся к одному из таких шариков (Фигура XIX). Итак, датировка предмета, несущего эти шарики, и место его происхождения должны определить его принадлежность и интерпретацию его декора.

I,CL

Фигура XIX. – Рыба и шарик на дне киринейского киликса из Национальной Библиотеки в Париже

- (1) Смотреть *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Т. II, col. 1561 fig.
- (2) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 21, стих 9.
- (3) Там же, стих 12, 13.
- (4) Смотреть MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 245. – Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, Т. II, p. 546. – L. LEFOIT, *Chronologie des peintures des Catacombes*, in *Revue archéologique*, Т. XL, 1880, p. 214.
- (5) Cf. G. C. BROUSSOLLE, *Théorie de la Messe*, fig. 42, p. 134.
- (6) Abbé MARTIGNY, *Ouvrage cité*, p. 246.
- (7) Cf. V. DAVIN, *La Capella Greca*, in *Revue de l'Art chrétien*, Т. XXV, p. 177, pl. XI.
- (8) Смотреть M. PEZARD, *Catalogue des Antiquités de la Susiane*, p. 97; Pl. XIII, № 204.
- (9) *De promissionibus et praedictionibus Dei*.
- (10) Saint AUGUSTIN, *Tract. XII, ad in Joan*.
- (11) *Благовествования: от Матфея*, Глава 26, стих 29; *от Марка*, Глава 14, стих 25; *от Луки*, Глава 22, стих 18.
- (12) Согласно Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Т. III, vol. II, col. 3. 175, 3. 451.
- (13) Cf. *Revue de l'Art chrétien*, année 1907, p. 265. *The archaeologia*, Т. LVI, p. 12.
- (14) Cf. A. P., *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, p. 280.
- (15) Cf. *Bulletin monumental*, Т. XXXV, 1869, p. 819.
- (16) R. P. DECLOEDT, *Plombs du Musée biblique*, in *Revue numismatique*, 4e serie, Т. XVIII, 1894, p. 445 et Pl. XI, № 24.
- (17) Согласно A. PARMENTIER, *Album historique*, 2 Livre, p. 28.
- (18) Гравюра согласно R. BILLIARD, *La Vigne dans Antiquité*, p. 235.
- (19) Cf. DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1868 et novembre-décembre 1870, pp. 72, 73.
- (20) Dom H. LECLERCQ, *Op. cit.*, t. IV, vol. I, col. 293.
- (21) Сегодня в Музее Добре (Dobrée) в Нанте.
- (22) Cf. F. PARENTEAU, *Inventaire archéologique*, 2e serie, Т. XXXVIII, 1879, p. 221.
- (23) Von PULSZKI, in *Revue archéologique*, 2e serie, Т. XXXVIII, 1879, p. 221.

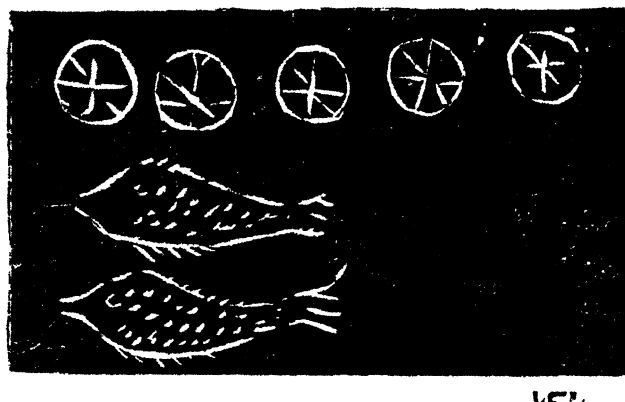
III. РЫБА, ЭМБЛЕМА ВЕРНОГО ХРИСТИАНИНА И ЕВХАРИСТИИ

Из многочисленных артефактов, движимых предметов или монументальных украшений сопоставляют верную рыбу с символическим хлебом и виноградом, корзиной или евхаристическим сосудом. Так на изящной скульптуре из Сиракуз две рыбы плывут к священному канфару (1). Тот же самый мотив мы видим в Реймсе на одной из древнейших капителей Галлии (2).

Фигура XX. – Верные рыбы, стремящиеся к Евхаристии.
Мрамор из Модены

На античном мраморе из Модены изображены пять хлебов, отмеченных крестом, к которым продвигаются две рыбы; сверху над всем резцом гравёра по камню выгравировано греческое слово SYNTROPHION латинскими буквами; *syntrophion* обозначает «общую трапезу» (Фигура XX). Тот же самый смысл необходимо отнести к двум рыбам, увенчанным пятью хлебами, которыми украшена пластина из Музея Кирхера и которые, возможно, одновременно и воспоминание, связанное с пятью хлебами и с двумя рыбами, о чем повествует Евангелие, сообщая об умножении хлебов (Фигура XXI) (3). Данное наблюдение равно применимо и к «синтрофиону» из Модены. Известно, что зачастую эмблема облекалась несколькими значениями, когда естество последних не делало их несовместимыми, что очевидно в нашем случае.

Фигура XXI. – Евхаристические хлеба и верные рыбы из Музея Кирхера

- (1) Cf. DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, année 1877, Pl. X.
 (2) Смотреть *Bulletin monumental*, T. LXIX, 1905, p. 224.
 (3) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 14, стих 17.

IV. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вторая половина Средневековья сохранила, однако, не используя ее многократно, прекрасную эмблему евхаристической рыбы. Во Франции мы находим ее в скульптурных украшениях нескольких романских церквей XI-го и XII-го столетий. Церковь Святого Нектария в Оверни представляет интересный пример того: на одной из ее капителей изображается Тайная Вечеря, где Спаситель и четверо из Его апостолов сидят за столом, на котором находятся рыба и хлеба.

На одном архивольте монастырской церкви Святой Марии (Sainte-Marie-aux-Dames) в Сенте XII-го столетия Иисус изображался причащающим Своих апостолов: он предлагает одному из них хлеб, держа рыбу в другой руке (1). Обычай сопровождать рыбой евхаристический хлеб обнаруживается даже в темах, не имеющих ничего общего с таинством, как на половой изразцовой плитке, происходящей из базилики Святого Ремигия в Реймсе, изображался в ту же самую эпоху вавилонский бог Бел и дракон. У подножия статуи на останках мощения имеются следы ног лживых жрецов и стола, убранного священными блюдами, предназначенными богу, как об этом возвещает Книга Святого Пророка Даниила (2). Итак, художники отразили эту пищу в кувшине с вином, маленьком хлебе и сосуде, где пребывает рыба...

Наконец, витраж XII-го века в кафедральном соборе Шартра представляет собой ту же самую Тайную Вечерю. Справа от Спасителя находятся три апостола, из которых Иоанн отдыхает на груди божественного Друга; трое других пребывают слева; вблизи сидящий очень низко Иуда касается рукой рыбы, разложенной на блюде посередине стола напротив Иисуса (3). Подобное мы замечаем и в других местах.

Не стоит смешивать с этими артефактами евхаристического порядка средневековую медаль, пользовавшуюся славой в центре Франции и на которой изображались пять хлебов и две рыбы. Это изделие относится лишь к культу Святого Марциала из Лиможа: лимузенцы утвер-

Фигура XXII. – Рыба на алтаре и евхаристические хлеба. Деталь одного римского саркофага из Латерана. Первые христианские столетия

ждали, что существовал молодой человек, носивший с собой две рыбы и пять ячменных хлебов, которыми Господь смог насытить пять тысяч человек в Галилее (4). Эта медаль некогда распространялась одним благочестивым братством из Лиможа в честь покровителя своего города (5).

Евхаристический характер рыбы существует и сегодня, особенно в правоверном или гетеродоксальном христианстве Ближнего Востока; так в некоторых церквях Малой Азии подвешенные над алтарем евхаристические сосуды, хранящие священный хлеб, сделаны в форме рыбы; их поддерживают три цепочки, как в прошлом евхаристический голубь в средневековых церквях нашего Запада (6).

(1) Cf. *Bulletin monumental*, T. X, p. 487.

(2) *Книга Пророка Даниила*, Глава 13.

(3) Cf. E. MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 111, fig. 99.

(4) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 6, стих 1-15.

(5) Cf. M. ARDANT, *Chapelets, médailles et panonceaux des confréries de Penitents de Limoges*, in *Revue de l'Art chrétien*, année 1858, p. 147.

(6) Сведения господина барона Жана де Монтаньяк-Веореоса (DE MONTAGNAC-VEOREOS), 1933 год.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ВОСЬМАЯ

ДЕЛЬФИН

І. ДЕЛЬФИН В ДОХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Дохристианское изображение Дельфина никогда не достигало такого роста, как всеобщее распространение безымянной Рыбы; первое родилось и развилось в прибрежных странах северо-восточного бассейна Средиземноморья и на Понте Эвксинском, нашем Черном море, и по-особенному в Малой Азии, в Греции (Фигура І) и в Италии.

Мореплаватели этих стран рассматривали дельфина, которого часто видели вокруг своих судов, как животное доброго предзнаменования, как спутника приятного пути, и вскоре они его стали расценивать в качестве «друга моряка». Овладев идеей дельфина как «друга людей», поэты сочинили великолепные вымыслы. Ему присваивались чудесные качества разумения, почти ясно-видения, изобретательности, искусности, быстроты (1), привязанности, преданности; он же обладал всеми дарованиями ума и сердца.

С ним связывали удивительные спасения: кто не знает прекрасную легенду об Арионе, талантливом исполнителе на лютне, которого его завистливые и алчные товарищи бросили в море, позволив ему играть перед смертью и даже в то время, когда его кидали вниз; сбежавшиеся на завораживающие звуки его аккордов дельфины подхватили музыканта и отнесли здорового и невредимого к царю Периандру на берега Ликаонии (2). И легенда о юном Меликесте, преследуемом жестоким и тираническим отцом, но бросившемся в море и спасенным одним дельфином, чтобы сделаться морским богом. И спасение Телемаха. Смотреть выше главу ХСVI, Рыба; Фигура ХLI.

Фигура І. – Дельфин Посейдона на якоре.

Согласно мозаике Дома Трезубца в Делосе.

Дохристианская эпоха. Согласно рисунку господина Поля Ле Кура. Cf. Atlantis, T. III, № 23, d с. 1929, p. 49. Христианство позже приняло ту же самую эмблему для обозначения Христа на Кресте

LCI

LCL

Фигура II. –
Монета из Сагонта

Плиний (3) и Аристотель (4) всерьез сообщают, что прибрежные дельфины с любовью и бдительностью надзирают за юными купальщиками, чтобы их предостеречь от смертельных неожиданностей, и приносят в порты тела тех, гибели которых не смогли помешать.

Святой Франциск Сальский очаровательно и с наивностью повторил эти очень старые вымыслы, сказав о дельфине: «Различные авторы сообщали о нем удивительные вещи, описывая Дельфина, который столь самозабвенно полюбил одного маленького ребенка, увидев последнего несколько раз на берегу моря, что когда этот ребенок неожиданно умер, Дельфин сам скончался от печали» (5).

Одинаково Древние рассматривали как преступление против законов дружелюбия удержание дельфинов, случайно попавших в их сети: таких предусмотрительно выпускали на волю (6).

LCL

Фигуры IV и V. – Монеты из Тарента

Кроме того, многие античные города, особенно в Греции, помещали дельфина с охранительной и религиозной целью на своих монетах; таковыми являлись Аргос, Сагонта (Фигура II), Катана, Мессина и пр. (7) На столь великолепных монетах из Тарента мы видим Тараса, сына Посейдона, Нептуна Латинян (Фигура III), оседлавшего дельфина, или даже сидящего боком на его спине и держащего отцовский трезубец (Фигуры IV и V) (8).

Из всех морских обитателей, почитаемых, обожаемых и любимых Древними дельфин, бесспорно, занимал самое большое место.

На галльском алтаре из Мавиллы (Кот д'Ор) один местный бог, подобный Посейдону-Нептуну Греков и Латинян, нес в своей руке дельфина (9).

LCL

Фигура III. – Чудесное путешествие Тараса, бронзовая группа из Афин. Cf. S. REINACH, *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. II, vol. II, p. 468, N° 4

Это почтение к дружественному обитателю морской стихии объясняет тысячи языческих изображений дельфина, которые мы находим на самых разнообразных памятниках и предметах искусства, тем паче, что очень древний символизм сделал из него одновременно эмблему Моря и Воды, что мы увидим дальше, а равно средство передвижения для блаженных душ.

Кроме того, многие античные города, особенно в Греции, помещали дельфина с охранительной и религиозной целью на своих монетах; таковыми являлись Аргос, Сагонта (Фигура II), Катана, Мессина и пр. (7) На столь великолепных монетах из Тарента мы видим Тараса, сына Посейдона, Нептуна Латинян (Фигура III), оседлавшего дельфина, или даже сидящего боком на его спине и держащего отцовский трезубец (Фигуры IV и V) (8).

Из всех морских обитателей, почитаемых, обожаемых и любимых Древними дельфин, бесспорно, занимал самое большое место.

На галльском алтаре из Мавиллы (Кот д'Ор) один местный бог, подобный Посейдону-Нептуну Греков и Латинян, нес в своей руке дельфина (9).

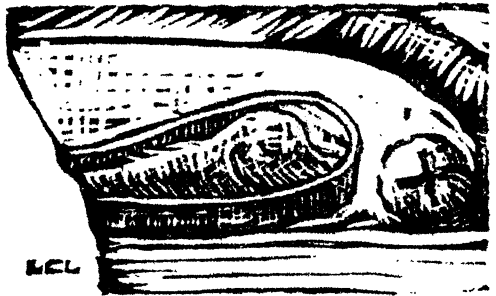
- (1) Аристотель утверждает, что скорость дельфина на его бегах невообразима; он преувеличивает до такой степени, что говорит, будто дельфин перепрыгивает сверху самые крупные суда. *Histoire des Animaux*, Livre IX, ch. XXXVI.
- (2) Cf. Овидий и грек Афиней, XIII, 30.
- (3) PLINE, *Ep.* IX, 33.
- (4) ARISTOTE, *Hist. anim.*, IX, 48.
- (5) *Les vrais entretiens spirituels de saint Francois de Sales*. Edition de Fr. Léonard. Paris 1665, p. 79 (Подлинные духовные беседы Святого Франциска Сальского).
- (6) Cf. DEMOUSTIER, *Lettres a Emilie sur la Mythologie*, LXXV.
- (7) Cf. D. H. LECLERCQ, in *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*. Смотреть Dauphin, T. IV, vol. I, col. 283-295.
- (8) Cf. MENARD L., *Histoire des Grecs*, T. I, p. 265.
- (9) Смотреть P. Le COURS, *A la recherche d'un Monde perdu*, p. 540.

II. ДЕЛЬФИН В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

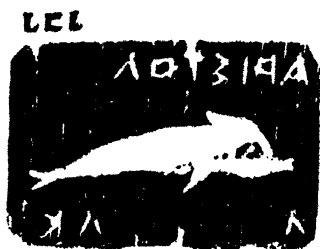
Две предыдущие главы посвящались христологической, евхаристической или иной рыбе, обитательнице морей, представляемой общим образом без обозначения особого имени и являющейся греческим *Ихтусом*, анонимной рыбой; иногда, тем не менее, рыбы изображались в своем точном виде: таковы морской язык, окунь и морской карась, калкан, щука, дельфин, рыба-меч (Фигура VI).

Порой у этих рыб образ, который нам их отображает, становится дважды символическим по одному факту указания, даваемого их виду: в этом качестве он, являясь рыбой, обозначает Христа как «Сына Божия и Спасителя», как говорит акростих греческого слова *Ichtyis*, облакаясь затем, согласно виду изображенной рыбы, символическими свойствами, по-особенному с ней связанными. Тем самым мы спешим увидеть, что дельфин, являющийся лишь иногда анонимным «ихтусом», чаще всего предстает одновременно Христом-другом, Христом-проводником и Христом-победителем (Фигура VII).

На первый взгляд, кажется, что дельфин должен был стать первым морским обитателем, избранным христианским символизмом, чтобы служить эмблемой Иисусу Христу; но ничего подобного не случилось; и только в конце II-го или в начале III-го столетий в Риме его образ

Фигура VI. – Дельфин, приготовленный для духовной пищи душ, рядом с евхаристическим Хлебом. Деталь одного саркофага из Порто. Cf. Dom LECLERCQ, *Op. cit.*, fasc. LXXVI-LXXVII, col. 2053, fig. 6. 086

Фигура VII. – Дельфин
на клейме амфоры.
Греческий остров Тасос.
Cf. *Revue archéologique*,
Ile serie, T. III (1861),
p. 265, pl. X, fig. 36

вошел в иконографию Спасителя; тогда как уже долгое время обычная рыба повсюду представлялась перед глазами и разумением верных, посвященных в Его таинство.

Эта констатация оказалась настолько поразительной, что никто уже не задавался вопросом, могла ли быть изначально избранная в качестве христианской эмблемы рыба Дельфином, изображение которого быстро исказилось, изменившись в обычную рыбу, что, по справедливым словам Дома Леклерка, «мнение скорее благовидное, нежели основательное». Однако мне кажется, что это появление дельфина, следовавшее за появлением простой рыбы, могло объясняться тем, что акростих, служивший паролем,

словом сплочения для первых верных, подчиненных «дисциплине секрета», был взят не от имени дельфина, но от слова «рыба», воспринятого как общее понятие – *ictus* по-гречески; общее понятие называло самую общую форму, но никак не ее частность в разновидности дельфина. И эта форма преобладала на протяжении определенного времени.

Тем не менее, час вхождения в священную фауну христиан пробил и для дельфина. Значит, как мы видели, он застал морское млекопитающее, уже довольно богатое смыслом вековых и столь ценных поверий, заставивших позабыть, что в одном из наиболее неприличных мифов греко-римской мифологии мы обнаруживаем Нептуна, превратившегося в дельфина, чтобы похитить нимфу Меланфо, наподобие того, как Юпитер обратился в лебедя для обольщения Леды.

По поводу последнего предприятия я сказал в главе о лебеде то, что уполномоченные мифографы думают сегодня об этих невероятных и божественных прогулках, которые нисколько не помешали первым христианским художникам изображать божественного чародея душ в достаточно загадочных чертах Орфея; и разве ласки Эроса и Психеи не живописались ими на стенах Катакомб, как образ нежности Христа к верной Душе? И разве коптские христиане не заставили включить в украшение своих церквей тот же образ Леды, играющей со своим лебедем?

Разве миф об Амфитрите и Посейдоне не располагал к наиболее завораживающей аллегории? Нимфа, бегущая от вожделенного богом морей союза, но приносимая к нему два дельфина, не стала ли приемлемой эмблемой человечества, спасающегося от своего Бога и приводимого, однако, к Нему благодаря Дельфину-Спасителю?

(1) *Revue numismatique*, ser. XX, 1916, p. 30, pl. II, № 136 14.

III. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА-ДРУГА

Нет нужды в древних текстах, чтобы суметь убедиться, что первые символисты, избравшие дельфина в качестве эмблемы Иисуса Христа, никак не забывали, что это морское существо в общих идеях их времени рассматривалось и как друг человека. Разве мысль о великой любви, побудившая на верховную жертву Того, Кто «явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (1), не приходила к ним сразу на ум?

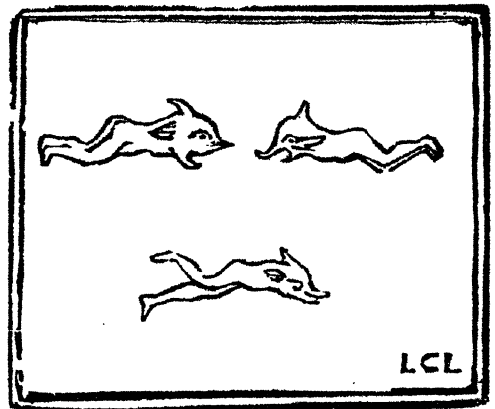
Следовательно, дельфин стал иероглифом, указывающим Христа-Друга, великого Друга; и взаимоотношения у Него с христианином являются теми же самыми, как в книге блаженного Раймонда Луллия *«Друг и Возлюбленный»*.

Античные и весьма странные скульптуры доходили до такой степени, что представляли себя в самых неожиданных изображениях: разве не считалось, что дельфины настолько возлюбили людей, что некоторые из них, приплывая к нам, брали даже повадки и формы человеческих пловцов? В тех же Афинах хорегический памятник Лисикрата нам показывает еще эти диковинные изображения (Фигура VIII).

Не могли ли они браться за эмблему Того, Кто благодаря любви к нам облекся нашей плотью и нашими формами, чтобы жить нашей жизнью и спасти нас через жертвоприношение Своего тела, подобного нашему телу?

Я обозначаю здесь, согласно ученым трудам преподобного пастора Делаттра (2), одну христианскую лампу первых столетий. Орнаменты, похожие на лепесток вьюнка римского эпиграфического или на сердца, образуют здесь оправу символического дельфина (Фигура IX), что одинаково напоминает образное сердце вверху над дельфином на эпитафии Аманоса, отмеченной Аринги (3), что никак не несет разногласия с эпиграфом, гравированным на изображении Дельфина: *PIGNUS AMORIS HABES* (4).

Если лампа из Карфагена действительно имеет сердце и корону из сердец вблизи и вокруг Дельфина-Христа, то она могла бы открыть в христологической иконографии весьма неожиданные горизонты... Я возвращусь к ней, несомненно, позже, если Бог окажет мне Свою помощь и продлит жизнь. Отметим только здесь, что знаменитый разоблачитель археологических сокровищ земли античного Карфагена преподобный пастор Л. Делаттр не сомневается в характере отдельного сердца и сердец, которые несет эта лампа, поскольку для него изображения Сердца Христова существовали уже в первые четыре сто-

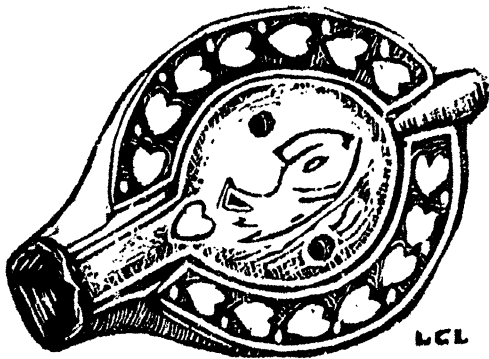
Фигура VIII. – Антропоморфные дельфины с памятника Лисикрата в Афинах

летия в религиозной иконографии христианского Карфагена (5).

Именно в Своей роли Спасителя и Исккупителя Христос по-особенному проявился несравненным Другом людей. Именно так от своего рождения Его представляет христианская мысль.

В то же самое время, когда в Иисусе Христе почитали создателя и источник жизни, наши отцы в Вере Его провозглашали под образом рыбы щедрым спасителем душ. Значит, этот символизм вполне естественно должен был их привести к скорому выбору предпочтительности над обычной рыбой дельфина, спасающее морское существо в легендах их предков и их современников. Одна надпись, начертанная на одной из стен катакомб Святого Корнилия, должна интерпретироваться следующим образом: «Рыба – спасительница потерпевших кораблекрушение» (6). Не здесь ли сразу сосредоточено воспоминание о мифических спасениях Ариона, Меликерта и других, а равно и доверительный призыв к душам, оказавшимся в жизненных испытаниях, чтобы они, испрашивая, надеялись на присутствие содействующей Рыбы?

Обычная рыба, установленная эмблема Христа, воспроизведенная в предыдущей главе, несет на себе самой греческую надпись: ΣΩΤΗΡ, *Soter*, что означает «Спаситель»; с изображением дельфина уже не было никакой нужды в объяснении написанного; для верного из Катакомб или для современных христиан, как немногим позже для христиан Абиссинии и Ирландии, фигура дельфина оказалась достаточной для напоминания об искупительной действительности скорбной смерти Иисуса Христа, Друга-Спасителя. И обращаясь к Тертуллиану, некоторые писатели расценивали дельфина как эмблему духовного отечества Христа: «... мы припоминаем, – говорит Святой Павлин Ноланский (7), – что стали детьми Дельфина, дабы мы были для него как бы в виде рыб морских, все, преходящее морскими стезями» – “... *et pisces maris qui perambulant semitas maris*” (8).

Фигура IX. – Христианская лампа из Карфагена

(1) От Иоанна Святое Благовествование, Глава 13, стих 1.

(2) R. P. DELATTRE, *Lampes chrétiennes de Carthage*, in *Revue de l'Art chrétien*, année 1890, p. 135, № 11.

(3) ARINGHI II, 327. Cf. MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 202, 2e col.

(4) *Ibid.*, MARTIGNY.

(5) Cf. L. DELATTRE, *Symboles eucharistiques*. – Carthage, p. 42, pp. 78-83.

(6) Cf. DE ROSSI, traduction Martigny, in *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, année 1870, p. 67.

(7) Saint PAULIN DE NOLE, *Correspondence*, XX, IIIe lettre a saint Delphin.

(8) Псалтирь, Псалом 8, стих 9.

IV. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА ХРИСТА, НАПРАВЛЯЮЩЕГО И СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ДУШИ

Именно будучи другом и спасателем, дельфин еще проявляется для нас в своей роли направляющего и сопровождающего души.

Доисторические античные вымыслы, ставшие основой христианского символизма дельфина, которые в своей духовности рассматривались наставниками в качестве определенной игры провиденциального действия в том, что способно пробудить, согласно им, христологическое призвание античных символов; полагаю, что эти мифы нам представляю дельфина не только как спасателя потерпевших кораблекрушение, но еще как добровольного и верного путевода для судов, указывающего им направление портов, когда буря лукаво подготавливалась в безднах морей. Ему приписывали чрезвычайную силу скорости (1), которую он добровольно полагал на службу тех, кого любил, например, Тараса; и эти воображения побудили поэтов сделать из него проводника блаженных душ на Елисейские Поля: «у Греков и Римлян, — говорит командор де Росси, — плывущие дельфины были символом переселения душ на Счастливые Острова» (2). Вот почему язычники часто ваяли его образ на своих гробницах.

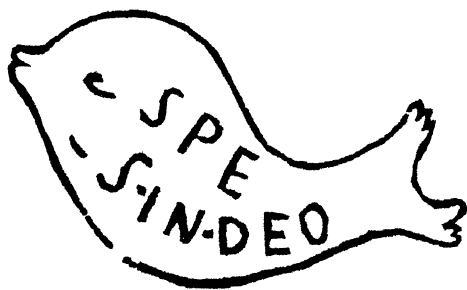
Латинские мореплаватели Генуэзского и Лионского заливов извлекали предзнаменования и предупреждения от дельфинов-подсказчиков, многочисленных в этих средиземноморских краях, которые заставляют слушать, особенно по ночам, свое странное шипение.

Впрочем, верования античных моряков не желали, чтобы неоценимые услуги доброго проводника, оказываемые дельфином, могли оставаться без вознаграждения: на римских кораблях считалось, что когда дельфин становился старым, и его глаза ослабевали, то маленькая рыба При-

122

Фигура X. —
Дельфин и
Трезубец
на одной
христианской
лампе из
Марсея...
Рисунок,
переданный
господином
П. Ле Куром
(1926 год)

Фигура XI. — Римская печать в форме
Дельфина

липала привязывалась к нему и его сопровождала.

Как христиане могли в нем не увидеть Того, Кто, спасши их, сопровождает святые души на родину блаженной жизни? И разве его образ не являлся зримым напоминанием об уповании и доверии для этой человеческой души, о которой Масильон скажет позже, что «само ее основание есть беспокойство»? Эту надежду на уверенного пилота не-

LEL

Фигура XII. – Драгоценный камень с изображением Дельфина на якоре. Согласно BOTTARI, *Sculpture*, III, p. 19

превзойденного мастерства и доверие к нему разве не выражает надпись, выгравированная на самом теле символического дельфина (Фигура XI) и приводимая Домом Леклерком: SPES IN DEO? (3) И я полагаю, что эта надежда предстает также в образе дельфина, лежащего на мистическом якоре (Фигуры X и XII); ведь делая из мореходного якоря образ искупительного Креста, первые символисты предохранились от угасания его старинного смысла эмблемы Упования. *O Crux*

ave, spes unica, будет воспевать Святой Фортунат из Пуатье (4), объединив, несомненно, две мысли о кресте и якоре, кото-

Фигура XIII. – Дельфин, несущий Церковь

рые еще накануне являлись только самой эмблемой Спасителя. И потом древние натуралисты Греции и Рима уточняли, что особенно ночью дельфины всех морей становились добродетельными проводниками колеблющихся кормчих, и ночью дельфины подсказчики заставляли услышать свои своевременные предупреждения. Разве Овидий не писал тогда, повторив это верование: «Мы увидим дельфина, когда влажная ночь сможет изгнать день...»? (5)

И мистики приветствовали в образе рыбы, содействующей перевозчикам, затерянным в тени, сам образ Христа Спасителя, спешащего на помощь душе, особенно в сумрачные часы жизни, в темный час смерти.

Равно в качестве проводника и с одновременной поддержкой Дельфин-Христос появляется перед нами, неся над островами Свою Церковь, изображаемую эмблематическим челном (Фигура XIII) (6).

(1) Dom LECLERCQ et MARTIGNY, *Op. cit.*

(2) DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1870, p. 65.

(3) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire*, T. IV, vol. I, col. 291.

(4) F. FORTUNAT, *Hymne Vexilla Regis prodeunt*, VIe siècle. Гимн Святого Венанция Фортуната (530/540-600) VI-го столетия: "Vexilla regis prodeunt, fulget Crucis mysterium, quo carne carnis conditor suspensus est patibulo (qua vita mortem pertulit, et morte vitam protulit); «Взвейтесь, знамена царские, воссияй, свет распятия! Совершенного тела Создателя пригвоздили к кресту как ругателя». Латинский оригинал гимна по В. Бангу (в скобках – изменения, внесенные при Папе Урбане VIII в служебник 1632 года, которым пользовался В. Банг).

(5) OVIDE, *Les Fastes*, III.

(6) Cf. DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, année 1870, p. 108, Pl. IV, № 12.

V. ДЕЛЬФИН И СВЕТ

Весьма древний символизм, первоначальная идея которого, кажется, утрачена, и пришедший, как верили Древние, из Гипербореи (1), связал за долгие столетия до нашей эры дельфина с культом света.

Эта рыба дала свое имя святилищу в Дельфах, где бог света и красоты Аполлон-Фойбос делал свои оракулы. Греческие и римские предметы искусства представляли дельфина в качестве одного из атрибутов Аполлона; часто они его показывают под треногой или рядом с гонцами этого бога; канделябры, не имеющие ничего христианского, — на картинах из Помпеи, например, — несут его изображение или полностью сделаны по его подобию.

Восприняло ли Христианство это сближение света с дельфином и поставило ли в соотношение его качество проводника душ на опасных путях с идеей ясности, позволяющей избежать подводные камни?

Мы располагаем множественными христианскими лампами, украшенными фигурой дельфина. Даже для первых христианских базилик изготавливались светильники с коронами, образованными из продолговатых дельфинов, сгруппированных в излучающем положении; их имели маленькие вазы для масла, снабженные пропитанными освещающими фитилями, как и сосуды ламп.

Император Константин Великий предоставил нескольким церквям светящиеся короны такого рода (2). Погребальная стела первых столетий нам показывает верного за молитвой в молитвенном положении, стоящего между двух канделябров, несущих вместо света дельфина (3).

Каковой бы не являлась отправная точка этого символизма, он мог быть только приятным для юной Церкви, сделавшей из него применение к Христу; это была почти иллюстрация к первой главе Евангелия от Святого Иоанна, приветствующего Иисуса как истинный Свет, и многим другим фрагментам Книг Нового Завета.

(1) Cf. R. GUENON, In *Regnabit*, février 1927, p. 219.

(2) Cf. DU CANGE, *Gloss. Lat. Dauphin*.

(3) *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. IV, vol. I, col. 294.

VI. ДЕЛЬФИН, ЭМБЛЕМА СРАЖАЮЩЕГОСЯ ХРИСТА

В ходе предыдущей главы мы видели чудовищную рыбу Библии, Лавиафана, эмблему Сатаны, поверженного ангелами. Здесь вместе с символом дельфина мы поспешим увидеть осьминога, глубоководного полипа, взятого как образ князя тьмы преисподней, сражавшегося с Самим Христом.

Спруты всех величин со своими длинными и гибкими щупальцами, которыми обвивают, наподобие змей, свои жертвы, чтобы их парализовать и задушить, представляют собой поистине аллегорический показательный

Фигура XIV. – Кольцо епископа Адемара Ангулемского

образ Сатаны и его смертной работы; одинаково христианская Символика, благоприятно рассматривающая каракатицу, выделилась из символик античных цивилизаций, которые, наоборот, ассоциировали с осьминогом возвышенные идеи. Скажем только, что один саркофаг римского искусства в Э-ан-Прованс, обозначенный, вполне вероятно, по ошибке под именем надгробия Святой Маркеллы, имеет изображение двух дельфинов, из которых один пожирает рыбу, а другой – осьминога; остаток орнамента, кажется, чисто языческого вдохновения (1). Быть может, здесь должно видеть только аллюзию на «прожорливость дельфинов, ведь эти морские существа, представляемые мифами как существа, полные кротости и доброты, в действительности являются «наиболее плотоядными и жестокими из семейства китообразных, к которому принадлежат» (2).

Поразительное пастырское кольцо епископа Адемара (Adhémar) из Ангулема (Фигура XIV) изображает для нас торжество Дельфина-Христа над Спрутом-Сатаной. Этот понтифик, епископат которого продолжался от 1070 до 1101 гг., носил на пальце великолепный античный агат: на нем с совершенным мастерством исполнения гранильщик выгравировал образ дельфина, обвитого на Трезубце, эмблематической фигуре Христа на кресте. Своими сжатыми зубами божественное морское Существо толчет голову спрута, щупальца которого опускаются и бьются в воде. Это победа Христа над Сатаной. Я не вижу достаточных оснований, способных внести сомнение в эту тему.

Эдмон Ле Блан (3) и командор де Росси (4) приписывали изготовление этого прекрасного ювелирного изделия один VI-му, а другой IV-му столетиям; Дом Леклерк смело его датирует концом династии Антонинов, то есть к 200 году нашей эры, и это намного более правдоподобное мнение.

Рядом с дельфином Адемара Ангулемского плавает маленькая рыба, напоминая о фрагменте Тертуллиана, называющего верных «маленькими рыбами, согласно большой Рыбе» Иисусу Христу (5).

Здесь символизм дельфина соединяется с символизмом орла, льва, оленя, ибиса, аиста и других животных, изображаемых христианской иконографией как победоносных врагов змеи, и Дом Леклерк (6) приводит после Росси античную печать, украшенную дельфином, пожираю-

Фигура XV. – Дельфин-Христос. Слоновая кость из Кампо-Санто в Риме; первые христианские времена. Смотреть Dom LECLERCQ, *Op. cit.* Fasc. LXXVI-LXXVII, col. 2084, fig. 6124

щим эмблематическую змею. Тот же Росси сообщил о письме Монсеньора Курсо (Cousseau), в котором ученый епископ Ангулема рассказал ему о признании на кольце своего отдаленного предшественника Адемара «дельфина в качестве эмблемы Спасителя, повергающего папоротник, эмблему Сатаны» (7).

Наконец, битва завершена, и дельфин удаляется, неся на себе рядом с вензелем своего имени I. X. триумфальную пальмовую ветвь победоносных борцов (Фигура XV).

-
- (1) Cf. Ch. CAHIER, S. J., *Sarcophages*, in *Nouveaux Mélanges archéologiques*, année 1875, pp. 83-84.
 - (2) CUVIER, *Régne animal*, T. I, p. 287.
 - (3) Ed. LE BLANT, *Inscriptions chrétiennes de la Gaule*, T. II, p. 427.
 - (4) DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1870, p. 77.
 - (5) TERTULLIEN, *Traité du Baptême*, ch. I.
 - (6) Dom H. LECLERCQ, *Op. cit.*, col. 200.
 - (7) DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1871, p. 85.

VII. ДЕЛЬФИН, ОБРАЗ ВЕРНОГО ХРИСТИАНИНА

Я могу лишь напомнить здесь сказанное мной в предыдущих главах о рыбе как символе верного на наших наиболее древних артефактах. С тем же самым значением там мы видим эмблематических дельфинов, плывущих к якорю, кресту, хлебу или евхаристическому сосуду, и эти аллегории нисколько не нуждаются в объяснении, настолько они ясно говорят сами по себе.

Возникает еще одна идея среди некоторых других, относящихся к теме верного дельфина: Древние сделали из этого морского существа иероглиф супружеской верности, символизму которой христиане оказали очень радушный прием, вспоминая, в частности, на сей счет предписания Святого Апостола Павла в разных фрагментах его Посланий. Кроме того, когда на христианских памятниках стада дельфинов плещутся в пенистых волнах или даже спокойно плывут, то мы почти всегда их обнаруживаем сгруппированными попарно. Так нам их показывают саркофаг Валерии Латобии (1) и надгробия Рима, в особенности воспроизведенная Марукки усыпальница Салюстия (2).

-
- (1) BOTTARI T, XX, ap. MARTIGNY, *loc. cit.*, p. 202.
 - (2) MARUCCHI, *Monument, del Museo Pio-Lateranense*, 1911. Pl. XLVIII.

VIII. ОБРАЗ ДЕЛЬФИНА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ СТОЛЕТИЙ

Дворянская геральдика второй половины Средневековья не удержала дельфина в качестве эмблемы Господа Иисуса Христа; мы его находим здесь только как «герб, говорящий» о Дельфенах, самодержавных господах Дофине и Оверни, а затем Дофинах Франции, старших сыновьях наших Королей, как «меблировку» герба графов Форе (Forez) и некоторых других владетельных домов, но без всякой вероятности того, чтобы ему можно было приписать мистическое происхождение.

Ла Коломбьер, распространяясь о геральдических значениях дельфина, впрочем, не отрывается от сугубо профанической почвы (1). Тем не менее, в религиозной геральдике

дельфин иногда появляется, как бы исходя от бесспорно христологической мысли. Я заметил его образ среди монастырских граффити, начертанных в Средневековье на внутренних стенах аббатства Буассьер в Анжу, являющихся редкими исключениями при религиозном ордене (Фигура XVI). И я обязан господину Ж. дю Беллэ копией дельфина, наложенного на крестообразное копье, образующее на церковной книге XV-го столетия букву I, первую в тексте Евангелия от Святого Иоанна: "*In principio erat Verbum...*"; его христологическое значение представляется здесь несомненным (Фигура XVII).

Начиная с Ренессанса, символический дельфин довольно редко появляется в религиозном искусстве и за пределами клерикальной геральдики, показывавшей

Фигура XVI. – Воспроизведение в реальном размере, достигнутое благодаря лессировке графитом одной граффити из древнего аббатства Буассьер в Анжу, XIII-XIV-е столетия. У господина Ж. Паллю дю Беллэ (1929 год)

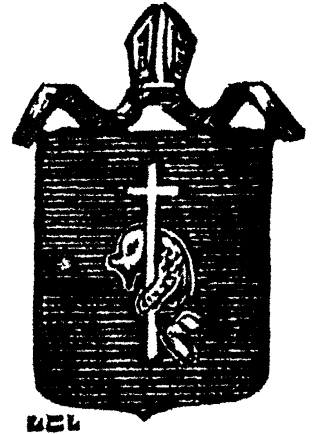

ИИИ

Фигура XVII. – Дельфин на крестообразном копье. Миниатюра одной церковной книги XV-го столетия

Фигура XVIII. – Дельфин и крест на гербе
Монсеньора Брюте де Ремюра, XIX-е столетие

его несколько раз в течение двух последних столетий; вот, например, дельфин, обнимающий крест на архиерейском гербе Монсеньора Брюте де Ремюра (Bruté de Rémur), хиротонисанного в епископы Сент-Луиса в Соединенных Штатах Америки в 1834 году (Фигура XVIII) (2).

(1) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, pp. 325 et suivantes.

(2) Cf. D'ARLOT DE SAINT-SAUD, *Armorial des Prélats français au XIXe siècle*, p. 209.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТА ДЕВЯТАЯ

РАКООБРАЗНЫЕ

РАКООБРАЗНЫЙ, ЭМБЛЕМА НЕУЯЗВИМОСТИ ХРИСТА

Если идея изображать сражающегося Христа в образе дельфина могла прийти, как доказывает это кольцо Адемара Ангулемского, от христианских символистов римской эпохи, то разве их мысль не обратилась бы по-особенному с тем же намерением на вооруженных рыб – ракообразных, которых естество снабдило наступательным и оборонительным вооружением?

Впрочем, они не являлись неизвестными или пренебрегаемыми в античном искусстве, поскольку мы их видим изображенными на золоте прекрасных монет, например, из Метии (Métya) (1), Агригенты (Фигура II) (2) и Имерии на Сицилии (Фигура III) (3) и порой с человеческим лицом.

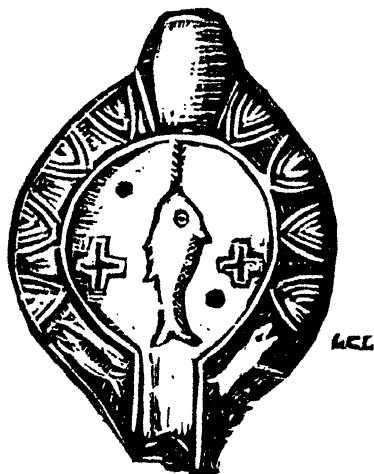
Эти закованные в латы рыбы, разве не заставляли думать о тяжело защищенных своими полными доспехами воинах, античных катафрактах, снаряжение которых нам описывают Ламприд (4), Тацит (5) и другие древние авторы?

С другой стороны, где найти более совершенную эмблему неуязвимости Христа, вечного победителя, преследующего зло до самых мрачных бездн, до самых непроницаемых глубин, в том числе человеческой души?

Один знаменитый драгоценный камень из коллекции Фоджини (Foggini), замечательно воспроизводимый де Росси (6) и Бенедиктинцами из Фарнборо (7), изображает символическое ракообразное, воина, хватающего своим ртом сатанинского осьминога, щупальца

Фигура II. –
Ракообразное
существо
на серебряной
монете
из Агригенты.
Краб несет
на своей спине
человеческое или
божественное лицо

Фигура I. – Рыба-пила
северных морей,
Pristis antiquorum,
на христианской
первых столетий.
*Conrasno Revue de l'Art
chrétien, nouvelle série,*
T. I (1890), p. 138

Фигура III. –
Античная монета
из Имерии

существа, которое держит своими зубами змеевидную рыбу, – скорее морского угря, нежели осьминога. На камее, как и на гемме Фоджини, спокойно и рядом со своим покровителем плавает верная рыба.

Наконец, аметист, составлявший в 1702 году часть коллекции Капелло (Фигура VI) и воспроизведенный Гори (9), показывает довольно плохо изображенное животное, которое из-за своих боковых лап очень напоминает схематическое ракообразное, поскольку надпись IXΘ, сокращенная от *Ictus*, нам уточняет, что это рыба и вовсе не насекомое. Все заставляет думать, что, вероятно, заботой у гравера было открыто выразить намерение изобразить божественную и таинственную Рыбу.

Этот аметист Капелло, полагаю, позволяет рассматривать как возможное изображение ракообразного существа, по крайней мере, на одном из варварских колец V-го или VI-го столетий, найденном в провинции Намюра (Фигура VII) и опубликованном господином Делошем (10). Как и на гемме

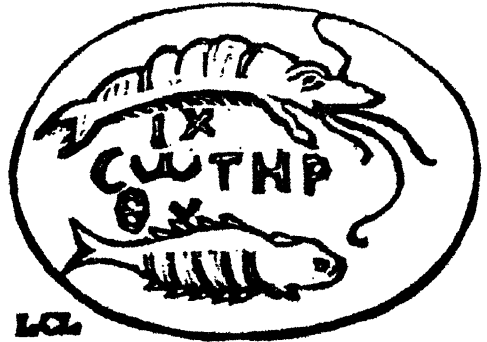

Фигура V. – Камея
из Кабинета Медалей

которого бьются по воде и беспомощно провисают. Под ним слова: IXΘY COTHR, *Ictu Soter*, «Рыба Спаситель»! Под надписью уверенно плавает верная рыба, покровительствуемая своим неуязвимым защитником.

Тело ракообразного, снабженное пластинчатым панцирем, похожим на особую броню “logica” у римских легионеров (8), завершается свисающим хвостом, свойственным этому виду рыб.

Одна камея того же самого времени, что и артефакт Фоджини, и находящаяся под № 145 в Кабинете Медалей (Фигура V), равно несет на себе образ ракообразного

Фигура IV. – Гравированный
драгоценный камень из коллекции
Фоджини

Капелло, схематический рисунок сведен к продолговатому телу с шарообразной головой и боковыми лапами. Отметим, с другой стороны, что подавляющее большинство тем, изображаемых на ювелирных украшениях меровингских времен во Франции и в прочих странах, имеют своей отправной точкой религиозную идею.

Завершая, я привожу из той же самой эпохи бронзовую фибулу, произведенную в форме одного ракообразного существа от-

LCL

Фигура VI. –
Аметист
из коллекции
Капелло

ряда десятиногих раков или лангустов (Фигура VIII); представляется, что она должна быть хронологически классифицирована между упомянутыми выше гравированными драгоценными камнями и кольцом из Намюра и, кажется, что все они связаны друг с другом. Известно, что рыба, произошедшая от первоначального христианского *ictus*, была в почете в форме фибулы у Готов; именно благодаря варварскому искусству, принесенному ими на Запад, эмблема

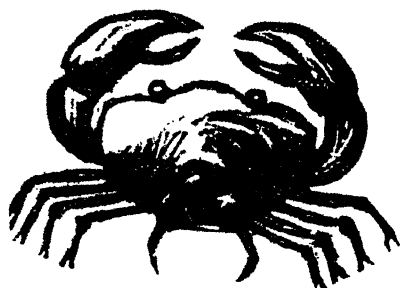

LCL

Фигура VII. –
Варварское
кольцо
из провинции
Намюра

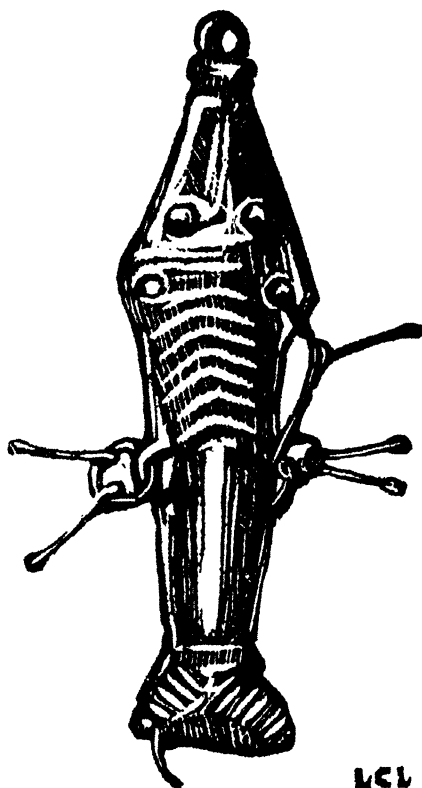
Рыбы-Христа, оставленная Римом после мира Константина в 314 году, вновь обретает известность в древней Галлии еще на протяжении нескольких столетий.

Ракообразные не были больше представлены, иначе как фигуры астрономического порядка, ни в иконографии западных стран в Средневековье, ни в дворянской геральдике, кроме редких исключений, например, в Германии (11); и эти изображения, конечно, носили полностью профанический характер.

LCL

Фигура IX. – (Увеличенный) краб
с одной прекрасной серебряной
греческой монеты из Агригенты

LCL

Фигура VIII. – Варварская фибула
в форме ракообразного
существа

В первоначальном христианстве западной Азии ракообразные, как и крупные раковины, как черепаха, должны были обозначать в общей эмблематике Неуязвимость.

-
- (1) *Revue numismatique*, 4e série, T. XVII, 1913, Pl. II, № 202.
 - (2) Ibid., T. XXII, Pl. VII; A. DE BARTHELEMY, *Nouveau Manuel de Numism. ancienne*. Pl. VIII, № 265.
 - (3) A. DE BARTHELEMY, *Op. cit.*, Pl. I, № 8.
 - (4) LAMPRIDE, *Alexandre Severe*, 56.
 - (5) TACITE, *Histoire*, I, 79.
 - (6) DE ROSSI, *Roma sotter.*, T. II, 333; *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1870, p. 83, pl. IV; 1871, p. 85.
 - (7) Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. II, p. 379, № 288; *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. VI, vol. I, col. 823.
 - (8) Ant. RICH, *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, pp. 250, 358.
 - (9) GORI, *Trésor des Gemmes*, T. II, p. 272.
 - (10) DELOCHE, *Etude historique et archéologique sur les anneaux des premiers siècles du Moyen-âge*, p. 115, № XCIX.
 - (11) Cf. LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, p. 337, fig. 43, 45.

ГЛАВА СОТАЯ

ПРИЛИПАЛА

I. ПРИЛИПАЛА В АНТИЧНЫХ ВЫМЫСЛАХ

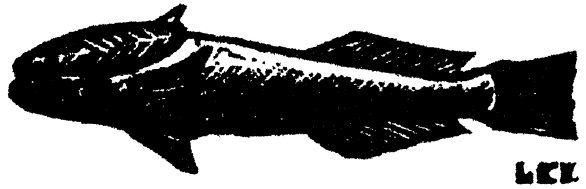
В современном словаре естественных знаний *Echeneis remora* называется весьма своеобразная маленькая рыба из семейства скумбриевых: она носит на голове некое подобие овальной клейкой платформы, функционирующей как присоска и позволяющей ей цепляться снизу лодок и всех плавающих тел. Я передаю ее здесь, согласно недавнему произведению господ Жубена и Робена (Фигуры I и II) (1). Ее имя – мужского рода на латыни и женского рода во французском языке.

Это странное свойство, которым по-настоящему обладает прилипала, благодаря ему передвигаясь, было хорошо известно Древним; только греческие и римские авторы, перевернув роли, полагали, будто прилипала, странно наделенная удивительной силой, сама по себе переносила корабли, увлекая их, куда ей заблагорассудится, или даже, наоборот, их обездвигивала.

Плиний самодовольно повторяет эти, несомненно, уже весьма древние в его эпоху поверья и признает за прилипалой главную роль в ходе морского сражения при Акциуме в 30 году до Рождества Христова (2). Я не сопротивляясь, привожу здесь пикантное резюме, данное нашим знаменитым хирургом XVI-го века Амвросием Паре римскому автору, которому, впрочем, первый оказывал полное доверие (3):

«Плиний говорит, что существует маленькая неуклюжая рыба величиной с полфута и называемая одними *Echeneis*, а другими *Remora*... которая задерживает и останавливает морские суда, какими бы большими они ни были, когда она, прилипая, сопротивляется, то никакое усилие ни моря, ни человека не сумеет этому противостоять, ни ветер, раздувающий в заливе паруса, усиленные веслами или тросами, ни якоря, какими бы громоздкими и тяжелыми они не являлись. И на самом деле, говорят, что в битве при Акциуме, албанском городе, эта рыба остановила флагманскую галеру, на которой находился Марк Антоний, и которая шла на силе весел, придавая смелость своим людям от галеры к галере; и как только армия Августа увидела это смятение, то столь стремительно окружила войско Марка Антония, что наступила ему на живот. То же самое произошло с галерой Императора Калигулы. Правитель, видя, что одна его галера среди прочих судов никак не продвигалась, хотя находилась в пяти стадиях от отмелей, понял причину вынужденной остановки; вот почему он немедленно приказал своим во-

долазам погрузиться в море, чтобы искать вокруг своей галеры то, что ее задерживало; последние обнаружили эту маленькую рыбу, приклеившуюся к рулю, и когда ее принесли к Калигуле, тот был сильно рассержен, как такая маленькая рыба могла

Фигура I. – *Echeneis remora* в натуральном виде

сопротивляться усилию четырех сотен кормчих и гребцов, находившихся на его галере. Послушайте великого и мудрого Поэта Сеньора де Бартаса, рассказывающего о ней обходительно в пятой книге своей «Седмицы», из чего следует:

Свою тщедушную главу Ремора прикрепляет На влажный борт из бури вышедшего судна, Его остановив внезапно посреди стихии, Спешащего по воле ветра и по воле капитана. Слабеют вдруг канаты судна, Корабль замороженный этим уж недвижим – Так якоря зубец, в дно Тетис уцепившись На двадцать футов в глубину, его держал бы на волне висевшим, Подобно дубу, что колеблем ветром Тысячекратно, не ощущает этого усилия, Нисколько не страдая от боренья, Корнями углубившись в землю, над ней раскинувшись ветвями. – Скажи нам, как ты можешь без помощи остановить корабль, Когда сопротивляются тебе ветра, моря и небеса, и весла? Скажи, в какое место, о Ремора, ты прячешь Якорь, сковавши неожиданно движенье Судна, поверженного в элементах всех?.. Откуда ты берешь такое средство, откуда ты берешь такую силу, Что обмануть готово всякое орудье и силу всякую преодолеть?..»

Элиан (4) и Светоний (5) приписывали Прилипале ту же силу, предоставленную ей Плинием, и их современники сделали вместе с ними из нее сострадательного спасателя, поскольку считали, что когда прилипала замечает в сильнейшие бури корабли в непреодолимой опасности, она невидимым образом приклеивается к ним, поддерживая их столь крепко в полной неподвижности, что все усилия урагана в сочетании с волнами не могут ничего против них.

Аристотель добавляет, что маленькая рыба, именуемая *Echeneis* или *Remora* «служит иногда для заклинаний в тяжбах и для любовных напитков...» (6). Любопытно констатировать, что те же самые применения приписывались ископаемому морскому ежу, являющемуся шаровидным иглокожим.

Лукан говорит о Прилипале, «удерживающей корму, когда Эурус рвет реи в открытое море» (7).

Наподобие Амвросия Паре и дю Бартаса, другие авторы Ренессанса, после своих средневековых коллег, состязаясь, рассуждали о необыкновенной рыбе и ее достижениях (8), и Рабле подтверждает, что «ее тело, сохраненное в соли, притягивает золото из колодцев, какими бы глубокими они ни оказались...» (9)

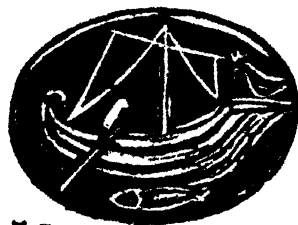
В XVII-м столетии Сирано де Бержерак, выведивший происхождение прилипал из полярных областей, рассказал об ужасном поединке этого «существа-льдинки» и «Саламандры», «огненной бестии», в котором ремора восторжествовала (10).

Не угасли и народные предания, где речь идет о прилипале: я слышал от одного моряка из Йера, что эта рыба иногда обладает сострадательностью приклеиваться к старым дельфинам, а также к старым и почти слепым морским акулам, направляя их на отмели с мелкой рыбешкой, которой они питаются, она плывет и в фарватере больших кораблей, чтобы увести их от столкновений с рифами и пр. И в самом деле, возможно, чтобы странная ремора приклеивалась к более крупным молодым или старым рыбам, как и ко всем плавающим телам; что же касается остального... Те же самые поверья мы находим в регионе Капри (11), а на западной части Малайского архипелага такой же благодетельный характер, коим моряки Европы вознаградили прилипалу, предоставлен икангеми (ikanghemi) (12).

-
- (1) JOUBIN et ROBIN, *Histoire naturelle illustrée*, p. 179.
 - (2) PLINE, *Histoire naturelle*, Livre XXXII, ch. I.
 - (3) Ambroise PARE, *OEuvres completes*, Livre XXV, p. 1067. Edition de Lyon, 1562.
 - (4) ELIEN, *Histoire des Animaux*, IV, 17.
 - (5) SUETONE, *In Caio*, XLIX.
 - (6) ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, L. II, X, 3.
 - (7) LUCAIN, *La Pharsale*, VI.
 - (8) J. DE CUBA, *Hortus sanitatis*, IIe Part., XXVI.
 - (9) RABELAIS, *Pantagruel*, L. IV, ch. LXII. Edition Le Duchat, 1732, T. IV, p. 327.
 - (10) Смотреть *Les nouvelles OEuvres de M. de Cyrano-Bergerac*, M. DC. LXXII, pp. 183 et suivantes.
 - (11) Cf. Pierre LORME, *Les Cotes de l'Italie*, I.
 - (12) Cf. Stephanie FAUGIER, *Le Matin*, 5 septembre 1933.

II. РЕМОРА В ДРЕВНЕЙ ИКОНОГРАФИИ ХРИСТИАНСТВА

Христианские символисты первого времени овладели иллюзий, связанных с прилипалой, чтобы заставить ее войти в бестиарий Спасителя: корабль в бедствии был образом христианина, предоставленному «морю сего мира»; беспокойные ветры и волны являлись образами искушений и испытаний жизни, и ремора олицетворяла содействующего Христа, Который помогает, поддерживает, укрепляет Своей благодатью душу Своего верного в невозмутимой безопасности.

Фигура II. –
Гравированная яшма,
происходящая
из Сожона (Сентонж)

Фигура III. – Гравированный сердолик первых христианских времен

христианского вдохновения: присутствие голубя на миролюбивой ветви над лодкой, которую несет ремора, позволяет быть убежденным в этом; оно позволяет также рассматривать ялик скорее как образ Церкви, нежели образ верного.

Гравированный сердолик, датируемый первыми христианскими столетиями (2), нам показывает челн Церкви, в котором Апостолы привлекают удочкой верную рыбу. Под яликом ремора удостоверяет безопасность, и дабы не смешивать эту рыбу, эмблему Христа, с обычной рыбой, лапидарий начертал рядом с ней Его имя: IH (Iesus) X. (X restos) (Фигура III).

Чаще всего первые христианские артефакты нам показывают под лодкой в опасности никак не ремору, но дельфина, заменяющего ее в качестве «морского существа друга и эмблемы, больше посвященной Христу – капитану, путеводителю и спасателю (Фигура IV) (3).

Эмблема реморы под морским судном пересекла первое тысячелетие, воспринятая разными вариантами *Physiologus*'а, которыми затем вдохновлялись мистические *Бестиарии* XII-го и XIII-го столетий.

Бестиарий Петра Пикардийца из той же эпохи изображает странную рыбу под лодкой, качаемой волной. И текст объясняет ее символизм следующим образом:

«Эта рыба называется Эссинус. Физиологус нам говорит, что в Индийском море обитает рыба, именуемая эссинус. По величине она меньше фута. Она обладает такой большой силой, что не найдется ни одного сколь большого, столь и быстрого корабля, который, если она прицепится к нему, смог

Или даже еще: лодка, качаемая на морских волнах, представляла Церковь, избиваемой преследующими ее бурями, испускающей к Своему всемогущественному создателю испуганный призыв Апостолов: «... Господи! Спаси нас, погибаем» (1). И присутствие реморы под кораблем было ответом Христа на скорбный крик Своих учеников.

Воспроизводимое мной здесь изделие из фиолетовой яшмы из коллекции Бертье, найденное в Сожоне (Saujon) в Сентонже, кажется, происходит с IV-го или даже с III-го столетий (Фигура II). Камень, конечно,

Фигура IV. – Гравированная гемма. Согласно FICORONI. *Gemmae antiq.*, pl. XI. – Cf. *Dictionnaire d'Archeologie chrétienne*, T. I, fig. 5. 017

Фигура V. – Средневековая миниатюра одного Бестиария из Библиотеки Арсенала в Париже. Согласно Ch. CAHIER, *Mélanges archéologique*, T. II, Pl. XXIII, B. IV

бы двигаться назад и вперед. И когда на море страшная буря, то по доброй случайности она ложится под корабль, и судно в полной уверенности, ибо не может погибнуть ни оно, ни находящиеся на нем вещи. И некоторые (суда) были спасены благодаря добродетели этой рыбы, прикрепившейся к кораблю» (Смотреть Фигура V).

«Эта рыба предстает примером Нашего Господа, море – примером мира. Корабль обозначает человека, живущего в сем мире; морские волны обозначают искушения, которые в этом веке претерпевает и выносит праведный человек, но благодаря истинной вере и благому упованию, коими обладает в Боге,

человек поддерживается и управляется так, что не может погибнуть, наподобие морского судна, к которому приклеивается рыба и которое не может погибнуть благодаря добродетели вышеуказанной рыбы. Сие значит понять: Бог прилепляется ко всякому, кто на Него возлагает свои заботы, служа Ему, благодаря чему ни в каких обстоятельствах человек не может погибнуть» (4).

В античных или средневековых изображениях реморы под судном мы часто видим, что рыба не касается его подводной части: это потому, что Древние наделяли прилипалу естеством магнита, и было достаточно, как считали они, чтобы она находилась вблизи корабля, когда ее сила производила бы на него свое влияние. Последнее объясняет текст Рабле, приписывающий телу реморы силу извлекать золото из колодцев и из жерла пропасти (5).

И эта сила притяжения являлась для символистов образом могущественного и благого Христа, грядущего взыскать в низости порока падшие души, драгоценные души всей Своей кровью, распространенной для них, которые Он «притягивает к Себе, дабы поместить их в свою сокровищницу».

-
- (1) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 8, стих 25; *От Марка Святое Благовествование*, Глава 4, стих 38; *От Луки Святое Благовествование*, Глава 8, стих 24.
 (2) Опубликовано Кингом в 1885 году; King, *Handbook of engraved gems*, Pl. XIV.
 (3) Cf. L. Ch. L., *Le Dauphin*, in *Regnabit*, janvier 1927, p. 148, fig. VII.
 (4) Смотреть интегральный текст у Ch. CAHIER. *Mélanges archéologique*, T. IV, p. 74.
 (5) Смотреть также COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, pp. 15, 419.

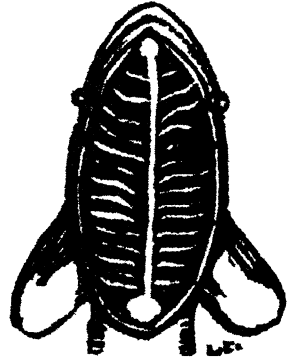
III. РЕМОРА В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ ЗАПАДА

Странная рыба являлась здесь эмблемой идеи устойчивости, остановки, силы инерции и цепкости.

Герб, соглашаясь со старинными греко-латинскими традициями, противопоставлял ее дельфину, взятому как образ стремительного хода, быстроты на море. Мы находим это противопоставление определенно выраженным на нескольких гербовых документах прошлого, например на геральдической и персональной печати, выбранной «Павлом третьим, Суверенным Понтификом (который) обладал Девизом Реморы и Дельфина, связанных вместе» (1).

Разгадывается смысл, полностью вдохновленный умеренностью, когда одна из эмблем уравнивает другую.

Но когда на гербе ремора расположена под лодкой, тогда она – образ Христа Спасителя, как и на древних христианских памятниках, ее изображающих.

Фигура VI. –
Приклеивающийся орган
головы реморы, сильно
ее закрепляющий
на плавающих телах.
Согласно MILNE-
EDWARDS, *Histoire
naturelle*, p. 480, fig. 332

(1) BAUDOUIN, *Récueil d'emblemes divers*, 1639, T. II, 2e part., p. 94.

ГЛАВА СТО ПЕРВАЯ

МОРСКОЙ КОНЕК

МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

I. МОРСКОЙ КОНЕК В ПРИРОДЕ И В ДРЕВНИХ ИСКУССТВАХ

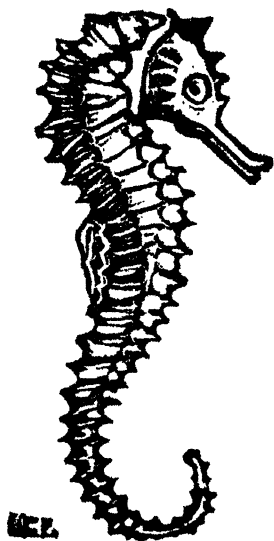
В натуральном виде Морской конек представляет собой довольно странную рыбу с головой и внешним видом, напоминающим лошадь; его тело снабжено колючками, которое завершается, заворачиваясь само по себе свитком перевернутого епископского посоха.

Это пучкожаберное (lophobranchii) маленькой величины, живущее в тропических водах, но попадающееся и в морях на юг от Европы и Азии.

После того, как самка отложила икру, самец Морского конька собирает икринки, их оплодотворяет и больше не оставляет их, как делают почти все рыбы, но ревностно бодрствует над ними, пока из икринок не появятся мальки.

Облик его движения, как и его формы, особый, поскольку он держится всегда в вертикальном положении; быть может, постоянное возмущение, совершаемое игрой плавников его тела, помогла ему сначала в странах Востока обрести медицинскую силу, коей он, казалось бы, обладал: врачевный и терапевтический гений в самых древних восточных преданиях разве не вышел из винтообразного движения морских вод, откуда произошло также и начало жизни? (Фигура I) (1)

Как бы то ни было, остается фактом, что во всех странах греческого влияния, а затем и в латинском мире, существовала вера в лечебные свойства Морского конька, и Диоскорид, Галиен, Плиний и другие древние натуралисты нам сообщают, что успехом пользовался порошок из морского конька в фармакопее их времени. Независимо от более или менее воображаемых целебных качеств его пепла, верили даже, что диковинная рыба имеет в себе дар удалять или излечивать болезни людей; и это, несомненно, объясняет присутствие его на печати из камня римского окулиста Мартиния Аблапта (S. Martinus Ab-

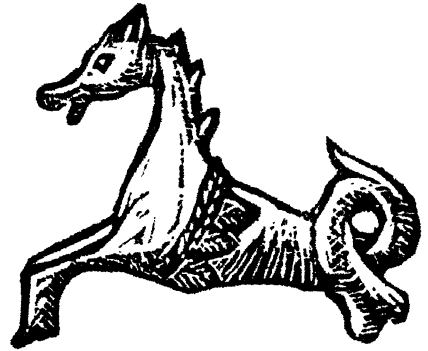
Илл.
Фигура I. – Морской конек в своем натуральном виде, уменьшенный наполовину от своей нормальной величины

Фигура II. – Стилизованный морской конек с печати Мартиния Аблапта

ков, и это обыкновение, конечно, восходит к наиболее древним цивилизациям. Древние стилизовали диковинную рыбу в виде металлических фигурок-амулетов (Фигура III).

В своих произведениях греческие и римские, языческие и христианские художники обычно не сохраняли за морским коньком столь любопытной формой, наделенной им от природы; они стилизовали его, выказывая больше его смутное сходство с лошастью, придавая ему переднюю часть от семейства лошадиных с ушами, развевающейся гривой и настоящими конскими ногами; короче, они делали из него морскую полулошадь, одной из красивейших изображений которой является *equus bipes* из Помпеи (Фигура IV). Такое же существо мы узнаем на печатях Мартиния Аблапта (Фигура II).

Фигура III. – Греко-римский морской конек из Британского Музея. Смотреть S. REINACH, *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. III, p. 207, № 5

Часто Древние изображали морского конька с крыльями, наподобие Пегаса, идею чего, вероятно, породила постоянная игра его спинными плавниками, ведь в своем стремлении

Фигура IV. – Стилизованный морской конек из Помпеи, I-е столетие до Рождества Христова

LCI
Фигура V. –
Монета из
Тарента

ни, как это часто бывает, с морским чудовищем (*pistrix*), о котором я расскажу дальше, мифическим созданиями, соответствующими иным концепциям.

В древнем греческом и латинском мире и в странах, подверженных его влиянию, морской конек был одной из эмблем морского элемента и одновременно *охраняющего и исцеляющего гения, проводника мертвых, верхового животного морских богов* или носителя их колесницы; с этими разными званиями мы его находим на античных монетах из Тира, Библоса в правление царей Эльбаала и Азбаала (360-340 гг. до Рождества Христова); на монетах из Тарента (Фигура V), Соллиума в Акрании и на галльских статирах племен Байокассов из Нормандии, Лонгосталетов из Нарбоннской провинции (Фигуры VIII, IX и X), Карнутов из Боса (Beause) и Аллоброгов из Дофине и Савойи. Стоит отметить, что некоторые из этих изделий, как и монеты Оверни, имеющие морского конька (6), связаны с весьма удаленными от моря центрами расселения, и их рыба-конь должен символизировать другую вещь, нежели морской элемент; подчеркнем, что галльские статире Байокассов и Карнутов изображают Морского конька в его натуральном виде.

LCI
Фигура VI. –
Монета
из Библоса

LCI
Фигура VII. –
Бог Мелькарт
на морском
коньке.
Монета из Эрпа

LCI
Фигуры
VIII, IX и X. –
Галльские монеты
Карнутов,
Лонгосталетов и
Байокассов

- (1) Морской конек изображался поначалу из этих линий, согласно рисунку виконта Анри дю Фора, приобретшим его таким в Венеции в качестве талисмана (Фигура I).
- (2) Cf. HERON DE VILLEFOSSE et H. THEDENAT, *Note sur quelques cachets d'oculistes romain* in *Bulletin monumental*, 1882, pp. 7, 13.

- (3) V. *Regnabit*. Janvier 1927, p. 149.
 (4) GALIEN, *Therap.*, L. IV, c. VIII.
 (5) AETIUS, *Tetrabiblos*, II, sermo IV, c. CX.
 (6) Cf. Adrien BLANCHET, *Traité des monnaies gauloises*.

II. ПРОВОДНИК И СПАСАТЕЛЬ

Если древний мир сделал из Морского конька целителя, то из него же он сделал доброго проводника и спасателя.

В различных мифологиях побережий Средиземноморья и Понта Эвксинского он являлся путеводителем корабля мертвых в порт блаженного покоя. Это же, быть может, обозначает монета из Библоса, где мы видим морского конька, который не только направляет, но и несет на своих крыльях над волнами лодку, содержащую неопределенные формы, из которых никто сзади не держит руль (Фигура VI). С той же самой идеей связаны, вероятно, морские коньки, найденные в захоронениях, как например, золотой морской конек, лежавший в третьей княжеской усыпальнице Акрополя в Микенах (1), и бронзовые морские коньки, обнаруженные в других местах. У Финикийцев морской конек изображался на монетах, неся на своей спине бога Мелькарта (Фигура VII).

У нас галльские монеты из Редона, Шартра и Байё изображают морского конька в натуральном виде и управляющим земной или крылатой лошастью, греческим Пегасом (Фигуры VIII, IX и X).

Как и дельфин, морской конек был по мысли Древних сострадательным спасателем. Вот почему происходящие от них произведения искусства нам его показывают в этом благочестивом служении: на гравированной античной гемме он спасает из воды отчаявшуюся женщину, которая тонет (2); на драгоценном камне, украшавшем римское кольцо, николо, и найденном в римских раскопках (До-Севр), морской конек уносит над морем крылатого ребенка, выражающего, вероятно, душу (3).

Итак, морской конек появляется здесь с аллегорическим значением, схожим с теми смыслами, которые ему приписывали Древние даже во времена его собственной известности, то есть с Дельфином-Христом: он – путеводитель, проводник и спасатель.

(1) Cf. SCHLIEMANN, *Mycènes*, p. 263, fig. 279.

(2) Смотреть *Gazette des Beaux-Arts*, T. XVII, IIe Part., Liv. 248, février 1878, p. 184.

(3) Коллекция господина Ги Блюмеро (Guy Blumereau) в Лудюне.

III. МОРСКОЙ КОНЕК В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Нарождающееся христианское искусство видело морского конька изображенным повсюду; поскольку мы его находим от одного конца древнего мира до другого, в том числе среди скульптур буддистского храма Гандхары (1), исполненных на протяжении двух первых столетий нашей эры. Уточним все же, что эти азиатские скульптуры отражают эллинистическое влияние.

Когда принималось определенное число древних эмблем, христианское искусство приняло традиционный художественный образ морского конька, крылатого или бескрылого, дав ему место в декоре римских Катакомб. Впрочем, он встречается только на самых древних фресках и, по словам Дома Леклерка, без связи с кораблекрушением Ионы (2). Мы дальше

увидим, что морское чудовище, которое на катакомбных картинах играет роль в этой истории, не является морским коньком.

Мы находим также морского конька в орнаментации разных движимых более

или менее изящных предметов и на нескольких скульптурах. На керамической плитке, открытой в Лёйни (Leugny) в Турени изображен прекрасный рисунок морского конька, который, как и в подобных христианских рисунках дельфина, увенчивает маленькую рыбу (Фигура XI) (3). Эта скульптура галло-римского производства, не выражала ли собой, по мысли ее создателя, идею морского элемента и течения его волн, как и морской конек с алтаря Нептуна в Глиптотеке Мюнхена?.. Это возможно, но не всегда. Отметим только, что скульптура из Лёйни принадлежит к эпохе, когда христианская идея таинственно скрывалась под дохристианскими идеями, иногда даже неожиданными. Это сказано независимо от присутствия

Фигура XI. – Галло-римская скульптура из Лёйни в Турени (Музей Великих Школ; у Общества Антикваров Запада в Пуатье)

Фигура XII. – Морской конек на меровингской бронзе из Музея Дижона. *Revue de l'Art chrétien*, 1896, p. 487

маленькой рыбы, которую мы видим на дохристианском изделии из Тира.

Морской конек появляется затем в христианском искусстве Готов и Франков (Фигура XII) (4), наконец, мы его находим в романской декорации Франции; должно уточнить, тем не менее, что его христианские изображения не представляются весьма многочисленными.

Почему, создавая все эти изображения, особенно наиболее древние из них, христианские символисты пренебрегли вымышленными качествами, которые античные верования связывали с морским коньком, тогда как они применяли те же самые мифы на службе и в аллегорическом изображении Господа Иисуса в образах других животных, разделяемых Им? Античное верование в целительную силу морского конька, отражающееся еще у Венецианцев, католиков или гетеродоксов, разве не вызывала в мысли катакомбного священника или художника, поскольку они его искали и видели повсюду, воспоминание о божественном Целителе, исходившем «добрым Самаритянином» долины и холмы Иудеи?.. Морской конек, излечивающий глаза, например, не является ли уподобившимся в качестве эмблемы рыбе Товии, эмблеме Христа, принятой Отцами; и смысл морского конька, препровождающего колесницу Мертвых к блаженным пределам, не тождествен ли значению дельфина, путевода душ на острова Блаженных? (5) Ведь морской конек, как и дельфин, был также спасателем в античных вымыслах.

Итак, не кажется невозможным рассматривать античное наследие, принадлежавшее морскому коньку, как причину его присутствия в некоторых произведениях христианского искусства. Эта гипотеза совершенно соглашается с духом и методом первых учителей, а значит правдоподобна.

Отметим, тем не менее, что морской конек, лошадь и рыба в своем стилизованном аспекте, не разделял преимущества, которым обладали почти все мифические двубразные животные, являвшиеся символическим отображением двух природ Искупителя – божественной и человеческой.

Скажем еще, что морской конек, наравне с ракообразным существом, никогда не использовался для обозначения верного или человеческих душ. Эта роль в рыбообразном виде отдавалась у язычников Нереидам и Тритонам, «образам душ, переплывающих море жизни» (6), а у христиан – обыкновенной рыбе и дельфину.

Фигура XIII. –
Меровингская фибула
в форме Морского
конька. *Dict.
d'Archéologie chrétienne*,
T. V, vol. II, 1506

(1) Скульптура из Музея Гиме в Париже (Дар Жоржа Клемансо).

(2) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. LXVI, col. 203 84.

(3) Смотреть Е. AUDOUIN, *Le bas-reliefs de la Petite Guierche (a Leugny)*, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest*.

- (4) Cf. CHABEUF, *Revue de l'Art chrétien*, 1896, p. 487. – *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. V, v. II, col. 1506.
 (5) Смотреть DE ROSSI, *Bulletin d'Archéologie chrétienne*, 1870, p. 65.
 (6) Dom LECLERCQ, *Op. cit.*, T. I, vol. I, col. 1478.

IV. МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ, АНТИТЕЗА МОРСКОГО КОНЬКА. ИОНА И МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

Поэты и художники языческого мира сделали из Морского чудовища сказочное существо, представляющее сходства и существенные различия со стилизованным морским коньком: их общий облик в водах тот же самый, и он – основная причина того, что наши современные археологи почти всегда смешивали одного с другим и зачастую, казалось бы, знали только одного морского конька (Фигуры XIV, XV и XVI).

Фигура XIV. – Морское чудовище на фрагменте терракотовой вазы, называемой Самианской (с острова Самос), III-е столетие. Из кабинета автора

Фигура XV. – Морское чудовище. Согласно картине из Помпеи. Cf. RICH, *Dictionn. Des Antiquités romaines et grecques*, p. 490

Фигура XVI. – Крылатое морское чудовище на крае одной вазы из Лаодикеи. Согласно *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. III, vol. II, col. 2. 592

Морское чудовище, о котором рассказывали Флор (1), Плиний (2) и Вергилий (3), имеет голову и переднюю часть никак не лошади, но дракона

Фигура XVII. – Морское чудовище и Святой Пророк Иона на одной из фресок катакомб Бонарии (Bonaria) у Кольяри (Сардиния)

с длинными лапчатыми плавниками на месте лошадиных ног. Отсюда правило: исключения являются лишь вольностями художников, как это всегда получается. С точки зрения моральных характеристик морской конек появляется как покровительствующий и благодетельный гений; морское чудовище, наоборот, предстает отвратительным и злобным; в мифической фауне средиземноморского язычества оно – адское морское чудовище, приходящееся как

бы сестрой Левиафану из священных Книг Евреев. Равно один морской конек вырисовывается в кругу античных монет, тогда как морское чудовище предназначено для иллюстрации кораблекрушений, катаклизмов и проклятых мест.

И поскольку наши современные эрудиты, – и лучшие эрудиты! – не наблюдали этих различий, они сообщили и повторили, что чудовище, изображенное на катакомбных фресках или на мраморе той же эпохи и пожирающее Иону, это морской конек; отнюдь, это всегда или почти всегда inferнальное чудовище, там показанное (Фигуры XVII и XVIII), ошеломляющая эмблема в данном случае злодеев, служащих, несмотря ни на что, замыслам Бога (4).

Фигура XVIII. – Морское чудовище и Святой Пророк Иона на могиле из Эль-Джема, Тунис

(1) FLORUS, III, 5, 16.

(2) PLINE, *Histoire naturelle*, IX, 2.

(3) VIRGILE, *Eneide*, III, 427.

(4) Смотреть гравюры в *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. II, Vol. I, col. 229, 358, 1006, 1148. – T. IV, Vol. II, col. 2610, etc.

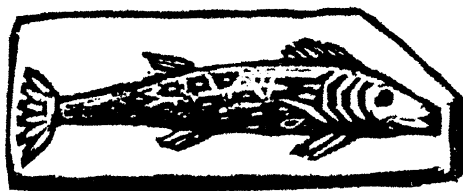
ГЛАВА СТО ВТОРАЯ

ЩУКА

ЩУКА И СВЕТ

Когда я опубликовал в альманахе *Regnabit* (1) элементы предшествовавших глав, относящиеся к символизму Рыб, один французский археолог, большой друг первоначального христианского искусства, мне написал, что поразился тому факту, что многочисленные рыбы, изображенные как эмблемы Евхаристии или помещенные в положения, позволяющие видеть в них лишь божественного Ихтуса, «принимают иногда очень точный вид щуки», что оказалось крайне удивительным, ведь эта рыба, большой вредитель рек и водоемов, гораздо лучше подходит для символического отображения Сатаны, расхитителя душ, нежели обозначения Христа Спасителя.

Чтобы свести все вещи к верному знаменателю, скажем в продолжение, что

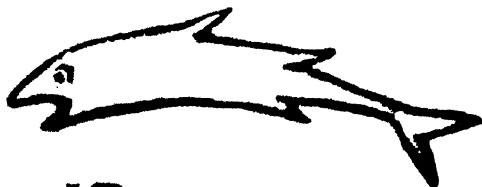
LCI

Фигура I. – Мистическая Рыба,
эмблема Христа.

Согласно MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 544, Ire col.

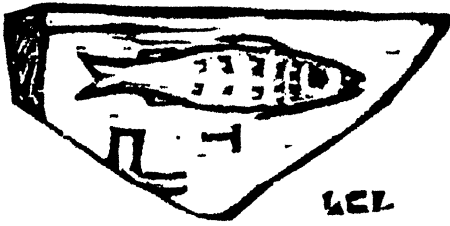
на самом деле художественный тип щуки иногда встречается в первоначальном христианском искусстве в Италии и других местах, но менее частым и менее точным образом, чем некоторые другие рыбы и водные существа, как дельфин, прилипала, окунь, калкан или морской конек; большинство рыб является неопределенным, и даже для тех, которые подтверждаются в принадлежности

к четкому виду, авторы изображений часто не учитывали числа и точного расположения их плавников (2). Но образ щуки существует, и возможно допустить, что он появился не без намерения символического порядка, поскольку благодаря некоторым из ее привычек, по крайней мере, и даже своему имени, эта рыба могла привлекать внимание создателей личного символизма Христа (Фигуры I, II и III).

Фигура II. – Рыба, гравированная
на стекле. Музей Ватикана

Как и большое количество рыбаков и сегодняшнего французского сельского населения, Древние считали, что если щука предстает опустошителем, то она одинаково ужасный враг для речных змей, которая, достигнув

Фигура III. – Рыба из Музея Гамбурга на фрагменте из стекла.

Согласно *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, fasc. 76-77, col. 2. 081

мотива символического истолкования божественной Рыбы прозрачных вод, «Рыбы из источника» (буквально «Ихтус из источника»), о которой говорит уже приводившаяся эпитафия епископа Аверкия III-го века (3).

Имя, присвоенное щуке древними Латинянами, с другой стороны, совершенно согласуется с мистической идеей светлой чистоты, ясности: они ее называли по пришедшим к ним издалека причинам, быть может, из глубины столетий, *lucius*; и наши современные натуралисты официально сохраняют за ней имя *esox lucius* (Линней) – *светлая*.

Некоторые утверждали, будто это имя появилось от того, что Древние пользовались внутренними органами щуки, как и внутренностями нескольких морских рыб, чтобы приготовить некое подобие фосфоресцирующей пасты, под действием которой ночь освещается тусклым свечением.

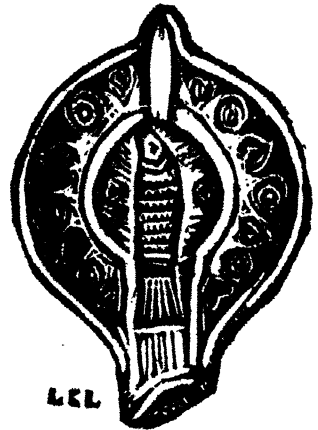
Как бы то ни было, остается возможным и очень вероятным, что в духе христианских художников первых столетий, целиком пропитанных символизмом, делалось иногда сближение между рыбой *lucius* и Иисусом, божественным Ихтусом, Который один на земле мог осмелиться сказать: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (4).

Тем не менее, необходимо отметить, что, несмотря на эту символическую нить, связующую имя щуки с идеей света, рыба, чаще всего украшающая христианские лампы, это дельфин, как мы увидели в своем месте; и все же, на нескольких из них с большой долей вероятности можно признать щуку (Фигура IV).

Древние, впрочем, наделяли щуку редкими естественными качествами разума и проницательности: «изошренный как щука», гласит

полноты своей силы и достаточной величины, перегрызает своими мощными челюстями крестец водной гадюки, чей яд уже никак не властен над ней. Итак, мы констатировали, что ноши отцы желали видеть почти во всех животных, уничтожающих рептилий, образ Христа, разрушающего зло.

Древние, как и мы, знали, что в летний период щука водится в чистой воде по соседству со свежими источниками, где находит себе в пропитание мелкую рыбешку; она могла браться в качестве

Фигура IV. – Символическая рыба на терракотовой лампе. Согласно *Revue de l'Art chrétien*, année 1890, T. I, p. 137

LCL

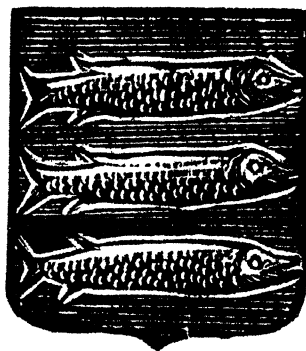
Фигура V. – Символические рыбы на ступени подземного хода из Мельбода в Пуатье, VII-е столетие

пословица из Турени. В конечном счете, эта рыба должна была иметь возвышенное и весьма древнее освящение: она, быть может, всегда останется загадкой для нас, поскольку в палеолитической пещере Кабрере (Ло), являвшейся для примитивного человечества таинственным святилищем, по словам господина П. Ле Кура, «среди изображенных животных видна щука большой величины». Далее он добавляет: «Итак, известно, какую роль играл символизм Рыбы в Христианстве. Больше того, латинское наименование щуки, имя, несомненно, предшествующее нашей эре, есть *lucius* – свет» (5).

Это *lucius*, господин света; некоторые думают его признать в очень стилизованном виде на ступени лестницы подземного хода в Мельбоде (*Melbaude*) в Пуатье, где символизм играет столь важную роль. Другая рыба, за ним следующая – бесспорный образ верного; между Учителем и этим последним – крест: «Кто хочет быть моим учеником, возьми крест свой и следуй за мной» (Фигура V).

Искусства Средневековья, особенно геральдическое искусство, всегда соединяли образ щуки с идеей света. Следовательно, город Люсон в Пуату назывался старыми латинскими буквами *Lucionensis vicus*, поселок, посад Люция или *Lusyonum*, *Lusyonium* (6); итак, капитул каноников кафедрального собора Люсона, древнее бенедиктинское аббатство, возведенное в епископство Иоанна XXII в XIV-м столетии взяло тогда в качестве герба *три серебряные щуки на лазоревом геральдическом щите*, очевидную аллюзию на имя Люция, предполагаемого основателя города, бывшее также именем щуки.

Коллекция древностей Фортуната Паранто, находящаяся сегодня в Археологическом музее Нанта, содержит знак признания каноников Люсона в XV-м столетии, изображающий щуку (Фигура VII). В своей Инвентарной Археологической описи Паранто сообщает о нем так: «Церковный знак признания Капитула Люсона. На ге-

LCL

Фигура VI. – Герб Капитула кафедрального собора Люсона; согласно печати, опубликованной в XIX-м веке. CAPITULUM ECCLE. CATH. B. M. LUCIONENSIS

LCL

Фигура VII. –
Бляшка или

жетон каноников
кафедрального
собора Люсона
в XV-м веке

лую рыбу с Христом, божественной рыбой, «который освещает всякого человека, приходящего в мир» (10).

В ряду эмблем, сохранявшихся у катар-альбигойцев Лангедока до XIII-го столетия, фигурирует символическая рыба, изображенная в нескольких упомянутых разновидностях, в особенности безымянной рыбы, хотя в последней и была признана щука, что отметил Отто Ран, приводящий «рыбу – символ светлого Божества» (11).

По ходу этих строк я обозначил несколько символических рыб типа щуки, все они предшествуют V-му столетию и христианского исполнения (Фигуры I, II, III, IV). К данной категории также принадлежат рыбы из Отюна и Эрпа, отображенные в главе о Рыбе.

ральдическом поле щука Люция и три цифры единицы – I. XV-е столетие. Происхождение: монастыри аббатства (7).

Старинное семейство де Люк-Фонтенэ (de Luc-Fontenay) имеет герб: «на лазоревом геральдическом поле горизонтально расположена в поясе серебряная щука, в главе щита – одна золотая звезда» (8). В этом гербе все предстает светом и ясностью. Господа де Вилль-Бланш в Бретани, основываясь на второй части своего имени, несут на своем гербе три щучьих головы (9).

Итак, если старинные французские геральдисты обладали идеей о таких сопоставлениях, то, как удивляться, что символисты первых христианских времен могли мысленно сбли-

жать щуку, свет-

LCL

Фигура VIII. – Рыба, сделанная
из кости, из одной галло-римской
усыпальницы Мугона (Moudon)

(Турень); она не доказывает
абсолютно своего христианского
происхождения, но позволяет это
предполагать. Раскопки графа
Фр. де Рилли и барона Оврэ
(Auvray), 1936 год

(1) *Regnabit*, T. XII, année 1926-1927, № 7-11.

(2) Смотреть *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. LXXVI-LXXVII, col. 1. 990 – 2. 086.

(3) Смотреть в главе XCVI, о Рыбе, III; и в XCVII, о Евхаристической Рыбе, I.

(4) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 8, стих 12.

(5) P. LE COUR, *Sanctuaire de la Préhistoire*, in *Atlantis*, T. III, № 2, novembre 1929, p. 27.

(6) Cf. BEAUCHET-FILLEAU, *Pouillé du diocèse de Poitiers*. Table des noms de lieux (Таблица наименований мест).

(7) F. PARENTEAU, *Inventaire archéologique*, p. 132, Pl. 59, № 2. Nantes, Forest, 1928.

(8) Cf. M. L. *Nouvelle methode raisonnée du Blason*, édition de 1770, p. 159.

(9) Cf. LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 332, № 29.

(10) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 9.

(11) Otto RAHN, *La Croisade contre le Graal*, Edition Stock, p. 88, и сведения графини де Пюжоль-Мюрат (de Pujol-Murat).

ГЛАВА СТО ТРЕТЬЯ

ХРИСТОС-РЫБОЛОВ И ЕГО ОСНАСТКА

СИРЕНА

І. ИИСУС ХРИСТОС, ЛОВЕЦ ДУШ

Уже до нашей эры человеческие души изображались в образе рыбы, плавающей в морских волнах или в потоках земных вод. Египетская иконография, например, нам показывает божественных Киноцефалов, тянущих сеть, куда принимаются души (1). Но именно в христианском искусстве этот символический образ стал частым преимущественно благодаря фрагменту Святого Апостола Марка, где сказано, что Иисус сделал Своих Апостолов, рыболовов, каковыми некоторые из них поначалу являлись, «ловцами людей» (2).

И затем с очень раннего времени первые наставники учили, что Мессия был предсказан как проповедник в Священных Писаниях Ветхого Завета.

Пророк Аввакум сообщает в действительности о Господе: «Всех их таскает удою, захватывает и забирает их в неводы свои, и оттого радуется и торжествует. За то приносит жертвы сети своей и кадит неводу своему, потому что от них тучна часть его и роскошна пища его» (3).

Равно мы видим, что все учителя первоначальной Церкви использовали аллегорию Христа, ловца душ: «Он пожелал, – говорит Святой Григорий Богослов (Назианзин), – сделаться рыболовом, дабы вытащить из бездны рыбу, то есть человека, плавающего в переменчивых и опасных водах жизни» (4).

И Дидрон уместно цитирует другой фрагмент того же Наставника, который говорит, что Иисус, Рыболов, явился над грозовой бездной этого мира, чтобы извлечь оттуда людей, как рыб, чтобы их возвысить в небеса (Фигура І) (5).

Святой Кирилл Иерусалимский сказал своим катехуменам: «Иисус вас забирает удою не для того, чтобы вам умереть, но чтобы вы родились к новой жизни» (6).

Святой Климент Александрийский в своем *Гимне к Христу Спасителю* (7) выражает ту же самую мысль: «Боже-

Фигура І. – Пойманная Рыба; эмблематический образ души, спасенной Христом. Скульптура одной христианской шкатулки римского искусства, находящейся в Бресции.

Cf. *Dict. d'Archéologie chrétienne*, T. II, vol. I, col 1147, fig. 1625

LCH

Фигура II. –
Гравированное
стекло. Согласно
MARTIGNY

ственный рыбарь людей, ты спасаешь рыб, плавающих в море порока, и вытягиваешь их из вражеской волны».

Святой Павлин Ноланский в своем Послании к епископу Дельфину в Бордо обращается прямо к Спасителю, говоря Ему: «Я вспоминаю, что Ты для меня являлся не только отцом, но также Петром, то есть рыба-рем, ведь ты бросил удочку, чтобы меня вытащить из бездн горьких волн этого века, и я умер для естества, коим жил, дабы жить о Господе, для Которого я был мертв».

И Святой Амвросий Медиоланский: «Он погрузил удочку в глубины; Слово Божие сделалось рыба-рем; Оно бросило Свою сеть: Оно воз-высило (к небесам) нашу жизнь во

всем» (8).

Таким образом, наставники Запада, как и учителя Востока, то есть Вселенской Церкви того времени, вознесли к Христу-рыболову саму песнь признания.

И как всегда художники, верные толкователи наставников веры, сделались отголосками их мысли, ощутимо передав ее для наших глаз.

Нижняя часть гравированной стеклянной кружки пер-вых веков изображает Спасителя, облаченного в тунику и римский паллиум и держащего в руке, подвешенную на леске рыбу, пойманную на удочку (Фигура II) (9).

Гравированный камень христианского искусства по-казывает стоящего как рыбак Христа: Он держит на кон-це лески выловленную рыбу, и рядом с Ним написано Его условное и таин-ственное имя ICTUS (Фигура III).

Фреска Катакомб Святого Калликста в Риме нам показывает Спасителя, сидящего на скальном камне или прибрежном пригорке; Он вытягивает из воды рыбу, пойманную на леску в глубине (Фигура IV) (10).

LCH

Фигура III. –
Гравированный
камень. Согласно
Costadoni. Del.
Pesce, Pl. II, VIII

Фигура IV. – Фреска из Катакомб
Святого Калликста в Риме

Гравированный камень христиан-ского искусства изображает лодку, на которой один из рыба-рей заки-дывает свою сеть, а другой погру-жает свою леску – это двойной об-раз Спасителя и Святого Апостола Петра, причем первый призван к таинственной ловле душ. Такая же похожая сцена выгравирована на камне античного перстня-печатки Римских Пап – «Кольце Рыбака»:

LCL

Фигура V. – Христос-рыбак на центральном диске одной христианской лампы. Согласно GARUCCI, Op. cit.

Христос здесь занимается ловлей на леску, тогда как Апостол забрасывает свою сеть.

На великолепной лампе божественный рыбак убирает свою сеть, и в Его руке отдыхает пойманная рыба (Фигура V) (11). На своде катакомб Домициллы Христос-Рыбак снимает свою рыбу с крючка, опираясь в это время удочкой на Свое плечо (12). Один замечательный германо-римский барельеф, находящийся в музее Майнца, изображает сидящего рыбака, поймавшего на удочку, которую поднимает правой рукой, маленькую рыбу; в своей левой руке он держит хлеб. На другом конце барельефа пастырь надзирает за своим стадом; IV-е столетие (Фигура VI) (13).

Римские и итальянские художники не были одними в использовании выразительного изображения Христа-рыбака.

На галло-римском саркофаге из Гайолля (Gayolle) Иисус «ловит рыбы, которые превращаются в овцы, когда они пребывают на земле и возле них покоится якорь вечного упования» (Фигура VII) (14).

На очень древнем христианском барельефе, происходящем из Майнца, Христос-рыбак вытаскивает из воды рыбу: это ловец душ (15).

Итак, перед нами эмблематика, помещенная после почитаемых текстов благодаря обозначенным артефактам в должный ранг в области самого древнего христианского искусства. Это божественный и благодетельный соблазнитель душ, проявляющийся в разных аспектах христианской иконографии.

Мы видим Его привлекающим к Себе Своей кротостью в образе агнца, овцы, голубя... своей нежностью в эмблемах меда, розы, лилии...; во многих других изображениях он станет весьма соблазнительным благодаря Своим любимым дарованиям, Своему непреходящему знанию, содействующей и утешающей доброте, Своему открытому сердцу, наконец!

Но здесь... под эмблемой рыбака Он помещает нас в бесконечно более суровую область: Спаситель не предстает здесь спешащим за овцами, которым разрешено отходить от Него в сторону; Он ожидает душу и ловит ее либо на крючок, либо на вершу, либо сетью.

Крючок, внезапно входящий в плоть и ее терзающий, это телесная скорбь, посылаемая Богом, более или менее неизбежное на-

LCL

Фигура VI. – Божественный Рыбак на германо-римском барельефе из Майнца, IV-е столетие

следие человеческого естества, и которая хорошо воспринятая очищает, возвышает душу к Богу. Она является тогда по столь хорошему наименованию Франсуа Коппе (1842–1908; французский поэт и драматург, представитель парнасской школы – прим. пер.) «благим страданием».

Сеть и верша, в коих безнадежно бьется рыба, не находя выхода, это еще хуже. Это скорбь духа, внутреннее терзание сердца, в котором человек носит все самое животрепещущее, все самое мучительно ощутимое! Это состояние тех несчастных, в глубине которых поднялись странные бури благодаря их какой-нибудь ошибке, зачастую озлобленности, корыстолюбию, гордыни или неисполнения обязательств по отношению к другому; жалостные страдания, которые Бог не посылает Сам по Себе, но которые Он оставляет воспроизводиться, как Он оставляет совершаться заблуждениям против Него Самого.

Телесные недуги, скорби духа или ужасные терзания сердца кажутся иногда призывами Господа к отваге и здравомыслию Своих сыновей: это божественное испытание, это жестокий способ, благодаря которому Христос возвышает в итоге существо над обычной водой для будущих вечных вознаграждений.

Обозначенные выше артефакты нам показывают эту скорбную ловлю души символическим крючком.

Полагаю, что необходимо ее увидеть в украшении больших христианских ваз из Булла-Регия (Bulla-Regia), где Голубь ловит на леску рыбу (Фигура VIII) (16). Известно, что голубь, обыкновенная эмблема верного, иногда представляла собой Спасителя: поэт Эннодий приветствует Христа именем «Голубь».

Кольцо Святого Арнульфа, епископа Меца от 614 до 626 гг., сохранившееся в этом городе, показывает нам вершу, рядом с которой две рыбы, тогда как третья почти полностью вошла в рыболовную снасть (Фигура IX) (17). И Дом Леклерк приводит христианскую лампу первых столетий, украшенную «рыбой, которая,

Фигура VII. – Христос-рыболов на саркофаге из Гайолля

Фигура VIII. – Голубь, ловящий рыбу на вазе из Буллы-Регии

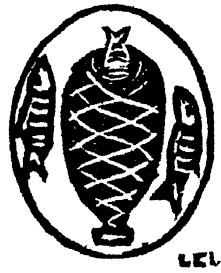
кажется, уже опускается в вершу, чтобы схватить приманку, представляющую собой круглый хлеб» (18). Нет никакого сомнения, что в изображениях этого рода верша обозначает Христа, часто *РЕТЕ*, *Сеть*, в условном и таинственном языке первых столетий.

По словам Святого Дамасия I, Он – Слово, Человек, Сеть, Камень, Обитель: “*Verbum, Homo, Rete, Lapis, Domus, omnia Christus Jesus*” (19).

Эннодий Его приветствует как Гостию, Дерево, Пастыря, Гору, Сеть и Голубя (20).

И Ориентий Его называет в свою очередь Сетью, Солнцем, Мужем, Семенем, Горой, Звездой и Учителем (21).

Этот символизм Христа-рыбака несколько не упразднился в католической мысли: если христианское искусство сегодня совсем не изображает Иисуса орудующим Своими снастями, католическая духовность Его представляет всегда как актуального, как вечного рыбака душ, продолжающего, по ее убеждению, Свою ловлю тремя главными средствами: внутренним действием Его благодати в душах, Его учением, сохранившимся для нас в Книгах Нового Завета, и последователями Его первых апостолов, являющимися ревностными прозелитами, проповедующими вышеназванную доктрину и ее несущими до пределов мира.

Фигура IX. –
Гравированный
камень с оправы
перстня-печатки
Святого Арнульфа,
614-626 гг.

- (1) Cf. MASPERO, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*. – *L'Egypte* – p. 184.
- (2) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 1, стих 15, 16 (Французский перевод Крампона).
- (3) *Книга Пророка Аввакума*, Глава 1, стих 15, 16.
- (4) Saint Gregoire DE NAZIANZE, *Orat.* XXI, I.
- (5) Cf. DIDRON, *Histoire de Dieu*, p. 332.
- (6) Saint CYRILLE DE JERUSALEM, *Procatechum.* IV.
- (7) Vers. 24 seg.
- (8) Ap. D. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*. Fasc. LXIV, col. 2. 305.
- (9) Cf. MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétienne*, p. 518.
- (10) MARTIGNY, *Ibid.* et D. LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. I, p. 140.
- (11) Смотреть GARUCCI, *Storia*, T. IV, Pl. 474, № 3.
- (12) Смотреть Cardinal WISEMAN, *Fabiola*, Edition Mame, p. 177, fig. 48.
- (13) Cf. H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. CXVI, col. 27, fig. 7. 854.
- (14) Cf. Salomon REINACH, *Le Musée chrétien de la chapelle Saint-Louis de Saint-Germain-en-Laye*, in *Revue archéologique*, 1903, p. 282.
- (15) *Ibid.*, *Revue archéologique*, 1903, p. 293. – Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. CXIV, col. 27-28.
- (16) Cf. D. H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. LXIV, col. 2038.
- (17) Cf. M. DELOCHE, *Etude sur les anneaux sigillaires des premiers siècles du Moyen-age*, p. 86.
- (18) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*. Fasc. LXXXIV, col. 1123, № 115; Fasc. CXXXI, col. 890.
- (19) Saint DAMASE, *Carm.*, VI.
- (20) ENNODIUS, *Carm.* Lib. I, c. IX.
- (21) Orientius ap. D. MARTENE et DURAND, *Thésaur. anecdot.* T. V, col. 40.

II. ХРИСТОС, УЛОВЕННЫЙ БОГОМ, ЕГО ОТЦОМ

В виде исключения в очень древние времена и благодаря более или менее ясной аллегории, чем та, которую мы исследовали, Иисус равно Сам изображался как пойманный на удочку Своим Отцом. Именно в этом смысле, как и с некоторыми другими среди священных писателей, Юлий Африкан Его называет «Великой Рыбой, взятой на крючок Богом, плоть которой кормит всю землю» (1).

Отсюда, кажется, истолковывается Рыба, воспроизведенная Клоке, которую мы видим привязанной к трезубцу, образу креста, на леске и крючке (Фигура X) (2).

Мы увидим дальше другой пример этой мистической концепции.

Фигура X. – Уловленный
Христос. Согласно Cloquet

(1) Julii AFRICAN, *Narratis deiis quae, Christomato in Perside acederunt*. Ap. DIDRON, *Histoire de Dieu*, p. 331.

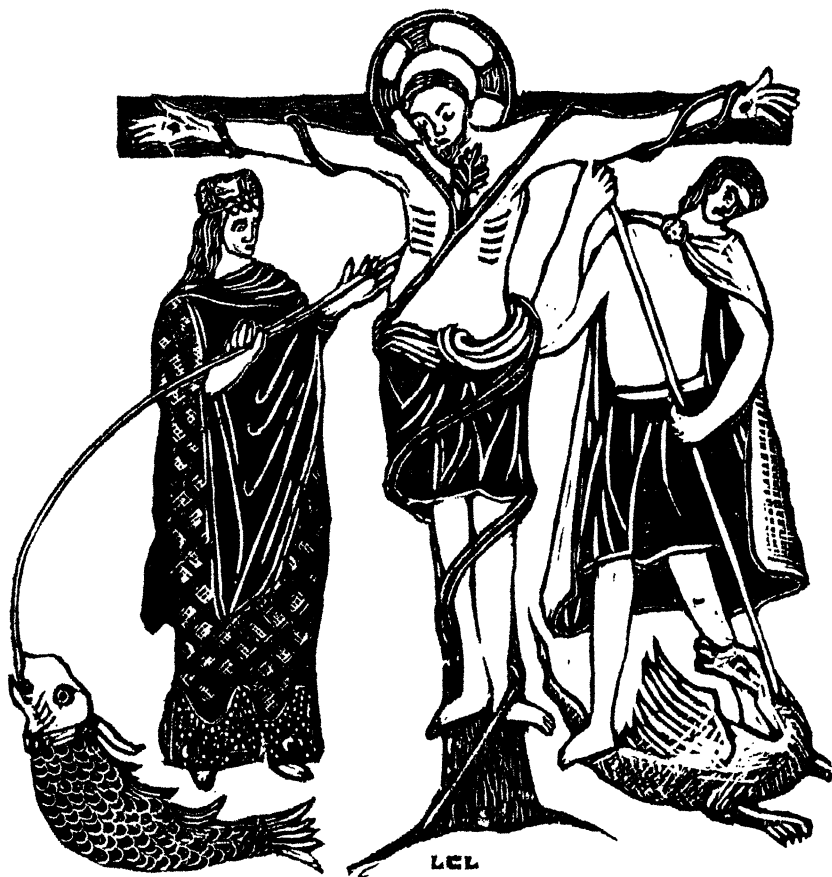
(2) Cf. L. CLOQUET, *Essai sur la décoration architectonique*, in *Revue de l'Art chrétien*, 1901, p. 405.

III. ХРИСТОС, УЛАВЛИВАЮЩИЙ САТАНУ

Определенное число древних артефактов нам иногда показывают на конце символической леске более или менее ужасную рыбу, изображающую Сатану, антихриста. Что говорить, кроме того, что в этом необходимо видеть эмблему победы Искупителя над князем всякого зла.

Командор де Росси опубликовал (1), а Дом Леклерк воспроизвел под словом «Крючок» в большом *Словаре христианской Археологии* (2) картину из Римских катакомб, где Левиафан в виде морского тельца хватает крючок, на леске которого можно увидеть очень таинственный образ Христа. Эта концепция много раз обнаруживается в средневековой миниатюре. Прекрасный манускрипт аббатисы Геррарды из Ландсберга, *Hortus deliciarum*, нам показывает Бога Отца, держащего в руке удочку, которую погружает вглубь моря. Леска удочки образовано из бюстов патриархов, пророков и царей, нанизанных друг на друга, начиная от Адама, прикасающегося к Богу, до царя Давида, коснувшегося Крючка. Этот божественный Крючок не что иное, как Сам распятый Иисус Христос. Так Христос спешит выскать в глубинах бездны Левиафана, кусающего божественную приманку, чтобы ее погубить (3).

Другой более или менее, нежели *Hortus deliciarum*, артефакт, настенная картина одной церкви в Аквиле нас помещает в присутствие Сатаны, подвешенного на божественной леске. Пастор Артюр Мартен выразился о ней, в высшей степени, следующим образом:

Фигура XI. – Поражение Левиафана и Бегемота. Настенная картина из Аквилеи, XII-е столетие. Согласно Н. MARTIN, *Op. cit.*, fig. 57

«Иисус Христос находится на кресте; вьющееся вокруг Его тела дерево есть древо жизни, и леска, выходящая из сердца должна быть, если художник черпал, в чем я не сомневаюсь, из указанных источников (4), генеалогией Спасителя: *Hujus hami linea – говорим Одон из Клуни (I. c.) – Christi est genealogia. Nam cum dicitur: Abraham genuit Isaac, etc. usque ad Mariam Virginem quasi quaedam linea torquetur, in cujus extreme incarnatus Dominus, id est hamus ligaretur quem in his acquis humani generis dependentem aperto este cetus appeteret.* В действительности царица, стоящая по правую сторону креста *a dextris deaurata*, может являться лишь Марией, поддерживающей край лески, на которой подвешен Левиафан» (5).

Эта царица могла одинаково изображать Церковь, продолжающую на земле дело Икупителя, и ветвь, обвивающаяся вокруг божественного тела, может быть побегом древа креста.

Добавим, что на этой картине из Аквилеи напротив женщины, поддерживающей леску, находится воитель, в котором можно признать архангела

Михаила, пусть он и бескрылый, занимающегося Бегемотом, земным братом Левиафана (Фигура XI).

Задолго до этих артефактов Святой Григорий Великий (6), Святой Лев (7), Святой Григорий Богослов (Назианзин) (8) и другие говорили о Левиафане, ставшем добычей божественного рыбака.

Процитируем здесь завершение гимна первых столетий, который, обращаясь к спасителю, выражается так:

«Рыбать мертвых
В море зла
Благодаря Тебе спасенных,
Вытягиваешь Ты Своим сладчайшим гласом
Твою святую рыбу
Из вражеской волны» (9).

И завершая в отношении крючка, напомним, что Средневековые сделали из него атрибут диалектики, поскольку, наподобие того, как он ловит и удерживает рыб, он таким же образом уловляет и удерживает дух человека, который слушает или читает ее аргументации (10).

-
- (1) DE ROSSI, *Roma sotterranea*, T. II, Pl. XXV, 5.
 - (2) Dom LECLERCQ, *Op. cit.*, fasc. LXIV, col. 2. 034.
 - (3) Cf. DIDRON, *Histoire de Dieu*, p. 333. – BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 175.
 - (4) Святой Григорий, Святой Иероним и т. д.
 - (5) Arth. MARTIN, S. J., *Des Crosses pastorales*, in *Mélanges archéologiques*, T. IV, p. 197.
 - (6) Saint GREGOIRE LE GRAND, *In Evang. – Homil.*, XXV.
 - (7) Saint LEON, *Serm. LXI, Passione*, X.
 - (8) Saint GREGOIRE DE NAZIANZE, *Orat. XXXIX*, 13.
 - (9) R. P. MARTINDALE, S. J., *Les Paroles créatrices du Christ*, 1932, p. 22.
 - (10) Cf. E. MALE, *L'art religieux au XIIIe siècle en France*, p. 99.

IV. ХРИСТИАНИН, ЛОВЕЦ ДУШ

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним.

Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним. И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелия Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (1).

Согласно Святому Луке, Учитель особо обратился к Петру: «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (2).

Из-за самих слов этих призывов имя «ловца человеков» было очень рано применено в Церкви к тем, кто продолжали дело евангелизации Исккупителя, исчезнувшего из мира. Более того, апостол, будучи прозелитом в этом, как и верный христианин во многих других образах, уподоблялся Самому Спасителю. Это дерзновение, впрочем, обладало хорошей точкой опоры в слове Святого Апостола Петра, подтверждавшего, что славою и благостью Христа «дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (3), что удостоверяет изречение, высказанное в IV-м веке Святым Григорием Нисским – *Christianus alter Christus*.

С тех дальних времен Папы, наследники Святого Петра, рыбака с озер Иудеи и Апостола первого римского христианского поколения, скрепляли свои торжественные акты «кольцом Рыбака». Представляется необходимым связать с той же самой идеей некое подобие квадратной сетки, изображенной на надгробном камне одного епископа из Дорлы в Исавии в III-м или в начале IV-го столетий, и вероятно соответствующей его епископским функциям, делающим из него «ловца человеков» (4).

(1) От Матфея Святое Благовествование, Глава 4, стих 18-23.

(2) От Луки Святое Благовествование, Глава 5, стих 10.

(3) Второе Соборное Послание Святого Апостола Петра, Глава 1, стих 4.

(4) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. LXXIV-LXXV, col. 1591, fig. 6. 000.

V. РЫБА ТОВИИ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА

Христос, как говорит нам иконограф Дидрон (1), цитируя почти дословно Святого Августина (2), это рыба, которую юный Товия вытаскивает живой из реки и горящее сердце которой на протяжении Страстей изгнало Сатану» (3).

Если сердце таинственной рыбы избавило от демонов, то ее желчь возвратила глазам слепцов зрение (4). Благодаря этому тексту символика устанавливает связь мысли между рыбой и очень дорогой ей идеей Христа-Света, Исккупителя, дающей душам, ослепленным пороками ясное видение долга и истины, после того, как она вернулась в мир, охваченный «тьмой заблуждения». Это двойной смысл, благодаря которому библейский эпизод с Товией обрел право приводиться в христианском искусстве со времен Катакомб.

Фигура XII. – Рыба Товии на позолоченном стекле из Катакомб

Его мы обнаруживаем на фреске подземных галерей Святых Фрасона и Сатурнина, как и в нескольких других христианских криптах и на многочисленных предметах движимого искусства.

Нижняя часть гравированного стекла, воспроизведенного мной здесь после Краусса, Мартиньи, Бенедиктинцев из Фарнборо и других, представляет Спасителя никак не Христом-рыбаком, но в виде добродетельной рыбы, пойманной юным Товией (Фигура XII).

-
- (1) DIDRON, *Ibid.*, p. 332.
 (2) Saint AUGUSTIN, *Serm.* IV, des SS. *Ap. Petr. et Paul.*
 (3) Святой ОПТАТ МИЛЕВИТАНСКИЙ выражается аналогично: Saint OPTAT DE MILEVE, *Lib.* III, *Contr. Parmen.*
 (4) *Книга Товита*, Глава 6, стих 9.

VI. СМЕРТОНОСНАЯ СИРЕНА, АНТИТЕЗА ХРИСТА-РЫБАКА

Еще когда изображение сирены не вошло в христианскую эмблематику в качестве образа Сатаны и его обольщений, тогда спустя долгое время после рыбы оно все же появляется в украшении Катакомб Люцины и Евсевия (1). В VIII-м или в первые годы IX-го веков сирену изобразили на капители Авроны в Милане между двумя львами, которых она обольщала и которые пришли к ней (Фигура XIII) (2). Наибольшей славы сирена достигла особенно в продолжение романского периода именно во Франции. Она выражала здесь символическую концепцию, абсолютно противоположную концепции Христа-рыбака: подобно Ему, она ловит верную рыбу; подобно Ему, она ее охватывает скорбью; но тогда как он возвышает свою добычу над водами для другого блаженного существования, она, наоборот, увлекает ее вглубь вод для будущего непрерывного несчастья.

Комментируя античный *Physiologus*, автор капетингских времен выражался так: «Сирены обозначают женщин, увлекающих мужчин лстивыми ласками и клубком своих слов, которыми они их манят к бедности и смерти» (3).

Фигура XIII. –
Обольщающая
Сирена и Львы.
Старая капитель
Авроны
в Милане

ССС

Фигура XIV. – Обольстительница;
Сирена из Мэйезэ (Пуату),
XII-е столетие

Урс де Лош (Saint-Ours de Loches) и в Канде (Candes) в Турени; в Сен-Мишель де л'Эгий дю Пюи (Saint-Michel de l'Aiguille du Puy) в Велэ (Velay); в Ларюне (Laruns), в Беарне и т. д.

В других церквях она их поражает своей дубиной или вспарывает ударом ножа: в Кюно, в Сен-Обен д'Анжер (Saint-Aubin d'Angers) в Эшиллэ (Echillais) в Сентонже (Фигура XVI); в Бассе (Basses) в Мортане (Mortagne) в Пуату (Фигура XVII); в Сен-Мишель дю Пюи (Saint-Michel du Puy) и т. д. (4)

Этот перечень, взятый случайно из моих заметок, достаточен, что-

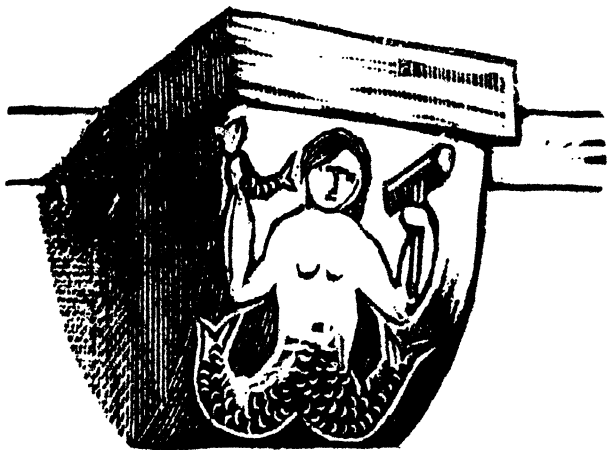
Мы видим сирену, гибкую обольстительницу, обвиняющейся вокруг капителей наших церквей, на фризах, архивольтах и даже на мощеных плитках (2).

Я ее повстречал: в Эрво (Airvault), Майезэ (Maillezais) (Фигура XIV), Сен-Мэксан (Saint-Maixent), Сик (Sciecq), Ла Феррьер (La Ferrière), Нёйль-сюр-Див (Neuil-sur-Dive) и в Клонэ (Clunay) в Пуату; Юрселе (Ursel) и в Жюмелли (Jumelly) в Пикардии; в Сен-Жюльен де Бриуд (Saint-Julien de Brioude) в Лимузене; в Бур-де-Батц (Bourg-de-Batz) в Бретани и т. д.

В других местах более выразительно она сжимает рыб за жабры или даже полностью за их тела, их удушая, как в Фуссэ (Foussais), в Бене (Benet) в Пуату; в Сен-Жермэн-де-Пре (Saint-Germain-des-Prés) в Париже (Фигура XV); в Кюно (Cunault) в Анжу; в Сен-

Фигура XV. – Удушающие;
Сирены из Сен-Жермен-де-Пре
в Париже, XII-е столетие

Фигура XVI. – Убивающая: Сирена из Эшиллэ (Сентонж), XII-е столетие

глубине морей и разделяющем с первой проклятие.

По крайней мере, в наших западных провинциях большое число церквей, где фигурирует сирена, являются древними обителями или старинными монастырскими владениями. В приорстве Кюно Ордена Святого Венедикта Нурсийского, сооруженном в XIII-м столетии сеньорами Лудюна, притягивающая и предательская сирена обнаруживается повсюду – от раскрашенной половой плитки до завершения колонн; и когда монахи этого монастыря благоговейно входили в свою церковь, где рассеивались фимиамом голубоватые кольца ладана, трагический урок соблазняющей, сладострастной и смертоносной сирены представлялся в их мысли; и затем, когда эти люди, несмотря на все послушания, все аскезы и все самые настоящие очищения, трепетали сердцами плоти, обдаваемые истинной кровью, когда эти люди повергали ниц свои взоры, то видели своими глазами, как их ноги попирали сирен... Тогда, конечно, для многих из них осуществлялось сильное слово Святого Августина: «В них смолкали призраки земли и воды, воздуха и самого неба, и их души смолкали вместе с ними» (6).

бы показать большую благосклонность, которой пользовалась по всей Франции эмблема мистической сирены.

С околдовывающей и ловкой оболстительницей это больше никак не «благое страдание», но безнадежная скорбь, возрастающая в усилиях жертвы, и я спрашиваю, какие родственные связи соединяют сирену наших мистических романов с «женским Левиафаном» (5), обитающем в

Фигура XVII. – Вспарывающая: Сирена из Мортаня (Пуату). Мощеная плитка пола, XII-е столетие

Вот почему сирена, восторжествовавшая над львами, не появляется, тем не менее, всегда побеждающей: наши отцы сумели нам иногда ее показать горько наказанной за свои злодеяния и, наподобие Левиафана, своего учителя и самодержца, оказавшейся в вою очередь в западне. Это мы видим в угле великого портала церкви Святого Якова в Диппе (Dierpe), где две сирены, пойманные в сеть, безнадежно в ней бьются.

- (1) Cf. GARUCCI, T.V.
- (2) Cf. *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. LXXIV, LXXV, col. 1805.
- (3) C. SANIER, S. J., in *Mélanges archéologiques*, T. II, p. 173.
- (4) Смотреть L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Les Sirenes des églises romanes de la region poitevine*, in *Revue du Bas-Poitou*, 1916, Livre II.
- (5) *Livre d'Enoch*, LX, 7. (Traduction de Martin), p. 120. Книга Еноха по-французски в переводе Мартена.
- (6) Saint AUGUSTIN, *Confess.* Livre IX, ch. X, 3.

Фигура XVIII. – Сирена из церкви Жюминьи (Jumigny) (Эн), XII-е столетие. Согласно безымянной гравюре

ГЛАВА СТО ЧЕТВЕРТАЯ

АМБРА

I. СЕРАЯ АМБРА ИЛИ НАСТОЯЩАЯ АМБРА

Амбра, хоть и представляется в виде минерала, относится скорее к рыбе по своему происхождению. Это плотное вещество, немного жесткое, тем не менее, размягчающееся под действием жара несколько быстрее, нежели воск, и распространяющее мускусный запах.

Амбра встречается в морской воде в плавающих сгустках в один или два локтя длиной, и натуралисты рассматривают ее как болезнетворное отложение, образованное внутри больших китообразных существ таких, как кашалоты, ламантины, стеллеровые коровы и другие.

От серой амбры происходит тонкое и проникновенное благовоние, несущее ее имя, откуда берется обычное выражение «совершенный как амбра», которое свободно применяют к нежным и изысканным духам. Благодаря сущности своего благовония амбра стала сестрой по приятности эссенций с гвоздикой, лилией и розой, с благоуханием корицы, мирры, нарда и ладана; особенно она родственна с животным мускусом, который имеют, например, куница, генетта, отдельные рыси, и который старинные бестиарии равно приписывали Пантере (1).

Благодаря чему серая амбра вошла в символика Иисуса Христа, ибо наши старые мистики сделали из нее одну из эмблем силы притяжения, которой Спаситель воздействует на души Своим державным обаянием, за которым они следуют с такой готовностью, согласно священному слову: *“In odorem unguentorum tuorum currimus”* – «Мы спешим за Тобой в благовоние Твоего помазания».

Этот аромат, созданный из всех небесных и земных превосходств, из всех божественных истечений, которые только могли произойти от Бога, совершает и человек в своей земной жизни; мистики его называли и еще просто называют «добрым благоуханием Иисуса Христа»; и человек должен внутренне приобщиться к мистикам, чтобы предположить все, что они заключили в этом выражении восхитительного изыска.

Я добавлю здесь, что в верованиях прошлого серой Амбре, как и каждому желтой амбры и вещества, называемого по ошибке черной амброй, приписывалась сила изгнания демонов, умиротворение соблазнов, безумий, патологических состояний...

(1) Смотреть выше, глава XXXVII. *Пантера*.

(2) *Breviaire romain. Office des Saintes Femmes, Ant.* Песнь Песней Соломона, Глава 1, стих 2-4.

II. ЖЕЛТАЯ АМБРА ИЛИ ЯНТАРЬ У ДРЕВНИХ

Это ископаемая порода, твердая, ломкая и полупрозрачная, золотисто-желтая, более или менее темноватая, испещренная некоторыми красноватыми прожилками оттенков вина Мускатель или бразильского огненного топаза.

В Европе встречается главным образом на побережье Балтийского моря в залежах, образованных из водорослей. Он водится также в наносах берегов французского Ла Манша (1), и отсюда древние Бретонцы им сполна запасались.

Натуралисты разошлись во мнении о происхождении желтой амбры; некоторые его рассматривают как ставшую ископаемой серую амбру; другие как смолу, затвердевший растительный сок. Как бы то ни было, наши отцы объединили серую и желтую амбру в своих символических концепциях, своих простодушных верованиях и своих более или менее суеверных практиках. Иногда даже они ей давали, как сплав золота с серебром, наименование *electrum* (2). Дион Хризостом его и в самом деле называет: «электрум, катящийся в реке и обдаваемый бурлящим потоком» (3). В отдельных областях его сближали с медом по цветовой гамме и в терапевтических составах.

С северных берегов Германии желтая амбра оказывается связанной с греческими монетами на пути, нисходящем с Днепровской долины через Киев и древний город Обрия (Obria) к Черному морю и через Дунайскую долину и Грецию (4).

От эпохи Ренна в пещерах Франции, Австрии и Моравии находят украшения из амбры, вероятно, талисманного характера (5). В то же самое время и после примитивные люди делали из нее статуэтки и идолы (6).

Гомер несколько раз говорит об амбре, помещая ее в один разряд с драгоценными камнями и среди изящных вещей (7). Янтарные бусы, впрочем, обнаружили в трех царских могилах Акрополя в Микенах (8).

Самые древние аэды Эллады приписывали происхождение бусин амбры слезам, которые сестры Фазтона оставили на земле при падении их несчастного брата (9); как Софокл, а после него Плиний, они связали то же самое происхождение со слезами птиц Мелеагра, истекших после смерти этого героя (10).

Амбра сопровождала иногда наших древних галльских вождей: один из них нашел упокоение в некрополе Сомсуа (Somsois) и сохранил в смерти великолепное кольцо из янтарных колечек (11).

Амбра, по словам Плиния, очень ценится, особенно когда прозрачная, но наиболее разыскиваемая – Фалерна, названная из-за того, что имеет оттенок вина с этого знаменитого виноградника: «Некоторые разнообразия рекомендуются из-за нежного тона засахарившегося меда. Такова непомерная цена этого роскошного вещества, поскольку маленькая человеческая статуэтка из амбры продается дороже, нежели несколько живых и здоровых рабов» (12).

- (1) Cf. J. DE MORGAN, *L'Humanité préhistorique*, p. 285. – P. DE CESSAC, *l'Ambre en France aux temps préhistoriques*.
- (2) Cf. E. MOLLINIER, *L'Emallierie*, p. 13.
- (3) DION-CHRYSTOSTOME, *Discours*, LXXIX.
- (4) Cf. Alex. BERTRAND, In *Revue archéologique*, 2e série, T. XXX, 1895, p. 332.
- (5) Смотреть DECHELETTE, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, T. I, p. 210.
- (6) Cf. L. CAPITAN, In *Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris*, T. X, 1900, VIII, p. 265.
- (7) HOMERE, *Odyssée*, IV, 23; XV, 460; XVIII, 295.
- (8) Cf. SCHLIEMANN, *Mycenes*, p. 283.
- (9) Смотреть OVIDE, *Métamorphoses*, II, 1.
- (10) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, XXXVII, 11.
- (11) Смотреть MOREL, *Le Cimetière gaulois de Somsois, pres Vitry-le-Francois*, in *Revue archéologique*, 2e série, T. XIV, 1866, p. 32.
- (12) PLINE, *Histoire naturelle*, L. XXXVII, 12.

III. АМБРА И БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО У ГАЛЛОВ

Огмиос, могущественный бог, галльский Геркулес, был для Друзидов богом человеческого красноречия, символическим выражением божественного Слова.

Во II-м столетии нашей эры греческий писатель Лукиан из Самосаты, современник Страбона, рассматривавшего Друзидов как наиболее ученых из людей, так описывал образ, посвященный друидическому Огмиосу.

«Это старик..., который держит в своей правой руке дубину, а в левой – натянутый лук; колчан висит на его плече. Этот старый Геркулес притягивает к себе значительное множество слушателей, которых делает прикованными к себе ушами; связи, соединяющие с ним, предстают маленькими золотыми и янтарными цепочками изысканной работы, подобными восхитительным ожерельям. Несмотря на слабость цепочек, пленные никак не ищут легкого побега и далеки от мысли оказывать сопротивление: их ноги теряют гибкость и, опрокинувшись назад, они радостно следуют тому, кто увлекает и наполняет их похвалами; они спешат этого достигнуть и хотели бы даже это предвосхитить; и благодаря своей пылкости они ослабляют цепочки. Наиболее странное в этом образе то, что его автор, не зная, к чему привязан конец цепей, ведь правая рука бога держит дубину, а другая лук, вообразил пронзенным конец языка бога, заставив притягивать им всех людей, которые ему внимают. Геракл, повернувшись к ним, сопровождает их доброй улыбкой...»

В рассуждении, которое Лукиан влагает в уста просвещенного Галла, идет речь именно о Слове Божием, поскольку Огмиос-Геркулес – бог; он является могущественным словом Божества, друидической концепцией божественного Логоса Греков.

Многие нумизматы, в том числе Адриан де Лонгперье (1) и Юшер (2), желали признавать образ Огмиоса на золотых галльских статирах, где вокруг главной головы обнаруживается несколько маленьких голов, соединенных вместе одной бисерной цепочкой, обыкновенно проходящей напротив рта главной головы или слишком рядом с ней. Другие авторы, например, Ш. Робер (3) и Адриан Бланше (4) имеют противоположное мнение, ведь галльский Огмиос, по словам Лукиана, являлся стариком, а основное изображение греческих статиров несет фигуру взрослого, но еще довольно молодого человека.

Эти последние авторы соглашались с Ад. Рейнахом, чтобы связать сюжет, украшающий вышеназванные монеты с «обрядом отрезанных голов» у Кельтов (5). Вполне возможно; но как бы то ни было, достоверно, что Лукиан описал друидического Огмиоса вовсе не по галльским монетам, ведь у него видно лишь, что пленные «далеки от мысли оказывать сопротивление: *их ноги теряют гибкость и, опрокинувшись назад*, они радостно следуют тому, кто увлекает и наполняет их похвалами»; тогда как на статирах присутствуют только головы; из текста Лукиана остается один галльский Огмиос-Геркулес, являвшийся для этих полу-варваров одним из аспектов Божества, и Слово этой сущности со своей притягательной силой символизировалось с золотыми и янтарными цепями. Это сказано в соответствии с Лукианом вне всякого нумизматического свидетельства.

Дальше мы увидим, что мед, как и амбра, связывался с символизмом божественного Слова, и мы поспешили прочесть у Плиния, что амбра цвета засахарившегося меда была больше востребована, нежели другие. Крестьяне на Западе Франции называют еще бусины янтаря медовым бисером Младенца Иисуса, Иисуса, являющегося Словом Божиим, для Которого католическая символика испрашивает все, что было в дохристианские времена связано с Логосом, с творящим и всемогущим Словом Божиим.

-
- (1) A. DE LONGPERIER, In *Revue archéologique*, septembre 1849, et *Revue numismatique*, 1850, p. 1850, p. 102.
 - (2) HUCHER, *L'Art gaulois*, Ire Part., p. 10.
 - (3) Ch. ROBERT, *Comptes rendus académique des Inscriptions*, T. XIII, 1885, pp. 268 et suivantes.
 - (4) Adrien BLANCHET, *Op. numism.*
 - (5) Смотреть Ad. REINACH, *Le rite des tetes coupées chez Celtes*, in *Revue historique des Religions*, T. LXVII, 1913, № 1, p. 44.

IV. АМБРА В НАРОДНЫХ И ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Вероятно, с отдаленных времен кельтского Огмиоса существует в некоторых кантонах французской Бретани обычай, практикуемый женщинами в день их замужества надевать на шею скорее как талисман, нежели как традиционное украшение старинные колье из неравномерно цилиндрических бусин желтой или красной амбры. Считается, что эти зерна предохраняют от чумы, от ядовитых укусов, а особенно от колдовства и влияния демонов; вот почему их владельцы часто не желают с ними расставаться даже за большую цену.

Эти ожерелья называются *gagaud pateraenneau* – «глотки зерен амбры» (1).

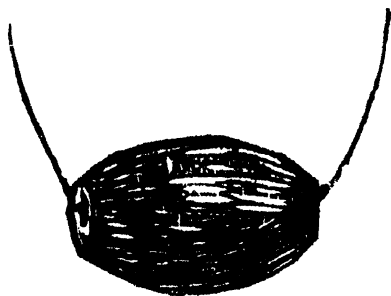
Древние христианские усыпальницы меровингских времен и Средневековья часто возвращают украшения более или менее похожие на бретонские колье. Я нашел бусины красной амбры в захоронении VI-го века в Мутерр-Силли (Mouterre-Silly) (Вьенн), где покоился ребенок семи или восьми лет (2). Тот же самый обычай приносить зерна янтаря детям существует еще во Франции. Народная доверчивость связывает с этими бусинами, иногда называемыми «Медом Младенца Иисуса» (3) удивительные свойства, обязанные особому благословению, данному Божиим Младенцем меду из Назарета. Отсюда перешла к амбре ее могущество по отношению к inferнальным силам, например, свойство легко элекризоваться трением и притягивать к себе легкие тела.

В других местах бисер (4) амбры назывался «бусины переполнения», поскольку они умеряли у тех, кто их почтительно носили, разлив греховных настроений, как они предохраняли от воздействия колдовских чар, колдунов всех степеней и демонов всех видов: то же самое производило благоволение из серой амбры, как некогда считалось в других менее деревенских кругах (Фигура II).

В том же духе сжигали возле агонизирующих людей порошок амбры. Ее сжигали

Фигура I. – Древний крест из амбры (янтаря), происходящий из Сен-Совёр-ле-Виконт (Saint-Sauveur-le-Vicomte) (Ла Манш). У господина каноника А. Лерозей (Lerosey)

Фигура II. – Зерно амбры, называемое «бусиной переполнения».

У мадам Мари Луазо (Loiseau) из Сен-Аман-сюр-Севр (До-Севр)

также в качестве ладана рядом с усопшими: это делалось, в частности, на похоронах маленького французского короля Иоанна, посмертного сына Людовика X (5).

Несомненно, в том же самом смысле большую пользу оказала амбра в производстве изящных четок, «бисер которых перебирался пальцами и нагревался от соприкосновения, распространяя свое благоухание» (Фигура I) (6).

Одна Инвентарная опись сокровищницы Карла V, короля Франции, за 1379 год упоминает пятнадцать "*patenostres*" из бусин амбры.

- (1) Смотреть G. DE CLOSMADÉUC, in *Revue archéologique*, 2e série, T. XII, 1865, p. 433. — J. DECHELETTE, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, T. I, IX, 2, p. 579.
- (2) L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Les Sépultures franques de Mouterre Silly*, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, année 1912, IVe Livre.
- (3) Сведения от госпожи Мари Луазо, Saint-Amand-sur-Sevre (D. S.), 1901.
- (4) Область Анжу, Турени и Пуату.
- (5) *Comptes royaux*, année 1316. Королевские счета, год 1316.
- (6) Léon DE LABORDE, *Glossaire français du Moyen-âge*, p. 127.

V. ЧЕРНАЯ АМБРА

Черной амбры не существует; но в Ирландии, в Великобритании и во Франции гагат, черный янтарь некогда рассматривался в качестве черной амбры; и, поверив этому убеждению, те же самые антидемонические свойства, наряду с серой и желтой амброй, приписывались гагату.

Четки "*patenostres*" из гагата, называемого черной амброй, фигурируют в Инвентарных описях королевы Клеменции, 1326 год, французских королей Карла V и Карла VI, 1379 и 1390 гг., герцога де Берри, 1416 год, и т. д.

Гагат жгли в домах во время эпидемий и рядом с агонизирующими людьми, чтобы удалить от них Сатану и его клеветников, как говорит Коллен де Планси (1).

Итак, известно, что все относящееся к борьбе против Духа Зла, против его агентов и против их дел, более или менее прямо связывалось христианской мыслью с Иисусом Христом.

- (1) COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, p. 282.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

РЕПТИЛИИ

ГЛАВА СТО ПЯТАЯ

НИЛЬСКАЯ ГИДРА

КРОКОДИЛ

І. РОЛЬ КРОКОДИЛА В ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

С тех пор, как Греки вообразили миф, сделавший Геркулеса победителем Лернейской Гидры, ужасающей рептилии, семь голов которой постепенно отрастали по мере их усекновения, одно имя этого чудовища стало темой страха и отвращения, и гидры пополнили число проклятых животных, составленное тогда человеком.

Каким же образом христианским символистам, предшествующим правлению Святого Людовика, удалось сделать из Нильской гидры и с ее именем эмблему искупителя мира?

Причину этого мы обнаруживаем в удивительных рассказах древних греческих и римских натуралистов, относящихся к крокодилу, привычки которого они, кажется, знали плохо. *Physiologus*, а затем произошедшие от него наши Бестиарии Средневековья, усиливались еще античными мечтаниями, ибо мы в них читаем, что крокодил является единственным зверем, горло которого взирает на небо, тогда как его ноздри, глаза и уши открываются внутрь его головы.

Фигура I. – Римская монета из Нима.
Из кабинета автора

Фигура II. – Монета Августа.
Cf. A. DE BARTHELEMY,
Op. cit.

Художники XII-го и XIII-го столетий, иллюстрировавшие миниатюрами рассказы их современников, были плохо документированы, сверх того, изображали эмблематического крокодила скорее как большое толстокожее животное, нежели как большую ящерицу в несколько метров длиной!

Лучше осведомленными являлись римские медалисты, поскольку они его совершенно представляли, особенно на монетах из Нима (Фигура I) и на монете Августа, где пресмыкающееся персонифицирует собой завоеванный Египет, *Aegypto capta* (Фигура II).

Бестиарии его называют крокодилом и даже катриксом; и это последнее имя, как мы и говори-

ли, еще давалось в некоторых французских деревнях особенному яйцу, из которого, как считалось, рождались василиски.

В Древнем Египте, где он наводил ужас на побережья Нила, для предохранения от него использовались магические рецепты. В эмблематике он изображал Сета-Тифона и его сына Мако, персонификации Зла, о чем нам сообщает Плутарх (2). Вот почему памятники нам показывают крокодила под ногами Гора; тем не менее, некоторые племена его почитали как бога (но не как Бога) под именем Себека, несомненно, в продолжение геральдической роли и, быть может, тотемической у далеких предков (Фигура VII) (3).

Еще сегодня культ крокодила существует исключительно в нескольких населенных пунктах Судана и южной Нигерии, особенно в Ибадане, главной городе этой страны. Там почитается в водоеме, расположенном в центре агломерации, огромная ящерица, живущая там, как считается, в течение ста пятидесяти лет.

Христианская эмблематика, никогда не имевшая симпатии к этому зловредному зверю, сделала его олицетворением самого Ада, несомненно, из-за огромных размеров его пасти, пожирающей маленькую рыбу и животных, коими питается. Художники по стеклу, миниатюристы и первые граверы по дереву, предшествующие Ренессансу, разве не изображали часто вхождение в преисподнюю через раскрытую пасть драконообразного чудовища, в которую демоны запихивают осужденных? Итак, дракон не что иное, как крокодил с привитыми к нему крыльями.

(1) Cf. A. DE BARTHELEMY, *Nouveau Manuel de numismatique ancienne*, Pl. II, № 55.

(2) PLUTARQUE, *In Isis et Osiris*.

(3) Cf. Ph. VIREY, *La Religion de l'ancienne Egypte*, pp. 184, 188, 218.

II. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ НИЛЬСКОЙ ГИДРЫ В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Инфернальному крокодилу христианская эмблематика противопоставляла страшно опасного врага; это *Нильская Гидра*, из которой сделали одну из эмблем Христа, победителя Преисподней.

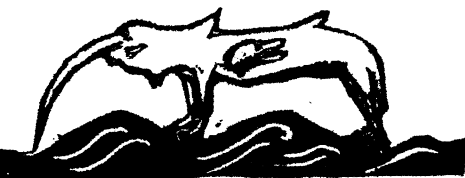
Бестиарий Петра Пикардийца описывает Нильскую Гидру как длинную и тонкую рептилию или скорее как вид небольшого дракона, обитающего в воде. Другие ее смешивали с мангустром-ихневмоном, описывая как маленькое земное четвероногое животное (1). В конце концов, возможно, что прототипом Нильской гидры был варан, большой ящер, живущий по краям африканских вод от французского Судана до берегов Нила (2), но который, в действительности, пребывает в мире с сильными крокодилами.

Эта гипотеза может сослаться на то, что от пределов египетской Нубии до сахарских областей Томбукту варан рассматривался как священное живот-

ное. Туареги, по словам Бенхазеры, воздавали и еще воздают культ варану, называемого Арабами «ураном» и Туарегами «ар'ута». Благородные люди этого племени не убивают и не едят этого животного.

«Известный с далекой древности, варан изображался на памятниках Египта, Геродот называл его «земным крокодилом», хотя он был близким родственником ящериц, нежели крокодилов» (3).

Как бы то ни было, вот сказанное нам о гидре самым старым языком Вильгельмом де Норманди, писавшим в конце XII-го столетия: «Гидра является очень мудрым животным, способным доставить неприятность Кокатриксу. Кокатрикс – это высокомерный зверь, живущий в реке Нил. Он имеет двадцать локтей в длину, четыре ноги, вооруженные ногтями, острые

LE YDRE ET LA COCODRILLE
LCL

Фигура III. – Согласно одному Бестиарию из Национальной Библиотеки, XIII-е столетие.

Cf. Ch. CAHIER, *Op. cit.*,
T. II, Pl. XXV, C. o.

LA COCODRILLE

Фигура IV. – Согласно иллюстрированному Бестиарию из Библиотеки Арсенала в Париже, XIII-е столетие. Cf. Ch. CAHIER, *Op. cit.*, T. II, Pl. XXV, AT.

и режущие зубы. Если он встречается человека, то убивает его, из-за чего становится безутешным весь остаток своей жизни (4). Смертельно ненавидящая кокатрикса гидра замечает его, когда тот спит на солнце с открытым ртом; она сворачивается и скрывается в песке, и когда уже хорошо им укрыта, то появляется перед кокатриksom и, устремляясь в его пасть, входит в его живот и терзает его «внутренности, кишки и органы», и весело выходит, пронизывая бок своего врага. Последний, будучи «не в силах вылечить такие раны», умирает от этого (5). Или, по крайней мере, вскоре умрет!

Здесь вспоминается легенда об ихневмоне, покрытом глиной, чтобы атаковать аспида, миф, которому Аристотель и Плиний оказали гостеприимство в своих знаменитых произведениях (6).

Рассказ Петра Пикардийца мало чем отличается. Когда, по его словам, кокодрилл (cocodrille) замечает по соседству гидру, то обрушивается на нее и пожирает ее, «поглощая целиком живой», но гидра вскоре разрывает его внутренности и выходит через его брюхо, всегда «полностью живой», смертельно изранив его (Фигуры III, IV и V) (7).

LCL

Фигура V. – Гидра и кокодрилл.
Согласно Бестиарию
из Национальной Библиотеки
в Париже, XIII-е столетие.
Cf. Ch. CANIER, *Op. cit.*, t. II, Pl. XXV, C. G.

Апостола Павла: “*Ubi est Mors, victoria tua?*”; «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (8)

Вот почему Вильгельм де Норманди заключает следующим образом (9):
«Кокатрикс обозначает смерть и преисподнюю, и не сомневайтесь в этом; и поскольку его убивает Гидра, постольку Наш Господь Иисус Христос, облачивши Свое Божество в плоть человеческого тела (как и гидра оборачивается в глину) вошел в ад, чтобы из него освободить Своих друзей, и можно сказать вместе с Пророком: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! Где твое жало? ад! где твоя победа? Раскаяния в том не будет у Меня» (10).

Петр Пикардиец, со своей стороны, говорит также, что обозначает гидра: «Наш Господь Иисус Христос, принявший плоть в Деве Марии, был казнен на кресте, после вошел в кокодрилла, то есть спустился в преиспод-

Не более чем старинный автор *Physiologus*’а, которого они повторяли, Вильгельм Нормандец и Петр Пикардиец не потрудились узнать, насколько рассказанное о двух странных обитателях Нила было воображаемым или реальным: для них стало необходимым и обладавшим значением только извлечь отсюда образ триумфа Иисуса Христа над Преисподней и над смертью, дабы располагать эмблемой, с коей связать в надписи слово Святого

LCL

Фигура VI. – Миниатюра из рукописной книги
XIII-го столетия

❧❧❧

Фигура VII. – Тифонианский крокодил. Скульптура последних времен античного Египта

нюю, откуда он вышел, освободив Своих друзей, согласно сказанному в Писании: “*O mors, ero mors tua*” – «От смерти избавлю их...»

Таков символизм христологической гидры, теоретически уста-

новленной во времена наших королей Капетингов.

В области иконографии убранство алтаря Нарбонны, находящееся в Лувре, и которое приписывают кисти Иоанна Орлеанского от XIV-го столетия, изображает Иисуса, стоящего с Крестом в руке перед огромной открытой пылающей пастью одного ящера – кокодрилла Бестиариев – и освобождающего Адама прежде других праведников (11).

Еще лучше одна миниатюра, отделенная от рукописной книги XIII-го столетия, нам показывает Христа, как бы выходящим, наподобие гидры, из бока крылатого крокодила (Фигура VI) (12).

Следовательно, победоносная борьба Гидры с Крокодилом является иллюстрацией *descendit ad inferos* (сошествия в ад), которое читается в *Символе Апостолов*, и которое часто интерпретировалось в Средневековье в театрализованных и более сложных художественных композициях.

(1) Например, Альберт Великий – ALBERT LE GRAND, *De Animalibus*.

(2) Cf. L. HENRIQUE, *Les Colonies francaises (Afrique)*, T. V, p. 235.

(3) Maurice BENHAZERA, *Les anciennes Croyences des Touareg du Nord*, in *Atlantis*, T. VI, 1933, p. 133.

(4) Отсюда, быть может, общеизвестное выражение «крокодиловы слезы».

(5) Смотреть Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin, De Ydru*. Edition Hippeau, pp. 134, 244.

(6) PLINE, *Histoire naturelle*. Livr. VIII, 36; ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, Livre IX, ch. VII, 4.

(7) Cf. Ch. CAHIER, *Bestiaires*, in *Mélanges archéologiques*, T. III, p. 212.

(8) *Первое Послание к Коринфянам Святого Апостола Павла*, Глава 15, стих 55.

(9) Cf. J. Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XIX, *De Ydru*.

(10) Книга Пророка Осии, Глава 13, стих 14.

(11) Смотреть Ch. CAHIER, *Op. cit.*

(12) Смотреть E. MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*, p. 11, fig. 8.

(13) Личное собрание документов, L. Ch. L.

(14) Смотреть в особенности произведения Гримуара де Сен-Лорана, Монсеньора Барбье де Монто и Эмиля Маля.

ГЛАВА СТО ШЕСТАЯ

ЗМЕЯ

I. ЗМЕЯ В ДОХРИСТИАНСКОМ СИМВОЛИЗМЕ

В общем изучении религиозного или философского символизма прошлого змея представляет собой наиболее широкую и объемную тему из всех затрагиваемых; но здесь в отношении дохристианского прошлого змея я обойдусь лишь кратким, но вполне достаточным содержанием.

а) В Египте.

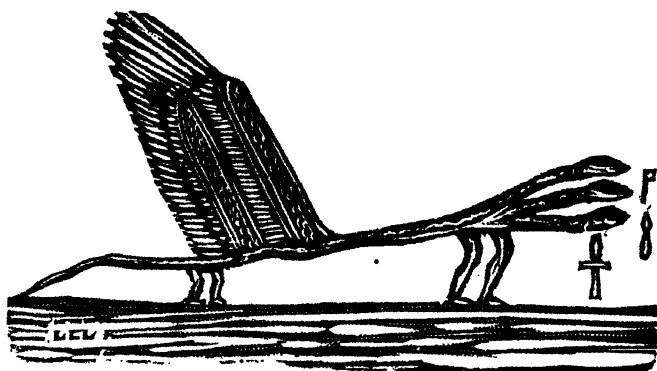
Кажется, что именно в религиозном символизме Египта змея играла самые известные нам роли. Поначалу она изображает «Великого Бога», тройственного и единого, власть которого над небом и над землей; отчего эта рептилия наделена ногами человека и крыльями, как мы ее видим в храме Фараона Сети I (Фигура I).

Богиня-змея, лечившая различные человеческие заболевания (1), называвшаяся по-другому Великой от Волшебства, изображалась магическим жезлом со змеиной головой (2); богиня Севера *Уаджит* представлялась также в виде змеи (3).

Души богов, вторичных божеств, отличающихся от великого и единого Бога, являвшиеся только обожествленными душами предков, выбирали свои земные пристанища в телах змей (4): «Душа всякого бога, — говорит текст на могиле Сети I, — находится в змеях». В храме Дендеры, античном Тентирисе, другой иероглифический текст именует этих рептилий: «Живые

души Тентириса, августейшие боги Тентири-са, божественные гении с лицами змей» (5).

Из-за этого и в качестве воплощения на земле добрых гениев змеи рассматривались как покровители над несколькими большими египетскими городами — Мемфисом, Дендерой и Коптосом, например. Священная уреус, гадюка

Фигура I. — Иероглиф Великого Бога
в храме Фараона Сети I

Хаже, покровительствующее фараонам божество, обвивалась вокруг их короны и защищала их чело (Фигура II).

Все почитаемые змеи имели свои собственные имена: *Кнумис*, *Амону* (*Сокрытая*), *Анк-Мутеру* (жизнь богов), *Тока-хер* (Лицо Пламени) и т. д. В противоположность этим божественным и добродетельным змеям появился *Анон* или *Апофис*, принцип Зла, повелевавший всем зловредным духам. Именно Апофис, побежденный Ра, иногда изображается змеей, попираемой ногами божественных образов (6); это также *Тифон* или *Сет*, другая персонификация бога Зла, побежденного Гором.

Кажется, только в Египте, откуда происходила практика древней Магии, было принято использовать в качестве священных жертв лишь двух хладнокровных живых существ: змею и скарабея (7).

б) В Западной и Южной Африке.

С самых отдаленных времен чернокожие африканцы воздают змее различные культы, от которых они еще не избавились. Племя Динкас в центральной Африке собирает и почитает как родителей некоторых змей, часто хорошо приручающихся, в особенности Питонов; они видят в них сверхъестественных существ, живущих в этом мире, в которых превратились духи их усопших предков, – подробное верование одинаково существовало в несколько отличном виде и у древних Египтян (8).

Иногда аналогичные идеи обнаруживаются с культом, еще недавно требовавшим кровавых жертвоприношений в верховьях бассейна реки Замбези, в верховьях Шари, на Лунных горах, в центральной долине Нигера. В Дагомее миссионеры жалуются на господствующее место, занимаемое змеей в религии и фетишизме чернокожих, и на благоговейный страх, с которым она у них почитается: туземцы простираются перед рептилиями как перед понимающими и опасными богами, коих они не любят, но коих устрашают (9). Документы, приведенные на Колониальной Выставке от 1931 года, подтвердили эти этнологические данные (10).

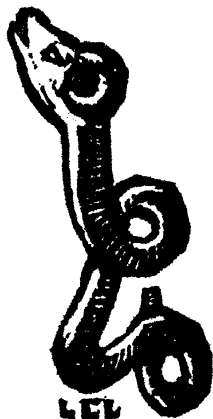
в) На Востоке.

Античные религии Ассирии, Элама, Халдеи, Сузианы, Мидии и еще в наши дни верования Индии, Китая и Японии нам представляют всякую змею либо как бога, либо как доброго или злого гения, находящегося вблизи или далеко от божественного естества.

Брахманизм и Буддизм имели и еще имеют своих более или менее божественных змей, добрых или злых, какова, например, змея, побежденная Индрой, торжество которого воспевают один из гимнов *Риг-Веды* (11).

Фигура II. – Двойная тиара Фараонов, обвиваемая уреус Хаже

Фигура III. –
Змея-криоцефал
на галло-римском
алтаре в Мавильи
(Кот-д'Ор)

Таковы фантастические змеи, в которые, по китайским верованиям, воплощаются души святых и прославленных знаменитостей, как, например, трансцендентная змея Тч'анг-хао с горы Мей-чан.

г) В Греции и на Ближнем Востоке.

У древних наций берегов восточного Средиземноморья змея занимала свое место в числе религиозных церемоний, например, в обрядах культов Астарот, Астарты Сидонян.

Греки также знали таинственных и небесных змей: наиболее божественной была змея Загрея-Диониса; наиболее inferнальной – *Пифон*, змея Аполлона.

Известна легенда о Дионисе, сыне Деметры, Матери-Земли, и прозванном Загреем, которого Титаны разорвали на куски, из которого один – сердце – был найден Афиной; тогда сердце воскресло, дав рождение новому Загрею (12), олицетворяемому рогатым змеем, названному тождественно как *Zagreus*. В праздновании мистерий Дионисоса-Сабазисоса вводилась золотая змея, являвшаяся безобидным живым ужом и находившаяся сверху облачения кандидатов к посвящению; ее извлекали снизу платья (13), воспевая загадочный стих:

«Телец – отец Дракона, и Дракон – отец Тельца». Это относилось под прискорбным покровом непристойного реализма к поставленным вопросам трансформации души и духа (14). Отсюда же знаменитая формула: «Змея никогда не становится летающим драконом, если не пожрет другую змею».

Происходящая каждый год замена кожи на змее являлась у Древних символическим образом счастливых ментальных и иных превращений человеческого существа; и некоторые христианские мистики были связаны с этим символизмом, говоря о том, что верный должен совлечь с себя «ветхого человека» как змея избавляется от своей нежелательной оболочки, чтобы «создать новую кожу».

Змея была знаком жриц Диониса-Вакха; они украшались ее образом или носили живых змей с собой (15).

Греция и после нее Рим рассматривали некоторых змей как воплотивших в себя гений Добра – *Daimon-agathos* (16), и этот *Агато-демон* представлял еще одной из персонификаций Вакха-Диониса (17). В Пропонтиде существовало одно племя, называемое Офиогенами, верившее в свое родство со змеями: «В этом семействе, – сообщает Страбон, – все мужчины лечат укусы гадюк наложением рук на рану... Осведомленные люди подтверждают, что семейство имело в основателях героя, сделанного из змеи человеком» (18). Существовало также другое племя Офиогенов во Фригии, которое Плиний по ошибке помещает на острове Парос, и верившее, будто произошло от священного змея и Алии (*Halia*) (19). Эти кланы естественным образом рас-

смаатривали змею как своего семейного стража и как участвующую в божественной природе (20).

Этот Агатодемон, гений Добра, Жизни, Блаженства, рожденный, как и Загрей, от Деметры, Матери-Земли, выходит из ее лона и поднимается вдоль жезла Асклепия-Эскулапа, бога Медицины; он пребывает, таким образом, в своей роли божества-хранителя, поскольку является символом обновления и восстановления жизни.

В прекрасном мифе о Делосе, воспевающем сражение Аполлона с Пифоном, эта огромная и чудовищная рептилия появляется, наоборот, как воплощение зла: ужас людей и стад животных, он обитал в пещере на горе Парнас, откуда далеко простирались его опустошения; Аполлон под видом красивого юного дитя спускается с Эмпирея, вооруженный своим страшным луком и пламенеющим факелом, брошенным им внутрь пещеры, и когда разъяренное чудовище появляется на пороге, бог света, «бог, который поражает издалека», его изрешечивает непреодолимыми стрелами. Пригвожденный к земле Пифон корчится от скорби и бешенства и в потоке ядовитой слюны и крови испускает свое последнее дыхание.

Ланоз-Виллен видит в этой мифической битве воспоминание о борьбе «доисторических людей против первых чудовищ, населявших земной шар» (21). Карло Паскаль находит здесь воспоминание о космических событиях и смертоносных миазмах, победоносно уничтоженных Аполлоном-Солнцем (22). Древние христианские символисты признавали в этом вечную борьбу Добра со Злом; они даже аллегорически сближали ослепительного стрелка Делоса с победившим змея преисподней Христом, Глаголом, божественным Словом, брошенным против Зла, чтобы его сокрушить; и часто ли сравнивалось последнее с выпущенной стрелой мощным и точным луком?

д) В Галлии.

Друиды, которые, по словам Страбона, считались одними из самых ученых людей древнего мира, сокрыли под эмблемой змеи несколько из возвышенных концепций своего таинственного учения. Кажется, они вполне восприняли мысль прочего античного мира, сделавшего из змеи, происходящей от Матери-Змеи, откуда весной она появляется как бы обновленной, образ Жизни.

В некоторых областях кельтской расы зародыш яйца, имеющий вид змееобразной нити, еще называется «змеей жизни» (23). Он отождест-

Фигура IV. – Змея-криоцефал на галльском алтаре из Монлюсона

Фигура V. – Змея-криоцефал в руке галльского бога из Виньори (От Марн). Согласно Alex. BERTRAND, *Revue archéologique*, 3e serie, T. IV, 1894, pl. VII, 19

вляется многими античными преданиями с источником живой воды, выходящим из земли и извивающимся змеей по полю, с ребенком, взламывающим таинственную дверь, чтобы вступить во внешний мир и двигаться здесь (24). Змея, выползающая из земли, рассматривалась знающей все секреты, вот почему наиболее старые легенды делают из нее, как и из дракона, хранителя сокрытых сокровищ, металлических, целительных и магических сокровищ.

Знаменитый знак S, водный или соляренный, разве таинственно не родственен со змеей, как одновременно и с зародышем жизни?

Собрание галльских статуй и галльская иконография нам очень часто показывают друидическую змею, наделенную рогатой головой овна.

Мы находим ее на галльских алтарях Мавильи (Кот-д'Ор) (Фигура III) (25) и Монлюсона (Montluçon) (Фигура IV) (26).

Изображения богов, держащих в руке змею-криоцефала (с головой овна), были открыты в Монлюсоне в Эпинале, в Отель-Дьё в Париже, в Виньори (Vignory) и т. д. (Фигура V).

Определенные отношения, о которых сообщали Древние, между Кельтами, Фракийцами и Иллирийцами, кажется, позволяют сблизить данных рогатых рептилий друидической Галлии с Загреем, рогатым змеем орфических мистерий Фракии и Греции (27). Мы обнаружим дальше эти сопоставления, изучая символизм морского Ежа.

(1) Cf. MASPERO, *Bibliothèque égyptologique*, T. II, pp. 405-407.

(2) Cf. Ph. VIREY, *Réligion de l'ancienne Egypte*, p. 230.

(3) Cf. VIREY, *Ibid.*, p. 112.

(4) *Ibid.*, pp. 40-45.

(5) Hip. BOUSSAC, de l'Institut du Caire, *Le Serpent de la Genese*, in *La Nature*, I, janvier 1931.

(6) Cf. Gustave LE BON, *Les premières Civilisations*, p. 268.

(7) Cf. Le maître THIRION, *La Magie en théorie et en pratique*, in *Revue Int. des Sociétés secrètes*, T. XXI, 1932, p. 161.

(8) Про культ змей в Дагомее смотреть А. DEMAISON, *Les Rois du Dahomey*. Illustration, T. 92, № 4. 756, avril 1934.

(9) Cf. *La Croix*, 3 aout 1927.

(10) Павильон Католических Миссий.

(11) Смотреть А. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique ou Légedes animales*, T. I, 84.

(12) Смотреть Mario MEUNIER, *La légende dorée des dieux et des Héros*, p. 206.

(13) Cf. F. LENORMANT, *Sabazius*, in *Revue archéologique*, 2e série, T. XXVIII, 1874, p. 305.

- (14) Смотреть Clément D'ALEXANDRIE, *Stromates*, II. – NONNOS, *Les Dionysiaques*, V et VI. – H. ROUX, *Herculanum et Pompei*, T. VIII, p. 140.
- (15) Cf. PLUTARQUE, *Sympos.*, III, 5. – NONNOS, *Les Dionysiaques*, XIV et XV. – ARNOBE, *Traité contre Gentils*, V.
- (16) Cf. VIRGILE, *Eneide*, V, 90-95.
- (17) Cf. BIARDOT, *Explication du symbolisme des terres cuites grecques a destinations funéraire*, p. 38.
- (18) STRABON, *Géographie*, XIII, traduction Tardieu, p. 588.
- (19) Смотреть PLINE, *Histoire naturelle*, XXVIII, 30.
- (20) Смотреть S. REINACH, *A propos d'un stamnos béotien*, in *Revue archéologique*, 3e série, T. XL, 1902, p. 383.
- (21) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 140.
- (22) Carlo PASCAL, *Studii antichita e Mitologia*, XII, Milan, 1896.
- (23) Cf. J. MOREAU DE LA RONDE, *Notes manuscrites*, 1868.
- (24) Мы увидим дальше, как змея Уроборос была взята в качестве символа движения.
- (25) RENEL. *Les Religions de la Gaule avant le Christianisme*, p. 245.
- (26) Alex. BERTRAND, *L'Autel de Saintes et les Triades gauloises*, in *Revue archéologique*, 2e série, T. XL, 1880, p. 15.
- (27) Смотреть Salomon REINACH, In *Revue archéologique*, 1891, I, pp. 1-6; et 1897, II, pp. 313-326. – ZAGREUS, *Le Serpent cornu*, in *Revue archéologique*, 1899, p. 216.

II. СИМВОЛ СВЕТА

Это один из самых известных современным людям смыслов, когда змея стала у Древних эмблемой Света (1). От Финикии до Халдеи древние предания сближали со змеей молнию, пронизывающую небо и ошеломляющую; вот почему рептилия являлась в этих странах символом огня (2). Искусство этих пределов знало о двух светящихся змеях: одна коронована лучами (Солнце), а другая – возрастающий месяц (Луна); два светильника дня и ночи; изображаемые вместе рядом с тремя звездами, что составляло символический образ пяти планет, бывших в Халдее, как об этом нам сообщает Диодор Сицилийский, пять управляющих мирами господ неба (3).

В Египте гадюка Хаже, священная уреус фараонов, являлась одной из солнечных эмблем; у Греков с героических времен радуга, наиболее ясная манифестация небесного света, была аллегорически выражена тремя голубыми змеями. Гомер нам сообщает, что этот символ отображался на панцире Агамемнона с аллюзией на радугу Ириды, «как памятный для людей знак, начертанный Зевсом в небесах» (4).

Более явно латинский автор Макробий нам говорил: «Образ змеи имеет отношение и к самому солнцу, потому что солнце всегда как бы от некоторой дряхлости самого предельного снижения возвращается на надлежащую высоту, как к силе юности. С другой стороны, [то], что змея находится среди особых изображений солнца, показывает также образование [ее] имени, потому что она была названа от [слова] *деркейн*, то есть [от слова] «видеть». Ведь сообщают, что эта [наша] змея весьма подобна природе данной звезды зорким и недреманным оком, и потому змеям поручают охрану сокровищ

храмов, святилищ, оракулов» (5). Макробий жил в V-м столетии нашей эры; он был христианином и сотрапезником императора Феодосия Младшего: в его эпоху символизм еще связывал змею со светом.

Иконографическая тема, датируемая отдаленными временами, показывает нам Святого Иоанна Богослова, держащего своей голой рукой чашу, откуда ускользает змея. Некоторые художники изображали того же самого Евангелиста пьющим из этой чаши; что нам отображает прекрасная гравюра Бертелли, датируемая 1583 годом. Агиографы нам предоставили следующее объяснение к этому изображению: Святой Иоанн, испив содержимое от ядовитой чаши, не испытал никакого неудобства, поскольку яд ускользает от него под видом змеи, ведь Господь в Своем земном пребывании, что Его святые смогут безнаказанно пить смертоносные напитки. Позволено думать, что изначально чаша представляет собой евангелическую доктрину Святого, целиком созданную любовью и верховным светом, и видеть в змее, которая из нее ускользает, образ этого света, от нее отделяющегося: Святой Иоанн разве не был самым чарующим певцом божественного Слова, света мира?..

«В Нем (в Слове) была жизнь, и жизнь была свет человеков...

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир...» (6)

Итак, все Евангелие от Святого Иоанна показывает Иисуса в качестве нисшедших на землю Жизни и Света для спасения людей. Его Первое Соборное Послание предписывает изначально христианину «ходить во свете» (7). И его Апокалипсис есть единственная поэма в честь небесного света, «ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» (8).

Изображения Святого Венедикта Нурсийского сопровождаемы также сосудом, откуда убегает змея, но этот сосуд разбивается. Иногда он препровождается хлебом, откуда исходит другая рептилия, как мы видим в Сен-Жермен-де-Пре в Париже: это образ яда, опрокинутого в пищу святого преступными и ложными братьями, как гласит золотая легенда. Последнее никак не доказывает, что отсюда действительно идет мысль, заставившая появиться символу, быть может, имевшему место выше.

(1) Смотреть P. LE COUR, *A la recherche d'un monde perdu*, pp. 43, 90, etc.

(2) Cfr. Ch. VELLAY, *Le Culte d'Adonis Thamous dans l'Orient antique*, 2e Part., I, p. 81.

(3) Cf. E. SOLDI, *Les Cylindres babyloniens*, in *Revue archéologique*, 2e série, T. XXVIII, 1874, p. 152.

(4) HOMERE, *Iliade*, chant XI.

(5) МАКРОБИЙ, *Сатурналии*; пер. с лат. и греч., прим. и словарь В. Т. Звиревича. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2009. – 372 с.; Книга 1, (20, 1-3).

(6) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 4, 9.

(7) *Первое Соборное Послание Святого Иоанна Богослова*, Глава 1, стих 5-7.

(8) *Откровение Святого Иоанна Богослова*, Глава 21, стих 23.

III. ЗМЕЙ – ИСКУСИТЕЛЬ КНИГИ БЫТИЯ

Именно Книга Бытия нам повествует о непослушании Адама и Евы повелениям их Творца и о божественных проклятиях, поразивших наказанием человеческую расу и род змея (1). Моисеев рассказ не оставляет места двусмысленности, относительно роли, исполненной в этой сцене змеем: он здесь – искушитель, соблазнитель, лжец и само воплощение Духа Зла.

Фигура VI. – Увеличенное раскрытие вавилонского цилиндра из Британского Музея

Наиболее древний рас- полагаемый нами образ к этой библейской страни- це обретается начертанным на вавилонском цилиндре, находящемся сегодня в Британском Музее Лон- дона; он – отголосок древнееврейского расска- за, продолженного в Хал- дее: на нем мы видим де- рево, стилизованную паль- му, снабженную плодами двух видов; по обоим сто- ронам от дерева сидящие

мужчина и женщина, тянущие каж- дый свою руку к запретному пло- ду; сзади женщины змея, вставшая на свой хвост (Фигура VI). Осно- вываясь на очень серьезных доку- ментах, господин Буссак из Каир- ского Института утверждает, что данный артефакт предстает более поздним по отношению к рассказу Моисея, являясь его повторением в вавилонском стиле (2).

Первые христианские художни- ки не преминули отобразить эту библейскую сцену грехопадения, и для ее характерности они часто навязывали змею человеческое лицо, лицо молодого человека, иногда улыбающегося Еве; таким его мы видим в римских катаком- бах Святой Агнессы; но еще чаще змей имеет женскую фигуру, как,

LLL

Фигура VII. – Согласно *Arca Mystica* Рихарда де Санкт-Виктора, издание Иоанна фон Амербаха, 1492 год

например, на простенке кафедрального собора Амьена, на фреске Микеланджело в Сикстинской Капелле, на фреске Рафаэля в Ложях Ватикана, на удивительной инкунабуле *Arca Mystica* Рихарда де Санкт-Виктора, вышедшей в 1492 году в Базеле у Иоанна фон Амербаха (Фигура VII) и, наконец, на нагруднике ангела на картине Николая Фромана (Nicolas Froment) в кафедральном соборе Э-ан-Прованса (3) и т. д.

Доброе число произведений искусства первых христианских столетий, изображавших Эдемское искушение, бесспорно вдохновлены более древними живописными примерами Ясона и волшебницы Медеи. Расположение этих персонажей, как справедливо сообщает Дом Леклерк, «помещенных с обеих сторон дерева, на котором извивается змея, слишком

Фигура VIII. – Драконопеда.
Согласно *Hortus sanitatis* Иоанна
де Кюба; издание Филиппа
Ле Нуара от 1539 года

очевидно напоминает сцену, воображаемую первыми христианами для передачи библейского рассказа, пусть даже и не должно предполагать соотношений между двумя композициями» (4).

К концу XV-го столетия Иоанн де Кюба писал, что *Драконкопеды* (*Draconcopedes*) являются большими змеями, имеющими лицо как лица человеческих девиц и правдоподобно, что они происходили из рода змей, которых использовал дьявол для соращения Евы в Эдеме, привлеки женщину форму, подобной ей самой (Фигура VIII) (5).

Некоторые авторы XIX-го столетия думали, что придавая, таким образом, Змею земного Рая женское лицо, древнее христианское искусство желало выразить, что «женщина и змея заключили между собой договор полного единомыслия во зле» (6).

(1) Смотреть *Книга Бытия*, Глава 3.

(2) Hipp. BOUSSAC, *Le Serpent de la Genese*, in *La Nature*, № 2848, janvier 1931, p. 6.

(3) Cf. Comte DE QUATREBARBES, *Oeuvres du Roi René*, T. I, p. 20.

(4) H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. II, col. 2705.

(5) Смотреть Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*, 2e Part., XLIX.

(6) GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chrétien*, T. III, p. 146.

IV. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ ЗМЕЯ В ПЕРВЫЕ СТОЛЕТИЯ ЦЕРКВИ

Когда ставится вопрос о символизме, которым мы здесь занимаемся, забывается почти всегда, что змея имеет также благоприятный аспект: «Даже в христианской иконографии змея является иногда символом Христа», — говорит Генон (1). Это абсолютно точно. У древних Египтян змея обозначала мудрость, рассматриваемую как связанную с мистерией Творящего Глагола: Тот, «Язык, божественное Слово» также представлял собой «божественную Премудрость».

Великолепное римское кольцо из горного хрусталя IV-го или V-го столетий из коллекции Барберини нам показывает никак не мертвую и не побежденную змею, но положенную на ствол крестообразного Тау и вполне живую под Константиновыми инициалами Господа XRist; рептилия находится между двумя поклоняющимися ей голубями, как было принято в искусстве той эпохи для наиболее аутентичных эмблем Иисуса Христа; внизу слово *Salus* (Фигура IX).

И хотя рептилия являлась здесь Медным Змеем, как считает Дом Леклерк, рядом с которым слово *Salus*, здоровье, исцеление, кажется, дает этому обоснование, или даже Змеем-Христом, обремененным многими смыслами, которые мы укажем дальше, она соотносится здесь с одним Иисусом Христом, но совсем не с демоном (2).

Намного раньше с конца I-го и до IV-го столетий Церкви некоторые еретические секты использовали образ змеи для олицетворения Спасителя в свойственной себе манере: в середине II-го столетия озаренный фантазер Александр Абонотейхский и его ученики получали выгоду от кротости крупных змей области Пела в Греции, чтобы делать прорицания и симулировать чудеса. На монетах своих городов с изображением Антонина Благочестивого и Марка Аврелия они отображали рептилий с львиными головами. Гностики приняли эту змею-леонтоцефала, назвав ее Гликоном (Glycon) (Фигура X), сблизив ее с божественным змеем Кнумис Египта и окон-

Фигура IX. — Гемма Барберини (в два раза увеличенная).

Согласно
G. DE SAINT-LAURENT,
Manuel de l'art chrétien,
p. 17, fig. 47

Фигура X. — Гликон на одном гравированном камне первых христианских столетий. Cf. DIDRON, *Annales archéologiques*, 1884, Pl. II, № 10

Фигура XI. – Змей, извивающийся вокруг дубины Эскулапа.
Cf. Salomon REINACH, *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. II, vol. I, p. 33, № 4 (statuette du Musée de Berlin – статуэтка из Берлинского Музея)

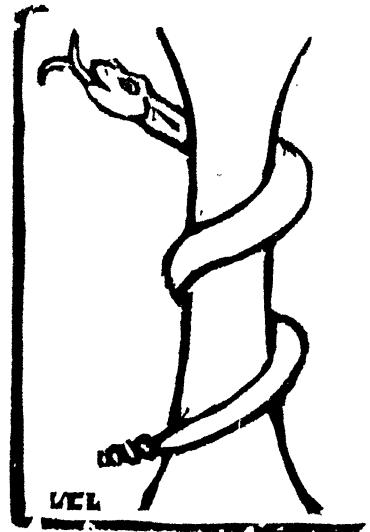
чательно соединив с именем ИАО, бога, нисшедшего из Света. Они сделали из нее истинного агатодемона, гения для них от небесного естества. Мы находим эту стилизованную змею на многочисленных артефактах, оставленных нам этими сбившимися с пути христианами, гравированных камнях, камнях, амулетах из металла, слоновой кости, стеклянной массы и пр.

Гностическая секта Сифиан извратила принятие львиной змеи до участия ее в природе Предвечного Бога, наделив ее мессианской ролью и воздавая ей культом обожания. Они приписывали Логосу, божественному Глаголу, даже форму рептилии, поскольку змея является одной из античных эмблем вечной Премудрости, всегда связанной с божественным Словом (3).

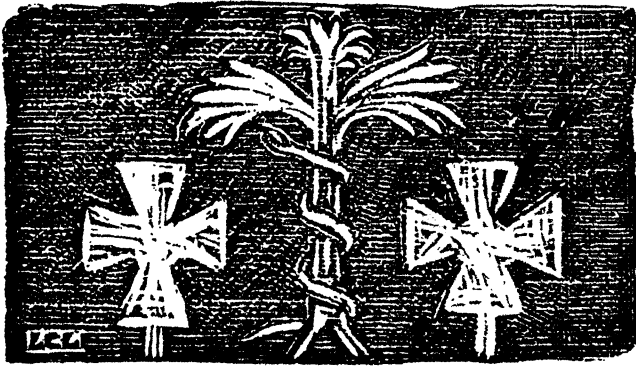
Ополчившийся на Гностиков Святой Ипполит, доказывая языческий характер их сказок, особо осуждает секту Сифиан (4).

Родственные Сифианам Офиты сделали из змеи символ всемогущего благодеяния Господа в память о Медном Змее Библии. Они использовали прирученных змей в одной из своих церемоний, почти соответствовавшей мессе, и в конечном счете поклонялись Господу под видом змеи (5).

Офиты изображали свою божественную змею с аномальной головой льва, орла или овна. Они ее помещали даже над Самим Христом (6). Они видели в ней вдохновителя и спасителя миров, владельца и распределителя земных сокровищ, и они сделали из нее, как и из радуги, посредника между Небом и Землей. Во всех сектах гетеродоксов, как и в дохристианской древности, божественная змея или просто агатодемон изображалась обычно в восходящем положении, извиваясь вокруг жезлов Асклепия или Гигии, его дочери (Фигура XI), или даже вокруг ствола дерева, что видно на некоторых христианских саркофагах первых столетий (7). Отметим здесь, что паразитически обнаружить тот же самый символ рептилии и дерева в Америке в Чичин-Ица (Юкатан) (8): таким мы его находим на одной галло-франкской скульптуре в виде

Фигура XII. – Змей, извивающийся вокруг Древа.
Скульптура доколумбовой эпохи; Чичен-Ица (Юкатан).
Согласно P. LE COUR, *Op. cit.*

Фигура XIII. – Змей
вокруг Древа Жизни.
Меровингская
скульптура из церкви
Пуийе (Pouillé) (Вьенн)

змея, на сей раз христианского, извивающегося вокруг Древа Жизни между двумя крестами алтаря или процессии (Фигура XIII) (9).

В продолжение скажем, что когда змея находится в нисходящем положении, то почти всегда она обозначает злое Начало, а у христиан Сатану.

Сделаем здесь простое упоминание о Вуду, Вотане Антильских островов, почитаемом уже, давшем свое имя негритянской секте Вудуистов Гаити, где большое число людей практикуют культ с такой искренностью, происходящей от недопонимания почти всех предписаний христианской религии. Тем не менее, они рассматривают змею Вуду как некое подобие божества второго порядка, получающего свою великую и божественную власть от Христа у христиан. Этой рептилии приносятся жертвы, иногда, как считается, человеческие, адепты которой пьют теплую кровь на своих тайных церемониях.

Можно было бы легко написать большой том о религиозной и профанической роли змеи в первые семь столетий Церкви. Один из ее наиболее любопытных аспектов проявлялся в искусстве римского декаданса в изображении Атиллы, ужасного царя Гуннов, побежденного Империей в Шалоне-на-Марне (Каталаунских водах) в 451 году. В таком случае змея наделялась мало привлекательной человеческой головой; император Валентиниан или Маркиан попирает ногой ее череп и держит правой рукой победоносный Крест, пока тело рептилии корчится (Фигура XIV) (10).

Фигура XIV. – Атила в виде змея,
попираемого императором.
Смотреть ВАHELON, *Op. cit.*

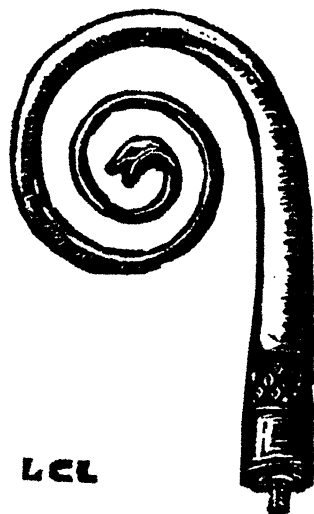
- (1) R. GUENON, *Seth*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXVI, № 142, p. 589.
- (2) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. II, col. 2. 194.
- (3) Смотреть André BOULANGER, *Orphée*, p. 143.
- (4) Saint HIPPOLYTE, *Réfutations de toutes les Hérésies*, V, 20, 4.
- (5) Смотреть Hipp. BOUSSAC, *Le Serpent de la Genèse*, in *La Nature*, № 2848, janvier 1931. – Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*, p. 144.
- (6) TERTULLIEN, *Des Prescriptions contre les Hérétiques* XLVII.
- (7) Cf. A. BOULANGER, *Orphée*, p. 144.
- (8) P. LE COUR, *A la recherche d'un monde perdu*, p. 38.
- (9) Смотреть J. SALVINI, Archiviste départemental de la Vienne, *Une Sculpture mérovingienne a Pouillé (Vienne)*.
- (10) BABELON, *Attila dans la Numismatique*, in *Revue numismatique*, 4e série, T. XVIII, 1914, pp. 297-329.

V. ЗМЕЯ-ХРИСТОС НА ЕПИСКОПСКИХ ПОСОХАХ

На протяжении второй половины Средневековья, особенно от XI-го до XIV-го столетия, многочисленные епископские и аббатские посохи завершаются волютом, оканчивающимся головой змеи. Таковы посохи Святого Аннона (Hannop), сохранившийся в Сигбере (Siegbert) (1), Святого Жилля, архиепископа Тирского, сохранившийся в Сомюре (2), аббата из Фонтевро (Fontevault), сохранившийся в Анжере, и аббата из Эрво (Airvault) из коллекции Гэйара де ла Дионери (Gaillard de la Dionerie) в Пуатье (Фигура XV) (3) и много других (4).

Во всех этих случаях змея, по словам каноника Обера (Aubert), почти всегда является образом Спасителя, особенно когда она держит в своих зубах Крест или когда имеет голову агнца (5). Уточним, сказав, что она предстает образом совершенного путеводителя, мудрого и взвешенного наставника, каковой есть Христос, Который должен служить образчиком для прелата в управлении своим диоцезом или своим аббатством. Два фрагмента из Священного Писания регулируют этот символизм. Даем сначала отрывок из Книги Исход, где написано:

«И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: если фараон скажет вам: сделайте [знамение или] чудо, то ты скажи Аарону [брату твоему]: возьми жезл твой и брось [на землю] пред фараоном [и пред рабами его], – он сделается змеем. Моисей и Аарон пришли к фараону [и к рабам его] и сделали так, как повелел [им] Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов [Египетских] и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каж-

Фигура XV. – Аббатский жезл из Эрво (До Севр). Древняя коллекция из Пуату господина де ла Дионери

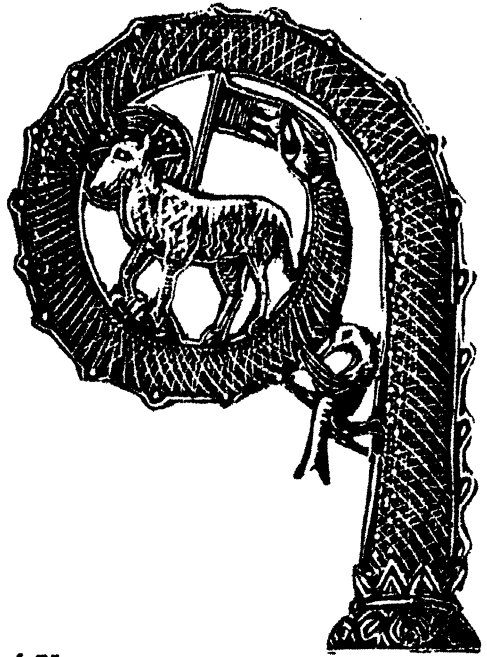
дый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Ааронов поглотил их жезлы. Сердце фараоново ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил [им] Господь» (6).

Так говорилось в XII-м столетии ученой аббатисой Геррадой Ландсбергской, так сделал Христос, Который в конце Своей смертной жизни положил в определенном смысле Свою душу, чтобы снизойти в смерть, вошедшую в мир через змея, благодаря чему Он уничтожил других змей, то есть грехи людей и их погибельные последствия (7).

Второй святой текст, регулирующий обычный символизм змеи жезлов, заключен в выражении, посредством которого Иисус в Евангелии предписывает Своим ученикам быть мудрыми, как змии, и простыми, как голуби...» (8): «Благоразумие, дочь Премудрости, Простота, Правота в действительности являются главными качествами, необходимыми тем, кто имеют «попечение о душах». Здесь христианский символизм бо-

лее одного раза протягивает руку самым древним символизмам, сделавшим из змеи идеограмму Мудрости. Равно мы обнаруживаем на нескольких знаменитых посохах сидящего на голове или даже убегающего в пасть змеи голубя, например, на жезле Аббата Святого Аннона, о котором говорил патер Кайе, как если бы старый ювелир, делавший этот пастырский посох, желал напомнить прелату, являвшемуся его получателем, что слова оного должны быть всегда простыми, кроткими и умеренными.

В Средневековье знали лучше, нежели сегодня особый символизм посоха, проистекавший от предписания, данного Святым Апостолом Павлом Тимофею: «проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием» (9). Вот почему некоторые жезлы XII-го столетия, как посох аббатисы монастыря Святого Аманда, сохранившийся в Руане, носит эти слова, подытоживающие урок Святого Апостола Павла Тимофею: ARGVE: OBSECRA: INCREPA (10). Соответственно *Сборник из Солемского аббатства (Spicilege de Solesmes)*, приводящий этот жезл, делает своим отрывок из Ключа псевдо-Мелитона из Сард, написанного в VIII-м столетии: "*Serpens, Christus, propter sapientiam*" (11).

ЦСЦ

Фигура XVI. – Агнец и Змей преисподней. Посох из меди с эмалями. Музей Суассона. Смотреть *Gazette des Beaux-Arts*, Ile Part., T. XIV, 1876, № 229, p. 89

Эти весьма достоверные теории, делающих змей со средневековых епископских жезлов образами Иисуса Христа, предполагают, тем не менее, исключения, признаваемые, на первый взгляд, иконографом, как относящиеся к змее преисподней. Ведь именно к ней необходимо возвратиться, когда, например, когда на волюте посоха присутствует божественный Агнец, у которого рептилия старается разодрать триумфальное знамя (Фигура XVI) или порвать нимб у креста. Это сатанинский змей, разоблачающийся, будучи свернутым кольцами в пустоте, когда Приснодева попирает ногами его голову перед Ангелом Благовещения, что произошло благодаря принятию ею роли матери Мессии, предоставленной Ангелом, и осуществленной Марией согласно библейскому пророчеству: «и вражду положу между тобою и между женою и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята» (12).

-
- (1) Cf. CAHIER, S. J., *Ivoires sculptés*, in *Nouveaux Mélanges archéologiques*, année 1874, p. 27.
 - (2) Cf. BODIN, *Recherches historiques sur l'Anjou*, T. II, pl. III.
 - (3) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Bulletin des Antiquaires de l'Ouest*, année 1882.
 - (4) Смотреть DEMAY, *Le Costume au Moyen-age, d'après les sceaux*, passim.
 - (5) Cf. AUBER, *Histoire et Théorie du Symbolisme religieux*, T. III, p. 381.
 - (6) *Книга Исход*, Глава 7, стих 8-13.
 - (7) Cf. HERRADE DE LANDSBERG, *Hortus deliciarum*.
 - (8) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 10, стих 16.
 - (9) *Второе Послание к Тимофею Святого Апостола Павла*, Глава 4, стих 2.
 - (10) *Spicilege de Solesmes*, T. III, p. 419.
 - (11) *Spicilege de Solesmes*, T. III, p. 88.
 - (12) *Книга Бытия*, Глава 3, стих 15.

VI. ЗМЕЯ, ХРИСТИАНСКАЯ ЭМБЛЕМА САТАНЫ

От зарождения христианского искусства змея из-за своей роли обольстителя, агента зла и подстрекателя к грехопадению в рассказе из *Книги Бытия* обозначала Сатану: на вазе первого христианского тысячелетия, покрытой красным лаком и обнаруженной в Орлеане, мы видим стоящего Христа, держащего Крест и попирающего ногами змею; и мы находим infernalную рептилию издыхающей у подножия имперского Лабарума Константина, ставшего христианином (Фигура XVII) (1). Христианские лампы той эпохи в Риме, в Карфагене и в Египте часто украшались таким же сюжетом (2).

Средневековые нам ее показывает испускающей дух у подножия древа Креста (3). Один любопытный артефакт XVIII-го столетия представляет змею в том же положении и больше того: ее спешит прикончить бекас, проколов клювом голову рептилии (4).

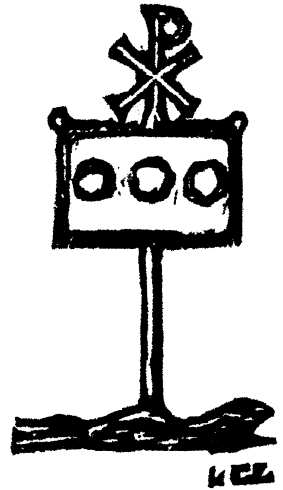
В своей роли лукавого обольстителя змея иногда изображалась в декоративном искусстве извивающейся под розой, над которой по окружности поднималась одна ее голова; иногда, наоборот, она отдыхает в корзине цветов или в цветущей траве, откуда идет распространенное выражение: *Anguis in herba* (*Змея в траве*), побуждающая к осмотрительности.

В наших французских провинциях отдельные селяне видят образ демона, я бы сказал агента демона, в змеях, которые, как они считают, приходят в их стойла подло сосать коров, коз, овец, посредством чего делают бесплодными этих домашних животных: утверждение, основанное на том, что магнетизм змей должен обладать большей властью над женскими особями, нежели над мужскими, даже у человеческих существ, у которых рептилии ослабляют жизненную и умственную силу благодаря слишком частому непосредственному и слишком продолжительному соседству.

Бестиарии Средневековья обычно обозначают змею в ее пагубной роли увлекающей ко злу под именем аспиды, поскольку священный текст кладет эту рептилию под ноги победоносного Христа. "*Super aspidem et basiliscum ambulabis*" – «... на аспиды и василиска наступиши, и попереши льва и змия»; это дает понять, что рептилия преисподней может быть побеждена благодатью Того, Кто является ее повелителем.

Бестиарии признают в этом проклятом аспиде четыре фигуры, стоящие ему четырех различных прозваний, соответствовавших четырем разновидностям земных аспидов: *disnasy* (*dispas*), заставляющему умирать от жажды того, кого он укусил; *гипнализу* (*hypnalis*), укус которого погружает в глубокий сон, сопровождаемый смертью. Именно второго, по словам Вильгельма де Норманди, избрала царица Клеопатра (6). *Гемморохойс* (*Hemmorhois*) заставляет потеть свою жертву всей ее кровью; *преэстер* (*praester*): его яд вызывает такую опухоль тела, что заставляет его лопаться. «... Этим четырьмя свойствам соответствуют столько же средств, используемые античной змеей, чтобы погубить человека. Необходимо всеми силами противостоять этой *жажде злата*, которую змея породила в нас; этой *сонливой лени*, в которую она погружает нашу оцепеневшую душу; *гневу*, толкающему нас на пролитие крови; наконец, *честолюбию*, которое нас раздувает безумной гордыней» (7).

Бестиарии сдержанны: католическая теология вполне признает еще в Протее Сатану с другими лицами, и ее аскетизм предлагает лучшее из прочих оборонительных положений по отношению к их чарующим взглядам.

Фигура XVII. – Змея под Лабарумом Константина. Увеличение одной монеты эпохи Константина, IV-е столетие

(1) MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 611.

(2) Cf. Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. II, p. 526.

(3) *Ex. Mss. de Limoges*. Bibliothèque Nationale, fonds latin, № 12. 550. – Cf. Emile MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 8.

(4) Смотреть выше, Глава LXXXVII, Бекас.

(5) *Псалтирь*, Псалом 90, стих 13.

(6) Guillaume LE NORMAND, *Le Bestiaire divin*, XXIX, *De l'Aspis*.

(7) Cf. C. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*, Comment. p. 163.

VII. ЯЗЫК ЗМЕИ

В обычной речи «язык гадюки», «язык аспида» являлся выражением, обозначающим язык клеветников, сплетников, лицемерных изменников и лжецов. Поскольку кончик языка некоторых змей, завершаясь, раздваивается, постольку художники, преодолев естественную форму, заставили его заканчиваться дротиком, стрелой и копьем. Наподобие копья, стрелы, дротика или вилки, вредоносное слово поражает и ранит, а иногда несет смерть.

В наших древних преданиях язык змеи обладал другой лучшей ролью, чем предыдущая: его имя давалось в некоторых областях Европы ископаемым зубам акул, называвшимся в других местах «зубами волка» (1).

Вышеназванные ложные зубы змей со сделанной сверху оправой из драгоценного металла использовались, чтобы обнаружить присутствие ядов, которые могли находиться в напитках и пище: их окунали в эти субстанции, чтобы их испытать, откуда имя «камень испытаний», каковое им иногда давалось. В Средневековье их по несколько соединяли в цепочке в «лангье» (“languier”), и мы их находим упомянутыми под этим именем в Инвентарных описях самодержцев и князей, например, в описях герцога Нормандии от 1365 года, короля Франции от 1380 года, герцога Бургундского от 1408 года (2).

Другой пример одной Инвентарной описи XVI-го столетия: «Шесть змеиных и жабьих языков, вставленных в серебряную оправу и связанных небольшой серебряной цепочкой» (3).

Было бы интересно найти отправную точку этого суеверного обычая. Если змеиный яд всегда обозначал в Символике произведения Сатаны, то мы видели, что, наоборот, та же самая змея являлась одной из эмблем Христа-Спасителя: камень, «язык змеи», выявляющий и разоблачающий присутствие яда, и благодаря этому предохраняющий от смерти, вполне мог в начале своей истории не быть странным настолько, насколько об этом можно судить на тему, занимающую нас в книге.

Фигура XVIII. – Камень испытания, называемый «языком змеи». (Ископаемый зуб акулы, вставленный в оправу из драгоценного металла). Согласно LAROUSSE, *Dictionnaire illustré*, T. IV, p. 241

456

(1) Смотреть выше, Глава XLI, *Волк*.

(2) Смотреть Léon DE LABORDE, *Glossaire français du Moyen-age*, p. 355.

(3) Duc Louis DE LA TREMOILLE, *Inventaire de Francois de la Tremoille et comptes d'Anne de Laval*, p. 12.

ГЛАВА СТО СЕДЬМАЯ

ДРЕВНИЕ ЭМБЛЕМЫ ЗМЕИ И ЛАДАННИКА, ЗМЕИ И ВАЗЫ

І. ЗМЕЯ И ЛАДАННИК

Нумизматика древней Греции и, как я полагаю, несколько других произведений искусства этого же региона нам показывают змею, закрадывающуюся в ладанник или ритуальную корзину, крышка которой приоткрыта, или, напротив, выскальзывающую оттуда. Некоторые приписывают городу Апамее (1) монеты, увенчанные короной из плюща и изображающие этот сюжет; другие, кажется, более точно рассматривают их появившимися из Пергама в Микии (Mysie) (2); быть может, оба города приняли данный мотив?

Из смыслов, которые связывали с этой эмблемой ее создатели, европейский герметизм сохранил только тот, что делает из змеи, вползающей в ладанник, образ посвященного миста, идущего искать в Агионе, в тайном святилище Мистерий – Знание; или даже того, кто выходит преобразенным из этого таинственного пристанища.

Христианская иконография не удержала этой эмблемы; она не обрела даже следующей, похожей на нее, но которую с ней нельзя смешивать.

LLL

Фигура І. – Христос
и Ладанник.

Греческая монета
из Пергама или Апамеи

(1) *Catalogue de la Collection Alotte de la Fuye*, p. 42, pl. X, № 581.

(2) *Catalogue de la collection A. Edité par Cl. Platt, Paris*, p. 28 et Pl. IV, № 418.

ІІ.ЗМЕЯ И ВАЗА ИЛИ ЧАША

Вторая эмблема показывает змею, наклонившую голову как для питья над отверстием амфоры или чаши: я здесь воспроизвожу, согласно отпечатку, изделие греко-римского искусства, которым владел во время своей жизни маркиз Шарль де Кюмон-Дамас (de Cumont-Damas). На нем мы видим

Фигура II. – Змея и Амфора. Изделие из желтой яшмы; произведение греко-римского вдохновения

змею, извивающуюся вокруг амфоры в халкидийском стиле (Фигура II); таковыми являлись панафенаические амфоры, которых предлагалось для победителей масло от священных олив.

Разве не связана эта эмблема, по мнению Древних, с культами Эскулапа и Гигии, в которых, как в действительности сообщает Павсаний, по-особенному освящались змеи (1), подобно тому, как они освящались и в культе Трофония, сына Аполлона?

Впрочем, кто бы рождался или не рождался под сенью святилища Эпидавра, представляется, что эмблема змеи и чаши, прежде всего, изначально связывалась с отправной точкой человеческой жизни. В противоположность интерпретации, повсеместно принятой сегодня, желающей, чтобы змея черпала из чаши жизнь или здоровье, являющееся физически совершенной жизнью, похоже, что при создании этой эмблемы змея рассматривалась не как пьющая жизнь из чаши, но как вызывающая рождение жизни в ней: необходимо напомнить здесь, что у Древних змея связывалась «первоначально с самой идеей жизни» (2); хотя, с другой стороны, в той же самой среде и в то же самое время амфора представляла иератическим и таинственным образом оплодотворенной женщины, а чаша – образом самой женственности.

Не осознавая, что первая из этих интерпретаций наиболее экзотерическая, указывающая на змею как на пьющую жизнь и здоровье, современное искусство сделало из подобной змеи атрибут Медицины и медицинских иллюстраций: в Лудюне (Вьенн) прекрасная статуя Теофраста Ренодо, служившего лекарем при Людовике XIII (Фигура III), а в Париже статуя Ф. Рикора на бульваре Пор-Рояль сопровождаются этой эмблемой. Ее я также видел на золотом кольце XVIII-го столетия, изготовленном, несомненно, для врача или для герметиста.

На нескольких античных формах азидрия, энохос, киятос, олпи – тело змеи – иногда образует ручку сосуда, тогда как ее хвост срастается с брюшком вазы, а ее

Фигура III. – Змея, пьющая из чаши. Памятник Ренодо (Th. RENAUDOT) Шаррона в Лудюне (Вьенн), конец XIX-го столетия

Фигура IV. –
Средневековая печать
из коллекции
Леди Лондсборо

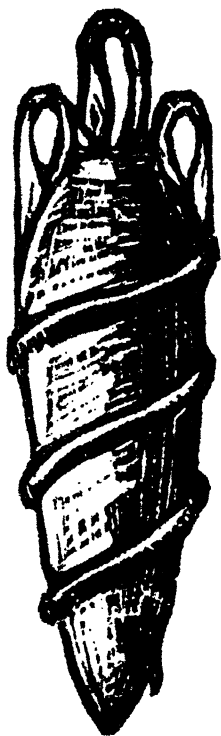
нееврейской буквы *Самех* (Фигуры V и VI);
ведь в древней Каббале самех обозначала
змею (4). Отметим, что благодаря, быть
может, случайному совпадению G на этой

печати принимает си-
луэт Загрея, рогатого
змея Греков. Впрочем,
возможно, что буква
G являлась инициалом
имени первого вла-
дельца печати: в дан-
ном случае присутст-
вует, как это часто происходит, наложение намерений и
смысла на саму эмблему.

В эпохи, о которых я только что говорил, христиан-
ская Символика воспроизводит иногда эмблема змеи и
вазы, принимая экзотерическую интерпретацию утоля-
ющей жажду рептилии. И все же, кажется, в данном
случае, что она сохранила за змеей один из самых ста-
рых и посвященных ей смыслов с дохристианских вре-
мен, как и один из главных теллурических символов
вместе с образом Земли, на которой обитает рептилия
и которой, по слову Библии, должна питаться: «И ска-
зал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, про-

Фигуры V и VI. – Еврейская
буква самех.
Перевернутый самех

LEZ

Фигура VII. – Змея, пьющая из Вазы.
Скульптура на кресте, выбитом из белого мрамора,
XVIII-е столетие, Авиньон, 1912 год

Фигура VIII. – Змея, пьющая из вазы на центральном кресте кладбища города Орли (Сена). Первая половина XIX-го века. Плавка из железа

клят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей...» (5). В развитии идеи и, кажется, в представленном здесь случае рептилия иногда обозначала Человека, обитателя и царя земли, персонифицируя его господство. С другой стороны, мы позже увидим, что ваза была и остается одной из посвященных Христу эмблем. Сие нам позволяет увидеть в эмблеме змеи и вазы – землю или ее царя, черпающего у Христа вечные начало и запас жизни, жизненную силу: с данной интерпретацией можно соглашаться, когда видишь, как часто еще, например, в Провансе это встречается на древних станционных крестах или на крестах придорожных и на перекрестках.

Особенно в течение второй половины XVIII-го и первой половины XIX-го столетий мотив пьющей змеи стал часто помещаться во Франции на кладбищенских крестах и на погребальных памятниках (Фигуры VII и VIII). И в этом случае змея является символическим напоминанием о Смерти, о смерти, приносимой укусом, поскольку она, подобно трупам, обитает в земле, «царстве мертвых». Тогда перед нашими глазами возникает удовлетворяющая картина Смерти, черпающей от божественного Сосуда Жизни, от Христа, семя оживления, вечной жизни, Им обетованной: *“Ego sum resurrectio et vita: qui credit in me, etiam si mortuus fuerit vivet...”* – «... Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (6).

(1) PAUSANIAS, *Voyage historique*, I, 18.

(2) R. GUENON, *Seth*, in *Le Voile d'Isis*. T. XXXV, № 142, p. 590.

(3) *Catalogue de la collection Londesborough*, p. 82, № 244, A.

(4) Cf. PAPUS, *Traité élémentaire de Kabbale*, p. 292.

(5) *Книга Бытия*, Глава 3, стих 14.

(6) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 11, стих 25. *Breviaire romain, Office des Défunts* (Antienne des Laudes).

ГЛАВА СТО ВОСЬМАЯ

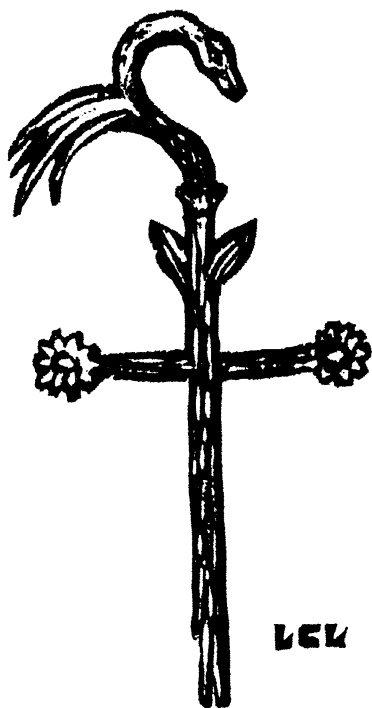
МЕДНЫЙ ЗМЕЙ

I. ЕГО ИСТОРИЯ

По пути долгих странствий, которые вели из Египта в страну Ханаан, Еврейский народ был испытан встречей по соседству с землей Эдома с чудовищным количеством жгучих змей, ужаливших множество из них, и много людей умерло в Израиле из-за этих рептилий. Тогда, по словам *Книги Чисел*, «... пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей [Господу] о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе [медного] змея и выставь его на знамя, и [если ужалит змей какого-либо человека], ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (1).

Именно на этот эпизод делает аллюзию *Книга Премудрости Соломона*, когда говорит: «И тогда, как постигла их ужасная ярость зверей и они были истребляемы угрызениями коварных змиев, гнев Твой не продолжился до конца. Но они были смущены на краткое время для вразумления, получив знамение спасения на воспоминание о заповеди закона Твоего, ибо обращавшийся исцелялся не тем, на что взирал, но Тобою, Спасителем всех. И этим Ты показал врагам нашим, что Ты — избавляющий от всякого зла: ибо их убивали уязвления саранчи и мух, и не нашлось врачевства для души их, потому что они достойны были мучения от сих. А сынов Твоих не одолели и зубы ядовитых змиев, ибо милость Твоя пришла на помощь и исцелила их. Хотя они и были уязвляемы в напоминание им слов Твоих, но скоро были и исцеляемы, дабы, впав в глубокое забвение оных, не лишились Твоего благодеяния. Не трава и не пластырь врачевали их, но Твое, Господи, всеисцеляющее слово» (2).

Евреи не могли всегда сохранять духовность ока и мысли, о которой им повелевает здесь Соломон, ведь после того, как этот медный змей сохранялся больше двадцати поколений как знак, как свидетельство милосердия Иеговы, народ стал его самого рассматривать как могучего бога, принося ему жертвы, о чем нам сообщает Четвертая Книга Царств, рассказывая о царе Езекии: «И делал он угодное в очах Господних во всем так, как делал Давид, отец его; он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (3).

Фигура I. – Крылатый Змей
в храме Лориллард,
Юкатан (Мексика).

Согласно RABET,
VANBLOTAQUE
et VILLENEUVE,
Le Catéchisme des Familles,
p. 246

Это происходило в конце VIII-го столетия до нашей эры: медный змей насчитывал тогда семь или восемь столетий своего существования.

Так благодаря аллюзии на целительную силу медного Змея в шотландском масонском обряде 25-й степени, которая считается как бы заключающей в себя часть 1-й степени Египетских мистерий, относящихся к медицине и Фармакопее, дается название «Рыцарь Медного Змея» (4).

Любопытная вещь: древняя религия Центральной Америки знала задолго до европейского завоевания культ змея, воздвигнутого на древке знамени. В храме Лориллард (Lorillard) на Юкатане (Мексика) крылатый змей был высечен на навершии, поддерживаясь крестообразным основанием (Фигура I) (5).

И в культе змеи Вуду, о котором говорилось, Сибрук видел «почитавшейся на алтаре вуду деревянную змею, держащуюся на посохе, похожую на медного змея, которого Моисей воздвиг в пустыне» (6).

С другой стороны, я осмелюсь позволить удостоить себя совершенно иллюзорными сближениями и узами происхождения, каковые нынешняя книга предполагает существовавшими между змеем Пифоном, о котором повествует мифология, когда Аполлон поместил его шкуру на своем треножнике, и

медным Змеем Моисея, являвшимся как бы эмблемой дельфийского змея. Дельфийство было культом наравне с Моисеевым культом: проникновение одного в другое не представляется здесь мнимым.

(1) *Книга Чисел*, Глава 21, стих 7-9. Traduction sua l'hebreux de CRAMPON, *La Sainte Bible*, p. 156.

(2) *Книга Премудрости Соломона*, Глава 16, стих 5-12.

(3) *4-я Книга Царств*, Глава 18, стих 3, 4.

(4) Cf. R. GUENON, *L'Esoterisme de Dante*, p. 19.

(5) RABET, VANBLOTAQUE et VILLENEUVE, *Le Catéchisme des Familles*, p. 246, grav.

(6) SEABROOK, *l'Ile magique*. – Atlantis, T. III, 1929, № 23, p. 55.

II. МЕДНЫЙ ЗМЕЙ В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТАХ

Обращаясь к Никодиму, наставнику Закона, Иисус говорит ему, сообщая о Себе Самом: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (1).

И немногим позже, дополняя Свою первую мысль и обобщая ее, Иисус говорит: «Исследуйте писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (2).

Позднее, сравнивая Себя со змеем-спасителем пустыни, Иисус восклицает еще: «И когда Я вонесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (3).

Все сделанные в ходе столетий в христианских писаниях и искусствах сближения между Распятой Жертвой Голгофы и Змеем Моисея, пригвожденным к своему столбу, выходят из этих евангельских фрагментов: столб стал крестом или тау, его образом, и извилистое тело медной рептилии, откуда происходило исцеление, стало телом Христа, скорчившегося от скорби, источником спасения для всех обратившихся к Нему (Фигуры II и III).

Фигура II. – Медный Змей на столбе. Тетрадь *Внутренней Звезды* (*l'Étoile Intérieure*), конец XV-го столетия

- (1) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 3, стих 14, 15.
- (2) *Там же*, Глава 5, стих 39.
- (3) *Там же*, глава 12, стих 32.

Фигура III. – Змей на Тау. Согласно *Biblia Pauperum* XIII-го столетия из Мюнхенской Библиотеки. Согласно BROUSSOLE, *Théorie de la Messe*, p. 62, fig. 14

III. МЕДНЫЙ ЗМЕЙ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Очень рано при зарождении художественного символизма в Церкви Медный Змей появился как образ Спасителя на Кресте. Во втором столетии Тертуллиан, отголосок первых наставников веры, писал, поднимаясь против еретиков-николаитов: «С этими еретиками объединяются так называемые Офиты. Ведь они настолько прославляют змея, что ставят его выше Самого Христа. В действительности, как полагают они, именно змей нам дал происхождение знания о добре и зле. Моисей прекрасно знал его силу и его величие, когда воздвиг медного змея, и все смотревшие на него получали исцеление. Сам Христос не подражает ли в Своем Евангелии священной силе змея, говоря: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому». Отсюда пошло, что Офиты ввели змея для благословения в своей Евхаристии...» (1)

Тот же самый древний автор продолжает: «Почему Моисей, после запрета на изображение всякого образа, воздвиг медного змея на древе, обратив взгляды Израиля на спасительное зрелище распятого, когда тысячи Евреев были пожираемы змеями в наказание за свое идолопоклонство? Ибо именно там отобразилась чудесная сила креста, добродетель которого восторжествовала над древним драконом; когда всякий укушенный змеями человек, то есть ангелами демона, чтобы стать исцеленным от раны и своих грехов, должен был, посмотрев на вознесенного змея, довериться этому таинственному символу Иисуса Христа, обещавшего ему спасение» (2).

Спустя два столетия поэт Пруденций так воспевал Медного Змея:

*Fervebat via sicca eremi serpentibus atres,
Jamque venenati per vulnera livida morsus
Carpebant populum; sed prudens aere politum
Dux cruce suspendit, qui virus temperet, anguem.*

«Пустынный путь иссушенный пылал от мрачных змей, что под ногами: укусами отравленными их народ охвачен был и бледной язвой покрывался. Благоразумный вождь на «крест» подвесил Змея Медного, который исцелял иных от яда» (3).

Пруденций отождествляет здесь «столб» Книги Чисел с искупительным крестом, остальные сравнения напрашиваются. Святой Амвросий Медиоланский их повторим немногим позже, когда писал: «Образ креста это Медный Змей; он собственно являлся прообразом тела Христова, когда всякий взирающий на змея не должен был погибнуть» (4). В другом месте он еще говорит: «Благодаря Медному Змею изображался мой Змей: на древе был воздвигнут мой Змей. О, добрый Змей, уста которого распространяют лекарства, но не яд. Всякий, тебя обожающий, нисколько не боится злых змей» (5).

В начале VII-го века святой Исидор Севильский утверждал, что Спаситель – новый Медный змей, победитель древнего дьявольского змея, и если Моисей избрал медь для воплощения образа, то только потому, что медь наиболее неизменяемый из металлов, обозначающий тем самым нерушимость божества Христа и вечность Его господства (6).

Средневековье продолжило в духе первоначальной Церкви, соглашаясь с вышеприведенным текстом из Книги Премудрости Соломона рассматривать Медного Змея как эмблему милосердия Искупителя, «спасителя всех людей» (7). Вот почему мы обнаруживаем его обвивающим крест или даже тау, являющейся, вероятно, реальной формой виселицы (Фигура III). Он появляется таким на многочисленных ритуальных предметах, начиная с XII-го столетия: на евхаристических чашах, диптихах, дарохранительницах, литургических облачениях и пр.

В ту же самую эпоху Мистический Виноградник, приписываемый Святому Бернарду, так излагал мистицизм Медного Змея: «Змей назывался смертоносным, поскольку смерть вошла в мир благодаря успеху его козней. Но Иисус, истинный Медный Змей, расплавленный на двойном пылающем костре милосердия и Своей Страсти, затем обогранный через пролитие Своей крови, приобрел прочность меди, когда во время Воскресения, вновь принял жизнь, чтобы больше не умирать (8).

Воздвижение Медного Змея в пустыне пророчески обозначало вознесение Иисуса на Его крест. Именно Он – истинный змей, на коего должны смотреть, обращаясь к вере, те, кто желают быть спасенными, когда они ранены укусами змей, под которые попали по недостатку веры...» (9)

В XIII-м столетии Мастер католической теологии Святой Фома Аквинский следующим образом поддержал мысль Феофилакта, историка конца VI-го столетия: «Медный Змей обладал формой змеи, но не имел в себе яда. Так совершенно невинный Христос пожелал удержать только внешний вид греха» (10).

В том же самом произведении Святой Фома Аквинский, рассуждая о Медном Змее, цитирует и Святого Августина: «Вознесенный Змей обозначает Смерть Христову способом, у которого последствие знаменовалось своей причиной. От змея происходит смерть, ведь именно он возмутил в человеке грех, стоивший ему смерти. Но это не грех, этот змеиный яд, взятый на Себя Христом в Своей плоти, это смерть: итак, в Его плоти – кара за грех, без которого бы ни было ошибки, и вот почему в Своей плоти Он уничтожил и наказание, и заблуждение греха» (11).

Мы читаем на одной немецкой чаше XIII-го столетия следующую надпись, помещенную под фигурой Медного Змея:

Serpens Christum notat in cruce passum.

(Змей обозначает Христа, пострадавшего на кресте).

И на трех других чашах того же самого периода и того же самого происхождения видим:

In cruce dum patitur hoc Christus in angue notatur.

(Пока страдал на кресте, Христос был обозначен змеем).

Serpentis signum Christum notat in cruce passum.

(Знак змея указывает Христа, пострадавшего на Кресте).

Qui contemplator anguem, vitae reparantur.

(Те, кто созерцают этого змея, восстанавливаются в жизнь) (12).

Эти цитирования четко уточняют различные символические смыслы, принятые Средневековьем для символа, которым мы занимаемся. Вильгельм Дюран, епископ Манда, современник всего этого, пишет со своей стороны, что «Медный Змей, воздвигнутый на древе Моисеем является самым образом Иисуса Христа», откуда, как он дополняет, Господь сказал в Евангелии от Святого Иоанна: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому». Значит, эта эмблема змея носилась и рассматривалась на крестных ходах и на процессиях как напоминание Страстей Христовых, и чтобы через это мы бы исцелились от наших грехов, ведь змей на столбе – это Христос на виселице (13).

Получается, что во всех приведенных нами текстах Медный Змей являлся для их авторов прямым образом Христа; тем не менее, в IV-м столетии Святой Григорий Назианзин представил этот символ в ином аспекте, особенно отличающемся от того, что говорит Святой Амвросий, живший почти в ту же самую эпоху: «Существует, – высказывается архиепископ Григорий, – не тип, но антитип Иисуса Христа; он предстает образом в противопоставлении... если он возвращает здоровье тем, кто его созерцают, то это потому, что они ему верят, будучи пораженными смертью, чем он заслужил быть, и разве его эпитафией будут не слова Святого Апостола Павла (14): «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?..» (15)

В XIII-м столетии византиец Никита, вдохновившись от древнего понтифика Константинополя, добавил, что в действительности сравнение здесь должно делаться по противоположностям: «Змей, – говорит он, – приводит ко лжи, Иисус Христос указывает истинную жизнь; Медный Змей не являлся подлинным змеем, Христос был истинным человеком, Змей убивает себе подобных змей, Христос оживляет людей, Своих братьев; наконец, Христос спасает тех, кто веруют в Него живого, и саму жизнь, тогда как демон исцеляет с условием, что люди, посмотревшие на него, поверят не потому, что он живой, но потому, что побежден и уничтожен» (16).

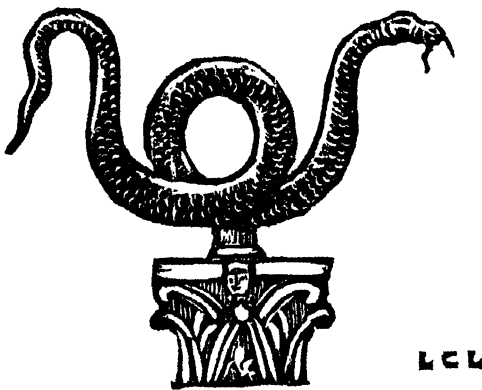
Добавим, что эта игра противоположностей, весьма слабая в том, что касается Медного Змея, имела мало успеха у восточных символистов и почти не замечена у их западных коллег: те и другие использовали ее только для противопоставления эмблемам благословенного Христа эмблем проклятого Сатаны.

- (1) TERTULLIEN, *Prescriptions contre les Hérétiques*, XLVII. – Traduction de Génoude, T. II, p. 381.
- (2) *Ibid.*
- (3) PRUDENCE, *Dittochaëon*, 45-48.
- (4) Saint AMBROISE, *Sermo LV, De Cruce Christi*. – *De Spiritu sancto*, III, 9. – *De Salomone*.
- (5) *Ibid.*, *In Psalm. CXVIII*, 42 (*Sermo VI*).
- (6) Cf. Saint ISIDORE DE SEVILLE. Согласно *Glose ordinaire; Sur le Livre des Nombres*, XXI, 8.
- (7) *Книга Премудрости Соломона*, Глава 16, стих 8.
- (8) *Послание к Римлянам Святого Апостола Павла*, Глава 6, стих 9.
- (9) *Vitis mystica*, XLV, II. Traduction Apollin. De Valence, pp. 382-383.
- (10) Saint THOMAS D'AQUIN, *Catena Aurea*.
- (11) Saint THOMAS D'AQUIN, *Ibid.*
- (12) Смотреть BARBIER DE MONTAULT, in *Bulletin des Antiquaires de l'Ouest*, année 1883, I tr., p. 44.
- (13) Guillaume DURAND, *Rational des divins Offices*. Livre VI, ch. LXXXI, 12.
- (14) *Первое Послание к Коринфянам Святого Апостола Павла*, глава 15, стих 55.
- (15) Saint GREGOIRE DE NAZIANZE, *Op.*, or. 45; edition Maur, T. I, p. 863.
- (16) NICETAS, *Annales*. Edition de 1630, T. II, p. 9. 186.

IV. МЕДНЫЙ ЗМЕЙ В ХРИСТИАНСКОЙ ИКОНОГРАФИИ

Амвросианская Базилика Милана располагает крупным Медным Змеем, установленным на античной капители, попадавшимся и еще попадающимся на глаза народу, чтобы являться змеем, изготовленным Моисеем на пороге земли Эдома, Нехуштаном из *Книги Царств* (Фигура IV). Старинный миланский хронист Ландольф написал, что архиепископ Арнульф получил этого

змея в 1002 году от византийского императора Василия. И все же, древние тексты позволяют полагать, что эта металлическая рептилия существовала уже в IV-м столетии в Амвросианском Медиолане (1). Возможно, впрочем, что этот прекрасный предмет был лишь античной эмблемой Эскулапа, бога Медицины, или посвященным ему по обету (2). Как бы то ни было, Медный Змей из Милана не мог являться рептилией Моисея, ведь мы знаем по истории, что этот последний был уничтожен царем Езекией (3). Но миланский народ настаивает на Моисеевом происхождении своего змея и не желает

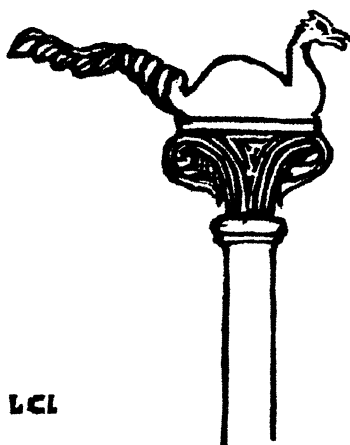

Фигура IV. – Большой Медный Змей Амвросианской Базилики Милана.

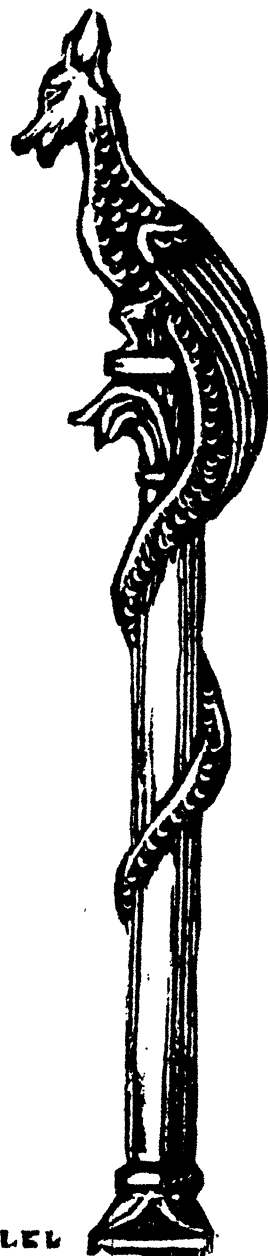
Согласно рисунку Дартейна.
Cf. Dom H. LECLERCQ, *Op. et loc. cit.*

Фигура V. – Медный Змей, изображенный на алтаре Ставело, XII-е столетие

Фигура VI. – Медный Змей на кресте Святого Бертена. Согласно E. MALE, *Op. et loc. cit.*

Фигура VII. – Медный Змей на колонне. Согласно витражу XIII-го столетия в кафедральном соборе Ле Мана

от этого отступаться; в течение XVI-го столетия архиепископ Святой Карл Борромей должен был сурово увещевать, чтобы помешать Миланцам его заклинать мало каноническим образом, чтобы получить исцеление для своих мальчишек, стесняемых глистами (4). Еще сегодня «люди из миланского народа вполне серьезно рассказывают, что этот медный змей возвестит чудесным шипением час конца Света» (5).

В изобразительных искусствах Медный Змей, как на гемме Барберини, обычно сохраняет естественный аспект рептилии: Средневековые его усложнили, с удовольствием превратив в драконообразное существо: таким мы его видим на медальоне витража аббатства Сен-Дени-ан-Франс, датированного настоятельством Сюже (Suger), на переносном алтаре из Ставело (Фигура V), как и на прекрасном кресте Святого Бертена, происходящем также с XII-го столетия (Фигура VI) (6). В этих изображениях рептилия помещается на изящной колонне, абака которой замещает поперечную горизонтальную балку виселичного тау (Фигура VII). Часто, наоборот, во все эпохи змей обвивает

вершину самого тау: так в случае с миниатюрой «Библии Бедных» XIII-го столетия (Фигура III) (7) и на гербе Оостендорпа (8); иногда он находится даже на латинской графической букве Т, являющейся образом священной тау (Фигура VIII). Но гораздо чаще он обвиняет обычный крест. Такой крест «припоминается на Книге Фигур Николая Фламеля, когда последний нам сообщает, что во второй седмице листков был нарисован крест, где змей представал распятым» (9).

То же самое с крестом, на котором змея появляется на лестнице конвентуальной капеллы Кармелитов из Лудюна (Вьенн) (10) на граффити, начертанном на камне в конце XV-го столетия кармелитом-герметистом братом Гюйо (Guyot) (Фигура IX). В том же городе Лудюне на небольшом пилястре проповеднической кафедры церкви Святого Петра в Марше изображен большой крест, по которому извивается священный змей (Фигура X). Эта кафедра XVIII-го столетия. Зато на вышивке XVII-го века (Фигура XI)

LEL

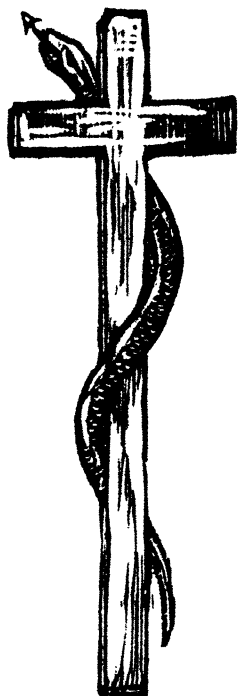
Фигура VIII. – Медный Змей на графической латинской букве Т. Живописный инициал из напрестольной книги, XVI-е столетие

LEL

рептилия тщательно свернута вокруг перекрестия креста, напоминая собой эфесы столь престижных больших шпаг конца XVI-го столетия, которые эрудит и коллекционер оружия граф Рауль де Рошбрюн называл «шпагами с эфесом Медного Змея» (11), поскольку ответвления гарды, свернутые вокруг дужек и клинка шпаги, образуют крест, а их восходящая ветвь поднимается как змея в положении защиты (Фигура XII). Я уверен, что Рошбрюн не является изобретателем очень справедливо использованного им выражения, ведь на нескольких шпагах того времени восходящая ветвь завершается головой змея (12).

Фигура IX. – Змей на кресте, граффити XV-го столетия в древнем монастыре Кармелитов из Лудюна (Вьенн)

ЛСЛ

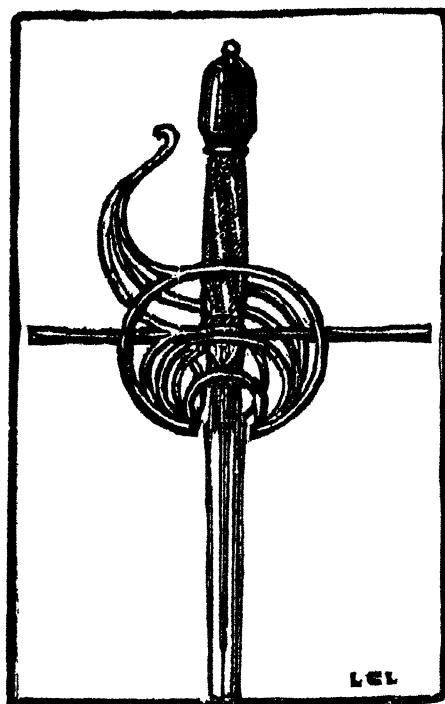
Фигура X. – Скульптура кафедры в церкви Святого Петра в Лудюне, XVIII-е столетие

Во всех этих изображениях с обычной змеевидной или драконообразной формой, положениями, по-разному занимаемыми ей на кресте, и вариантами, происходящими только от личных вкусовых пристрастий художников, хотя бы даже никак не менялся ее символический смысл, рептилия остается эмблемой милосердного Искупителя, принесенного в жертву на крестном древе для исцеления и спасения человеческих душ.

ЛСЛ

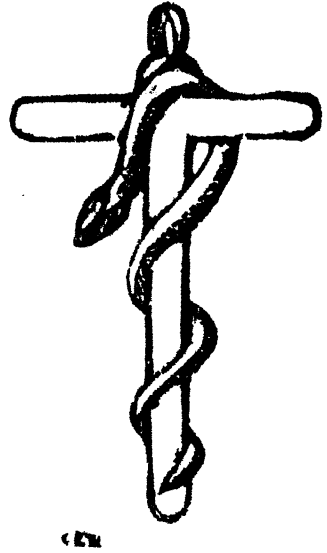
Фигура XI. – Змей в центре Креста. Вышивка по шелку XVII-го столетия

ЛСЛ

Фигура XII. – Шпага конца XVI-го столетия со змеевидной гардой; большая рапира из кованой стали, 1 метр 25 сантиметров в длину. Из кабинета автора

Фигура XIII. – Змея на тау. Украшение
из позолоченного серебра
(возможно, франк-масонское), происходящее
из Женевы. XVIII-е или XIX-е столетие

- (1) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. I, col. 1454.
- (2) *Ibidem*.
- (3) *Первая Книга Царств*, Глава 18, стих 4.
- (4) Смотреть MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 616.
- (5) Dom H. LECLERCQ, *Op. et loc. cit.*
- (6) Смотреть Emile MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 176, fig. 124, 125.
- (7) Смотреть BROUSOLE, *Théorie de la Messe*, p. 63, fig. 14.
- (8) Смотреть DU ROUGE DE PAULIN, *L'Hermétisme dans l'Art héraldique*, p. 77.
- (9) AURIGER, *La Vie du Christ*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXIV, 1929, № 120.
- (10) Сегодня приходская церковь Святого Илария в Мартрэ (Martray).
- (11) R. DE ROCHEBRUNE, *Lettre du 20 avril 1916* (Письмо от 20 апреля 1916 года).
- (12) Например, великолепная шпага из Артиллерийского музея в Париже, у которой высшая ветвь заканчивается головой змея с раскрытой пастью (Зал XVII-го столетия, № J. 204).
Две большие рапиры XVI-го века из моего кабинета представляют тот же самый характер, менее выраженный, но определенный.

ГЛАВА СТО ДЕВЯТАЯ

ЗМЕЕВИДНЫЙ ПОСОХ МОИСЕЯ И ААРОНА

I. БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ

Книга *Исход*, рассказывая о действиях, предпринимаемых Моисеем и Аароном, его братом, у фараона Египта, чтобы достичь от него освобождения еврейского народа, выражается следующим образом: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: если фараон скажет вам: сделайте [знамение или] чудо, то ты скажи Аарону [брату твоему]: возьми жезл твой и брось [на землю] пред фараоном [и пред рабами его], – он сделается змеем.

Моисей и Аарон пришли к фараону [и к рабам его] и сделали так, как повелел [им] Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов [Египетских] и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Ааронов поглотил их жезлы. Сердце фараоново ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил [им] Господь. И сказал Господь Моисею: упорно сердце фараоново: он не хочет отпустить народ» (1).

(1) *Книга Исход*, Глава 7, стих 8-14.

II. ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА

Христианская духовность Средневековья овладела этим текстом, чтобы обогатить Символику Спасителя, по крайней мере, в литературной области. Эта змея, вышедшая из жезла повеления неким подобием скипетра, и сам этот жезл, произведший ее путем метаморфозы, напоминали власть божественного Слова, верховенство силы Христа над силой зла и его агентов.

Невзирая на уточнение библейского текста мистики Средневековья неоднократно приписывали Моисею в ущерб Аарону чудодейственный жезл, поскольку, несомненно, они рассматривали как переданную одному Моисею божественную власть метаморфозы, делавшую из жезла змею: «... ты скажи Аарону [брату твоему]: возьми жезл твой и брось [на землю] пред фараоном [и пред рабами его], – он сделается змеем».

Фигура I. – Моисей, поражающий Чермное море. Посох пророка уподоблен здесь кресту Спасителя. Согласно одной миниатюре из Ватиканского Музея

Мы находим эту подмену свойства в *Мистическом Винограднике* XI-го столетия, приписываемом Святому Бернарду, излагающим таким образом символическую тему змеевидного жезла, как она воспринималась в духовности той эпохи. Говоря об Иисусе Христе, Которого должно видеть в образе Медного Змея, автор Мистического Виноградника прибавляет:

«Христос еще это змей, в которого превратился жезл или скипетр Моисея. Скипетр есть инсигния царственного достоинства; но посох Моисея должен нам являть как бы фигуру Царя царей, фигуру Самого Божества. Змей, наоборот, предстает фигурой нашего смертного естества, каковым оно стало только по наущениям змея. Итак, божественный скипетр облачился в змею, когда Слово стало плотью, облекши человеческое естество, которое не обладало еще ничем, ничего не утрачивая от божественной природы, коей владело от всей вечности».

«Как скипетр Моисея, обращенный в змею, пожирает змеей волхвов Египта, так и Бог делает человека победившим преступные внушения наших врагов, особенно когда вознесенный на Свой крест, Он показал людям цветы Своей крови; когда Он распространил до пределов мира благоухание цветов Своих добродетелей, и кото-

рыми предоставил исцеление всем сердцам, каковым бы ни был порок, их изранивший» (1).

В области иконографических искусств библейская сцена двух вождей Израиля, изменявших перед фараоном, угнетателем их народа, свой посох в змею, весьма часто изображалась на гравюре, в том числе во всех иллюстрированных Библиях со времени изобретения книгопечатания и разных технологий гравюры. Я могу лишь отослать к этим произведениям: их легион.

(1) *Vitis Mystica*, XLV, II. – Traduction Apoll. De Valence, pp. 383-384.

ГЛАВА СТО ДЕСЯТАЯ

АМФИСБЕНА

І. АНТИЧНАЯ АМФИСБЕНА

Вся древность была пронизана непрестанной мыслью о Добре и Зле, непрерывно противостоящих друг другу в сражении, одновременно разворачивающемся как в Макрокосме, являющемся Мирозданием, так и в Микрокосме, идеальном мире, сведенном к человеческому существу. И Античность символизировала эту неутомимую войну потрясающими мифами, такими как борьба Зевса Олимпийского с Трифеем (1), Аполлона с Пифоном, Кадма с драконом из источника Диркеи, Геракла с чудовищами и др.; она отражалась и в эмблемах, из которых одной из самых удивительных предстает Амфисбена.

Это сказочная рептилия, греческое имя которой *Amphisbaina* обозначает «всякого идущего в обе стороны», было серьезно воспринято греческими и латинскими натуралистами. Значит, ее имя стало известно задолго до того, как они жили. Плиний ее описывает следующим образом: «Амфисбена имеет две головы, то есть еще одну голову на месте хвоста, как если бы не хватало одного рта, чтобы распространять яд» (2).

Средневековье только повторяло написанное Плинием. В XIII-м столетии Брюнетто Латини выражался так: «Амфисмения это вид змеи, имеющей (ij) две головы: одну на своем месте и другую в хвосте, и с обеих сторон она способна ужалить; проворно двигаясь, ее глаза излучаются как свечи». В 1480 году Иоанн де Кюба, написав свой *Сад Здоровья*, перевел Плиния следующим образом: «Плиний в VIII-й книге: голова змеи Ансибены двойная, то есть она обладает головой в обычном месте и в хвосте, как если бы было слишком мало одного

Фигура І. – Амфисбена. Согласно гравюре на дереве из *Hortus Sanitatis* de J. DE CUBA, édition française de Philippe Le Noir, 1539

рта для изрыгания и распространения яда... Глаза этой змеи святятся как лампы, факелы или фонари» (Фигура I) (3).

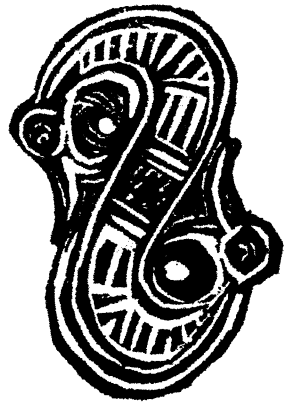
Эта странная рептилия, это невероятное животное, состоящее из двух тел, слитых воедино, и осужденное тянуть в противоположное направление от того, куда увлечено другое, или даже разворачивать одно напротив другого в неизбежном поединке, изображало у неоплатоников Александрии два начала, доброе и злое, которые борются за господство в мире, за обладание душами. Ее обе части являлись: «агаодаймоном», гением Добра, и «какодаймоном», гением Зла. Этот смысл амфисбена сохранила на протяжении последующих столетий.

Некоторые изображения Средневековья и более позднего периода представляют амфисбену, состоящую, как из черной змеи, так и серебряной или золотой змеи.

В средневековой геральдике верхняя змея амфисбены часто наделялась изящной парой крыльев (4); а нижняя обладала иногда лапами.

Вероятно эта эмблема пришла к нам, как и символические лебедь, волк и сова, из северных стран в мифические отдаленные времена, и ее одиссея распростерлась вплоть до северной Эфиопии. Она пришла к нам в Галлию вместе с готским искусством, особенно в форме аграфов или фибул в S, весьма привычных для усыпальниц лангобардов, бургундов и франков (Фигура II). Я не думаю, что ее нужно отождествлять с античным знаком S у Галлов, который, будучи водным или соляным, как мне кажется, больше соотносится с вопросом отправной точки жизни существ, благодаря оплодотворению зародышей.

Вышеназванные фибулы не все завершаются головами рептилий: большое число среди них снабжены птичьими головами с крючковатыми клювами, что наводит на мысль о головах орлов или грифонов. Их значение было тем же самым, что и смысл змеевидных фибул: орел и грифон издревле брались для поочередного изображения Добра и Зла, как и змея.

LCS

Фигура II. – Фибула в форме амфисбены из меровингских захоронений в Нормандии.

Согласно J. DE BAYE, *Industrie longobarde*, 1888, pl. VI

(1) NONNOS, *Les Dionysiaques*, chant X.

(2) PLINE, *Histoire naturelle*, Livre VIII, 35.

(3) Jehan DE CUBA, *Hortus Sanitatis*. Edition de Philippe Le Noir, Paris, 1539, 2e Part. IX.

(4) Cf. DE GASSICOURT et DU ROUGE DE PAULIN, *L'Hermetisme dans l'Art héraldique*, p. 110.

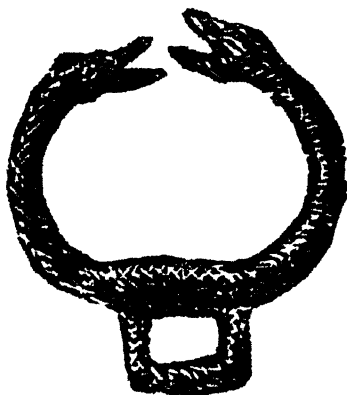
II. АМФИСБЕНА В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Пройдя европейские страны с Востока на Запад, на протяжении римского декаданса амфисбена стала уже известной в этих областях, распространившись здесь и христианизировавшись; старинная эмблема добра и Зла сделалась: «змеей с двумя головами, одна из которых изображает Христа; другая – Сатану» (1).

Она была простодушно изображена на золотой пряжке поясного ремня меча короля Кариберта (Caribert), погребенного в 567 году в Париже в церкви Сен-Жермен-де-Пре, где его могилу обнаружили и открыли в 1656 году (Фигура IV).

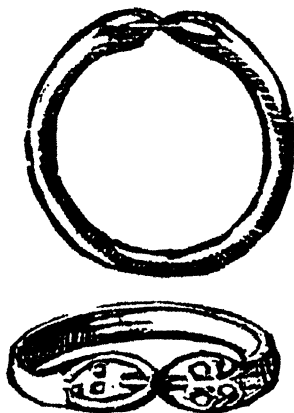
Фигура IV. – Золотая пряжка с ремня для меча короля Кариберта. Согласно бенедиктинцу Монфокону (MONTFAUCON, *Monuments de la Monarchie francaise*, T. I, p. 174)

LCL

Фигура III. – Бронзовая Амфисбена. Согласно DENEFFE, *Etude sur la trousse d'un chirurgien gallo-romain du IIIe siècle*. Pl. IV

К той же самой эпохе меровингских королей Франции VI-VIII столетий необходимо отнести великолепное бронзовое кольцо из Музея

LCL

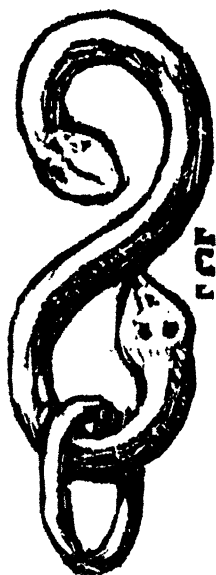
Фигуры V и VI. – Меровингское кольцо из Музея Труа

Труа (Фигуры V и VI) (2), как равно и другое, происходящее из Пюи-Нотр-Дам в Анжу, изготовленное из красной меди (Фигура VII). Амфисбена здесь сворачивается в круг, и обе головы рептилий расположены рядом лицом к лицу. Этот малохарактерный тип украшения, кажется, вновь появляется в период Ренессанса и в течение нескольких лет обретает благосклонность у французского ювелирного искусства в виде колец и браслетов, наделенных символическим значением.

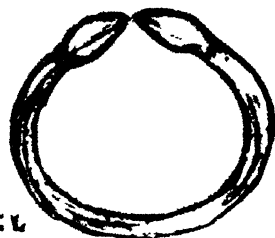
Христианский смысл проявляется более четко на крюках крепления для средневекового литургического облачения, происходящего из аббатства Лессэ (Lessay) (Манш) (Фигура VIII).

Было бы интересно узнать, уделяли ли определенное внимание амфисбене еретики средневекового периода, в том числе Павликиане, Богомилы и альбигойские Катары, верившие

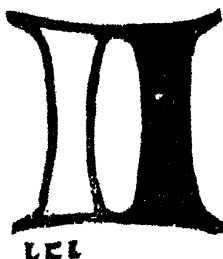
в существование двух для них божественных начал – Доброго и Злого?.. Астрономический знак Близнецов, – два инициала I, тоящие рядом и соприкасающиеся: один белый, а другой чер-

Фигура VIII. – Серебряный связующий крюк из аббатства Лессэ (Манш). У господина каноника Лерозея (Lerosey), 1910 год

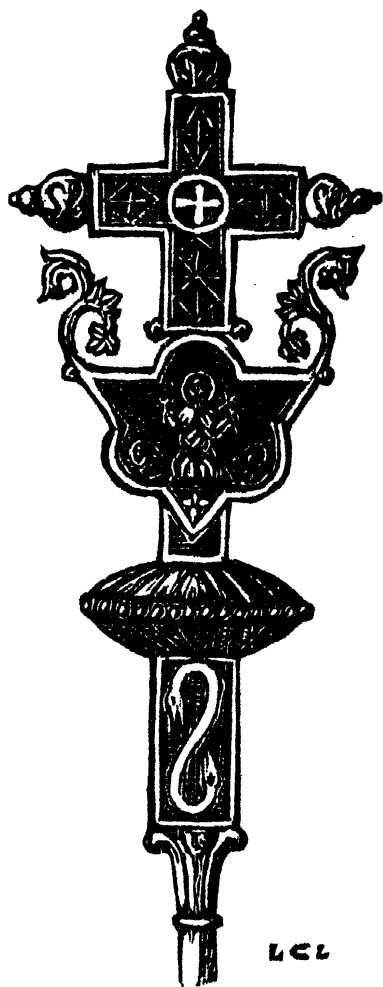
Фигура VII. – Бронзовое кольцо, происходящее из Пюи-Нотр-Дам (Мэн и Луара). Из кабинета автора

Фигура IX. – Астрономический и герметический знак Близнецов

Фигура X. – Амфисбена Внутренней Звезды; конец XV-го столетия

Фигура XI. – Геральдическое изображение Амфисбены, XV-е столетие. Библиотека господина дю Беллэ

ринного греческого лекаря Диоскорида, касающиеся укусов амфисбен или «энной» («επνογες»), признает, что эти рептилии являются только «сказочными» существами.

В ту же самую эпоху на профаническом уровне и в области медицинских знаний противостояние двух частей амфисбены стало одной из эмблем борьбы, ведущейся в физическом естестве больного, между заболеванием и терапией. Это же в определенных рамках борьба добра и зла.

ный (Фигура IX), – являвшийся у некоторых из них эмблемой их верования, достаточно приближен к Амфисбене, наполовину белой и черной на отдельных средневековых изображениях.

Тетрадь эмблем *Внутренней Звезды* XV-го столетия нам представляет поразительную черно-белую амфисбену (Фигура X). Верхняя змея имеет крылья амфиштера и носит корону, украшенную геральдическими лилиями королей; нижняя, целиком черная, наделена лапами ящерицы, вцепившимися в землю, чтобы противостоять взлету своей божественной части.

Сто лет спустя геральдический документ из библиотеки древнего аббатства ла Буассьер в Анжу у господина Ж. Паллю дю Беллэ освящает поражение змея преисподней. Он нам показывает белую рептилию в полном полете, увлекающую за собой немощного и жалко висящего злого змея (Фигура XI).

В том же XVI-м столетии, тем не менее, еще верили в реальное существование змеи с двумя головами, и мы ее видели в *Саде здоровья* Иоанна де Кюба, опубликованном в 1491 году, переизданном в 1539 году Филиппом ле Нуаром и изображающим амфисбену в соответствии с Книгой Плиния, как реально существующее животное (Фигура I). Однако немногим позднее Маттиолус (3), комментируя медицинские предписания ста-

LEL

Фигура XII. – Процесстонный крест из Абиссинии. Согласно *Le Magasin pittoresque*, loc. cit.

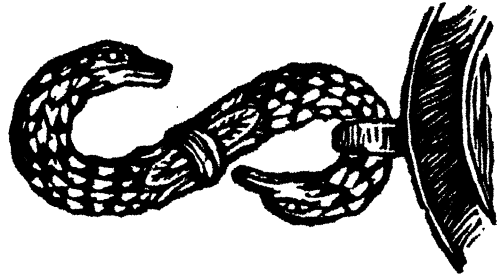
В Абиссинии коптское духовенство сохранило до наших дней в амфисбене ее христианский и традиционный смысл. Я воспроизвожу рядом великолепный абиссинский процессионный крест, опубликованный в прошлом столетии *Живописным Журналом* (Фигура XII) (4). На этом литургическом предмете религиозное значение двойной змеи не подлежит никакому сомнению.

LECV

Фигура XIV. – Амфисбена в Геральдике: на серебряном поле щита лазоревая Амфисбена. Согласно Alph. LABITTE, *Traité élémentaire du blason*, p. 110

Амфисбене древнего мира, поскольку строго ограничены югом Американского континента (5).

Фигура XIII. – Крюк поясного ремня офицеров французской армии (гравюра на дереве Р. Робера для настоящего произведения)

Даже сегодня поясной ремень шпаг офицеров французской армии соединен со своей пряжкой двойной змеей, свернутой в S, украшавшей с VI-го столетия ремень короля Кариберта (Фигура XIII). Я не знаю, какая идея заставила принять данную эмблему борьбы Добра против Зла, Христа против «Господина всякого зла», чтобы поддерживать на своем боку нашим французским офицерам шпагу, но этот выбор от счастливой преемственности.

Отметим, завершая, что в мире реальных змей существуют две разновидности Змееподобных,двигающиеся одинаково хорошо, как вперед, так и назад. Современные натуралисты им дали наименование *Amphisbena alba* и *Amphisbena fuliginosa*; они представляют собой ту же особенность: их очень тонкая голова и очень плотный хвост походят друг на друга. Тем не менее, они не могли служить прототипом двуглавой

- (1) GUENON, *Le Roi du Monde*, p. 35; *Seth*, in *Le Voile d'Isis*, 1931, № 142, p. 585.
- (2) Смотреть М. DELOCHE, *Etude sur les Anneaux sigillaires et autres des premiers siècles du Moyen-âge*, p. 335, № CCXC.
- (3) MATTHIOLUS – *Comment. Sur Dioscoride*. S. VI, Ch. XLVIII. Edit. de 1655, p. 594.
- (4) *Le Magasin pittoresque*. Согласно М. LEFEBVRE, *Voyage en Abyssinie*. Avril 1856, p. 128.
- (5) Смотреть J. TROUSSET, *Nouveau Dictionnaire encyclopédique*, T. I, p. 159, 3e col.

ГЛАВА СТО ОДИННАДЦАТАЯ

ДВЕ ЗМЕИ КАДУЦЕЯ

1. КАДУЦЕЙ ПРЕЖДЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ

Вот еще один символ, пришедший к нам из отдаленной истории народов. Некоторые думали его повстречать на доисторических памятниках Галлии: господин пастор Ле Кур, например, его различает на стене дольмена из Порника у Нанта, хотя фотографии и рисунки этого артефакта, которые лояльно приводятся Ле Куром, кажется, не позволяют с уверенностью говорить о его идентичности (Фигура I) (1). Со своей стороны, доктор Бодуэн написал даже Предысторию Кадуцея, работу, на которой я здесь не буду никак останавливаться, где он еще представляет вышеназванный символ как эмблему «божественного сына» у Финикийцев! (2)

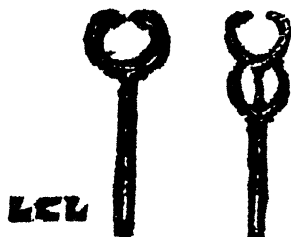

Фигура I. –
Переплетенные змеи
дольмена Порник.
Согласно рисунку
господина Ле Кура
(M. P. Le COUR, *Op. cit.*)

Но мы, бесспорно, обнаруживаем фигуру кадуцея на монетах галльского племени Лонгосталетов, появившихся, кажется, будучи вдохновленными греческими монетами из Агригенты (3). Раскопки Рома в Пуату представили, с другой стороны, маленький бронзовый кадуцей, вероятно, сделанный по обету, который, вне всякого сомнения, предшествует завоеванию Галлии Цезарем (Фигура II). Змеи на нем не разделены срединным жезлом, каковые его не всегда имеют даже на артефактах классических стран (Фигуры III и

Фигура II. – Бронзовый
кадуцей (реальная
величина), найденный
в Роме. (D. S.) Коллекция Ги
Блюмера в Лудюне (Вьенн)

Фигура III и IV. –
Кадуцей из Лариссы
в Эолии. Смотреть
A. DE BARTHELEMY,
Op. et loc. cit. (note 4)

Фигура V. – Кадуцей
на погребальной урне.
Согласно Ant. RICH,
*Dictionnaire des
Antiquités romaines
et grecques*, p. 89

ся, замерли лицом друг к другу (5).

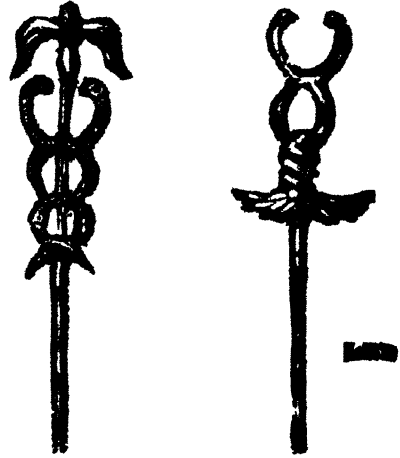
В первые годы нашей эры в Александрии Египетской Филон Иудей описал кадуцей как «белый посох, являющийся знаком мира и дружбы» (6).

Греки равно сделали из кадуцея эмблему торговых и мирных взаимоотношений между народами: эти отношения и все с ними связанное находились под покровительством Меркурия. Вот почему срединный жезл кадуцея в античном искусстве часто украшался крыльями, которые изображения этого бога имели на своих каблуках и на носимой ими широкополой шляпе (Фигуры VI и VII).

IV), знавших, как, по крайней мере, эллинистический Египет, эмблему кадуцея за несколько столетий до нашей эры (4).

Впрочем, мы не ведаем, откуда этот символический мотив получил происхождение, но мы знаем, что у древних Греков он рассматривался

как один из символов Мира. И вот сказка, изобретенная их мифологией для одобрения данного значения. Однажды юный бог Меркурий прогуливался по склонам горы Киферон и встретил двух змей, ожесточенно боровшихся друг с другом; бог тотчас бросил между ними, чтобы их разделить, оливковый жезл, полученный им от Аполлона, и тогда змеи обвились вокруг него и, прекратив сражаться,

Фигуры VI и VII. – Греческий Кадуцей.
Смотреть S. REINACH, *Répertoire de
la Stauaire grecque et romaine*.
T. II, vol. I, pp. 150-157

- (1) Смотреть P. LE COUR, *A la recherche d'un monde perdu*, pp. 69, 71.
- (2) BAUDOUIN, *Le Préhistoire du Caducée*, p. 25.
- (3) Смотреть A. DE BARTHELEMY, *Numismatique de la France*, p. 5, fig. 11.
- (4) Смотреть A. DE BARTHELEMY, *Nouveau Manuel de Numismatique ancienne*, p. 19, pl. VIII, № 281, 283.
- (5) Cf. HYGIN, *Poeticon astronomicon*, II, 7. – MACROBE, *Saturnales*, I, 19.
- (6) Смотреть PHILON LE JUIF, *Que le Monde est périssable*, in *OEuvres*. Edition française de 1588, p. 437.

II. КАДУЦЕЙ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА. ЭМБЛЕМА МИРА И ПРОЦВЕТАНИЯ

Кадуцей редко появляется в первоначальном христианском искусстве; тем не менее, он и здесь сохранял смысл эмблемы мира, особенно вне конкретных религиозных кругов.

Однако возможно, что он обладал этим значением в священном декоре римских катакомб, например, на одной фреске из катакомб Каллиста, датируемой началом IV-го столетия. На ней мы видим дважды образ прыгающей газели, несущей кадуцей, как мы видим мистического Агнца, несущего свое триумфальное знамя; кроткое и мирное животное, которое окружают цветы (Фигура VIII) (1), могло бы там быть эмблемой мира, кроме Того, Кого Исайя приветствовал пророчески в звании «Князя Мира» (2) и Кого римская литургия называ-

Фигура VIII. – Газель, несущая Кадуцей. Фреска из катакомб Каллиста в Риме, IV-е столетие

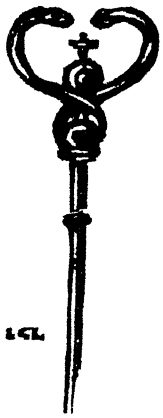

ет «Миротлюбивым Царем» (3). Древняя принадлежность кадуцея античному Меркурию не является предположением, сильным от обратного: высшее христианское духовенство Рима, как и епископат Александрии, хорошо знало, что Платон, например, отождествляет Гермеса с самим Логосом, Творящим Словом, и что, с другой стороны, кадуцей мог быть сохранен, независимо от связи, возможно запоздавшей, которая его связывала с Меркурием, как идеограмма Мира.

Фигура IX. – Кадуцей мира и Процветания. Согласно офорту Мари Брио (Marie Briot); in I. BAUDOUIN, *Recueil d'Emblemes divers*, édition de 1632, p. 454

С тех пор кадуцей постоянно сохранял этот смысл, если даже Средневековые заставило носить его с этим точным значением посланников мира, и что его имя давалось посоху из голубого бархата, украшенному золотыми геральдическими лилиями, которые носили на церемониях двора Франции герольды и офицеры королевского церемониала ("Rois d'Armes") (4).

Кадуцей был также эмблемой Процветания, дочери Мира. В этом качестве он обычно соединен с Рогом изобилия, ведь Процветание составлено из плодов, даваемых нам землей-кормилицей и удачными торговыми отношениями между народами, на что указывает петас, крылатый шлем Меркурия, поднимающего жезл Кадуцея (Фигура IX), который, по меньшей мере, как голубь не держится на своем месте, «чтобы засвидетельствовать честность коммерческих отношений» (5). Я встречаю эту особенность на знаке печатника, украсившего оторванную страницу титула одной книги, где сверху читается: "*Flavii Iosephi, patria Hierosolymitate, religion Iudaei...*"; и под знаком: "*Basileae apud Io. Probenium, Anno M.D.XIII*" (Фигура X).

Змеи и срединный жезл миротворческого кадуцея должен быть из золота или серебра. В течение «Недели Литургий» в 1925 году Его Высокопреосвященство Монсеньор Шептицкий, русинский митрополит из Львова в Польше имел пастырский посох, увенчанный золотым крестообразным шаром, который окружали две переплетенные серебряные змеи, как и рептилии на кадуцее (Фигура XI): разве это не было истолкованием ангельского

Фигура XI. – Пастырский посох Монсеньора Шептицкого, русинского митрополита из Львова (1925 год)

Фигура X. – Торговый Кадуцей на знаке печатника XVI-го столетия

возгласения над Новорожденным из Вифлеема: "*in terra pax hominibus voluntatis*" – «на земли мир, во человецех благоволение»? (6)

- (1) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. II, vol. II, col. 1546.
- (2) *Книга Пророка Исайи*, Глава 9.
- (3) *Bréviaire romain*, Office de Noël, Ire antienne.
- (4) Cf. J. ADELIN, *Lexique des termes d'Art*, p. 66.
- (5) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 232.
- (6) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 2, стих 14.

III. КАДУЦЕЙ В ГЕРМЕТИЗМЕ ХРИСТИАНСКИХ ВРЕМЕН

Согласно Грийо де Живри, алхимики видели в двух змеях эзотерического кадуцея, одной белой, а другой черной, эмблему двух частей растворенного металла: одну земную; другую водную, которые необходимо закрепить одну в другой (1).

У Евреев, по словам Элифаса Леви, две змеи обозначали обрезанных Израильтян и необрезанных Язычников: белый Самаэль и черный Самаэль (2).

Каббала взяла белую змею как знак активного начала и черную змею за знак пассивного начала.

Для некоторых христианских герметистов две противостоящие рептилии являлись: белая эмблемой Христа, доброго начала; и другая, черная, фигурой inferнального подстрекателя и вдохновителя зла; разделяющий их посох был образом человеческой души, вокруг которой ведется вечная борьба. Здесь мы абсолютно отступаем от античной миролюбивой концепции, чтобы присоединить агрессивный символизм Амфисбены.

(1) GRILLOT DE GIVRY, *Le Musée des Sorciers, Mages et Alchimistes*. Edition de 1929, p. 398.

(2) Eliph. LEVI, *Le Grand Arcane*, p. 169.

IV. МЕДИЦИНСКИЙ КАДУЦЕЙ

На десерт зададимся вопросом, разве не с большим опозданием медицина сделала своей профессиональной эмблемой кадуцей, составленный из двух переплетенных между собой змей вокруг одного зеркала античной формы, к которому слишком часто присоединены два крыла? Скажем только, что крылья, напоминающие о Меркурии, по ошибке сближают во многом благородную медицинскую профессию с идеей коммерции. Две змеи медицинского кадуцея, являющиеся змеями Эскулапа и Гигии, должны были целесообразно переплетаться лишь вокруг дубины Эскулапа.

каду

Фигура XII. – Кадуцей медицинской службы армии Соединенных Штатов Америки во время европейской войны 1914-1918 гг.

ГЛАВА СТО ДВЕНАДЦАТАЯ

УРОБОРОС

I. УРОБОРОС

Эта змея, согнутая в полный круг, которая держит край своего хвоста в своей пасти. Ее имя происходит от данной отличительной черты, поскольку по-гречески *oura* обозначает «хвост» и *boros* пожирающий, «который пожирает»; отсюда греческое слово *ouroboros* и греко-латинское слово *ourovorax*, коим пользовались отдельные авторы.

Древние Греки заимствовали эту эмблему у Египтян, связывавших ее, по свидетельству Олимпиодора и Плутарха, со звездными проявлениями, о которых мы расскажем дальше, и наделили ее различными метафизическими значениями, казалось бы, значительно усилившимися на пути столетий. После Римлян ее восприняли некоторые христианские и еретические секты, хотя мы точно и не знаем с какими значениями. В течение раннего Средневековья и после алхимии, герметисты, а затем религиозные и дворянские геральдисты его освящали до наших дней.

II. УРОБОРОС

Наиболее известный смысл, приписанный Древними уроборосу, сближает его со Временем, которое одно с Богом никогда не имело начала, и не будет никогда иметь конца, поскольку оно не что иное, как нить, из которой соткана вечность. Согнутый в круг Уроборос, срачивающий давлением своих челюстей две крайности своего тела, не совершает больше, чем Все, без решения вопроса непрерывности, соединяя в себе начало с концом, входя в обладание того, что является сущностью вечных вещей (1).

Египтяне с ним связывали ход небесных светил, которые нам показывают времена года и наши новолетия, периоды которых нам позволяют измерять непреодолимое течение времени (2) или, как говорит Вергилий, «невосполнимый бег времен».

Тем не менее, получается, что первоначальный смысл эмблемы уроборо-са по-особенному соответствовал циклической непрерывности, этому неизбежному и регулярному обновлению циклов, непрерывная последовательность которых образует вечность.

Очевидно, что в глазах Древних эти обновления изображались благодаря свойству, которым обладают змеи, периодически меняя кожу, поскольку они полагали, что получая «новую кожу», рептилия обновляла также и свою

жизнь. Тертуллиан объясняет это следующим образом: змея, по его словам, «меняет кожу и возраст, имеющийся от природы. Тотчас, как она начинает предчувствовать старость, то удаляется в укромное место и оставляет там свою сморщенную кожу, и, снявши ее с себя от появления на свет, в то же самое время ускользает оттуда, выползая из своей норы только блистая и омоложившись» (3).

Греко-римская мифология и использовавшая ее иконография сделали из Уробороса атрибут бога Сатурна, бывшего сыном Цолуса (Coelus), обозначающего Время и называвшегося Греками *Хроном*: они изображали его в виде старика, державшего в своей правой руке серп, а в другой уроборос, поскольку в потоке лет последний месяц всякого года соединяется с первым месяцем другого, как соединяются голова с хвостом кругообразной змеи. Именно в этом значении эмблема сродни мифу о Янусе, под головой которого соединяются два образа – будущее и прошлое, изображая, как профиль юноши, так и профиль старика (4). В их непрерывном единстве пребывает Вечность.

На другом плане философы, такие как Алкмеон (5), применяли эмблему уробороса не только к циклической непрерывности, но равно к непрерывности человеческой души.

(1) ALCMEON, *De la nature des Choses*.

(2) HORAPOLLON, sec. PLUTARQUE, *Isis et Osiris*. Traduction Mario Meunier, p. 73, note.

(3) TERTULLIEN, *Du Manteau*, III, Traduction de Genoude, T. II, p. 159.

(4) Смотреть MACROBE, *Les Saturnales*, Liv. I, ch. XX.

(5) ALCMEON, *De la nature des Choses*.

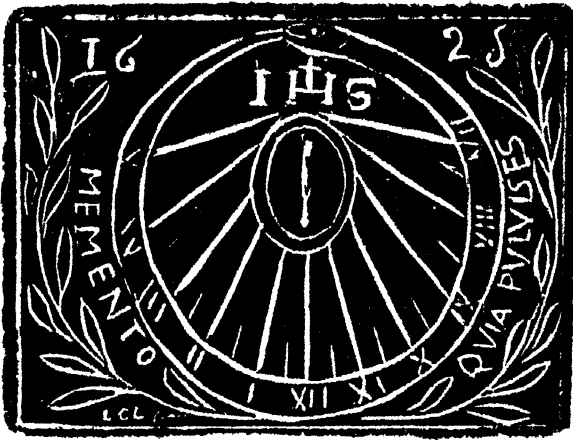
III. УРОБОРОС И ДВИЖЕНИЕ

Второе значение, которым уроборос обладал у Древних, было олицетворение движения и вековечности силы, приводящей его в действие, поскольку не только изогнутый в окружность он может вращаться наподобие колеса или детского обруча, но еще и потому, что змея в натуральном виде, лишенная двигательных членов, коими наделены другие животные, движется, тем не менее, как и они, и с настоящей скоростью благодаря одной внутренней игре своих боков и вентральных пластин, игре, передаваемой вследствие волнообразных боковых и двигательных колыханий.

Эта внутренняя и самодвижущаяся сила заставила Египтян взять его в качестве образа космического дви-

Фигура I. – Гадюка
Хаже на голове
Гора или Ра.
Скульптура из Фив

Фигура II. – Старинный солнечный циферблат от 1625 года. Дом священника из Серверетта (Лозер). Согласно рисунку XIX-го века

жения, хода светил в пространстве и, значит, течения времени и непрерывной последовательности его фаз.

Несомненно, рассматривая ее в своей круговой форме, Плутарх говорит о змее, что Египтяне сравнивали ее со светилами (1). Когда священная Уреус, гадюка Хаже, сворачивается в круг на голове сокола Ра или на голове Гора, восходящего солнца, она означает возвращение этого светила и его дневной старт для своего ослепительного пути; но тогда голова и хвост священной рептилии выходят за черту

круга: это больше не *уроборос* в строгом значении слова (Фигура I).

Несмотря на поток столетий, мы его иногда обнаруживаем на относительно недавних гномонах, где он заключает в свой круг часы, которыми отмечен ход солнца. Вот он на одном циферблате из Ардуа, датированном 1625 годом, где его голос напоминает человеку о бесполезности сопротивления в его жизни действию времени, отмеряемого часами: "*Memento quia pulvis es*"; «Помни, что ты – прах!» (Фигура II).

Кажется, позволительно думать сегодня, что в некоторых кругах древнего мира уроборос равно являлся образом кровообращения в человеческом теле. Значит, эта циркуляция, предстающая бегом и возвращением, была известна задолго до Харвея (1578-1658), который лучше чем кто-то до него объяснил ее механизм.

(1) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, 74.

IV. УРОБОРОС И ОБНОВЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Наиболее эзотерический смысл уробороса исходит от этого вымысла, дорогого Древним, согласно которому «змей пользуется долголетием без соперника, он молодеет, старея, и возрождается сам по себе тотчас, когда завершается его рост и должно начинаться его увядание» (1). На самом деле его имя указывает на то, что он питается самой своей плотью: *Boros-oura*, «он пожирает свой хвост»; значит, благодаря собственной сущности змей, со-

гласно древнему вымыслу, восстанавливается по мере того, как на него действует изнурение времени и жизни. Наши французские крестьяне, конечно, в некоторых провинциях полагают, что если нанести удар по телу змеи между концом ее хвоста и жизненно важными органами, то ее тем самым разрушенная часть сама по себе отваливается и затем восстанавливается во всем своем первоначальном развитии. Я не знаю, насколько этот факт действителен для змей, но он бесспорен для стенных ящериц. Древние могли верить в наличие в хвосте рептилий жизненного и восстанавливающего начала, которое змея поглощала и усваивала в пользу долголетия своего существования, начинавшегося от края хвоста. Это восстановление самого по себе существа сделало из Уробороса в древнем мире эмблему непрерывности возобновления жизни, «вечного возрождения вещей» (2).

(1) CARCOPINO, *La Basilique pythagoricienne de la Porte-Majeure (a Rome)*, p. 310. – Cf. PHILON DE BIBLOS. F. H. G. III, p. 572, fr. 9.

(2) P. LE COUR, *A la recherche d'un monde perdu*, p. 47.

V. СТРАЖ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Философия и эмблематика прошлого рассматривали круг как образ Мироздания, бесконечный Космос, заключающий в себе Божество и все Его произведения.

Еще прежде них самые древние мифы мира сделали из змей, как и из дракона, являющегося гибридной громадной змеей, прирожденного стража сокровищ всякого естества, и мудрецы сблизили имя змея *Уроборос* с другим греческим словом *оугос*, одновременно обозначающим «стража хранилища», «спасителя и вождя»; они перенесли идею бесконечности изнутри Окружности на кольцо кругообразного змея, тем самым расположив все вещи в нем и под его защитой.

Мы обнаруживаем продолжение существования этой темы у греческих алхимиков Средневековья; она подтверждается византийским манускриптом XI-го столетия, находящимся сегодня в соборе Святого Марка в Венеции; она нам представляет в главе о Хризопеи Клеопатры неоднородный круг с простодушно начертанной внутри Уробороса надписью: *“En to pan”* – «Все есть Единым» (Фигура III) (1).

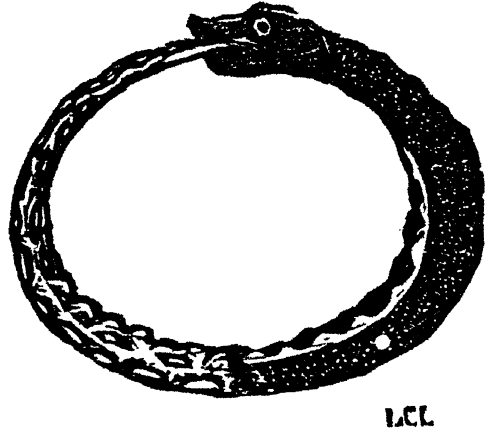

Фигура III. – Уроборос
Хризопеи Клеопатры.
Смотреть M. BERTHELOT,
Op. cit.

И это согласуется со сказанным Олимпиодором о древних египетских храмовых писцах, которые, желая «изобразить мироздание на памятниках или выразить его в священных письменах, гравировали змея уробороса» (Фигура IV) (2).

Как и амфисбены, эти алхимические уроборосы наполовину черные и белые.

Фигура IV. – Другое изображение бело-черного Уробороса Алхимиков. Согласно R. SIMONET, in *Le Miroir du Monde*, T. III, 1932, № 100, p. 134

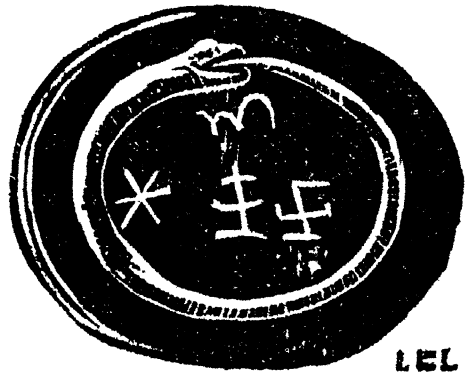
LCL

- (1) Смотреть Marcelin BERTHELOT, *Collection des anciens Alchimistes grecs*, p. 132, fig. XI.
 (2) OLYMPIODORE, *Sur l'Art sacré*.

VI. УРОБОРОС В ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА

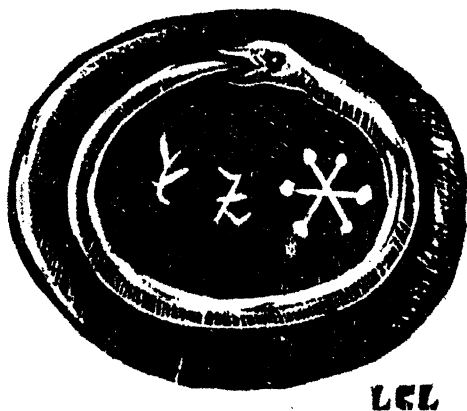
Облеченный с отдаленных времен значениями, главные из которых мы только что перечислили, Уроборос стал впоследствии добычей первых зачинщиков ереси, познанной в себе христианской Церковью; они его облели еще разнообразными смыслами, в том числе явно находившимися в разрыве с христианскими догмами.

Гностики по-особому использовали символ Уробороса; его находят на многочисленных абраксасах, оставленных нам ими, сопряженных с буквами или знаками, переданными следующим образом учеными авторами Шиффле, Капелло и Гори: Жестокость – Мысль – Бог – Круг – Осмотрительность – Проклятие – он его воодушевил – Аз есмь – Желание – навеки – мой Царь – моя Сила – Солнце – Твердыня Михаил – Образ Бога и т. д. Все эти загадочные выражения никак нам не говорят о смысле уробороса, столь часто изображаемого Гностиками. Мы знаем

LCL

Фигура V. – Гравированный гностический камень.
 Согласно Bernard PICARD,
Op. cit.

Фигура VI. – Гравированный
гностический камень.

Согласно Bernard PICARD, *Op. cit.*

только, что они за ним сохранили значение эмблемы годового цикла, движения и восстановления сущности в пантеистическом смысле, осужденном христианской доктриной.

В александрийском произведении *Pistis Sophia*, приписываемом в основном Гностикам-Валентинианам, которое другие рассматривают как сочинение Офитов, тело таинственной змеи разделилось на двенадцать частей, на двенадцать «эонов», соответствующих двенадцати месяцам годового цикла.

Присутствие внутри уробороса первоначальных и бесспорных эмблем Христа могло заставить ду-

мать, что змей-круг являлся у Гностиков одним из символов Иисуса Христа. После всего это возможно, хотя и ничем нам не доказано в абсолютном плане. Вот, например, Уроборос, выгравированный на камне, который Бернар Пикар относит к Гностикам-Василидианам: на нем мы четко видим монограмматическую звезду Христа, образованную наложением греческих букв *iota*, I, IESUS, и *chi*, X, XRISTOS; эта монограмма лежит; но другие письмена остаются для нас загадочными (Фигуры V и VI) (1).

Кажется наиболее очевидным, что Гностики вместе с Олимпиодором (2) и Древними видели в уроборосе образ Агатодаймона, доброго гения, помогающего и спасающего; и, возможно, отсюда они его сближали со Спасителем всех людей. Большое употребление, оказанное образу уробороса этими еретиками, помешало православным символистам первых христианских времен использовать его изображение в декоративном искусстве катакомб, и если позже он появился в христианской иконографии, то не стал в ней никогда распространенным.

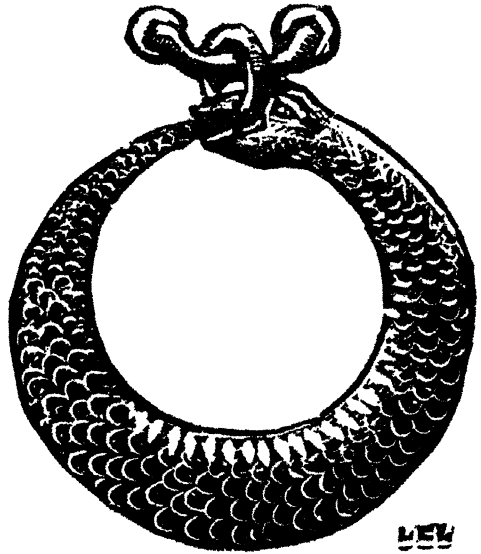
(1) Cf. Bernard PICARD, *Cérémonies et Coutumes religieuses de tous les peuples*. Edition de 1808, T. VI, Pl. XXIV.

(2) OLYMPIODORE, *Op. cit.*

VII. УРОБОРОС У АЛХИМИКОВ

Во время первых римских императоров Государство, с одной стороны, и нарождающаяся Церковь, с другой стороны, отвергали практики тех, кто предавался занятию оккультными науками; и в это всеобщее неодобрение

были включены те, кто слишком таинственно исследовали секреты естественных феноменов. Тиберий изгоняет из Италии «магов и математиков»; Клавдий и Виталий возобновили эдикты, запрещающие последних, а равно астрологов и колдунов. Со своей стороны, Тертуллиан, став отголоском христианских понтификов, протестовал против тех, кто пытался понять и объяснить загадки Книги Еноха, древнееврейского произведения апокалиптической привлекательности, составленной во II-м веке до нашей эры, упрекая их, в частности, в разглашении секретов золота и серебра; в поиске волшебства металлов, магических свойств драгоценных камней, таинственных добродетелей растений, магических заклинаний и пр. (1)

Фигура VII. – Большой бронзовый молоток: треть от реальной величины. Древний сад Предюмею (Predhumeau), у Паскена, Лудюн (Вьенн), XVI-XVII столетия

Фигура VIII. – Драконообразный Уроборос, «страж» герба Вартембергов. Согласно V. DE LA COLOMBIERE, *Op. et loc. cit.*

Гонимые таким образом со всех сторон adeпты этих исследований скрывали свою работу под таинственными формулами и под древними символами, для которых они приспособили значения, соблюдая ревностно их ключ.

Главной из этих эмблем был Уроборос (Фигуры III и IV).

Корни Алхимии, которая по-особенному связывалась с таинственным изучением металлов и чудесных камней, были замечательно исследованы ученым Марселленом Бертело (2); он нам сообщает, что взятый в своем общем значении и в Алхимии «кругообразный змей являлся *стражем* храма Знания и одним, кого победив, можно было пересечь порог священного места» (3). Установив в уроборосе «стра-

жа» своего сокровенного знания, Алхимики снова сделали обозначенное выше сближение имени этой эмблемы и греческого слова *ouros*, взятого в смысле «стража». Очень правдоподобно, что отсюда пошло распространение формы уробороса во Франции на многочисленные дверные молотки и молоточки, кованные или отлитые в XVI-м и особенно XIX-м столетиях.

Говоря о гербе Вартембергов из Германии, который окружает драконообразный уроборос, Вюльсон де ла Коломбьер писал в XVII-м столетии: «Здесь должен быть скорее так называемый Страж, но никак не щитодержатель» (4). Значит, геральдика еще соглашалась в этом с очень древней традицией (Фигура VIII).

Практически уроборос был в алхимических теориях иероглифом «распада тела путем ферментации» (5). Он предстал также эмблемой активного и пассивного элементов, обозначенных первый хвостом, а другой пастью рептилии; когда первый обеспечивал второй, как в античной теме, восстанавливающей сущность. Возможно, именно в этой герметической среде был сделано поначалу сближение эмблематического порядка между уроборосом и *Эликсиром долголетия*. На другом плане кругообразный змей еще являлся образом вечной Премудрости и непрерывности ее действия в мире.

Каббала рассматривает змея Нахаш, Эдемского соблазнителя, как «символ примордиального Эгоизма»; но уроборос еще лучше обозначает это таинственное влечение от себя к себе (6), поскольку самая крайняя часть его тела не удаляется от начала, чтобы возвращаться на кругообразный путь и укрепляться в нем: змей не отходит от самого себя.

Современные оккультисты равно рассматривают уробороса как знак «полного» и «пустого» (7), впрочем, посредством этого он был во все времена связан в герметическом символизме с порождающими органами мужчины и женщины.

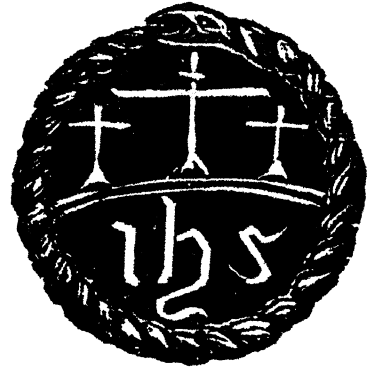
-
- (1) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. I, col. 1065-1072.
 - (2) Maecellin BERTHELOT, *Les Origines d'Alchimie*, Paris, 1885. – et Collection des anciens Alchimistes grecs.
 - (3) *Ibid. Collection des anciens Alchimistes grecs*. Liv. I. – Истинные «Алхимики», не отрицающие возможности трансмутации металлов благодаря философскому камню, искали совсем иную вещь, предоставляя материальные поиски «суфлерам», о которых трактовалось выше. Эти последние являлись отцами нашей современной химии, и именно к ним относятся произведения, исследуемые Бертело.
 - (4) V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, p. 458, édition de 1669.
 - (5) M. BERTHELOT, *Op. cit.*, L. I, traduction, p. 22. Смотреть в главе о Саламандре; эта рептилия свернута в круг, как и змей уроборос. Саламандра была алхимическим символом прокаливания.
 - (6) D. THORION, Ap. Maurice BARRES, *Stanislas de Guaita*, p. 24.
 - (7) Cf. PAPUS, *Traité élémentaire de Science occulte*, p. 172.

VIII. УРОБОРОС И ХРИСТИАНСКАЯ ЭМБЛЕМАТИКА

Авторы Средневековья выражались только экзотерическим способом о символе уробороса; некоторые среди них, такие как Альберт Великий, занимавшиеся Алхимией, были, конечно, осведомлены, но хранили для себя то, о чем они знали.

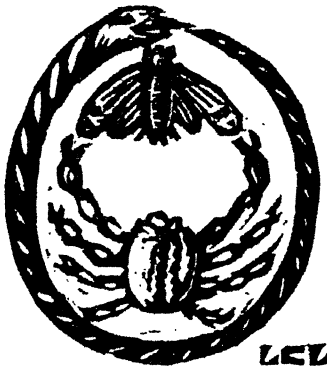
В XIII-м столетии епископ Манда Вильгельм Дюран нам только сообщает, что «перед изобретением букв у Египтян отмечали или обозначали год следующим способом: они изображали дракона, кусающего свой хвост, поскольку год, сворачиваясь, возвращается к самому себе». И именно так, добавляет он, «некоторые из них его еще обозначают» (4).

Естественно в числе этих духовных более или менее герметических сообществ, образовавшихся повсюду в течение Средневековья, об этом знали глубже, но их следы и особенно свидетельства их вида духовности и аскетизма, их методы благочестия, их особые поклонения становились очень редкими. Тем не менее, документы, как, например, из Кармелитского монастыря Лудюна и тетради *Внутренней Звезды*, происходящие одни и другие от XV-го столетия, доказывают наличие тогда глубокого знания, почти исчезнувшего сегодня, старинных традиционных символов, столь полных духовной пищи, и истолковываемых чаще всего в закрытых братствах, хотя и совершенно правоверным способом.

LCL

Фигура IX. – Уроборос
Внутренней Звезды,
XV-е столетие

LCL

Фигура X. – Торговый
знак Иоанна Фремона,
1549 год

В вышеназванных тетрадах Внутренней Звезды уроборос заключает в себе готическую монограмму имени IHESUS, сведенного к своим согласным IHS, и сверху священного имени возвышаются три креста Голгофы (Фигура IX). Замкнутый змей представляет здесь свое старое значение эмблемы непрерывности; непрерывной действительности искупительного жертвоприношения, вызывающих в памяти, как имя божественной Жертвы, так и образ спасительной виселицы, являвшейся орудием жертвоприношения. В звании атрибута уроборос добавляет здесь к воспоминанию об Искуплении утверждение вечной непрерывности его последствий. Это вызывание Искупителя, Который спас, спасает и спасет все души доброй воли, Искупителя, Который «был вчера, есть сегодня, и

LCL

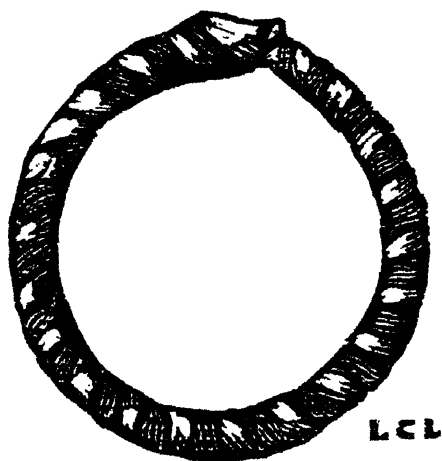
Фигура XI. – Герметический
Экслибрис (но не конкретно
масонский), XVII-XVIII вв.
Из кабинета автора

змей свидетельствует и утверждает, что Его милосердное сострадание продолжится всегда (Фигура XI).

На деревянном живописном панно XVIII-го века Уроборос венчает нимбом голову феникса, ограждающего алхимический знак серы

(5). Здесь две эмблемы, рептилия и сказочная птица, обладающих в самих себе двумя очень близкими друг другу преимуществами:

одна обновляет свою жизнь своей собственной субстанцией; другая возрождается из своего пепла; обе являются непрерывно живыми; Христос присутствует в этом в качестве автора личного воскресения, и с тех пор, по словам Святого Апостола Павла, «зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» (6).

LCL

Фигура XIII. – Меровингский
браслет из Вэйи (Эсн). Согласно
эскизу господина Г. де Фонтэна,
1895 год

LCL

Фигура XII. –
Уроборос
и «вензель» Христа,
ХР

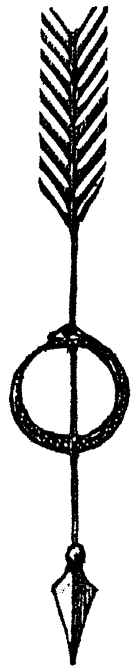
Фигура XIV. – Герб
Монсеньора
де Шамона
(de Chamon),
епископа Сен-Клода,
XIX-е столетие

и еще об одном великолепном золотом кольце, которое носил господин Поль Амигю (М. Paul Amigues) из Тулузы. Аграф и кольцо, возможно, хотели выразить непрерывность, обязательную для супружеской верности.

В религиозном или дворянском гербе равно проявляется идея непрерывной непрерывности, которую почти всегда выражается уроборосом. Герб Монсеньора де Шамона, епископа Сен-Клода (который, возможно, предстает геральдическим знаком его семейства), несет «на лазоревом поле стрелу, положенную диагонально поперх морского якоря (вниз слева направо) и касающуюся своим наконечником правого якорного крюка: все это серебряного цвета и находится внутри серебряного уробороса» (Фигура XIV) (7). Этот герб говорит о непреодолимом и вечном уповании на милость Всевышнего, столь часто обозначаемую в христианской Символике стрелой, падающей с неба, выпущенной божественной рукой.

В 1914 году в Кутансе на сундуке XVII-го столетия, украшенном живописными религиозными сюжетами, я обнаружил уробороса, пронзенного вертикально стрелой, упавшей с неба: здесь также божественная благодать и ее непрерывное нисхождение на наш мир (Фигура XV).

Фигура XV. – Мотив, изображенный на нормандском
сундуке XVII-го столетия. Кутанс, 1914 год

LCL

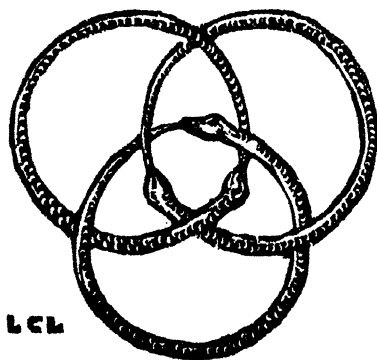
Во время Французской революции уроборос иногда одновременно появлялся в числе атрибутов, прославлявших новые идеи. Здесь он, кажется, просто выражает непрерывность «бессмертных начал», без которых никакая идея циклов или фаз не объясняла бы его использование.

- (1) DURAND DE MENDE, *Rational des divins Offices*, Liv. VIII, ch. III, I.
- (2) *Послание к Евреям Святого Апостола Павла*, Глава 13, стих 8.
- (3) Смотреть *Gazette des Beaux-Arts*, année 1876, p. 565.
- (4) Jehan FRELLON, *Les Images de la Mort*, edition de 1549.
- (5) Из кабинета автора. Смотреть выше в главе LV, *Феникс*, VI.
- (6) *Послание к Римлянам Святого Апостола Павла*, Глава 6, стих 9.
- (7) Cf. D'ARLOT DE SAINT-SAUD, *Armorial de Prélats français au XIXe siècle*, p. 155.

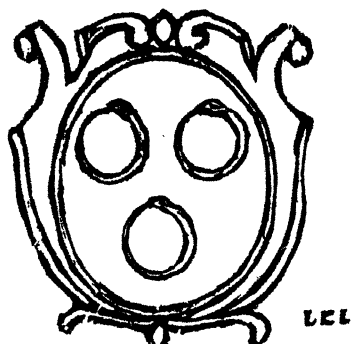
IX. ТРИНИТАРНАЯ ЭМБЛЕМА

Как мне кажется, необходимо видеть определенный символ Святой Троицы в трех уроборосах, несколько раз переплетенных между собой, окружности которых взаимно пронизывают друг друга согласно плану того, что называется в Символике *Scutum fidei*.

Античный образ непрерывной длительности, уроборос, таким образом, утроенный в единой совокупности, соответствует действительно, по крайней мере, тому, с чем соотносятся три простых круга – трем Вечным отличиям, образуя лишь одну Сущность. Пример, приводимый мной здесь,

Фигура XVI. – Тройной Уроборос. Итальянский геральдический мотив XVI-го столетия

Фигура XVII. – Три уробороса баронов де Лозон (de Lauzon)

предстает итальянской картиной, предоставленной мне Отцом Леонам де Лионом, хранителем Францисканского Музея из Рима (1926 год) (Фигура XVI).

И хотя на другой иллюстрации кругообразные змеи не переплетаются между собой, нет ничего поразительного в том, что тождественный тринитарный символизм руководил в композиции герба семейства де Лозон из Пуату, изображающего «на лазоревом поле трех серебряных змей, кусающих свои хвосты: две сверху и одна внизу щита» (Фигура XVII).

Х. УРОБОРОС, ЭМБЛЕМА ПОСВЯЩЕННОГО

На протяжении Средневековья всякая общественная жизнь покоилась на восходящей лестнице степеней, иногда ненавязчиво скрытной: Рыцарство, монашеские Ордена, ремесленные Корпорации, Сообщества всех видов, Университеты, нищенство сами по себе образовывались на этом уровне, который более древние времена указывали их создателям; и разве Священство не возшло от колыбели Церкви со своими младшими и старшими Орденами, завершавшимися Епископатом, конечным пределом таинства Ордена?

Ранее XIII-го столетия герметизм сделал из уробороса, быть может, со спорной уместностью, эмблему последовательных стадий, оканчивающуюся епископским достоинством, то есть полнотой священства. То, что нам не сообщают на эту тему церковные авторы прошлого, мы находим в алхимическом манускрипте:

«Священник, поначалу человек меди, изменялся цветом и естеством, — и, становясь священником, — он делался человеком серебра; малое время спустя, если ты желаешь, то обретешь его изменившимся в золотого человека» (1).

В тех же самых кругах Уроборос являлся, с другой стороны, Символом постепенных откровений Знания, Ведения, предназначенного для Элиты, и безмолвия, налагаемого на посвященного, ибо таинственно сворачиваясь в круг, уроборос закрывает сам по себе и благодаря самому себе рот. Не в этом ли смысле в XVII-м столетии знаменитый печатник и издатель Себастьян Мабль-Крамуази, возможно, наследник своих великих братств Аглы (Agla) (2), великолепно заключил в уроборос свой большой торговый знак? (3)

Видя в уроборосе только «символ великого люциферианского посвящения» Ш. Никуло оказался, поистине, близоруким, ведь этот змей являлся эмблемой всех посвящений, ведущих в развитии к последовательным этапам. Отметим, что уроборос отсутствует в литургическом убранстве люциферианской церемонии, недавно описанной Луатроном в одной брошюре, впрочем, достаточно загадочной (4).

Де Гассикур и дю Рур де Полен (du Roure de Paulin) нам сообщают, что Франк-Масонство часто представляет Уробороса головой вниз (5). Я не знаю, что оно желает выразить этим для тех, кто обладают его секретами, но обычно опрокидывание эмблем неблагоприятно для субъекта, изображающего перевернутую эмблему.

(1) BERTHELOT, *Op. cit.*, Liv. I, p. 23.

(2) Тайное братство, особо набравшееся среди Корпораций Книги в конце XV-го и в XVI-м столетиях, в том числе печатников, мастеров по пергаменту, переплетчиков, ксилографов и гравиров.

(3) Смотреть титул *La Science heroique*, par VULSON DE LA COLOMBIERE, 1669.

(4) H. LOUATRON, *A la Messe noire*.

(5) DE GASSICOURT et DU ROURE, *L'Hermétisme dans la Science héraldique*, p. 137, fig. 4.

ГЛАВА СТО ТРИНАДЦАТАЯ

САЛАМАНДРА

I. САЛАМАНДРА В ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЯХ

Саламандры являются земноводными рептилиями, форма которых приближена к форме ящериц. Саламандры окрашиваются в черный, красный, светло-желтый, желто-оранжевый и фиолетовый цвета. Несмотря на недобрую славу, они безобидные существа, которые становятся полезными, уничтожая значительное количество вредоносных личинок и насекомых.

Саламандры разделяются на несколько видов, о которых Кювье нам сообщает, что отдельные из них, исчезнувшие сегодня, достигали огромных размеров. Вид, которым занимается Символика, это *Salamandra maculata*, обычная в Европе и достигающая около двадцати сантиметров длины. Тело этой рептилии усеяно маленькими луковичеобразными шишками, выделяющими, когда животное в опасности или когда оно страдает, обильную бело-желтую слизь, способную, если саламандра оказалась на горящих углях, задержать на короткое мгновение ее сжигание.

Есть мало животных, о которых греческие и римские натуралисты, как о саламандре, собрали бы столько иллюзорных верований и вымыслов: Плиний на полном серьезе рассказывает, что «она такая холодная, что гасит огонь при контакте с ним, как сделал бы и лед. Гной, извергаемый ей из рта, заставил бы погибнуть все волосы человеческого тела, если бы к ним прикоснулся» (1).

Аристотель и особенно Элиан (2) еще больше преувеличивали чудесные свойства саламандры.

После них авторы Бестиариев и других символических произведений Средневековья сообщали, что безобидное существо смертельно отравляло воду колодцев и источников, куда погружалось; повреждало плоды деревьев, на которые поднималось (3); другие добавляли даже, что одно его присутствие могло испортить насыщающие напитки, и что само по себе оно не было ни самцом, ни самкой (4) или двумя одновременно и пр.

В конце XIII-го столетия еще верили, несмотря на противоположное мнение Альберта Великого, что саламандра совсем не страшилась огня: Брюнетто Латини это подтверждал: «Знайте, что саламандра живет в мягком, безболезненном и неповрежденном огне своего тела, но она угашает огонь своим естеством» (5).

Более того, Средневековье приписывало саламандре силу работать с разными материалами посреди горящих жаровен, сообщая им тем самым

уникальные качества несравненной действенности. Итак, мы читаем в знаменитом Парцифале: «Этот кафтан был сработан посреди пламени саламандры, изобретательными змеями...» (6).

Здесь речь идет о кольчуге из мелких монет или из стальных пластин.

«Император Индии, – говорит автор *Свойств Зверей*, – собрал саламандр в большом количестве и, взяв тысячу шкурок этих пожирателей червей, повелел изготовить для себя облачение, в которое одевался и благодаря которому защищался от огня, когда шел на битву» (7). Здесь кожу саламандры путают с тканью из горного льна, как и в следующем тексте: «Папа Александр, – говорит Викентий де Бовэ, – имел тунику, сделанную из шерсти саламандры, бывшую бледно-белой, и которую бросали в огонь, чтобы очистить» (8).

В XVI-м столетии важный, но столь часто простодушный Амвросий Паре все же утратил доверие к неуязвимости саламандры, что он объясняет так: «Маттиоли говорит, что саламандра, оказавшись посреди большого пламени, его съедает: это большое безумие полагать, будто огонь не может ее пожрать и будто она в нем живет, как хамелеон в воздухе» (9).

-
- (1) PLINE, *Histoire naturelle*, Livre X. – LXXXVI.
 - (2) ELIEN, *Des Animaux*, Livre II, 31.
 - (3) Cf. Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, XXXIII. *De la Salamandre*.
 - (4) Cf. Vincent DE BEAUVAIS, *Speculum naturale*, Livre XX. – XLIII.
 - (5) Brunetto LATINI, *Li Livre dou Trésor*, Livre I, CXLVI.
 - (6) Wolfram VON ESCHENBACH, *Parsival* XV. Tonnelat; edition Montaigne, Paris, T. II, p. 278.
 - (7) Cf. F. DENIS, *Le Monde enchanté*, p. 116.
 - (8) Vincent DE BEAUVAIS, *Speculum naturale*, Livre XVII, 2.
 - (9) Ap. Ambroise PARE, *OEuvres*, Livre XXI, *Des Venins*.

II. САЛАМАНДРА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Древняя христианская символика сделала из саламандры антитезу грифона: в последнем животном, двойную природу которого любил Данте, бюст и крылья орла восхищают в небо земную львиную часть; в саламандре, наоборот, задняя часть рыбьей формы, образующая плавник и способная нести животное на поверхности источников и чистых водоемов, чаще всего предстает увлеченной передней частью ящерицы в тошнотворную грязь и зловонные сосуды, где кишит груда нечистых личинок и отвратительных червей. За исключением этого неблагоприятного аспекта, Символика посвящала саламандре только благоприятные роли.

Опираясь на античные вымыслы, наши отцы часто делают из саламандры эмблему огня, «Духа огня»: персонифицированный Огонь на основании креста XII-го столетия в музее Сент-Омера держит в своей руке эмблематическую саламандру (Фигура I) (1). Алхимики из нее сделали символ

работы прокаливания (Фигура II) (2), и в этом качестве, по словам нео-окультистов, она эзотерически изображалась на портале Суда в кафедральном соборе Парижа в экзотерическом виде Правосудия.

Средневековье, как считает Клоке, порой олицетворяла огонь саламандрой: «Она была царем этого элемента и вследствие своего господства образом Иисуса Христа».

Саламандра являлась также эмблемой Правосудия: вот почему, как гласили античные легенды, саламандра, способная жить посреди пламени, поддерживала благой огонь и угашала злой. Вот почему, считается, что на совете Артюса Гуффье, герцога Роаннэ и Рабле (Arthus Gouffier, duc de Roannais, et de Rabelais), Франциск I составил выражение о своей эмблематической саламандре, окружив ее девизом: *"Nutrisco et extinguo"*: «Я питаю добрый огонь и угашаю зловредный» (Фигура IV) (3).

Так и судья обязан быть беспристрастным и совершенной честности, поддерживая не-

Фигура I. –
Персонифицированный
Огонь, держащий
саламандру,
изображенный
на основании креста
XII-го столетия.
Музей Сент-Омера

Фигура II. – Саламандра, свернутая
в Уроборос. Согласно греческому
алхимическому манускрипту № 2.

327 Национальной Библиотеки
в Париже, X-е столетие

виновного человека, и наказывая провинившегося.

Целомудрие и девственность равно взяли саламандру в качестве эмблемы, поскольку они проходят посреди пылающих вокруг них страстей, не будучи ими обожженными. Мы также видим саламандру в декоре кафедральных соборов, как атрибут этих добродетелей; и если в некоторых случаях состояние скульптур заставляло колебаться в выборе между ней и фениксом, то бесконечно вероятно, что там нужно было признавать ее (4).

В XII-м столетии Саламандра обозначала «безукоризненно честного человека», целомудренного и святого, добродетели которого одолевают пороки, и он от него удаляется:

«Благоразумный, доброй жизни человек –
Таким он предстает от честной веры,
Что угасает вскоре все вокруг себя,
Особенно огонь и пылкость вожделья...», –
как говорит Вильгельм де Норманди (5).

Исходя из той же самой идеи чудесной огнестойкости, этот же автор делает их столь благоприятной рептилии образ трех юных Евреев, вышедших невредимыми из печи (6).

«Огонь, объявший Ананию,
Мисаила и Азарию,
Не мог нисколько зла им причинить,
Ведь жизнью их благой он погасился...» (7)

Опираясь на все эти вымыслы и на употребление, которое сделали ей авторы капетинских времен, мистика конца Средневековья применила к Иисусу Христу и к Марии, Его матери, определенные аспекты этого символизма.

Огонь, изображающий саламандру, разве не являлся в то же самое время одним из атрибутов Спасителя, как вопрошает по поводу саламандры Монсеньор Барбье де Монто, Христа, сказавшего: *"Ignem veni mittere in ter-*

Фигура III. –
Саламандра
в пламени. Портал
Правосудия Нотр-Дам
в Париже, XIII-е столетие

Фигура IV. – Геральдическая саламандра Франциска I-го: декор окна
замка Азэ-ле-Ридо (Azay-le-Rideau) в Турени, XIV-е столетие

rat...” – «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»? (8) Мы видели выше, что иконограф Клоке подтверждает, что Средневековье сделало из саламандры благодаря ее господству над огнем образ Христа.

И если в сказке саламандра поддерживает благой огонь и заставляет угаснуть зловредный, распределительное правосудие Христа, рассматривающего каждого по своим делам, возвышает праведников в вечном свете и отбрасывает грешников во тьму бездны.

И если три юных Еврея вышли живыми и радостными из вавилонской печи, то Христос, нисшедший в пекло преисподней, победоносно его пересек. И здесь саламандра соединяется с Нильской гидрой, чтобы символически истолковать “*descendit ad inferos*” из «Символа Апостолов». Святой Пророк Исайя разве не пророчествовал в тех же выражениях, воспринятых авторами-символистами Средневековья (9): “*Si transieris per ignem, non combureris, flamma non exuret te*” – «... пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя»? (10)

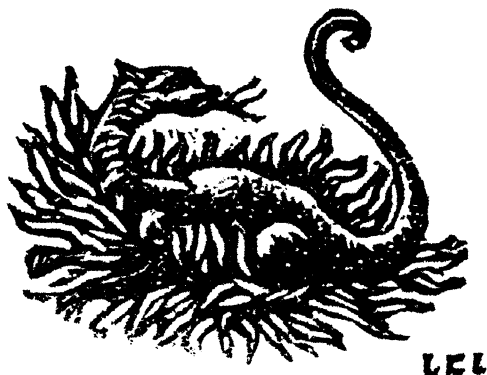
Атрибут девственности, проходящей через самые жгучие соблазны сего мира, что показывает миниатюра XVI-го столетия из Национальной Библиотеки в Париже (11), саламандра изображает в этом смысле Христа и Его мать, называемую Церковью «Непорочной» (12); Иисус разве не бросил в лицо своих врагов этот чистый и решительный вызов: «Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?» (13)

Наподобие саламандры в пламени, Сын и Мать прошли человеческое царство греха, не приобретя здесь и тени наименьшего пятна.

- (1) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 122, Pl. VIII, № 86ю
- (2) CLOQUET, *Eléments d'Iconographie chrétienne*, p. 353.
- (3) Cf. Henri CLOUZOT, In *Bulletin de la Société des Antiquaires de France*, année 1908, p. 193.
- (4) Cf. Emile MALE, *L'Art religieux du XIIIe siècle en France*, p. 147.
- (5) Guillaume DE NORMANDIE, *Le Bestiaire divin*, loc. cit.
- (6) Книга Пророка Даниила, Глава 3, стих 1-97.
- (7) Guillaume DE NORMANDIE, *Op. et loc. cit.*
- (8) От Луки Святое Благовествование, Глава 12, стих 49.
- (9) Cf. C. HIPPEAU, *Le Bestiaire divin de Guillaume, clerc de Normandie*, Observations, p. 176.
- (10) Книга Пророка Исайи, Глава 43, стих 2.
- (11) Смотреть BARBIER DE MONTAULT, *Op. cit.*, T. II, p. 220.
- (12) *Ibid.*, *Op. cit.*, T. I, p. 133.
- (13) От Иоанна Святое Благовествование, Глава VIII, стих 46.

III. САЛАМАНДРА В ДВОРЯНСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Будучи верным отголоском тематики мистической Символики Средневековья, геральдическое знание сохранило за саламандрой ее характер Чистоты и Целостности во всех значениях, которые могут иметь эти слова. Оно заставило выражать ее, сверх того, «стойкость в испытании», поскольку она держится в пламени, где никакое живое существо не может пребывать безнаказанно. Рыцарская саламандра сумела сохранить себя от всех посягательств вероломства, несправедливости, бесчестия и трусости, одним словом, от всего того, что способно запятнать герб. Таким образом, она утверждается на щите семейства Салемандрис (Salemandris) из Сиенны: *«на черном геральдическом поле серебряная саламандра, находящаяся в красном пламени»* (1); на гербе фамилии Жабело (Jabelot) из Франш-Конте: *«на черном геральдическом поле серебряная саламандра, увенчанная золотой короной и пребывающая в красном пламени»* (2); и на гербе Пьеров де Брекуров (Pierres de Brécourt): *«на золотом геральдическом поле красная саламандра в костре того же цвета, сопровождаемая тремя зелеными крестиками: 2 и 1»* (Фигура V) (3).

Фигура V. – Эмблематическая саламандра Салемандрисов из Сиенны (Италии), одно из экзотерических значений которой это олицетворение невозможности для испытаний, XVI-е столетие

(1) Cf. V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, pp. 381, 383.

(2) *Dictionnaire du Blason*, dirigé par Bérard, 1772, p. 158.

(3) *Ibid.*, *Op. et loc. cit.* et Album, Pl. VII, fig. 388.

ГЛАВА СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЛЯГУШКА

ЖАБА

I. ЗЕЛЕНАЯ ЛЯГУШКА; РЫЖАЯ ЛЯГУШКА

Лягушка!.. Вот еще смиренное творение Божие, имя которого западные люди будут поражены увидеть среди животных, связанных с личным символизмом Господа Иисуса Христа благодаря почти-тельной мысли христиан первых столетий. И все же этого мало для того, чтобы ее христологический смысл наиболее явственно утверждался бы древними документами, поскольку среди них осталось лишь малое количество, способных прославить ее с отдаленного прошлого в истории общей символики человечества.

В Древнем Море две разновидности лягушек пользовались успехом в эмблематике; наиболее известна *зеленая болотная лягушка* (*Rana esculenta* Линнея); она в основном водная и выходит порой из воды только для того, чтобы погреться на солнце. Это она заставляет в приятный час летних вечеров слышать странные крики, которые Аристофан для Греков очень известной ономотопеей: “*Bré, ké, ké, kex, koax, koax!*” (1)

Рыжая лесная лягушка (*Rana temporaria* Линнея), привычная для лесов и чащоб Франции, погружается в воду только для нереста, очень редко возвращаясь оттуда. Более таинственная по своим привычкам, нежели ее водная родственница, она рассматривалась в народных преданиях прошлого как существо доброго предзнаменования; она поделила с европейской квакшей, *hila viridis*, симпатии простых людей; одна и другая, как считали они, несли немного счастья с собой. Поскольку рыжая лягушка почти не приближается к человеческим жилищам, встреча с ней во многих деревнях расценивалась доброй приметой и ее щадили. По-особенному именно с ней связаны символические смыслы, которыми пользовались мыслители и мистики прошлого.

(1) ARISTOPHANE, *Les Grenouilles*.

II. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЯГУШКА В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Ученые, занимающиеся доисторическим временем, неоднократно открывали останки лягушки с останками более древних человеческих существ. Чаще всего ни одного распознаваемого обозначения, кажется, не связывалось с их наличием, например, в Ма д'Азиле (Maz d'Azil) (1). Это не всегда так, поскольку совсем недавно во Вьей-Озэ (Vieil-Auzay) (Вандея), господин Герен, доктор наук, обнаружил, что скелеты некрополя, датируемые неолитической эпохой, задолго до использования металла во Франции, погребались с лапой лягушки в своей руке. В том же самом регионе обнаруживается тот же похоронный обряд в нескольких погребениях на две тысячи лет позже (2).

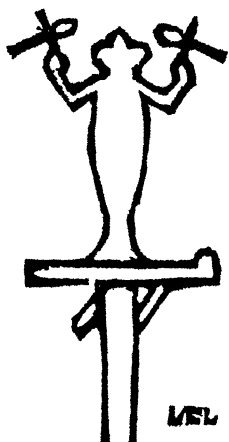
В Египте несколько тысяч лет до нашей эры лягушка была одной из эмблем всеобщей *плодовитости* в природе; и наиболее серьезные зоологические исследования допускают этот символизм, поскольку лягушка каждый год несколько раз нерестится и всякий раз несет по десять тысяч икринок (3). Один текст из эпохи Рамессидов показывает лягушку как иероглиф возобновления жизни, и другие документы ее ставят в услужение идей рождения, творения и воскресения. Как и для некоторых иных очень древних символов, воскрешающий характер основан частично на том факте, что лягушка исчезает в зимний период, возвращаясь только с возобновлением растительной жизни.

В позднюю эпоху в начале года выражалось даже обновление жизни словом «лягушка», *whm'nh*, синонимом *rnp*, «омолаживаться», корень которого находится в слове «год» – “*rnp-t*”.

Это может разъяснять присутствие аллегорической лягушки в руке бога Нила, плодотворные воды которого «обновляли лицо земли Египта». Именно с этим значением можно связать маленьких каменных и фаянсовых лягушек, используемых как печати и сохранявшиеся в могилах. Эти амулеты выражают верование в идею воскресения, обновления жизни в смерти; то же самое обстоит с образом свитка папируса, с которым часто соединены эти предметы, например, в многочисленных могилах Иеракомполиса (Hiéragopolis) и Абидоса (4).

Египетское жречество наложило на лягушку также задачу выражения богосыновства; артефакты, показывающие ее в изображениях появления на свет фараонов, предположительно рождаемых их матерью и верховным богом Амоном, это доказывает. Не было ли это покровительством для самодержцев данным парфеногенезом, девственным рождением, которого удостоились около VII-го столетия до нашей эры, как и неким подобием пророческой судьбы, все великие мифы бассейна Средиземноморья: так Атис, Орфей, Адонис, Дионис, Тамуз, а затем Будда – все они считались рожденными божественно оплодотворенной девой?

Ведали ли египетские жрецы, знания которых простирались удивительно далеко, о том, что неоплодотворенная самцом икринка лягушки может,

Фигура I. – Хекет
на скульптуре
из Луксора.
Согласно
A. MORET,
*Du caractere
religieux de
la Royauté
pharaonique*,
pp. 51, 53

тем не менее, давать рождение живому и нормальному существу с одним условием, что ее в воде легко коснется тонкая и жесткая иголка, например, терновника?.. (5) Труды наших современных биологов, особенно Лёба и Батальона, бесспорно, доказали этот факт, но кто смог бы с уверенностью сказать, что ученые древнего Египта о нем не знали?

С идеей плодovitости связана в египетских концепциях роль Хекет или Хикит, богини с головой лягушки, держащей в своих руках «ключ жизни», и которую один текст называет «Той, кто заставляет рождать» (6). Ее задачей являлись непрерывное зачатие и порождение «Яйца Мироздания», которому придает форму, непрерывно моделируя, мужской бог Хнум; она предстает тем самым богиней рождения и возрождения (7).

Случилось ли это потому, что лягушка представляет богиню Хекет, которую выражает в отражении, ту же самую идею, что и смысл в иероглифическом языке? Согласно Масперо, она не выражает полностью и прямо значение воскресения, являющегося ролью, предназначенной богине Хекет (8); но она его, тем не менее, интерпретирует, поскольку оно морфологически отождествляется с ней из-за ее весеннего появления после ее зимнего исчезновения.

Мы видим Хекет со своей головой лягушки в Деир-эль-Бахари в сцене вымышленного союза бога Амона-Ра и царицы Ахмаси, матери самодержавной Хатшопситу (9).

Помимо изображений таинственных зачатий и рождений, мы находим богиню с головой лягушки во многих документах, где она выражает начало жизни и ее возобновления, например, на алтаре богов в Дендере (Фигура I) (10).

В погребальной сокровищнице принцессы Кнумит лягушка из яшмы, лазури находилась рядом с мумией; она имеет глаза из граната в оправе из золота (11), и эта подробность заставляет думать тут же о рыжей лягушке наших лесов, имеющую склеру своих глаз цвета золота. Прочие лягушки из яшмы, лазури и сердолика происходят также из египетских погребений, составляющих часть важной коллекции Пассалакв (12). С другой стороны, познакомил с бронзовыми и агатовыми лягушками египетско-греческого искусства из музеев Лувра и Берлина и иными, происходящими из Каира, Берна, Австрии и т. д. (13)

Равно мы видим образ эмблематической лягушки с менее четким смыслом, нежели в усыпальницах: ей украшены одна античная монета из Люцерии (Фигура II) (14) и на многочисленных критских гончарных изделиях; возможно, и они вызывают в памяти идею плодovitости.

Халдея также ввела лягушку в свой эмблематический бестиарий, но мы не знаем, до какой степени метафизическая идея, ее представляющая, отождествляется с идеей, которой обладали Египтяне: вавилонская цилиндрическая печать, опубликованная Делапортом, на которой она фигурирует, не дает нам ключа к мистерии, поскольку персонажи, появляющиеся с лягушкой, сложны для идентификации (15).

На Дальнем Востоке, в том числе в Японии, со сказочных времен лягушке *kikageheru* приписывается духовная природа, которая ее делает, так сказать, нематериальной в течение времени и тем самым позволяет ей избежать неволи (16). Маленькая французская квакша явилась также, чтобы сделаться невидимой, когда фантазия ей разрешала, и это покоится на свойстве, при помощи которого она могла реально изменять цвет согласно цвету среды, где она пребывает, что сбивает с толку ее врагов (17).

Но кто нам скажет о точном смысле металлических лягушек, которыми владеет музей Сен-Жермен-ан-Лэ и которые происходят из погребений Колумбии, на многие столетия предшествующие изысканию Христофора Колумба в 1492 году. Могила от этой же даты и из той же страны восстановила лягушку, отлитую из золота, тринадцати сантиметров в длину и шесть сантиметров в высоту (18); ее величина и ее вес запрещают видеть в ней украшение; она могла быть только эмблемой, возможно, талисманной, соотносящейся, согласно всем очевидностям, с идеей плодovitости, даже в смерти, или в воскресении через растворение телесной оболочки.

Африканские негры бассейна Шари одинаково почитали лягушек из металла или из камня, которые являются для них амулетами.

Интересно было подчеркнуть здесь равный эмблематический интерес, связанный с лягушкой прежде христианской веры в Старом и Новом Свете.

LEL

Фигура II. –
Монета
из Люцерии,
греко-римская
эпоха

- (1) Смотреть PIETTE, in *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris*, 1895, p. 235. – *L'Anthropologie* 1895, p. 276.
- (2) G. G. GUERIN, *La Station néolithique des Chatelliers du Viel-Auzay*, in *Revue du Bas-Poitou*, année 1930, Livre III, (tiré a part, p. 10).
- (3) G. R. DE NOTER, *La Grenouille et son élevage*, I.
- (4) SPIEGELBERT et Ad. JACOBY, in *Sphinx*, T. VII, p. 219.
- (5) Cf. Ch. NORDMANN, *L'Au-dela*, p. 115.
- (6) Смотреть Alex. MORET, *Du caractere religieux de la royauté pharaonique*, pp. 51-53.
- (7) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. 62-63, col. 1810.
- (8) Смотреть MASPERO, in *Revue critique*, année 1879, T. I, p. 199.
- (9) Смотреть Alex. MORET, *Rois et Dieux de l'Egypte*, pp. 19, 21; fig. 21.
- (10) Cf. XXX, *Les figurations animales dans le symbolism religieux*, in *Atlantis*, T. III, № 23, décembre 1919, p. 54.

- (11) Cf. J. DE MORGAN, *Revue archéologique*, IIIe série, T. XXVI, p. 261.
- (12) J. PASSALACQUA, *Collection des Antiquités découvertes en Egypte par J. Passalacqua*, Paris 1826, p. 14.
- (13) S. REINACH, *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. II, vol. II, p. 778 et V. 876.
- (14) *Ibid.*, *Op. cit.*, T. V, p. 550.
- (15) Cf. L. MENARD, *Histoire des Grecs*, T. I, p. 261.
- (16) Смотреть DELAPORTE, *Catalogue des Cylindres orientaux*, in *Annales du Musée Guimet*, année 1909, p. 60 et pl. v. № 80.
- (17) Cf. M. DEVOX, *Le Shinthoïsme*, *Revue de l'Histoire des Religions*, année 1904, p. 342.
- (18) Cf. J. TROUSSET, *Nouveau Dictionnaire encyclopédique*, T. V, p. 10, Ire col.
- (19) Смотреть J. B. in *Aréthuse*, fasc. XX, 1928, 3e Ar. p. XXIX.

III. ЛЯГУШКА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Я уже имел случай сказать, что нет ничего переменчивее, исходя из различных регионов земного шара, настолько, насколько лестница достоинства или симпатии, установленная человеком между животными. Это то, что объясняет, почему, опираясь на традиции своих предков, христиане первых веков в Египте не колебались рассматривать лягушку как эмблему человеческого воскрешения, взяв ее тем самым в качестве аллегорического образа Того, Кого всякий христианин рассматривает первым из Воскресших и начало всякого воскресения.

«Мы посвятили отдельное исследование лягушке, — говорит эрудит Дом Леклерк, — и это неприглядное животное было само возвышено в достоинство символа воскресения. Согласно этому примеру, можно попытаться думать, что никакое животное, даже наиболее отталкивающее, не могло избежать для некоторых какого-нибудь значения. Это настолько правдоподобно, что иногда в библейских темах, в которых приобретатель мог признать лишь историческое значение, ему становилось очевидным, что нельзя останавливаться на полпути...»

Это вполне справедливо и напоминает относительно библейских символов высказывание из «Деяний Святых Апостолов»: «И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах» (2). И Святой Климент Александрийский объяснял мораль иероглифическим методом иерофантов древнего Египта, то есть посредством таинственных символов животных (3).

LECL

Фигура III. — Лягушка
на терракотовой лампе,
IV-VI-е столетия,
из Берлинского Музея.
Смотреть Dom LECLERCQ,
*Dictionnaire d'Archéologie
chrétienne* fasc. 62-63,
coll. 1810, fig. 5467

Фигура IV. –
Терракотовая,
происходящая
из Александрии (Египет),
IV-VI-е столетия.
Cf. DE ROSSI, in *Bulletin
d'Archéologie
chrétienne*. Année 1879,
p. 31 et Pl. III, № 2

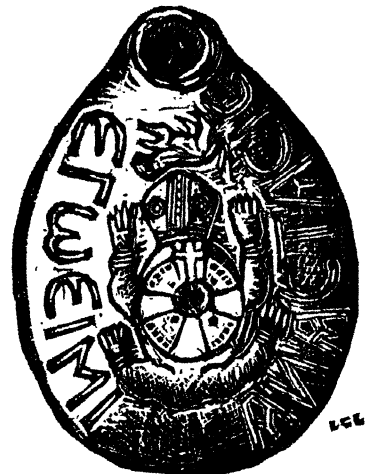
Итак, первые христианские символисты Египта смогли в натуральном виде сохранить среди многочисленных символов воскресения старинную эмблему Хекет, богини обновления начала жизни, связав ее с самим автором этого начала – божественным Христом.

Это заставляет думать о том, что благоразумно написал Морис Баррес: «Церковь хранила, очищая их, более или менее грубые и часто опасные приемы инстинктивной мистики. Ее главы не пе-

реставляли одухотворять этот вечный мистицизм» (4). И в данном мистицизме Церковь избрала то, что подходило для ее символики и ее литургии.

Именно у данной «инстинктивной мистики» Эдмон Ле Блан спрашивал (не говоря о традиционном египетском смысле, сближающей ее с Хекет) объяснение использования лягушки в качестве эмблемы воскресения:

Фигура V. – Египетская лампа из коллекции древностей Греппо (Greppo). Согласно *Mémoire de la Société des Antiquaire de France*, année 1898, p. 101

Фигура VI. – Гностическое изделие из сердолика.
 Коллекция господина Дисперсе (M. X. Dispersé)
 в отеле Дрю (Drouot) 21-26 мая 1926 года.
 Catalogue № 90, p. 8 et Pl. II

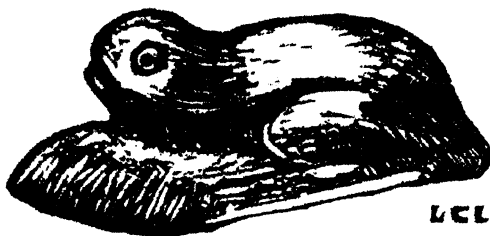
«Быть может, – говорит он, – это вдохновлялось постоянным обыкновением среди верных рассматривать в качестве видимых форм будущего восстановления все, что засыпает, исчезает, трансформируется, чтобы обновиться и возродиться: прорастающие зерна, посеянные в землю, деревья, избавляющиеся от своих листьев в зиму и облачающиеся новой листвой, повторяющиеся времена года, светила, закатывающиеся каждый день, чтобы блистать новым свечением. Превращение у земноводного вида из недоразвитого животного в полноценное существо, разве не могло представлять образ воскресения?» (5)

Это бесспорный факт: яйцо, гусеница, куколка бабочки и затем бабочка; яйцо, личинка и потом пчела, жук-олень или стрекоза, – все они являлись для Древних естественными фигурами этих последовательных превращений, по которым, как считали они, проходили человеческие души прежде достижения счастливого и окончательного состояния.

Значит, не стоит удивляться такому количеству христианских терракотовых ламп, происходящих из Луксора, Эдфу, Хеликана и Старого Каира, несущих образ эмблематической лягушки. Ими обладают Музей Лувра, Британский Музей, музеи Берлина (Фигура III), Лейдена и других городов. Две лампы Кабинета древностей Франции и одна из Туринского музея являются особенно показательными.

Одна из ламп Лувра, очень большая и ладьеобразная, изображает лягушку между двумя маленькими крестами; она несет на спине тот же самый спасительный знак; вокруг нее греческая надпись, которая должна быть интерпретирована следующим образом: «крест есть наш проводник», иными словами, крест, символ Христа, нас переносит как корабль к спасению (6): *tokéma stauros*, то есть *stauros to okéma* (Фигура IV).

Другая лампа из Лувра, которая некогда перешла из кабинета аббата Грешпо в Кабинет Короны Франции, и затем следующая лампа из Туринского музея имеют одинаково лягушку с крестом на спине и надпись: "*ego eimi anastasis*" – «Аз есмь воскресение» (Фигура V). Именно так, по свидетельству Евангелия, Иисус Христос выразился о Самом Себе: «... Я есмь

Фигура VII. – Сделанная по обету терракотовая лягушка, Арден (До Севр). Коллекция древностей Г. де Фонтэна. Из кабинета автора

воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек...» (7)

Трудно разоблачить более явно персонажа, скрываемого под эмблемой, если исследуемая эмблема не располагает самими словами символизируемого лица.

На христианских лампах из Антиной в Египте «появляется также лягушка бесконечностей», которая, отождествляясь с крестом-анкхом (ключом жизни), указывает на бесконечные возрождения, по словам Гайе (8), перенося здесь слишком буквально египетский античный смысл на христианский символизм.

Мы обнаруживаем равно образ лягушки на стеле из Эрмента и на некоем подобии шпателя из Акмина (9). Ковш из Карфагена, вероятно, ритуальный, несет на себе ту же самую фигуру.

Все эти примеры предшествуют VI-му столетию. Тремя столетиями раньше Гностики вводят лягушку в свою символическую фауну; ее мы видим на листке свинцового буклета, где она изображает начало обновления рядом со змеем, эмблемой Агатодаймона, божественного гения блага (10) или, быть может, с эмблемой смерти лицом к лицу с образом оживляющего начала. На гравированном камне равно гностического происхождения лягушка появляется между рыбой, определенной эмблемой Христа, и Гликоном, змеей с головой льва (Фигура VI).

Мы видели выше, что доктор наук Герен встретил в Вандее в саркофагах франкской эпохи тот же самый погребальный обряд положения лапы лягушки в руку мертвых, который он констатировал в других местах этого региона в более древних захоронениях приблизительно двадцати столетий назад. Недалеко отсюда археолог Габриэль де Фонтэн открыл, со своей стороны, у Ардена (До Севр) (Фигура VII) маленькую терракотовую лягушку, найденную, как им утверждалось, в возможно христианской усыпальнице времени римского декаданса.

В 1853 году коллекция Леди Лондсборо содержала три средневековых кольца, украшенных лягушкой; каталог этой замечательной коллекции их называет алхимическими кольцами, *Alchemy ring*; по недоразумению его автор увлекся ошибочной интерпретацией. На первом из этих колец, немецкой работы XIV-го столетия, лягушка, определяемая как «жаба», окружена своей икрой, как и на некоторых христианских лампах Египта, и пожирает одного из червей, являющихся ее обыденной пищей; этот кольчатый червь изображен как земляной (Фигура VIII) (11): каталог Лондсборо здесь указывает змею, рептилию, якобы никогда не пожирающую жаб и лягушек, но ко-

445

Фигура VIII. –
Немецкое кольцо
XIV-го столетия.
Позолоченная
бронза. Коллекция
Лондсборо.
Cf. *Miscellanea
graphica*,
Pl. X, № 8

Фигура IX. – Декоративный и эмблематический медальон камина из камня в замке д'Эстрепье у Лудюна (Вьенн), XV-е или начало XVI-го столетий.
У господина Ги Блюмеро

торые, наоборот, пожираются ей. И так, не стоит ли привести здесь, как это делает автор, стих из Эдипа: «Змея становится драконом, лишь съев другую змею» (12). Мы просто в лицо наблюдаем тот же символизм, применяемый к большинству червеядных, таких как цапля, бекас и чибис, бравшихся в христианском символизме для изображений Христа, разрушающего дела Сатаны, господина всякого зла, представляемого червями столь же часто, сколь и змеей. Именно в этом смысле, как мне кажется, нам показана здесь лягушка, одновременно являющаяся античной эмблемой плодовитости.

О втором кольце, упоминаемом каталогом Лондсборо, я не могу ничего сказать, поскольку оно в нем не воспроизводится, и дальше мы обнаруживаем еще и третье кольцо.

На прекрасном камине замка д'Эстрепье (d'Estrepieds) вблизи Лудюна (Вьенн), построенного в последние годы XV-го столетия, лягушка занимает один из многочисленных символических медальонов, на которых изображены орудия Страстей и разнообразные эмблемы, относящиеся к Иисусу Христу (Фигура IX).

- (1) Dom A. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. 84, col. 1117, 17.
- (2) *Деяния Святых Апостолов*, Глава 7, стих 22.
- (3) Смотреть Clément D'ALEXANDRIE, *Stromates*, V.
- (4) *Citation des Etudes*, № 20, déc. 1923.
- (5) Edm. LE BLANT, *Les Sarcophages chrétiens de la Gaule*, p. 109, № 123.
- (6) Смотреть Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. II, p. 521.
- (7) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 11, стих 25, 26.
- (8) Alex. GAYET, *L'Exploration des Nécropoles de la montagne d'Antinoé*. *Les Annales du Musée Guimet*, Ann. 1903, p. 138.
- (9) Смотреть *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. 73, col. 1811, notes 2 et 3.
- (10) Смотреть Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. II, vol. I, fig. 1398.
- (11) *Catalogue of a collection of ancient and medieval ornaments formed for Lady Londesborough*, p. 5, № 23.
- (12) OEDipe, Op. III, 1.

IV. ЛЯГУШКА В СИМВОЛИЗМЕ ПОРОКОВ И САТАНЫ

Если Египтяне почитали лягушку из-за символических характеров, которыми она вознаграждала, Евреи, наоборот, поместили ее среди нечистых животных: не являлась ли она орудием второй из казней, коими Яхве поразил Египет во время Моисея? (1)

И это древнееврейское отвращение, кажется, имеет свое отражение в книге Апокалипсиса, где мы читаем: «И видел я *выходящих* из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам (лягушкам): это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (2).

Отголоском последнего предстает Ключ святого псевдо-Мелитона, появившийся в действительности в VIII-м столетии, в своем безжалостном и несправедливом вердикте: «Лягушка – это демон». “*Ranae daemonnes: Vidi de pre draconis... spiritus tres immundus in modum ranarum*”. Монсеньор Барбье де Монто правильно сообщает, что лягушка здесь в символическом смысле смешивается с жабой (3).

Необходимо добавить, что деревенский фольклор, тем не менее, иногда показывает лягушку во внушающих подозрение ролях. Такой она появляется из-под пера автора XVI-го столетия Гильома Буше: «... Я прибежал, – пишет он – к книгам Рацаля, Цадаха, Авенцара, Закхея, и я призывал к себе на помощь, о чем испрашивал прощения у Бога, нечистые духи с отвратительными голосами, со странными отметинами и характерами, с варварскими наименованиями, обозначая их на нетронутом пергаменте; наблюдая Луну в созвездиях Льва или Весов, или описывая их кровью летучей мыши в понедельник или в пятницу возрастающей Луны... и так ел, сверх того, печень хамелеона и правосторонние кости, водящейся в кустах лягушки...» (4)

(1) Книга Исход, Глава 6, стих 26-29; Глава 8, стих 1-20.

(2) Книга Откровения Святого Иоанна Богослова, Глава 16, стих 13, 14.

(3) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, Т. II, р. 191.

(4) Guillaume BOUCHET, *Les Sérée*, Livre II, р. 188. Edition de 1615 (Буше не говорит здесь о самом себе).

V. ЖАБА, АНТИТЕЗА ЛЯГУШКИ

Из-за подобия форм жабы и лягушки первая издревле была взята для антитезы, по крайней мере, косвенной другой.

Тогда как лягушка не внушает никакого отвращения, жаба, наоборот, является везде предметом общего отторжения, как из-за жалкого вида, с которым она передвигается, так и по причине гнойничковой кожи, ее покрывающей и отбрасывающей порой отвратительную и опасную вязкость. Этот несчастливый аспект подвел несправедливого человека по отношению к бедному

121

Фигура X. – Жаба, выходящая из рта одного демона. Миниатюра XIV-го столетия. Согласно Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 20, Pl. XX, № 217

бражалось как адское наказание за грех чревоугодия. Большой Календарь Пастухов, вышедший в 1580 году, следующим образом передает рассказ Лазаря после его воскресения об участии окаянных грешников.

«В-шестых, – сообщает Лазарь, – я видел долину с бьющимся и содрогающимся потоком, на берегу которого стоял стол с неприличными полотенцами, где обжоры насыщались жабами и другими ядовитыми зверьями». И сопровождающая текст гравюра показывает с неистовым воодушевлением, если можно так выразиться, самых невероятных чертей, заталкивающих силой ужасных жаб в непомерно раскрытые рты проклятых жертв (3).

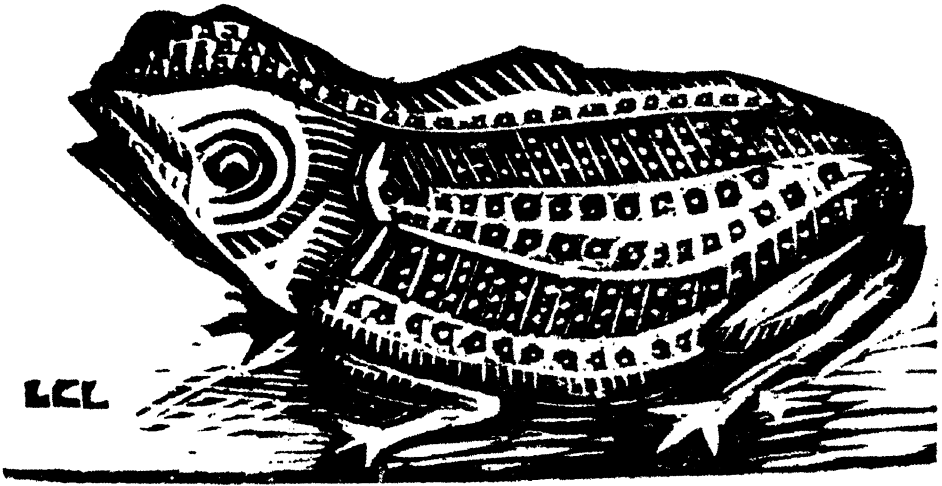
животному до той степени, когда забывается, что жаба является одним из его самых полезных друзей и одним из самых бдительных охранников его садовых дел благодаря ее ночной червеядной деятельности (1); следовательно, нельзя, как это сделал Ласепед в своем произведении «Четвероногие яйцекладущие», винить жабу во всех несчастях и желать исчезновения ее вида.

В христианском символизме жаба бралась для обозначения порока Сладострастия в самых нечестивых своих аспектах. В Средневековье скульпторы, художники и граверы нам ее показывают вместе с пожирающими змеей и ящерицами, как и в Муассаке, половые органы грешников, изображенных нагими или прожорливо сосущими груди, раздуваемые от вожделения; это же мы обнаруживаем во многих романских церквях, например, в Монморийоне (Вьенн), в Сен-Сернен в Тулузе, в Сен-Жуэн-де-Марн (До Севр), в Сен-Совёр в Динане, в Сен-Круа в Бордо, в Шарльё, в Муссаке и в других местах (2).

Поедание жабы проклятыми одинаково изо-

Фигура XI. – Сирена и Жаба. Портал романской церкви в Фуссэ (Вандея), XII-е столетие

Фигура XII. – Жаба-фетиш из Африки, красная медь. Коллекция художника из Пуату Ж. Бержонно (J. Bergeonneau), 1934 год

В символизме пороков жаба также была эмблемой Зависти, что объясняет Эдмон Ростан в своем *Шантеклере*, взяв это земноводное для образа самой низкой зависти.

Но наиболее привычная роль жабы это непосредственное обозначение демона (Фигура X): на портале церкви Сен-Леже в Монбрийе (Montbrillais) (Вьенн) жаба выходит из рта одного одержимого, над которым священник совершает обряд экзорцизма (XII-е столетие). В Фуссэ (Foussais) на одном из архивольтов портала (XII-е столетие) жаба соседствует с сиреной, другой эмблемой демона Сладострастия (Фигура XI). На облачении Папы Климента V, сохранившемся в Сен-Бертране в Коммиже (Commiges) и изготовленном в XIV-м столетии, Спаситель приобретает Иуду вовсе не хлебом, но жабой, исходя из текста Святого Луки: «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати» (4); и Святого Иоанна: «И после сего куса вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» (5).

В Амвросианском Милане Святой Михаил Архангел пронизывает своим копьём не дракона, но огромную жабу (6).

Это эмблематическое сближение жабы с нечестивым и зловредным Духом делалось некогда по всему древнему миру: еще сегодня в Аннаме буйволовая жаба, которая в мистерии сумерек издает некое подобие зловещего лая, выходит, чтобы иногда перевезти на себе *Маку*, дух зла.

В Африке туземцы западной и южной области, прилегающей к озеру Чад, отливают из меди и отчеканивают образ зловредной фетишистской жабы (Фигура XII); они изготавливают из того же металла и тем же способом змей, пожирающих вышеназванную жабу, и эти изображения нейтрализуют пагубные влияния земноводного с дурной славой.

В Европе высушенная и распыляемая жаба, – используемая, со своей стороны, фармакопеей, – всегда составляла часть багажа деревенских сатанистов, колдунов низкого уровня, которые еще применяют в злых приворотных зельях гной, соскобленный с ее спины, и который они увеличивают, перетирая животное с солью (Nantais).

Полезное существо в общем домостроительстве творения бедная жаба, поистине, заслуживает быть лучше разобранной человеком, которому она помогает своим способом, насколько и ласточка с бекасом.

- (1) Смотреть Jean ROSTAND, *La Vie des Crapauds*.
- (2) Смотреть в том числе A. DE CAUMONT, *Abécédaire archéologique*, I, p. 59. – E. MALE, *L'Art religieux du XIIe siècle en France*, p. 21, fig. 17 et p. 375, fig. 217.
- (3) *Le Grant Kalendrier et Copost des Bergiers*, I, ixix.
- (4) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 22, стих 3.
- (5) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 13, стих 27.
- (6) BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 18.

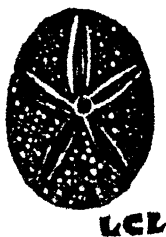
VI. ЖАБЫ КАМНИ (КРОПОДИНЫ)

Я знаю только единственный случай, когда жабе разрешался по легковерию прошлого один добродетельный характер, еще и благодаря иллюзии, которой ей часто стоил жизни.

Средневековые унаследовало от предыдущих столетий это верование, полагавшее, будто в черепной коробке очень старых жаб существовал чудесный камень, развивавшийся после смерти бедного земноводного. Во Франции камни подобного иллюзорного происхождения назывались *Кроподинами* (*Craupaudines*; от le crapaud – жаба; прим. пер.) и играли важную роль в традиционных обычаях вплоть до начала нашей современной эпохи. Они продавались еще по хорошей цене в 1634 году под именем *bézoard* (1). Греки называли эти сказочные камни *Batrachitès*, а Латиняне *Bora*.

Фигура XIII. – Извлечение «Кроподина». Согласно изданию Сада Здоровья Иоанна де Кюба от 1539 года, *loc. cit.*

Фигура XIV. –
«Краподин
из Бёсса»
(*Coidia
conica*),
реальная
величина.
Из кабинета
автора.
Происходит
от господина
графа
де Рилли,
1931 год

Издrevле верили в присутствие в этих камнях божественной добродетели; их вопрошали авгуры и прорицатели; предания, теряющиеся в наиболее отдаленных областях прошлого, их наделяли свойством покрываться потом при соприкосновении с сосудом, откуда могла пролиться наименьшая капля яда. Вот почему уже очень поздно они разыскивались князьями по цене достопримечательностей и редкостей: Инвентарная опись драгоценностей герцога Анжуйского, короля Неаполя, Сицилии и Иерусалима, составленная в 1360 году, упоминает хрустальную чашу с оправой из эмалей, крышка которой обладает на своем вершке «краподином». Из Инвентарной описи от 1467 года герцога де Берри, брата короля Франции и короля Неаполя: «Два краподина», один в золотом кольце, а другой в серебряном кольце» (2).

К Концу XV-го столетия Иоанн де Кюба различал два главных вида краподинов: белый краподин, «другой стекловидный извлекается из жабы еще при ее жизни, когда она еще трепещет; камень находится посреди глаза голубого цвета. И в наше время был извлечен из жабы один маленький зеленый камень» (Фигура XIII) (3).

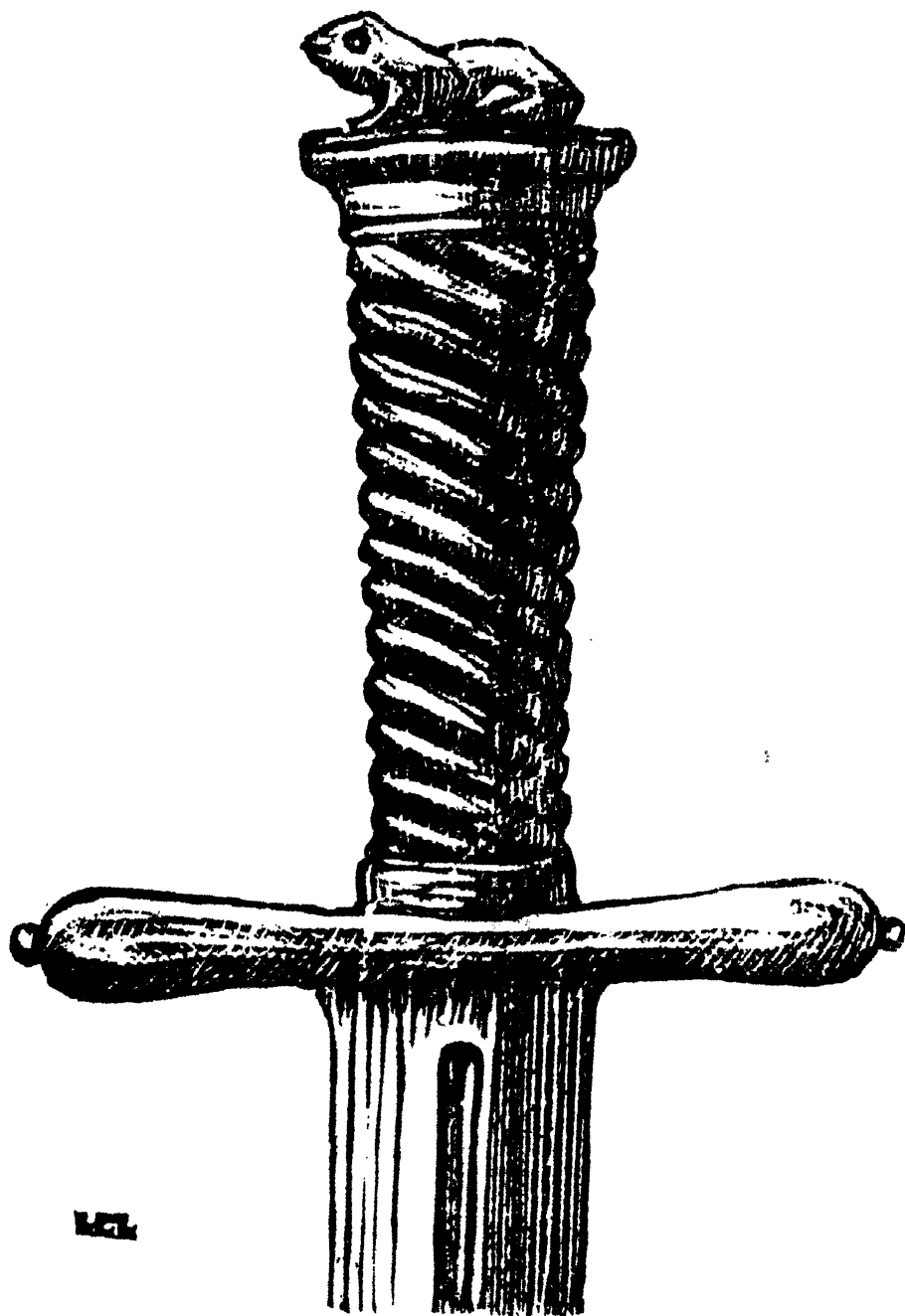
В XVII-м столетии Бокконе рассказывал обо всех медицинских добродетелях, которые были связаны с этими камнями еще в его время и особенно в Италии, и позже англичанин Марес сообщает, что в его стране камень-краподин являлся «суверенным средством против множества болезней, и если дотронуться до него некоторыми зараженными, ранеными или уколотыми ядовитым зверем частями тела, то кроподин заставит прекратиться боли или опухоли простым прикосновением» (4).

Добавим, что наиболее разыскиваемыми были те краподины, которые имели на своей поверхности рисунок в виде крестообразной звезды или жабы.

В своем Пантагрюэле Рабле пишет: «С этими словами Панург низко поклонился старухе, преподнес ей шесть копченых бычьих языков, полный горшок кускуса, флягу с питьем и кошелек из бараньей мошонки, набитый новенькими монетками, снова отвесил низкий поклон, а затем надел ей на безымянный палец чудное золотое колечко, в которое был изящнейшим образом вправлен бесский жабий камень. После этого он вкратце объяснил ей, зачем пришел, и

LEL
Фигура XV. –
Натуральный
краподин,
несущий
смутный
силуэт,
опубликованный
Бокконе.
Boccone,
*Recherches
et observations
naturelles.*
Amsterdam,
1674, p. 227

Фигура XVII. – Эмблематическая лягушка на головке эфеса кинжала
конца XVI-го века. Согласно рисунку, переданному
графом Р. де Рошбрюном

обратился с покорной просьбой погадать ему и сказать, каков будет его брак» (5).

Кропотины весьма переменчивой природы; одни являются отложениями животных всяких происхождений (6). Самые знаменитые из них, по крайней мере, со времен Рабле, в том числе камень из Бесса, сегодня Бёс (Beuxes) у Лудюна, предстают маленькими ископаемыми морскими ежами, более или менее полупрозрачными благодаря кристаллизации: они – разновидность *coidia conica*, эхинита малого размера. Их находили еще в течение пятидесяти лет; их носили на кулонах как драгоценные талисманы против многих заболеваний и превратностей судьбы (Фигура XIV) (7).

По словам Альберта Великого (8), должно сильно ценить крапотины, естественно располагающие на своей поверхности более или менее различным рисунком жабы. Бокконе, опубликовавший в вышеприведенном произведении большое число сицилийских крапотинов, показывает в нем один, весьма смутно обладающий этим образом (Фигура XV); но когда природа забывала туда поместить земноводное, камень не был против, чтобы исправить данное упущение: так третье кольцо из серебра из коллекции Лондсборо, происходящее из Лондона и, вероятно, XVI-го столетия, несет гравированный образ жабы на камне своей оправы, обзанный резцу опытного художника (Фигура XVI). Я предполагаю, что этот камень является плотным миндалевидным скальным роговиком, находящимся в рудных жилах галенита Дербшира, и который Англичане называют *Toad stone*, «жабым камнем» (9).

Всякое суеверие обычно не что иное, как ложное отражение религиозной идеи или символа, смысл которого исказился в ходе слишком продолжительного странствия на пути времени; кто нам откроет первоначальную мысль, от которой произошло странное и иллюзорное доверие прошлых веков к жабьему камню, тогда как жаба их полностью отвращала? Но... есть и другая вещь. Как и жемчужина, крапотин пришел, дабы выявлять яды в напитках измены и уничтожать последствия смертельных зелий – это свойства, связывавшие обычно в духе наших отцов, полностью пронизанном христианской верой, с идеей Того, Кто сказал своим совершенным ученикам: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (10).

Итак, кто завтра поднимет покров таинства, облакающий происхождение камня крапотина?..

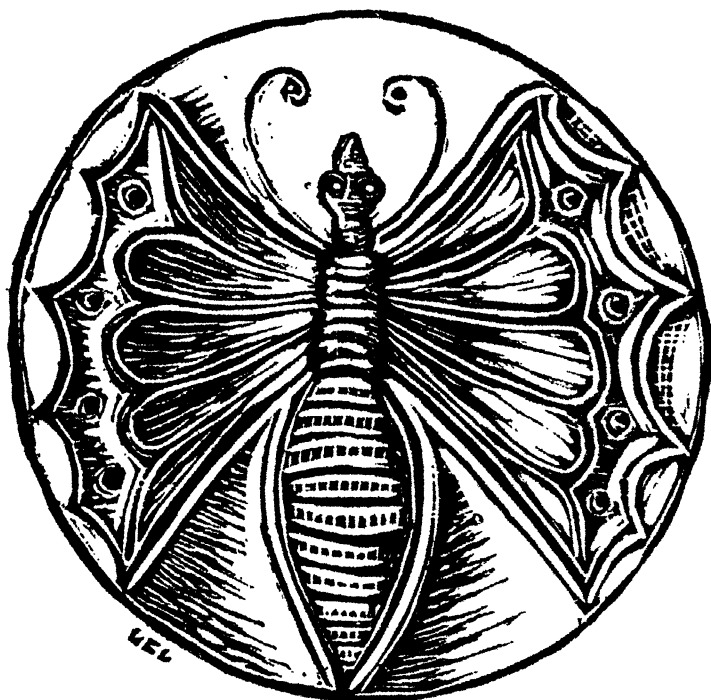

Фигура XVI. – Кольцо с крапотинном, английская работа XVI-XVII-го столетий. Коллекция Лондсборо. Смотреть *Catalogue*, p. 9, № 30

- (1) Смотреть BOCCONE, *Observations naturelles*, 1674, p. 257.
- (2) Cf. Léon DE LABORDE, *Glossaire francais du Moyen-age*, p. 232.
- (3) J. DE CUBA, *Hortus sanitatis*, edition de Ph. Le Noir, 1539, IIe Part., IV *des Pierres*, XXII, *Le Borax*.
- (4) Cf. MARES, *Glossary*.
- (5) Рабле, Франсуа. *Гаргантюа и Пантагрюэль*, III-я книга, Глава XVII. *О чем беседует Панург с панзуйской сивиллой*. Перевод Николая Любимова. Москва, 1938.
- (6) Смотреть Th. BROWN, *Essai sur les erreurs populaires*, T. I, Livre III, p. 312; Collin DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, p. 159.
- (7) Сведения господина графа де Рилли, август 1938 года.
- (8) Ap. Léon LABORDE, *Op. cit.*
- (9) Смотреть LANDRIN, *Dictionnaire de Minéralogie*, p. 333.
- (10) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 16, стих 17, 18.

ПЯТНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

НАСЕКОМЫЕ

ГЛАВА СТО ПЯТНАДЦАТАЯ

ЧЕРВЬ

1. ЧЕРВЬ, ЭМБЛЕМА УНИЖЕННОГО ХРИСТА

Черты лица Иисуса Христа нам не были переданы ни одним из произведений Ему современного изобразительного или другого искусства. Необходимо сделать ответственным за эту лауну отвращение, которое иудейский дух откровенно проповедовал в отношении воспроизведения человеческого лица. Одна легенда, обретшая в буквальном смысле счастье в течение древних столетий, особенно у христиан Ближнего Востока, рассказывает, что Авгарь, топарх Осроены, живший в Эдессе, написав Иисусу Христу, спросив, когда Он придет к нему, получил в ответ письмо и божественный портрет. Этот предположительный портрет не дошел до нас, и отношения Иисуса и Авгаря, хотя и были рассказаны Анной Катариной Эммерих (1), остаются для истории из области легенды (2).

Остается поразительным и трагическим изображение казненного на Голгофе, передаваемое Святой Туринской Плащаницей, показывающей нам лицо, поистине, потрясающего величия и великолепия. Известно, что этот чудесный образ открылся в ходе работ господ Кольсона, профессора химии в Политехнической Школе Франции, и Виньона, профессора биологии Католического института Парижа, являясь настоящим негативом фотографии физико-химического происхождения, осуществившейся самой по себе во время пребывания Иисуса Христа в плащанице благодаря парам мочевины, которые, исходя от божественного тела, зафиксировали его образ на саване, пропитанном алоэ.

Новые исследования, произведенные в 1931 году, уточнили технические данные 1898 года, и в последнее время труды, предпринятые господином Кордоннье, инженером Французского корпуса морских инженеров, над Святой Туникой из Аржантея, установили между этой реликвией и Туринской Плащаницей неоспоримые соответствия, усилившие версию господ Кольсона и Виньона (3).

Таким образом, мы вправе полагать, что лицо Искупителя было невероятно прекрасным. Христианские художники и писатели прошлого не обладали ничем, что могло бы их остановить на выражении божественного образа, отчего их произведения искусства или их писания нам показывают Иисуса безбородого или обильно бородатого, длинноволосого или аккуратно постриженного, бледного или смуглого, красивого, великолепного или вплоть до безобразности неказистого.

Среди писателей тех времен, начиная со II-го века, одни Его провозглашают, во исполнение нынешней формулы, «самым прекрасным из детей человеческих»: таковы Святой Иероним и Святой Василий Великий; другие, наоборот, желают, чтобы Он оставался физически неказистым, и что всякое его очарование и превосходство над жителями Его страны приходило к Нему только от Его сверхчеловеческого естества. Святой Ириней Лионский говорит, что Иисус в качестве человека являлся неказистым, обычным, когда садился на осла, будучи напоенным желчью и винным уксусом... но как Бог, Он был красивым и великолепным; Ориген говорит, что Христос не был красавцем, зато и не представлял маленьким и тщедушным; Святой Климент Александрийский, со своей стороны, излагает, что Спаситель отличался не красотой плоти, но души, и если Он воспретил Себе быть с прекрасным телом, то это для того, чтобы мы, научаясь, возвышали наши сердца к невидимым предметам, и эта неказистость была рассчитана, чтобы отвратить человека от телесной красоты; Тертуллиан более чем всякий другой автор поддерживает мнение, что Иисус являлся неказистым, и Его внешний вид не обладал ничем, что бы к Нему притягивало уважение и почтение; и Святой Августин не признает за Спасителем, как человеком, ни яркости, ни красоты (4).

На самом деле эти авторы поддерживали мистическое утверждение, исходящее из текста Святого Пророка Исайи:

«Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (5).

С другой стороны, Давид парил в духе этих сторонников физической неказистости Христа, неотступно их преследуя:

«Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: “он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему”» (6).

И этот ужасный псалом, написанный за десять столетий до драмы Голгофы, начинается теми же словами, воплем бесконечной печали Спасителя на кресте: «“Или, Или! лама савахфани?”; “Эли, Эли, лама азавтани?”; “Боже Мой! для чего Ты оставил Меня?” (Мф 27:46; Мк 15:34); “*Deus, Deus meus, respice in me; quare dereliquisti*”.

«Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе». Червь! Это то, что бесконечный ряд одушевленных существ включает в себе самого нечистого!.. И католическая литургия удержала экспрессию царя-пророка для выражения унижений и посрамлений Бога, ставшего оскорбляемым, терзаемым, получающим оплеухи, бичуемым, покрытым кровью, сукровицей и ледяным потом человеком, напоследок пригвожденным к стволу древа между двумя злодеями.

Ессе Номо! Вот Человек! Вот Червь, указанный в пророчестве.

Пред этим страданием нет ничего равного тому, что выражено в литургии Святой Седмицы:

Церковь. — *“Ecce vidimus non habentem speciem neque decorum; aspectus ejus in eo non est. Hic peccata nostra portavit, et pro nobis dolet”*; «Вот мы Его увидели, не имевшего ни красоты, ни блеска, не ведавшие, что Он понес наши грехи и страдает за нас» (7).

Христос. — *“Ego sum vermis et non homo: opprobrium hominum et abjection plebis”*; «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» (8). *“O vos omnes qui transitis per viam, attendite et videte: si est dolor similis sicut dolor meus!”*; «О, вы все, идущие по пути, остановитесь и рассмотрите, есть ли скорбь, подобная моей скорби!» (9)

Итак, светящийся Христос горы Фавор, где Его одежды стали белыми как снег и Его лик сиял как одно из солнц (10), чудотворец, воскресивший из могилы Лазаря из Вифании, тело которого уже смердило, триумфатор, вошедший в град Своих отцов восславляемым как царь, Тот, Кого Вдохновенные провидцы называли Великим Чаемым всеми Народами, впредь являлся лишь личинкой, отверженной и презираемой... Но над остатком человечества Он спешит восстать в муаровой заре Пасхального дня в бесконечно великой славе, нежели вся воображаемая человеческая слава.

И в этом неслыханном апофеозе червь, бедный червь остается еще в глазах христианской символике эмблему Христа, прошедшего от состояния отвержения в божественно славное состояние преображенного Икупителя.

Вернемся, чтобы нам в этом убедиться, к легенде об ослепительном Фениксе, великолепному вымыслу, появившемуся в экстазах иерофантов Египта, примененному затем христианскими символистами со времен катакомб к вечной славе Спасителя.

Когда феникс на протяжении пяти столетий уставал своим телом пролетать всю свою воздушную империю, и когда он чувствовал, что его час, наконец, настал, он направлял свой последний полет к святому Иерополису, где на священном алтаре Солнца устраивал костер из сандала и ладана, возгоравшийся от жгучих лучей Светила; тогда таинственная птица ложилась на благовонные раскаленные уголья, которые его целиком истребляли. Но вот пепел остывал, порождая червя: на глазах эта личинка возрастала, выстраиваясь и покрываясь блистающим оперением и становясь новым фениксом, полным резвостью юности и сияния.

Подобным же образом и Христос, сведенный до состояния ниже червя, по слову Псалма 21, внезапно восстает из пепла своего отвержения на Пасхальной заре, облаченный для вечности несокрушимой мантией юности и непревзойденной славы. И легендарный феникс, превращение всего прекрасного от смиренного червя, появляется повсюду в первоначальном христианском искусстве, чтобы символизировать прославленного Иисуса Христа. Вот как христианская Символика великолепно восстановила в своих

правах бедного червя, низшую и тщедушную тварь, заслуживающую лишь презрение.

Речь здесь идет о черве, личинке, сколексе (*skolex*) Греков, взятым в целом, ибо все черви, названные в интересах высшей трансформации от червеобразного состояния, обладают правом по данному факту символизировать «Царя Славы», являющегося истинным *skoloxoeides*, согласно той же мысли царя Давида.

Церковь признала это право в день, когда провозгласила в молитве своего *Ритуала*, посвященного благословению тутовых шелкопрядов, что «когда оные рождаются, умирают и возрождаются, эти живые существа выражают Рождество, Смерть и Воскресение Сына Божия, поскольку, производя обильные плоды, они представляют собой удивительный плод тех же самых таинств» (11).

Среди маленьких существ этого семейства одна гусеница получила особое место, которое мы рассмотрим ниже.

Кажется, лучше всех аббат Прон в своем поразительном исследовании легенды об Эросе и Психеи смог воспеть славное превращение презренного червя.

«... Это закон: счастье в результате испытаний, посреди которых оно готовится. Однажды личинка поднимается от своего пристанища, стягивает свое обличье, падая от удивления перед новым бытием, которое показалось. Со всей своей фортуной бабочка более красива, более воздушна и более сильна. Это стрекоза с быстрым полетом, наподобие молнии, как и она криволинейна. Это жук-бронзовка в розах, прячущий свои дымчатые крылышки под своей изумрудной оправой. Это голубой альпийский жук-дровосек с длинными антеннами, завязанные в черные как смоль шарики и шелковые хлопья. Это сильный жук-олень, вооруженный и закованный в броню как ни один из древних богатырей. Это везде отчеканенные и вороненые латы, везде изборозжденные и переливающиеся разными цветами надкрылки, золотом, серебром, эмальями, драгоценными камнями всех оттенков и бледноватого блеска цветов. Цвета радуги изображены в двух местах на панцире листоеда. Светлячок (12) позаимствовал свое убранство у солнца; метающий пламя он освещает в ночное время рощи, он кружится как маленькая блуждающая звезда. Вот муха, которая в быстроте своего полета становится невидимой как чистый дух. Подобная ангелам, описанным Иезекиилем, вторая издает гармоничные звуки своими крыльями. Вертячка, полированная как сталь, летает, плавает, ходит по воде, погружаясь в нее, где он выписывает со скоростью искры самые сложные росчерки. Что Бог только не сделал, чтобы увенчать личинки такой радостью, поскольку их печаль была глубокой!»

«В этих званиях личинка помещается на сцене рядом со своей легкомысленной сестрой, чтобы торжественно открыть новую эру в истории Небесной притчи...» (13)

И автор рассказывает здесь лишь о насекомых нашей Западной Европы, быть может, малых избранников красоты среди насекомых: что можно было

бы сказать о тех, рожденных также от личинок, в тропических странах и в южной Азии, и являющихся фантастическими сокровищами! Воистину, десница Божия вознаградила червей за их первоначальную низость...

Христианская иконография не прославила смиренного червя настолько, насколько литература. Быть может, признавать его образ повсюду, где наши отцы только не изображали: нужно быть осведомленным, чтобы угадать его, например, на погребальном глиняном кувшине из Сфакса в Тунисе, на выпуклой части артефакта в круге сверху Константиновой Хрисмы, соединенных между собой букв X и P, написанном на одной горизонтальной волнистой линии (14).

- (1) *Vie de Notre-Seigneur Jésus-Christ, d'après les visions d'A. C. Emmerich*, édition Piray, 1860, T. II, p. 84.
- (2) Образы, сохранившиеся в Генуе и в Риме в церкви Святого Сильвестра, претендующие быть портретом, подаренным Авгарю, не представляют собой достаточных гарантий аутентичности, несмотря на их бесспорную древность. Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. I, col. 87-98.
- (3) Cf. Robert PELLETIER, *Des travaux scientifiques conferment l'authenticité de deux célèbres Reliques, la Sainte Tunique d'Argenteuil et le Saint Suaire de Turin*. In *Le Journal*, 8 octobre 1934.
- (4) Смотреть Dom CALMET, *Dissertation sur la beauté de Jésus-Christ* et Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, fasc. 78-79, col. 2. 398.
- (5) *Книга Пророка Исайи*, Глава 53, стих 2, 3.
- (6) *Псалтирь*, Псалом 21, стих 7, 8.
- (7) *Breviaire romain, Office du Jeudi-Saint*. – *Ténèbres*, 1er Noct.
- (8) *Ibid. Off. Vendredi-Saint. Ténèbres*, 1er Noct.
- (9) *Ibid.*, 3e noct., IXe Leçon, I. R.
- (10) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 17, стих 2.
- (11) Cf. Félix ANIZAN, in *Rayonnement intellectuel*, T. VI, 1930, p. 136.
- (12) Вполне обычный для Италии.
- (13) F. PRON, *Psyché*. Edition Bosse, 1925, p. 67.
- (14) Cf. A. VERCOUTRE, *La Nécropole de Sfax et les Sépultures en jarres*; in *Revue archéologique*, 3e série, I, X, 1887, p. 187.

II. ЧЕРВЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ, ЭМБЛЕМА ИИСУСА ХРИСТА

В Средневековье утверждалось сохранение очень древнего предания, что однажды царь Соломон, найдя птенца страуса, посадил его в прочную стеклянную клетку из цельного куска и подобную колоколу. Но пришел страус и увидел своего птенца, попавшего в неволю, оказавшись не в состоянии ничем ему помочь для его освобождения. Он тогда удалился в пустыню и немногим после этого вернулся с червем, которого он убил на стекле колокола. Благодаря крови червяка ему удалось внезапно разделить клетку на две части, что позволило юной птице бежать оттуда.

Именно это рассказал в 1160 году Петр Коместор из Труа в своей книге *Scholastica historia*, где мы дословно читаем:

TIERCIA FIGURA.

Strucio liberavit pullum suum
De vitro per sanguinem vermiculi.
Istud enim in strucione Salomonis praefiguratum erat
Cujus pullum rex Salomon in vase vitreo incluserat.
Strucio, cupiens liberare pullum suum,
Abiit in desertum et attulit inde quemdam vermiculum,
Quem comprimens supra vitrum sanguinem exprimebat,
Et ad tactum illius vitrum per medium se scendebat.
Sic, cum sanguis Christi cruces in patibulo est expressus,
Infernus tanquam vitrus est confractus et homo liber egressus,
O bone Jesus, dignare no sab inferno custodire
Et fac nos ad tuam presenciam feliciter pervenire.

«ТРЕТЬЯ ФИГУРА. — Страус освободил своего птенца — Из стеклянного сосуда благодаря крови червя — Это (спасение) был на самом деле предвосхищено в страусе Соломона — Царь заключил птенца в стеклянную вазу — Страус, желая освободить своего птенца, — Удалился в пустыню и принес оттуда маленького червяка. — Убив его на стеклянном сосуде, он выжал его кровь, — И при контакте с ней сосуд треснул посередине. — Таким же образом когда кровь Христа была выдавлена на виселице креста, — Преисподняя раскололась, как и стекло, и человек вышел оттуда свободным. — О, благой Иисус, сообрази нас сохранить от ада. — И сделай нас счастливо достигшими Твоего присутствия».

Другие древние мистики представляли страуса как эмблематический образ Отца небесного, Который, взирая на человеческий род, плененный грехом, посвящает Его освобождению Своего Сына, ставшего человеком, и освобождение происходит благодаря пролитию крови жертвы «закланного червя» на горе Голгофе. Итак, во всем этом литературном символизме червь является прямой эмблемой Христа, Икупителя и Освободителя.

III. ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ЧЕРВЬ И СВЯТЫЕ

Восприняв Аллегорический образ Христа в Его великом страдании и в унижениях, вынесенных в ходе Его Страстей, червь сделался также образом некоторых святых в языке мистических писателей и агиографов.

Жили люди, пожелавшие избрать для себя то, что жизнь представляет наиболее мучительного, наиболее морально скорбного и наиболее отталкивающего: крайняя нужда, смятение, падение, внешнее унижение,

пренебрежение, презрение, оскорбления всех других людей и их грубое обращение.

Это для того, чтобы почитать в них самые печальные часы земной жизни Господа, и оттого что они сумели взамен получить величайшее духовное озарение, внутреннее возмещающее утешение, полное овладение самими собой, внутренний мир, который никакая внешняя вражда была неспособна потревожить.

Таковыми являлись многочисленные древние отшельники, в том числе Святой Юлиан, Святой Алексей, блаженный Раймонд Луллий, Святой Франциск Ассизский и более близкий к нам и озадачивающий Бенедикт Лабр, непонятую и радостную душу которого недавно прославил Шарль Грулло: «Этот обожающий, — сообщает он, — и находящийся в своем поиске презрения, унижения и настолько полной нищеты, превосходящей, можно сказать, францисканский идеал, пожелал сравниться в экстазе, дарованном ему славой Слова, с *Vermis et non homo* (с Червем, а не человеком), ставшим Единственной Любовью» (1).

Весь символизм червя в агиологии укладывается в эти несколько черт.

(1) Ch. GROULLEAU, *Saint Benoit Labre, pelerin mendiant*. Edition Publibroc, Marseille, 1930, p. 9.

IV. СИМВОЛИЗМ НАДГРОБНОГО ЧЕРВЯ

Со второй половины XV-го и на протяжении XVI-го столетий искусства Италии, Франции и почти всей Европы объединяются в концерте хвалы в честь красоты человеческого тела: целомудренная нагота святых, олимпийское великолепие древних богов, славные формы царей и героев, обольстительная плоть дам, вызывающие очарования куртизанок того времени и античных нимф, естественное изящество детей и вымышленная красота амуров повсюду чудесно распространялись без всякого прикрытия. Со дна хижин до собора Святого Петра в Риме, дома, замки, дворцы, церкви, базилики, — все населилось этими прославляющими образами телесной красоты.

И вот благодаря впечатляющему противостоянию художники той же самой эпохи дают этой плотской красоте наиболее хлесткую из пощечин, которую она только могла получить. Они осмелились на то, чего художники прежде них никогда не делали и чему художники последующих столетий уже не подражали: они изобразили то, что называлось *transit*, *transitus*, от *transeo*, что «преходяще», умирающе; они выставили это на глаза народов не столько в скелетном состоянии, сколько во всем отвращении самого полного реализма в своем разложении.

На могилах знатных и сильных мира сего людей появлялись тогда два распростертых образа, когда одно «преходящее» не могло их выразить (1):

первый, сверху, показывает прелата в сиянии своих понтификальных облачений, короля, королеву в равномерных складках плащей своих коронаций, рыцаря в его доспехах, знатную госпожу в своем праздничном уборе, градоначальника в своей тоге...; и снизу – второй лежащий образ: «преходящее» представляет того же самого персонажа, ставшего трупом, нагого, уже разлагающегося и в настоящее время «уже не имеющего больше имени».

“*Memento, homo, quia pulvis es, et in pulverem reverteris*”. «Помни, человек, что ты – прах, и в прах возвратишься» (2).

Это участь человеческая.

И вот ужасный рабочий этой судьбы – червь.

На некоторых из этих мраморных тел черви появляются из-под кожного покрова, непрочного в разлагающейся плоти, воздействуя на растерзанные и зияющие утробы, пожирая опухшие внутренности.

И от распростертого тела, от «преходящего», кажется, исходят слова Иова, повторяемые латинской литургией: «гробу скажу: ты отец мой, червь: ты мать моя и сестра моя. Где же после этого надежда моя? и ожидаемое мною кто увидит? В преисподнюю сойдет она и будет покоиться со мною в прахе» (3).

О, червь! Неумолимый и торжествующий, страшный символ бессилия нашего тела и его крепости, его красоты, из которых ты делаешь скверну: вот твоя работа и твое учение.

И когда дерзкие художники выбивали тебя на разлагавшихся трупах великих; это Победитель победителей, Которого они прославляли в тебе; самый повелительный из учителей, от Которого они увековечили подавляющий урок: Ты единый среди божественных творений нам смог его преподать со всей ужасающей полнотой и устрашающей истиной.

(1) Смотреть J. MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*. Ch. III, *Le Tombeau*, VIII.

(2) *Bréviaire romain, Office du mercredi des Cendres*.

(3) *Книга Иова*, Глава 17, стих 14, 15, 16. *Bréviaire romain, Offices des Défunts*, 1er Noct. Leçon VII.

V. «ЧЕРВЬ» СОВЕСТИ ВИНОВНОГО

Вот самый известный из самых неумолимых мстителей, когда-либо существовавших! Его не сможет избежать виновный, скрываясь, ведь он обитает в нем самом, в самых сокровенных тайниках его сердца и живет посреди его собственных мыслей.

В начале своей деятельности этот червь называется *Гласом Совесть*, повторяющим упрек: счастлив тот виновный, который слышит его голос, поскольку последний будет трансформироваться, чтобы вызвать *Покаяние*,

что будет для виновного зародышем возрождения и прощения; но если человек его не признаёт, стараясь заглушить, то живой голос становится *Угрызениями*; тогда червь беспощадно принимается за свое скорбное смятение, свои безжалостные «укусы».

Это мстительное угрызение Святой Игнатий Лойола называет «Червем Совести» (1), Святой Ипполит именует «никогда не засыпающим Червем» (2), а Святой Григорий говорит, что это «бессмертный Червь» (3), и за многие столетия до них Святой Пророк Исайя сказал нечестивцам, что «... червь их не умрет, и огонь их не угаснет...» (4)

(1) Saint IGNACE DE LOYOLA, *Exercices spirituels*, Ve Ex., 4e point.

(2) Saint HIPPOLYTE, in *Oratione consummatione Mundi*.

(3) Saint GREGOIRE, in *Moralibus*.

(4) *Книга Пророка Исайи*, Глава 66, стих 24.

VI. АДСКИЙ ЧЕРВЬ

Эмблематический образ бесплодного угрызения, приводящего к определенному проклятию, червь на языке христианской духовности, как зачастую и на профаническом языке, являлся эмблемой inferнального духа.

Говоря о нечестивцах, Исайя заключает свое Пророчество этими словами: «ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти». И Комментаторы Священных Писаний рассматривали как прямой символ Сатаны червя, подтачивавшего корень растения, под которым отдыхал Святой Пророк Иона на виду Ниневии, и как только укус червя достиг цели, дерево иссохло (1); однако этот червь, по словам Библии, был послан Богом для испытания Его пророка.

У древних Греков дикая петрушка считалась адским и проклятым растением. Плиний дает объяснение этому осуждению: стебель петрушки, по их мнению, порождал червей, делающих бесплодными мужчин и женщин, его потреблявших (2).

Друдж-Насу Маздеян вызывает общее разложение с червями, этот дэв — «Дочь Преисподней» (3).

В некоторых сельских областях наших западных стран «червь-солитер», *Tenia*, еще вчера считался подозрительного происхождения, и для борьбы с ним необходимо было прибегать как к заклинаниям и молитвам, так и к средствам профанической терапии. И мы видели в главах, посвященных червеядным птицам, что повсюду в народных преданиях черви, как и рептилии, аллегорически обозначали более или менее прямым образом Сатану преисподней: так простой христианский народ, совсем не ведавший текст Святого Пророка Исайи, понимал страшный фрагмент из Евангелия, бывший отголоском первого: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: луч-

ше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геену, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геену, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геену огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает» (4).

(1) *Книга Пророка Ионы*, Глава 4, стих 7.

(2) PLINE, *Histoire naturelle*, XX, 44.

(3) Cf. DARMESTETER, *Zend Avesta*, II, p. IX et 146.

(4) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 9, стих 43-48.

VII. ПИЯВКА

Хотя она и не является червем и личинкой, пиявка, несмотря на оказываемые ей медицинские услуги, всегда обладала дурной репутацией в народной символике: она здесь стала одним из образов Сатаны, черпающего жизненную силу душ, как пиявка высасывает кровь из людей; она представляла также эмблемой тех, кто под вдохновением духа злобы несправедливо живут за счет других и вымогают у них добро.

Народ прошлого никак не ожидал недавних трудов бельгийского натуралиста Элоффа (Eloffe), чтобы оценить дары атмосферного прогноза, коими наделена пиявка, но используя их, он приписал им происхождение дьявольским влияниям, сделав из невинного существа эмблему проклятых гадалей, спрашивающих свой свет в практиках демонизма.

ГЛАВА СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ

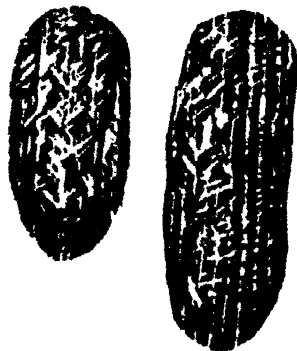
ГУСЕНИЦА

I. ДВЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Среда, в которой эволюционируют черви во время их первоначального существования, является бесконечно разнообразной: одни развиваются в глубине чудовищного гниения; другие под сенью земли или в сосудах, насыщенных органическими элементами, или даже еще под корой деревьев или в щедрой и сахарной мякоти плодов. Прямо отсюда они выходят уже трансформировавшиеся в маленьких поразительно красивых существ, более или менее проворных, более или менее затейливых, но достойных всех нашего полного восхищения.

Будучи червем среди других червей, гусеница, тем не менее, не разделяет простого способа их непосредственной метаморфозы: когда наступает менее теплый период, чем тот, который заставил ее возрастать и укрепляться посреди растений, которые она с алчностью гложет, и когда последние становятся редкими или слишком жесткими, гусеница ищет кров и там водворяется; затем там сжимается в многочисленные кольца, образующие длину его тела, складывает свои лапки, выделяя волокно, появляющееся сверху ее головы, состоящее из незаметной шелковой нити, и обматывается ей медленно и тщательно; затем она начинает источать сама по себе жидкость, которой пропитывается шелк, и вскоре это непроницаемое одеяние покрывает все ее распростершееся тело, окончательно исчезая в этом футляре, ставшем жестким: этот кокон сродни гробу (Фигуры I и II).

В укрывающих ее тени и покое таинственный сон охватывает насекомое: плодотворный сон, в течение которого исчезает из-за странной метаморфозы червеобразный вид гусеницы; трансформируется голова, украшаясь антеннами, тело разделяется, и все образующие ее кольца становятся нагрудными латами, в которых у нее вырастают крылья и длинный живот, напоминающий один в новом насекомом червеобразную форму (Фигура III). Но все это остается сложным, сжатым, склеенным в теле в неопределенных оттенках, ведь исчезнувшая гусеница стала только куколкой в ожидании первого взлета,

ССС

Фигуры I и II. – Кокон
бабочек из бассейна
реки Луары

Фигура III. – Хризалида
бабочки-поденки
бассейна Луары.

который под сверканием солнца в свободном пространстве, где вибрирует благоухание цветов, уносится бабочкой.

Таково чудо, образующееся в секрете скромного кокона из сероватого шелка: нельзя ли о нем сказать, что он – горница, крошечное святилище, где происходит одно из самых любопытных чудес жизни всех маленьких существ, в которых столь часто спрятана божественная рука, но не для ума внимательного человека такие сильные уроки: “*Vide ad fornicam, piger*”; «Взирай на муравья, лентяй!» – гласит Писание...

Размышляя так о мистерии кокона, наши отцы установили аналогии, делающие из гусеницы эмблему священного тела Спасителя: гусеница является червем; и мы видели, что всякий червь, предназначенный для метаморфозы, предстает эмблемой Господа Иисуса Христа, рассматриваемого прежде Его воскресения; следовательно, превращение гусеницы в период ее исчезновения более, нежели всякая другая личинка, принята христианским символизмом для обозначения метаморфозы казненного тела Иисуса во время его положения во тьму могилы, откуда его человечество вышло в состоянии тела славы.

Именно о гусенице хочет сказать античное понтификальное писание, говорящее о Христе, Который есть червь не потому, что Он смирился и Сам чрезмерно унизился, но «поскольку Он воскрес»: “*Vermis quia resurrexit*” – это выражение папы Геласия I-го (492-496) (1).

Как кокон для гусеницы, гробница была для Христа святилищем, где совершалась славная и божественная метаморфоза; но мистерия всегда будет парить над действиями сверхъестественного порядка, вернувшими дыхание в бездыханную грудь Спасителя, кровь в Его отверстия и порожные вены, свет в Его мертвые глаза, возродив биение Его остановившегося сердца.

Наиболее смелый, чем многие другие Отцы и Наставники Церкви предшествующих к нему столетий, Святой Иларию из Пуатье в IV-м столетии выразил мнение, что в гробу произошло отделение божественного Слова от плотского тела Иисуса; и Святой Афанасий, Святой Амвросий, Святой Августин последовательно упорядочивались во мнении епископа Пуату (2). Вовне этой точки все пребывает в тайне, предназначенной Богу.

(1) Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. VI, vol. I, col. 744. – G. HOF-FET, in *Regnabit*, année 1927, p. 195.

(2) Дом Констан (Dom Constant) счел возможностью сообщить, что Святой Иларию позже изменил свое мнение на сей счет; но эрудит Лебон утверждает, что абсолютно ничего не нашел, что могло бы поддержать Дома Констан в его предположении. Cf. *Revue d'Histoire ecclésiastique de Louvain*, année 1927, № 1.

II. ГУСЕНИЦА, ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Если гусеница, как и все черви, обозначает для христианского символизма униженное человечество Спасителя, и если превращенная в куколку и единственная среди червей из-за своего кокона она напоминала присутствие бездыханного тела Иисуса в своей гробнице, то для той же самой христианской мысли она не могла не отображать положенное в могилу человеческое тело. Благодаря чему, согласно выражению философа Эрнеста Элло, «ползущая гусеница отмечает в свойственной себе манере воскрешение мертвых и в особенности воскресения Иисуса Христа (1).

Это аналогия мертвого человека с гусеницей в своем состоянии куколки родилась сама по себе в мысли древних Египтян: их мумифицированные усопшие, завернутые в бесконечные ленты, пропитанные битумом и бальзамическими субстанциями, разве не уподоблялись куколке в шелковой оболочке? И это производилось, как считали иерофанты, для трансформаций, когда их покидали их души.

Греки, которые помещали со своими мертвыми золотые бабочки, чтобы символизировать пробуждение существа в новой жизни, разве не мыслили, как и Египтяне? (2) Ведь полет бабочки заключает в себе предварительную идею гусеницы. Для них всех человеческое тело было лишь оболочкой, коконом души; последняя, удаляясь оттуда дверью смерти, как хризалида, которая становится бабочкой только с первым раскрытием крыльев в свободном пространстве, после того, как порвала край своего кокона, выйдя оттуда.

Первые христиане проникновенно говорили о той же самой вещи, добавляя сюда лишь уточнения нашей веры и упования, из нее проистекающие. Мученик Анаксарх, пока его тело дробилось в гигантском твориле, восклицал: «Дробите, дробите оболочку Анаксарха, ведь Анаксарх ничего не чувствует» (3).

(1) Ernest HELLO, *Unité*.

(2) Cf. SCHLIEMAN, *Mycènes*, pp. 245, 247.

(3) TERTULLIEN, *Apologetique*.

III. ХРИЗАЛИДА, ЭМБЛЕМА ЖИЗНИ И ДУХОВНОГО ПРИСТАНИЩА

В некоторых религиях хризалида гусеницы, заключенная в тени и безмолвии своего кокона, бралась за образ человека, удалившегося от обыденной жизни с ее смятениями, превратностями, заботами, текущими мыслями и достигшего в этом пристанище более совершенного состояния, нежели предыдущее.

Азиатские аскеты Гималаев, которые еще и в наши дни заключают себя в почти недоступные пещеры и не выходят оттуда годами, кроме как для пополнения минимума запаса пищи (1), дабы поместить свою душу под наиболее прямой луч света Сострадающего, становятся, таким образом, великими «гуру», сравнивая себя самих с большими бабочками чудесных долин Инда или Ганга.

Более великими, поскольку более смиренные духом, были наши христианские затворники минувшего в своих каменных ячейках, где заставляли себя замуровывать, откуда выходили только когда их души, порой после долгих лет, покидали их тела, чтобы воспарить к долинам вечного Отечества.

И теперь, как и прежде, в мужских и женских монастырях, «широких пасеках, населенных святыми личинками, изъятыми из всех слоев общества» (2), эти существа молятся, размышляют среди четырех стен своих бедных келий; не предстают ли они равно духовными хризалидами, чьи эволюционная работа и совершенствование в благе к лучшему продолжается до тех пор, пока смерть не заставит их совершить полет... Неоднократно язык мистики рассказывал об этой аналогии между душой, которая в прибежище затвора, преображаясь, трудится и безобразным насекомым, делающемся прекрасным в пристанище своего кокона.

(1) Смотреть J. MARQUES-RIVIERE, *A l'ombre des Monasteres thibetains*, 1929, et *Vers Bénarès, la Ville sainte*, 1930, Paris. Attinger.

(2) PRON, *Psyché*, p. 71.

IV. ХРИСТИАНСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ ГУСЕНИЦЫ

Будучи одновременно эмблемой тела Христа и тела христианина, гусеница несколько раз изображалась в древнем христианском искусстве в условиях, не оставляющих никакого сомнения в символическом намерении тех, кто писал ее образ.

Такой случай, например, с римским надгробным камнем, опубликованным иезуитом Одеричи (Oderici), несущим надпись:

QUAE VIXIT ANI... In XRisto Quiscas?

Внизу под этими словами начертаны монограмма Христа и гусеница (1).

Господин де Лонперье (Longperier), обратившись к этому интересному артефакту, некогда сообщал о найденных в Ирландии боль-

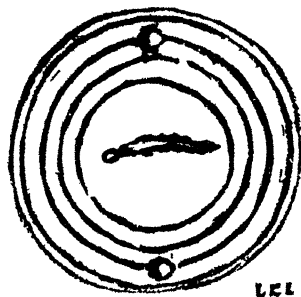
Фигура IV. – Золотое меровингское кольцо, VI-е или VII-е столетия. Музей Монпелье

ших бронзовых гусеницах, инкрустированных стекломассой. Они имеют около десяти сантиметров в длину, и их изготовление, кажется, современным нашему французскому меровингскому искусству (VI-IX столетия). Они рассматривались английским автором как амулеты, сделанные для удаления гусеницы *conach*, обычной для Ирландии; господин де Лонперье справедливо отверг эту интерпретацию, отметив, что гусеница христианами первых веков была избрана в качестве эмблемы воскресения (2). Можно добавить, что именно в VII-м столетии ирландское искусство с изображением символов первых времен, использованных южным искусством только в прошлом.

Другие ювелирные изделия первого тысячелетия имеют тот же образ гусеницы: таково великолепное золотое кольцо из Музея Монпелье, оправа которого украшена символической рыбой с кругами, расположенными по сторонам от шатона с рельефной гусеницей в каждом: Рыба-Христос, *Ictus* и двойная эмблема воскресения Его и нашего (Фигура IV) (3).

Я думаю также, что можно увидеть скорее эмблематическую гусеницу, нежели рептилию или рыбу на бронзовой гравированной пластине меровингской эпохи, кажется, происходящей из Прессилли (Préssilly) рядом с Лонле-Сонье (Lons-le-Saulnier), совершенной калькой которой обладал господин Мишель, хранитель Музея Святого Иоанна в Анжере (Фигура V).

Не возникает сомнения, что образ гусеницы, как и червя, иногда смешивался с другими, часто незаметно проходящими темами: одна и другой, тем не менее, связывались с иллюстрацией символизма, одобренного декретом папы Геласия, современника артефактов, о которых я сообщал: «Христос есть червь, поскольку Он воскрес» — *“Vermis quia ressurexit”*.

Фигура V. — Бронзовая пластина, происходящая из Прессилли (Юра), VI-е или VII-е столетие: 0, 06 сент.

- (1) Cf. ODERICI, S. J., *Dissertationes et admonestationes in aliquot ineditas veterum inscriptions*. Edition de 1765, p. 254, № 91.
- (2) Adrien DE LONGPERIER, *Fibules irlandaises*, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de France*, année 1859, p. 150.
- (3) Смотреть M. DELOCHE, *Les Anneaux sigillaires*, p. 289, № CCLV.

ГЛАВА СТО СЕМНАДЦАТАЯ

БАБОЧКА

I. СИМВОЛИЧЕСКАЯ БАБОЧКА У ДРЕВНИХ

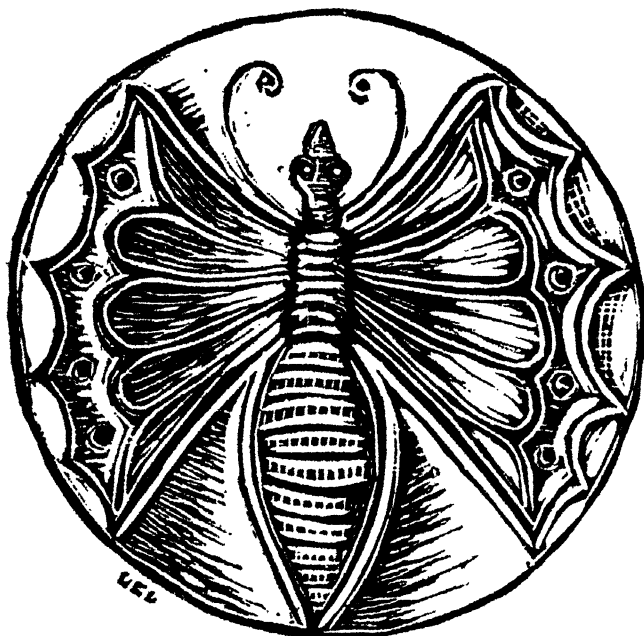
Мы видели ползущую гусеницу, затем остановившуюся в избранном месте, следуя своему инстинкту сохранения, и там заключившуюся в непроницаемый и шелковый кокон, под сенью которого, ставшей куколкой, она превращается в новое существо.

«Древность, — говорит нам знаменитый энтомолог Фабр, — не ведала о чудесах метаморфозы червя; для нее личинка являлась червем, рожденным от разложения. Несчастное творение не имело будущего, которое извлекало его из униженного состояния: червем оно появилось, и червем должно было исчезнуть...» (1)

Эта неосведомленность Древних об одном из самых удивительных феноменов жизни насекомых была реальной в том, что касается большого числа темных личинок, но она, конечно, не затрагивала всего относящегося к метаморфозе гусеницы в бабочку.

Фигура I. — Святая душа, несущая плоды Рая. Фреска Римских Катакомб Домициллы, II-е или III-е столетие

Фигура II. — Один из золотых дисков с княжеских могил из Микен. Приблизительно X-XI-е века до Рождества Христова

Фигура III. – Душа
в форме
человеческой
бабочки.
Произведение
греческого
вдохновения

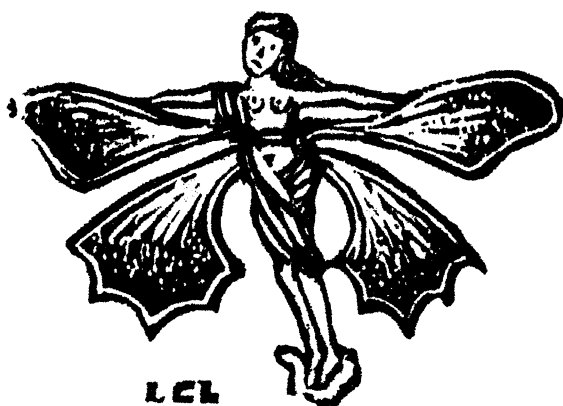
ся здесь, как и в последующем греческом искусстве, эмблемой бессмертия человеческого существа» (7).

Эта интерпретация не изменилась с периода микенской цивилизации до времени Посидония из Апамен (185-109 гг. до Рождества Христова); она толкует о душе высшего происхождения по отношению к нашему естеству, о котором идет речь; ведь Пифагорейская школа проповедовала, «что душа проистекает от Бога, но не из естества, и, следовательно, предсуществует в телах, куда воплощается; из этого пифагорейцы решительно приходят к заключению, что, будучи отторгнутой от тела, душа ускользает от скорби и больше неподвластна смерти» (8).

Бабочка, вышедшая из своего кокона и полетевшая, ловкая и восторженная, в действительности была для Древних образом «души, избавившейся от своей плотской оболочки (Фигуры III и IV). Эти бабочки, сопровождающие Эросов пифагорейской базилики Великих Врат, являются душами, завоевавшими и наполнившимися наслаждением божественной любви» (9).

В Греции для первых художников микенского искусства за несколько десятков столетий до нашей эры гусеница предстает эмблемой человеческой метаморфозы по загробному пути (2). Из тела, которое всю жизнь было «тонкой плотью нашей души» (3), душа устремляется, наподобие бабочки, раскрывшей свой кокон, поскольку «душа имеет крылья», как скажет позже Платон. И христианство в свою очередь восприняло тот же символизм (Фигура I).

Вот почему счастливый Шлиман нашел в княжеских могилах Микен, современных Приаму, бабочек, выразительно выгравированных на больших золотых дисках (4) (Фигура II) и даже на блюдцах маленьких символических весов (5), напоминающих весы, которыми пользовался Зевс-Юпитер, по словам Гомера, чтобы взвесить участь долгого сна и смерти, приготовленных для судьбы Гектора (6). «Бабочка, – говорит нам ученый Шлиман, – являет-

Фигура IV. – Душа-бабочка; недавнее украшение. Серебро с голубой и розовой эмалью

- (1) J. H. FABRE, *Souvenirs entomologistes, (Le Scarabée sacré)*. Edition Delagrave, p. 52.
- (2) Cf. Fred. HOUSSAY, *Parure et flore des Vases peints de l'époque mycenienne*, in *Revue archéologique*, T. XXX, 1827, p. 107.
- (3) HERACLES, *Commentaires sur les Vers d'Or de Pythagore*, traduction Mario Meunier, p. 307.
- (4) Cf. SCHLIEMAN, *Mycenes*, pp. 245, 247.
- (5) *Ibid.*, p. 277.
- (6) HOMERE, *L'Illiade*, XII.
- (7) Смотреть также по раскопкам в Микенах, *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions*, (séance du 2 février 1883).
- (8) CARCOPINO, *La Basilique pythagoricienne de la Porte-Majeure, a Rome*, 1927, p. 185.
- (9) *Ibid.*, p. 104.

II. БАБОЧКА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Греческий язык обладал только одним словом для обозначения человеческой души и бабочки – *Психея*. И для древних христианских символистов

Фигура V. –
Шатон
из горного
хрусталя одного
христианского
кольца IV-го века

этот языческий Эрос, это оперенная двумя крыльями Любовь голубя, любовно сопровождающего бабочку, то есть Психею, человеческую душу, этот Эрос, скажу я, был одним из пророческих символов, посеянных божественной рукой в поле язычества, которые Церковь могла взять такими, какими они являлись, чтобы их перенести Христу, вечной и божественной Любви, сопровождающей выкупленные Им души. Разве не видели мы уже тот же самый символизм, изображающий Господа в чертах рыбака, охотника и стрельца в богатой шкуре гепарда?

Вот почему римские Понтифики катакомб, не колеблясь, ввели миф об Эросе и Психеи в священный декор подземных святилищ, где покоятся мученики Веры: в одной из комнат-святилищ катакомб, называемых Домициллы, три эмблематических картины нам показывают Эрос, услужливую любовь, и Психею, взыскуемую душу (1). В катакомбах Святых Петра и Маркеллина нагой Эрос и облаченная Психея обмениваются пылкими ласками и объятиями; к плечам Эроса-Христа привиты голубиные крылья; и Психея несет на себе крылья бабочки (2).

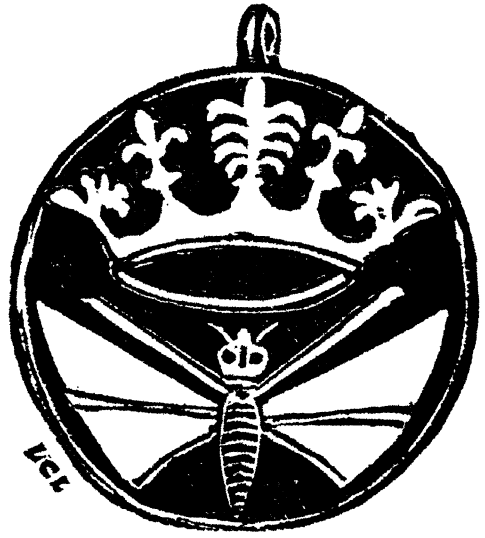
Таким образом, все артефакты соглашаются, чтобы сделать из бабочки эмблему человеческой души, удаляющейся от плоти смертными воротами и воспаряющую вверх над земным планом благодаря божественной любви: это преображенная человеческая бабочка, несомая славными крыльями.

Вот почему некоторые древние авторы использовали выражение «летающие души» для обозначения бабочек (3).

И если бабочка тем самым предстает образом будущей трансформации тела праведников, каковым же тогда было Тело Праведного, в высшей степени, облеченного в утро Пасхи мантией вечной славы?

И все же это логическое применение символизма бабочки к Личности Искупителя вовсе не вышло из области ограниченной мистики. Приведем, тем не менее, шатон из горного хрусталя одного прекрасного кольца IV-го столетия, опубликованного Горлеумом (Фигура V) (4). Этот гравированный камень изображает ребенка, наделенного двумя крыльями бабочки; по бокам этого крылатого дитя находятся два голубя, подобные тем, которые поклоняются Христу на картинах из римских катакомб с каждой стороны от Его наиболее бесспорных эмблем. Дитя стоит перед большим тау, Т, образом креста, несущего священную монограмму Христа, Х, под символическими Альфой и Омегой, греческой буквой, являющейся равно одной из особенных эмблем Иисуса Христа (5). Этот крылатый ребенок может быть лишь эмблематической Любовью или даже образом святой души, освобожденной от телесной породы: поставленная у подножия креста между двумя поклоняющимися голубями, сопровождаемая монограммой Христа и двумя прославляющими и выражающими Его буквами, не могла ли она по мысли художника, ее выгравировавшего, являться эмблемой души Иисуса, когда на кресте, представляемом тау, она удалась от своего издыхающего тела?

И если хочется, чтобы крылатый ребенок был Любовью, то он смог бы представлять в этом по-особенному христологическом обрамлении только воплощенной Любовью, о Которой Святой Иоанн сказал, «... что возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (6), божественным Эросом, которого священное искусство римских нам показывает крылатым и нагим, целующим в лицо и прижимающим к своему сердцу развоплощенную человеческую душу, целомудренную Психею (7).

Фигура VI. – Средневековая медаль с эмалью. Последний период. Коллекция графа Р. де Рошбрюна

(1) Смотреть Dom P. GUERANGER, *Sainte Cécile et la Société romaine aux deux premières siècles*, p. 147.

(2) Смотреть Dom LECLERCQ, *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. I, p. 148.

- (3) Cf. HESYCHIUS, Lexic. Vbo *Phallé*. Ap. ROUX, *Herculanum et Pompei*, T. VIII, p. 215.
- (4) GORLAEUS, *Dactolotheca*, T. I, p. 211.
- (5) Смотреть Н. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*.
- (6) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 13, стих 1.
- (7) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, Vbo 1470-1554 Col. Ame. – *Manuel d'Archéologie chrétienne*, T. I, p. 148.

III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА БАБОЧКИ

Символическое сближение Души и Бабочки не прекратилось с первым христианским искусством. Мы находим ее на протяжении Средневековья в декоративном искусстве, например, в соборе Святого Марка в Венеции, где душа Адама, помещенная под творческим дуновением Святой Троицы, представлена телом юной девицы с крыльями бабочки.

В литературном творчестве это Данте, который, пересекая скорбные круги Чистилища, слышит души, говорящие ему, что каждая из них является червем, рожденным, чтобы образовать ангельскую бабочку:

*Non v'accorgeti voi che non siami vermin
Nati a formar l'angelica farfalle... (1)*

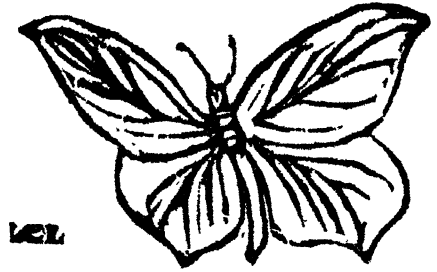
Фигура VII. – Застежка облачения из бронзы с эмалью, XIII-е или XIV-е столетия.
Из кабинета автора

Должно ли признавать освобожденную душу, летящей к «Вознаграждению», на медальоне средневековой эмали в бабочке, поднимающейся к большому и прекрасному венцу? (Фигура VI). Я держу перед глазами застежку средневекового облачения или мантии, исполненной в виде бабочки на эмали (Фигура VII).

Гораздо позже Консорт мастерски выгравировал прекрасный рисунок Кановы (1757-1822), изображающий Душу, Психею, которая держит бабочку, расположившуюся на ее руке (2).

Наши народные предания во Франции сохранили до настоящего времени ту же мысль, и Андре Годар писал в 1925 году: «Я видел одну крестьянку, которая, не пропуская ни мессы, ни вечерни, признавала в бабочке душу усопшего» (3). В наших деревнях провинций Запада Франции прекрасная живая желтая бабочка, стильно разрезанная, появляющаяся первой из всех под солнцем марта или апреля, Клеопатра натуралистов, по-особенному связывалась с преданиями о воскресшем Христе. Ее называют в некоторых деревнях «Иисусом Пасхи» (Фигура VIII), поскольку ее появление совпадает почти с пасхальным временем, и она предстает

первой бабочкой, выходящей из кокона как из могилы. И это напоминает слово Святого Апостола Павла, который, говоря о Христе, нам сообщает: «*то есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам*» (4).

Фигура VIII. – Бабочка
«Клеопатра»

(две трети от реальной величины)

- (1) DANTE, *La divina Comédie, Le Purgatoire*. Chant X.
- (2) Cf. ARTAUD DE MONTOR, *Traduction de la divine Comédie*, p. 184.
- (3) A. GODARD, *La Piété antique*, p. 130.
- (4) *Деяния Святых Апостолов*, Глава 26, стих 23.

IV. БАБОЧКА, ЭМБЛЕМА ЛЕГКОМЫСЛИЯ ДУХА И НЕПОСТОЯНСТВА

В течение трех столетий, как только «делатели картинок» более или менее удачно изобразили роскошное пламя или просто свечу бедняка, в их языках бабочки стали ветрено обжигать свои крылья! Пламя здесь часто для христианской эмблематики предстает притягивающей и лживой женщиной, которая, заставляя надеяться на завидное счастье, поджигает рост желания и жизнь.

Святой Франциск Сальский делает аналогичную интерпретацию: «Как маленькая бабочка, – говорит он, – завидев пламя, спешит с любопытством парить вокруг него, чтобы примериться к нему, насколько оно кроткое, настолько и красивое, и впечатляемая от этой фантазии не прекращает виться, пока не пропадает с первым опытом: так и юное сердце снедаемо сладострастным пламенем» (1).

Отсюда участь ночных бабочек; дневные бабочки, перепархивающие с цветка на цветок, но не привязывающиеся определенно ни к какому, обладают в символизме совершенно иным значением, будучи образом непостоянства нашего духа, летучего легкомыслия нашего сердца. Один изящный цветной эстамп XVIII-го столетия, гравированный Бенуа-Шаллем (Benoit-Schall), показывает весы, на одном из блюдец которых находится крылатая Любовь, а на другом – сидящую на нем бабочку; ее вес, столь слабый, тем не менее, перевешивает со своей стороны: именно это выражает художник: «*Любовь еще легче*». И ведь женщина держит весы, но

«... я даже знаю тот факт,

Что большое число мужчин являются женщинами», –
мог бы повторить здесь господин Де Лафонтен (2).

Итак, «бабочки нам рисуют наши собственные заблуждения и наши собственные ошибки» (3).

(1) Saint FRANCOIS DE SALES, *Introduction a la vie dévote*, 1608.

(2) LA FONTAINE, *Fables*, Livres VIII, Fab. VI.

(3) F. PRON, *Psyché*, p. 80.

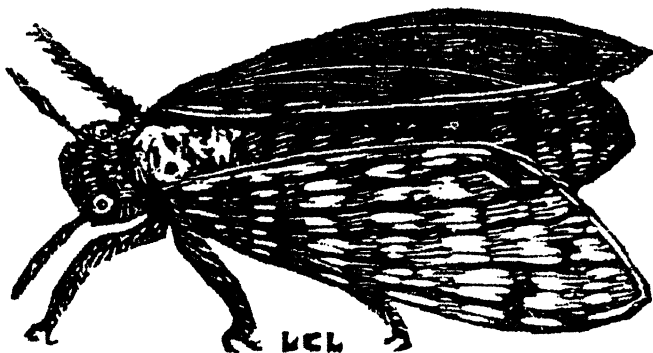
V. САТАНИНСКИЕ АСПЕКТЫ БАБОЧКИ

В одной из своих ночных разновидностей, по крайней мере, в так называемой «Мертвой голове» бабочка была осуждена христианским народом на изображение Сатаны. Натуралисты называют эту бабочку *Sphinx Atropos* (Фигура IX), имя, принадлежавшее одной из трех античных парк, той, чьи неумолимые ножницы перерезали нить жизни.

«Сфинкс – Мертвая голова», достигающая иногда во Франции семь сантиметров в длину и тринадцать в обхват, имеет сверху своей темной грудной клетки светло-желтое очертание, напоминающее костяной череп. Эта зловещая отметина и стрекотание, которое она иногда заставляет слушать ночью, когда летает, сделали из нее и еще делают в нескольких областях наших провинций как бы носителя влияний преисподней или посланника смерти: в начале последнего столетия в Бретани *Сфинксы Атропосы* по-особенному рассматривались в качестве сеющих ужасную эпидемию, сделавшись ответственными за смертность (1). Колдуны той же самой провинции обжаривают *Атропос*, чтобы ввести ее пепел в состав подозрительных снадобий и зловредных порошков (2).

В деревнях между Шарантом и Гаронной раньше считалось, что безобидная в течение дня Сфинкс – мертвая голова может ночью поразить детей неизлечимым укусом. и эта особенность сродни мифическому характеру Парки Атропос, имя которой носит.

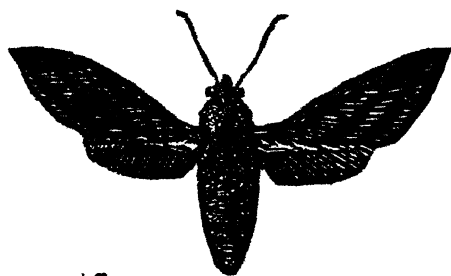
В реальности бабочка Сфинкс – Мертвая голова в том же самом звании, что и шершни, рассматривалась как одна из врагов пчел в дальних странах, где процветают еще дикие пчелы, ведь мед, не будучи защищенным ограждением пчелиного улья с маленьким вхо-

Фигура IX. – Атропос или Сфинкс – мертвая голова в состоянии покоя (немного уменьшена)

дом, крупная ночная бабочка может легко туда проникнуть и объестся медом. Христианская символика могла бы своевременно противопоставить этому опустошителю Христа – пчелу, производящего духовный мед христианской Доктрины; но я не знаю, было ли сделано это сопоставление.

Все бабочки вида Сфинкс обладают дурной репутацией, и все они более или менее вредны (Фигура X).

Фигура X. – Нежелательная:
виноградный Сфинкс

-
- (1) Смотреть *Le Sphinx, tête de mort*, in *Magasin pittoresque*, T. I, T. I, année 1833, p. 244.
 (2) Сведения Брата Жилля из Конгрегации Святого Гавриила, уроженца Морбиана (Morbihan) (1902 год).

ГЛАВА СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СВЕТЛЯК ИЛИ СВЕТЛЯЧОК

I. СВЕТЛЯК ИЛИ ЖИВОЙ СВЕТ В ЕСТЕСТВЕ

Среди всех насекомых и других существ носителей света светлячок, которого Греки называли *lampros*, блистающий, был всегда предметом человеческой симпатии, основанной на мягкости света, распространяемого им вокруг себя, и на природе оно, остающейся еще таинственным для наших селян.

Две разновидности лампиридов – *Lampyris nocticula* и *Lampyris splendidula* – составили объект удивления и наблюдений греческих и римских натуралистов, внимательно изучивших их превращение из личинок в совершенные насекомые; это позволило Аристотелю отметить, что у светляков, достигших последней стадии своей метаморфозы, одни мужские особи имеют крылья (1).

Древние поэты не ожидали от Виктора Гюго, восторгавшегося, когда «светляк в тени скитается, в свой факел облачившись» (2). Филострат во втором веке нашей эры вторил ему, когда в своем поэтически фантастическом описании реки Гифасис говорит, что его воды питают белого червя (по-французски *ver luisant* – светлячок; *ver blanc* – белый червь; прим. пер.), и что если расплавить это насекомое, то из него получается горящее масло, которое можно сохранять только в стеклянном сосуде. По его словам, это существо ловят лишь для царской службы, поскольку его сила столь велика, что он может обрушить стены огромных зданий, а его жир, положенный на воздух, вспыхивает и освещает пожарами, которые никакое человеческое средство не в силах затушить (3).

Вероятно, как об этом разумеется, поэтизированный светлячок составляет отдаленную основу вымыслов, рассказанных Филостратом об Аполлонии и Гифасисе. Остается достоверным, что природа света, выпускаемого до последних колец его червеобразным телом, странно превосходила границу знаний Древних, и что некоторые из них искали его происхождение вовне от чувственного мира, смиренно вознаграждая скромное существо совершенно вымышленным небесным импульсом. Наши народные предания Западной Европы что-то унаследовали от этого заблуждения.

Впрочем, наши ученые последнего столетия вводили себя в заблуждение, когда думали, что своим светом светляк обязан фосфоресцирующим же-

лезам или даже наличие в нем фосфорного водорода. Совсем недавно профессор Рафаэль Дюбуа, долгие годы занимающийся захватывающим вопросом о естественном и «живом свете», доказал, что излучение светляка проистекает от очень сложных феноменов, и она чужда всякому вмешательству фосфора или электричества; по его мнению, «горение особой природы получается от органического обмена, – постоянных притоков новых элементов через кровь и удаления отходов, короче, всей биохимии. Это представляло бы, если хотите, холодным горением».

Похожий феномен должен производиться у многих других насекомых, но светлячок снабжен в виде исключения по краям своего тела неким подобием системы отражающих призм, позволяющим свету от этого холодного горения проявляться снаружи.

Светящиеся мушки, танцующие ослепительными хороводами в теплых сумерках южной Европы, должны обладать органами более или менее близкими с органами светляков; равно и микроскопические животные, соединяющиеся в миллионы миллиардов, становятся светящимися, озаряя в течение ночи части моря. Какое чудо, что иллюминациям мы обязаны личинке нейроптере, новозеландской *Boletopheta luminosa*, излучение которой настолько сильны, чтобы живо освещать большую пещеру! (4) И что сказать об удивительном и прерывистом свечении щелкунов Мексики и кукуйос Антильских островов?

Все эти живые очаги света являются холодными, и отбрасываемое ими свечение чисто физиологического порядка; его производящая энергия выходит полностью в испускания светлых волн без потери того, что происходит в форме тепла во всех очагах горячего сгорания. Я не знаю, чего сегодня достигли исследования господина Рафаэля Дюбуа, но незадолго до 1930 года он успешно соорудил лампу, достаточно сильную, чтобы позволить читать и писать ночью, с баллоном, снабженным ложем из стерилизованного желатина, засеянного одной культурой светящихся бацилл – *Pseudomonas lucifera* и *Bacterium phosphoreum* (5).

В 1903 году Венской Академией Наук было предложено открытие, сделанное одним ученым из Праги, о светящейся силе определенных микробов: одна стеклянная ампула, обеспечивала селитрой и желатином, привитым к бактериям, питала излучение зеленовато-голубого света, позволяя в течение двух или трех недель различать черты людей на расстоянии двух метров.

Исходя из кратких данных их эпохи, алхимики Средневековья, читавшие Аристотеля, также размышляли об удивительном преимуществе светляка. Следуя за ними и подытоживая все о живых огнях, известных по знаменитому белому червю Гифасиса, о чем повествует Филострат, Каббалисты того же времени сделали из них аллегорический образ «астрального света, который, конденсируясь в тройном огне, разрешается в масле, являющемся универсальной медициной» (6).

- (1) ARISTOTE, *Traité des parties des Animaux*, Livre I, III, 4.
- (2) Victor HUGO, *Les Chants du Crépuscule*.
- (3) PHILOSTRATE, *Vie d'Apollonius de Tyane*.
- (4) Cf. Général JOURDY, *Les épaves du Pays du Diamant*, in *Bulletin de la Société des Sciences naturelles de l'Ouest de la France*, 4e série, T. X, 1930. Tiré a part, p. 150.
- (5) Cf. Serge PRADY, *La Lumière vivante*, IV.
- (6) Eliphas LEVI, *Histoire de la Magie*, p. 202.

II. ЖИВОЙ «СВЕТ» И ЕГО НАЧАЛО В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

С другой стороны, в то же самое Средневековье иные герметисты и мистики, ища повсюду, почти во всех существах и во всех вещах отражение Господа Иисуса, увидели его эмблематический образ в скромном черве, несущим посреди мглы единственный свет, происходящий от него самого и от его любви; ведь только в свой брачный период светлячки светятся: наши отцы знали об этом. Более того, будучи наблюдателями того времени, они отмечали лишь светлячков, как наиболее светящихся из наших континентальных видов: самка *Lampyris splendidula*, столь обыкновенного светляка в центре Европы, несет на своей голове греческую аббревиатуру Христа: йота, I, (IHCOYS) на хи, X, (XRICTOC) – Иисус Христос (Фигура I).

Итак, христианская духовность этих ранних эпох знала свой живой и божественный свет и его эмблему. Святая Гильдегарда, умершая в 1178 году, выражается в следующих определениях: говоря сначала о внутреннем свете, который Бог источает в души Своих избранных, «являющемся более блистающим, чем луч, исходящий от солнца», святая добавляет: «Кроме того, я иногда вижу в этом свете другой свет, называющийся, согласно тому, что мне было сказано, светом живым (*Attamen aspicio interdum in eodem lumine aliam lucem, quae mihi lux vivens nominator*). Но он редкий, чем я это вижу, и мне еще сложнее его признать, чем первый... Я его замечаю как бы иногда посредине легкого облака в своде, лишенном звезд, и это в нем я вижу, что говорю теперь о живом свете».

И святая монахиня продолжительно рассказывает об этом таинственном свете, представляющим «нематериальным без протяженности и который не может быть проникнут естественными свойствами» (1).

Семь столетий спустя Гильдегарды другой мистик и озаренная Анна-Катарина Эммерих нам выразительно раскрывает Того, Кого прикрывают в мысли древних духовидцев эти слова о «Живом Свете», когда она говорит,

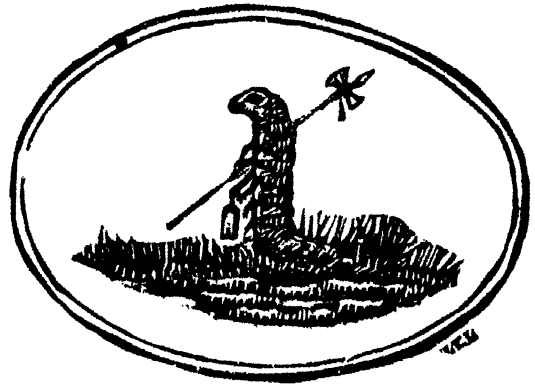
LCL

Фигура I. –
*Lampyris
splendidula*,
самка.
Согласно
J. TROUSSET,
Op. cit.

что живой свет её одарил разумением своих видений, разъяснив все подробности картин, увиденных ей тогда гораздо лучше, чем его окружавшие предметы (2).

В действительности, как считают теологи, этот свет не что иное, как усиленное излучение, производимое в душе таинственным присутствием Христа в ней, присутствием, которое безмерно возвышает и увеличивает силы этой души над очень ограниченной сферой ее естественной активности, позволяя ей замечать то, что ускользает от менее одаренных умов.

Говоря о блаженном Гриньоне де Монфоре и святых, обладавших сверхъестественными восприятиями и видениями, Гедон (R. P. Guedon) в конце прошлого столетия сказал, что даже с обычным светом благодати, которым более или менее пользуется всякий верный, человеческие души на земле походят на чаши цветов в течение ночи, исчезающих во тьме; но если по благосклонности светлячок приносит в одну из этих чаш кроткий свет, над которым он обладает исключительным преимуществом, внутренний мир цветка, несмотря на внешнюю тьму, озаряется, тогда, как все другие пребывают темными. Бедный червь, о смирении которого говорил пророк (3); живущий среди других человеческих червей, один Он нес в Себе нетварный свет, исходивший от Него Самого и позволивший Ему сказать: "*Ego sum lux mundi*"; «Аз есмь Свет миру».

Фигура II. – Светлячок, страж ночи.
Согласно юмористической виньетке
XVIII-го столетия

(1) BOLLANDUS, *Acta sanctorum*, XVII, septembre, 15, 16.

(2) Cf. C. BRENTANO, *Vie de Notre-Seigneur Jésus-Christ d'après les visions de Soeur A.C. Emmerich*, édition Casteman, Tournai, 1862. Introduction, T. I, p. XLIX.

(3) Псалом 21, стих 7, 8, 9. «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою: "он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему"».

ГЛАВА СТО ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПЧЕЛА

МУШКА

I. ПЧЕЛА

Как и птицы всех величин, крылатые насекомые также принимают участие в гармонии чудесного концерта, исполняемого Символикой благодаря универсальному ансамблю существ во славу Господа Христа.

Хорошо думать об этом, когда слышишь то, что старые символисты высказали доброго и надлежащего обо всех маленьких существах, признавая, что все они были убеждены, как Анри де Монтерлан, что «чем теснее наши взаимоотношения с природой, тем ближе мы к сверхъестественному» (1). С ними мы приближаемся к божественному Зодчему, создавшему, как говорится, в совершенстве более удивительный, нежели у больших животных, физический организм насекомых, и одарившему их озадачивающими способностями.

В первый разряд этих крошечных живых существ, благодаря своим уникальным качествам и по преимуществу своим трудам испрашивается пчела.

Начиная от юности мира, человек повсюду рассматривал пчелу как один из самых превосходных даров, сделанных Богом человеку: Вдохновенные Святые и Поэты ее воспевали на всех человеческих языках, созерцатели восторгались ее мудростью, законодательным порядком, ее активностью и совершенством ее производства. Крылатые дочери первых солнц, благословенные провозвестницы первых ясных дней и благоухающих ночей, пчелы всегда пользовались у сельского человека наиболее восхитительным уважением, которое только можно себе представить, и здесь причина, по которой это насекомое сохраняет столь большую часть в символизме и народных преданиях всех стран.

Другое восхищение, превышающее всякое удивление простого крестьянина: это восторг ученого, связанный с пчелой и ее трудами: чудеса анатомии пчелы, искусства, руководящего в сооружении ее геометрических сот, химии ее меда и воска, эффекта, производимого на насекомое магнетическими воздействиями, теллурическими радиациями, влияния ультрафиолетовых лучей на деятельность и плодовитость пчел-маток (2), чудеса всяких видов, собранные в себе и вокруг себя благословенным насекомым, названного Святой Павлин в начале IV-го века «очень таинственной пчелой» (3).

- (1) H. DE MONTHERLANT, *Les Bestiaires*, VI.
 (2) Смотреть Edmond ALPHANDERY, *Traité complet d'Apiculture*, 1830.
 (3) Saint PAULIN DE NOLE, *Correspondance*, IX (Lettres a saint Amand).

II. ПЧЕЛА У ДРЕВНИХ

Фигура I. –
 Доисторическая
 картина Куэва де ла
 Арана. Согласно
 Comte F. DE RILLY,
Op. cit.

Старейший артефакт о взаимоотношении человека и пчелы, которым мы обладаем, нарисован на стене доисторической пещеры в Испании «Куэва де ла Арана» вблизи Брикорпа: это произведение датируется, вероятно, магдаленианской эпохи в первоначальные времена человечества. Оно изображает двух искателей меда, которые, пользуясь тройной веревкой, обирают рой на отвесной скале (Фигура I) (1).

Долгое время спустя пчела появляется для нас, главным образом в эмblemатическом плане, в Египте на древнейших египетских иероглифах, где она обозначает Фараона, которого изображают два соединенных образа пчелы и побега тростника, что следует читать: «самодержец Верхнего и Нижнего Египта» (Фигура II). Погребальный гимн, обращенный к фараону Усертосену III, выражается так: «Он обручил тростник с пчелой»; это значит, что он правил над двумя Египтами.

В той же самой цивилизации пчела символизировала души людей: мы увидим дальше, что ее находят с этим значением на могилах как образ человеческого упования и загробной жизни души (Фигура III). Возможно, такая же мысль руководила созданием египетского кольца, составленным из золотых пчел, которым владеет музей Сен-Жермена (2).

Если очень древние символисты Египта смогли извлечь превосходную сторону из пчелиных качеств, то это потому, что их современники были первыми цивилизованными людьми, практиковавшими апикультуру методическим способом. В верхней долине Нила пчельники, установленные на кораблях, спускались по реке до Нижнего

Египта, чтобы пользоваться здесь последовательными цветениями (3).

Между случайным сбором дикого меда и этими своевременными перемещениями – огромное расстояние.

На Крите верховный бог, рожденный от Матери-Земли (Деметры-Цереры) вскармливался в пещере критской принцессы молоком Амалфеи и медом пчелы-матки Мелиссы; одна монета из Прайсоса имеет на лицевой части голову Деметры, а на другой – богини Мелиссы (*Melissa dea*) (4). С Крита культ пчелы очень быстро распространился на острова Эгейского моря и на континентальную Грецию (5), и его следы констатируются в археологии городов Элевсиса, Коринфа, Милета, Самофракии, а особенно Эфеса и нескольких других больших эллинских полисах (6).

Еще сегодня пчела почитается более или менее суеверным образом на острове Тасос, на Афоне и в Халкидике, меда которых достойны репутации, полностью пропитанной поэзией меда Гиметта: в этих краях изобилует «трава для пчел», бальзамическая мелисса.

В Элевсисе и в Эфесе жрицы, некогда отмечавшие античные мистерии, назывались *Melissai*, «Пчелы», и некоторые посвященные, достигавшие степени неоспоримой чистоты, принимали на себя такое же имя. Пчела наделялась божественными дарами, удивительными и таинственными силами; то же самое проповедовалось у мистов сообществ Самофракии, религиозного центра, где пчела столь же почиталась (7).

С этой инициатической и литургической ролью пчелы, ее меда и ее воска в религиозных чествованиях Греции соотносятся, несомненно, ювелирные украшения, где это насекомое выступает как главный мотив декорации: таковы металлические пчелы-фибулы, найденные в Эфесе в английских раскопках, о чем рассказывает Рейнах (Фигура V) (8), и напоминающие золотых цикад, посредством которых верные Геры (Юноны) удерживали свои волосы в храме Самоса (9).

Фигура III. –
Стилизованная пчела
золотой подвески
фараона Ахотпу I,
найденная в его могиле.
Музей Гизы

Фигура II. – Фараонова
Пчела согласно стеле
Амененхайта III
(Египетская галерея
Музея Гиме)

Мы даже нашли в Камиресе, в Милете, в Делосе, в Тере и в Мелосе золотые пластинки, изображающие богиню Пчелу (*Melissa dea*), человеческий бюст которой подобен бюсту Дианы, персидской Артемиды, тогда как нижняя часть – пчелиная. Это сближение между насекомым и Дианой Латинян одновременно напоминает пчелу монет из Эфеса, о чем нам повествуют Деяния Святых Апостолов по поводу пребывания Святого Апостола Павла в этом городе и культе, который там воздавался «великой Диане Эфесской» (10).

LKI

Фигура IV. –
Эфесская монета
с пчелой

Можем ли мы здесь забыть философа-перипатетика Аристотеля Киликийского, являвшегося в свое время хорошим натуралистом и осведомленным агрономом (11). Античный сердолик, передавший нам его образ, показывает его в созерцании перед пчелиными ульями (12).

Не достаточно ли сказано, каким уважением пользовалась символическая пчела у прибрежных народов восточного бассейна Средиземноморья. Кроме того, можно было бы напомнить многочисленные свидетельства Сервуса, Филострата, Павсания, Элиана и некоторых других авторов.

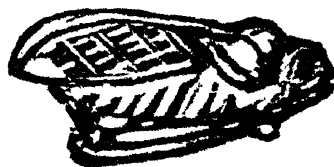
Это уважение простиралось равно от Ливана до крайних пределов Ассирии, Мидии, Сузианы и Вавилонии. Одни Евреи, в высшей степени почитавшие мед, сделали для насекомого, его производящего, заповедник, о котором мы скажем дальше.

В Скифии, Херсонесе, затем в Дакии, Дардании, Паннонии, то есть от Кавказа до современной Венгрии находили множественные варварские украшения в форме пчелы, большинство из которых современники первых веков нашей эры, и являющиеся доказательством, что эти страны равно почитали пчелу (13).

У Римлян, куда столь обширно проникли греческие идеи, пчелы были также весьма почитаемыми, и Вергилий их прославлял поразительной песнью, являвшейся в то же самое время подлинным трактатом по апиккультуре, свидетельством особого и искреннего восхищения (14). Тем не менее, современники и соотечественники Вергилия рассматривали иногда пчел и путешествия их роев как погибельные предзнаменования (15).

У Галлов трудолюбивое насекомое широко использовалось в древнейших культовых преданиях; медовуха была их напитком и медовое вино их подкреплением. Мы увидим, что Пчела вошла в метафизический символизм Друидов.

Еще сегодня тот же самый символизм жив в Азии, как мы это увидим, и актуален у католиков Запада. Маздеяне, как некогда древние Персы, рассматривают мед в качестве составной части небесной Сомы, которой опьяняются божественные сущности, и у Индусов пчелы Риг-Веды предоставляют свой мед Ашвинам; Мадхавы Кришна и Вишну уподобляются деятельным пчелам, и этот последний бог иногда изображался эмблемой Пчелы, сидящей на лепестке лотоса, и Кришна несет голубую пчелу на своем лбу (16).

LKI

Фигура V. – Пчела-фибула
из Эфеса. Согласно
S. REINACH, *Op. cit.*

- (1) Смотреть Comte Fr. DE RILLY, *Gazette Apicole*, T. XXIX, 1928, № 287, p. 222; Hugo OBERMAIER, *El Hombre Fossil*, 2e édition, 1925.
- (2) Salomon REINACH, *Catalogue du Musée de Saint-Germain-en-Laye*, p. 177, B. 2.
- (3) Смотреть *Gazette apicole*, T. XXIX, 1928, № 217, p. 233.
- (4) Смотреть G. GLOTZ, *La Civilisation égéenne*, L. III, c. II, p. 291.
- (5) Cf. Antoine DIOGENE, *OEuvres*, Livre XIII.
- (6) Смотреть E. NEUSTADT, *De Jove Cretico*, III.
- (7) Cf. STRABON, *Geogr.*, X, 3.
- (8) S. REINACH, *Répertoire de la Statuaire grecque et romaine*, T. IV, p. 550, № 8.
- (9) Cf. ATHENEE, *Déipnosophistes*, C. XIII.
- (10) *Деяния Святых Апостолов*, Глава 19, стих 24-34.
- (11) Смотреть PLINE, *Histoire naturelle*, Livre XI, 9.
- (12) Cf. L. LALANNE et collab., *Biographie portative universelle*, col. 74.
- (13) Baron J. DE BAYE, *Bijoux barbares, en formes de mouches*, in *Bulletin et Mem. Des Antiquaires de France*, année 1853, pp. 137, 159.
- (14) ВЕРГИЛИЙ, *Георгики*, Книга IV.
- (15) Смотреть TITE LIVE, *Histoire romaine*, XXI, 46 et XXII, 1. – PLUTARQUE, *Brutus*, 44-56 (Тит Ливий, *Римская история*; Плутарх, *Брум*).
- (16) Cf. A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, T. II, G. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 11.

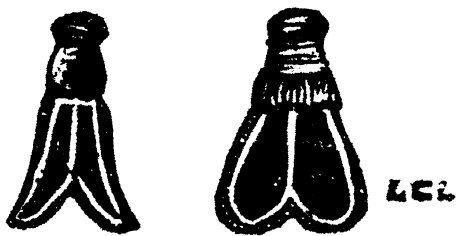
III. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ

Присутствие эмблематических пчел, положенных в древние могилы, должно быть связано лишь с идеей загробной жизни души. Еще сегодня наши народные предания Франции, как и предания всех Древних, классифицируют пчелу среди весенних эмблем воскресения, и мы увидим, что ее ассоциируют и с нашими семейными утратами.

Мы уже встречаем погребальных пчел в сокровищнице могилы фараона Египта Ахотпу I, перенесенных в музей Гизы. Мы видели, что их находили в важных усыпальницах Греции и от Дуная до Кавказа. Идея, когда душа выходила в виде пчел из кожи принесенных жертв являлась обычной

для Египтян, по словам египтолога эрудита Море, добавляющего: на штукатурках мегарума видна скульптурная лепка пчелы и зародыша, окруженных колосьями (1). Эти символы, по крайней мере, напоминают об идее мистерий «возрождения» (2).

Необходимо, вероятно, признать то же самое значение для пчел, найденных в варварских усыпальницах Галлии, христианских или языческих. Несколько сотен медовых му-

Фигуры VI и VII. – Гранатовые пчелы в золотой оправе из могилы Хильдери-ка в Турнэ. Согласно A. PARMENTIER, *Album historique*, Livre III, p. 33

шек были собраны в могиле франкского короля Хильдерика, умершего в 481 году: они сделаны из граната и вставлены в золотую оправу (Фигуры VI и VII). Фред. Моро нашел в Курсее (Courseuil) (Эсн) в могиле одного крупного вассала пряжку ремня, украшенную пчелой, приблизительно того же самого времени (Фигура VIII) (3). Захоронение из Молэна (Сомм) содержало похожее украшение (Фигура IX) (4). Лионская земля воспроизвела те же самые погребальные артефакты варварской эпохи, украшенные эмблематическими пчелами (5).

Мед одинаково полагался в соотношение с человеческим упованием о другой блаженной и непреходящей жизни; вот почему его жертвовали, когда было можно, манам усопших (обогащенным душам мертвых – прим. пер.), и древние историки Геродот (6) и Страбон (7) нам сообщают, что в Ассирии погребали тела знатных лиц в мед, покрывая затем их воском. Последнее отсылает к мифу о Главке, сыне Миноса и Пасифаи, который, упав в кадку с медом, обнаружил там жизнь в контакте своих губ с данной субстанцией. На самом деле, этот вымысел иногда восполняется, как считается, поздним вмешательством Эскулапа и его змеи (8).

Фигура VIII. – Пряжка ремня из Курсея (Эсн), V-VI вв.

Фигура IX. – Пряжка из Молэна, VI-VIII вв.

Из всех приведенных фактов современные археологи обязаны заключить вместе с Куком (Cook) и С. Рейнахом, что у Древних пчела изображала загробную жизнь души «и другое безграничное существование» (9).

После эмблематики Древних христианский символизм воспринял пчелу как одну из эмблем полного воскресения и бессмертной жизни человеческой души. Определяющий смысл этой концепции был таким же, как у бабочки, ласточки Запада и лягушки в Египте: пчела исчезает в течение зимнего периода и вновь появляется во время весеннего обновления; итак, для древнего символизма, как мы уже неоднократно констатировали, время года это три месяца, каким бы ни было реальное время, на протяжении которого исчезало животное-символ. Эти символические *три* месяца сближались с *тремя* днями, в

продолжение которых тело Господа было невидимым в тени могилы, после чего оно снова появляется на сцене внешней жизни, как пчела появляется на наших глазах после зимних месяцев, проведенных в тени улья. Установленный таким образом на основе большой простоты, воскресный и христологический символизм пчелы является наиболее приемлемым.

Именно это заставляет олицетворять пчелой еще и сегодня народную мысль наших деревень Франции (10).

Большой Бюллетень Ложи Айовы после нескольких последовательных статей заключает, что символические идеи масонского ордена, умения и милосердия, которые достаточно недавние, это то, что его связывает с пчелой, ведь она была в прошлом, прежде всего, эмблемой воскресения и бессмертия (11).

-
- (1) MAZOIS, XI, pl. IV.
 - (2) Alex. MORET, *Rois et Dieux d'Egypte*, pp. 199-200.
 - (3) Cf. Fred. MOREAU, *Album Caranda*, 1881, pl. XVIII-XXI et LXII.
 - (4) Cf. *Mémoire de la Société des Antiquaires de France*, T. LXXVI.
 - (5) Baron J. DE BAYE, Op. cit. – *Bulletin de la Société des Antiquaire de France*, 1893, 157-159.
 - (6) HERODOTE, *Histoire*, I.
 - (7) STRABON, *Geogr.*, XVI, 20.
 - (8) Cf. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 13.
 - (9) Cf. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 13. – S. REINACH, *Revue archéologique*, 3e serie, T. XXVI, 1895, p. 213.
 - (10) Cf. Léo DESSAIVRE, *Essai de Mythologie locale*, in *Bulletin de la Société des Sciences, Lettres et Arts des Deux-Sevres*, année 1880.
 - (11) Fascicule février-mars 1930.

IV. ПЧЕЛА И БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО

Задолго до того, как вдохновенные уста Платона заставили слушать Грецию восхваления Божественного Слова, священного Логоса, пчела вероятно уже являлась эмблемой человеческого красноречия и силы, с которой оно могло воздействовать на людей, когда им пользуются пылко и с мощной страстью. Влюбленные в преимущество и великолепие слова с человеческим голосом, глубоко ощущая их очарования, Греки сравнивали гениальных ораторов и певцов большого таланта с пчелами, производившими ртом и работой своих губ, если можно так выразиться, искусный и подкрепляющий мед, о котором рассказывают Ксенофонт (1), Гораций (2) и Плиний (3), мед, который в мгновение ока волнует мысли человека и может поддерживать бредовый психоз иногда в течение трех дней. С первым из этих медов должно сравниваться сильное и добродетельное красноречие, воспевающее совершенства Божества, бесконечную красоту Его трудов, славу или добродетели праведных людей; со вторым – пагубное красноречие, прославляющее предосу-

дительные чувства и деяния, бросающее во зло, в нестроения и в плачевные безумия.

Соглашаются с этими данными, относящимися к благому красноречию, поставленному на службу божественных вдохновений, и связаны с ним мифы, повествующие, как мгновенно умерли все фракийские пчелы, когда перестало биться сердце Орфея, вдохновенного певчего. Разве греческие предания не сообщили, что пчелы Гиметта принесли как-то раз вложить медовый луч в уста Платона, когда он, будучи ребенком, отдыхал под цветущим лавром? И один миф равно говорит, что те же самые пчелы явились вскормить своим драгоценным нектаром ребенка, ставшего однажды Пиндаром, восхитительным поэтом (4).

Позже, перенеся эти вымыслы на Святого Амвросия, знаменитого епископа Медиолана, одного из самых красноречивых христианских понтификов, *Золотая легенда* расскажет, что в своем самом юном возрасте, когда тот спал, пчелы приходили в нему, входили в его рот одна за одной и оттуда устремлялись в небо как изящные стрелы. При виде чего отец ребенка воскликнул: «Благословен Бог! Мой сын будет святым перед Ним и великим перед людьми!» (5)

Нельзя ли понять благодаря мифам, относящимся к Пиндару и Платона, воодушевление Вергилия, заявлявшего, что пристальные люди его времени, пораженные увиденным, говорили, что «в пчелах находится частица божественного Разумения» (6).

И Колумелла, наиболее ученый агроном Античности, писал несколько лет после Вергилия, разделяя изумление великого поэта перед восхитительными пчелами (7).

В долгосрочной перспективе серебряная медаль XVIII-го века, кажется, предстает отголоском Вергилия и его современников: она несет на себе пчелу, сидящую на распустившемся цветке; изображение насекомого сопровождают следующие слова, применяемые к чудесным инстинктам, которыми оно одарено: "*Mens divinius*", «более божественное дыхание», выражение, коим Гораций обозначал поэтическое вдохновение (Фигура X). Значит, поэзия и красноречие являются служителями Слова.

На Востоке Индусы прямо посвящали пчелу культу божественного Слова, Бхагавата, которое они изображают под белым шатром, одетым в желтое и подпоясанным веревкой из благоухающих цветов, привлекающих рабочих пчел (8).

У Евреев пчела находилась в соотношении с идеей слова, языка, по причине его имени *Dbure* от гебраического корня *Dbr*, обозначающего слово, рас-

Фигура X. – Пчела и Цветок.
Медаль XVIII-го столетия.
Буа де Сене
(Bois de Cené) (Вандея).
Коллекция господина
А. Дольбо (Mr A. DOLBEAU)

суждение (древнееврейское женское имя Девора того же происхождения – прим. пер.) (9)

В Галлии Огмиос, бог Слова, то есть от красноречия и песнопения, изображался стариком со ртом, откуда исходили цепи, благодаря которым удерживалось большое число слушателей, и эти цепи были сделаны из золотых и янтарных колец (10). Итак, здесь желтая и просвечивающая амбра не что иное, как образ прозрачного и золотого меда.

Христианские столетия нам представляют также двойной символизм красноречия, отмеченного золотом и медом в имени *Хризостом*, «Златоуст», данного Иоанну, знаменитому и святому епископу Александрии, и звание *“doctor melifluus”*, «медоносный наставник», была присуждена Святому Бернарду Клервоскому.

Католическая литургия оказалась еще экспансивнее: «Сакраментарий» Геласия, приводимый Домом Э. Леклерком, выражается следующим образом:

“Apes vero sunt frugales in sumptibus in procreation castissimae; aedificant cellules cereo liquore fundatus, quarum humanae peritiae ars magistra non coaequat. Legunt pedibus flores et nullum damnum in floribus invenitur. Partus non edunt sedore legentes concept foetus reddunt examina, sicut exemplo mirabili Christus ore paterno processit. Fecunda est in his sine partu virginitas quam utique Dominus sequi dignatus carnalem se matrem habere virginitatis amore constituit. Talia ijitur, Domine, digna sacris altaribus tuis munera offerentur, quibus te laetari religio christiana non ambigit”.

«Пчелы трезвы, умеренны и скромны в своих расходах, очень целомудренны в своем материнстве. Возводимые ими крепкие соты из прозрачного воска – искусство, превосходящее человеческую ловкость, с совершенством которого ничего не может сравниться. Они касаются хоботком цветков, не нанося им никакого урона. Они не рожают, но именно трудом своих губ превращают в рой маленьких пчел, когда зачали, наподобие того, как чудесный Христос произошел из уст Отца. В них и без родов плодотворна девственность, сподобившаяся искать Господа, Его, пожелавшего иметь мать по плоти. Таковы, Господи, и достойны Твоих священных алтарей дары, приносимые нами Тебе, и христианская религия, утверждающая, что Ты это приемлешь с радостью» (11).

Значит, Христос-Слово, Глагол Единого Бога, представлен для нас в Церкви, в литургическом и освященном тексте, как происходящий «из уст Отца», наподобие маленьких пчел, происходящих из улья.

(1) XENOPHON, *Anabase*, IV, 5.

(2) HORACE, *Art poetique*, XXXVII, 3.

(3) PLINE, *Histoire naturelle*, XXI, 13.

(4) Смотреть ELIEN, *Histoire divine*, XII, 45.

- (5) Смотреть в биографиях Святого Амвросия и А. DAVID, *Rome au IVe siècle*, in Le Foyer, Т. XII, p. 77.
- (6) VIRGILE, *Les Géorgiques*, Livre IV.
- (7) COLUMELLA, *De Re rustica*, IX.
- (8) *Bag. Pur*, III, 15.
- (9) Cf. Fred. PORTAL, *Les Symboles des Egyptiens comparés a ceux des Hébreux*, Edit. de 1840, p. 56.
- (10) Cf. G. DOTTIN, *L'Antiquité celtique*, p. 311.
- (11) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, col. 15.

V. ДРУГИЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИМВОЛИЗМА ПЧЕЛЫ

Опираясь на великолепные страницы, в которых Вергилий воздает хвалу совершенствам пчелы, некоторые символисты достаточно удачно сравнивали духовную и непрестанную деятельность Христа в Его Церкви с животворной активностью матки пчелы в ее улье. "*Fervet opus*", как сказал Вергилий, «ее работа бурно продвигается». Сравнение настолько хорошее, что Вергилий, как и Аристотель (1), как и все древние авторы, говорит всегда не о королеве пчел, но о «пчелином короле» (2), признавая, что всему улью он обязан своим существованием, что порядок и согласие, царящие в улье, предстают его делом, и что все его окружают наибольшим вниманием.

Менее удачными оказались те, кто желали сделать из пчелы эмблему щедрости Господа Иисуса Христа, поскольку мы Ему обязаны учением кротости и утешения, в котором содержится мед; с другой стороны, в христианской символике эмблематический образ всякого соответствия, принимаемого самой литургией, именно то, что пчела не отдает охотно своего меда, защищая его от расхитителя даже ценой собственной жизни.

Ненамного лучшими оказались символисты, сделавшие из пчелы образ Христа-судии, дающего праведникам вечные блаженства, обозначаемые медом, а другим – заслуженную строгость наказания, символизируемую болезненным жалом пчелы. Древняя герметика присваивала серафиму, руководителю праведной суровости Христа еврейское имя *Иехудея*, «Жала Господня».

Знаменитый епископ из Анжера Монсеньор Фреппель (Freppel) носил на своем епископском гербе «золотую пчелу на лазоревом поле», имея девиз: "*Sponte favos aegre spicula*" – «Охотно свой мед, нехотя свое жало» (Фигура XI) (3). Эмблема-

Фигура XI. –
Епископский герб
Монсеньора
Фреппеля, епископа
Анжера от 1871
до 1891 гг.

тика должна упрекнуть программу карательного правосудия от согрешения в основе, ведь, повторюсь еще раз, пчела никогда произвольно не отдает своего меда.

Наконец, из пчелы также делали эмблему Христа, света миру, каковым Его обозначает иоанническое Евангелие: «Подобно Христу, – сообщает один Армянский Бестиарий, – пчела распространяет свет по миру» (4). Здесь это аллюзия на воск, являвшийся и остающийся одним из литургических символов наставляющего Спасителя.

(1) Cf. ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, L. IX, c. XXVIII.

(2) VIRGILE, *Géorgiques*, loc. cit.

(3) D'ARLOT DE SAINT-SAUD, *Armorial des Prélats du XIXe siècle*, p. 53.

(4) Cf. Ch. CAHIER, *Du Bestiaire, La Forme arménienne*, in *Nouveaux Mélanges archéologiques*, année 1874, p. 137.

VI. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Жизнь пчел в их улье, их удивительные отношения со своей королевой и со своими ближними, естественным образом сделали из них эмблемы Премудрости, Порядка и Согласия; в том же духе их трудолюбие и их доблесть, с которой они защищают свой улей и свой мед, заставили их обозначать как бы совершенные символы Деятельности, Храбрости и Самоотверженности. Наконец, древние авторы, препровождаемые символистами Средневековья, создали из них в то же самое время, что и эмблемы Христа-судии, символ добродетели Правосудия, являющегося основой порядка, согласия и мира (1). Более того, пчела в профаническом смысле в геральдической науке Средневековья была образом Предвидения, поскольку летом она обеспечивает свое зимнее существование (2). Но другая и по-особенному символизируемая пчелой добродетель это Целомудрие. Вергилий, лучше всех иных древних авторов, воспел чистоту нравов пчел, которые «в любви никого не бросают, не расстраиваются в удовольствиях, не знают ни единения полов, ни плачевных усилий порожденья» (3).

Плутарх идет дальше, поскольку утверждает, что пчелы озлобляются на людей, идущих к ним и поднявшихся с ложа одной женщины (4), и направляют свои жала против развратников (5). Если эти проявления и не представляются реальными, то сказанное Плутархом, по крайней мере, показывает, какой репутацией целомудрия пользовались пчелы в духе Древних.

Мы поспешили увидеть благодаря процитированному выше фрагменту *Сакраментария Геласия*, что католическая литургия, со своей сторо-

ны, равно воспела цельность нравов тех, которых Виктор Гюго назвал «целомудренными, пьющими росу» (6).

В дворянской геральдике Средневековья, как и в мистической геральдике, пчела бралась в рамках образа моральной чистоты: Коломбьер, ставший в 1669 году отголоском старинных французских геральдистов, говорит о пчелах, что «они обозначают Целомудрие и Девственность, откуда идет обычай приносить Богу их воск как очень чистую вещь» (7).

Некоторые символисты останавливались также на анатомии пчелы, чтобы извлечь из этого моральные сравнения: тело пчелы, как говорил один из них, разделено четко на две части: передняя сторона, голова и щиток, которые трудятся и производят мед, предстает образом духовной части человека, порождающей возвышенные, праведные, святые чувства и добрые дела, образующие духовные достоинства, благодаря которым наполняется в его пользу правая чаша весов, где будут взвешены деяния жизни в момент вечных воздаяний. Задняя часть пчелы, брюшко, отягчающее первую часть, заключая нечистые отбросы пищи, поглощенной насекомым и неся в себе жало, орудие страдания для других, является образом плотских потребностей, грубых и материальных инстинктов, предосудительных желаний, ведущих к злым делам, собираемым человеком в течение своей жизни на левой чаше весов. Ведь зачастую использование жала влечет за собой смерть для пчелы, как и совершение заслуживающих порицания поступков приводит к духовной смерти для души виновного, а порой и к его телесной смерти.

Поспешим уведомить, что эта символика согласовывается лишь внешне и по-настоящему никак не соответствует анатомии пчелы, поскольку именно в ее брюшке производится воск, являющийся чистой, полезной и изящной материей; значит, древние моралисты очень часто удовлетворялись только внешностями, располагая недостаточными средствами для поддержки отправной точки, необходимой для изложения их воззрения.

С чисто литературной стороны, всякий символизм добродетелей, выражаемых пчелой, по крайней мере, не всегда являясь уместным, может объяснять и оправдать присутствие своего образа на документах древнего искусства.

(1) Cf. *Revue de l'Art chrétien*, année 1887, p. 167.

(2) LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 326.

(3) VIRGILE, *Les Géorgiques*, loc. cit.

(4) PLUTARQUE, *Précept. conjug.* XLIV.

(5) PLUTARQUE, *Caus. nat.*, XXXVI.

(6) Victor HUGO, *Les Abeilles*.

(7) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 376.

VII. АНТИЧНАЯ ЛЕГЕНДА О РОЖДЕНИИ ПЧЕЛ

Откуда происходит это странное верование, которое желает или скорее которое бы желало, чтобы отдельные пчелиные рои в месте выхода из слишком перенаселенного улья были бы рождены от разложения животных, принесенных в жертву Божеству?

Оно чрезмерно древнее и, кажется, соотносится, по крайней мере, с наиболее древними египетскими мистериями. Ученый египтолог Александр Море со всей правдоподобностью связывает с мистериями Исида обряд, состоявший, по его мнению, в вызывании непроизвольного образования пчел в коже, принесенного в жертву тельца, и здесь он видит эмблему воскресения, символизируемую полетом юного роя (1). Это соответствует сказанному мной выше о дохристианском происхождении характера эмблемы воскресения, некогда отнесенной к пчеле.

Для других этот вымысел только образ Посвященного, который, будучи целиком принесенным в жертву культу долга и блага, производит тем самым для себя и для других плодотворные добродетели, которые продолжают после его смерти свое благотворное действие. Символист Ланоз-Виллен сегодня присоединяется к этой идее и видит в закланном быке образ понтифика: «пчелы, рождающиеся, — говорит он, — из разлагающегося трупа быка, выражают духовные качества, исходящие из души жреца в момент его кончины. Развоплощенный этот святой понтифик еще живет благодаря моральному добру, оставленному им в воспоминаниях народов, благословляющих его память» (2).

Вергилий нам сообщает, как в его время в Египте и вблизи Канопы (3) происходило жертвоприношение двухлетнего тельца, который должен был дать рождение священному рою: его заставляли умереть под ударами без пролития крови, затем его помещали в небольшом здании, увенчанном крышей, все просто и просторно для его содержания. Этот маленький храм пронизывался четырьмя окнами, открытыми по направлению четырех ветров. Там тело гостии водружалось на ложе из ароматических растений:

«Он мёртв. Под нетронутой шкурой кишок
Избитых тогда происходит брожение.
И заперт, оставлен в таком положенье
Лежащий на сломанных ветках бычок;
Под рёбрами бычьими также душица
Со свежим тимьяном... Всё это свершиться
Должно, лишь Зефир пошевелит водой; 305
Пока не алел ещё луг молодой
Цветами; под крышею, громко чирикая,
Ласточка гнёзд не лепила... Великое

В жидкости нежных суставов тепло
 Становится жаром. Лишь чудом могло
 Такое случиться, но стали видны
 Живые творенья! И ног лишены
 Сначала они, только крыльями – с зудом – 310
 Трепещут. И к тонкому воздуху, в грудь
 Сбиваясь, всё выше и выше летят,
 И... хлынут, как летом из туч водопад,
 Иль Парфа – коль, ловкий, вступает в сражение –
 Обилие стрел с тетивы в напряженье...» (4)

Отметим, что бескровное жертвоприношение тельца совершалось весной, по словам Вергилия, перед прилетом ласточек, пока еще луга не убирались новыми цветами; рожденные таким образом от смерти пчелы принадлежат еще символизму загробного существования душ; равно и загробной плодovitости некоторых прожитых жизней в культе действительно добра.

Древние Евреи остерегались меда по причине практик, в которых Сирийцы должны были подражать как Египтянам, так и другим своим соседям. Современник Иисуса Христа александрийский иудей Филон писал, что закон желал, «чтобы гостии не содержали бы ни закваски, ни меда; совсем неприемлемо нести одну из этих двух к алтарю; мед таит в себе риск, поскольку пчела, собирающая его и копящая, является нечистым животным, порожденным, как говорят, от гниения и разложения быков, тогда как осы и шмели произошли от гниения конских тел...» (5).

Библия не говорит, что пчелиный рой, найденный Самсоном в пасти льва у Фимнафских виноградников, образовался в теле этого животного, равно как она не характеризует нечистым мед, собранный героем, хотя и представляет его как символ подкрепления и сладости, порожденной силой:

«... из ядущего вышло ядомое,
 и из сильного вышло сладкое...» (6).

(1) Alexandre MORET, *Rois et dieux d'Egypte*, p. 100.

(2) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 16.

(3) Смотреть SERVIUS, *Commentaires sur les Géorgique*, III, 364.

(4) Вергилий. *Георгики*. Книга IV. Перевод Елены Иванюк. Новый Гермес 3 (2009), стр. 168. ARS INTERPRETANDI.

(5) *Oeuvres de Philon Juif*, traduction française de 1588, p. 341.

(6) *Книга Судей*, Глава 14, стих 14.

VIII. ПЧЕЛА, ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Идея, что души иногда принимали форму пчел, по словам Море, была обычной для Египтян (1), и Рудольф Штейнер хвалит греческую концепцию, сравнивающую душу с пчелой: «Наподобие пчелы, выходящей из улья и собирающей нектар цветов, чтобы его перегнать, составив из него мед, человеческая душа, вышедшая от Бога, проникает в реальность и собирает нектар цветов, чтобы его принести к очагу духа» (2).

За четыре столетия до Штейнера Святой Франциск Сальский также сравнивал человеческие души во время их земного пребывания с пчелами и, делая аллюзию на льва Самсона, говорил с еще большей справедливостью, что «эти мистические пчелы делают свой превосходный мед в ранах убитого льва из колена Иудова, разорванного на куски и растерзанного на горе Голгофе, и дети креста прославляются в своей удивительной проблеме, которую не разумеет мир» (3).

Мистический виноградник, приписываемый Святому Бернарду, «медоносному наставнику» XII-го столетия говорит, что пчелы «... являются образом душ, которые умеют и могут подниматься на крыльях созерцания, отделяясь, так сказать, от своих тел, как трудолюбивое насекомое покидает свой улей, чтобы лететь в сад небесных наслаждений. Там они обретают всякие цветы как в самом богатом из сокровищ, вкушая от них богатые улады.

Этот сад является раем, ибо сказано в Песни любви: Плод твоего чрева, о, весьма плодовая Приснодева Мария, предстает раем.

И на самом деле из чрева Приснодевы Марии вышел рай, сей сад наслаждений, украшенный всякими цветами, богатый всякими плодами; но сначала взыщем, окинем взором эти цветы, соберем и вкусим их нектар. Духовные пчелы, выходит, что мы вкушаем мед, истекающий из камня, согласно слову пророка; ведь это Христос, являющийся раем наслаждений и этим таинственным камнем» (4).

Из века в век христианская духовность видела в пчеле эмблематический образ человека, накапливающего в продолжение всего своего земного периода достоинства для другой жизни, как и в течение лета пчела собирает мед для пропитания улья зимой.

В народном творчестве нескольких стран Европы легенды рассказывают, что души усопших из семьи, которые еще не обрели милости перед Богом, находят иногда приют в ульях, принадлежащих их наследникам; вот почему, несомненно, «Вандеец еще сегодня ассоциирует улей со скорбью своего дома» (5).

И в некоторых примитивных странах пчела предстает добрым гением, покровительствующим существованию человеческого существа. У Эскимосов, например, накручивается одна живая пчела на обнаженные плечи женщин, находящихся во время родов, дабы облегчить рождение ребенка. Эта фетишистская пчела заботливо сохранялась и затем позднее передавалась ребенку, которому она должна была в качестве сильного амулета покровительствовать в жизни.

- (1) Alex MORET, *Op. cit.*
- (2) Rudolf STEINER, *Le Mystere chrétien et les Mysteres antiques*. (Introduction). Edition Perrin, p. 38.
- (3) François DE SALES, évêque et prince de Geneve, *Traicté de l'Amour de Dieu*. Edition de 1617, p. 1078.
- (4) *Vitis mystica*, C. XLIV, traduction Apol. De Valence, p. 363.
- (5) André GODARD, *La piété antique*, p. 285.
- (6) Knud RASMUSSEN, *Du Groenland au Pacifique*, p. 189.

IX. МУХА, АНТИТЕЗА ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ПЧЕЛЕ

Двукрылое насекомое, которое иногда видно изображенным на отдельных документах, относящихся к колдовству и прямому демонизму, не является, как бы ни говорили определенные авторы, ни пчелой, ни даже осой или шершнем, но предстает мухой; она никак не надоедливая маленькая домашняя муха, но принадлежит к мясным мухам, *musca vomitoria* и *musca exesar*, и желтоватая навозная муха, называемая порой в деревнях запада «горящей мухой».

Приобретя в древнем символизме прискорбную репутацию, муха стала в христианском символизме всегда противопоставлением пчелы. На самом деле они противодействуют друг другу соответствующими нравами: пчела усаживается только на чашечку распустившегося цветка и живет в постоянном окружении самых изящных благоуханий, которые сохраняет ее мед внутри улья, пронизывая его ароматом; она использует лишь самый чистый нектар и наиболее нежную пыльцу для своего пропитания и приготовления своего меда и своего воска. Ее выводок рождается и возрастает в набальзамированных сотах: все касающееся ее чисто, превосходно и вызывает восхищение. Муха, наоборот, пребывает на худших нечистотах и живет в обыкновенном окружении отвратительных запахов; она одаривает кладкой своих яиц наиболее здоровые вещества, и питается сама гнусной сукровицей, бродящей в разложившихся животных; ее личинки вылупляются и развиваются в заразных гниениях: все касающееся ее грязно, отталкивающе и внушает отвращение. Старинный текст, написанный при Людовике XII, высказывается, что «мухи – нечистые и падальные звери».

Средневековые заставило символизировать муху срам низших инстинктов гнусного разряда, называемого «отребьем человечества», позорно существующим; и аскетическая эмблематика сделала из нее образ «плотских желаний»: *“Muscae insolentes curae carnalium, ut ibi: “Muscae morientes perdunt suavitatem unguenti”*; «Мертвые мухи портят и делают зловонную масть мироварника», – говорит Святой Григорий, цитируя Екклесиаста (1).

Наконец, все христианские столетия муха использовалась как одна из эмблем растлевающей работы демона блуда.

Профаническая геральдика в свою очередь ее взяла для изображения «назойливости и наглости», поскольку она с равным бесстыдством садится «на лоб короля и на грудь королевы» (2).

- (1) *Книга Екклесиаста*, Глава 10, стих 1. – Ap. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 132.
 (2) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, 1669, p. 376.

Х. МУХА, ОБРАЗ ДЕМОНА

Старинная демонология постоянно размещала мух на мясе применительно к олицетворению демона, пускай она ее изображала благодаря художникам рядом с ухом христианина в состоянии искушения, христианина, «предоставившего ухо» Сатане, вдохновителю, как говорит Святой Григорий, «плотских желаний», пускай она ее помещала у колдуна «за работой» или на демонических талисманах.

Две демонические сущности, которые в реальности делаются только одной – Асмодей и Беельзебут – изображались эмблематической мухой; Беельзебут, называемый Евангелием «князем демонов», обозначался демонологией под именем «бога мух»; Асмодей, которого Талмуд также именует «князем демонов», демонология характеризует как «духа нечестия».

Вплоть до ледовых областей мухи обозначают злых духов: «Лапландцы утверждают, что их колдуны сохраняют у себя «чудесных мух», то есть зловредных духов» (1).

Один рукописный рисунок XVI-го или XVII-го столетий, копированный в бумагах господина аббата Лериша, автора произведений об одержимости дьяволом, изображает Асмодея фигурой трагоцефала с черепом козла – *tragos* у Греков; рога животного завершаются наконечниками стрел, которые, если обратиться к языку аскетов, думаю, должны обозначать «плотские жала»; между рогами – муха желаний плоти (Фигура XII) (2).

Беельзебут появляется в Евангелии в сцене, когда Фарисеи обвиняют Иисуса, будто бы одержимого этим демоном: они говорили, что Он изгонял демонов силой бесовского князя (3). Его имя Беельзебут было переведено как «бог мух». В этом качестве и под именем Миода (*Myode*) он почитался в языческом Риме и призывался против свирепствования и назойливости мух всех видов.

Фигура XII. –
 Герметический образ
 Асмодея, демона
 Нечестия,
 XVIII-е столетие.
 Бумаги Лериша

«Элейцы, – по свидетельству Плиния, – заклиняют бога Миагроса (Myagros) против мух, которые своим множеством разносят эпидемии чумы и умирают, как только приносится жертва этому богу».

«В Африке поклонялись тому же самому богу под именем Ахор» (4).

В XVII-м столетии Александр Росс представлял «Баальзебуба или Беельзебуба, господина мух», как древнего бога Сирийцев, великого в Экроне: «некоторые, – как он сообщает, – держат его за Юпитера, другие за Приапа; третьи за Суммария (Summarius), главного бога Манов, которым, как кто-то думает, был Плутон» (5). Сближение между Беельзебутом и Приапом согласуется с патологическим характером Асмодея.

Не является достоверным, что до сих пор принятый повсеместно перевод имени «Беельзебут» как «бог мух» был бесспорным: Жозеф Галеви (1827-1917) в своем исследовании о Арад-Хибе (Arad-Hiba), правителе Иерусалима, доказал согласно табличкам из Телль-Амарны, существование в Палестине древнего города, называемого Зебуб; следовательно, бог-демон Беельзебут или Бааль-Зебуб представлял собой лишь местного бога, Ваала, Бела города Зебуб (6).

Это не мешает тому, что Беельзебута, «бога мух», находят в донесениях о многочисленных одержимостях дьяволом и на процессах по колдовству:

«В 1614 году Парламент Бордо осудил Жана Жордэна быть повешенным и после сожженным за различные дьявольские и отвратительные практики, особенно же за то, что оный толкался «Бельзебутом, богом мух, на похищение и осквернение освященной гостии» (7).

В 1630 году в Лиможе во время наказания колдуна, говорят, вышел из тела этого человека «дьявол в форме огромной зеленой мухи, называемой Бюрго (Burgaud), которая пронеслась со свистом над виселицей, оставив за собой дымовой след в виде длинного хвоста»! (8)

В 1634 году в Лудюне во время казни огнем несчастного Юрбэна Грандье, ложно обвиненного в одержимости Сатаной Урсулинками этого города, говорят, видели носящееся жужжание вокруг головы наказуемого, и как только он вспыхнул в огне, появилась муха из вида, называемого «шмелиным», и тогда один монах вскричал, что это был Беельзебут, царь мух, пришедший искать души Грандье (9).

В 1663 году колдунья Катерина Эберманн была постоянно раздражаема мухами во время ее допроса (10), и судьи заключили, что ее посещал «сам Беельзебут», царь мух (11).

По этим фактам можно судить об эмблематической роли мухи в демонизме с ее противопоставлением роли пчелы, символизирующей Слово Божие.

(1) Edm. DEMAIRE, *Une Visite Mmaïd ou grand Sorcier lapon*, in *Excelsior*, 23 septembre 1931.

- (2) Смотреть выше в главе XII, *Козел*, рисунок того же самого происхождения и того же самого рода.
- (3) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 12, стих 22-30; *От Марка Святое Благовествование*, Глава 3, стих 20-30.
- (4) Cf. CHOMPRES, *Dictionnaire de la Fable*, p. 275.
- (5) Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*, traduction Thomas La Grue, 1666, p. 49.
- (6) Cf. *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*. Séance du 4 mars 1892.
- (7) Fr. DELACROIX, *Les Procès en Sorcellerie au XVIIe siècle*, p. 95.
- (8) Согласно Robert DU DORAT. Смотреть Dom FONTENEAU, *Recueils manuscrits de la Bibliothèque de Poitiers*, T. XXI, f 603.
- (9) Смотреть Dr LEGUE, *Urbain Grandier*; AUBIN, *Les Diables de Loudun*; LA MENARDAY, *Histoire des Diables*; Abbé LERICHE, GILLES DE LA TOURETTE, etc.
- (10) Смотреть J. DIFFENBACH, *De la Sorcellerie en Allemagne avant et après la Réforme*, p. 96.
- (11) Cf. Fr. DELACROIX, *Op. cit.*, p. 77.

XI. МУХА, ЭМБЛЕМА ЭФЕМЕРНЫХ И НИЧТОЖНЫХ ВЕЩЕЙ

Обычная маленькая муха и мошки во все времена брались за эмблему вещей без значения и без длительности.

Человеческая жизнь, даже столетняя, настолько эфемерная, когда ее сближают с бесконечной продолжительностью времени, часто изображалась существованием мухи, длящемуся лишь один сезон, иногда один день, и все сгорает. С этим символизмом благодаря перу или резцу связано упоминание о круглых маленьких мошках, танцующих в вихре в последние светлые часы летнего дня, фарандолу которых прореживает ласточка, сея смерть.

Между двумя бесконечностями прошлого и будущего жизнь поистине не что иное, как мимолетное мгновение, и человеческая душа является орлом, который не должен ее растрчивать на пустяки без подлинного значения для будущей жизни: «Орел не задерживает своего внимания на мухах», гласит геральдический девиз семейства д'Андины — "*Aquila non capit muscas*" (1).

Фигура XIII. —
Пчела и цветок
на итальянской монете
1920 года

(1) D'ANDIGNE, ANJOU et POITOU, *D'argent a trois aiglette au vol abaissé de gueules*. V. R. PETIET, *Armorial poitevin*, p. 7.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТАЯ

ЦАРИЦА ПЧЕЛА И ЕЕ УЛЕЙ

I. ПАСЕКИ У ДРЕВНИХ

В предыдущей главе мы видели, что в Западной Европе с первых времен человечества магдаленианский человек уже овладел в диких бортях сладким трудом пчел (1). Последующий период, называемый доисторической наукой «периодом неолита», познал рациональную организацию примитивной апикультуры и одомашнивание животных, разделивших труды и жилище человека.

Вовсе не безрассудно думать, что с этого времени скитающиеся рои пчел были собраны в искусственных жилищах, где человек мог легко взять в сезон наибольшую часть прекрасного продукта трудолюбивых насекомых.

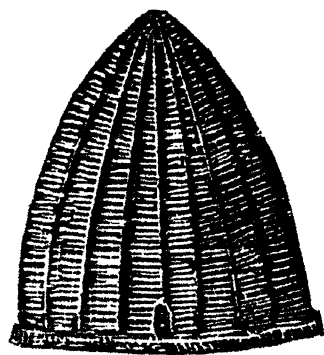
Впрочем, мы достоверно знаем, что в эпоху независимой Галлии наши отцы изготавливали конические ульи из гибких побегов жимолости или тростника, отрезками ивы, полосками коры, — почти такие же много делались в минувшем столетии. Я знаю, что их еще и ныне используют; они похожи на сельский образец, описанный Колумеллой в первом веке нашей эры (2).

В ту же самую эпоху Вергилий нам рассказал о том, как пчеловоды Лациума изготавливали свои ульи, о предосторожностях, полезных для их установки и заботах, необходимых для их процветания (3).

Дом де Монфокон воспроизвел один из этих античных ульев, согласно римскому документу (4): это *alveare* Латинян и *hyron* Греков, которых описывают древние авторы (Фигура I).

Разделенные плетнями жилища Галлов и Германцев обладали той же самой конической цилиндрической формой, как нам это доказывают барельефы Мельпомены в Лувре и колонны Антонина в Риме (5).

И галльские усыпальницы, по крайней мере, на западе Галлии обладали под землей той же конической формой улья, но перевернутой; разве не является смерть опрокидыванием живого существа? (6) Это нормальная форма плетеной

LCI

Фигура I. — Римский улей, современный Вергилию; согласно Dom MONTFAUCON, *Antiqu. Expl.*

корзины (colum), в которой давится первым соком виноград, прежде того, как ему опасть в точило. Чтобы сделать улей с плетеной корзиной, его надо обернуть ей, проделав в нужном месте выход (7). Делались также ульи в дуплах, полых стволах деревьев.

Если верить античному Мифу, то именно пастух Аристей, сын Аполлона и нимфы Кирены, первым подал людям идею изготовления медовых ульев... Но продолжим...

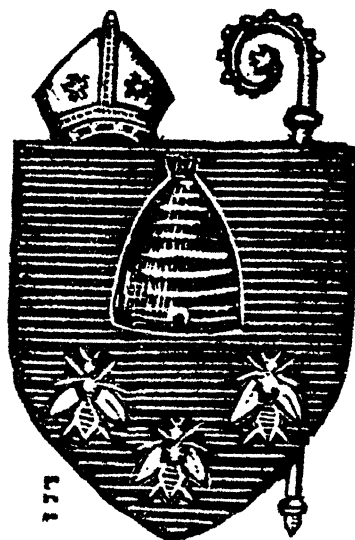
- (1) Картина из Куэва де ла Арана (Испания).
- (2) COLUMELLE, *De re rustica*, Lib. XI, VI, I.
- (3) VIRGILE, *Les Géorgiques*, Livre IV.
- (4) B. DE MONTFAUCON, *L'Antiquité expliquée*.
- (5) Cf. BORDIER et CHARTON, *Histoire de France*, T. I, pp. 1, 104.
- (6) Смотреть F. PARENTEAU, *Les Cabournes, les Bourniers et les Bournigals*. – L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Les ponnes incinérées du Bocage vendéen*, in *Revue du Bas-Poitou*, année 1912.
- (7) Cf. COLUMELLE, *De re rustica*, XI et XII. – VIRGILE, *Les Géorgiques*, II.

II. УЛЕЙ И ПЧЕЛИНАЯ ЦАРИЦА В СИМВОЛИЗМЕ ИИСУСА ХРИСТА И ЦЕРКВИ

Сам факт того, что он дает приют рою, который находит в нем условия существования, необходимые для того, чтобы можно было здесь выполнить свою работу в разведении потомства и в производстве меда, улей брался в качестве надлежащей идеограммы общественной жизни, мудро упорядоченной, мирной и плодотворной под руководством единственного вождя.

Языческие столетия это понимали, особенно в Греции, где, как в Дельфах и в Эфесе, жрецы и жрицы носили имя «Пчел» и их коллегиум назывался «Ульем», *Hyron*.

В Средневековье во Франции с тем же самым смыслом некоторые крупные монастыри брали имя, происходившее из жизни пчел: таково цистерцианское аббатство Меллерэй-де-Бретань (Melleraie-de-Bretagne), Нантского диоцеза, герб которого следующий: «на лазоревом поле серебряный улей, под которым три пчелы такого же цвета» (Фигура II) (1).

Фигура II. – Герб аббатства Нотр-Дам де Меллерэ в Меллерэй (Нижняя Луара)

Та же самая мысль бралась для личного герба Дома Кутюрье, бенедиктинского аббата Солемского аббатства от 1875 до 1890 гг.: «на лазоревом поле золотой улей»; девиз владыки был из Георгик Вергилия (Книга IV) и гласил: “*Consortia tecta*” (Фигура III) (2).

В том же самом духе преподобнейшая госпожа Тереза Бернар, бенедиктинская аббатиса Нотр-Дам де Виск в диоцезе Арраса, взяла в 1894 году следующий аббатский герб: «на серебряном поле три пчелы в натуральном фоне»; ее девиз: “*Favam cum melle*” (3).

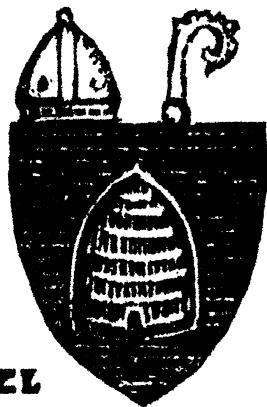
Будучи монастырским образом, улей появляется в каждой церкви или диоцезе, вдохновителем которых предстает епископ; тут вспомнился Монсеньор Делалль (Delalle), епископ Родеза (Rodez) и де Вабра (Vabres), взявший себе герб такого содержания: «на лазоревом поле золотой улей; во вишней главе щита красного цвета находятся три золотых пчелы: 2 и 1» (4).

Земная Церковь, глава коей Папа, одинаково эмблематически сравнивалась с ульем. В ней заботами и общей властью верховного Понтифика должны были сохраняться священное учение, эмблемой которого является мед, и уточняться дисциплина, которая благодаря исходившему от Римского епископа полномочию, помещает каждого на свое место в христианском сообществе.

Поднимаясь тем самым постепенно, мы встаем на лестницу, воистину соединяющую небо и землю: поскольку Аббат в своем монастыре, Епископ в своей епархии, а Папа во Вселенской Церкви, постольку и Христос пребывает в полноте Церкви и троичной Теологии: «Воинствующая Церковь» земли, «Страдающая Церковь» чистилища, «Торжествующая церковь» небес. Это означает, что, как и царица-пчела в своем улье, Он, «имени которого преклоняется всякое колено на небе, на земле и в преисподней», является Тем, Кто все вдохновляет, Кто всем управляет, Кто все осуществляет, Кто правит над живыми в Своей земной Церкви и над другими живыми, тела которых мертвы.

Благодаря другой символике, идущей в паре с Ноевым Ковчегом, улей еще был связан со Спасителем мира, и что именно в Нем христианские души, мистические пчелы, находят спасительный приют, мир, духовную помощь и укрепляющее пропитание, дающее «знание вещей Божиих».

Уже в одной древней и метафизической школе от греческого слова *Hyron*, означающего «улей», было произведено *Hyriens*, чтобы выразить состояние души, находящейся в обладании религиозного знания и познания души, ее происхождения, ее свойств и конечных предназначений. Из этого всего получается, что великолепные вдохновленные души язычества образо-

Фигура III. – Герб Дома Шарля-Луи Кутюрье, аббата Солема

вали определенность, на которую христианство проецировало полный свет своего пламенника.

И это состояние приводит напрямую к внутреннему миру, пребывающему даже в ходе испытаний существования; это, несомненно, означает то, что хочет сказать нам на вратах Баптистерия Пармы символическая композиция, изображающая «Жизнь», согласно легенде Святого Варлаама, и показывающая улей как символ «сладости жизни» (5).

Декор, вышитый на литургическом воздухе XVIII-го столетия, весьма вероятно происходящий из древнего монастыря Пуатье (6), изображает широкий горизонтальный крест, на которой положен большой улей, откуда вылетают пчелы; справа от него персонаж, предоставляющий колосья; слева — большая чаша, увенчанная гостией. Из этой достаточно туманной композиции выделяется очень четкая идея Спасителя и Евхаристии, и очевидно Церкви.

(1) Cf. D'ARLOT DE SAINT-SAUD, *Armorial des Prélats français du XIXe siècle*, p. 336.

(2) *Ibid.*, p. 309.

(3) *Песнь Песней*, Глава 5, стих 11.

(4) D'ARLOT, *Op. cit.*, p. 152.

(5) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 175.

(6) Сообщение господина Ф. Эйгюна (F. Eygun), палеографического архивиста, январь 1931 года.

III. УЛЕЙ И ДОБРОДЕТЕЛЬ УПОВАНИЯ

Из-за превосходных и драгоценных продуктов, на которые заставлял надеяться труд его обитателей, улей стал у Древних как бы символом Упования и изображался рядом с этой персонифицированной добродетелью, как это доказывает римский документ, опубликованный в XVIII-м столетии Домом Бернаром де Монфоконом, приводимый в начале этих строк.

Подняв эту идею на высоту всего позволенного верному в уповании для его души, Христианство осватило также улей в качестве теологической добродетели Упования, основанного на божественных обетованиях. Благодаря чему христианин находит силу выносить и духовно использовать испытания существования, чтобы собрать затем блага вознаграждения, для которых улей, где собирается мед, предстает эмблематическим образом (1).

На средневековой миниатюре Аристотеля из Руана персонификация Упования, облаченного знатной дамой, несет на себе различные атрибуты, в том числе и улей (2).

(1) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 199.

(2) Cf. GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chrétien*, T. III, p. 440.

IV. УЛЕЙ, ЭМБЛЕМА СЕМЬИ И МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ

Улей, символизирующий в духовном смысле монастырь и Церковь, должен естественным образом в природном плане олицетворять семью, чей отец является главой – Патри-архом. «Пчелиный Царь», как говорили древние натуралисты, это отец, верховный глава улья и обладатель того, что он содержит. Такой, как отец в семейном доме; это он, который бдит над семьей, как и над пчелами в улье и на его стенах, накапливая и укрывая продукт своего общего труда; вокруг него развиваются члены, которые образуют пчелиную семью.

То же самое хотели сказать: герб семьи де Турнемуш (de Tournemouche): «на серебряном поле щита черненый улей, окруженный пчелами» (1); и герб рода де Лурде (de Lourdet): «на серебряном поле щита черненый улей с двумя пчелами с каждой из его сторон: 2 и 2; в лазоревой главе три серебряных звезды».

В развитие Древние и все символисты с тех пор сделали из улья естественную эмблему народов с монархическим устройством, наследственным или выборным (2), ведь так же, как в улье одна голова повелевает, управляет и все воодушевляет, подобным же образом и Папа находится в управлении Церкви, а Император или Царь в Монархическом государстве. От этого единственного главы, как и от пчелиной царицы, исходят общественная жизнь и порядок, составляющие процветание нации.

В том же самом символическом духе средневековая геральдика сделала из пчел эмблему субъектов, обязанных своему самодержцу тем же послушанием, которое оказывают пчелы своей царице и матери в улье (3).

Улей и пчела являются также в том же самом традиционном смысле символами социальных добродетелей, делающих народы великими и процветающими: почтение к власти, подчинение законам, честная и деятельная работа, экономия и правосудие.

Именно это, несомненно, желает выразить пчела, собирающая нектар на цветке на одной из современных великолепных монет короля Италии, Его Величества Виктора-Эммануила III-го (предыдущая Глава, фигура XIII).

В XIII-м веке Фома де Кантемпре (4), написав свое произведение *Универсальное Благо Пчел*, находясь под вдохновением *Жизни Пчел* Альберта Великого (5), развил параллель между ульем и христианским градом. Сближение столь естественное, что оно существовало во все эпохи.

(1) Cf. V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, 1669, p. 376, № 114.

(2) Смотреть LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. I, p. 17.

(3) DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, p. 376.

(4) Th. DE CANTIMPRE, *Bonum universale de Apileus*, Colvenerius, Douai, 1627.

(5) Cf. Albert GARREAU, *Saint Albert le Grand*, p. 25.

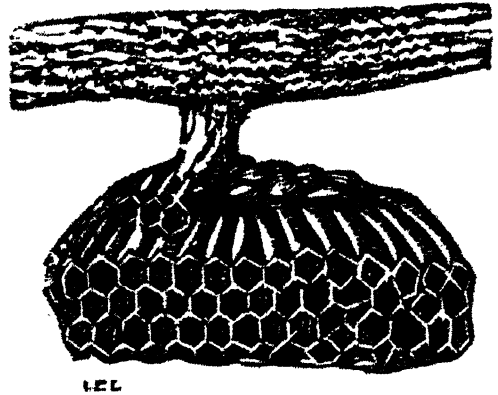
V. АНТИТЕЗА УЛЯ – ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Гнездо осы, наподобие улья, составлено из многоугольных ячеек, в которых рождается и образуется выводок, но там вовсе нет меда.

За исключением гнезда картонажной осы, осиное гнездо делается под землей в тени и во тьме, сообщнице зла (Фигура IV).

В противоположность улью, отображающему Церковь, осиное гнездо символизировало еретические сообщества и объединения, происхождения которых скрываются в тени и у которых не находится меда, то есть чистой доктрины Христа. Как и осиное гнездо, они не обладают воском, то есть они не могут распространять свет, но в них царят беспорядок и смятение.

Профаническое выражение «попасть в осиное гнездо» очень справедливо высказывается о всяком, кто вступает во враждебную среду, от которой можно ожидать лишь болезненных ран, но никак не меда для их успокоения, как то унижений, насилий, ущербов, но вовсе не счастливого вознаграждения. Да хранит нас от них Господь!

Фигура IV. – Осиное гнездо: осинник на вольном воздухе картонажной осы; уменьшено в половину величины

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

МЕД

I. МЕД В АНТИЧНОЙ ЖИЗНИ

Как всякие превосходные вещи, дарованные нам Провидением, мед посвящался человеком с античных времен Божеству в любой признававшейся за ним форме и в любом виде, которому поклонялись.

Насколько далеко нам дано подняться в цивилизованное прошлое Египта, настолько мы уже видим мед вошедшим в божественные обряды: с различными маслянистыми или бальзамическими субстанциями он составлял «Благовоние праздника», представлявшееся Единому богу. Он входил в состав освященных мазей, использовавшихся с молитвами в погребальных церемониях «раскрытия уст» в ходе бальзамирования и мумификации тел. Благодаря чему он связывался со Словом и с идеями, соединяющими пчелу с вопросом воскресения (1). Наконец, в храмах мед служил для помазаний освящения алтарей, статуй и божественных образов (2).

Мы видели, что в Сирии в мед помещали тела умерших знатных людей в их могилах, и это, кажется, соотносится с упованием будущего блаженства в загробном существовании.

Греки делали из меда пищу богов на земле, наподобие того, как они сделали из нектара и амброзии «в девять раз более утонченных, нежели мед» небесную пищу.

Всем ужасным божествам, – Юпитеру, находящемуся в гневе, Плутону, Гекате, Эвменидам и Фуриям, – воздавалось возлияние медом, смешанным с молоком, вином и елеем, чтобы сделать их благосклонными; многочисленные древние авторы упоминают этот вид жертвоприношения, в том числе Аристофан в *Облаках*, Еврипид в *Ифигении в Тавриде*, в *Эдипе у Колонны* и пр.

Медовое жертвоприношение совершалось и Гермесу как богу сокровенных знаний и интеллектуальных даров, помогающих познанию Логоса, божественного Слова, и позволяющих к нему мыслительно приблизиться.

Когда Греки жертвовали божествам Олимпа своей превосходнейший мед, Латиняне, со своей стороны, преподносили алтарям богов Эмпирея цвет пасек Этрурии, Лациума и Умбрии, превосходство которых, особенно калабрийских, отмечал Гораций (3). Они даже относили к меду его частное божество – богиню Меллону, облеченную всем, что касалось пчел и их труда.

С этих отдаленных времен даже цвет меда уподоблялся свечению золота, выражавшего тогда красоту божественной Сущности, бесконечное превосходство верховного Бога; и он участвует в таинственных обозначениях, связанных со всем, что светло, цвета зрелой пшеницы в полях, пшеничного зерна или хорошо пропеченного хлеба, янтаря или уточненной камеди, — всех вещей, изображающих дары жизни и небесные содействия, нисходящие на человека «силами эманаций божества», как нам лаконично говорит один современный символист (4).

Античный символизм Латинян сделал из меда образ счастья: вот почему с обновлением года, когда наши галльские отцы восклицали «*Augui l'an neuf*», граждане Вечного Града преподносили своим эдилам и великим сановникам Империи медовые соты на венцах из пучков вербены, как символ удовлетворений того, что последние им пожелали для нового года.

Задолго до Римлян, когда Евреи, уходя из египетского рабства, пересекали изнурительную Аравийскую пустыню, и их охватило уныние, Яхве снизошел к Своему народу, напомнив ему об обетовании Моисея в долине Нила: «... Я выведу вас от угнетения Египетского в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иувусеев, в землю, где течет молоко и мед» (5).

То же самое выражение в *Книге Чисел*, чтобы сказать о сладости жизни в этой обетованной земли, откуда вернулись разведчики, посланные посетить эту желанную страну (6).

Христианская символика сохранила эту концепцию, делавшую из меда образ мирной и счастливой жизни, связывая ее столь же с ним, сколь и с ульем, который является ее освященной эмблемой (7). Разве само богатство этого жилища не сокровище деятельных тружеников, создавших его столь приятным и живущих от него? Христианская концепция только подчеркивает более возвышенную идею вечного блаженства, обетованного Праведным мира, делая из всякого истинного и законного человеческого блага очень слабый, бесконечно бледный и укороченный образ первого.

(1) Смотреть предыдущую главу, пчела, III и IV.

(2) Смотреть Alex. MORET, *Le Rituel du culte divin journalier*, pp. 72, 196.

(3) HORACE, *Odes*, Livre III, XVI, a Mécène.

(4) LANOË-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. II, p. 146.

(5) *Книга Исход*, Глава 3, стих 17; Глава 13, стих 5.

(6) *Книга Чисел*, Глава 13, стих 27; Глава 14, стих 8.

(7) Cf. M. G. BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 175.

II. МЕД, МИСТИЧЕСКАЯ ЭМБЛЕМА «КРОТОСТИ И НЕЖНОСТИ ХРИСТА»

Загадка Самсона (1) и ответ, который ему был дан: "*Quid dulcius melle et quid fortius leone?*" – «И сказал им: из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое (2). И не могли отгадать загадку в три дня». Именно это пытается выразить картинка середины XIX-го века, образчик бесцветного и жалкого производства, названная бушевавшим тогда «благочестием»: на лежащие на блюде медовые соты положен крест! Что должно обозначать «кроткого Спасителя»: души здесь изображаются бабочками, пчелами и другими крылатыми насекомыми, во весь дух спешащими просить подкрепления. Мысль гораздо лучше, нежели картинка (Фигура I).

«...[Или пойдя к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена.], – гласит Книга Притчей Соломоновых (3). И дальше добавляются слова, которые католический мистик приготовил для Спасителя: «Кротость моего духа больше, нежели сладость меда» (4).

Чему католическая литургия становится отголоском в Антифоне: "*O quam suavis est, Domine, spiritus tuus...*"; «О, сколь сладок Твой дух, Господи, Ты, Который, чтобы засвидетельствовать к нам Свою нежность в Своим сыновьям, послал им с небес нежнейший хлеб» (5).

Наподобие того, как идолопоклоннические народы делали из меда, как превосходного продукта, питание для своих богов, у Евреев семь столетий до нашей эры сделали из меда пищу обетованного Мессии: «Тогда сказал Исаия: слушайте же, дом Давидов! Разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуместь отвергать худое и избирать доброе...» (6)

LEI

Фигура I. – Медовые соты, эмблема нежности Христа. Картинка благочестия XIX-го столетия. Она несет в двух

строках надпись, вдохновенную

Песнью Песней Соломона:

«Сладость моего возлюбленного – медовые соты»

Эту кротость, отображаемую пророческим медом, мы находим проповеданной Спасителем в начале Его евангельского поприща в Своей «заповеди» на горе галилейского нагорья: «Блажени кротцыи, яко тии наследят землю» (7). Здесь аллюзия на Псалом 36 (8), где сказано: «Престани от гнева и остави ярость, не ревнуй еже лукавновати. Зане лукавнующии потребятся, терпящи же Господа, тии наследят землю». И Он сам становится этим правосудием, ведь был «кротким и смиренным сердцем».

Чтобы обозначить это милосердие Христа и нежность Его учения, первоначальная христианская литургия в обрядах Крещения повелевала вкушать мед новым христианам в завершении крестильной церемонии, предусматривающей равно первое принятие Евхаристии (9).

Вкушавшийся тогда неофитами напиток состоял из смеси молока и меда в чаше, благословлявшей их намерение перед окончанием канона Мессы. Этот обычай существовал еще в VI-м веке, что доказывают письменные аутентичные документы (10): он прекратился в Латинской Церкви во время Святого Григория, почившего в 604 году, но он практикуется еще сегодня у Коптов и Эфиопов.

Эта выразительная церемония не могла ли завершаться текстом нынешней латинской литургии, заимствованным еще в Псалмах Давида: "*Gustate et videte quoniam suavis est Dominus: beatus vir qui sperat in eo*"; «Вкусите и видите, яко благ Господь; блажен муж, иже уповает на нъ» (11).

(1) Книга Судей, Глава 14, стих 14.

(2) Там же, Глава 14, стих 18.

(3) Книга Притчей Соломона, Глава 6, стих 8.

(4) *Ibid.*, *Op. cit.*, XXIV, 27.

(5) *Bréviaire romain*, Office du Saint-Sacrement; Antienne, Ires Vepres.

(6) Книга Пророка Исайи, Глава 7, стих 13, 14, 15.

(7) От Матфея Святое Благовествование, Глава 5, стих 5.

(8) Псалтирь, Псалом 36, стих 7, 8, 9.

(9) Cf. VAN DRIVAL, *Etude sur les fonts baptismaux*, in *Revue de l'Art chrétienne*, T. II, 1858, p. 158.

(10) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, fasc. XCII, col. 25.

(11) *Breviaire romain*, Office du VIIIe Dimanche après la Pentecote. Псалтирь, Псалом 33, стих 8, 9.

III. МЕД И ЕВХАРИСТИЯ

Та же самая латинская литургия благодаря перу Святого Фомы Аквинского официально освятила мед в качестве символа Евхаристии, взяв за *Introit* (Введение) Мессы Святого Таинства следующие слова: "*Cibavit eos ex adipe frumenti, et de petra melle saturavit eos*" – «Он напитал их тучной сущностью пшеницы, и Он их насытил медом из камня». Это переложение псалма, по-

средством которого Давид влагает в уста Господа, говорящего о Своем народе, слова: «И напитал их от тука пшенична, и от камени меда насытил их» (1).

Этот удачный символизм существовал во все христианские времена, и многие авторы пользовались им: в III-м столетии каменотес из Отюна выгравировал погребальный камень Пекториуса, начертав на нем слова, обращенные к Евхаристии: «Дражайший, да возрадуется твоя душа благодаря непрестанно источаемой воде премудрости, дающей сокровища. Прими эту пищу, сладкую как мед Спасителя святых, и вкушай с блаженствами, держа Рыбу (Христа) в своих руках...»

Вспомним, что Святой Ипполит предписывал (2) давать причастникам три вида насыщения: сначала чашу с водой, затем мед и, наконец, чашу вина, и «всякий должным образом приемлет евхаристию» (3).

Двенадцать столетий спустя один французский миниатюрист изобразил киворий с текстом из Песни Песней Соломона: "*Comedi favum cum mello teo*"; «Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!» (4)

В XVII-м столетии Мессир Иоанн Бело, кюре Менильмона (Menilmont), называвший сам себя «Наставником в божественных и небесных Науках», приводил в своем замечательном издании в качестве одного из двенадцати образов Таинства Алтаря «медовые соты, восстановившие зрение Ионафану» (5). Итак, вот библейский факт, на который здесь делается аллюзия: Ионафан, сын Саула, царя Израиля, найдя мед диких пчел, съел его перед народом, обмакнув палку в медовый сот, и его глаза обрели сверхъестественную остроту; он заявил об этом сам, говоря толпе: «... смутил отец мой землю; смотрите, у меня просветлели глаза, когда я вкусил этого меду...» (6). Подобным же образом теология признает за Евхаристией добродетель даровать душам более ясное видение, более проникновенное разумение духовных и божественных вопросов.

Тот же самый символизм, сближающий мед с Евхаристией, признается на декоре воздуха из Пуату XVIII-го столетия, о чем говорилось в предыдущей главе (7), обладающего горизонтальным крестом, на котором улей, сопровождаемый персонажем, предоставляющим колосья, и чашей, увенчанной гостией.

(1) Псалтирь, Псалом 80, стих 16.

(2) Saint HIPPOLYTE, *In La Tradition apostolique*.

(3) Paul GAULTIER, *La Tradition apostolique d'Hippolyte*, I: in *Recherches de Science religieuse*, année 1923, VI, p. 513.

(4) *Песнь Песней Соломона*, Глава 5, стих 1.

(5) *Les OEuvres de Mre Jean BELOT, La Rhétorique*. Смотреть edition 1654, p. 112.

(6) *Первая Книга Царств*, Глава 14, стих 25-31, 29.

(7) Vide supra. ch. CXX, *Царица Пчела и ее Улей*.

IV. МЕД ИЗ КАМНЯ

Вся Древность восхваляла как наиболее превосходный из медов мед, который дикие пчелы откладывают в скалистых углублениях, как если бы он усваивал в этом жилище таинственные качества, аналогичные тем, которые заставляют появиться в определенных сущностях теллурические излучения.

Именно на это превосходство делает аллюзию фрагмент из 80-го Псалма, сегодня переложенный в нашей латинской литургии и приведенный выше: «... *de petra melle saturavit eos*» – «... и от камне меда насыти их».

Библия говорит в другом месте: «Он вознес его на высоту земли и кормил произведениями полей, и питал его медом из камня и елеем из твердой скалы» (1).

Другие фрагменты Священных книг говорят об этом несравненном меде, но будешь заблуждаться, поверив, будто его добрая репутация исходит лишь от библейского авторитета: в пятом веке до нашей эры Ктесий писал, что в Азии течет медовая река, исток которой бьет из скалы (2). Это медовая река, как нам сообщает Ланоз-Виллен, является небесной Гаргой, пищей Святых (3).

Вероятно также, что самый древний символизм связывал этот превосходный мед с первыми концепциями, относящимися к божественному Слову; мы увидели, что пчела была ему посвящена во всем древнем мире. Этот мед из камня, воспеваемый в литургии, одинаково брался как эмблема бесконечной абсолютной Премудрости, Христа, быть может, из-за скалистых углублений, с которыми связывается его происхождение: глубокие пещеры, – как, с другой стороны, высокие вершины, – всегда распределялись среди наиболее благоприятных наставников вдохновения в напряженной медитации, ведущей человека к вымоленной в молитве премудрости. Древние учителя христианской мистики обосновывали сопоставление между премудростью и каменным медом на данном совете из *Книги Притчей Соломона*: «Ешь, сын мой, мед, потому что он приятен, и сот, который сладок для гортани твоей: таково и познание мудрости для души твоей. Если ты нашел ее, то есть будущность, и надежда твоя не потеряна» (4).

Значит, именно благодаря употреблению меда из камня, влагаемого в душу христианина премудростью Христовой, мы находим там одно из дарований Евхаристии. Вот почему *Мистический Виноградник* XII-го века нам говорит: «Духовные пчелы, получается, что мы пьем мед, текущий из камня по слову Пророка, ибо это Христос, который предстает раем наслаждений и равно таинственным камнем» (5).

Обязывая нас вкушать мед из камня, *Мистический Виноградник* приводит нас к иному символизму этого превосходного меда, делающего его избранным образом доктрины Христа, божественной пчелы, доктрины, составленной из кротости, доброты, милосердия и нежности. К этой док-

трине духовная пища душ, воплощенных на земле, может применить равно “*Cibavit eos frumenti...*” Служб Священного Таинства и Священного Сердца: «Он напитал их тучной сущностью пшеницы, и Он их насытил медом из камня». Эти две эмблемы сущностной христианской доктрины являются своевременно избранными: пшеничная мука, представляющая превосходнейшей из зерен, и каменный мед, считающийся превосходнейшим из медов.

Этот мед из камня слыл у Древних за очень действенное снадобье, как и другие меды, когда его добавляли в настой из лепестков роз, и сюда еще вмешивался символизм, особенно в изготовлении ритуальных или магических мазей и электуариев: мед и роза, проникновенная услада и великолепие, даже плодovitость, связанные с эмблематикой нарождающейся жизни.

Фармакопея нашего прошлого (6) и настоящего признает за всеми «розовыми медами» неоспоримые целительные добродетели; тем не менее, она не говорит больше о «меде из камня» с большими свойствами, нежели у других медов, ведь он стал практически неуловимым в наших европейских странах: его нет даже в некоторых горных областях Азии, где мед из скал сохранял свою античную пользу.

И все это не столь удалено от того, что можно думать об исцеляющем Христе, Христе, источнике жизни.

(1) *Книга Второзаконие*, Глава 32, стих 13.

(2) Отрывок из Фотия.

(3) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, Т. I, р. 14.

(4) *Книга Притчей Соломона*, Глава 24, стих 13, 14.

(5) *Vita mystica*, XLIV; traduction Apoll. De Valence, р. 364.

(6) Смотреть все книги по медицине XVIII-го столетия и «Сборники Рецептов» XIX-го столетия.

V. ДРУГИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДА

Разделяя с молоком благосклонности библейских книг, объединяющих их столь часто, мед являлся наряду с молоком в католической духовности одной из эмблем превосходной доктрины, знания; он был также вознаграждением, обещанным за заслуги, приобретенными в течение земной жизни.

В средневековой апикультуре можно было завладеть медом, лишь опрокинув улей, заблаговременно выкурив пчел, чтобы их убить или, по крайней мере, оглушить, что, впрочем, не осуществлялось без неизбежных укулов. Отсюда родилось символическое сравнение, имевшее в прошлом и сохраняющее еще сегодня благосклонность в некоторых школах духовной жизни, основанную, как она есть, на аскетизме очищения. Ведь наподобие того, как мед из ульев, всякое знание, образ которого он знаменует,

и более конкретно то, что наставники называют «знанием вещей Божиих», обретается верным лишь опрокидыванием поначалу в нем самом привычек и мыслей зловредной или профанической жизни, лишь разрушением или сведением к бессилию злобных инстинктов, низких чувств животного естества, носимых в себе каждым человеком; и неизбежные уколы при сборе меда являются эмблемой моральных или физических страданий, которыми устлана суровая стезя, ведущая к завоеванию духовных знаний.

И можно следовать извивам этого пути духов лишь в обстановке внутреннего сосредоточения, в высшей степени, благоприятствующему внешней собранности и безмолвию; и вот когда вмешиваются здесь образы, уместно сравнивающие затворы старинных монастырей, киновийных келий или даже рабочих медитативных кабинетов с пещерами, темными или полуподземными пустынями, где размышляли анахореты, ибо там менее сложно, чем в других местах, можно достигнуть более полно духовного знания, превосходным образом которого является мед из камня.

Мед одинаково был здоровой эмблемой вознаграждения, обещанного праведникам сего мира, для достижения которого душа должна опрокинуть препятствия, свести к небытию злостные страсти, перенося порой жгучие скорби. В этом символизме мед еще раз представлен прямо изображающим Христа, Который «в Своем царствии отдал Самого Себя в вознаграждение Своим избранным», как гласит латинская литургия: “*se regnans dat in praemium*” (1).

(1) S. THOMAS D'AQUIN, Hymne *Verbum supernum prodiens*, in *Bréviaire romain*, (Office du Saint-Sacrement).

VI. АНТИТЕЗЫ ДОБРОГО МЕДА: ЯДОВИТЫЙ МЕД

Целебному, культовому или магическому меду, меду, выражающему благословляющего Христа и Его Евхаристию, противостоит изначально ядовитый мед, упоминавшийся уже в предыдущей главе.

Он обнаружился на Сардинии из-за горьких растений, сок с которых собирали пчелы, передавая его своему меду: о нем нам рассказывает Гораций, сообщая, что его вкус ужасен, а его сущность зловредна (1). Подобный мед встречается сегодня в деревьях на побережье Черного моря, в областях Трапезунда, Гераклеи, Кerasонта и Синопа, то есть в Понте, Геллеспонте и в Пафлагонии Древних; его ядовитые качества, приводящие к рвоте, сильной лихорадке и безумному иступлению, кажется, сообщаются ему в крайнем изобилии понтийской азалией, цветки которой содержат в себе опасный сок.

Диоскорид говорит следующее об этом ядовитом меде: «В Гераклее в Понте в определенные времена года пчелы приносят подобный мед, соби-

раемый ими на некоторых цветках, бросающий все тело в пот и лишающий разума тех, кто его потребляют... Этот мед очень резкий: он вызывает чихание, как только его почувствуешь» (2).

Символика Востока по-особенному противопоставляла данный мед тому, который повсюду является образом благодетельной сладости, меду из камня в его качестве эмблемы Евхаристии: оскверненная евхаристическая пища, наподобие понтийского меда, приводит, по учению Церкви, к опасным опьянениям и к губительному иступлению, причиняющим смерть душе.

(1) HORACE, *Art poétique*, 373.

(2) DIOSCORIDE, *De la matiere médicale*: Liv. II, ch. LXXIII. Traduction de Matthiolus, Edit. de 1655, q. 182.

VII. ЖЕЛЧЬ

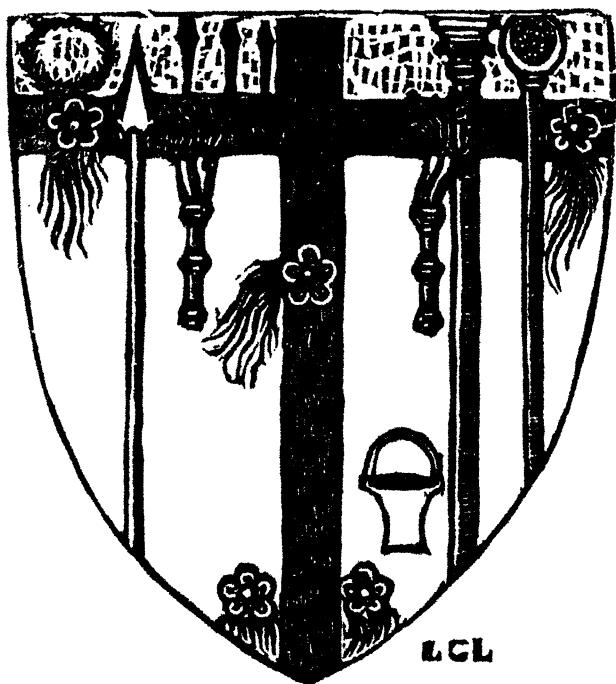
Благодетельному и восхитительному настоящему пчел символизм всех времен по-особенному противопоставлял *Желчь*.

Из-за ее крайне неприятного и ужасного вкуса для человеческих губ желчь животных остается ненавистной идеограммой всякой едкости, всякой язвительности, всякой горечи, которые могут испытывать человеческое существование; вот почему красноречивым символическим жестом жрецы античного Рима бросали вдаль перед собой, выше своих плеч и безвозвратно желчь священного животного в церемонии брачующихся, как будто бы для того, чтобы откинуть от новых супругов печальные испытания жизни и, как говорит один старинный автор, «чтобы показать, что обрученные лица не должны ни капли иметь желчи» (1).

Только однажды Библия своевременно приводит желчь в рассказе об исцелении Товии Старшего, когда его сын, применив желчь пойманной в Тигре рыбы, возвращает зрение его помраченным глазам (2); и даже в этом случае символисты и мистики увидели в желчи, благотворной, несмотря на свою горькую природу, образ горестных, но полезных испытаний, «Благого Страдания», как сказал бы Коппей, страдания, научающего поистине ясно видеть в себе и вокруг себя, оценивать точное значение людей и вещей, откуда и мудрая французская поговорка: «Глаза, которые никогда не плакали, ничего не видят».

По крайней мере, другой раз желчь появляется в Священном Писании в самый трагический и самый торжественный из дней, когда-либо пережитых землей.

Благодаря перу Исайи, Своего Пророка, Бог предназначил устам будущего Мессии сливки молока и цвет самого сладкого меда (3); и вот в тот самый день, когда он искуплен и спасен Им, человек служит своему Искупителю.

Фигура II. – «Герб Христов» в манускрипте 288, Fo 15 из Библиотеки Арсенала, XIV-е столетие

троси иссопа, служившую для поднесения горькой жидкости к лихорадочным устам Распятого Божества (6); их находят во всех трофеях, образующих орудия Страстей Спасителя, и называвшихся в Средневековье *Arma Christi*, гербовыми инсигниями Христа.

Эту губку и эту трость иссопа, о которых говорят Святой Апостол Лука и Святой Иоанн Богослов, мы уже видели в главе о Бекасе рядом с распятым Иисусом, и вот еще на копьевидном конце и в поддерживающем круге губка подле ведра с желчью в сообществе колонны, копья, тернового венца и бичей; этот герб изображен на манускрипте XIV-го столетия из Библиотеки Арсенала в Париже (Фигура II). Пять главных ран Казненно-го обозначены пятью кровоточащими розами.

Добавим, что желчь в качестве эмблемы моральных горестей обладает своим эквивалентом в растительной символике растений: это дымянка (*Fumaria officinalis*), одно из наиболее горьких растений Западной Европы; в некоторых областях она называется «желчью земли» (7). И хотя оно почиталось дорогим лекарственным растением, действенным против желтухи и гепатита, дымянка, тем не менее, символизирует на профаническом уровне некое подобие противоречия, горькой и нечестивой зависти, морально соотносящейся с горечью желчи.

телю винным уксусом и отвратительной желчью! Евангелие от Матфея повествует: «дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью, и, отведав, не хотел пить» (4). Этот напиток, который губкой и тростью подняли к устам истекающего кровью Спасителя, назывался *posca*, питье римских рабов, составленное из воды, виноградного уксуса и битых яиц (5), в котором свирепость Его гонителей пролилась желчью!

Эмблематическая иконография этого желчного напитка знала только два аллегорических образа: вазу в форме ведра или античного кубка, находящуюся иногда у подножия креста, и губку на конце

- (1) Alex ROSS, *Les Religions du Monde*, traduction française de Thomas La Grue, 1666, p. 97.
- (2) *Товит*, Глава 6, стих 5; Глава 11, стих 13-15.
- (3) *Книга Пророка Исайи*, Глава 7, стих 15.
- (4) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 27, стих 34.
- (5) Смотреть SUTONE, *Vie de douze Césars*, XII. – SPARTIEN, *Hadrien*, X.
- (6) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 23, стих 37. *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 19, стих 30.
- (7) Cf. Docteur BEAUVILLARD, *Le Médecin des Pauvres*, p. 32. – Charlotte DE LA TOUR, *Le Langage des Fleurs*, p. 127.

VIII. ДОННИК

Донник с наилучшей репутацией, нежели дымянка, разделяет с царицей лугов вязолистной таволгой (*Spiraea ulmaria*) народное имя «пчелиной травы». Уже у Греков донник символизировал превосходство и сладость меда, будучи связанным с идеей, культом света из-за своей лечебной силы против большой глазной усталости.

Фигура III. – Цветущий стебель донника (светло-желтого выразительного цвета).

- (1) Смотреть DIOSCORIDE, *De la matiere médicale*, Liv. III, Ch. XLI.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВОСК

I. ВОСК В АНТИЧНЫХ РЕЛИГИЯХ

Воск является слишком полезной сущностью, а потому он применялся от зарождения человеческой промышленности. Вместе с медом, для которого он служит золотым ларцом, воск должен был принимать участие в обрядах первых культов.

Мы знаем, что он использовался древними Египтянами в похоронных приготовлениях и в повседневных обычаях жизни, и мы уже видели его роль, наряду с ролью меда, в погребениях усопших знатных лиц античной Сирии.

У Греков воск связывался с дельфийской литургией Аполлона, как и с культом Дианы Эфесской. Филострат нам рассказывает, что первый храм Аполлоллина-Фойбоса возводился пчелами, соорудившими для него стены из воска и перьев птиц (1). И Павсаний добавляет, что бог столь благосклонно воспринял это подношение, что перенес этот единственный храм в гиперборейское царство, где каждую зиму он жил посреди лебедей.

Греки изготовляли, что делали позднее и Римляне, для авгуров маленькие восковые свечи, которые из них извлекали предсказания; первые и вторые составляли из них по обету маленькие человеческие фигурки, часто заменявшие под ножом жрецов живые человеческие жертвы (2). Этот обычай позднее был симитирован европейской черной магией в проклятых обрядах энвольтации.

В Риме, как и в Греции, художники отливали из воска для благородных семей изображения предков (3).

В Греции, на Крите, во всех областях эллинистического влияния в чествовании некоторых священных «мистерий» восковой пламенник являлся эмблемой невидимого присутствия божества, дающего знание, которое очищало, животворило и покровительствовало: к тому же, служба факелоносца, цероферария была очень почетной, поскольку давала доступ к высшим степеням посвящения и наиболее редким преимуществам. В других «мистериях», наоборот, для того, чтобы мисты участвовали в чести и достоинствах духовного порядка, предназначенных цероферариям, пламенник передавался из рук в руки (4).

Античные религии Азии гораздо больше использовали восковой факел, нежели верования Европы в дохристианские времена: зороастрийские обряды предписывали жертвоприношение светильников из чистого воска и их сожжение пред алтарем Ормузда (5). Сжигался равно воск, посвящен-

ный в честь божественного солнца (6), рассматриваемого, впрочем, как проявление Ормузда.

С другой стороны, в ходе церемоний посвящения Кабиров Индостана посвящаемым съедались маленькие соты, куда поступал воск, стекающий с освященных свечей. Это некое подобие причастия воском, в котором, как считалось, пребывало божественное начало по факту его освящения (7).

-
- (1) PHILOSTRATE, *Vie d'Apollonius de Tyanes*, VI.
 - (2) Cf. MACROBE, *Les Saturnales*, I.
 - (3) OVIDE, *Fastes*, I. – JUVENAL, *Satires*, VIII.
 - (4) Cf. HERODOTE, *Histoire*, VIII.
 - (5) Cf. BOVINI, *Lettres de voyages*, 12.
 - (6) Cf. *Gazette agricole*, T. XXIX, № 287, 1928, p. 235.
 - (7) Cf. C. H. WESTCOTT, *Kabir and the Kabir Panth*.

II. СИМВОЛИЗМ ВОСКА В ХРИСТИАНСТВЕ. ВОСК И ДУХОВНАЯ ПРЕМУДРОСТЬ

Христианский символизм воска смешивается с символизмом свечи и *Agnus Dei*, у которых он является составным элементом, и о которых я подробно расскажу подробно, если Бог даст мне жизнь, исследуя символы и эмблемы литургического порядка.

Тем не менее, воск, взятый сам по себе, был связан как с медом в символизме премудрости, так и с божественной Софией, сообщаемой людям доброй воли Духом Всевышнего.

В этом порядке идей воск обозначает сначала податливость духа, истекающую от кротости и смирения сердца: это должно быть первым качеством ученика, взыскующего Премудрость, плод Знания, ведь поскольку воск размягчается под руками воскобойника или под печатью канцлера, чтобы обрести форму или желаемый отпечаток, постольку и дух ученика должен послушно сгибаться под интеллектуальным и духовным воздействием наставника, и под вдохновением небес, чтобы обрести от одного знание, а от другого дар его разума и правильной интерпретации; и здесь первый шаг на узкой стезе, приводящей к мудрости.

Это сближение между воском и премудростью издревле вошло в христианскую символику: литургия Греков еще задолго до Великой Схизмы призывала эту премудрость на великопостной церемонии преждеосвященных даров, в ходе которой диакон, делая перед алтарем знак креста со свечей из чистого воска, объявляя возвышенным гласом: *Sophia orthoi!* (1)

В средневековой духовности, пришедшей усложнить символизм по-

рой даже чрезмерным способом, – под пером епископа Дюрана де Манда, например, – воск представлял символом «духа Иисуса Христа», являющегося премудростью, на которой должна формироваться благочестивая душа: «следовательно, – по его мнению, – как предмет, покрытый воском, светится от энергичного и быстрого трения, так и христианская душа, пронизываемая духом Христа, светится от блеска тонкого достоинства под грубым воздействием жизненных испытаний».

Мистический Виноградник, приписываемый Святому Бернарду, несет в названии одного из своих подразделений: «Как христианская душа должна формировать из нектара цветов Виноградника (являющегося Христом) воск, способный воспринять отпечаток царской печати креста и питаться пламенем милосердия» (2).

Между другими рассмотрениями мы там читаем:

«Воск подходит для получения оттиска печати, которую на нем применяют; в этом он может являться фигурой верного свидетеля».

«Воск, смешанный с несколькими льняными нитями, обладает свойством поддерживать пламя».

«... Если мы желаем быть поистине пчелами в духовном порядке, то познаем цветы нашего назорейского Рая, то есть нашего цветущего сада, нашего покрытого цветами Христа, чтобы образовать память, в которой теперь верность, торжествующая во всех испытаниях, способна получить оттиск божественной печати, то есть нашего распятого Спасителя, дабы мы всегда представляли в нашей памяти этого возлюбленного Наставника, сказавшего нам: поместите Меня как печать на вашем сердце и на вашей руке» (3).

«... Душа, которая станет любимой в течение этой жизни благодаря несению оттиска печати нашего Царя, Иисуса Распятого, будет вознаграждена... она овладеет бесконечным сокровищем премудрости и знания» (4).

(1) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, fasc. LXXXIV, col. 1. 111.

(2) *Vita mystica*, Cap. LXIV, III.

(3) Цитирование из *Песни Песней Соломона*: "*Pone me ut signaculum super cor tuum, et super brachium tuum*".

(4) *La Vigne mystique*, traduction Apollin. De Valence, p. 371-375.

III. ВОСКОВАЯ СВЕЧА – ЭМБЛЕМА ЛИЧНОСТИ ИИСУСА ХРИСТА

Взятая в своей совокупности зажженная восковая свеча выражала в глазах христианской литургии и с самого юного возраста последней Христа-пламенника душ, универсальный свет: разве не говорил о нем Святой Иоанн Богослов: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... Был свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1).

Не объявлял ли Он Сам о Себе: «... Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (2). Вот почему первоначальная литургия сделала из восковой свечи в многочисленных торжественных обрядах образ Личности Иисуса Христа (Фигура III).

И четырнадцать столетий спустя первый французский текст нашего Подражания Иисусу Христу под названием Внутреннего Утешения, призывал в следующих определениях светоносного Христа: «... О, предвечный Свет, превосходящий все свечения, излучения и иные сияния, очисти, вдохнови и оживотвори мой дух со всеми своими силами в том, что он может быть соединенным с тобой в избыточном ликовании или радостной возвышенностью сердца» (3).

Около IX-го столетия автор псевдо-Ключа Святого Мелитона, отголоска уже неоднократно светского символизма, выражался следующим образом: *“Cera caro Christi”* – «Воск – это плоть Христова».

В XI-м столетии Святой Ансельм яснее излагал тройственный символизм свечи: «Есть три вещи для рассмотрения в горящей свече: воск, фитиль и пламя. Воск – это символ девственной плоти Христа; фитиль – Его душа; и пламя – Его божество».

Петр д’Эскелен соглашается со святым архиепископом Кентерберийским и другими символистами, когда говорит в свой черед: «Воск – это целомудренная плоть Спасителя, рожденного от Приснодевы, фитиль, запечатанный под воском – Его святейшая душа, скрытая под покровами Его тела; и свет – есть Божество» (4). Англичанин Александр Росс в 1666 году написал то же самое: «Свеча обладает тремя вещами, изображающими Христа: хлопок или фитиль, представляющий душу, воск Его тело и свет Его божество» (5).

Гюисман обнаруживает в этом чисто мистическом концепте «чудо аналогии» (6); Ланоз-Виллен, наоборот, расценивает эту символику «изящной и претенциозной – впрочем, сомнительного вкуса»! (7) И я позволяю себя спросить, какими квалифицированными глазами обладает почти тотальная несостоятельность нашей современной символики, чтобы критиковать роскошное богатство символизма прошлого: каждое христианское столетие перед Ренессансом энергично жило католической символикой; но с той эпохи – только царство непонимания в том, что ее касается.

Сегодня церемонии, внешние самые богатые обряды литургии духовного тока, символы, обозначающиеся как самые экзотерические, являются мертвыми и лишенными смысла более чем для половины ревностных христиан, прибегающих к просто чувственному поклонению, невежественному и ханжескому: тем самым сокровище пищи стало утраченным для их душ и для их умов.

– Свеча более по-особенному, нежели все другое, выражает в литургии озаряющего Христа: это пасхальная свеча, благословляемая на Службе Великой Субботы, возможно, с середины первого христианского тысячелетия, поскольку Дом Леклерк полагает, что именно на тему ее Святой Августин составил свой гимн *laus verei* (8).

В воске этой свечи в ходе ее благословения диакон выкладывает в форме креста пять зерен ладана. Ланоз-Виллен нам говорит, что в этих зернах желали видеть пять великих праздников христианского года. Но это, по его мнению, не имеет основания; и я абсолютно разделяю его мнение. Я не сумел бы лучше выразиться, когда он добавляет: «Я думаю, что необходимо видеть там (в пяти зернах ладана) скорее античный дельфийский символ: число *пять*, будучи связанным с Аполлоном, как отметина пяти чувств и еще брака у Пифагорейцев, должно формулировать здесь воскресение Сына человеческого и знаменовать Его союз с Церковью в освящении дней Пасхи» (9).

Этой неожиданной теории я все же предпочитаю следующую: в христианском символизме свеча предстает эмблемой человечества Христа (10): значит, пасхальная Свеча выражает своей наиболее внешней стороной тело Спасителя после Его смерти и Его воскресения: пять зерен ладана не что иное, как пять главных ран, откуда истекали Его кровь и Его жизнь; и их расположение в форме креста напоминает, что именно на виселице им подвергся Спаситель для нашего искупления. Особенно на протяжении наших пятнадцати христианских столетий искусство, литургия, символизм, геральдика, нумизматика, сигиллография были исполнены более или менее таинственными напоминаниями этих пяти искупительных ран.

Свеча, используемая в литургии на праздник Сретения и повсеместно во Франции называвшаяся «Светочем», обладает также характером эмблемы личности Христа, озаряющего мир: она обозначает Богомладенца, принесенного в Иерусалимский Храм в назначенный день Его матерью (11). Церковь осватила этот символизм словами литургической службы Сретения: «Оставшаяся Приснодевой Мария приносит на своих руках Сына, рожденного прежде зари: тогда Симеон Богоприимец берет Его на свои руки, провозглашая Его перед народом как самодержавного Господина жизни и смерти, Спасителя Мира» (12).

В отношении свечи отметим, что, наряду с божественными Лицами, только Приснодева Мария обладает сакраментальной свечой в католической литургии, и приведем на эту тему фрагмент из епископа Вильгельма

Дюрана от XIII-го столетия: «... диакон сугубо акцентирует на подобии свечей и тела Иисуса Христа. Он напоминает, что непорочный воск был произведен пчелой одновременно целомудренной и плодovitой как Приснодева, явившая миру Спасителя» (13).

Секретные документы «Внутренней Звезды» говорят о свече, еще использовавшейся в день Эпифании (в латинской традиции представления Богомладенца царям-волхвам) на протяжении XV-го века (возможно, присущей этой очень закрытой группе). Она составлялась из трех свечей малого диаметра, вместе связанных и обозначавших Спасителя и Его проявления в трех главных дарах, сделанных Им миру: самой просвещенной вере, самой утвержденной и определенной надежде и самой пылкой любви; вот почему на одной из этих свечей было выгравировано греческое слово *Pistis*, Вера, а на каждой из двух других – *Elpis*, Надежда, и *Agapé*, Любовь. Их три соседствующих между собой фитиля образовывали только одно пламя: образ Того, в Ком была «жизнь и свет человеков», согласно выражению Святого Иоанна.

В профаническом порядке и в виде факела воск предстает образом человеческой жизни, которая плавится и иссякает более или менее быстро, в соответствии с крепостью светильника. Добавим, что поскольку есть большие факелы и есть маленькие, постольку человеческое существо должно освещаться более или менее живым сиянием и достигать более или менее длительного предела, согласно положению, куда его поместило Провидение; последнее означает уже выйти из символизма воска, чтобы обратиться к частному символизму свечи: остановимся на пороге на сегодня.

(1) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 4, 9.

(2) *Там же*, Глава 8, стих 12.

(3) L'Internelle Consolacion, L. II, ch. XXXIV.

(4) Cf. HUYSMANS, *La Cathédrale*, édition Cres, T. I, V. p. 147.

(5) Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*, traduction du Th. La Grue, p. 339.

(6) HUYSMANS, *Op. cit.*, p. 147.

(7) LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. IV, p. 179.

(8) Saint AUGUSTIN, *La Cité de Dieu*, XV, XXI. – Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, fasc. XCII, col. 21.

(9) LANOE-VILLENE, *Op. cit.*, p. 180.

(10) Cf. A. LEROSEY, *Histoire et Symbolisme de la Liturgie*, pp. 74, 528.

(11) Cf. Edmond JOLY, *Theotokos*, p. 50.

(12) *Bréviaire romain*. Office de la Présentation. Antienne *Adorna thalamum*.

(13) DURAND DE MENDE, *Rational des divins Offices*. Livre VI, c. 80.

IV. "AGNUS DEI" И ПОСВЯЩЕНИЯ

Фигура I. – Агнец Божий Григория XI,
XIV-й век

Воск предстает равно в католической литургии в форме медальонов или дисков, на которых рельефно выделяется образ Агнца из Апокалипсиса.

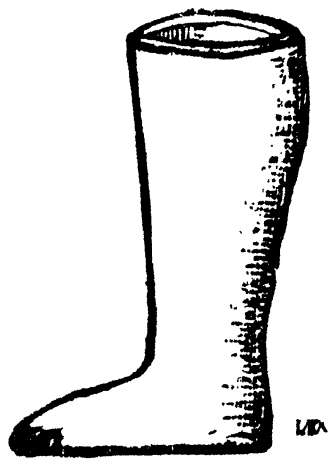
Наиболее старые тексты, рассказывающие об этих освященных дисках, восходят к IX-му столетию, и наиболее древний из этих хрупких сохранившихся предметов датируется понтификатом Папы Григория XI (1370-1398); он находится в музее города Пуатье (Фигура I) (1).

Начиная с XV-го столетия, благословение Агнцев кроплением, каждением и святым Елеем предназначалось исключительно Папе,

который проводит эту торжественную церемонию в связи с восшествием на престол, а затем каждые семь лет. Между этими датами он иногда благословляет их частным образом. Они состоят из девственного воска, с которым смешан святой Елей. Все они от древней даты несут следующую надпись: "*Agnus Dei, miserere mei, qui criminal tollis*" – «Агнец Божий, помилуй меня, Ты, Который взял на Себя наши грехи».

Итак, эти предметы благодаря самому несомому ими образу прекрасно входят в литургический символизм Спасителя.

И вот как в XVII-м столетии протестантский писатель англичанин Александр Росс объяснял по желанию значение этих «Агнцев»: «Они изображают, – писал он, – Агнца Божия, взявшего грехи мира; ибо как пчелиный воск произведен без плотского соития, так и Христос появился от благословенной Приснодевы: и как мед скрыт в воске, так и Его божество было скрыто человечеством; масло или елей, смешанные с воском, означает милосердие и дружбу или приветливость, сущие во Христе: они говорят (католики), что эти *Agnus Dei* защищают от молнии с громом и бурь силой их освящения: о, Католики, ваша вера велика, когда бы вы поступали в соответствии с ней» (2).

Фигура II. – Посвящение
из белого воска
на могиле Святой
Радегонды в Пуатье,
1900 год

Католическое поклонение использует также воск иным способом: рядом с могилами или алтарями Спасителя, Приснодевы или некоторых святых, около почитаемых статуй, кладутся, особенно для достижения дарований здоровья, предметы из воска, изображающие либо маленьких детей, либо человеческие члены, руки или ноги, кисти или голени, уши или сердца, — сие делается в зависимости от испрашиваемой или полученной милости (Фигура II). Эти посвящения по определенным датам превращаются в свечи признания: они полностью чужды символизму Иисуса Христа.

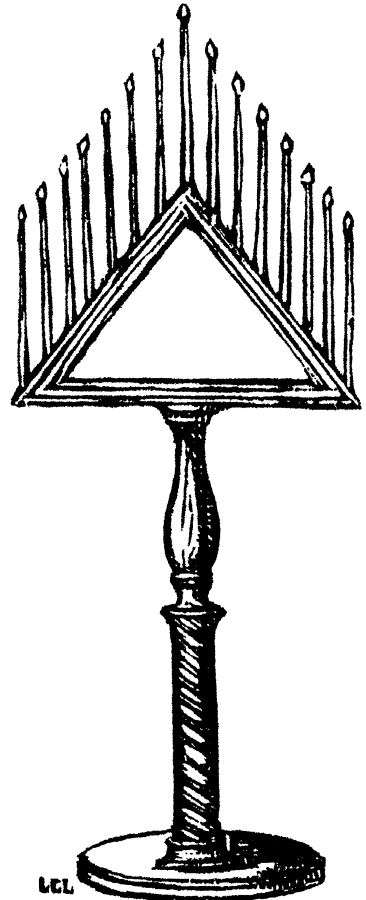
- (1) Cf. W. HENRY, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*. T. I, vol. I, col. 970, fig. 224. — Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 96; *Traité liturgique, canonique et symbolique des Agnus Dei*.
 (2) Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*. Traduction de Thomas La Grue, 1666, p. 325.

V. ПРОКЛЯТЫЙ ИЛИ ПРОФАНИЧЕСКИЙ ВОСК

Пчелиный воск не имеет антитезы в природе: продукты деятельности ос или шершней, из которых они строят свои жилища, не являются воском и не существуют в глазах символики. Следовательно, только по ошибке их иногда противопоставляли ему.

Не смогли ему составить противоположность смолы и жиры, из которых долгое время делали факелы и свечи.

Но под видом литургического воска можно разглядеть антитезу желтому натуральному и белому воску в свечах из черного или красного воска, использовавшихся иногда в обрядах сатанизма и черной магии. Этот воск осквернен в своей массе черным дымом, карминным порошком или другими субстанциями или

Фигура III. — Светильник из восковых свечей для Великой Седмицы в римском обряде.

Он снабжен пятнадцатью свечами, четырнадцать из которых выражают двенадцать апостолов и двух евангелистов, не являвшихся апостолами; свеча в центре обозначает Господа Иисуса Христа

даже сверху покрыт цветным лаком, порой, быть может, и прямой эмблемой Сатаны.

Можно вспомнить применение воска для моделирования фигурок или изображений в магических обрядах энвольтации, когда подобную вещь крестили, а затем пронзали шипами, иглами или тонкими лезвиями; маленькие свечи использовались и в магическом обычае «руки славы» (1).

Здесь нельзя ставить вопрос о растительном воске, почти тождественном с пчелиным воском и производимым главным образом мирикой восконосной (*Myrica cerifera*), произрастающей в основном в Луизиане. Пальма-хамеропс и одна из разновидностей группы *Аукубы* дают такое же вещество. Будучи использованным в индустрии, я не думаю, что со времени открытия Америки Европейцами этот растительный воск приобрел бы какую-нибудь религиозную роль в том или ином смысле.

(1) Смотреть выше главу XII, о *Человеческой руке*, VI.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РОЮЩАЯ ОСА ИЛИ ОСА ИХНЕВМОН

САРАНЧА

I. РОЮЩАЯ ОСА И ЕЕ ЖЕРТВЫ

Мы видели интересную роль, которую играет в символике Спасителя мангуст, называемый Греками Ихневмоном, маленькое хищное четвероногое животное, атакующее рептилий и, по крайней мере, в долине Нила яйца ужасных крокодилов. Из-за благотворной роли первые христианские столетия сделали из Ихневмона, как мы уже отмечали, эмблему Христа, врага и разрушителя Зла (1).

Европейские Греки равно называли именем Ихневмона особую разновидность ос, оказывающих человеку неоценимые услуги (Фигура I). Мириады таких ос находят во всех странах, омываемых Черным морем, Понтом Эвксинским Древних. Эти страны поражены в летний период несметными полчищами опустошающей саранчи, нашествия которой являются настоящим бедствием; роющая оса бросается на саранчу, цепляясь за ее спину, обвивает ее своими лапками, как бы парализуя ее взлет, и впивается в нее между головой и телом своим острым жалом. Древние верили вместе с энтомологами недавнего прошлого, что саранча, ужаленная таким образом, погибала почти сразу, после того, как роющая оса откладывала в ней свои яйца, которые вскоре там вылупливаются. Именно об этом учили в первой половине XIX-го столетия Вебстер (Webster) и доктор Ли (Lee), донесшие в Западную Европу, насколько оса-ихневмон оказывает полезные услуги, особенно в богатом сельскохозяйственными культурами регионе Одессы (2).

На самом деле саранча или насекомое только лишь немеет от укуса в лимфатический узел, и именно в этом псевдо-каталептическом состоянии, продолжающемся некоторое время, они получают в себя яйцо роющей осы, личинка коей при своем вылупливании обретает тем самым свежее питание, поскольку насекомое еще живо. Бесполезно добавлять, что жертва умирает, буду-

LEE

Фигура I. – Роющая оса Ближнего Востока.
Cf. GUERIN, *Dictionnaire d'Histoire naturelle*, T. II, pl. 662, № 3; *Magasin pittoresque*, T. XXXIV, p. 268

Фигура II. – Роющая оса Франции
(*Sphex sabulosa*).

Смотреть TROUSSET, *Nouveau
Dictionnaire encyclopédique*,
T. V, p. 39

чи съеденной изнутри; но роющая оса никогда ее не убивает одним укусом, даже когда она маленькой величины, а только уносит ее с собой в свое подземное гнездо.

В обращении со своей добычей роющей осы древние натуралисты не сумели различить настоящего от внешних проявлений; следовательно, на простых видимостях покоился символизм, присущий роющей осе на Ближнем Востоке (Фигура I). Именно здесь случай напомнить то, о чем говорит великий энтомолог Фабр: «сельский человек на самом

деле не утруждает себя аналогиями; он щедро замещает их приливом внешних данных» (3).

Среди жертв осы-ихневмона, возведенных Древними в ее особую заслугу, находится паук, называемый Греками фалангионом, аналогичный чудовищному пауку-тарантулу (4). Оса также часто откладывает свои яйца в тела гусениц или вредоносных червей, особенно же в теле личинки рогохвостой осы, которую жадно ищет и которая причиняет большие опустошения сосновым посадкам. Французская разновидность роющей осы, которая сродни осе-ихневмону, пускается в охоту за рогохвостой осой (*sigex*), как и ближневосточная оса (Фигура II) (5).

Античная монетная чеканка Греков, часто воспроизводившая животных и насекомых менее полезных людям, нежели оса-ихневмон, не сохранила ее изображения: удивительная небрежность Греков, которые часто выбивали пчелу на своих монетах.

Представляется, что раннее христианское Средневековье первым по справедливости воздало доброй службе осы-ихневмону, заставив ее войти в эмблематическую фауну Спасителя людей.

«Летающий ихневмон, – сообщает нам О. Микаил, – является обычной осой для Черноморского побережья. На севере турецкой Азии и особенно в Армении это насекомое, неумолимый враг саранчи, в прошлом рассматривалось в качестве посланца Бога к сельскому человеку, у которого саранча разоряла посевы и посадки и ничего не оставило бы живым, если бы эти маленькие спасатели не восстанавливали здесь добрый порядок» (Фигура IV) (6).

Летающий ихневмон Микаила и сфекс-ихневмон энтомологов являются наименованиями, основанными на том факте, что Древние установили сближение между услугами, оказываемыми мангустом-ихневмоном в отношении ящериц и рептилий, и службой осы-ихневмон, уничтожающей саранчу. Итак, в античной символике задолго до нашей эры вредоносная саранча,

рептилия и опасная ящерица рассматривались как живые эмблемы смерти и духа Зла.

В итоге эта концепция обязывала мистиков стран, где порхает оса-ихневмон, видеть в ней, наравне с мангустом-ихневмоном, эмблематический образ неутомимого, непобедимого врага зла и его трудов, образ Христа Спасителя. И разве не была она, как говорят о сфексе-ихневмоне в армянских деревнях, «посланником Бога» на земле, облеченным остановить здесь опустошения Зла?

(1) Смотреть выше, глава XLII, *Мангуст-Ихневмон*.

(2) Смотреть *La Guepe ichneumon et la Sauterelle*, in *Magasin pittoresque*, 34e livre, p. 268.

(3) J. H. FABRE, *Moeurs des Insectes*, in *Souvenirs entomologiques*, T. V, p. 57.

(4) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, L. X, XCV.

(5) Cf. Léon KUENTZ, *Les Insectes auxiliaires de l'Agriculture*, in *La Croix*, 16 nov. 1929.

(6) O. MIKAIL, *Lettres d'Arménie*, IV.

II. СИМВОЛИЗМ САРАНЧИ

Христологический символизм сфекса-ихневмона проясняется в свете символизма его жертвы, опустошающей саранчи.

Саранча всегда была в символизме народов, которых она огорчала, одним из образов опустошения и смерти; и в Священных Книгах, начиная от Моисея и до Святого Иоанна Богослова, она фигурирует среди проклятых бедствий.

В *Исходе*, когда Моисей поражает Египет десятью казнями, освобождающими Израиль, восьмое из этих испытаний явилось облаком саранчи, заставившим исчезнуть всякую зелень земли Египта и досаждавшим его жителям даже в их домах (1).

И в страшном видении Апокалипсиса, когда большой орел прокричал: «Горе земле!»; пятая из труб небесных возвестила бедствие саранчи. Тогда из кладезя бездны как бы посреди дыма из большой печи вышло несметное число саранчи, ядовитой как скорпионы и облеченной терзать людей: «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на голове у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов.

Фигура III. – Саранча из Кладезя Бездны. Согласно Eliphas LEVI, *Op. cit.*

Фигура IV. – Саранча южной Европы;
средняя величина

На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была – вредить людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-ев-

рейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (2).

Документ каббалистической иконографии, данный Элифасом Леви, изображает это фантастическое насекомое в духе, очевидно навеянном Апокалипсисом (Фигура III) (3). Это изображение сродни нескольким другим, на которые делает аллюзию Гримуар де Сен-Лоран (4).

Одно из них, как мне припоминается, показывает саранчу, облаченной в рыцарскую кирасу со шлемом в виде тазика на голове по обыкновению конца XIV-го столетия с отштампованной короной, украшенной цветами.

В каком бы аспекте она не изображалась, христианская эмблематика всегда делала из саранчи в высшей степени бедственное насекомое, образ разрушительных демонов, опустошающих «поле отца семейства». Вот почему в своей книге *Пастырь*, написанной в I-м веке нашей эры, Ерма описал силу злодеяния преисподней под видом дракона с разверстой пастью, из которой выбегает облако огненной саранчи.

Когда одиннадцать столетий спустя бенедиктинские монахи украшали свою великолепную церковь аббатства Везелэ, их скульпторы обездвижили в камне одной капители фигуру саранчи с человеческой головой, соседствующую с другой эмблемой Сатаны – василиском, восполняющим ее «демоническое значение» (5).

С течением времен саранча также являлась для христианских символистов образом ересиархов, всех распространителей заблуждений, нестроения, духа непослушания, зависти, опустошающих поле, в котором раскрытой щедрой рукой божественного Сеятеля распределялось доброе семя в ожидании вечного урожая.

(1) *Книга Исход*, Глава 10, стих 1-20.

(2) *Книга Откровения Святого Иоанна Богослова*, Глава 9, стих 7-11.

(3) Eliphas LEVI, *Mysteres de la Kabbale*, p. 153.

(4) Смотреть Comte GRIMOUARD DE SAINT-LAURENT, *Guide de l'Art chrétien*, T. IV, p. 478.

(5) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 181.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КУЗНЕЧИК

I. ДВУКРЫЛЫЕ НАСЕКОМЫЕ В ВАРВАРСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ

В главе, выше посвященной пчеле, я дал со всеми французскими археологами имя пчелы золотым насекомым, украшенным гранатом, найденным в гробнице франкского короля Хильдерика, умершего в 481 году; величина и форма этих украшений, с одной стороны, и с другой – местный и древний символизм пчелы, кажется, вполне разрешают подобную идентификацию. Таким же образом и для пчеловидных насекомых, украшающих две пряжки поясных ремней для холодного оружия, найденных в захоронениях севера Галлии (1).

Невозможно определить среди пчеловидных ювелирных насекомых тех, украшения с которыми часто попадались в варварских усыпальницах Востока и центра Европы, будучи слишком стилизованными и обыкновенно более грубыми. Их находят в странах, занятых в первые века нашей эры Готами, на Кавказе и в краях на северной стороне Черноморского побережья, в долине Дуная с протяженностью на Восток.

Что же они изображают на самом деле: преувеличенно крупных мух или кузнечиков?

Искусство Готов, даже перед обращением этого народа в христианство, было преимущественно символическим. Часто в войне с Римлянами, особенно в течение IV-го столетия, эти варвары очень быстро зарабатывали симпатию их победителей благодаря духу законного правосудия, доброте и чистоте своих нравов. В этих сближениях они могли узнать, если уже не знали, символические значения, связанные в классических странах с животными их собственного эмблематического бестиария: львом, грифоном, голубем, рыбой, орлом, уподоблявшимся у них с ягнятником-бородачом, священной птицей Скифов, взятой ими для самих себя. После их обращения в христианство они естественным образом применили к этим символам значения, полученные в Церкви, поскольку арианская ересь, как представляется, их сильно не исказила. Мы часто находим в их искусстве выше-названных животных в связи с крестом, христологической монограммой и даже с евхаристическими символами.

Оказалось поразительным, что возможно было остановиться на идее, принятой и умноженной ими в изображениях животного с дурной славой в символике стран Европы и Ближнего Востока до и после установления хри-

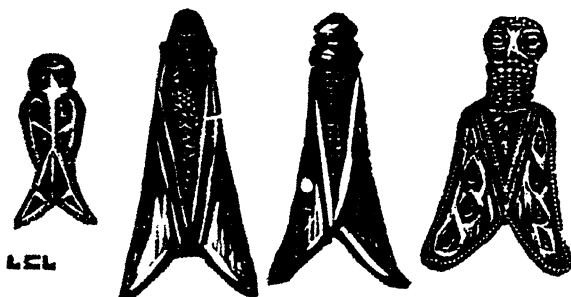
стианской религии. Вот почему кажется даже, что в крупных металлических насекомых, полужесткокрылых или двукрылых, столь часто обнаруживаемых в их могилах, можно видеть не грязную и тлетворную муху, но скорее кузнечика, являвшегося всегда очень симпатичным в странах, которые они занимали, где его образ фигурировал на протяжении долгих столетий в религиозных и гражданских ювелирных украшениях.

(1) Смотреть выше, Глава СХІХ, Пчела, ІІІ.

ІІ. КУЗНЕЧИК В ИСКУССТВЕ ГОТОВ

Цикады являются крупными жесткокрылыми насекомыми, обитающими по всему югу Европы и западной Азии. Среди них обыкновенный кузнечик (*cicada plebeia*) занимает первое место.

В течение нескольких лет жизнь этих насекомых проходит под землей в состоянии медленно трансформирующейся личинки; они живут в качестве крылатых насекомых месяц или

Фигуры І, ІІ, ІІІ, ІV. – Готские фибулы, найденные в Венгрии, ІІІ-V-е вв. Согласно *Mémoire Antique de France, loc. cit.*

Фигура V. – Маленькая фибула из могилы в Трансильвании. Cf. VENTURI, *loc. cit.*

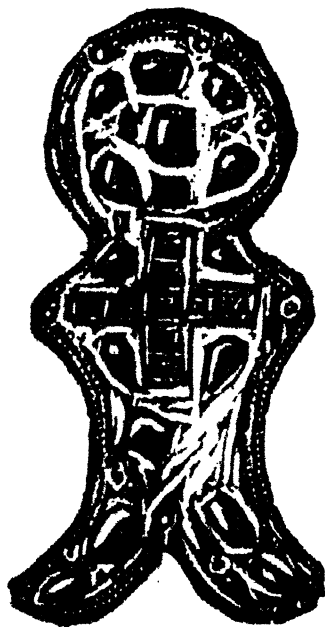
два, в зависимости от погодных показателей. Кузнечик предстает радостным насекомым, который у древних народов, как сегодня у Провансальцев, был народной и профанической идеограммой любви и счастливой жизни, заливаемой светом, теплом и красотой.

Если Федр в своих *Баснях* олицетворял с кузнечиком Невыносимость, поскольку его срекотание быстро становится надоедливым (1); если Вергилий в своих *Эклогах* и *Георгиках* о нем выражался столь же или почти так, то Греки, наоборот, питали к нему воодушевленную симпатию, утверждаемую двух словах: «Кузнечики для нас являются гармоничными и священными» (2). Анакреон воспевает жизнь кузнечиков, короткую, очень короткую, но счастливую; Платон в *Федре* и в *Федоне* вместе с поэтами Греции освящал кузнечика в качестве атрибута Аполлона, бога Поэзии, священных песнопений и прекрасного света.

Ему приписывалась и более религиозная роль. В чествованиях Элевсинских мистерий мисты носили на узелке из своих волос золотую фибулу в форме кузнечика. В течение мистерий Геры в храме Самоса золотая фибула в виде кузнечика была одинаково востребованной (3). В ходе обыденной жизни многие знатные особы украшали металлическим кузнечиком свои льняные платья и ленты своих причесок (4), и Дом Леклерк напоминает, что старцы Аттики и Ионии с помощью золотых кузнечиков собирали свои массивные волосы в пучок (5). Эти факты, которые можно сопроводить и несколькими другими, достаточны для установления частого использования у Греков металлических фибул в форме кузнечика.

Итак, Готы на протяжении столетий пребывали в странах, омываемых волнами Понта Эвксинского – в Скифии, Дакии и Мезии, где постоянные отношения соседства поддерживали греческие влияния. Представляется возможным увидеть в крупных жесткокрылых и двукрылых насекомых готских фибул кузнечика, столь пылко любимого у Греков, являвшихся непосредственными соседями провинций, долгое время занимаемыми готскими племенами.

Я воспроизвожу здесь несколько из украшений, опубликованных Обществом Антикваров Франции (6). Фигуры I, II, III и IV представляют собой фибулы венгерской долины Дуная; первая и четвертая золотые, украшенные гранатом. Другая того же самого стиля и происходит из могилы в Трансильвании, древней Готии последних времен Римской империи (Фигура V) (7). Отметим, что на всех этих изделиях размер головы насекомого приближен к величине головы кузнечика. Мы не знаем, были ли христианами их владельцы, но та же чрезмерно стилизованная фибула из Херсонеса утверждается как чисто христианское произведение благодаря кресту из драгоценных камней, который она несет посередине (Фигура VI) (8).

Лек.

Фигура VI. – Христианская фибула из Херсонеса. *Mémoire Antiques de France, loc. cit.*

Лек.

Фигура VII. – Кузнечик на греческом жетоне агораномы. Cf. Victor DURUY, *Hist. de Grecs*

Исходя из достоверности, что символические животные на украшениях Готов обладают религиозным значением, каковой смысл мог иметь у них кузнечик, по крайней мере, после их христианизации? Быть может, они давали ему значение эмблемы воскресения? Быть может, она уже присутствовала у Греков, ведь раз-

ве являлись Мистерии, куда проход с эмблематическим кузнечиком почитался правилом, чем-то иным, кроме символической смерти профанической жизни с последующим возрождением к более совершенному существованию посвященных? Простая гипотеза, ожидающая желаемого уточнения (Фигура VII).

Но для христианских времен, на протяжении которых кузнечик использовался Готами, остается определенным, что ничего больше не связывает символическое животное с Иисусом Христом, кроме его сближения с одной из вышеуказанных монограмм Спасителя или с Его крестом, что имеет место в случае с фибулой кузнечика из Херсонеса.

Фигура VIII. – Кузнечик из слоновой кости первой половины XIX-го столетия.

-
- (1) PHEDRE, *Les Fables*, Liv. III, tab. XVI, *La Cigale et le Hibou*.
 - (2) PLUTARQUE, *Propos de table*, VIII, 7.
 - (3) ATHENEE, *Deipnosophistes*, XII, 6 et XIII.
 - (4) THUCYDIDE, *Histoire de la guerre du Peloponèse*, I, 6. – ELIEN, *Histoires diverses*, IV, 22.
 - (5) Dom H. LECLERCQ, *Diction. D'Arch. chrét.* fasc. 138, col. 2. 449.
 - (6) *Mémoire de la Société des Antiquaires de France*, T. LIV, 1893.
 - (7) Согласно VENTURI, *Histoire de l'Art en Italie*, 1902. T. II, p. 47.
 - (8) *Mémoire des Antiquaires de France*, loc. cit.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СВЯЩЕННЫЙ СКАРАБЕЙ И ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ НАВОЗНИКИ

СКОРПИОН

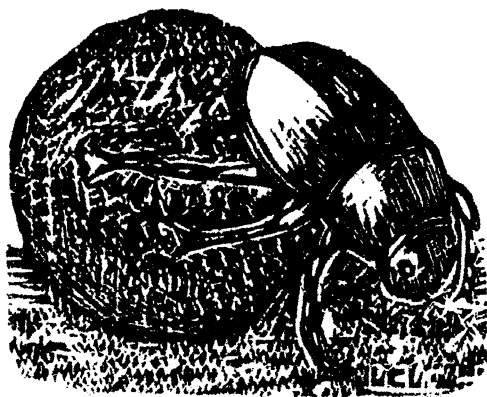
І. СКАРАБЕЙ В ПРИРОДЕ

Навозники образуют важное семейство многочисленного вида жесткокрылых насекомых. В главе его помещается священный скарабей Египтян.

Скарабеи являются сильными насекомыми без всякой внешней элегантности. Его разновидность, которую почитали Египтяне (*scarabeus sacer*, *Ateuchus Aegyptorum*), крепкого телосложения, темного цвета с металлическими отблесками; тело разделено на три части: голова, щиток и брюшко, приютившееся под двумя плотными роговидными надкрыльями, покрывающими два легких крыла. Эти насекомые живут в грязи, которую они уничтожают, и их тело выделяет отовсюду маслянистую субстанцию, мешающую прилепиться к ним нечистым веществам.

По весне скарабеи замешивают избранный грязевой шар, в который они откладывают свои яйца, и их личинки находят там со своего рождения свое первое пропитание. «Скарабей, – говорит Гор-Аполлон, – закапывает свой шар в землю, где он пребывает спрятанным в течение двадцати восьми дней, временной срок, равный лунной революции, на протяжении которого оживает раса скарабеев. На двадцать девятый день, который насекомое признает за день соединения Луны с Солнцем и рождения мира, оно открывает этот шар и бросает его в воду. Оттуда выходят существа, являющиеся скарабеями» (Фигура І) (1).

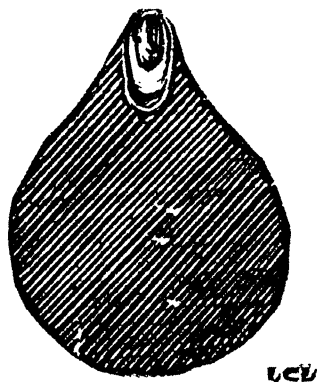
Этот шар, изображавший «яйцо мира», Начало Жизни у Египтян,

Фигура І. – Скарабей, отбрасывающий назад от себя свой шар. Согласно J. H. FABRE, *La Vie des Insectes*, pp. 7, 8, fig. 2. Взято из Воспоминаний энтомолога (*Souvenirs entomologistes*)

не представляется совершенно круглым; насекомое его частично удлинняет, что ему придает форму короткой и пузатой груши (Фигура II). На верхушке находится помещение вылупливания, где личинка, выходя из яйца, делает свои первые движения.

Скарабей Египтян прошлого обитает во всех странах, окружающих Средиземноморье, даже в Провансе, но его находят особенно многочисленным в жарких областях Ближнего Востока, где он достигает самых больших размеров.

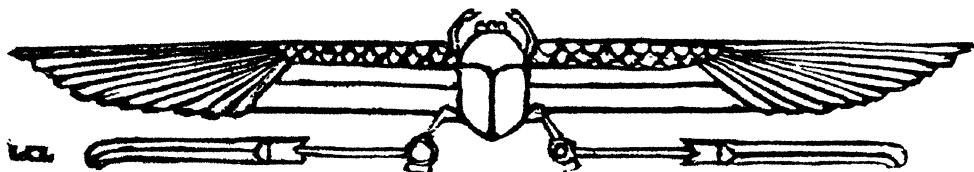
Фигура II. – Разрез посередине «шара» скарабея, показывающий яйцо в месте вылупливания. Согласно H. J. FABRE, *Op. cit.*

(1) Horus-Apollon, traduction de J. H. FABRE, *La Vie des Insectes*, édition Delagrave, p. 52.

II. СВЯЩЕННЫЙ СКАРАБЕЙ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Со времени самых древних династий скарабей был связан с символизмом восходящего солнца (1) и жизни на земле. Изображаемый летящим, по словам Брюгша, он символизирует светило на своем пути (2). В том же самом положении он являлся эмблемой стремительного солнечного луча, животворящего и разумеющего, *spiritus et mens logos* или *ratio* Древних, то есть дыхание жизни, душа, рассудок, вдохновенное слово, разум (3). Тогда он представлен со своими распростертыми крыльями внизу надкрылий; его передние лапы сжимают солнечный диск, а нижние держат каловый шар, где находятся зародыши его расы или даже «божественная печать» (Фигуры III, IV и V), или «ключ жизни»...

Обыкновенный характер сближает темное насекомое с лучезарным светилом: это то, что и первое и второе являются очищающими: первое разрушает само по себе смрадную и ядовитую грязь; второе ее иссушает и унич-

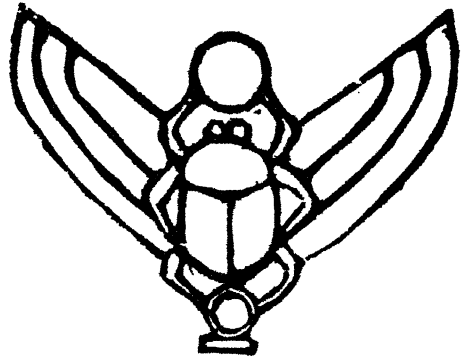
Фигура III. – Скарабей из усыпальницы Рамсеса IV. Согласно LEFEBURE, *Les Hypogée royaux de Thebes*, in *Ann. du Musée Guimet*, T. XVI, 2e Part

тожает теплом своих лучей. Одному и другому Египтяне, рассматривая их как орудия Божества, были признательны, и бедное маленькое существо трансформировалось ими в очень чистую славу реальной обыденности своего благотворного труда: они его помещали в окружение вечного света, давая ему в качестве ночной спутницы свою «Утреннюю Звезду», которую Масперо считает Венерой нашей современной астрономии (4), и связывая его днем с солнцем, восходящим и проходящим свой путь. Так они его подняли из навоза, чтобы вознести очень высоко: “... *de stercore erigens pauperem*” – «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего...», как сказал бы Давид (5).

Распространяя перед собой источник света, скарабей оказывается на стенах гигантских памятников и на очень разнообразных надписях, как истинный светоносец, поднимающий над собой пламенник мира. Он *Озаряющий* и в то же самое время *Очищающий*. Таким он появляется на могиле Рамсеса у Фив, облаченный в черное на лазоревом фоне со своими светло-зелеными распростертыми крыльями (6): его передние лапы поднимают солнечный шар (озарение), и его задние лапы устраниают каловый шар (очищение) (Фигура V).

Фигура V. – Скарабей, держащий солнечный диск и свой «шар», эмблему Мирового Яйца. Согласно картине на дереве, происходящей из Александрии

LCI

Фигура IV. – Скарабей, держащий солнечный диск и божественную печать. Скульптура из Эрмента.

Согласно Alex. MORET, *Du Caractere de la Royauté pharaonique*, p. 68, fig. 11

Последующие столетия сохранили за священным насекомым его очищающий характер. Так в VI-й книге Афанасьева зеленый скарабей очищает, совершенно омывает героя, попавшего в болотную топь (7).

Скарабей являлся также Животворящим, ведь нечистый шар предстает вместилищем жизни, и символисты Египта видели в нем образ таинственного «Яйца мира», то есть само начало жизни. В их иероглифическом языке отдыхающий скарабей это идеографический знак самого существования; его имя *hpr* (Khéper) должно переводиться глагольным инфинитивом «быть» (8). Хепер или Хепра и есть Бытие, Существование, «пребывающее в непрерывном становлении» (9). Вот почему в позднюю египетско-эллинистиче-

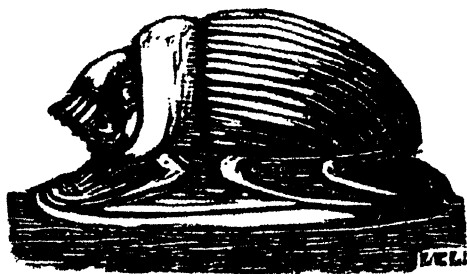
Фигура VI. – Скарабей
на царском картуше
Тут-Анк-Амона

из камня в виде скарабея, снимаемая с усилием крышка которой, позволяла увидеть золотое яйцо с аллегорически изображенными на нем двенадцатью великими божествами (или точнее – двенадцатью великими совершенствами Божества) (13). Благодаря сему драгоценному яйцу скарабей еще остается связанным с Божеством, матерью всякой жизни.

скую эпоху его сближали с символизмом плодотворной Афродиты, *Venus génitrix*. На некоторых скарабеях и известняковой массы, найденных в Сирии в области древнего Идолиума, как сообщает Грассе-Дорсе, выгравирована «мистическая триада: кувшин, доркас (коза) и зеленая ветвь; все они, безусловно, принадлежат культу Венеры» (10).

Иногда скарабей толкает перед собой не солнечный диск, но «Мировой Яйцо» (Фигура VI), характеризующее убегающей жизнью, обозначаемой самой по себе образом анхом или «ключом жизни». Символическое насекомое, тем самым связанное с идеей начала универсальной жизни, являлось атрибутом бога Хефра или Хефер, голова которого имела форму головы скарабея, или которое несло над собой изображение одноименного насекомого: «Следовательно, скарабей символизировал непрерывно обновлявшиеся трансформации жизни в мире, наподобие того, как новое солнце заменяло собой каждое утро кануна» (11). Итак, Хефра, имя которого тождественно имени скарабея, предстает образом Единого Бога. Египетский гимн, воспевающий таинственные имена имманентного Бога, выражается в следующем порядке: «Хефра есть образ, Ра есть образ; Он один совершается в миллионах способов... Он непрерывно пребывает во всех вещах, Единый Живой, в котором живут все вещи» (12).

Папюс утверждает, что в великих посвященных центрах посвящающий иерофант вручал посвящаемому маленькую коробочку

Фигура VII. – Скарабей
из египетского диорита из Верхнего
Египта (Фивы); реальный размер.
Из кабинета автора

Кроме того, мы знаем, что созерцатели и мудрецы древнейшего Египта сделали из летящего скарабея подлинный микрокосм: когда он отображает эту идею, его крылья разделены на три участка, последовательно покрытые чешуей, шерстью и перьями (Фигуры III и IX). Это символы рыб, земных животных и птиц, либо моря с его безднами, земли с ее тогда столь таинственными странами, воздуха с безмерностями небосвода, то есть всего Мировоздания! Эти три участка крыльев скарабея равно являлись в том же самом мире, но в другом порядке идей, образом трех планов, поднимающихся в восходящем совершенстве, – материального плана, психического плана и божественного плана.

-
- (1) Смотреть Mario MEUNIER, Traduction française de *l'Isis et Osiris* de Plutarque, p. 49, note.
 - (2) BRUGSCH, *Religion und Mythologie der Alten Aegypter*, pp. 213, 249.
 - (3) G. COLONNA-CECCALDI, *Patere et rondache d'Amathonte*, in *Revue archéologique*, IIe serie, T. XXXI, 1876, p. 27.
 - (4) Cf. MASPERO, *Les Hypogée royaux de Thebes*, in *Revue de l'Histoire des Religions*, année 1888, p. 310.
 - (5) Псалтирь, Псалом 112, стих 7.
 - (6) Смотреть Prisse D'AVESNE, *L'Art égyptien*; H. MARTIN et collab., *La Grammaire des Styles*. – *L'Art égyptien*, p. 33, fig. 24.
 - (7) Cf. A. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, T. II, p. 225.
 - (8) Cf. STENILBER-OBERLIN, *Les Hiéroglyphes*, p. 23.
 - (9) E. AMELINEAU, *La Cosmogonie de Thales et les Docteurs de l'Egypte*, in *Revue de l'Histoire des Religions*, année 1910, p. 32.
 - (10) GRASSET-DORSET, *Cypris et Paphos*, in *Gazette des Beaux Arts*, octobre 1868, p. 337.
 - (11) Ph. VIREY, *Religion de l'ancienne Egypte*, p. 146.
 - (12) *Hilberts lectures*, HILBERT, P. 233. – Philippe VIREY, Op. cit., p. 196.
 - (13) Cf. PAPUS, *Traité méthodique de Magie pratique*, p. 102.

III. ЭМБЛЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ И ВЕЧНОСТИ

Символизируя трансформации, поддерживающие и увековечивающие жизнь на земле, скарабей, хепра обозначал также для Египтян превращения, которые приводят человеческие души по ту сторону смерти к пределу их предназначения. Значит он один из образов загробной жизни и «становления»; само имя Кхерг является тем же, что и египетское слово *kherer*, выражающее «становиться» и «трансформироваться» (1). Так и на потолке погребального подземелья фараона Сети I, лицом к месту саркофага, огромный скарабей катит шар солнца, и с каждой стороны от него начертаны два иероглифа: ВОСКРЕСЕНИЕ – ВЕЧНОСТЬ (2). С другой стороны, изображенная Хепра, как сфинкс, восходящее солнце, Хермакис (Фигура VIII), наподобие его, по словам Море, предстает символом воскресения (3).

Скарабей сохраняет тот же двойной смысл воскресения и вечности, когда связан с мифом о Пхта, боге вечной протяженности, «приморди-

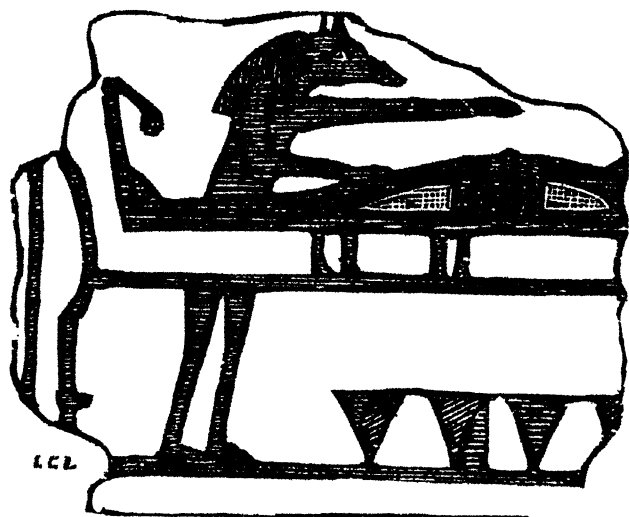
альном и отце отцов, предшествующем солнцу» (4), как это видно в Мемфисе, где солнечное насекомое покрывает образ Пхта, ноги которого попирают крокодила, символ тьмы и зла (5).

Эмблема сердца

Фигура VIII. – Скарабей, поднимающий вверх солнечный диск с солнечной ладьи и изображенный на футляре мумии. Жук зеленый на желтом фоне, диск и шар красные. Реальная величина.

Коллекция графа Фр. де Рилли

Фигура IX. – Египетский жрец с головой Анубиса, практикующий озирианские обряды над мумией.

Картина на дереве из коллекции графа Фр. де Рилли; две трети от реальной величины

Эмблема воскресения, дающего существам новую жизнь, и вечности, подтверждающей им возможность бесконечной протяженности, скарабей был также символом человеческого сердца, которое Египтяне рассматривали как престол знания (Фигура VII).

Фигура X. –
Египетско-финикий-
ский скарабей
с человеческим ли-
цом. Коллекция графа
Фр. де Рилли

Это знание предпо-
лагало, что ответствен-
ность деяний, трансфор-
мации и будущее души
находились в зависи-
мости от человеческо-
го сердца перед суди-
лищем Озириса, «взве-
шивающего» души, суд
над которыми устанав-
ливал их судьбу для
вечности.

Фигура XI. –
Скарабей
в солнечном диске,
поддерживаемом со-
колом Гора.
Дышло колесницы
Тут-Анк-Амона

Вследствие чего, в ходе мумификации умерших скарабей из стеклянной пасты или камня, обыкновенный для усопших из средних классов, и из драгоценного камня для знатных лиц, вкладывался в грудь на центральное место сердца, и иерофант освящал этот символ, произнося над ним нижеследующую формулу.

«Мое сердце, пришедшее мне от моей матери, мое сердце, необходимое в моем существовании на земле, не вставай против меня, не свидетельствуй врагом против меня» (6).

Или даже согласно другому документу: «О, сердце! Которое являлось моим сердцем на земле, ты, доставшееся мне от моей матери и необходимое мне для моих трансформаций, не свидетельствуй против меня, не отягчай твоего отца, о, мое сердце!...»

Вся священная египетская иерология соединяет человеческое сердце с двумя священными символами – скарабеем и вазой.

Египетская картина нам показывает жреца, носителя головы Анубиса, практикующего озирианские обряды над грудью мумии, в которую только что вложен скарабей (Фигура IX).

Это священное насекомое изображалось также в столь притягательном мифе о Горе, сердце Божества, у которого Тот является Языком, восхитительным Словом; «Гор, Сердце, то есть дух, который оживляет, и Тот, Слово, орудие творения» (7).

Представляя так Гора, иногда бывало, что скарабей изображался с человеческим лицом (Фигура X) (8). Некоторые египтологи видели в этой антропоморфической картинке, по словам Перро (Perrot) и Шиприе (Chipriez), Пхтах, называемого Бесом, карликового бога, столь популярного в Египте и в странах, подчинявшихся египетскому влиянию, особенно в Финикии. Эти изображения очень редки и всегда пост-саитской эпохи.

Иногда также это был эмблематический сокол Гора, несший на своей голове, как в случае с царской колесницей фараона Тут-Анк-Амона, образ скарабея в самом солнечном диске (Фигура XI). Насекомое, несущее Мировое Яйцо, украшает полностью поле солнечного круга, спешащего повсюду распространить плодovitую жизнь, им распределяемую; можно было бы сказать о нем то, что Давид восклицал о Боге Израиля: “*In sole posuit tabernaculum suum*” – «...Он поставил в них жилище солнцу»; и в другом месте: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса как шатер» (9).

(1) Cf. VIREY, *Op. cit.*, p. 228.

(2) Cf. Myriam HARRY, *La Vallée des Rois*, in *L'Illustration*, 22 mars 1924, p. 256.

(3) Cf. A. MORET, *Mystères égyptiens*, p. 58.

(4) Смотреть P. VIREY, *Religion de l'ancienne Egypte*, p. 170.

(5) Смотреть P. ROUAIS, *Histoire des Beaux-Arts*, p. 26. – Gust. LE BON, *Les premières Civilisations*, p. 271.

(6) Ph. VIREY, *Op. cit.*, p. 213.

(7) Alex. MORET, *Mystères égyptiens*, p. 126.

(8) GRASSET-DORCET, *Op. cit.*, p. 337.

(9) *Псалтирь*, Псалом 18, стих 5; Псалом 103, стих 2.

IV. СКАРАБЕЙ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Почитание эмблематического скарабея пережило исчезновение религии царского Египта. Оно сохранялось некоторое время в Финикии и на Кипре, в Малой Азии и даже в средиземноморских регионах центральной и западной Европы. Плиний в I-м веке нашей эры сообщил, что в отдельных из этих стран носили на себе как амулет даже рога скарабеев, содержащиеся в маленьких мешочках (1), и немногим после него Плутарх писал, что военные люди гравировали скарабея на печатном шатоне своих колец (Фигура XII) (2).

Разновидность скарабеев носило даже имя «Геркулеса» и «Актеона» наших современных натуралистов, покрытого на конце пушком и называемого скарабеем Юпитером, поскольку на его спине думали различить образ бородатого Зевса. Одно изделие из ляпис-лазури греко-римской эпохи несет выгравированного скарабея с греческой надписью DEO OYAAZA (3).

Известно, с другой стороны, как распространялись многочисленные религиозные влияния, вышедшие из Александрийского Серапеума, будучи хорошо воспринятыми в европейской империи античного Рима (4), хотя решения сената от 58 до 48 гг. до нашей эры и порицание Августа помешали им своим действием. Но этого не случилось в остальных частях Империи, в эллинистических регионах, в частности Африки.

На юге Египта скарабей одинаково сохранялся в народных суевериях даже после введения христианства у Коптов, Абиссинцев, постепенно распространившись вдоль экваториальных побережий; мы его находим в XVIII-м веке у Кафров и Готтентотов, почитавших его в золотых отливках жука-карапузика, как считалось тогда, более религиозно, чем саму луну, рассматриваемую, тем не менее, в качестве божественной покровительницы и распорядительницы дождя и плодovitости (5).

В древней Европе, особенно в странах, расположенных на восток от Италии, скарабей являлся одним из двух хладнокровных существ, которых магия принимала как священную жертву; вторым была змея (6).

Первые христиане Египта, предавшие анафеме мифы Греции, Рима, Сирии и Персии, но вовсе не старых божеств своих предков, видели в Горе некое предвосхищение Христа и в ибисе символ Его роли очистителя мира; эти христиане, признававшие Христа под образами сфинкса, феникса, сокола и орла, должны были остановиться перед скарабеем, которому благочестие их отцов посвятило тройственную роль очищающего, озаряющего и животворящего существа.

Все же я не знаю ни одного православного текста, способного поддержать эту столь вероятную гипотезу, но все предстает наоборот, когда дело касается Гностиков. Известно, что эти христианские еретики много позаимствовали у

ЛСБ

Фигура XII. —
Скарабей из
ляпис-лазури.

Каталог
коллекции М. Х.,
распродавав-
шейся в Отеле

Друо 21 и
22 мая 1926
года, № 129,
р. 10, Pl. III

Фигуры XIII и IX. – Гностический скарабей: рельефный верх и гравированный низ. У каноника В. Давена, затем у господина аббата Давена, кюре Сигурнэ (Sigournais) в Вандее, 1916 год

древнего Египта и у первой христианской школы Александрии; итак, гностический текст, написанный по-гречески, выражается следующим образом в ходе одного заклинания:

«Огонь достиг величайших идолов, и небо было поглощено, не узнав никак круг святого Скарабея, называемого *phorei*; скарабей, наделенный крыльями, Господь, пребывающий посреди неба, имел разорванную голову, сделавшись растерзанным на части; все, что значилось величайшим и славнейшим, было раз-

рушено, и после того, как заключили наставника небес, его уничтожили» (7).

В этих умышленно загадочных и окутанных мистерией выражениях кажется, что «святой Скарабей» обозначает здесь Иисуса Христа, изображавшегося для Гностиков юным Гором, сидящим на священном лотосе древнего Египта.

Это же должно быть и в других документах, на которые опирался господин Ле Кур, когда не так давно писал: «... Скарабей из камня, взятый в золотой обруч, и на котором были выгравированы определенные формулы, заменял сердце мумий, и Христос назывался *Скарабеем*» (8). Тем самым Ле Кур сближает здесь скарабея в качестве эмблемы Христа со скарабеем древнейшего Египта, скарабеем, которого господин Годар вводит, как эмблему второго Лица, в некое подобие пророческого символа христианской Троицы, когда говорит: «Прозрачная символика: Мировое Яйцо для Отца, Скарабей воскресения для Слова, помазание излучающихся перстов для Параклета» (9).

На гностическом скарабее из сердолика, принадлежавшем ученому канонику Давену из Версаля, черта разделения двух надкрылий насекомого и черта, которая их связывает со щитком, образуя естественным образом греческое тау Т, являются столь характерными, что видно, как желали подчеркнуть эту символическую форму, предстающую одной из первоначальных форм христианского креста. Нижняя часть скарабея несет раскрытую кисть руки с изображением на ней пятиконечной звезды, сопровождаемую полумесяцем, знаком, немного напоминающим литуус понтификов языческого Рима, и пальмовой ветвью (Фигуры XIII и XIV).

Подчеркнем, наконец, что на самой правоверной из земель уже не вызывает сомнения, что скарабей в прошлом был связан, как мы это наблюдали, с символизмом идеи воскресения. Значит, христианский символизм позволяет рассматривать всякую эмблему, предшествующую или последующую нашей эпохе, как интерпретирующую эту идею, как возможно связанную с эмблематикой Христа, «перворожденного среди смертных», по словам Святого Апостола Павла, и начала всякого воскресения.

- (1) PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. XXX, 47.
- (2) PLUTARQUE, *Isis et Osiris*, X.
- (3) Смотреть Catalogue de la collection M. X. Edition de l'Hotel Drouot, mai 1926, № 129, p. 10, pl. III.
- (4) Смотреть Franz CUMONT, *Les Religions oriental dans un paganisme romain. – L'Egypte*, pp. 269-281.
- (5) Смотреть F. ROLBE, *Description de Cap de Bonne Esperance*. Edition de 1741, p. 180.
- (6) Le Maitre THERION, *La Magie en théorie et en pratique*, in *Revue int. des Sociétés secretes*, T. XXXI, 1932, p. 161.
- (7) Cf. Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. I, vol. I, col. 1069.
- (8) P. LE COUR, *A la recherche d'un Monde perdu*. Edition Leymorie, Paris 1931.
- (9) GODARD, *Le Messianisme*, p. 126.

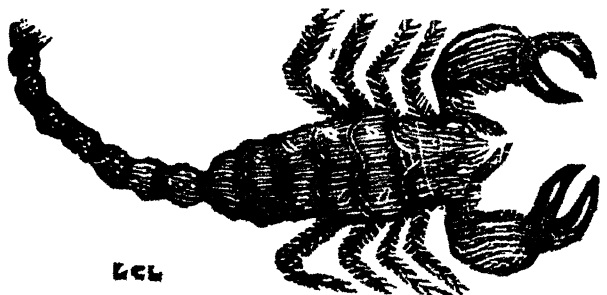
V. СКОРПИОН, АНТИТЕЗА СКАРАБЕЮ

Дохристианская эпоха. Скорпионы являются паукообразными насекомыми, величина которых достигает у светлых европейских и африканских скорпионов и у черных азиатских скорпионов от восьми до пятнадцати сантиметров в длину. Они кусаются посредством жала на конце хвоста сверху над железой, откуда истекает опасный яд: *in cauda venenum* (Фигура XV).

Укус скорпиона очень болезненный, а иногда и смертельный. Аполлодор утверждает, что их яд белый, а их укус зачастую убийствен для женщин, но всегда смертелен для девиц (1).

Все эти характерные особенности противопоставляют скорпиона скарабею древних символистов. Скарабей в эмблематической иконографии древнего Египта несет солнечный диск, являющийся источником плодотворной жизни, а его задние лапы сжимают шар, который содержит труды его жизни и символизирует «Мировое Яйцо», божественное начало универсальной жизни. Скорпион, наоборот, держит свою жертву в клешнях своих передних лап, чтобы ее пожрать и вытягивает после нее свою железу и свое жало — средоточие и орудие смерти.

Образ скарабея, связанный с мифами о Пхтах и Горе, предстает тем самым одной из идеограмм Добра: на тех же самых памятниках Гор, символ доброго начала, борющийся против разрушительного и зловредного начала, попирает ногами скорпиона одновременно с крокодилом и змеей (2). Значит, скорпион является одной из идеограмм зла.

Фигура XV. – Черный азиатский скорпион, *Scorpio afer*. В половину величины

Самые древние зодиаки рассматривают скорпиона как знак, управляющий двумя совмещенными половинами октября и ноября месяца, поскольку, считает старинный автор, его укусы в данный период наиболее ужасен, нежели в иное время (?) (Фигуры XVII и XVII).

Из-за чудовищного характера укуса скорпиона Древние дали его имя одной из своих наиболее действенных военных машин, далеко метавшей острые дротики (3). Полибий нам сообщает, как Архимед пользовался этим орудием смерти для защиты Сиракуз в 212 году до нашей эры (4).

Христианская эпоха. Христианская символика сохранила за скорпионом его античную роль особенной эмблемы зла (5): его называл Давид, когда расположил под ногами Божьего Мессии аспиды и василиска, льва и дракона (6).

Старинная астрология, корни которой уходят далеко за пределы нашей эры, заставила управлять скорпиона генитальными частями человеческого существа и утверждала, чему христианские столетия равно верили, что астральное влияние зодиакального знака Скорпиона приводит к блуду существ, коих оно настигает (7).

Христианская символика с первых времен сделала из скорпиона и его яда эмблему ереси и ее опустошений. В конце II-го века Тертуллиан освятил этот символизм, когда писал *Скорпиак*, начинаемый описанием ужасного насекомого и его игры нападения; затем он уподобляет этому отвратительному носителю смерти еретика, который зачастую во время гонений на Церковь запускает свой яд на поле душ. Тертуллиан пишет: «В те дни, когда вера изнемогает, и Церковь, подобно горящей купине, окружена пожирающим пламенем, в эти дни Гностики выходят из своих берлог, Валентиниане наиболее скрывают извилистые свои пути, все порицатели мученичества источают свой яд и мятутся, имея одно только желание – обрести жертву, пронзить и умертвить её. Им слишком хорошо известно, что Религия имеет в рядах своих множество служителей простых и мало просвещённых, других, худо утверждённых в вере, а большую часть Христиан легкомысленных, расположенных всегда обратиться в ту сторону, в какую угодно. Какое удобнее можно избрать время к уловлению в свои сети этих неопытных или малодушных людей, как не то, когда страх владеет душой каждого, или, в особенности, когда варварские казни венчают веру мучеников?» (8)

Фигура XVI. – Скорпион на египетском зодиаке из Дендеры. Согласно *Magasin pittoresque*, T. I, № 40

Фигура XVII. – Астрономический знак созвездия Скорпиона

Фигура XVIII. – Скорпион
на средневековом зодиаке.
Тироль или Штирия (Австрия);
XV-е столетие

Христианское искусство во все эпохи поддерживало образ скорпиона в зависимости от изображения ереси. В Средневековье она часто персонифицировалась женщиной, сыплющей из рога изобилия рептилий всех видов и особенно скорпионов (9).

В дворянской геральдике той же самой эпохи, по крайней мере, во Франции и вплоть до нынешнего дня скорпион обозначал «лжецов, сплетников и предателей, обладаю-

щих языками, наполненными ядом, более опасными, нежели укусы скорпионов» (10). Как и у всякого из зачинщиков ересей, их слово является страшным ядом.

В другом порядке вещей Средневековье сделало из скорпиона один из атрибутов диалектики (11), «поскольку она не позволяет легко даваться» (12).

Одна фреска кафедрального собора Пуи-ан-Велэ (Puy-en-Velay) нам показывает диалектику, обучающую Аристотеля. Она держит в своей правой руке ящерицу (13), «поскольку она вкрадчива, и в другой скорпиона, благодаря которому ничего не страшится, поскольку она неуязвима» (14).

На нескольких средневековых документах скорпион как бы воодушевлен двойной жизнью, двойной зловредностью, его хвост, завершаясь второй головой рептилии, готов жалить. Таким мы его видим на некоторых изображениях «*Большого Календаря и Удобрения Пастухов*» («*Grant Kalendrier et Compost des Bergiers*») от 1480 года, и одно из них мы здесь воспроизводим (Фигура XVIII).

(1) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Liv. XI, XXX.

(2) Ph. VIREY, *Religions de l'ancienne Egypte*, pp. 218-219.

(3) Смотреть VITRUVÉ, *De Architectura*, X, 1; VEGERE, *Militaris instituta*, IV, 22.

(4) POLYBE, *Histoire*, Liv. IV.

(5) Cf. L. CLOQUET, *Eléments d'Iconographie chrétienne*, p. 337.

(6) *Псалтирь*, Псалом 90, стих 12, 13.

(7) Смотреть *Le Grant Kalendrier et compost des Bergiers*, 1480, f NC iij.

(8) Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, *Скорпиак, или противоядие от угрызения скорпионов*, 1)

(9) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 445.

(10) V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 314, № 11.

(11) Cf. VERNEUIL, *Dictionnaire des Symboles*, p. 165.

(12) Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 306.

(13) Подобно и на статуе Диалектики у Старых Врат кафедрального собора Шартра.

(14) BARBIER DE MONTAULT, *Op. cit.*, Pl. XVII, fig. 174.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НАВОЗНИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ФРАНЦИИ

НАВОЗНИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ФРАНЦИИ

Несколько строк из простого деревенского фольклора о трех очаровательных насекомых из семейства навозников (скарабеедов), живущих рядом с нами.

Сначала о *жуке-бронзовке* и *божьей коровке*, встречающихся по всей Европе, где христианский народ благоприятствует им своими симпатиями, связывая их, по крайней мере, в некоторых провинциях с мыслью о Спасителе.

Жук-бронзовка (Фигура I), наряду с альпийским голубым козерогом, представляется как одно из самых красивых европейских насекомых, ведь его броня сияет изумрудом, настолько великолепна его драгоценность в переливающихся отблесках. Особенно в сердце роз, как внутри благовонного ларца, он устраивает во время лучших дней место своего отдохновения. Маленькое и всеми любимое существо, которое в народных поверьях приносит счастье тому, кто его находит в течение октавы Праздника Господня (католический и англиканский Праздник Тела и Крови Христовых – прим. пер.), особенно же когда он встречается в розах, собираемых для процессий Тела Христова (*Corpus Christi*) (Анжу, Гиенн). Эта простодушная особенность, связывающая его с Евхаристией, разве не может стоять ему места, своего маленького места, в христологической фауне?

Божья коровка, более ста разновидностей которой известны, и расцветки одежды которой во многом отличаются друг от друга: она может быть оранжевой с черными крапинками, черной с белыми крапинками, желтой с пурпурными крапинками, зеленой с желтыми крапинками, коричневой с серыми крапинками и т. д. Везде во Франции ее очень любит народ, называя *Насекомым у Благого Бога*, *Насекомым Благого Бога*, *Насекомым у Иисуса*... (1) Некогда считалось, что она удаляет злые духи и расстраивает воздействия зловещих чар: не потому ли ее личинка, будучи активным пожирателем тли, объявила настоящую войну вредным клопам на новых стеблях растений?

Раньше божью коровку использовали как одно из благословенных Богом лекарственных средств; и в рассказах евангелических видений Анны-Катарины Эммерих звучит отголосок этого обычая, когда она говорит

Фигура I. –
Жук-бронзовка
большой величины
(Иль-де-Франс,
1934 год)

Фигура II. – Божьи коровки.
Орнаментальный мотив, XVIII-е столетие

о «маленьких белых скарабях, испещренных пятнадцатью крапинками на спине», которые применялись от опухолей, заставляя их исчезнуть (2).

Жуки-бронзовки и божьи коровки, как и все насекомые из семейства скарабеев, носят на своей спине начертание греческой буквы «Тау», которая замененная на еврейскую «Тав», вызывает воспоминание о божественном «Знаке»: о нем рассказывалось в Книге *Исход* Моисея, в *Проро-*

честве Иезекииля и в *Апокалипсисе* Святого Иоанна Богослова; по своей форме это та же самая буква Т, отождествленная с одним из первоначальных образов христианского креста.

В чисто орнаментальном смысле, несомненно, миниатюристы последних столетий Средневековья ввели жука-бронзовку и божью коровку в флористическую декорацию некоторых манускриптов.

Во Франции обитает другой полностью черный жесткокрылый, по величине меньше, чем скарабей, но во многом на него похожий, имеющий свойство испускать, когда опрокинут, или если застигнут дождем или другой жидкостью, красную как кровь жидкость. Благодетель селян южного Анжу и других мест не преминуло облагородить этот феномен: бабушка и молодая мать, выпасая в лугах гусей, встречают это насекомое, его переворачивают, покрывают слюной и, видя его целиком окровавленным, говорят своим маленьким детям: «Взгляните на это маленькое существо и знайте, что нельзя никогда убивать ему подобных; посмотрите, ведь оно как благой Иисус, о Котором сказано в «Крестном Пути», что поднимаясь на Глогофу, Он был полностью покрыт плевками и кровью...» (3)

«По сути, – говорит наставник Эмиль Маль, – то, что называется реализмом наших художников XV-го столетия, могло бы вполне именоваться и мистицизмом, ведь этот реализм рожден от желания прикоснуться к Богу» (4). Нельзя ли сказать ту же самую вещь об очень простодушном символизме наших крестьян: наши отцы видели Христа почти повсюду, и всякая красота, всякий феномен, восхищавший или удивлявший их, нес правую мысль к Нему в двойном чувстве преклонения и признания в любви.

- (1) Те же самые наименования связывают божью коровку с Иисусом Христом или с Его Матерью в разных странах Европы. Смотреть А. DE GUBERNATIS, *Mythologie zoologique*, Edition Durand Lauriel. Т. II, p. 225.
- (2) Смотреть С. BRENTANO, *Vie de Notre-Seigneur Jésus-Christ, d'après les visions d'Anne-Catherine Emmerich*, Т. IV, p. 173.
- (3) *Le Chemin de la Croix*, Ve station. Свидетельство господина Кс. Аллэра де Лепинэ (Х. Allaire de Lépinay), мэра Шателлье (Вандея).
- (4) Emile MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*, p. 154.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

БОГОМОЛ

ПАУК И ЕГО ПАУТИНА

I. БОГОМОЛ

Среди наших европейских насекомых богомолы утверждаются как маленькие, но исключительные существа. Они составляют пять или шесть сантиметров в длину, и их цвет варьируется в зависимости от их вида и даже из-за среды, где они постоянно находятся: в частности, они представляют собой всю гамму зеленого цвета.

Здесь пойдет речь только о богомоле, известном Линнею как *Mantis Religiosa*. Он обитает по всему бассейну Средиземноморья и в некоторых винодельческих областях западной Франции, в Пуату и Анжу, например (1).

Тело богомола обладает длинным щитком, с которым соединены две большие лапы в виде рук. Богомол их складывает и замирает в жесте молитвы, называвшемся в Провансе "*tou prego Dio*" (2), «молящегося Богу»; в других местах его именуют «монашкой» (Фигура I), благочестивым и, как мы увидим дальше, «проводником».

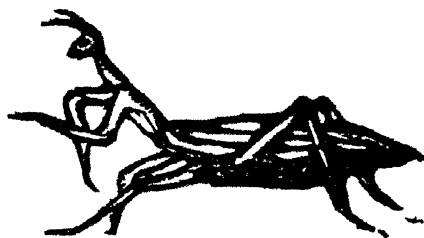
Нравы богомоллов, питающихся лишь живой добычей, особенно женской особи, зверски жестокие: самка пожирает голову своего самца даже во время акта, их соединяющего, и ослабляет свои объятия только чтобы отбросить труп! Эта жестокость, общая, впрочем, и для некоторых других насекомых, была, бесспорно, неизвестной Грекам, много чтившим богомола; они его наделили странной силой гадания — *mantia*, отсюда они его и называли *Mantis*, богомол, разгадчик, вдохновленный, пророк. Не считалось ли, что с одного взгляда на странника это существо разгадывало место, куда он должен был отправиться, опасности, поджидавшие его на пути, указывая ему верным жестом желаемое направление, чтобы их избежать.

Фигура I. — Богомол
в положении своей молитвы.
Согласно J. H. FABRE, *Moeurs
des Insectes*, p. 60, pl. N° 4

Эти вымыслы, вероятно, выдуманные античной Грецией или воспринятые ей от более древнего мира, распространились повсюду по Европе, где обитал богомол; французский ученый энтомолог

Фабр говорит следующим образом о странном насекомом: «Сельский человек не утруждается в составлении аналогий; он щедро восполняется смутными данными внешних проявлений. Он видел на опаленных солнцем пастбищах красивое насекомое с гордой осанкой, наполовину величественно вытянувшееся. Он заметил его широкие изящные крылья по образу длинных льняных покрывал; он увидел его передние лапы, так сказать, руки, поднятые к небу в положении поклонения. Больше ничего не нужно; народное воображение сделало остальное; и вот, с незапамятных времен заросли населились разгадчиками в прорицаемом занятии, монашками на молитве» (3).

Фигура II. – Богомол, делающий одной из своих передних лапок указующий жест. В соответствии с природой, две трети от реальной величины

Всякий символизм, в том числе символизм Христа, многим обязан народному воображению.

Другое сведение, также очень древнее, но не произошедшее в мысли простодушных лиц, делает из богомола эмблему легкости, с которой часто человеческий разум приспосабливается к духу среды, где он эволюционирует. Господин Бёле так рассказывал об этом психологическом символизме: «Богомол является милым насекомым, которое приблизившись, складывает лапки перед собой, соединяя их, и, кажется, испрашивает милости; в Аттике отмечают, что он принимает цвет почвы, на которой обитает, будучи зеленым в зеленеющих местах, серым в скудных землях, рыжим на жгучих скалах. Подобным же образом и человек подвергается отражению тех, кто его окружают; чувствительный к выражениям другого, он заимствует, несмотря на него, цвет его идей» (4). Последнее подтверждает пословица: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Христианские символисты прошлого, в том числе ученые, клирики и простые сельские люди, у которых традиция узнала о мнимой силе угадывания богомола и его милосердном способе оказывать услугу своим дарованием заблудившимся или подвергшимся опасности странникам, видели в нем, как и в нескольких других животных, эмблему «Благого Проводника», спасающего проводника, божественного присутствие Кого возглашает латинская католическая литургия:

“Tu dux ad astra et semita

Sis meta nostris cordibus”.

«О, Ты! Наш проводник и наш путь в небеса!

Будь целью желаний наших сердец» (5).

Богомол в качестве содействующего и указующего существа удачно соглашается символизировать Христа, указующего каждому Своим учением и внутренними вдохновениями Своей милости правый путь, которого должно держаться, Христа, осуществившего на Голгофе великое спасительное деяние, жест сострадательной любви, направивший на стезю спасения ветхое человечество в поисках верной дороги.

-
- (1) Cf. R. DROUAULT, *Le Lodunais*, p. 1. *Les Paysages et Monuments du Poitou*.
 (2) Cf. *Grande Encyclopédie*, T. XXII, p. 1178.
 (3) J. H. FABRE, *Mœurs des Insectes. Extraits de Souvenirs entomologiste*, T. V, p. 57.
 (4) M. BEULE, *Journal de mes Fouilles*, in *Gazette des Beaux-Arts*, numéro d'avril 1872, p. 287.
 (5) Bréviaire romain. Office *Ascent. Domini*. Hymn. vespr. *Salutis humanae Sator...*, V.

II. ПАУК, АНТИТЕЗА БОГОМОЛА

Следовательно, как нам говорят античные иллюзии, богомол приходит на помощь заблудившемуся страннику, и его привычные жесты являются советами. Его большие лапы в виде руки сначала поднимаются к небу, как чтобы показать, что всякая помощь должна быть испрошена у небес, затем их кончики соединяются, наподобие рук горячо молящихся людей; наконец, его рука простирается и показывает верный путь, счастливую дорогу. Он является образом Христа, проводника душ. Зато в реальности безобразный паук предстает в качестве антитезы благочестивого преданного и помогающего богомола: паук повсюду расставляет сети измены, задерживая в них радостный полет крылатых насекомых; он обездвигивает их в своих нитях, обнимает их и убивает, питаясь их жизнью.

Все пауки обладают снизу своего рта двумя органами, хелицерами, снабженными острыми крючками, управляющими двумя желобками, приносящими из продуцирующих желез яд, от которого цепенеют их жертвы, прежде чем они будут прикончены.

Господин Л. Берлан (Berland) в *Научном Обозрении* несколько лет назад опубликовал очень интересное исследование о физиологии пауков, откуда получается, что Древние порой преувеличивали тяжесть ядовитого укуса этих насекомых; и все же остается, что он всегда ядовит для человека, а иногда и смертелен. В этом случае речь идет о крупных пауках Африки и Америки, пауках-птицеедах, хватающих птиц; самых ужасных бразильских пауках, причиняющих иногда смерть человеку с отсрочкой двух или трех часов (1); но эти огромные насекомые никак не связаны с античным символизмом Европы.

Паук, которого по-особенному страшились, это так называемый паук из Тарента, тарантул, *Lycosa (aranaca) tarantula* Латрея (Latreille), иногда достигающий четыре или пять сантиметров в длину. Обычный для центра и

юга Италии, он водится также на Сицилии, в Албании и в западной Греции. По правде сказать, его укус, почти всегда вызывающий лихорадку и бредовое состояние, так не опасен, как считалось ранее, и от него умирают только те, кто предварительно были предрасположены к этой превратности благодаря ужасному общему состоянию здоровья.

Древняя итальянская фармакопея весело заботилась о больных, укушенных тарантулом: музыканты, специализировавшиеся на исполнении ритмических мелодий в увлекательных каденциях, повторяли их без остановки с тем же самым напевом, звук которого заставлял их танцевать до изнеможения, что называлось *тарантеллой*. Эта музыкальная терапия побуждает вспомнить лечение игрой на арфе, за что царь Саул был благодарен юному Давиду (2); последнее, однако, не представлялось единственным средством, использовавшимся против яда Тарантула: древние Греки ему предпочитали, думаю, разумно сок травы *Phalagion*, о которой мы расскажем позднее и которая применялась у них для избавления больных от галлюцинаций и бреда, следующих за укусом тарантула. Олени, по сообщению Элиана, излечиваются от этого укуса поеданием дикого плюща (3).

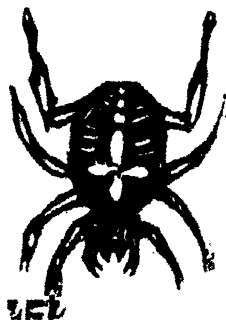
Пауки *Латродекты* (*Latrodectes*), обитающие на Корсике и южных берегах Средиземного моря, ничуть не лучше своих собратьев из Тарента и разделяют с ними проклятия людей.

Во Франции две других разновидности паукообразных равно пользуются дурной славой; одна из них указывается только в секрете под именем *Паука Смерти*. Крестьянские откровения мне поведали, как некоторые преступники собирают его яд и применяют его, чтобы попытаться избавиться от тех, кого ненавидят. Кажется, никогда человек не прожил более пяти или шести месяцев после поглощения этого яда, следствие которого не могло остановить никакое лекарство.

Другой паук, называемый селянами Франции *Пауком Святого Фиакра*, это *Araneus diadematus*, одна из разновидностей многочисленного семейства *Крестовиков*.

Вполне обыкновенный в бассейне Луары и Сены, особенно на Иль-де-Франс, паук Святого Фиакра натягивает вертикально свою паутину по всем садам и вдоль изгородей с конца июня по ноябрь; он – наиболее роскошно одетый из всех французских пауков: расцветка его одежды прекрасного серого цвета, отмеченная черным; он носит на своей спине великолепный белый крест, продолжаемый крапинками того же цвета (Фигура III).

На всяком другом животном этот спасительный знак ввел бы его в число эмблем Господа; и плодотворный дух древних символистов нашел некоторое основание, чтобы объяснить это одолжение, но занимаемое нас здесь

Фигура III. – Паук Святого Фиакра. Максимальная реальная величина в соответствии с естеством

насекомое имело невезение увидеть примененной на себе целиком противоположную интерпретацию: «Это, – как считается еще в определенных деревнях, – перевернутый с ног на голову крест дьявола (!)» (Бри-Конт-Робер, Сен-э-Марн, 1932 год) (4). Сколь бы спорным это не представлялось, мы касаемся здесь весьма важного в прошлом вопроса опрокидывания символов, в особенности знака креста. Здесь, конечно, кроется объяснение особой антипатии, связанной древним фольклором с пауком святого Фиакра.

Хотелось бы знать, почему укус этого насекомого, безобидный в течение дня, становится очень опасным ночью? Неправда.

На самом деле этот паук, который вовсе не появляется в наших домах, почти никогда и не кусается: рыбаки Сены его зажимают между своих двух пальцев, чтобы зафиксировать живым на рыболовном крючке, когда хотят поймать голавля; они ни разу не были укушенными им, хотя его нижние челюсти снабжены хорошими крючками (Шуази-ле-Руа, 1938 год).

Еще вчера бедная тварь могла, тем не менее, обеспечить того, кого укусила, помутнением рассудка, длившимся три дня, от которого нужно было просить исцеления у Святого Фиакра, покровителя древних корпораций садовников, чествуемого Церковью 30 августа; считается, что в эту эпоху укус крестовика представлял максимум зловредности.

Психические расстройства, реально производимые ядом Тарантулов и Латродектов, и которые народное поверье равно отнесло по недоразумению к паукам Святого Фиакра, объясняют, почему древнее толкование снов (ониромантия) или гадание по сновидениям утверждало, что увидеть во сне паука, ткущего свою паутину, являлось предупреждением богов о необходимости предохраниться от какого-нибудь близкого безумия, способного подвергнуть опасности честь, существование или фортуна (5).

Во Франции паук Святого Фиакра, менее злобный, нежели его репутация, впрочем, разделяет с избытком неприязнь человека к разновидностям своей расы: вот почему господин Пьер Букар (Pierre Bouscard) поместил на обложке своей недавней книги *«Оборотные стороны немецкого шпионажа»* (6) изображение гигантского паука Святого Фиакра в средоточии своей паутины и с белым крестом на спине.

Как бы то ни было, получается, что во Франции, по крайней мере, паук, о котором мы здесь говорим, и другие его собратья были чисто связаны в крестьянском фольклоре с дьявольскими духами. Разве не считалось, что обилие в некоторых местах мокриц, ухверток, пауков, сколопендр и прочих тварей, соответствует присутствию здесь невидимых злобных существ? И мистики, подобные Анне Катарине Эммерих, разве не утверждали, что насекомые, к которым человек испытывает инстинктивное отвращение, часто соотносятся со злобными духами смятения? (7) Остается бесспорным, что эти поверья сыграли подлинную роль в народном символизме.

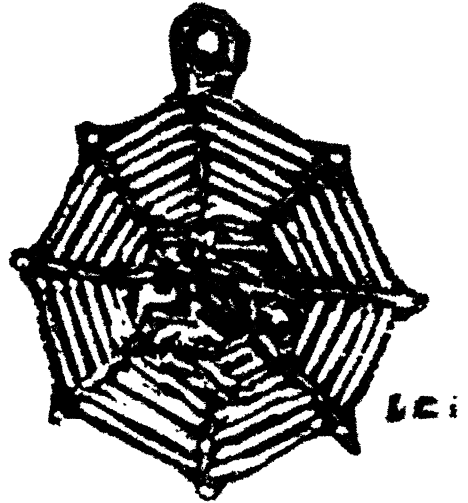
- (1) Cf. E. D. *Le Paradis des Serpents*, in *Echo de Paris*, 17 décembre 1930, f 4.
- (2) *Первая Книга Царств*, Глава 16, стих 14-23.
- (3) ELIEN, *Hist. div.*
- (4) Он его носит точно так, как Скарабей носят Тау, что означает у этих последних честь быть приближенными к Христу.
- (5) Cf. Mme LENORMAND, *La Clef des Songes*, p. 24.
- (6) *Les dessous de l'Espionnage allemand*. Paris, 1931, aux Editions documentaires.
- (7) Cf. ARGOS, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXV, 1930, № 132, p. 902.

III. ПАУК В РЕЛИГИОЗНОЙ И ПРОФАНИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Другие пауки наравне должны быть в различных странах Европы темой более или менее обоснованных, более или менее суеверных представлений, и во всем христианстве это насекомое рассматривалось как эмблематический образ Сатаны, вероломного преследователя душ,

Фигура V. – «Соблазнительница». Взято из «*Картины женских пороков*», гравюра эпохи Наполеона III (половина от реальной величины)

Фигура IV. – Позолоченное украшение из серебра XIX-го столетия. Из кабинета автора

и в данном случае и исключительно (как в символизме ласточки) они предстают поденками и мухами, коварно попадающими в его сети. Сидящий в центре своей сети или прячущийся в темном углу, он ожидает своих жертв, которые безвозвратно утрачены с тех пор, как оказываются в его сетях.

В XIII-м столетии Петр Пикардиец в своем *Бестиарии* нам сообщил, что паук есть образ дьявола, расставляющего и натягивающего свои тенета, работающего для захвата и гибели человеческих

душ, вступающих в его тенета благодаря сладострастию, пьянству, чело-
векоубийству или зависти (1).

Зачастую паук выражает в древней иконографии демона вожделения или преимущественно его привычного агента, соблазняющую и вызы-
вающую проститутку; именно ее нужно видеть на ювелирных украше-
ниях, где паук находится в средоточии своей сети (Фигура IV), иногда
даже зловердное и вероломное насекомое заменяет в центре тенет на-
гая женщина (Фигура V). Невольно она заставляет думать об античных
амазонках, о которых рассказывает Помпоний Мела, что они из всего
оружия обладают лишь определенными сетями, посредством чего они
захватывают своих врагов, убивая их после того, как их извлекут от-
туда (2).

(1) Ap. Ch. CAHIER, *Bestiaires*, in *Mélanges archéologiques (Le Bestiaire de Pierre le Picard)*,
Т. II, р. 212.

(2) POMPONIUS MELA, *Description de la Terre*, Livre I, XIX.

IV. ПАУТИНА

В христианской духовности паутина сама по себе выражает сначала
«тщетные дела», не имеющие никакого значения перед очами Бога, по-
скольку взвешенные «на весах святилища» они предстают, как ткани па-
ука, плачевно легкими: «Молитесь за нас лично, – писал в 405 году Свя-
той Павлин Ноланский, – дабы мы не оказались удивленными от плете-
ния паутин, выполняя свою работу без достоинства» (1).

Эта легкая пауковая ткань являлась также образом человеческой брен-
ности: “*Tabescere fecisti velut araneam animam ejus...*” – «Если Ты обли-
чениями будешь наказывать человека за преступления, то рассыплется,
как от моли, краса его. Так, суетен всякий человек!» (2) Нахлынувший
порыв ветра, пролетающий майский жук, упавший цветок прорывают
паутину и разрушают ее: подобным образом ничто уничтожает здоровье
человека, и не ничего более хрупкого, нежели целостность его сознания
и упорство его счастья.

Другая тема сделала из паутины эмблему неправовверных доктрин, в
которых увязают души, не имея сил затем от них освободиться. Этот
символизм распространился в католической церкви, особенно во время
экспансии протестантизма. Сборник религиозных эмблем Шаванса вто-
рит этому символическому сведению: он изображает в медальоне две
колонны сделанного в стене отверстия с видом на поле; между ними дву-
мя паук натянул свою вертикальную паутину в ожидании жертв. Внизу
четверостишие:

«Чудовищное насекомое паук

В свои тенета бранные захватывает мошек:

Сему подобно изощренное и легковесное ученье

Завлечь пытается несильные умы в порабощения тенета» (3).

Находясь под влиянием разнообразных идей, символисты и священные книги Индии, занимавшиеся пауком и его работой, ставят их в родство с символизмом плетения. Согласно Рене Генону, они делают из паутин, составленных из нитей, установленных в концентрических окружностях, и нитей, выпускаемых из центра, образ плана космогонической сферы; они видят даже в пауке посередине этой планисферы образ солнца, сердца мира (4).

Основываясь на вероломной жестокости паука, геральдисты восточной Европы желали видеть в нем, заключающем в объятия других насекомых, чтобы впрыснуть им свой смертельный яд, эмблемы предателей из рода Иуды, у которых проявления дружбы бесчестно скрывают преступные намерения. На Западе средневековое гербоведение рассматривало паука и его путину как образ недобросовестного судьи, страстно относящегося к людям. Поздний отзвук этой символической темы исходит из-под пера старого геральдиста Ла Коломбьера: «Это, —

рассуждает он, — символ развращенного судьи и неравноправности законов, согласно сказанному Солоном, сравнивавшим законы с паутиной, посредством которой мелкие мухи задерживаются, но которая не в силах остановить крупных насекомых, ее насквозь пересекающих: те же самые маленькие люди подчинены строгости законов, из которых сильные мира сего не делают вывод» (5).

Особое последствие внешних видов! Богомол и паук являются оба свирепыми: объятия одного и другого смертельны; но первый обладает над вторым преимуществом осуществлять два счастливых жеста, напоминающих то, благодаря чему человек поднимается выше: Молитва и Милосердие, любовь к Богу и любовь к ближнему. И человек делает из него образ содействующего Хри-

Фигура VI. — Большой богомол в наблюдении. Согласно естеству; реальная величина

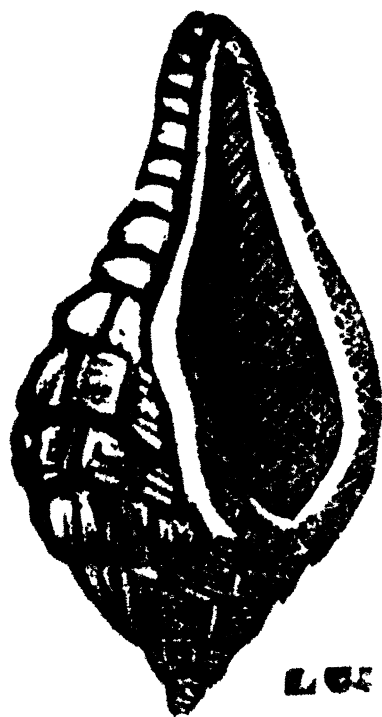
ста, спасительного путеводителя человеческого рода. Он делает из другого эмблему Сатаны, вероломного соблазнителя душ в безвозвратную погибель.

Один и другой предстают мудрыми наставниками: наши отцы их облекли для нас в бесценные уроки, над которыми стоит поразмыслить.

- (1) Saint PAULIN, évêque de Nole, *Correspondances*, XXXVI (*Lettre a saint Amand, évêque de Maastricht*); (*Письмо к Святому Аманду, епископу Маастрихтма*).
- (2) *Псалтирь*, Псалом 38, стих 12. Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. I, p. 128.
- (3) *Emblemes et Devises chrétiennes*, édition Mathieu Chavance, Lyon 1717, p. 204.
- (4) Cf. R. GUENON, *Le Symbolisme du Tissage*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXV, 1930, № 122, p. 68; *Le Symbolisme de la Croix*, XIV, p. 120.
- (5) V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669.

ШЕСТИНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

РАКОВИНЫ

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

РАКОВИНЫ

I. РАКОВИНЫ В ОБЩЕЙ ЭТНОЛОГИИ

От примитивной эпохи палеолита, то есть настолько далеко, насколько возможно подняться в человеческой археологии на десятки тысячелетий, о которых нельзя сегодня изложить даже приблизительно, мы находим поразительное число раковин, соединяемых людьми с останками себе подобных, умерших до них; мы встречаем их здесь не только как поваренные ритуальные или простые остатки, но равно как предметы украшений – браслеты, ожерелья или подвески; как элементы прически или одежды, и невозможно уразуметь, что во всех этих случаях лишь кокетство было единственным смыслом их существования и употребления: условные идеи, восходящие к примитивной метафизике, конечно, были связаны с очень ранней поры с некоторыми видами раковин.

В пещере Кавийон (Cavillon) в Мانتоне (Menton) около восьми тысяч морских раковин были искусственно выкрашены в красный цвет, и две сотни рода *Nacca* (*Nassa*) увенчивали лоб усопшего. В Ложери-Басс (Laugerie-Basse) скелет имел кипрские раковины со Средиземноморья, собранные парно на лбу, на руках, на коленях, на ступнях. Подавляющее большинство этих раковин являются одностворчатыми.

В Ложери-Басс даже обнаружили искусственную раковину из рога северного оленя.

Позже в неолитические времена носили большие кольца, каковы предметы из захоронения Фринькура (Frignicourt) (Марн), вырезанные из раковин, а также бусины подвесок того же самого происхождения, которые Дешелетт сближает с более поздними ожерельями-талисманами из Морбиана, называемыми на ново-кельтском языке *gougad patereneu*, «глотком священных зерен» (2).

Эти раковины, находимые иногда на очень отдаленном расстоянии от места их обитания, с очень давних эпох представляли собой предмет торговли путем обмена (3).

(1) Смотреть J. DECHELETTE, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, T. I, pp. 207-210.

(2) *Ibid.*, p. 579.

(3) *Ibid.*, p. 619.

II. РАКОВИНЫ

У ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАРОДОВ ДРЕВНЕГО МИРА

Часто обнаруживают раковины в погребениях древнего Египта. Ж. Пассалакка, исследовавший в начале XIX-го столетия сотни могил в этой стране, сделал в отношении занимающей нас темы любопытное наблюдение: «Ожерелья – говорит он – составленные из натуральных раковин или сделанных из золота, серебра или драгоценных камней, заслуживают особого внимания. Их находят всегда не на мумиях взрослых мужчин или женщин, но только на детских мумиях, в частности юных девиц, на которых можно надеяться их открыть» (1).

На Крите в микенскую эпоху раковины всех видов ставились в храмах на алтарях и священных колоннах (2). Греки, рассматривавшие некоторые раковины как приносящие счастье (3), посвящали их Венере-Афродите, считалось, рожденной в перламутровой створке раковины, и Тритонам, которых их художники изображали трубящими в раковины морскими трубами (*buccinum*) (4). У греческих пастухов *букцина* стала защитой для стад; с другой стороны, античная лампа нам показывает военного *букцинатора*, который, согласно тому, что нам говорит Полибий (5), толкует приказы своего вождя по звуку трубы-букцины в момент, когда корабль с отрядом на борту входит в порт (6).

Эти погребальные, совершаемые по обету или военные использования раковины могли происходить от концепций, которые для нас неуловимы, но, по крайней мере, существует метафизическое и символическое значение, связанное Древними с раковиной, о которой мы знаем из истории, что взятая в своей совокупности панциря и осязаемого организма, она являлась эмблемой полного человеческого существа – его тела и души. Их символика сделала из раковины, из панциря эмблему нашего тела, заключающего во внешней оболочке душу, оживляющую все существо, представленное организмом моллюска. Следовательно, как считали они, тело становится инертным, когда от него отделяется душа, наподобие того, как и ракушка оказывается неспособной двигаться, когда отделилась от воодушевляющей ее части.

Кроме того, все раковины, одностворчатые или двустворчатые, могут интерпретировать этот символизм, но особенно обыкновенная устрица, *ostrea edulis* Линнея, которую Греки, рассматривая как наиболее совершенный из моллюсков, избрали в качестве весьма удовлетворяющей эмблемы союза души и тела человека, неспособных в течение жизни отделяться одна от другого, как и устрица не может оторваться от своей «устричной туники», прежде не умерев от разделения.

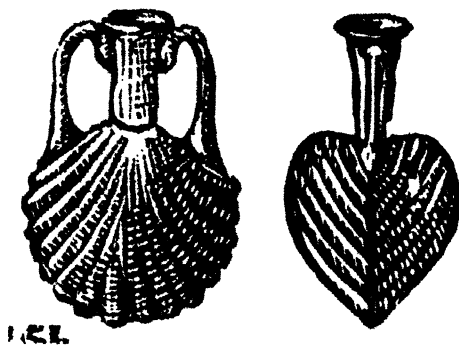
За пять столетий до нашей эры Платон в *Федре* говорит на самом деле об «отметине, которую мы теперь носим вокруг себя и которую называем телом, с коим мы связаны, наподобие того, как устрица со своей раковиной» (7); и Ямвлих, платоник IV-го столетия нашей эры, сказал о том же: «душа, заключенная в тело, или даже выпустившая устричное и земное тело, странствует внизу вокруг мест порождения, носимая тревожным и влажным дуновением» (8).

Эта символическая тема, сравнивающая раковину с совокупностью человеческого существа, тела и души, соединенных в жизни, ввело в теории посвящения большую часть «античных мистерий», где это посвящение рассматривалось как мистическая смерть, благодаря которой приходили к высшему состоянию духовной жизни. Выдающийся профессор Виктор Маньян из Тулузского университета великолепно изложил этот символизм посвящений в античной Греции (9).

Случается, что раковина встречается с несколькими другими вещами, составленными из двух частей, одна включает в себе другую, чтобы символизировать два элемента, производящих союз нашей земной жизни, например, орехи, у которых мякоть и внутренняя скорлупа обозначают тело с его плотью и костным каркасом, а содержащее зерно жизни ядро является образом души. Христианская символика сделала своей эту аллегорическую интерпретацию ореха.

Как почти все символические темы Греции, тема, относящаяся к раковинам, проникла в Италию, а оттуда в западные провинции Империи: многочисленными в Галлии, как и в классических странах, оказываются галло-римские захоронения, содержащие двустворчатые раковины или их художественный образ. В Наллье (Nalliers) в Вандеи, например, одна галло-римская могила хранила большое количество ракушек устрицы (10). Другое погребение той же местности содержало среди ваз богатой похоронной мебели удивительную маленькую бутылку из зеленого стекла, выпуклая часть которой была отлита в створках ракушки *pecten Jacobeus* (Фигуры I и II). Роскошная могила в Буйе-Курдо (Bouilly-Courdault) (Вандея) нам предоставила другой очень похожий сосуд в 1917 году (11).

Пережиток, более или менее точная идея, наконец, какая-нибудь уза, разве не связали этот погребальный обычай с античной символической мыслью? Никто сего не сможет утверждать; однако это не представляется невозможным.

Фигуры I и II. – Маленькая бутылка в форме раковины. Галло-римское захоронение из Наллье (Вандея), III-е столетие (высота около 0,08)

- (1) *Catalogue raisonné et histoire des Antiquités découvertes en Egypte*, par M. J. Passalacqua, de Trieste, édition 1826, p. 161.
- (2) Смотреть G. GLOTZ, *La Civilisation égéenne*. L. III, pp. 284-286, fig. 43.
- (3) Cf. ARNOULD-LOCARD, *Les Coquilles sacrées dans les religions hindoues*.
- (4) Cf. LUCAIN, *La Pharsale*, IX. – PLINE, *Histoire naturelle*, IX, 4.
- (5) Cf. A. RICH, *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, p. 87.
- (6) POLYBE, *Histoire*, II, 29, 6 et XXX, 13, II.

- (7) PLATON, *Phédre*, 250.
- (8) JAMBLIQUE, *Des Mysteres*, IV, 13.
- (9) Смотреть V. MAGNIEN, *Les Mysteres d'Eleusis*, II, VI, Payot, Paris, in oct., 224 p.
- (10) Cf. *Revue du Bas-Poitou*, année 1893, I, 109.
- (11) Cf. R. VALETTE et L. CHARBONNEAU-LASSAY, *Les Sépultures antiques de Bouillé-Courdault et de Nalliers (Vendée)*, IIe Part., p. 9 et Pl. II, № 45.

III. РАКОВИНА, ЭМБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА В ХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА

Как представляется, человеческий символизм раковины не пал от удара с распространением христианства, которое, впрочем, не имело никакого смысла желать его исчезновения. Если он постепенно стирался, то без загвоздок. В IV-м столетии нашей эры его изложил Ямвлих, объясняя Платона (1).

С другой стороны, христианские погребальные обряды вобрали в себя обычай помещать двустворчатые раковины с телами усопших верных: в Муйерон-ан-Паре (Moilleron-en-Pareds) в Вандеи один скелет франкской эпохи имел голову, окруженную большими раковинами Святого Якова, *Pecten maximus* или *Pecten Jacoboeus* (2).

В Монтерр-Силли (Monterre-Silly) (Вьенн) могила VI-го или VII-го столетий содержала большое количество раковин ископаемых устриц, происходящих по соседству (3).

По Франции можно было бы приводить десятки подобных случаев.

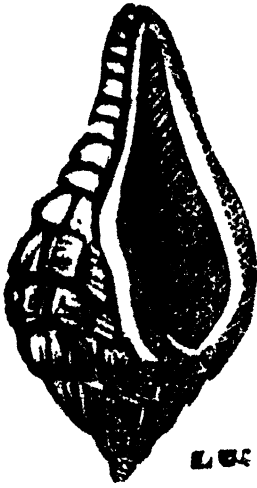
- (1) JAMBLIQUE, *Op. et loc. cit.*
- (2) R. VALETTE, *Le canton de la Chataigneraie (Vendée)*, p. 7.
- (3) Раскопки. J. MOREAU DE LA RONDE, *Notes manuscrites* (Моро де Ла Ронд, *Рукописные замечания*).

IV. ДРУГИЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАКОВИНЫ

В следующей главе мы увидим, что издревле улитка и некоторые земные моллюски брались как символические образы палингенезии, идеи воскресения: представляется возможным, что в определенных случаях и в развитии, обязанном недопониманию, этот символизм на практике смутно применялся в использовании отдельных морских раковин, даже двустворчатых; не в этом ли был смысл положения христианами франкской эпохи двустворчатых раковин в могилы своих усопших в Муйерон-ан-Паре и в Монтерр-Силли, например?

С ранних времен двустворчатая раковина связывалась с эмблематикой таинств, где она обозначает крещение обливанием.

С раковиной, вульгарно называемой «аргонавтом», Наутилусом, по словам Т. Василида, иногда даже в старину связывали мессианский характер (1).

Фигура III. –
Turbinella rapa,
возможный прототип
брахманической
раковины

За пределами христианского мира Восток ставит раковину в соотношение символизмом божественного Глагола, всемогущего Слова. Задолго до нашей эры Кришна носил в своей руке ракушку, которая может быть сближенной с *Turbinella rapa* Индийского океана (Фигура III). Эта раковина одновременно превратилась как в разыскиваемый талисман, так и в почитаемый символ, и азиатские ювелиры ее настолько стилизовали, что она иногда становится неузнаваемой в своем новом и очень отличающемся виде красоты (Фигура IV).

Вишну и Шива одинаково носят ритуальную раковину – *Чанку*; и в буддийской литургии звук священной раковины раздается по отношению к невидимым и злым силам воздушного пространства. Именно она регулирует культ и жизнь многочисленных аскетических сообществ буддийской Азии; как и звон колокола приходских или монастырских церквей христианства, ритуальный звук раковины рассматривался в этих далеких странах в качестве символа божественного гласа, Глагола, который предупреждает, призывает, защищает и повелевает (Фигура VI).

Итак, для христианской мысли божественное Слово, где бы оно ни почиталось, под какой бы формой ни таилось и насколько неузнаваемым бы ни было, это всегда Христос – единственный на небе и на земле.

Добавим, что у некоторых древних народов нижние створки больших двустворчатых раковин обладали изредка тем же применением и тем же символизмом, что и чаша (2). Эпические песнопения, собранные в Шотландии и Ирландии Оссианом и датировавшиеся задолго до его эпохи (III-е столетие нашей эры), устанавливают, что в торжественных обстоятельствах большие раковины использовались как кубки. В них часто говорится о «счастливых раковинах», о «Короле раковин» (3), о «Зале раковин», и Оссиан, повествуя о героях, выражается так: «они радуются в раковинах» (4).

LC L

Фигура IV. –
Бронзовый амулет,
отображающий
брахманическую
раковину. Cf. Annales
Musée Guimet, année
1884, pp. 203-206

- (1) T. BASILIDE, *La Tradition celtique*, in *Les Etudes Traditionnelles*, T. XLI, 1936, p. 305.
- (2) JUVENAL, *Satires*, VI, 419.
- (3) Cf. P. CHRISTIAN, *Etude critique sur Ossian*, p. IX.
- (4) OSSIAN, *Poemes gaeliques*: IV, *La Guerre d'Inistona*.

V. РАКОВИНА С ДУРНОЙ СЛАВОЙ: КИПРЕЯ

Изначально одностворчатый *Брюхоногий моллюск*, называемый равно *Кипреей* и *Раковиной Венеры*, был реалистичной эмблемой материнства; впоследствии он стал одной из эмблем женского сладострастия, поскольку, с одной стороны, его форма напоминает вид сердца, а с другой – женский орган. Кажется, можно признать кипрею в качестве эмблемы материнства, хотя она изображена золотым цветом в предмете, который держит в своей руке Кумская Сивилла в *Enconomium trium Mariarum*, что некоторые авторы принимали за миску для хлеба, разломанного посередине, за водоем, представленный в убывании и т. д. (1) Надпись, сопровождающая ту же самую Сивиллу на Часовнике Луи де Лавалья гласит в точности о Рождестве Иисуса, а значит косвенно говорит и о материнстве Марии: "... *Videtur vaticinari de nativitate Christi in Bethléem*" (2).

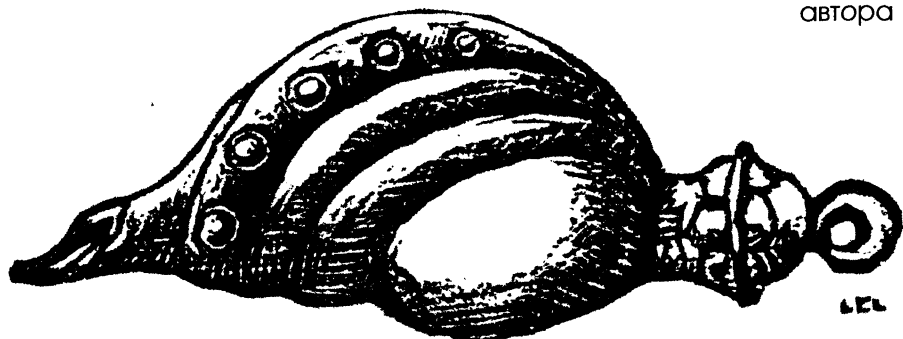
С античных времен в качестве аллегорического образа женского пола Кипрея, величина которой варьируется от горошины до мужского кулака, применялась в виде талисмана распутниками в поисках блуда (Фигура V). Эта ракушка являлась также объектом колдовских практик, на которых мы не должны здесь останавливаться.

Зато в Лаосе кипреи подвешивают на шею детям как оберег от неприятностей: парижский музей Трокадеро обладает несколькими талисманами подобного рода.

LEL

Фигура V. – Кипрея – подвеска с бронзовым кольцом (XVIII-е столетие). Ракушка показана со своей опрокинутой верхней сердцевидной частью. Из кабинета автора

LEL

Фигура VI. – Индуистская ракушка, вмонтированная в серебряное покрытие; приблизительно четверть от настоящей величины. Музей Гиме в Париже обладает аналогичным предметом с бронзовым покрытием

(1) Смотреть Е. MALE, *L'Art religieux de la fin du moyen-age en France*, p. 271.

(2) *Ibid.*, p. 269.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

УЛИТКА ОБЫКНОВЕННАЯ И ЗАВИТКИ ЕЕ РАКОВИНЫ

І. УЛИТКА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ ХРИСТИАНСТВА

Среди разных видов ракушек, столь часто встречающихся в древних захоронениях, как до, так и после Введения христианских обрядов в погребальные употребления, раковины земных улиток, *helix*, являются самыми многочисленными.

В южной Европе это «римская улитка», *helix pomatia* Линнея, наша большая улитка, уже изображавшаяся в украшении греческих ваз и на алжирских дольменах (1). В Галлии также часто встречалась *helix aspersa*, наша серая садовая улитка, и несколько других видов улиток.

Вместе со скромными моллюсками мы открываем еще один символ идеи воскресения, один из тех, которыми пользовались наши отцы. Встретив смиренных свидетелей их веры рядом с нашими умершими стариками, сведущие начинают думать о фрагментах священных книг, наиболее наполненных упованием. Так в Книге Святого Пророка Исайи читаем:

«Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные во прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов» (2).

И Предвечный отвечает в Книге Пророка Даниила:

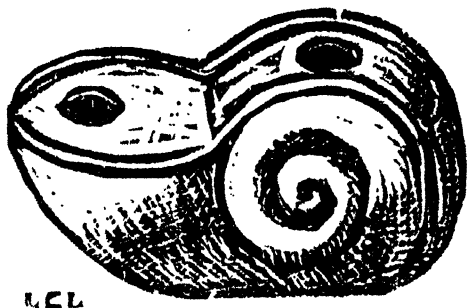
«А ты иди к твоему концу и упокоишься, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней» (3).

И праведный Иов восклицает:

«А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам, мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей!» (4)

Как могло случиться, что спокойная земная улитка была избрана, чтобы символизировать это огненное и столь непобедимое упование?... Именно в суровое время, когда смерть и зима сковывают землю, она погружается в себя, закрываясь в своей раковине как на кладбище плотной пленкой из известковой слизи (эпифрагмой), пока весна не придет над ее могилой воспеть пасхальную аллилуйю... Тогда она разрывает свою перегородку и предстает дню, полному жизни.

Это все уже облечено достоверностью в реальности другой жизни, которую христианство восприняло от более древнего мира, а вместе с ней и символическую улитку. За шесть столетий до нашей эры Феогнид учил о палингенезии, посмертном возрождении: он твердо утверждает «что утраченная душа однажды вновь обретется и таковой будет в теле» (5). И Святой Августин нам говорит, что Генетлиаки полагали, что палингенезия завершалась в четыреста лет или в четырехста четыре года «таким образом, что то же самое тело и та же самая

Фигура I. – Алжирская терракотовая лампа периода римского декаданса; проданная в Люшоне в 1923 году. Согласно эскизу графа Р. де Рошбрюнна

душа, бывшие соединенными в человеке, возвращались однажды в слиянии» (6).

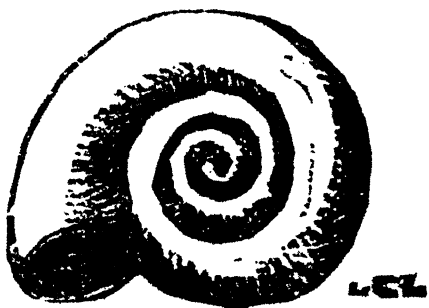
С верой более сильной, нежели вера Древних, христианство помещало раковины улиток, иногда вместе с морскими ракушками, в могилы мучеников в Риме и в иных местах (7).

Когда в 1853 году открыли гробницу, где покоилась, по крайней мере, начиная с III-го столетия, Святой Евтропий, первый епископ Сэнта, то там нашли ракушки преднамеренно положенных улиток.

«Бургундскую улитку» я встречал в нескольких захоронениях христианско-языческого некрополя в Буйе-Курдо в Вандеи (8). В других местах это лампы в форме улитки или даже ее изображение (9).

С римским декадансом и в первые галло-франкские столетия, то есть во времена организации сельских приходов во Франции, обычай класть ракушки улитки в могилы становится более распространенным: аббат Коше неоднократно это констатировал в Нормандии, особенно в Энверме (Envermeu) (10). В 1884 году во франкском погребении в Эгизи (Aiguisy) (Эсн) Фред. Моро отмечал, что тридцать ракушек улиток были выложены венцом вокруг головы скелета. То же самое он встречал во франкских могилах Армантьера (Armentiere) (Нор) (11).

Фигура II. – Внутренняя композиция гроба из Мугона (Эндр э Луар), VI-е или VII-е столетия

Фигура III. – Раковина пресноводной улитки из меровингского захоронения из Шассейня у Лудюна (Вьенн)

что исключает идею украшений для платьев, существовавшую только в отношении морских ракушек.

Каролингская могила у Дьеппа равно обладала раковинами улиток (14). В Шассейне (Chasseignes) у Лудюна одно захоронение той же поры мне подарило раковину пресноводной плоской улитки, происходившей из Брианда (Briande), соседней маленькой речки.

Мне даже кажется, что нужно видеть скорее образ улитки, нежели корабля или чего бы то ни было, в эмблеме, изображенной на фрагменте эпитафии конца Римской империи, находящемся в музее Нарбонна (Фигура IX) (15).

Обычай помещать раковины в погребения, кажется, угас вместе с первым тысячелетием нашей эры; но Средневековье продолжило рассматривать улитку, особенно виноградную улитку, в качестве эмблемы воскресения, изображая ее как таковую. Подобной нам показывают ее манускрипты этой эпохи; Часовник XV-го столетия несет улитку, изображенную при воскресении Лазаря (16), как и римский саркофаг Латерана ее представляет рядом с Ионей, выблеванном чудовищем, другой эмблемой воскресения.

В захоронении VI-го или VII-го столетий, которые я смог изучать вместе с моими друзьями господами графом Ж. дю Фором (J. du Fort) и Гионом де ла Бержем (Guyon de la Berge) в сентябре 1912 года в Мугоне, коммуне Крузилль (Crouzilles) (Эндр э Луар), гроб из ракушечного известняка Турени (12) содержал около трехсот раковин улиток, расположенных от ног до поясничной части скелета, шея которого лежала на плоской плитке с выступающими краями, а склоненную голову поддерживал с правой стороны кремниевый булыжник (Фигура II) (13). Ни одна из раковин не была пробитой,

Фигура IV. – Скульптура южного портала церкви Святого Ремигия в Реймсе. Согласно эскизу господина М. Буссюжа (Boussuge), 1930 год

В церкви Тура-на-Марне (Tours-sur-Marne) капитель XV-го столетия, по словам аббата Коше, показывает человека, сующего голову в первую большую раковину улитки, и другую раковину, изbleывающую, не знаю какую, бесформенную массу» (17). Выходящую из раковины бесформенную массу мы находим еще более различаемой, несмотря на то, что она искалечена самыми чудовищными обстрелами, внизу южного портала церкви Святого Ремигия в Реймсе: это воскресший человек, радостно вылезаящий из могильной раковины, куда его низвергла смерть (Фигура IV).

В конце того же самого столетия художник, изваявший камин замка Эстрепье у Лудюна (Вьенн), покрытый медальонами, относящимися к Страстям Иисуса и общей идее воскресения, изобразил раковину Святого Якова и живую виноградную улитку (Фигуры V и VI).

Средневековые легенды рассказывают в другом духе о гигантской улитке, защищающей неизвестно какой чудесный замок; и Амвросий Паре в XVI-м столетии описал одну земноводную улитку побережья Сарматского моря, «толстую как бочка», у которой рога «почти как рога оленя завершаются круглыми маленькими кончиками, светящимися наподобие драгоценных жемчужин». Кровь этого феномена, по его словам, исцеляет «тех, кто удручен ожогом, и кто страдает от чахотки». Паре говорит, основываясь на сведениях Теве (Thévet), утверждавшего, будто «ее встречали в Дании» (18). Сам Теве видел ее лишь во сне; он должен был иметь хороший сон, ибо часто грезил (19).

Фигуры V и VI. –
Символические
медальоны в замке
Эстрепье у Лудюна
(Вьенн), XV-е столетие

- (1) Смотреть G. GENIN, *Un rite funéraire préhistorique et ses survivances*, in *Le Cosmos*, année 1913, № 1489.
- (2) *Книга Пророка Исайи*, Глава 26, стих 19.
- (3) *Книга Пророка Даниила*, Глава 12, стих 13.
- (4) *Книга Иова*, Глава 19, стих 25-27.
- (5) Cf. Victor MAGNIEN, *Les Mysteres d'Eleusis*, p. 66.
- (6) Saint AUGUSTIN, *La Cité de Dieu*, XXII, 28.
- (7) Cf. BOLDETTI, *Observations sur les cimetières des martyrs et des anciens chrétiens*, p. 512.
- (8) R. VALLETTE et CHARBONNEAU-LASSAY, *Sépultures gallo-romaines de Bouillé-Courdault et de Nalliers*, in *Revue du Bas-Poitou*, année 1914, Livre II, p. 185.

- (9) Cf. MARTIGNY, *Dictionnaire des Antiquités chrétiennes*, p. 178.
 (10) COCHET, *La Normandie souterraine ou notices sur des cimitieres romains et des cimitieres francs explores en Normandie*, passim.
 (11) Fred. MOREAU, *Album Caranda*, année 1884.
 (12) Предоставлено собственником земли маркизом де Кинемоном (de Quinemont) для Общества Антикваров Запада в Пуатье.
 (13) L. CHARBONNEAU-LASSAY, in *Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, année 1912, IVe Livre, p. 644.
 (14) COCHET, *Normandie souterraine*.
 (15) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire Archéologique Chrétien*, fasc. 130-131, col. 872.
 (16) Cf. Comte DE BASTARD, in *Bulletin des Comités historiques*, T. II, année 1850, p. 175.
 (17) COCHET, *Normandie souterraine*, p. 372-375.
 (18) Ambroise PARÉ, *OEuvres*, L. XXV, *Des Monstres*, XIX.
 (19) Теве написал *Космографию Леванта*, 1554 год.

II. ДРУГИЕ УЛИТКИ

Раковины некоторых иных разновидностей земных или водных улиток обнаруживались в древних захоронениях, облеченные, быть может, тождественным значением, о котором я только что сказал. В Пуатье, например, комендант Ротманн нашел на языческом кладбище Дюна (Dunes) улиток, составляющих ожерелье, и пять раковин в погребении ребенка (1); в прилегающем районе, где находится христианский некрополь и подземный ход священника Меллебода (Mellebaude) VII-го столетия досточтимый пастор де ла Круа обнаружил на шее скелета ребенка ожерелье из семи монет с морской конической раковиной в центре (Фигура VII) (2).

В Анжере хрупкие раковины пресноводной лимнеи украшали погребения франкской эпохи (Фигура VIII) (3); и я храню три маленьких ископаемых аммонита, пронизанных отверстием посередине, которые были подвешены медной нитью на запястье левой руки скелета у церкви Мартэзе (Martaizé) (Вьенн); их обнаружил господин аббат Жирар, кюре этого прихода.

Наконец, среди погребальных улиток отметим букцины на внешней стороне гнезд или могил христиан в римских катакомбах. Вероятно, в этом выборе раковины букцина можно увидеть аллюзию на звук повелевающей трубы последнего дня:

“Quando Judex venturus,
 Cuncta stricte discursurus!
 Tuba mirum spargens sonum
 Per sepulcra regionum,
 Cogit omnes ante thronum...”

Фигура VII. –
 Морская раковина
 с кольцом
 из бронзы. Римское
 христианское
 захоронение
 из Дюна в Пуатье

Фигура VIII. – Раковина пресноводной лимнеи. Ла Буассьер в Анжу, Мэн и Луар, 1928 год

разумной мере рассматривать скульптурное изображение под эпитафией римской эпохи в Нарбонне, как обозначающее скорее улитку, нежели корабль – как я об этом уже говорил – и что можно соотнести с символизмом, который мы только что изложили? (Фигура IX)

Несколько других символических значений равно связывались с улиткой (*helix*) всех видов, особенно с ее земными разновидностями; одни сделали из этих существ аллегорический образ внутренней и духовной жизни, жизни, «вовлеченной в Бога», согласно выражению христианского аскетизма; другие – каковы восточные философы – представляли хрупкость человеческой жизни в раковине улитки, плывущей по волнам, которую способна потопить малейшая волна.

Все это весьма замысловато, но слишком своеобразно, чтобы занимать ведущее место в общем символизме.

«Когда придет Судья всех спросить в Своем суровом правосудии, чудесный звук трубы раздастся над погребальной областью и соберет всех умерших перед Его престолом» (4).

Это отголосок евангельского фрагмента, где Иисус нам говорит, что в конце времен «... пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (5).

Нельзя ли в

Фигура IX. – Скульптурный камень из Нарбонна, фрагмент эпитафии. Смотреть артефакт полностью у Dom LECLERCQ, Dictionnaire d'Archéologie chrétienne, fasc. 130-131, col. 872

-
- (1) Cf. ROTHMANN, *Fouilles de Poitiers. – Découverte d'un cimetière des IIe et IIIe siècles*, p. 29.
 (2) R. P. Camille DE LA CROIX, S. J. et Doct. ROLAND, *Le Bibéron à travers les âges dans Poitou*.
 (3) Сведение господина Мишеля, консерватора Музея Святого Иоанна, 1913 год.
 (4) *Bréviaire romain*. Office des Défunts. Проза Мессы, приписываемая Франжипани (Frangipani), XIII-е столетие.
 (5) От Матфея Святое Благовествование, Глава 24, стих 31.

III. УЛИТКИ И ЭМБЛЕМАТИКА ИИСУСА ХРИСТА

Она идет от символизма воскресения Улиток, как лягушек и гусеницы-бабочки, основанном на том же самом феномене исчезновения живого существа в течение зимы и его появления в весеннее время, когда Церковь воспекает в своей литургии: "*Surrexit Christus, spes mea*" – «Христос Воскресе, мое упование» (1).

Этот символизм, посвященный Христу, «Господу всего того, что умирает, и всего того, что возрождается», – если говорить как Дельфийский оракул (2), – соответствует настолько удачно земной улитке, когда она закупоривается в своей раковине как в гробе и погребается в земле или в отверстии стены в течение зимы, три месяца продолжительности которой теоретически в глазах наших древних представляли три дня погребения Иисуса; что важно было для наших отцов, если бы сравнение ослабевало с определенной стороны: раковина улитки являлась могилой, откуда бы однажды вышел человек и откуда Искупитель уже вышел после триумфального пробуждения. Дом Леклерк говорит, что «добрые люди радовались этим сравнениям. Кто знает, если то, что мы нашли с тех пор, не показалось бы им намного ниже измышлений, которые их вдохновляли» (3).

То, что нас очаровывает сегодня, так это обнаружить в обычаях и в искусствах их времени неопровержимые свидетельства их упования, их веры и их любви.

В Средневековье одна эзотерическая концепция, которая не удалась от наивной простоты и, вероятно, от реального основания, связывала убирающиеся рога земных улиток с вопросом астральных влияний, сближая нравы и привычки этих моллюсков с совпадением светил и ночными манифестациями небесного света; но мы входим здесь в темную область, где имеем сегодня для неясной стези лишь искаженные столетиями традиции: запомним только, что в герметическом мире Средневековья все то, что соответствовало свету, соотносилось и с Христом, наподобие того, как все касавшееся тени, тьмы, затрагивало Сатану.

Народ иногда наделял различных улиток исключительными свойствами прорицаний и прочим. Маленькая перламутровая улитка (*colimaçon*), встречающаяся в большом количестве в некоторых областях запада Франции, на полях люцерны во время, когда земледельцы скашивают это растение, разве не несет в своем имени «шлифовку любовью» ("*l'imat d'amour*")? Она встречалась в силу, несомненно, небесного импульса, чтобы благоприятствовать возлюбленным, преследующим «благой мотив»! (Турень)

(1) *Bréviaire romain*, Office de la Fête de Pâques (sequence de la Messe, Victimae paschali laudes, приписываемая королю Франции Роберту II-му, XI-е столетие).

(2) Цитируется Тертуллианом, *Апологетика* – *Apologétique*, XLVIII.

(3) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, T. III, vol. II, col. 2. 906, *Vbo coquillage*.

66

Фигура X. – Лесная улитка, называемая «шлифовкой аспид», испещренная коричневой резьбой на светло-желтом фоне

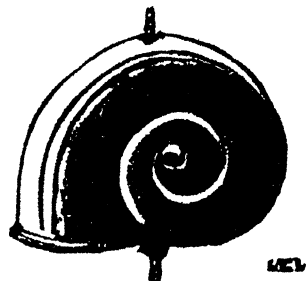
IV. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЛИТОК

В профанической символике простая садовая улитка выражала неспособность из-за неловкости своих движений и ничтожности своих трудов. Еще большим несчастьем она обязана медлительности своего хода, символизирующей повсюду демона Лени: когда Гольтциус пожелал персонифицировать этот порок, то отобразил его в виде томной женщины, сопровождаемой ослом и несущей улитку, прогуливающуюся на ее руке (XVI-е столетие).

Христианская символика, с другой стороны, сделала из улитки эмблему душ, слишком привязанных к благам сего мира; в данной интерпретации улитка перешла в дворянскую геральдику,

объяснявшую ее следующим образом благодаря перу старины Ла Коломбьера: «Все толкователи Святого Писания разумеют в улитке дух, слишком поработенный земным чувствам; поэт Гесиод называет это существо *носителем дома* постольку, поскольку оно привязано к нему, из-за чего его носит всегда с собой» (1).

Зато маленькая и очаровательная лесная улитка, столь изящно разукрашенная черной или коричневой резьбой на желтом или белом фоне (Фигура X), виделась сатанинской. Античные верования ей приписывали противоестественные союзы со «змеями» и посвящали ее Сатане под именами «шлифовка аспид» (Пуату, Турень, Анжу) и в других местах «улитка дьявола» (Гиненн). Утверждали, что потребление в пищу этого моллюска обеспечивало иступление и эпилепсию, – ничего подобного. Она в ущерб себе обитает на изгородях, деревьях и руинах, которые посещают ящерицы и змеи. История ее удручающей и незаслуженной репутации предстает освящением древней пословицы: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

67

Фигура XI. – Скульптурная улитка из дерева, пронизанная вертикальным отверстием для подвешивания; предмет, вероятно, суеверного использования, происходящий из Лимузена; XVIII-е или XIX-е столетие

(1) V. DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 314.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТАЯ

ИГОЛЬЧАТЫЙ МОЛЛЮСК И ПУРПУР

І. ПУРПУР У ДРЕВНИХ

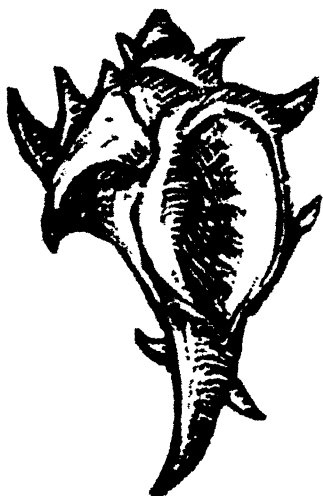
Как все изящные вещи, напряженная красота которых восхищает художественную душу старого мира, пурпур обладает своей почетной страницей в легендарной Мифологии Греков.

Однажды, как рассказывали их поэты, когда солнце залило светом и радостью морское побережье у Великолепного Тира, бог Геракл вышел на берег из волн, держа в своей руке юное местное божество нимфу Тиро (Tyro). Итак, по сообщению Поллукса в его Ономастике (Onomastic), как говорит Ла Коломбьер, поскольку собака обыкновенно сопровождала Геракла, «эта собака нашла одну из раковин (называемых пурпурными), и вытянув из нее зубами рыбу, оказавшуюся внутри моллюска, ее съела, и губы животного окрасились прекрасным темно-красным и алым цветом...» (1) Нимфа Тиро, воодушевленная красотой этого чудесного оттенка, не смогла удержаться и не попросить у любившего ее бога облачения из этого цвета, «что заставило Геракла собрать эти раковины в большом количестве, из которых, добыв кровь, он окрасил желанным цветом сукно, отдав его Нимфе» (2).

Истина заключается в том, что с очень ранних времен, по крайней мере, с Микенской эпохи Тиране, Киприоты, Критяне и жители побережий Эгейского моря сумели выделять из различных раковин семейства Игольчатого моллюска главный элемент, обеспечивавший средством для составления прекрасных разновидностей пурпура, который они использовали. Уже ближе к нам – и все же так далеко! – Геродот за пять столетий до нашей эры рассказал о несчастье Критянина Карабиоса, изготовителя пурпура из Этано́са, унесенного бурей, когда занимался доставкой игольчатых пурпурных моллюсков (3).

В самом Тире именно богу Мелькарту традиция приписывала изобретение багряной тинктуры (4).

«Игольчатые моллюски, – сообщает Плиний, – обладают посреди глотки этим столь искомым соком для окрашивания тканей; очень маленькое количество жидкости содержится в белой вене, цвет которой предстает розовым, тянущимся на черной окраске. Их стараются взять живыми, поскольку, выбрасывая это цвет, они умирают» (5). С чем соглашался Брюнетто Латини, когда в XIII-м столетии писал: «Эта раковина находится в море, именуясь игольчатой или конической, и некоторые ее называют устричной, ибо, когда она надрезана по кругу, то испускает слезы, окрашенные пурпуром, и эта окраска ее плоти» (6).

LCL

Фигура I. – *Murex brandaris*. Cf. MASPERO.
*Histoire ancienne
des Peuples de l'orient
classique*, p. 203

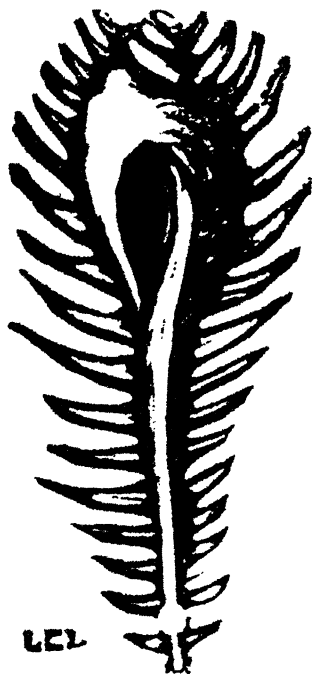
другие известные расцветки пурпура искажались и бледнели от его пылкой ласки.

Моллюск *Murex brandaris*, использовавшийся в основном Критянами и Греками, из которого производился великолепный пурпур Китиры, обеспечивал менее красным оттенком. Зато пурпур с ливийских берегов был очень темным (Фигуры I и II).

В кровь пурпурных моллюсков Древние, чтобы изготовить пурпур, добавляли, если верить Демокриту, много других субстанций: кошениль, полужесткокрылых насекомых, которых собирали в Галатии, сок марены, красящего растения азиатского побережья, алканну, бурачниковое растение с Ближнего Востока; итальянскую розу и красных червей (10). Позднее, как и в наши дни, ввели в композицию пурпура рокцеллу, разновидность лишайников, обнаруженную Древними на побережье Мавритании и на галльской стороне Ла-Манша, где она еще произрастает.

Игольчатые моллюски из Фокеи были очень разыскиваемы из-за качества их тональности, и Помпоний Мелла нам о них рассказывает, сообщая о превосходных товарах из разных стран: «Негритянские побережья и берега Гетулов не вполне бесплодны, ибо вскармливают пурпур и игольчатых моллюсков самой богатой расцветки и очень востребованных повсюду, где окрашиваются ткани» (7).

Ракушки *Murex trunculus*, которые Тирияне использовали и собирали вдоль побережья Сидона, где обнаруживаются еще бугорки, целиком и полностью образованные из их осколков (8), давали очень ценный пурпур красного цвета и фиолетовым оттенком, называвшийся «Царственным Пурпуром». Именно о нем говорит Святой Пророк Иезекииль в своем «Плаче на падение Тира» (9), у которого пурпур являлся промышленной славой и фортуной. Древние ему приписывали свойство делаться более ярким под лучами солнечного света, тогда как

LCL

Фигура II. – Колючий игольчатый моллюск, наиболее любопытная раковина из рода *murex*

Итак, благодаря этому мы понимаем, что античный пурпур должен был непременно в силу сложности своего приготовления стоить очень дорого: вот почему его использование предназначалось для самодержцев, у которых он сиял на признанных облачениях, и больших сеньоров. Отсюда престиж, сделавший из него эмблему власти, достоинства и богатства. И мы дальше увидим, что древний мир наделял пурпур вымышленными и сверхъестественными свойствами, поднимавшими еще в глазах людей преимущество этого великолепного цвета. Кровь людей, щедро проливаемая за богов, за родину, за правителя, за все великие причины, стала символизироваться тогда в пурпуре, самом по себе происходившем из очень чистой крови живого существа, которую постоянно смывают прозрачные волны морей.

-
- (1) VULSON DE LA COLOMBIERE, *La Science héroïque*, édition de 1669, p. 29.
 - (2) Ibidem, p. 30.
 - (3) Смотреть G. GLOTZ, *La Civilisation égéenne*, L. II, p. 206. – Livre III, pp. 284, 286.
 - (4) E. BABELON, *Manuel d'archéologie orientale*, p. 310.
 - (5) PLINE, *Histoire naturelle*, L. IX, 60.
 - (6) Brunetto LATINI, *Li Livre dou trésor*, L. I, Part. V, 125.
 - (7) Pomponius MELLA, *Description de la Terre*, Liv. III, X.
 - (8) Cf. Gustave LE BON, *Les premières civilisations*, p. 798.
 - (9) *Книга Пророка Иезекииля*, Глава 28, стих 16, 24.
 - (10) Смотреть Marcel BERTHELOT, in *Collection des anciennes Alchimistes grecs*, L. I, 2e Part., p. 44.

II. ПУРПУР В СИМВОЛИЗМЕ ИИСУСА ХРИСТА

«Кто это идет из Эдома, из Боцры – в багряном одеянии, прекрасно Его облаченье, шествует Он в величии и силе Своей. «Я Тот, Кто судит справедливо! Я Тот, Кто силен спасать!» «Отчего ж облаченье Твое багряно, почему одежды Твои, как у давильщика винограда?» (1) В этих словах Святого Пророка Исаяи, сына Амоса, возгласившего над Израилем его желание Мессии, кроткий и грозный вдохновенный со скал Патмоса семь столетий спустя, когда нарождалась Церковь, признал Того, Кого видел изнемогавшим, обогренным Своей собственной кровью, пригвожденным к древу креста с опорожненными венами и сердцем... Но в видении, которое он видел позже, Он не являлся больше издыхающим и принесенным в жертву Человеком, каким казался; впрочем, это была еще Жертва, но прославленная несравненным Апофеозом. В разверзшемся небе Верный, Истинный предстал на белом коне, Его глаза источали пламень огненный, на Его челе располагалось много диадим, и было написано слово, которое никто не знал, кроме Его Самого: «Он был облечен в одежду, обогренную кровью. Имя Ему: "Слово Божие"... Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (2).

Эту божественную и кровавую окраску мантии, в которую облачилось «Слово Божие», Церковь со своих первых дней назвала именем, оставшимся в ее литургии: «Порфира Царя Славы». Святой Климент Папа Римский, живший в I-м столетии, обращаясь к христианам Коринфа, напомнил им рассказанную в Библии (3) историю о червленой веревке Раав, изобразив им это спасительное вервие как пророческую эмблему благодаря своему цвету, «ведь все те, кто веруют в Бога и уповают на Него, должны быть искуплены кровью Господа Иисуса Христа» (4).

Позднее в VI-м столетии в городе Пуатье, открытом и приготовленном для прибытия выдающейся реликвии Голгофского креста, которую император отправил Святой королеве Радегонде, прозвучит гимн местного епископа Фортуната, столь часто еще воспеваемый Церковью: “*Vexilla Regis prodeunt...*” Его четвертая строфа называет крест следующим образом: «Славное и сияющее древо, украшенное пурпуром Царя».

“Arbor decora et fulgida

Ornata Regis purpura...” (5)

Великое библейское воспоминание, которое слишком хорошо знала мистика Средневековья, чтобы на нем останавливаться, было связано с этим пурпурным цветом, сближая его с обгащенной кровью смертью Спасителя. Когда Моисей соорудил Скинию Завета, он использовал для ее внутреннего убранства завесы из багряных тканей: одна из них закрывала вход; другая – великая завеса – отделяло Святое Святых от прочей Скинии и скрывало присутствие Яхве; эти две завесы состояли «из голубой, пурпуровой и червленой *шерсти* и из крученого виссона...» (6). И вот как излагает Святой Апостол Матфей о последнем мгновении Господа на кресте: «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святы град и явились многим» (7). И тотчас, как уточняет в свою очередь Святой Иоанн «... один из воинов пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (8). Значит, пурпур искупительной крови раздрал Моисеев пурпур, Новый Завет любви и благодати отменил Завет устрашения; и Святой Фома Аквинский в своем “*Lauda Sion*” («Радуйся, Сион») смог позднее написать: “*Vetustatem novitas...*” – «Ветхому Завету наследует новый порядок» (9).

В V-м столетии Святой Петр Хрисолог писал, что Христос, обгаренный Своей кровью, облачил в нее также праведников, являющихся овцами Его стада. Пастырь предварил овец, ведь будучи убитыми таким же способом, они живут, будучи раздранными, они воскресают, и, будучи оттенками Его крови, они сияют царственным пурпуром, просвечивающим сквозь их белоснежное руно (10).

Мистическом Винограднике, приписываемом Святому Бернарду, символизм пурпура, каким приняла его христианская мысль прошлого, уже пре-

восходно установлен: «Пурпур князей, – читаем мы в нем, – окунается только два раза в раствор, дающий ему сверкающий цвет, но Господь Сам трижды окунался в потоки Своей крови, эта плоть, из которой он сделал царственное облачение Своего божества. О, Жено! Воззри на твоего Мужа, обгащенного румяной кровью в поту Гефсиманского Сада, затем в Его бичевании и, наконец, в Его распятии» (11).

Равно эта кровь прославлялась во все эпохи в Церкви как высший дар, сделанный небом человеку, как переизбыток искупления, с тех пор как Апокалипсис говорит о ней так, как мы уже сказали, с тех пор как Тертуллиан, обращаясь к христианину, брошенному в житейские битвы, ему восклицает: «Твой пурпур в тебе, это кровь Господа» (12); вплоть до XV-го столетия, столь очаровательного для нее (13), вплоть до наших дней и навеки.

Средневековые видели во всех оттенках красного образ этой божественной крови, сделав из них, особенно червлёный цвет, эмблему Милосердия (14), ведь Сердце Христа, откуда истекла искупительная кровь, является «горнилом милосердия», любви, *fornax ardens caritatis* (15).

В толковании оттенков радуги древняя символика посвящала Отцу белый цвет; Святому Духу – зеленый; и Сыну – красный цвета.

В гамме драгоценных гемм символизм рубина, карбункула, кровавой яшмы, темного сердолика сливается с символизмом пурпура, чтобы прославлять кровь Праведника, целиком пролитую во спасение мира. Таковым же являлся и символизм коралла.

Символический дух первых столетий зашел так далеко на пути реалистических интерпретаций, что Церковь была вынуждена осудить Гематистов, притязавших посвящать в евхаристической чаше настоящую кровь вместо вина (16).

Очень древние предания, относящиеся к жизни Приснодевы Марии, рассказывают, что в день ее Введения в Иерусалимский Храм ее родителями первосвященник дал ей клубок ниток как эмблему ручной работы, которую она должна была исполнить для храмовой службы, и по воле Божией клубок оказался из льняных нитей пурпурного цвета. И наши мистики увидели в данной частности пророческий образ божественного Порфириносца Голгофы, Которого Приснодева Мария позже явила миру. Несколько прекрасных произведений искусства посвящены этому марианскому преданию. Замечательная мозаика XIV-го столетия в церкви Какрие-Джами в Константинопо-

Фигура III. – Деталь артефакта из слоновой кости из сокровищницы Монзы, VI-е столетие. Приснодева Мария перед пурпурным клубком

ле показывает Марию, получающую вместе с другими девочками пурпурный клубок от одного из трех персонажей, сидящего на троне в полукруге (17). На знаменитом артефакте из слоновой кости из сокровищницы Монзы (Monza), VI-е столетие, Мария сидит за ремеслом, готовая расплести этот символический клубок (Фигура III) (18).

Прилежные иноки монастырей Средневековья, читавшие Плиния, Аристотеля, Элиана и Диоскорида, сближали даже Спасителя с драгоценной раковиной, отдающей свой пурпур лишь благодаря своей смерти. Сам этот пурпур, по словам Плиния, наделяет окрашенную им ткань такой силой, что всякий носящий ее, когда молится, имеет власть успокаивать гнев богов (19). Тем самым и Христос, пожертвовав Своей жизнью, даровал нам кровь, ставшую нашим выкупом перед божественным правосудием.

В другом месте старинный натуралист рассказывает, согласно Муциану, историю греческого судна, перевозившего карийских детей благородного происхождения, осужденных Периандром быть искалеченными, и которое, считается, было целиком остановлено, когда мчалось на полных парусах, игольчатыми моллюсками, прицепившимися за его подводную часть. С тех пор, сообщает Плиний, игольчатый моллюск почитался в храме Венеры в Книде в Карию... В этом рассказе можно увидеть образ Христа, останавливающего человеческий род на легком пути, куда он спешит на свою гибель. Плиний передает также о том, что Требиус Нигер рассказывает о гигантских игольчатых моллюсках, которые, вырванные из своих раковин, могли притягивать вверх золото, упавшее на дно самых глубоких колодцев (20). Золото являлось еще человечеством, падшим и скатившимся на дно бездны, которое поднял Икупитель Своим нисхождением, чтобы привести его на вольный воздух сверхъестественной жизни.

Во всех этих притчах повторяется факт: необходимо, чтобы существо, заключающее в себе пурпур, умерло, чтобы человек получил выгоду от действительности добродетелей его крови, и сие вызывает в памяти уже Гомера, неоднократно расценивавшего смерть, поражающую его героев, эпитетом *Purpurea* (21).

(1) Книга Пророка Исаии, Глава 63, стих 1, 2.

(2) Откровение Святого Иоанна Богослова, Глава 19, стих 13, 17.

(3) Книга Иисуса Навина, Главы 2 и 6, стих 17.

(4) Послание к Коринфянам Святого Климента, Папы Римского, Глава 12.

(5) VENANCE-FORTUNAT, смотреть *Bréviaire romain*. Office du Dimanche de la Passion. Hymnes des Vepres.

(6) Книга Исход, Глава 36, стих 35, 37.

(7) От Матфея Святое Благовествование, Глава 27, стих 50-53.

(8) От Иоанна Святое Благовествование, Глава 19, стих 34.

(9) Saint THOMAS D'AQUIN, in *Bréviaire romain*. Office de la Fete du St. Sacrement, Prose de la Messe.

- (10) Saint PIERRE CHRYSOLOGUE, *Sermon*, XL.
 (11) *Vitis mystica*, traduction Apoll. Valence, III, p. 54.
 (12) TERTULLIEN, *De la Couronne du Soldat*, XIII.
 (13) Смотреть Е. MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*, III, V, et *passim*.
 (14) *Vita mystica*, XXXI, 2.
 (15) *Bréviaire romain*. Litanies du Sacré-Coeur.
 (16) Смотреть Dom LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, CXVIII, col. 596.
 (17) Смотреть Ch. DIEHL, *La remise de la pourpre*, in *L'Art chrétien primitif et l'Art byzantin*, Pl. LVIII et p. 61.
 (18) Смотреть Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 211 et Pl. XXXII, № 326.
 (19) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, L. IX, 60.
 (20) *Ibidem*, Livre IX, 41.
 (21) HOMERE, *Illiade*, notamment L. V, XVI, XX.

III. ДРУГОЙ АСПЕКТ СИМВОЛИЗМА ПУРПУРА

Древнее христианское общество во многих странах сохраняло пурпурный цвет как символ суверенной власти и как окраску царственных мантий. Впрочем, во Франции священные мантии наших Королей были лазоревыми; только Империя приняла самодержавное пурпурное облачение. Напомним здесь, что в продолжение Своих Страстей Иисус, коронованный терновым венцом, имея тростниковый скипетр, был облачен в багровеющий пурпур с насмехательством: "*Ave, Rex Judeorum!..*" – «... радуйся, Царь Иудейский!» (1)

Церковь предписывает пурпурный цвет или, по крайней мере, красный литургическим облачениям на праздники своих мучеников, называемых ей «Обагренными»: "*Vos purpurati Martyres*" (2). Она предоставляет своим кардиналам платье, длинную мантию и пурпурную шапочку, ибо они – князья. Еще более выразительными оказались облачения некоторых религиозных орденов. В Ордене Святого Иоанна Иерусалимского, именуемого Мальтийским, например, субревест, будучи боевым облачением, красной расцветки, символизм которого сливается здесь с символизмом пурпура, напоминая рыцарю, что он не должен жалеть свою кровь в сражениях за дело Христа. В этом Ордене Иоаннитов, как рассказыва-

Фигура IV. – Королевство Леон (Испания). Герб имеет: «на серебряном поле пурпурного льва»

ет Росс, члены «носили красное одеяние, чтобы выражать Кровь Христа, и на груди его вытканную чашу, дабы показать, что наши грехи омыты в Его крови» (3).

В символизме добродетелей, какие только смыслы наши отцы не вкладывали в пурпур! Он являлся для них эмблематическим образом Милосердия, что мы уже выше видели (4). Порфира, одеваемая королями и князьями, по словам Брюнона из Асти, обозначает Правосудие. Геральдическое искусство Средневековья, столь исполненное религиозным духом, нам говорит пером господина де ла Коломбьера, что «цвет Пурпура обозначает среди духовных добродетелей Веру, Целомудрие, Умеренность, Поклонение; в светских добродетелях он выявляет благородство, авторитет, важность, изобилие, спокойствие и богатство...» (5) И одновременно он остается символом кровавого жертвоприношения.

(1) *От Марка Святое Благовествование*, Глава 15, стих 18.

(2) *Bréviaire romain*. Office de la Toussaint, hymne des Vepres, IV.

(3) Alex. ROSS, *Les Religions du Monde*, traduction de Thomas La Grue, 1666, p. 253.

(4) *Vita mystica*, XXXI, 2.

(5) VULSON DE LA COLOMBIERE, *Le Science héroïque*, édition de 1669, p. 37.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КОРАЛЛ

I. КОРАЛЛ В ДРЕВНОСТИ

Коралл как по своему составу принадлежит, так и по своему происхождению принадлежит животному царству в том смысле, что и панцири моллюсков, ведь карбонат извести у него является, как и у ракушек, продуктом постоянной секреции, выделяемой микроскопическими морскими существами, которые рождаются, развиваются и умирают одни за другими, образуя накопление древовидной формы.

В Европе именно Средиземное море снабжает наиболее разнообразными и наиболее красивыми кораллами: они пурпурные или почти багряные на побережье северной Африки, а порой и на берегах Сардинии, розовые или очень бледные в итальянских водах. Восточные африканские берега наделяют их великолепным красным цветом; в других местах находят светлые, белые или серые кораллы (Фигура I).

Коралл обрел выгоду из-за большой любви древних народов к драгоценным и твердым камням, и красные кораллы разделили славу, имевшуюся тогда у пурпура, быть использованными для украшения облачений самодержцев и князей.

Происхождение коралла, остающееся таинственным до нынешних времен (1), было во всех частях старого мира темой особенных легенд. Греки рассказывали, например, что в момент, когда Персей захотел очистить в морской воде свои руки, окровавленные убийством Горгоны, он поставил на несколько мгновений проклятую голову на прибрежную гальку; еще не вытекшая кровь медузы обогрила лежащую здесь водоросль, превратив ее в камень кровавого цвета; и с тех пор все другие растения того же вида каменеют, как и она. Вот почему Плиний называет коралл Горгонией (2).

Этот же греческий миф окрасил ветви коралла всеми цветами в руках Нереид, приветствовавших Посейдона в глубине морей, его феерическом и таинственном царстве.

С тех отдаленных времен люди приписывали кораллу все добродетели. Они изготавливали из

Фигура I. – Рука-амулет из розового коралла. Колониальная выставка в Париже, 1931 год. Алжирский павильон

его порошка снадобье, считавшееся непревзойденным от ран, причиненных морскими животными; считалось, что коралл притягивал покровительство морских божеств на всякого, кто носил его с собой. Согласно Марсилио Фичино и Личети, носимый таким образом кусочек коралла предохранял от молний (3). И в самом деле, греческий натуралист Диоскорид писал в I-м веке нашей эры, «что жилище, где в наличии коралл, никогда не будет поражено молнией... и что ветви коралла, носимые маленькими детьми, защищают их от опасностей» (4).

В северо-восточной Африке и в соседней Азии красный считалось, что коралл, которого арабские поэты называли «Кровавым Камнем», появился, чтобы притягивать божественное вдохновение на того, кто его носил на своей голове. Аналогичная концепция некогда существовала на Мадагаскаре, где еще к концу XIX-го столетия царская чета и ее дети одни имели право украшать свою голову кораллом; князья обладали привилегией носить его на ногах, а все остальные могли им наряжать свою грудь и шею (5).

Плиний нам сообщает, что коралл был востребованным у вождей галльских племен для украшения их мечей, шлемов и пряжек (6).

Протоисторическая археология подтверждает высказывание Плиния, и Дешелетт нам говорит, что использование коралла у Галлов было вызвано приписыванием этой материи апотропеической добродетели, связанной с кроваво-красным цветом: «В этом, — добавляет он, — роль, которую коралл определенно играет в мифе о Медузе» (7).

Уже в эти отдаленные времена установились некоторые аналогии между символизмом красного коралла и символизмом сердолика и кровавой яшмы, исключение, сделанное естественным образом из вымыслов, связанных с морским происхождением первого.

(1) Смотреть BOCCONE, *Recherches et observations naturelles*, 1674, pp. 6-47.

(2) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, Livre XXXVII, 59.

(3) Cf. COLLIN DE PLANCY, *Dictionnaire infernal*, p. 154.

(4) Cf. MATTHIOLI, *Commentaires sur Dioscoride*, Livre I, XCVII. Edition de 1565, p. 772.

(5) Cf. LEYRET, *Madagascar et les Malgaches*, in Le Foyer, T. XIII, p. 123.

(6) PLINE, *Histoire naturelle*, Livre XXXII, 11.

(7) J. DECHELETTE, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, T. II, Part. III, p. 1332.

II. КОРАЛЛ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

В некоторых странах южной латинской Европы кораллы всех оттенков использовались благочестивым ювелирным искусством, литургическим или светским (и часто просто в декоративной цели), и все же христианская Символика сохранила только красный или пурпурный коралл, чтобы их зафиксировать в значении эмблемы в культе крови, пролитой Христом на Голгофе для искупления мира.

Наиболее часто Латиняне, схизматические Греки, Армяно-католики, Копты и Абиссинцы употребляли коралл в том же самом эмблематическом смысле.

У всех красный коралл применялся в одинаковом значении, что и рубин, сердолик и кровавая яшма в украшении крестообразных или иной формы реликвариев Честного Животворящего Креста Господня; из него изготавливали амулеты и благочестивые предметы, о которых речь пойдет ниже. И это соответствует страстной любви, которая все христианские столетия, а особенно у нас в конце Средневековья (1), была засвидетельствована по отношению к крови Искупителя.

Священные тексты, принятые для обоснования христологического символизма коралла, являются теми же самыми, что и для символизма пурпура игольчатого моллюска, за исключением все же фрагмента из Песни Песней Соломона, относящегося только к кораллу: "*Dilectus meus candidus et rubicundus electus ex millibus*" – «Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других...» (2)

Эти слова на самом деле применялись официальной литургией Церкви к Иисусу Христу и благодаря христианским символистам к красному кораллу в белых пятнах, белому кораллу с красными прожилками, более редкому, чем первый, ставшим тогда эмблемой Христа, принесенного в жертву, израненное сердце Которого на трагической виселице излило кровь и воду: «но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (3).

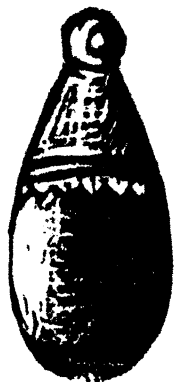
Собрав и парафразируя священные тексты в Службе Драгоценной Крови Господней, латинская литургия великолепно, как и подобает, изложила Последование Мессы этого праздника: «Сам Иисус Христос явился нас очистить водой и кровью, не одной водой, но и кровью. Они являются тремя, свидетельствующими на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и эти трое лишь один. И они являются тремя,

Фигура II. – Рыба из красного коралла, пронизанная отверстием для подвешивания. Коллекция древней приходской школы Иль Бушара (Ile Bouchard) (Эндр э Луар); реальная величина. Около 1895 года

Фигура III. – Рожок из красного коралла, отмеченного двумя белыми точками; он просверлен в основании отверстием для подвешивания. Итальянского происхождения. Из кабинета автора

L L L

Фигура IV. – Коралловая капля, вмонтированная в серебро, XVIII-е столетие.

Смотреть *Rayonnement intellectuel*, 1939, N 11, p. 230

свидетельствующими на земле: дух, вода и кровь; и эти трое не что иное, как один» (4).

Красный цвет в коралле изображал кровь, и белые части – воду. В том же самом символическом духе один ванзейский крестьянин во время Революции изготовил «скапулярий» для одного из героев, сражавшихся за католическое и королевское дело, украсив его Священным Сердцем из красной материи, откуда простекали поочередно четыре больших капли: две, сделанные из красной шерсти; и две – из белой, – кровь и вода от удара копьем (5).

Другие значения также связывались с единством белого и красного в коралле и в других вещах; приписываемый Святому Бернарду Мистический Виноградник видит в красном эмблему крови Икупителя и в белом – эмблему Его целостной чистоты (6). В христианском герметизме Средневековья красный цвет являлся символом господства Христа над материей, а белый – символом Его господства в духовной области. В тождественном смысле рассматривался красный цвет в облачении Папы, как символ мирской власти, и белый, как символ духовной власти (7).

В XI-м столетии епископ Ренна Марбод, умерший в 1225 году, следующим образом писал о коралле в своей поэме *Латидарий*: «Он изгоняет тайфуны и всякие бури, он защищает корабль и дом, в которых находится. Он равно покровительствует виноградникам и полям, заставляя бежать демонические тени» (8).

Говоря о сердолике, уподобляемом часто кораллу, Марбод наделяет этот камень добродетелью останавливать кровотечения (9).

Триста лет спустя Иоанн де Кюба выражался так относительно кораллового камня: «Он ужасен для дьяволов, и это судьба, ведь его ветвеобразные вязи часто расположены в форме креста» (10).

Коралл, испещренный или не испещренный белыми пятнами, по-особому появляется со своим символическим и порой суеверным характером в изготовлении некоторых предметов, ближе связанных своими формами с эмблематикой Спасителя мира или с более древними преданиями. Маленькие рыбки из коралла, например, пронизанные одним или несколькими отверстиями для подвешивания (11) – некоторые из них должны быть весьма древними – могут соотноситься с изображением священного Ихтуса (Фигура II).

Маленькие рога коралла символизируют, как и все эмблематические рога, силу, сверхчеловеческую власть; в сложившихся обстоятельствах позволительно в них видеть вызывание могущества победоносного Христа

в отношении Духа Зла и прислуживающих ему проклятых духов (Фигура III). С формой рога соединяются здесь свойства, предоставленные кораллу против демонов, о которых говорят Марбод и Иоанн де Кюба. Отсюда получается, что в отдельных областях юга Европы носят коралловые рожки, которые иногда даже ритуально благословляются в качестве благотворных талисманов против колдунов, сглаза, демонов и против внутренних искушений любой природы.

Наконец, коралловая капля, носимая на кулоне или на шейной цепочке, как считалось раньше, обозначала иногда под именем *lacryma Christi* «слезу Христову», как вино, собирающееся у подножия Везувия. И эта эмблема, напоминающая о мучительных страданиях, перенесенных Иисусом под оливами Гефсимании: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Фигура IV) (12).

Предметы, подобные тем, которые мы только что вкратце перечислили, сделаны с таким же символическим намерением из сердолика, кровавой яшмы или даже из более или менее драгоценных металлов, оправляющими бусины из красной стекломассы или из настоящих рубинов. Ничего не казалось нашим отцам слишком редким или слишком дорогим для олицетворения крови закланного Божества, умершего за нас: "*Ipsa autem vulneratus est propter iniquitates nostras attritus est propter scelera nostra*" – «Он был изъязвлен за наши беззакония и растерзан за наши преступления» (13), – так гласит текст латинской литургии. И лишь она одна зачастую способна дать истинный смысл произведений религиозного искусства, созданных признательной рукой христиан прошлого.

(1) Cf. Emile MALE, *L'Art religieux de la fin du Moyen-age en France*, III, pp. 85-145.

(2) *Песнь Песней Соломона*, Глава 5, стих 10.

(3) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 19, стих 34, 35.

(4) *Bréviaire romain*. Office du premier dimanche de juillet. (Precieux Sang de Notre-Seigneur Jésus-Christ) – Служба первого воскресенья июля (Драгоценная кровь Господа Нашего Иисуса Христа).

(5) Смотреть L. CHARBONNEAU-LASSAY, in *Regnabit*, T. IV, № 8, janvier 1923, p. 114.

(6) *Vitis mystica*, XXXI. Traduction Apollinaire de Valence, p. 274.

(7) Cf. LANOE-VILLENE, *Le Livre des Symboles*, T. II, p. 95.

(8) MARBODE, *Poemes, Le Lapidaire*, XX, *De Corallo*.

(9) *Ibid.*, XXII, *De Corneolo*.

(10) Jehan DE CUBA, *Hortus sanitatis*. Traduction de Ph. Le Noir, 1539, IIe Part., Des Pierres, LVII.

(11) *La Société, L'Ecole et le Laboratoire d'Anthropologie de Paris*, 1889, p. 311, № 53.

(12) *От Луки Святое Благовествование*, Глава 22, стих 44.

(13) *Bréviaire romain*. Office des cinq Plaies du Seigneur. IIe Antienne des Vepres – Служба пяти Ран Господних. 2-й Антифон Вечерни.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

МОРСКОЙ ЕЖ И «МИРОВОЕ ЯЙЦО» ДРЕВНИХ

1. МИРОВОЕ ЯЙЦО В АНТИЧНОЙ АЗИИ

Представляется, что первая идея символического яйца возникла в странах, где первые точные сведения о великих астрономических законах стали известны людям, в Халдее, Сузиане, Бактрии... Задолго до нашей эры там достаточно точно знали распорядок многочисленных революций светил, и Зодиак уже был там создан.

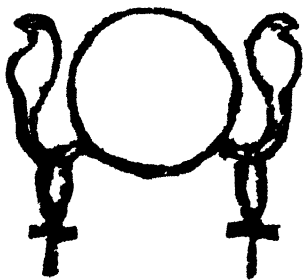
«Мировое Яйцо» не могло ли являться в своей отправной точке лишь пространством, заключаемым внутри линии, отграничивающей эллиптический маршрут земного обращения вокруг солнца (1) в рамках животворного воздействия этого светила на нашу планету.

Удаляясь от своей колыбели, первоначальная концепция мирового яйца была быстро покрыта завесой символических вымыслов и фантастических интерпретаций, зачастую становившихся неузнаваемыми. Несмотря на эти искажения, ее обнаруживают еще и в наши дни на другом конце старого мира. Прежде времени, как сообщают бонзы, мир заключался в таинственном яйце, плававшем на поверхности вод, и когда яйцо разбилось, мир вышел из ночи небытия. В древней японской космографии хаос изображался эмблемой лунного Тельца, разбившего ударом рога золотое яйцо, откуда проистек мир (2).

Это плавающее на водах яйцо во многом напоминает Мировое Яйцо Индусов, *Брахманду*, заключавшееся в примордиальных водах, откуда вылупился таинственный лебедь, проводник Брахмы, золотой Эмбрион (3). Ученый ориенталист Рене Генон говорит, что благодаря воздействию универсального Духа *Атма*, являющееся проекцией небесного луча, отразилось на зеркале вод и доставило им божественную искру от несотворенного зародыша, который будет действовать в потенциальном Мироздании, *Брахманде* или Яйце мира (4).

В Индии, по словам Клемансо, «присутствует космогония *Упанишад*. Солнце является Брахмой. В начале Все не существовало. Приняв существование, Оно изменилось и стало яйцом. В конце одного года яйцо раскололось надвое. Одна половина яйца была золотой; другая – серебряной. Серебро – это земля; золото – небо» (5).

Наконец, вот как Веды выражаются относительно Мирового Яйца: «Изначально все вещи были погружены в оплодотворенную тьму, являясь как

Фигура I. – «Мировой Яйцо» Египтян, поддерживаемое двумя священными Уреус, несущими «Ключ Жизни». Cf. Alex. GAYET, *L'Exploration des ruines d'Antinoé et la decouverte du temple de Ramses II*, in *Annales du Musée Guimet*, IIIe P., 1897, Pl. IV

ИЗ бы погребенными в глубоком сне. Тот, Кто сущий Сам по Себе, пожелал создать

все вещи из собственной субстанции, образовав сначала воды и поместив туда семя, и это семя стало золотым яйцом, сияющим наравне с солнцем, и Брахма принял оттуда рождение благодаря своей собственной энергии. Этот бог, остававшийся целый год внутри божественного яйца, плававшего в вечных волнах, разделил его одной своей энергией и из его фрагментов образовал небо и землю, оставив посередине эфир, вековечное средоточие вод» (6).

Персидские Маздеяне равно знали о божественном яйце, соотнося его лишь творческим действием Ормузда, бога Доброго начала, но никак не с сотворением мира (7).

Согласно некоторым ориенталистам, дальневосточный двухцветный символ Инь-Ян соответствовал мировому яйцу, вышедшему из примордиального хаоса, когда, по словам *Книги Бытия*, были отделены свет от тьмы (8).

Символ Инь-Ян являлся также образом мирового яйца, рассматриваемого несущим в себе зародыш смерти в жизни, зародыш жизни в смерти, оба зародыша, поочередно воздействующих в непрерывном возобновлении, в непрестанной и альтернативной последовательности.

В иконографии древних Ассирийцев мировое яйцо появляется чаще как шарообразное тело, нежели яйцевидное, но связанное с ним интерпретация удержала идею распространения жизни в рамках солнечной активности. Сиро-Финикийцы расценивали подобным же образом Мировое Яйцо и, располагая его на водах, иногда помещали его в лапы Эа, морского бога-козе-рога (9).

(1) Cf. G. BOUCHET, *Cosmogonie humaine*, p. 29.

(2) G. BOUCHET, *Op. cit.*, p. 78.

(3) Смотреть René GUENON, *L'Homme et son devenir selon Vedanta*, pp. 71, 143.

(4) Cf. René GUENON, *Le Symbolisme de la Croix*, p. 176.

(5) G. CLEMENCEAU, *Au soir de la Pensée*, T. I, p. 364.

(6) D'après Paul LE COUR, *A la recherche d'un Monde perdu*, p. 105.

(7) Cf. Jivanji J. MADI, *L'Antiquité de l'Avesta*, in *Revue historique des Religions*, 1897, p. 28.

(8) *Книга Бытия*, Глава 1, стих 4-6.

(9) Cf. L. CHARBONNEAU-LASSAY, in *Regnabit*, T. XII, 1926, № 7, p. 27.

II. МИРОВОЕ ЯЙЦО У ЕГИПТЯН

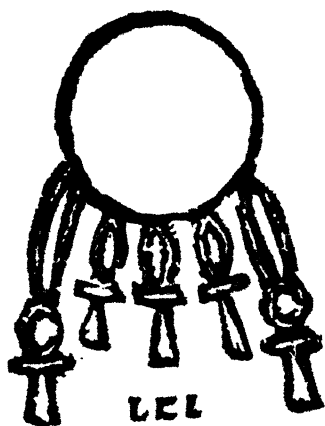
Ученики Халдеев, возможно, превзошедшие их в изучении астрономических законов (1), обладатель удивительного сокровища знаний, бывших еще неизвестными в Европе два или три столетия назад, Египтяне приняли символическую концепцию Мирового Яйца, чтобы заставить отразить свою мысль о вхождении жизни в область сотворенного. Они придали яйцу в своей иконографии шарообразную форму.

Этому символизму служили несколько аллегорических теорий, связанные, как оказалось, с различными сущностями египетского пантеона. Одна из этих тем излагает, по словам Гомперса, что первоначальный божественный Дух, неотделимый от воды, почувствовал себя несомым к творческой активности, и его слово, его глагол вызвали мир к жизни. Первым осуществленным актом данного творения стало спонтанное образование яйца, вышедшего из примордиальной воды, и от которого истек свет дня (Ра), непосредственная причина жизни в земной области (Фигура II) (2).

Другая версия приписывает сотворение Мирового Яйца богу Пхтаху, отцу жизни, заставившему родиться богов и вылепившему человеческую расу. Предварительно Пхтах повернул Мировой Яйцо, как гончар вращает глиняный сосуд (3).

Кнум или Кнеф, который, кажется, предстает самым древним наименованием Амона, появился одинаково, чтобы породить Мировое Яйцо своим ртом, и это, как говорит Генон, связывает его с символизмом Слова (4).

Ауригер после Дома Пернети (5) сообщает о египетском вымысле, заставляющем выйти Мировое Яйцо изо рта божественной змеи, метаморфозы Кнума (6).

Фигура II. – Мировое Яйцо, зародыш жизни, на памятниках Египта

Впрочем, Мировое Яйцо символизировалось во все эпохи в иератизме Египта каловым шаром, которое божественный скарабей, толкая перед собой солнечный диск, увлекает своими задними лапами, и которое заключает в себе его потомство. Итак, скарабей Кепра это Бытие (7), само Существование, находящееся в непрерывном становлении (8).

На тех же самых памятниках Египта скарабей иногда толкает перед собой эмблематический диск Мирового Яйца, характеризуемого исходящими из него «ключами жизни» (Фигура II). Тогда священное насекомое уже не тянет за собой свой шар: мы его видим таким на колеснице Тут-Анк-Амона.

Хекет или Хикит, богиня с головой лягушки, символ эмбрионального состояния (9), держащая в своей руке ключ жизни, Анх, «обладала функ-

цией непрерывно порождать Мировое Яйцо, которое мужской бог Кнум не-престанно вылепливает и моделирует. Он – богиня рождения и возрождения» (10). Хекет, по словам Шеремона, была богиней воскресения (11).

Уяснив во всей этой египтологии, что Мировое Яйцо являлось в стране Фараонов символом как начала жизни в своих различных манифестациях, так воскресения и загробной жизни; и с другой стороны, что это яйцо произошло либо от Слова божественного Духа, либо из рта Кнума, бога-творца или от его змеи, особенности, касающиеся великой египетской догмы «Творящего Слова» (12), мы переходим к вечному Христу.

-
- (1) Cf. Abbé MOREUX, *La Science mystérieuse des Pharaons*, IX et passim.
 - (2) Cf. GOMPERS, *Les Penseurs de la Grece*, II; traduction Reymond, p. 126.
 - (3) Cf. GOMPERS, *Op. et loc. cit.*
 - (4) Cf. R. GUENON, *Sheth*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXII, № 142, p. 589.
 - (5) Dom PERNETY, *Fables égyptiennes et grecques*, T. I, p. 249.
 - (6) AURIGER, *Le Culte d'Isis en Gaule*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXVII, № 147, p. 176.
 - (7) Cf. STEINILBER-OBERLIN, *Les Hieroglyphes*, p. 23.
 - (8) Cf. AMELINEAU, *La Cosmogonie de Thales*, in *Revue historique des Religions*, année 1910, p. 32.
 - (9) Cf. Ph. VIREY, *Religions de l'ancienne Egypte*, p. 291.
 - (10) Dom H. LECLERCQ, *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne*, Fasc. LXII, col. 1810.
 - (11) Cf. G. MASPERO, *Note sur le passage de Cheremon relatif a la Grenouille*, in *Revue critique*, 1879, T. I, p. 199.
 - (12) Смотреть Alex. MORET, *Mysteres égyptiens*, II, *Le Mystere du Verbe Createur*, pp. 105-135.

III. МИРОВОЕ ЯЙЦО В АНТИЧНОЙ ЕВРОПЕ

Концепция Мирового яйца, кажется, позаимствована Греками у Фракийцев вместе с орфизмом и его мистериями. В самом начале вещей, как считали наставники Орфизма, хаотическая ночь породила яйцо, высшая половина коего это Небо, Уранос, и низшая – Земля, Гайя, «яйцо без зародыша, – по мнению Аристофана, – от которого после долгих обращений родилась Любовь» (1), Эрос с золотыми крыльями, обожествленная абстракция, символизировавшая порождающий инстинкт, благодаря которому распространяется жизнь. Один вариант этой системы приписывает космическое Яйцо союзу Хаоса и Эфира, причем первый и второй – эманации Хроноса, называемого Орфиками, по словам Прокла, «невыразимым Началом всех вещей» (2): из яйца вышло удивительное существо, олицетворение Света, Жизни и Разумения (3).

Объясняя космогонию Ферекида из Сироа, Гомперс смог изложить согласно ей происхождение мифа о Мировом Яйце: «Мир оживился и был рожден. Его рождение стало аналогичным появлению на свет живого существа. Итак, выпуклость неба напоминает форму Яйца; некогда, как считалось прежде, существовало яйцо, которое разбилось; верхняя половина,

будучи сохраненной, образовала небесный свод; из нижней половины получилась земля и существа, ее населяющие» (4).

Вот почему Плутарх определяет Мировое Яйцо следующим образом: «Орфическое яйцо мистерий Диониса было таинственным символом мироздания» (5).

Несомненно, поскольку орфическая тема Мирового Яйца пришла к Грекам из Фракии, располагавшейся по отношению к ним с севера, и они иногда приписывали этому яйцу гиперборейское происхождение, символизируя его яйцом лебедя, не отождествляя его, тем не менее, с яйцом Леды, обязанному вмешательством мужской особи божественного лебедя.

Другая греческая концепция связывает космическое яйцо с Загреем, рогатым Змеем, произведенным от символического союза Зевса и Персефоны, обеих богов, превратившихся, кажется, в змей. Этот миф, искусно изученный Соломоном Рейнахом, делает Загрея образом жизни и возрождения; в действительности, разорванный на куски Титанами, он был съеден ими, за исключением его сердца, которое Афина передала Зевсу, и с позволения последнего из этого безжизненного сердца возродился Загрей (6).

С другой стороны, Евсевий, объясняя в начале IV-го столетия космогонию Санхониатона, выявляет, что она ставит в качестве начала всех вещей смешанную водную массу, именуемую *мот*, имевшую форму яйца. Мот стала светящейся и произвела землю, луну и созвездия (7).

(1) ARISTOPHANE, *Les Oiseaux*, VII; édition Nilsson, p.32.

(2) PROCLUS, *In Cratyl*, XIII.

(3) Cf. GOBLET D'ALVIELLA, *De quelques problemes relatifs aux Mysteres d'Eleusis*, III, part. 3.

(4) Th. GOMPERS, *Les Penseurs de la Grece*, II; traduction Reymond, p. 125.

(5) PLUTARQUE, *Sympos.*, II, 3.

(6) Cf. Salomon REINACH, *Zagreus, le serpent cornu*, in *Revue archéologique*, année 1899, pp. 210-217. Смотреть также LOBEK, *Aglaophamus*, p. 547.

(7) Cf. EUSEBE, *Préparation et démonstration évangélique*. Ap. Ch. VELAY, *Du Culte et des fetes d'Adonis Thamouz*. Appendice, p. 237.

IV. МИРОВОЕ ЯЙЦО В ГАЛЛИИ В ДОХРИСТИАНСКИЕ ВРЕМЕНА

Очень отчетливая идея Мирового Яйца у Друидов Галлии может объясняться тем, что Древние нам сообщали об отношениях, связывавших друидические коллегии с Греками, Иллирийцами и Фракийцами. Разве не говорили некоторые из них, что Друиды являлись лучшими учителями Пифагора? (1) По крайней мере, отношениями, имевшими место между ними и им, по мнению некоторых, объяснялась бесспорная близость, существовавшая между друидическим учением и доктриной Пифагора (2).

Общеизвестен фрагмент из Плиния, относящийся к «змеиному Яйцу», *Ovum Anguinum* Друидов: «Образовывалось оно, по его словам, летом, когда многочисленные змеи собирались в одном месте и, спутываясь, выделяли слизь, пену и прочие выделения свойственные этим тварям, из которых, собственно, и возникало «яйцо». Друиды говорят, что своим шипением они подбрасывали его в воздух, и желающий заполучить его должен был поймать это «яйцо» своим белым плащом, прежде чем оно упадет на землю. После этого змеи начинают преследовать добытчика, и спастись от них можно было только, скрывшись на коне, за бурлящим потоком, за который змеи не могли перебраться...» (3)

Фигура III. – Крышка лампы из зеленого стеатита из раскопок Телло, 3000 лет до Рождества Христова, в правление Гаудеи. Переплетение змей являлось в Шумере атрибутом бога Нингиджы

Это правда, что к исходу лета змеи собираются подобным образом иногда в большом количестве. В 1933 году господин Нуриссон из Кулонжа (До-Севр) обнаружил спутанными в навозной куче семьдесят шесть ужей (4). Я видел штук сорок откопанных таких беженцев во влажной почве в Малльевре (Вандея).

Античные друидические верования существуют повсюду. В Солоне (Sologne), например, еще в конце XIX-го столетия говорили, что змеи со всех стран собирались в водоем между Ардоном (Ardon) и Жуи (Jouy) и, образовав клубок, выпускали блестящую жидкость, которую каждая носила под своим языком, смешивая ее между собой, пока не получался крупный алмаз, полируемый затем рептилиями трением своих шкур. То же самое поверье бытует в Форэ (Forez) и Берри (Berry), где считалось, что сказочная удача Жака Кёра произошла от того, что он вступил в обладание нескольких этих замечательных алмазов (5).

Фигура IV. – Переплетение змей на одной из ступеней Подземелья Меллебода в Пуатье, VII-е столетие

Определенные течения, приносившие в бесконечных вариантах концепции космического яйца из Халдеи в Галлию, проходя через Египет, Малую Азию и Фракию, разве не были родственны друидическим легендам *Ovum anguinum* и таинственным изобра-

жениям двух или более чем двух змей, переплетаемых различными способами в камне, металле, слоновой кости и принадлежавших древнему миру (Фигура III), которых Гюстав Шове сближал с отдельными скульптурами наших романских церквей? (Фигура IV) (6) Внешние стороны, способные показаться противоположными, прежде всего, требуют очень углубленного исследования, дабы не выглядеть как навязанное убеждение.

И разве не в Галлии, по крайней мере, западной, родилась идея видеть эмблему Мирового Яйца Древних, *Ovum anguinum* Друидов, в ставшем ископаемым морском еже? «Я имел возможность наблюдать, – говорит Плиний, – одно из этих (змеиных) яиц; оно имело форму и величину яблока среднего размера, ее хрящевая поверхность была изрешечена отверстиями как бы от колонии полипов» (7). Это мог быть только морской еж (8).

Как считается, носимое великими Друидами на груди кристаллическое яйцо, могло ли быть из кристаллизованных ископаемых морских ежей, каковыми иногда они встречаются? Интерпретация, связывающая эти светопроницаемые яйца с утверждением, будто по ним Друиды могли читать в будущем, не что иное, как чисто экзотерическое объяснение.

Археология XIX-го столетия пренебрегает фактом, что ископаемый еж, обнаруженный в нескольких дохристианских погребениях Галлии, является тем же *Ovum anguinum* Друидов, эмблемой Мирового Яйца и, значит, жизни в мире и обновлений этой жизни: ископаемый еж в действительности представлен в некоторых доримских захоронениях в особых условиях.

В 1899 году я с сотрудниками занимался раскопками кургана Пуарона в Сент-Аман-сюр-Севр (До Севр), который окружен еще частично круговым земляным валом. Этот холм, двадцати метров в диаметре, был прорыт до своей центральной точки траншеей шириной в два метра и три метра пятьдесят сантиметров в глубину. Он заключал в себе лишь маленькую капсулу, составленную из шести камней сланца приблизительно двадцать и еще несколько сантиметров в длину, посередине которой находился содержащийся в ней ископаемый еж. Покойный ученый Гюстав Шове сделал отчет об этом открытии в Археологическом обозрении (Фигуры XIII и XIV) (9).

Оно не представляется изолированным фактом.

Бретонский курган, полностью раскопанный господином Шаттелье, не содержал ничего, кроме ископаемого морского ежа в *kest-vaen* (10). Неолитический курган в Фуршери-де-Жюиш (Нижний Шарант) также располагал морским ежом (11). В общем, эти курганы рассматривают наделенными действительными захоронениями как кенотафы, возведенными в память усопших, тела которых не должны быть найденными. Равно морской еж фигурировал в чисто неолитическом погребении Деннемона (Сен-э-Уаз) (12). До 1883 года в Рефранше у Алэза господин Констан (Constan) обнаружил морского ежа в большой груде камней с двумя прекрасными бронзовыми браслетами (13). В том же Алэзе господин Моннен видел двух ископаемых морских ежей, происходящих из галльских могил данной местности (14).

К значениям, свойственным погребальным морским ежам, добавляются поверья, еще живые во времена Плиния у романизованных Галлов, сделавших из морского ежа востребованный талисман: между разными удачами, которыми он благоприятствовал владельцу, считалось, что оный позволял выиграть судебный процесс, уловив симпатию и милость судей; сами Римляне разделяли это верование, и Плиний сообщает, что один всадник из страны Воконсов, носивший морского ежа под своей туникой, был без всякого иного мотива осужден к смерти императором Клавдием (15). С той же самой поры должны происходить суеверия, связывавшие с морским ежом предохранительную силу от молний и града.

Некоторые ученые утверждают даже, что задолго до Друзидов люди эпохи Неолита и их непосредственные потомки на европейской земле эмблематически изображали змею и яйцо в выровненных очертаниях менгиров: таковы менгиры Авбюри (Avebury) в Англии и Карнак во французской Бретани. Эти последние с их кромлехами или священным кругом из камней, эмблемой Мирового Яйца, обозначали «созвездие Дракона, представляя курган Святого Михаила полюсом небесного экватора» (16). Впрочем, эта теория позволяла увидеть другие доисторические символы Мирового Яйца в отдельных местах Франции, Шотландии и Северной Африки.

Морские ежи антропоцефалы

Любопытная проблема остается поставленной морскими ежами, на которых в очень отдаленные времена, человеческая рука набросала черты человеческого лица.

Веркутр сообщил об одном из них, происходящем из района Аббевиля (Фигура V) (17).

Другой ископаемый еж вида *Micraster Brevipariis*, сохранившийся у одного старика из Грозилля (Grozilles) у Appаса, был отдан им во время войны 1814-1918 гг. одному французскому солдату для того, чтобы артефакт не стал добычей Немцев. Старик получил ископаемого ежа от своих родите-

Фигура V. – Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом, окрестности Аббевиля. Доримская эпоха. Смотреть Dr VERCOUTRE, in *Revue archéologique*, 11e série, T. I (1883), p. 10

Фигура VI. – Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом. Опубликовано SAINTYVES, *Op. cit.* – Region Arras

лей, которые унаследовали его от своих предков в качестве «головы Ребенка Иисуса». На ископаемом артефакте глаза, рот и уши грубо обозначались глубокими чертами (Фигура VI) (18).

Один и тот же прием общей гравировки напоминает о третьем еже, по моему сведению, с глазами, но-

сом и ртом человеческого образа. Этот артефакт был обнаружен в районе Шоле (Cholet) (Мэн-э-Луар) господином Адольфом Дольбо из Буа-де-Сене (Bois-de-Céné) в Вандеи (Фигура VII).

Каким намерением обладала мысль древних, связывая это изображение человеческого лица с ископаемым ежом? Был ли это символизм, стремящийся усилить идею жизни, начала жизни, у которой образ Мирового Яйца являлся предназначенной идеограммой? Остается лишь констатировать, что в различных регионах не могло быть простого изображения индивидуальных фантазий.

Фигура VII. – Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом; найден у Шоле (Мэн-э-Луар). Согласно рисунку господина А. Дольбо (M. Ad. DOLBEAU), около 1912 года

(1) Смотреть Saint CLEMENT D'ALEXANDRIE, *Stromates*, I, 15; JAMBLIQUE, *Vie de Pythagore*, XXVIII, 151.

(2) Смотреть VALERE-MAXIME, *Faits et dits mémorables*, II, 6, 11.

(3) PLINE, *Histoire naturelle*, XXIX, 52.

(4) Cf. *Le Journal*, 21 septembre 1933.

(5) Cf. Paul SEBILLOT, *Le Folklore de France*, T. II, pp. 443 et suivantes.

(6) Gustave CHAUVET, *Ovum anguinum*, in *Revue archéologique*, 1900, I, p. 281.

(7) PLINE, *Histoire naturelle*, XXIX, 12.

(8) Cf. S. AURIGER, *Op. cit.*, p. 174.

(9) Gust. CHAUVET, *Ovum anguinum*, in *Revue archéologique*, 1900, I, pp. 281-285.

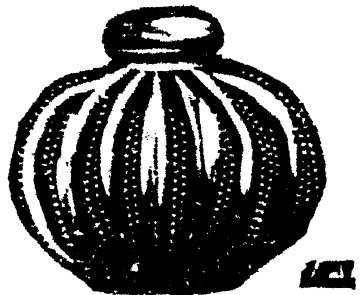
- (10) DU CHATELLIER, *Epoque préhistorique et gauloise dans le Finistere*, pp. 234-235.
 (11) CLOUET, *Recueil de la Commission des Arts et Monuments historiques de la Charente-Inférieure*, année 1897, p. 95.
 (12) L. DE MAULE-PL., *Nouveaux Documents archéologique*, p. 12.
 (13) Dr VERCOUTRE, in *Revue archéologique*, 1883, p. 13.
 (14) JAHAN, *La Bretagne*, p. 332.
 (15) PLINE, *Histoire naturelle*, XIX, 52.
 (16) Th. BASILIDE, *La Pierre*, in *Le Voile d'Isis*, T. XXXIX, 1934, № 171, p. 99.
 (17) Dr VERCOUTRE, *Op. cit.*, p. 10.
 (18) Cf. Fr. PEROT, *La survivance de l'Oursin*, in B. S. P. F., 1917, p. 101. – P. SAINTYVES, *Pierres magiques* 1936, p. 110.

V. ИСКОПАЕМЫЙ МОРСКОЙ ЕЖ, НАЧИНАЯ С ВВЕДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

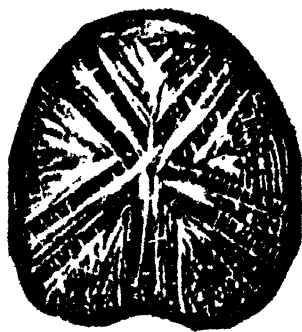
Время от времени встречаются еще ископаемые морские ежи, эмблемы начала жизни в галло-римских погребениях. В эту эпоху изготавливались даже терракотовые или стеклянные вазы, носившие латинское имя морского ежа – *echinus*; их внешняя поверхность украшена рельефными полосами из крапинок, имитирующих убранство панциря морского ежа. Три вазы этого рода были найдены в галло-римском захоронении Сэнта в 1871 году (1); и одна обнаружена разбитой в Сен-Мишель-Мон-Меркюр в Вандеи господином Альф. Лестаном (Lestang) в 1890 году (Фигура VIII). Гораций, который говорит об этих вазах, сообщает только, что они являлись наиболее изысканными, нежели другие, для особых применений (2).

В некоторые погребения того же самого периода и в правление меровингских королей иногда клался, например, на Старом Кладбище Лудюна IV-V столетий, маленький овальный венчик, не являющийся обыкновенным морским ежом (Фигура IX), а также маленькое шарообразное ископаемое рода *madrepora neptuna*, характерное для середины нижнего слоя земли Юрского периода (Фигура X). Не представляется сомнительным, что эти ископаемые заменяли в могиле обычного морского ежа.

Этот обычай дожил в Пуату вплоть до организации сельских приходов. Археолог Габриэль де Фонтэн повстречал ископаемого морского ежа в правой руке одного галло-франкского скелета вблизи Люк-де-Сен-Марсо (Luc-de-Saint-Marsault) (До-Севр) в 1895 году. Содержащий их гроб из камня имел в изголовье крест. Другой ископаемый морской еж был найден к концу минувшего столетия в другом гробу из ракушечного известняка Дуэ-ла-Фонтэна

Фигура VIII. – Восстановленная ваза-эхинус из Сен-Мишель-Мон-Меркюр (Вандея) (приблизительно 12 сантиметров в высоту)

LEL

Фигура IX. – Венчик-эхинит из христианского захоронения Лудюна (Вьенн). Из кабинета автора (реальная величина)

(Doué-la-Fontaines) в Сен-Жюст-сюр-Див (Saint-Just-sur-Dive) (Мэн-э-Луар) с серым терракотовым блюдом VI-го или VII-го столетий, украшенным посередине мистическим преследованием Олена.

Итак, благодаря продолжению эмблематического и многовекового обычая морской еж оказался в последнем жилище Франков-христиан Запада носителем прародительского символизма *Ovum anguinum* Друидов в качестве таинственного образа начала жизни, божественного зародыша выживания на пути воскресения, которое для христианина может быть только Христом, «первым рожденным среди смертных», по словам Святого Апостола Павла, самой жизнью и воскресением, как сказал Он о Себе Самом: “*Ego sum resurectio et vita: qui credit in me, etiam si mortuus fuerit, vivet*” – «... Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (3).

И это согласуется с утверждением ее основателя, что во все времена Церковь применяла, как и пророчества, касающиеся одного, фрагменты боговдохновенных книг Исаии (4), Иеремии (5), Захарии (6) и других, говорящих о «ростке Яхве», «семени Израиля», «отрасли Давида», которая должна расцвести на земле правосудием и миром.

Подытоживая всех пророков Израиля, Святой Иоанн на пороге своего Евангелия говорит так о Христе, ставшем человеком: «В начале было Слово... Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (7).

Значит, божественное Слово является началом всех вещей, всех жизней для людей, для земли и для мира. Не это ли символизировало Мировое Яйцо от одного конца мира в другой за двадцать столетий до Вифлеемской ночи, и равно олицетворял ископаемый морской еж своей собственной эмблемой за мгновение до, как и долгое время спустя пришествия Слова, ставшего человеком!

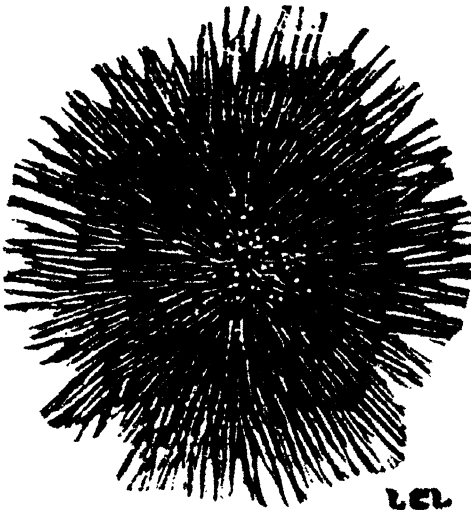
Ежа, которого держало высохшее тело христианина из Сен-Марсо как залог посреди смерти, ежи, положенные в гроб верным Христу в Лудюне и Сен-Жюст-сюр-Диве, – все это, разве не являлось только выражением их верования в росток воскресения, что сильнее смерти, которое их восставило бы однажды для вечности в несокрушимой жизни?

Во всем провозглашаемом литургическими текстами, писаниями наставников Церкви, Христос предстает ростком физической жизни во всех существах, подверженных рождению, возрастанию и смерти, и завязью будущей жизни, доступной лишь на пути воскресения: Он же является единственным зародышем интеллектуальной жизни в духах, духовной жизни в душах, хотя Церковь и не донесла нам морского ежа в своей официальной эмблематике; это оставление не помешало тому, что в ней и рядом с ней определенные сообщества сохраняли морского ежа как один из символов идеи воскресения и божественного Слова, творца, животворящего всякую живую вещь и всякий универсальный закон.

Начатые в 1926 году вместе с господином Ж. Паллю дю Беллэ исследования об одном из тайных сообществ Средневековья религиозного характера нам показали, что средиземноморские Альбигойцы XII-го столетия манихейской преемственности, сохраняя христологические символы рыбы, чаши и голубя, видели в живом морском еже эмблему Слова, ставшего плотью: тело, спрятанное раковиной, выражало сокровенное божество Христа, тогда как панцирь раковины – Его человеческую оболочку (8); и длинные иглы, его покрывавшие наподобие стрел в положении излучения, символизировали распространение этого слова в мир (Фигура XI). В целом это означало перенести на Христа платонический и неоплатонический симво-

Фигура X. –
Madrepora
Neptuna, немного
уменьшенная

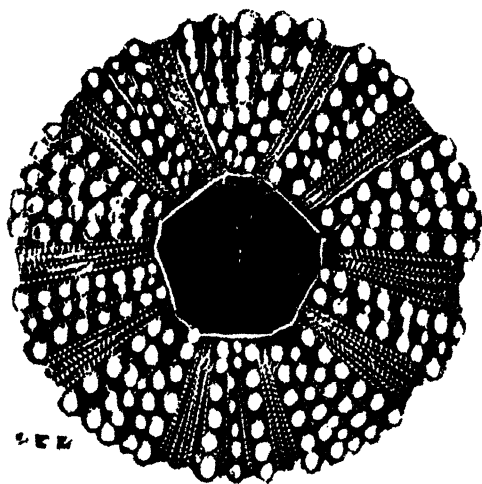

Фигура XI. – Расположение игл,
излучаемых морским ежом.
Согласно клише L. KUENTZ, *L'Oursin*
ou hérissin de mer

лизм «устричной туники», плотскую часть раковин, символизирующую душу человека, и их створки, изображающие его тело. В IV-м столетии нашей эры Ямвлих в совершенстве изложил этот символизм (9).

Более того, альбигойская интерпретация морского ежа усилилась другим толкованием чисто аскетического порядка, основанном на физической особенности, известной во все времена, что у живого морского ежа широкое нижнее пятиугольное отверстие соответствует рту, помещенному в середину животного. Снабженный пятью режущими на своих окончаниях зубами, рот ежа пропорционально больше, чем у других существ (Фигура XII).

Эта важность рта у морского ежа символически соответствовало пер-

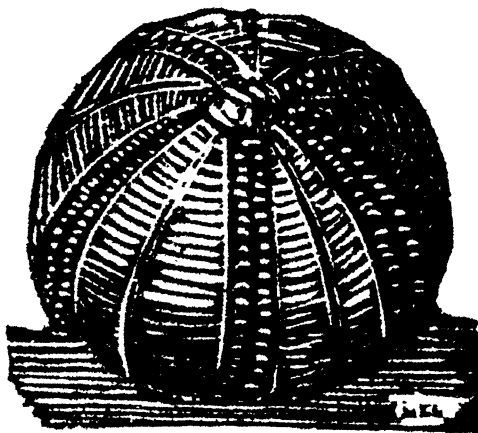

Фигура XII. – Расположение пятиугольного рта и выпуклых крапинок на нижней поверхности морского ежа. Согласно естеству

зубах – пять видов жертвоприношений, которые им полагались, чтобы стать совершенными: отказ от удовольствий зрения, слуха, обоняния, вкуса и прикосновения. Тем не менее, мы не знаем, до какой степени альбигойские Катары воспринимали этот жестокий манихейский аскетизм: нам известно только, что их дисциплина была крайне суровой.

Большое внимание, оказанное катарским символизмом пятиугольной форме, проявляющейся в расположении линий на поверхности и в виде нижнего отверстия морского ежа, – *Ovum anguinum* Друидов, – разве не являлось дальним отражением, смутным пережитком кельтских идей, взятых на службу аскетизмом, пришедшим из другого места? Во всяком случае, это по-особенному вызывает в памяти звездный пятиугольник Пифагора, самый таинственный из символов Пифагорейства, «Пентаграмму», которую ученики Наставника с Самоса исполняли одним начертанием: разве не осмелимся спросить о том, могли Пифагор позаимствовать Пента-

вой степени древнего манихейского аскетизма, касающегося управлением устами, *Signaculum oris*; в ней налагался абсолютный запрет на всякое нечестивое или, по-другому, предосудительное слово (10), на употребление мяса и различной пищи. Вторая степень, *Signaculum manuum*, осуждала всякий труд, предназначенный сделать из этого мира приятное пребывание. Третья степень, *Signaculum sinus*, относилась к «Чистым», *catharos*, воспрещающая им всякое чувственное удовольствие, всякое наслаждение и всякий репродуктивный акт. Взяв символ морского ежа, Катары приняли пятиугольную форму ротового отверстия этой раковины как образ пяти человеческих чувств, и в пяти

Фигура XIII. – Символический морской еж из кургана Пуарона в Сент-Аман-сюр-Севр (До Севр). Реальная величина

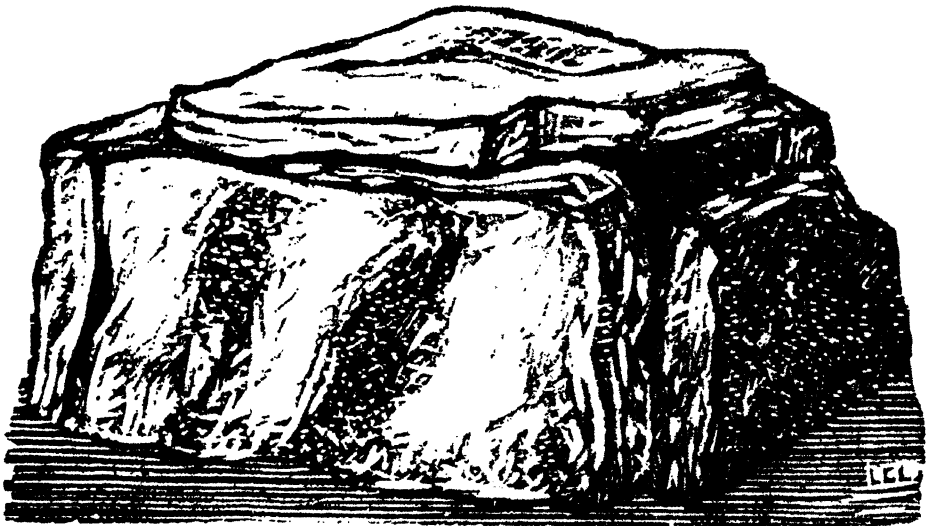
грамму в друидической интерпретации священного *Ovum anguinum* Галлов, о чем он, конечно, должен был знать?

В тот же период Альбигойцев в замках Франции благочестиво собирались ископаемые морские ежи, приносимые Крестоносцами из Палестины, и которым приписывались особые добродетели. Им дали имя: «Камней Иудей» (11).

В более осведомленном герметизме в морском еже видели эмблематический образ северного полушария земли, одного известного Древним: линии из крапинок, распространявшиеся от вершины на всю поверхность панциря раковины, рассматривались как меридианы, нисходящие от полюса, а основание обозначала экваториальная линия; два морских ежа, совмещенные друг с другом в своем основании, образовывали земной шар. И все же обыкновенно морской еж, живой или ископаемый, расценивался как символ загробного воскресения. Вероятно, из этой среды пришла в древнее Масонство тема морского ежа как «символа смерти и воскресения», выделенная Рене Геноном в одной из самых старых масонских книг (12).

Во Франции, наряду с другими западными странами, ископаемый морской еж еще является предметом весьма разнообразных суеверий. Им овладело низшее южное колдовство, и в Англии он остается в качестве змеиного яйца «одним из фетишей белой магии» (13).

В Шамальере (Chamalieres) в Оверни, например, ископаемые морские ежи, в особенности *Sideris coronata*, еще рассматриваются и почитаются как носители семейного счастья.

Фигура XIV. – Каменный футляр из известнякового камня, содержащий морского ежа в центре кургана Пуарон. Третья часть от реальной величины. (Раскопки автора, 1899 год)

Я останавливаю здесь обозрение преданий о морском еже на старинной легенде из провинций севера Франции, рассказывающей, что когда Приснодева Мария выпекала хлеба в Назарете, божественное Дитя забавлялось замешиванием маленьких хлебов, которые украшало крапинками и раздавало своим товарищам по игре. Оно размножило затем до бесконечности все остававшееся, и ангелы пришли посеять это в странах, где позднее Его священники должны были изменить в хлеб Его собственное тело. И Бог позволил, чтобы засеянное обратилось в камень, чтобы сохраниться навсегда; вот почему эти «Хлеба Ребенка Иисуса» приносят счастье очагам, которые их сохраняют с почтением и доверием (14).

Можно ли думать, что столь облеченная религиозным смыслом эмблема, являвшаяся морским ежом, вкладывавшимся в могилы и даже в правую руку умерших христиан, могла выражать среди прочих мыслей совсем иное, нежели античное непреходящее верование в воскресение, «ибо, как смерть через человека, так через человека (Христа) и воскресение мертвых» (15), Христа, начала всякой жизни, осуществляющего победоносно вдохновенное слово: «Последний же враг истребится – смерть»? (16)

-
- (1) Cf. Th. GRASILIER, *Revue archéologique*, 1873, p. 224, pl. VII, № 19, 20, 21.
 - (2) Cf. HORACE, *Satires*, I, 6.
 - (3) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 11, стих 25.
 - (4) *Книга Пророка Исайи*, Глава 4, стих 1, 2; Глава 27, стих 6.
 - (5) *Книга Пророка Иеремии*, Глава 23, стих 5.
 - (6) *Книга Пророка Захарии*, Глава 6, стих 12-14.
 - (7) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 1, 3, 4, 9, 10.
 - (8) В манихейском смысле.
 - (9) Смотреть JAMBLIQUE, *Des Mysteres*, IV, 3.
 - (10) Эта дисциплина уст находится в полном согласии с духом Соборного Послания Святого Апостола Иакова, который, в частности, говорит: «ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело»; Глава 3, стих 2.
 - (11) Cf. LANDIN, *Dictionnaire de Minéralogie*, p. 334.
 - (12) Cf. R. GUENON, *Lettres a l'auteur*, 12 juillet 1925 (Рене Генон, Письмо автору от 12 июля 1925 года).
 - (13) Cf. J. GREGORSON, Campbell, *Witchcraft and second sight in the Highlands and Islands of Scotland*, Glasgow, 1902, pp. 84-88.
 - (14) Cf. SAINTYVES, *Les Pierres magiques* (1936), p. 160.
 - (15) Сведение брата Вениамина из Конгрегации Святого Гавриила, происходящего из диоцеза Лилля.
 - (16) и (17) *Первое Послание к Коринфянам Святого Апостола*, Глава 15, стих 21, 26.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

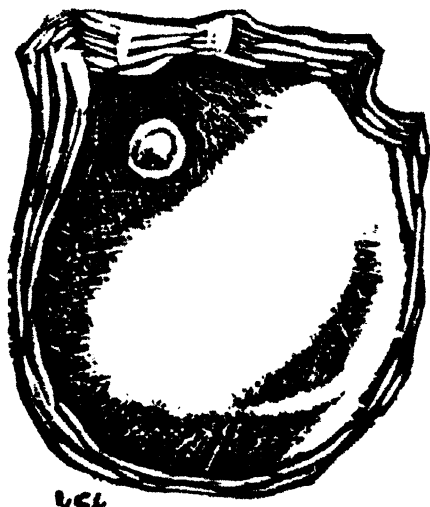
МОРСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

I. ЖЕМЧУЖИНА В ПРИРОДЕ И У ДРЕВНИХ

Одно ее имя предстает поэмой прекрасного и чистого света; это феерический мираж Востока, чарующая греза, где проходят и вновь появляются обожествленные принцессы сказочных времен, покрытые жемчугом, и грозные монархи Ниневии, Суз и Экбатаны, Вавилона и Персеполиса, державные тиары которых пылали ослепительными геммами и чудесными жемчужинами; это и Возлюбленная библейской Песни Песней, шея которой сияла красотой под сверкающими ожерельями из жемчуга, *collum tuum sicut moniliae* (1); это еще Клеопатра, носившая в своих ушах, чтобы завоевать Антония, настолько великолепные жемчужины, стоявшие, как считалось, фортуны двух князей; это неслыханные и настоящие сокровища Гольконда, Мадраса и Сурата, о которых мечтали наши отцы во времена господ Дюпле (Dupleix), Лалли де Толлендаля (Lally de Tollendal) и Бурдоннэ (Bourdonnais); это несравненные ларцы самодержавных властителей, с которыми слоны, покрытые шелковой, кашемировой или золотой попоней, прогуливаются по светящимся долинам Ганга, Брахмапутры и Годавери... Жемчужина это благо на нашей земле, одно из самых изящных и тонких проявлений и один из самых светлых триумфов Красоты.

Жемчужины нарождаются в таинстве морских вод под створками больших плоских устриц, *Meleagrinae margaritiferae* и *Martini*, перламутровая внутренняя сторона которых обладает муаровыми и переливающимися отражениями селенита и берилла. Самые прекрасные жемчужины ловятся на побережье Цейлона, Малабара, Карнатики и Короманделя. Франция собирает также великолепный жемчуг на своих островах Туамоту в Океании. Но жемчужины, составлявшие гордость аристократии Греции и Рима, поставлялись, по словам Плиния, с берегов Персидского залива и Аравии, являющиеся, как считает историк, самыми красивыми, а с Красного моря – самыми прозрачными. Тацит нам рассказывает о жемчуге, собиравшемся в Великобритании, и ищет причину, почему последний менее прозрачен, чем жемчужины Красного моря (2). Во Франции иногда находят жемчуг в больших водоемах пресной воды; хотя он и не может выгодно сравниться со своим морским собратом, тем не менее, вовсе не лишен красоты.

Жемчужина не что иное, как шарообразный нарост, появляющийся на поверхности створки раковины, когда последняя поражена мелкой галькой или другим бугорчатым телом; ее естество тождественно природе перламу-

Фигура I. – Раковина
Мелеагрины со своей
жемчужиной (0, 17 x 0, 15)

тра, но с более совершенной светопрозрачностью: на востоке ее расцветка более однообразна и отражение более напряженно (Фигура I).

Уже с истока отдаленных цивилизаций удивление людей заставило ввести жемчужину в свои легенды и в свою символику. Она наделялась настолько поразительными, насколько и чудесными свойствами. Увидеть жемчуг во сне, по мнению халдейских магов, означало надежду на обогащение и блаженство; и если Федр задолго до Жана де Лафонтена сделал из него эмблему бесполезных славы и богатства (3), другие Древние, наоборот, разглядели в жемчуге покровительствующий талисман, наподобие жаб (4), выявляющий для людей смертельные яды, скрытые в убивающих напитках; и если Клеопатра в нервном

бахвальстве растворяла жемчужины в своем виноградном уксусе, фармакопее Древних, как и нашего Средневековья, считала порошок из измельченного жемчуга действенным лекарственным средством; с другой стороны, древний герметизм создал из жемчужины одну из идеограмм совершенной женщины, ведь, по словам христианского греческого алхимика Зосимы, «жемчужина, выполняющая свою работу, подразумевающую отваривание в масле, выражает женскую власть» (5), которая должна состоять по отношению к другим сотворенной из доброты, кротости и очарования, но которая может рассматриваться и в иных аспектах.

Согласно первым мусульманским наставникам, «Бог образовал дух Магомета из редкой и чистой жемчужины, дав ему подобие павлина»; с другой стороны, они писали, что «Великий Бог извлек из одной прекрасной белой жемчужины Книгу Жизни, висящуюверху над его трон» (6).

Жемчужина равно играет разнообразные чудесные роли в вымыслах Дальнего Востока. Вот, например: в свое время бонза Хоэи долго молился, чтобы его император получил с неба жемчужину Ше-ли-тсе; наконец, однажды ночью, немногим перед рассветом, услышал жемчужину, пожелавшую упасть в медную вазу. И император построил для бонзы Хоэи пагоду, затем он возвел великолепную башню, на вершину которой поставил божественную жемчужину, блиставшую непрерывным сиянием (7).

В другом месте один из духов Киа, желавший воплотиться в семействе Тчанг-Ше, спрятал там небесную жемчужину; двенадцать месяцев спустя Тчанг-Ше явил миру сына, дитя с сорока талисманами, благословенное воплощение духа Киа (8).

- (1) *Песнь Песней Соломона*, Глава 1, стих 9.
- (2) TACITE, *Vie d'Agricola*, XII.
- (3) PHEDRE, *Margarita in sterquilino*, Fasc. Fab. Lib. III, f. 12. – J. LA FONTAINE, *Le Coque et la Perle*, Fables, Liv. I, fab. 20.
- (4) Смотреть выше, глава CXIV, о *Лягушке*.
- (5) ZOSIME, *Sur la Vertu*, traduction M. BERTHELOT, *Collection des anciennes Alchimistes grecs*, T. II, p. 122.
- (6) ESCHIALLE MUFTI, *Religion ou Theologie des Turcs*, T. I, pp. 1, 151.
- (7) Cf. R. P. H. DORE, *Recherches sur les Superstitions en Chine*, IIe Part., T. VIII, p. 363.
- (8) *Ibid.*, IIe Part., T. IX, p. 658.

II. ЖЕМЧУЖИНА В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

В один из дней Иисус, обучив народ, отправил его и вернулся в дом, где Его окружили ученики; тогда Он им объяснил притчу о плевелах и о спрятанном сокровище, и после добавил:

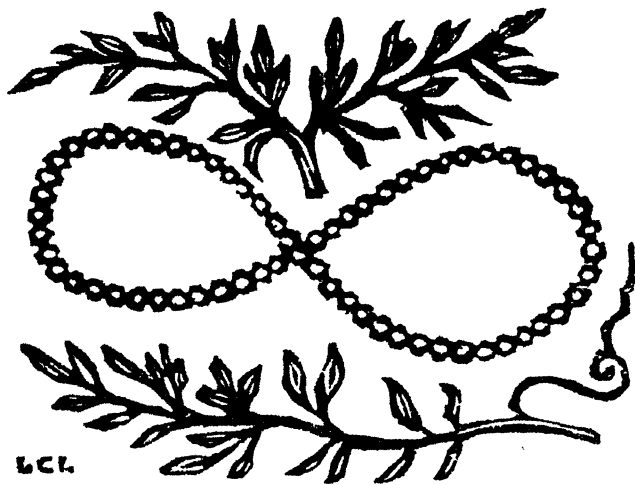
«Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (1).

С первых христианских времен комментаторы Священного Писания увидели в этой совершенной жемчужине, для обладания которой человек должен пожертвовать всем в этом мире, Самого Христа (2). Впрочем, они признают, что в некоторых иных случаях Он Сам обозначался данным выражением: «Царствие Божие» или «Царствие Небесное». Как и жемчужина из Его притчи, высокая цена которой вознаградила усердие и жертвенность купца, Христос Сам является избыточной наградой для Своих избранных: Святой Фома Аквинский это подтверждал, когда в XIII-м столетии писал текст, сделанный латинской Церковью официальным в своей литургии: «Для нас Он стал спутником от Своего рождения, питанием на Его вечери, искуплением в Его смерти. Он отдаст Себя нам в Своем царствии для нашего вознаграждения»; “*se regnans dat in praemium*” (3).

В ту же самую эпоху знаменитый мистик Святая Колетта писала, что «монах, пожертвовавший всеми своими благами, будет жить в радости, если обладает страстью к Христу в своем сердце, ибо это Он Иисус – живая жемчужина, обращающая в сладость все горести» (4).

И эта идея обозначения драгоценной жемчужиной высшего вознаграждения идет издалека, быть может, от обычаев восточных монархов, наполнивших дохристианскую историю своей роскошью и великолепием. Иконографические документы древнего Египта нам показывают фараонов, жалующих жемчужные ожерелья на шеи сановников своего царства, и позднее у Греков и Римлян Жемчуг, уподоблявшийся пальмовой или даже

Фигура II. – Лавровые ветви и жемчужное ожерелье, эмблемы победы и вознаграждения мучеников. Фреска катакомб Ардеатинского пути в Риме. Согласно GUERANGER, *op. cit.*

лавровой ветви, являлся эмблемой победоносных, вознаграждавшихся триумфом. И отсюда символизм, хорошо обретенный искусством юной Христианской Церкви, поскольку на картине II-го века в римских катакомбах Ардеатинского пути две лавровых ветви вместе с жемчужным ожерельем выражают триумф Мучеников и их божественное вознаграждение – *“se regnans dat in praemium”* (Фигура II) (5).

Несомненно, в таком же духе римские художники того времени изображали на фреске катакомб Прискиллы Христос, еще не воплотившийся на земле, оказывает, тем не менее, поддержку Сусанне в вознаграждение за сопротивление непристойным старикам. Мессия, обетованный миру, и святая жена располагаются в тройном круге, окаймленном гирляндой цветов...» (6)

В старинном гимне Святая Агнесса-мученица обращается так о Спасителе: «Он положил вокруг меня веревки блистающих жемчужин и свежих как весна» (7).

Обретя, как мы видели выше, античные верования, Средневековые восприняло и то, что Творец вдохнул в жемчужину немного своей силы и доброты. Тогда ее носили на себе в болезнях, как исцеляющий амулет: тем самым Инвентарная опись драгоценностей Карла Смелого за 1444 год говорит об «одинадцати необработанных жемчужинах, предоставленных покойному Шардону во время его болезни» (8). Наиболее действенными были именно «необработанные», какими их извлекали из жемчужных устриц (9); их называли также «девственными жемчужинами».

Как и в античные столетия размельчали «девственные жемчужины», чтобы порошок поглощался больными в их напитке. Здесь еще видели эмблематический образ Иисуса Христа, двойной образ: Его страдания в Своих Страстях, разбивших Его, и Его Евхаристии, благодаря которой Он преподносит в спасительной пище, *“convalescens in edulium”* (10).

Уже в VI-м столетии поэт Святой Фортунат, епископ Пуатье, говоря о Евхаристии, обозначал ее так: «Богатая Жемчужина Тела и Агнца», "*Corporis Agni Margarita ingens*" (11).

И гораздо позже в XVIII-м столетии сборник эмблем Матвея Шаванса стал отголоском старой эмблематической темы, изобразив в большом зале дворца на подпорке, стоящей на столе, сияющую жемчужину; сверху этой композиции разворачивается девиз: "*Fracta melior*", «Она еще лучше, когда разбита». И под всем размещен следующий катрен:

«Жемчужина, сведенная во прах, является живительным бальзамом,
Который силы полноту способен передать больному;
Подобным образом ИИСУС, разбитый жуткой казнью,
Избавил род людской от страшного несчастья» (12).

Мистика нашего времени, впрочем, сохранила евхаристический символизм разбитой жемчужины: отголосок его мы находим под пером преосвященного епископа Каркассона, преставившегося коадьютором Бордо, монсеньора Буиллери: «Мне достаточно – пишет он – что евангельская жемчужина была Иисусом Христом, чтобы я тотчас признал в ней Евхаристию... и разве не к ней применимы слова Мудреца: «Все блага ко мне пришли вместе с ней»; "*Omnia bona venerunt pariter cum illa*"? (13)

Другие мотивы связывали в первые христианские столетия жемчужину с особым символизмом Спасителя. По отношению к евангельской притче о редкой жемчужине Святой Григорий и Святой Августин, если приводить только этих Наставников, предлагали различные сближения между Жемчужиной и Иисусом Христом. Они видят в ней Христа, Который единственный среди святых был избавлен от всякого греха, будучи единственным Богочеловеком (14). Августин еще усматривает в жемчужинах образ разумения элиты, и между ними, бесконечно вверх над ними Жемчужину Христа, о чем сказано: «В начале было Слово... и Слово было Бог»; блистающее Слово сияния истины, нетленное, как и вечность (15). Именно там эти драгоценные жемчужины, о которых говорилось: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»; "*Nolite mittere margaritas ante porcos*" (16).

Впрочем, многочисленными представляются духовные лица, видевшие в белоснежном сверкании жемчужин фигуру неувядаемого целомудрия Богочеловека и образ непревзойденной красоты души «самого прекрасного из детей человеческих».

- (1) *От Матфея Святое Благовествование*, Глава 13, стих 45, 46.
- (2) Cf. F. ANIZAN, O. M. I., *Une clef patristique des Paraboles*, V.
- (3) Saint THOMAS D'AQUIN, in *Bréviaire romain*. Office du Saint Sacrement. Hymne *Verbum supernum prodiens*.
- (4) Cit. et traduction R. ZELLER, *Chroniques du Royaume de Dieu*, p. 134.
- (5) Смотреть Dom GUERANGER, *Sainte Cécile et la Société romaine aux deux premiers siècles*, XIII, p. 306.
- (6) V. DAVIN, *La Capella greca du cimetiere de Priscille*, IV, ch. XXIX, in *Revue de l'Art chrétien*, T. XXIV, p. 147.
- (7) *Bréviaire romain*. Off. fest. Sanct. Agnes).
- (8) Inventaire des Ducs de Bourgogne, № 6. 960, 1455.
- (9) Cf. Léon DE LABORDE, *Glossaire français du Moyen-age*, pp. 437, 438.
- (10) Saint THOMAS D'AQUIN, *Op. et loc. cit.*
- (11) FORTUNAT, *Carm.*, XXV, Livre III.
- (12) *Emblemes ou devises chrétiennes*, édition Math. Chavance, Lyon, M. DCC. XVII, V, 24-26.
- (13) Mgr DE LA BOUILLERIE, *Etude sur le Symbolisme de la Nature. – Création inanimée*.
- (14) Saint GREGOIRE, *In Homel.*, XI, in *Evang.*
- (15) Saint AUGUSTIN, *De Quaest. Evang. Matth. XIII*.
- (16) От Матфея Святое Благовествование, Глава 7, стих 6.

III. РАЗЛИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЖЕМЧУЖИНЫ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

Эмблема Приснодевы. Наряду с лилией, белой розой, слоновой костью и снегом, жемчужина, скромная сестра ослепительного алмаза, великолепно соответствовала тому, чтобы символизировать Приснодеву Марию, называемую Церковью «Пренепорочной».

В этом счастливом применении жемчужина несколько не пострадала в глазах христианской мистики от жеста, посредством которого старые греческий и римский культы ее посвящали славе Венеры-Афродиты, самой красивой из богинь, богини красоты. Ничего чувственного не вошло в это освящение; разве что воспоминание о легендарной поэме, породившей Венеру из чистой морской пены в колыбели из перламутровой раковины: именно так образуется посреди морских вод жемчужина в таинстве переливающейся створки одной из ракушек.

В двух церквях Рима жемчужина изображалась как одна из эмблем Приснодевы Марии: под куполом храма Святого Исидора одна фреска 1663 года нам показывает открытую ракушку с надписью: "*Quod in coelum conversa*"; в храме Святой Марии Монте-Санто картина от 1676 года отображает жемчужину в своем изначальном панцире со словами, ее сопровождающими: "*Immaculatam peperit*" (1); двойная аллюзия на Рождество Пречистой Приснодевы и на образование жемчужины в прозрачности морей и в чистоте материнского перламутра.

Античная концепция, сделавшая из жемчужины эмблему богатства у Древних, была перенесена в христианскую тональность Святым Авгу-

стином, который с мистикой своего времени видит в ней образ духовных богатств (2), благодатных богатств Церкви, богатств «общения Святых», личных богатств святой души.

Для Святого Иоанна Златоуста жемчужины являются образом божественных таинств, заключенных в слове Божиим как жемчужина в раковине (3). В кровавых началах Церкви жемчужины, которые нельзя бросать перед свиньями, обозначали равно таинства, каковые нельзя разоблачать для всех, но сохранять для одних крещеных после испытаний катехумената.

Вплоть до наших дней различные мистики видели в жемчужине эмблему умиротворения души, внутреннего света души, поскольку блеск жемчужины является очень кроткой белизной, которая не ослепляет и не тревожит, которая целиком искренность и ясность (4).

Восток естественным образом обладает иными концепциями. В Аравии пословица напоминает человеку, что счастья можно достигнуть лишь путем испытаний: «Всякий желающий найти жемчуг должен погрузиться в море».

В китайских преданиях рассказывается, что однажды драгоценная жемчужина, брошенная фениксом, оплодотворила в 239 году нашей эры мать великого Хуи-тчен-киуна (5). Было ли это отражением античной темы, желавшей, чтобы первые ростки жизни оказались поднятыми в человеческое царство из морских глубин?

(1) Cf. Mgr BARBIER DE MONTAULT, *Traité d'Iconographie chrétienne*, T. II, p. 203.

(2) Saint AUGUSTIN, *Sermo Domini in Monte*, L. II, c. XXXI.

(3) Saint JEAN CHRYSOSTOME, *Sup. Matth.*, XIII.

(4) Cf. Ch. MAUCLAIRE, *Ephémérides spirituelles*, XIV, 6.

(5) Cf. H. DORE, S. J., *Recherches sur les Superstitions en Chine*, IIe Part., T. IX, p. 545.

IV. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЖЕМЧУЖИНЕ

Мечтатели Средневековья, несомненно, после других собратьев сделали из жемчужных устриц предмет чудесных вымыслов, настолько они ими восхищались. Среди других удивительных качеств они их наделили особым духом порядка и общительности, равном тому, чем в реальности обладают пчелы; один из них даже говорит о «республике жемчужин». Подытоживая несколько из этих иллюзий, Маттиолус в XVI-м веке писал следующее: «Некоторые говорят, что наиболее крупные жемчужины господствуют над другими и руководят ими в большом умении: подобным же образом видят мух в меде. И по этой причине их погружают в воду, и те, кто их вылавливают, ищут лишь

обладания крупными жемчужными раковинами, хорошо сознавая, что, имея Короля, они легко привлекут в свои сети другие ракушки, которые беспорядочно снуют тут и там».

И поскольку все, что касается жемчуга, должно быть абсолютной чистотой и полным целомудрием, Маттиолус говорит еще, что жемчужные устрицы «обладают свойством, когда наступает пора иметь потомство, открываться и разверзаться ночью, наполняясь росой, от которой они начинают жемчужины, каковые они производят в зависимости от количества росы, ими воспринятой» (1).

Эта целиком чистая концепция, разве не обозначает жемчужину как идеальную эмблему в двух разных аспектах – Приснодевы и ее Сына?

(1) MATTHIOLUS, *Commentaires sur Dioscoride*, Liv. II, ch. IV. Edit. de 1655, p. 136.

СЕМНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

ГОЛОВОНОГИЕ
И ЗООФИТЫ

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАРАКАТИЦА И ОСЬМИНОГ

І. ОСЬМИНОГИ В СИМВОЛИКЕ ДОХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ

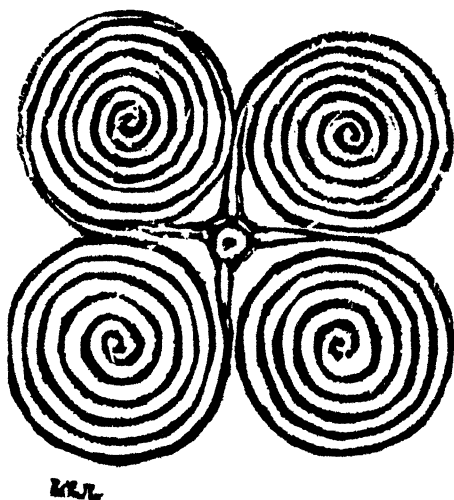
Речь здесь идет об одном из самых старых символов античной Европы, точный смысл которого нам известен; и если мы не можем утверждать, что его образ и его значение прямо перешли из дохристианской символики в личную символику Христа, то равно невозможно разумно принять, будто он был преднамеренно отброшен новой верой как испорченный плод в странах, где еще повсюду видели его почитаемый образ.

Под образами осьминога (спрута) и каракатицы древние собрали в своем символизме всех странных существ морских глубин, принадлежащих к многочисленному семейству осьминогов, называемых нами сегодня каракатицами (*sepia*), кальмарами, чернильными головоногими, аргонавтами, корабliками, осьминогами, спрутами и т. д. Они характеризуются в основном яйцеобразным или шарообразным продолговатым телом, крупной и короткой головой, откуда выходят восемь рук, а у отдельных видов, каракатиц и кальмаров, например, по два длинных щупальца, завершающихся кистью присосок; руки, служащие захвату и удержанию добычи, которыми питаются эти существа, могут достигать, особенно у осьминогов, значительной длины и силы. Именно на их энергии основывался их дохристианский символизм: он — совсем иной.

Известно, что все очень древние религии рассматривали жизнь существ, наделенных движением, проявленной поначалу в смысле жидкого элемента. Таковым было верование Критян, домикенцев, самых древних народов всего Ближнего Востока и тех, которые жили далеко на север, доходя до гиперборейских пределов.

Эта концепция, впрочем, не входит в противоречие с Моисеевым повествованием о творении, поскольку мы читаем здесь, что Бог, после того, как отделил воды от суши, бросил на землю травы и деревья, несущие семя, и зажег сверху светила, сказал: «... да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...» (1) Итак, во всех вышеназванных странах, за исключением земли Израиля, это был образ осьминога (в том числе спрута и каракатицы), символизировавший первое появление жизни из водных глубин, поверхность которых согревало солнце.

Я знаю от азиатского ученого Саи-Таки-Мови, что символические руки осьминога соответствовали изначально идее пивоварения и маслoбойни,

Фигура I. – Кельтский орнамент в бронзе. Сворачивающийся свастикоид, родственный изображениям спрута на произведениях античного искусства. Cf. DE LA CROIX et A. LACROIX, *Histoire illustrée de la France*, p. 204, fig. 32

Большая плодовитость осьминогов, особенно спрутов, могла только служить этой идее, и древние, по свидетельству Аристотеля (2) и Плиния (3), знали о быстром размножении спрутов, которое подтверждают натуралисты прошлого (4) и настоящего.

Наши лучшие символисты приглашаются связать тем самым античные изображения осьминога не только с зарождением жизни, но и с идеей самого ее начала в животном мире. Некоторые из них рассматривают этот символ пришедшим из гиперборейских регионов в бассейн Средиземного моря. Это возможно, поскольку археология северных стран нам часто свидетельствует

если можно так выразиться, семенных субстанций в материнских сосудах; и с их эмульсией в то же самое время, как и с солнечным движением, связаны вращающиеся фигуры: дохристианский равносторонний крест, колесо, трискелионы и свастикоиды всех видов (Фигура I).

Мы никогда не скажем достаточно, что одним из первых чувств примитивного человека, одной из главных забот старых мудрецов по всему Древнему Миру была признательность по отношению к Божеству за дарование жизни, полученного от Него Одного, благодаря всем существам, воспроизводящимся самим по себе через яйца или зерна, которые оплодотворяются распространяющимся влажным или порошкообразным семенем жизни. Отсюда то, что обозначал в глубине далеких тысячелетий символический осьминог.

Фигура II. – Золотой диск с изображением символической каракатицы. Из гробницы Акрополя в Микенах. Cf. SCHLIEMANN, *Op. et loc. cit.*

об осьминоге; и Рене Генон отмечал, что стилизованные очертания спрута показывают его в основном с распростертыми руками, тогда как обычно они свернуты в спирали в картинах южного исполнения, которые нас больше интересуют в топографическом плане (5).

Священное искусство дохристианского мира размножило до бесконечности образы спрута и каракатицы. На Крите и в Греции мы их находим на произведениях изумительного искусства: они появляются в натуральном виде на многочисленных вазах, расписанных или рельефно декорированных (6). В царских усыпальницах Микен спрут или каракатица присутствуют на многих дисках из чистого золота (Фигура II); одна из этих роскошных гробниц, четвертая, содержала сорока трех золотых осьминогов! (7) Их находят также на брагтях или на каменных весах, как в Кносе и на Крите (Фигура III) (8). Ближе к нам, в пятом или шестом столетии до нашей эры, монеты греческих городов носят изображение спрута, Эретрии (Фигуры IV и V), например, и других; изображение каракатицы присутствует на изделиях из Сиракуз (Фигура VI).

Различные

предметы греческого искусства классической эпохи показывают спрута вместе с дельфином под треногой Аполлона Дельфийского или под поступью коней колесницы солнечного шара (9). Господин Ле Кур признал спрута, изваянного на дольмене Порника у Нанта (Фигура VII) (10).

Все эти артефакты принадлежат последнему тысячелетию до нашей эры. Философы пресократики разве не разработали тему некоего подобия спонтанного порождения, возникшего в морских глубинах, возрастания, где неполные существа поначалу стали,

Фигура III. – Весы с осьминогом из Кносса. Произведение минойского искусства из порфира, приблизительно 1800 год до Рождества Христова. Смотреть другую сторону этих весов – G. GLOTZ, *Op. et loc. cit.*

Фигура IV. – Спрут на монетах из Эретрии

Фигура V. – Спрут на монетах из Эретрии

развиваясь, трансформироваться, придав спруту как бы вид наброска человеческой головы, откуда, несомненно, произошли последующие сближения, делавшиеся между головой Медузы, покрытой змеями, и спрутом, увенчанным своими гибкими руками?..

Стоит обратить внимание на поле рассеяния восьминогого символа, представляемого художественными произведениями стран Дальнего Востока и даже Южной Америки доколумбового периода (11) фигурами свастикоидов или звездного плана, которые могут иметь родство с античными изображениями спрута или других головоногих, особенно медузы.

Фигура VI. –
Каракатица
на греческой
монете из Сиракуз

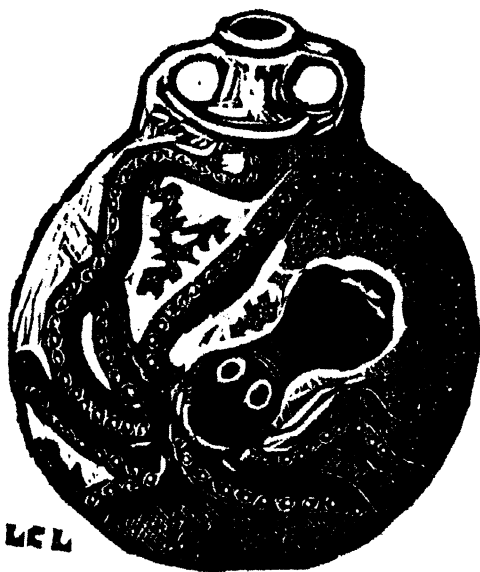
Фигура VII. – Спрут на дольмене
Порника. Согласно P. L. LE COUR,
Op. cit.

- (1) Книга Бытия, Глава 1, стих 20.
- (2) Cf. ARISTOTE, *Histoire des Animaux*, V, 12.
- (3) Cf. PLINE, *Histoire naturelle*, IX, 51.
- (4) Смотреть DENYS-MONFORT, *Suite aux OEuvres de Leclerc de Buffon*, T. II, pp. 203 et suivantes.
- (5) Cf. R. GUENON, A propos du Poisson, in *Regnabit*. T. XII, 1927, № 9, p. 216.
- (6) Смотреть *Corpus vasorum antiq.* и все трактаты о греческом искусстве и т. д.
- (7) Смотреть SCHLIEMANN, *Mycenes*, pp. 246, 350 et passim.
- (8) Cf. G. GLOTZ, *La Civilisation égéenne*, p. 223, fig. 32.
- (9) Cf. LENORMANT et DE WITTE, *Elite des Monuments céramographiques*, II, pl. VI, CXII.
- (10) P. LE COUR, *A la recherche d'un Monde perdu*, I, 773, fig.
- (11) Смотреть D'HARCOURT, *Céramique américaine du Pérou*. Ap. P. LE COUR, *L'Enigme de Glozel*, in *Mercure de France*, T. XV, II, 1927.

II. СИМВОЛИЗМ ОСЬМИНОГОВ И ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ

Жорж де Реси, говоря об орнаментации одной из наиболее интересных античных ваз из музея Канди, нам сообщает, что спрут на ней разворачивает свои руки-щупальца посреди водорослей (Фигура VIII), и что его взгляд «нам напоминает о любопытной легенде, бывшей в ходу среди морского населения греческих островов, легенде, приписывавшей спруту начало спонтанного порожждения и происхождение подводной фауны» (1). Спонтанного, значит, произведенного без предшествующего материального зародыша, но вызванного, тем не менее, творящим словом, божественным Глаголом, автором начала всякой жизни, по слову Святого Иоанна:

«Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь...» (2); а Бог сказал: «... да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...» (3). Для христианина, католика или гереро-

Фигура VIII. – осьминог
в натуральном виде на микенской
вазе в музее Канди (Candie),
но не Афин

Фигура IX. – Ваза эгейского
искусства, микенская эпоха

докса, божественное Слово, творец и движитель всякой жизни от происхождения существ, это Христос. Вот почему христианская Символика сохраняет для Него всякий символ, соотносящийся с возникновением и распространением жизни в наиболее протяженных рамках пространства и времени.

Не хочется, конечно, говорить, что Спаситель мог непосредственно изображаться рисунком осьминога, но перед Своим воплощением Его творческое и животворное действие в наиболее полной универсальной области, как это устанавливает Святой Иоанн, безотчетно обозначалось у языческих народов эмблемой осьминога.

Это очень редкая эмблема в христианском искусстве. Она не является целиком отсутствующей. Она существует, как меня уверяют, на внешнем периметре одной монастырской церкви в Боснии в веренице ангелов и святых, окружающих здание, и сверху над ними под кровлей на карнизе, украшенном скульптурными каракатицами и спрутами, которые здесь могут быть напоминанием о сотворении жизни, интерпретируемом местной эмблемой, привнесенной из очень древней символики в христианские рамки. Хотя это лишь гипотеза.

Мне кажется даже, что обыкновенно христианская мысль могла разделять одно с другим, каракатицу со спрутом, реально вошедшими в герметизм Средневековья и в эмблематику добродетелей и пороков. Данное разделение обязывает их здесь друг за другом изучить.

(1) G. DE RECY, *L'Evolution ornementale*, p. 79.

(2) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 1, стих 3, 4.

(3) *Книга Бытия*, loc. cit.

III. КАРАКАТИЦА

Это восьминогое существо, кажется, в Средневековье было довольно полезным в рационе питания монастырей на побережье Атлантического океана. Исходя из одного документа, принадлежавшего археологу из Пуату и Нанта Ф. Паранто, монахи из Нуармутье (Noirmoutier) посылались для сбора каракатиц для Великого Поста на берега французского Корнуэля (Cornouaille); другой документ, некогда опубликованный в *Обзрении Нижнего Пуату* (*Revue du Bas-Poitou*), устанавливает, что рыбаки с побережья Пуату должны были снабжать значительным количеством каракатиц аббатство Лье-Дьё-ан-Жар (Lieu-Dieu-en-Jard) (или Святого Михаила в Эрме) взамен существенных преимуществ.

Вероятно, в аналогичных монастырских кругах родилась идея сделать каракатицу одной из эмблем добродетели Смирения. Это существо, когда ему угрожает опасность, выбрасывает вокруг себя выделение черного цвета, свои «чернила», затемняющие воду на достаточно большом пространстве, чтобы себе на пользу оно смогло бы удалиться, зарыться или затянуться в песок и спасти свою жизнь, избегая своего врага... Следовательно, монах, погружаясь в смиренную темноту монастыря, укрываясь там в тени среди своих братьев, избегает врагов духовной жизни и спасает свою душу.

IV. СПРУТ

От своего образования христианская Символика питала отвращение к осьминогу, спруту, прежде пользовавшемуся почти всеобщим почитанием; впрочем, этот осьминогий стал с тех пор достаточно выразительным образом Сатаны.

Уже греческие философы за гранью смысла достопочтенной эмблемы нарождающейся жизни связывали спрута с эмблематикой пороков, особенно Алчности, поскольку, как нам говорит Фокилид, когда человек обладал этим чудовищным недостатком, то казалось, что он проглатывает все, к чему прикасается, и чем он овладевал, было уже проглочено безвозвратно (1).

Та же самая мысль заставила первых христианских символистов избрать спрута как превосходный образ адского расхитителя душ, который их притягивает, обступает их тысячью ухищрений, обвивает их и пожирает. Древние весьма хорошо, как и мы, знали о ловушках и особых засадах, расставляемых спрутом для своих жертв; современные натуралисты показывают его покрытым останками своих добыч, отбрасывающим их перед собой, чтобы тем самым увлечь и ошеломить других, над которыми смыкаются его щупальца, или даже ввести камень между раковинами больших двустворчатых моллюсков, чтобы им помешать закрыться и с удовольствием их съесть (2).

Этим объясняется, почему христологические ракообразное и дельфин сражаются с сатанинским спрутом и пожирают его, как мы это видим на драгоценных гравированных камнях IV-го столетия (3) из коллекции Фоджини (Foggini) и на пастырском кольце Адемара (Adhémar), являвшегося епископом Ангулема от 1070 по 1101 гг.

Натуралист недавнего прошлого Дени-Монфор, дополняя труды Бюффона, был прав, напомнив о словах святого наставника Церкви: «Святой Амвросий, – говорит он, – сравнивал спрута с рыкающим львом Евангелия (4), который непрестанно ходит вокруг нас, ища, кого бы он смог пожрать или захватить в свои черные жилища» (5).

Древняя духовность Церкви связывала также спрута с иконографией лицемерия и предательства, поскольку осьминогое обнимает других существ, чтобы их задушить: Иуда некогда предает своим поцелуем, спрут приносит смерть безжалостным объятием; для одного и для другого два прекрасных жеста любви становятся жестами ненависти, толкающими к смерти; вот почему христианская Символика, будучи неумолимой поборницей справедливости, объединила их в общем проклятии.

Алчность и предательство, два порока Иуды, два самых обычных символических значения спрута! Средневековье заставило изображать последнего, наравне с сиреной, пауком и проституткой, привлекающим собственными руками человека только для вящего ущерба оно, иначе – всегда для его смерти.

Герметические круги той же самой эпохи, со своей стороны, сблизили спрута с зодиакальным знаком *Рака*, «соответствующего летнему солнцестоянию и глубине вод». Итак, это солнцестояние тем самым образует *Janua inferni*, Врата преисподней, в противоположность с зимним солнцестоянием, обозначаемым *Козерогом* и являющимся *Janua coeli*, Небесными Вратами.

Недаром Иисус сказал: «... истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам... Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (6). Значит, Христос это “*Janua coeli*”; “*Janua inferni*”, что характеризует рака и спрута, может являться только Сатаной.

Следовательно, в двух крайностях своей символической жизни осьминог и спрут, будучи поначалу таинственным образом божественного дара жизни, становятся в своем упадке эмблемой смерти, «вечной гибели» на протяжении бесконечной скорбной и проклятой жизни, куда входят сатанинскими “*Janua inferni*”.

(1) PHOCYLIDE, *Athen.* L. I.

(2) Cf. LAROUSSE, *Nouveau Larousse illustré*, T. III, p. 1056.

(3) Смотреть в главах ХСVIII и ХСIX, *Дельфин*, VI, и *Ракообразные*.

(4) Здесь ошибка посылы: образ «рыкающего льва» взят не из Евангелия, но из *Первого Соборного Послания Святого Апостола Петра*, Глава 5, стих 8.

(5) DENYS-MONFORT, *Op. cit.*, T. II, p. 249, édition de l'an X.

(6) *От Иоанна Святое Благовествование*, Глава 10, стих 7, 9.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

АСТЕРИЯ И МЕДУЗА

АСТЕРИЯ И МЕДУЗА И СИМВОЛИЗМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ

Оба головоногих существа, имеющие общий характер с осьминогами и каракатицами, часто встречаются вместе с ними на побережьях европейских морей. Астерия является зоофитом с расходящимися лучами, обладающая только пятью руками, правильно соединенными между собой в своей основе, откуда ее имя «Морской звезды», под которой она вульгарно известна. *Asteria rubens* Линнея, розовая или красноватая, щедро распространена в европейских морях. Как и медуза (Фигура I) (1), она, кажется, часто может принимать стилизованные формы благодаря свастикоидным фигурам (Фигура II); равно как и медуза, астерия плодovitа в крайней степени, и ее жизненная сила такова, что она не только воспроизводит новую ветвь, когда случайно теряет одну из них, но единственная сохранившаяся из ее ветвей способна воспроизвести четыре других.

Фигура I. – Восьминогая медуза на перуанской вазе. Доколумбова эпоха

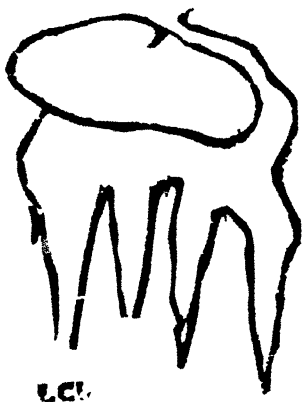

Фигура II. – Свастикоид с пятью руками (такого же плана, как и астерия) на тирской или кипрской фузайоле

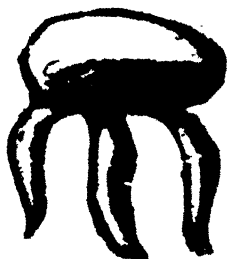
Древние, конечно, знали об этой силе восстановления астерии, и эта жизненная энергия отчасти могла привести их к сближению данного зоофита с другими символическими осьминогами.

В современном фольклоре астерия, притягивающая взоры своей звездной формой и свежестью своей расцветки, еще собирается, высушивается и сохраняется как некое подобие благотворного амулета (Иер – Нуерес, 1920).

Медуза предстает беспозвоночным существом из семейства зоофитов, многочисленные колонии которых обнаруживаются почти во всех морях; это желеобразная светопроницаемая масса опаловой белизны, которую не защищает никакая ракушка. Ее тело как плотная лепешка круглого контура и выпуклой

Фигура III. – Граффити на стене древнего донжона Лудюна (Реальная высота 0 м 125). Коллекция Ж. Моро де ла Ронда

Фигура IV. – Медуза на красной галло-римской керамике, называемой «самийской». Реальная величина

поверхностью, откуда свисают плавающие руки, похожие на руки-щупальца спрутов.

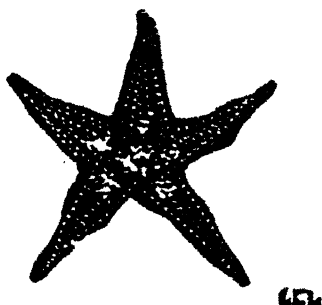
Сближения, воображавшиеся некоторыми греческими мыслителями, о чем говорилось в предыдущей главе, между восьминогими и головой Горгоны, могли еще легче устанавливаться по отношению к морской медузе, верхняя часть которой обладает видом широкого круглого лица, тогда как плавающие руки-щупальца охватывают воду наподобие того, как змеевидные волосы окружают голову Горгоны, откуда, вероятно, имя медузы и взялось для этого существа.

Несомненно, из-за своей светопроницаемости старинные предания атлантического побережья Франции делают из медуз носителей душ умерших без крещения детей, которых они доставляли в подводные феерические лимбы, где оные были счастливы, поскольку невинны, счастьем, не являвшимся, тем не менее, даже бледным отражением небесного блаженства.

Древняя духовность, со своей стороны, делала иногда из медузы, которая, кажется, подвержена всем капризам волн, не реагируя против них, эмблемой оставленности совершенной души для замыслов Провидения, упорядочивающего для нас на земле испытание и покой, безмятежность и бурю. Наверное, в этом смысл, почему мы иногда находим ее образ там, где пострадали испытываемые христиане. В древней подземной тюрьме грозного донжона Лудюна (Вьенн), построенного от 1206 до 1215 гг. Филиппом-Августом и снесенного Ришелье от 1634 до 1636 гг., узники XIII-го или XIV-го столетий начертали граффити, вырезанные острием: посреди благочестивых субъектов замечаются несколько рисунков медуз; один из них касается духовной и очень герметической эмблемы «Тройной Ограды» (Фигура III).

Античные изображения медузы (Фигура IV), как и астерии, впрочем, весьма редки, и, представляется, что участвовали в том же самом символизме, сделавшем из осьминога и каракатицы символы возникновения первой жизни в морских глубинах; отсюда ясно: эти четыре существа связаны с эмблематикой первого призыва к жизни на земле, являющегося функцией, присущей творящему слову, предвечному Глаголу: «В на-

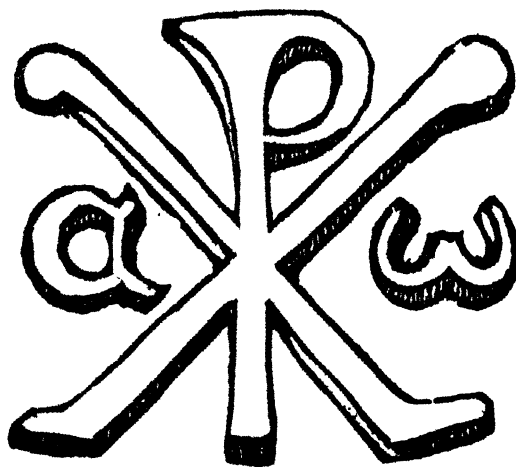
чале было Слово... Все чрез Него начало быть... И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (2).

Фигура V. – Высушенная астерия,
сохраняемая как народный талисман,
приносящий счастье.
Треть от реальной величины

(1) Смотреть D'HARCOURT, *Céramique américain de Pérou*. Ap. P. LE COUR, *L'Enigme de Glozel*, in *Mercure de France*, XV, II, 1927.

(2) От Иоанна Святое Благовествование, Глава 1, стих 1, 3, 14.

*
* *

Итак, вот главные животные, избранные христианской символикой во всех рядах живых существ для таинственного изображения Иисуса Христа в качестве начала и фермента всякой жизни на земле и в других мирах, искупителя, восстановителя, поддержки и друга человеческой души, неутомимого и торжествующего поборника Блага против сил Зла, самодержавного судии живых и мертвых, божественного наставника в учении, универсального и вечного царя.

*
* *

И на всем протяжении христианских столетий мы их встречали, этих избранных, очаровательных или смиренных животных, но переполненных всеми богатствами и всеми милостями человеческого духа и сердца; мы их находили в трудах разумеющих и ловких, вплоть до простодушия незатейливых людей. Они предстают одним из прекраснейших гимнов, воспетых нашими отцами во славу Спасителя, Которого они самозабвенно любили.

*
* *

Для христианина, как бы мало он ни был наставлен в религиозных знаниях, для исследователя, свыкшегося с нашими священными книгами, каковой бы не являлась его вера и религиозная позиция, библейское воспоминание само по себе напрашивается в их память перед восхитительным ансамблем картин, представляющим перед их глазами, даже сведенную к одним животным личную символику Христа. Как не воскликнуть ко всем живым существам фрагментом библейского текста:

«Благословите Господа, киты и все, движущееся в водах,
пойте и превозносите Его во веки.
Благословите, все птицы небесные,
Господа, пойте и превозносите Его во веки.
Благословите Господа, звери и весь скот,
пойте и превозносите Его во веки.
Благословите, сыны человеческие,
Господа, пойте и превозносите Его во веки.

Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его».

(Книга Пророка Даниила, Глава 3, стих 79-82, 89)

ПОРАЖЕНИЕ ДРАКОНА-САТАНЫ

Скульптура тимпана врат церкви Святого Михаила д'Антрэга
(d'Entraigues) (Шарант)

АПОФЕОЗ АГНЦА-ХРИСТА

Композиция автора; создана благодаря собранным древним артефактам

«И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков.

И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков».

(Откровение Святого Иоанна Богослова, Глава 5, стих 13, 14)

ПЕРЕЧЕНЬ ГРАВЮР

НА ТИТУЛЕ

I. ГРИФОН-ХРИСТОС

ПЕРВЫЙ ТОМ

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЛЕВ

- I. Секхет, египетская богиня с головой льва – II. Гераклический лев Персии. – III. Ассирийский лев из Ниневии. – IV. Монета Александра Великого. – V. Лев пунических войск на Сицилии. – VI. Лев на средневековом витраже Ле Мана. – VII. Воскресение львенка. – VIII. Сирийский каменный лев. – IX. Один из львов Ангкор-Вата. – X. Христианская лампа из Карфагена. – XI. Лев из книги Келльса. – XII. Скульптура Перро-Гирек. – XIII. Лев на греческой монете из Млета. – XIV. Лев на галло-римской яшме. – XV. Лев на могиле Сети I. – XVI. Герметический знак льва. – XVII. Лев Эфиопии. – XVIII. Лев из колена Иуды на абиссинском кладбище. – XIX. Печать Рас-Тафари. – XX. Гераклический лев Арля. – XXI. Печать Гуго, сеньора из Партенэ. – XXII. Скульптура саркофага из Чивидале. – XXIII. Морской лев семейства Гоф в Германии. – XXIV. Морской лев, XVI-е столетие. – XXV. Мантикора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТЕЛЕЦ

- I. Телец-Пегас. – II. Апис на могиле Сети I. – III. Апис из Музея Гиме. – IV. Апис из эмалевой массы. – V. Херувим из Ниневии. – VI. Адад на тельце. – VII и VIII. Эабани. Согласно Брейло. – IX. Эабани. Согласно Ёзею. – X и XI. Греческие монеты из Сибариса и Сириса. – XII. Галльская монета Атекторика. – XIII. Варварская инсигния III-го столетия. – XIV и XV. Испанские амулеты. – XVI. Голова тельца из Майорки. – XVII. Амулет из Бовуара (Вандея). – XVIII. Нантский амулет. – XIX. Золотая голова тельца с могилы Хильперика. – XX. Бородатая голова тельца из Лезу. – XXI. Телец из видения Иезекииля. Согласно Рафазло. – XXII. Филлигрань бумаги XV-го столетия. – XXIII. Бог Бел. – XXIV. Морской телец из римских катакомб. – XXV. Минотавр на монете из Кносса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА АНГЕЛА

- I. Ангел, крест средневекового алтаря. – II. Ангел, византийское положение XV-го столетия. – III. Серафим Космы Индикоплевта. – IV. Ангел Святого Бенigna из Дижона. – V. Ангел миниатюры XIII-го столетия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОРЕЛ

- I. Орел из *Hortus sanitatis*. – II. Сирийский орел Мембиды. – III. Античная камея апофеоза Кесаря. – IV. Орел на монете Марка Аврелия. – V. Орел на лампе из Карфагена. – VI. Орел, восхищающий царя, античная лампа. – VII. Восхищение Ганимеда. – VIII. Орел в солнечных спиралях. – IX. Орел, испытывающий своего орленка. – X. Орел на монете из Элиса. – XI. Орел на фибуле из Сан-Марино. – XII. Ключ жизни древних Египтян. – XIII. Античная

ваза из Сен-Дени. – XIV. Молящийся орел из Алеппо. – XV. Романская капитель церкви Святого Мартина в Невере. – XVI. Оттиск печати XIII-го столетия. – XVII. Орел на ломбардском кресте VIII-го века. – XVIII. Испанская эмаль XV-го или XVI-го столетий. – XIX. Орел на монете из Синопа. – XX. Терракотовый мервингский орел из Пуатье. – XXI. Орел – восхититель церкви из Плоаре.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ТЕТРАМОРФ

- I. Тетраморф из Ватопеда. – II. Тетраморф из Музея Турнэ. – III. Тетраморф из Музея Лувра. – IV. Тетраморф византийского искусства. – V. Колеса видения Иезекииля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

- I. и II. Иероглифическая ваза Египтян. – III. Сердце и истинна на египетском гробу. – IV. Хефрем и божественный сокол. – V. Печать Эстема Куре. – VI. Сердце Иисуса на гостии; английская медь XVI-го столетия. – VII. Сердце и пять ран Христовых. Скульптура из Венеции. – VIII. Знак печатника Пьера Лева, Париж, XV-е столетие. – IX. Мистический герб Глазго (Шотландия). – X. Сердце Иисуса Христа на мраморе из Сен-Дени Орка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГУБЫ

- I. Листья и плод манго. – II. Серафим, очищающий уста Исайи. – III. Язык, эмблема божественного Слова. – IV. Анатомическая форма человеческого языка. – V. Эмблематический язык. Согласно Катарине Клаубер, XVIII-е столетие. – VI и VII. Буква *Йод* Еврейского алфавита. – Две опрокинутые *Йод*. – VIII. Лабиальное применение двух *Йод* на человеческом лице. – IX. Святой Дух, посылающий огненные языки на Апостолов. – X. Святой Дух, посылающий огненные языки на Апостолов. – XI. Огненный язык в форме капи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РУКА

- I. Эмблематическая рука пещеры Фон-де-Гом. – II. Руки пещеры Кабрере. – III. Рука на кирпиче из Глозеля (?). – IV. Памятник Эфлатуна. – V. Еврейская буква *каф*. – VI. Рука на пунической стеле из Карфагена. – VII. Стилизованная рука на пунической стеле из Карфагена. – VIII. «Рука Фатимы». – IX. Рука-амулет из коралла. – X. Рука на галльском статире из Пуату. – XI. Рука на галльской монете из Кабеллио. – XII. Античный аграф из золота. – XIII. Благословляющая рука Христа на погребальной медали из Мон-Сен-Мишель. – XIV. Рука Христа на миниатюре XII-го века. – XV. Рука на кресте V-го столетия из Равенны. – XVI. Благословляющая рука на антифонарию Святого Галла, X-е столетие. – XVII. Рука, ласкающая верную овцу, IV-е столетие. – XVIII. Ключ свода аббатства Ла Ро. – XIX. Рука Христа на триптихе кафедрального собора Шартра, XIII-е столетие. – XX. Благословляющая рука в церкви Мартрэ в Лудюне. – XXI. Рука Христа, поддерживающая семь звезд. – XXII. «Рука славы».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. РУКА ПРАВОСУДИЯ САМОДЕРЖЦЕВ И ПОНТИФИКАЛЬНЫЕ ПЕРЧАТКИ

- I. Рука правосудия королей Франции, XII-е столетие. – II. Печать Карла VI-го Французского. – III. Понтификальная перчатка из кафедрального собора Мутье. – IV. Диск с перчатки XV-го столетия. – V. Диск с понтификальной перчатки из кафедрального собора Кагора. – VI. Монета архиепископа Безансона.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. БЫК

- I. Герб Шалэ в Ангумуа. – II. Герб семейства Буффен из Урьяжа. – III. Символическая голова зебу. – IV. Христианский пилатр из Эфеса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ТЕЛЕНОК

- I. Мосхофор. – II. Теленок на дароносице из Банны-Кавалло. – III. Скульптура фасада церкви Сель-Брюер (Шер). – IV. Теленок на англо-саксонском евангелии X-го столетия. – V. Золотой телец.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ТЕЛКА И КОРОВА

- I. Корова Хат-Хор, египетская бронза. – II. Колесница Луны на Баптистерии Пармы. – III. Голова коровы Хат-Хор, увенчанная змеей Хаже.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ОВЕНОБЫКНОВЕННЫЙ

- I. Голова божественного овна из подземелья Фив. – II. Бог Кнеф с головой овна. – III. Монета Александра Великого. – IV. Монета из Кефалонии. – V. Двойной овен на капители Персеполиса. – VI. Нож бронзового века с головой овна. – VII. Китайский талисман. – VIII. Подставка галльской эпохи в форме овна. – IX. Овен-Христос. – X. Овен-Христос на лампе из Карфагена. – XI. Посох из слоновой кости из монастыря Святого Григория в Риме. – XII. Могила Джульфы. – XIII. Аммонит из галло-франкского захоронения в Серизе. – XIV. Торжествующий овен, скульптура кафедрального собора Труа, XIII-е столетие. – XV. Овен с печати города Тирлемон. – XVI. Римская лампа IV-го или V-го столетий. – XVII. Овен на карфагенской лампе. – XVIII. Овен Авраама, запутавшийся рогами, скульптура из Арля. – XIX. Орфей и овен, скульптура из Ватикана. – XX. Скульптура Космы. – XXI. Боевой овен Древних.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ОВЕН-МУФЛОН

- I. Овен Аммона на могиле Сети I. – II. Голова овна-муфлона на египетском саркофаге. – III. Иератическая голова муфлона на кипрской урне. – IV и V. Осьминог и голова стилизованного муфлона. – VI. Череп азиатского муфлона-аргали. Согласно естеству.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ОВЕН ФРИКСА И ЕГО ЗОЛОТОЕ РУНО

- I. Овен на алтаре, бронза из Ватикана. – II. Колыбель Ордена Золотого руна, образец XVIII-го века. – III. Знак мануфактуры Золотого руна из Аббевилля, 1665 год. – IV. Инсигния Ордена Золотого руна, подвешенная на красную ленту, образец конца XVII-го столетия.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. АГНЕЦ

- I. Агнец под мистическим якорем. – II. Крест, увенчивающий Агнца. – III. Символическое распятие из Равенны. – IV. Закланный Агнец, тобелен из Анжер, XV-е столетие. – V. Агнец и копы. – VI. Посох из слоновой кости из Меттена. – VII. Диск с литургических перчаток XIII-го столетия. – VIII. Меч великого магистра Германа де Сальвы. – IX. Агнец с кропильницы из Канежана, XII-е столетие. – X. Торжествующий Агнец, слоновая кость из Милана. – XI. Бронзовый накладной диск с литургических перчаток. – XII. Печать блаженного Готфрида из Лудона, XIII-е столетие. – XIII. Агнец, воскрешающий Лазаря. – XIV. Агнец с семью рогами, XIII-е столетие. – XV. Агнец с клейма Алегсана; XVII-е столетие. – XVI. Агнец на книге, запечатанной семью печатями. – XVII. Ключ свода древней часовни Августинцев Лудона, XIII-е столетие. – XVIII. Божественный Агнец и верные агнцы, скульптура из Равенны. – XIX. Священная инсигния одного галльского племени, скульптура из Оранжа. – XX. Монета галльского вождя Люццио. – XXI. Терракотовый галльский вепрь из Пуату. – XXII. Священный вепрь кельтов в музее Копенгагена.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ОВЦА

- I. Еж и кустарник. Согласно Бестиарию XIII-го века.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. КОЗЕЛ

- I. Гаргулья на церкви Нотр-Дам в Марэ в Вилль-франш-сюр-Саон, XV-е столетие. – II. Козел-андроцефал из Антрэна. – III. Каббалистическая звезда животного состояния. – IV. Голова козла-Бельзебута.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. КОЗЛЕНОК

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОЗА

- I. Коза, взбирающаяся на гору, миниатора XIII-го столетия. – II. Коза на горах. Согласно *Hortus deliciarum* XII-го столетия. – III. Картина из римских катакомб Калликста, IV-е столетие. – IV. Козы на урне из Пезаро. – V. Пастырь добрый и козы. – VI. Козообразное существо на монете из Эубиогиса в Галатии. – VII. Коза на скульптуре кафедрального собора Осерра. – VIII. Убегая от козы, леонцентавр спешит к священной растению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. МОЛОКО

- I. *Mulcta* и *pedum* в искусстве римских катакомб. – II. Символическая ваза с молоком, картина катакомб Святого Калликста в Риме. – III. Ваза с молоком дома Целия в Риме. – IV. Овца или ягненок с молочным кувшином, катакомбы Лавиканского пути в Риме.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ПАСТЫРЬ ХРИСТОС

- I. Добрый пастырь, булла папы Феодота (*Dieudonné*), VII-е столетие. – II. Христос-Пастырь и найденные овцы, музей Ватикана. – III. Христос-Пастырь, кувшин и жезл. – IV. Кувшин с молоком, висящий на пастырском посохе. – V. Прощетный посох, несущий кувшин с молоком. – VI. *Litnus* римских авгугов. – VII. Награда пастыря, картина из аббатства Фонгомбо. – VIII. Посох Святого Германа, аббата Гранфейлы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ЛОШАДЬ

- I. Протомей (передняя часть) лошади на греческой монете из Гераклеи. – II. Конь и светило на греческой монете из Арги. – III. Конь и светило на галльской монете Веллюкассов. – IV и V. Донсториическое ювелирное украшение из Иберии. – VI. Средневековая скульптура из Био. – VII. Модильон церкви Святого Контеста, XII-е столетие. – VIII. Конь и всадник на римской лампе. – IX. Победоносный Христос на Апокалипсисе Беата. – X. Конь Анамелеха. – XI. Александр на своем Буцефале, скульптура XVI-го столетия. – XII. Конь, выгравированный на эпитафий Тароса. – XIII. Бронзовый диск из Женви. – XIV. Изнуренный и победоносный конь на лампе из Карфагена. – XV. Бронза из музея Мадрида. – XVI. Женщина-кобылица из Монтвиллье, XII-е столетие. – XVII. Подкова для лошади из галльского захоронения Шателль. – XVIII. Закованный в большой шлем рыцарь спускается, чтобы прикончить змею, попираемую копытами его коня, скульптура аббатской церкви Святого Йовинуса (Жуэна) в Марне (До-Севр), XII-е столетие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ОСЕЛ

- I. Наставник оноцефал. – II. Граффити Алексамена в Палатине Рима. – III. Надпись Алексамена в Палатине Рима. – IV и V. Реверс древних медалей-амулетов с изображением Александра Великого. – VI. Яо с головой осла. – VII. Святой Христофор с головой осла. – VIII. Звериная голова Святого Христофора из Московского музея. – IX. Осел-музыкант халдейского искусства. – X. Осел-музыкант из Ольнэ в Они. – XI. Звезда Ремфана в Каббале.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ДИКИЙ ОСЕЛ

- I. Дикий осел на плите Святой Моникки в Карфагене. – II. Дикий осел на погребальной надписи Святой Моникки из Карфагена, IV-е столетие.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ОЛЕНЬ

- I. Мрамор из музея Неаполя. – II. Олень, уничтожающие змей. – III. Олень, загоняющий рептилию. – IV и V. Мервинские аграфы в форме оленей. – VI. Диск из оленьего рога галло-франкской эпохи, Лудон (Вьенн). – VII. Олененок в руке Аполлона, бронза из Британского музея. – VIII. Олененок в руке Аполлона, греческая бронза из Тралл. – IX. Монета из Каулюнии. – X. Другая греческая монета из Каулюнии. – XI. «Встреча» с оленем на мощеной плите Приюта из Бона, XV-е столетие. – XII. Печать Элюта Берто, XIII-е столетие. – XIII. Олень охоты Святого Губерта в Амбазе, XV-е столетие. – XIV. Олень охоты аббатства Святого Дионисия. – XV. Олень, несущий монограмму Христа, гобелен из Акмина, III-е или IV-е столетия. – XVI. Галльская скульптура из Люксембурга в Париже. – XVII. Олень, эмблема долгожительства, на китайской вазе. – XVIII. Олень на христианской лампе из Карфагена. – XIX. Олени, пьющие из священного источника. – XX и XXI. Мистическое преследование оленя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ОЛЕНИХА

- I. Олень и олениха у источников священного кургана. – II. Та же сцена, позаимствованная, как и предыду-

щая, в мозаиках Бир-Фтухи. – III. Олень и олениха у евхаристического сосуда на саркофаге в Равенне.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. ЛАНЬ

- I. Лань, пожирающая змею. – II. Лань на лампе из Карфагена. – III. Лань на печати формы евхаристических хлебов из Сфака. – IV. Лань из *Hortus sanitatis*. – V. Рог европейской лани.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ОРИКС ЕДИНОРОГ

- I. Единорог из монастыря Сувины. – II. Орикс-единорог на мощеном изразце пола в Страсбурге, XII-е столетие. – III. Орикс на гобелене из Байё, XII-й век.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ФРОНТАЛЬНЫЙ РОГ ЖИВОТНЫХ

- I. Бычий череп, увенчанный жертвенной долаброй (мотыгой). – II. Фигура II. Символический баран на одном эламском гончарном изделии. – Фигура III и IV. Галльские племена триумфальной арки в Оранже. – V. Телячья голова из Меджердаха в Тунисе. – VI-X. Знаки, относящиеся к символизму Бычьего черепа и Чаши. – XI и XII. Наскальные рисунки, относящиеся к тому же самому символизму. – XIII. Косточка оливы в форме возрастающей луны. – XIV. Верхняя часть *Алорно* из Бычьих черепов с Магрискара. – XV. Голова зебу, мальгашская инсигния. Фигура XVI. – Античный алтарь с рогами. – XVII. Сражающиеся рогатые персонажи на антифонии из аббатства Святого Галла. – XVIII. Золотая голова тельца.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. РОГ ИЗОБИЛИЯ

Детская Фортуна, римская эпоха. – II. Рог изобилия. Скульптура из Ла Пти-Буассьер, XVIII-й век. – III. Блага и испытания жизни в Роге изобилия.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. СЛОНОВАЯ КОСТЬ

- I. Этимация в церкви Святого Павла за городскими стенами в Риме, XIII-й век. – II. Волот жезла из слоновой кости. Гасконь, XIII-е столетие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ПАНТЕРА

- I. Египетский амулет *мест*. – II. Египетский иероглиф *мес*. – III. Гор Иун-Мутеф, облаченный в шкуру пантеры. – IV. Вакхическая пантера, греческое искусство. – V. Пантера, несущая на себе Астарту. Финикийская статуэтка. – VI. Низ греческого канделябра из коллекции Кампаны. – VII. Пантера и вакханка, картина Пифагорейской базилики Рима. – VIII. Пантера, несущая Эроса. – IX. Пантера на лампе из Карфагена. – X. Пантера из *Hortus sanitatis* Иоанна де Кюбы. – XI. Следующие за Пантерой звери. – XII. Пантера на гербе Дома де Несль, XIII-е столетие. – XIII. Геральдическая пантера. – XIV. Пантера на монете Галлиана. – XV. Топорик, сделанный по обету из сланцевой породы в форме пантеры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ГЕПАРД

- I. Бронзовая рукоятка кинжала из Каира. – II. Гепард на охоте, миниатора X-го столетия. – III. Гепард и его добыча. – IV. Леопард на лампе из Карфагена.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ХРИСТОСОХОТНИК

- I. Охотник на христианской лампе из Карфагена. – II. Украшение крестильного сосуда из Пуоикаске, XII-й век. – III. Сцена охоты на евхаристическом сосуде из Боббио, V-VIII вв. – IV. Сокольничий. Романско-готическое искусство Турени.

ГЛАВА Сороковая. РЫСЬ

- I. Ископаемый белемнит. – II. Рысь. Согласно *Hortus sanitatis*. – III. Крот. Согласно гравюре XVIII-го столетия. – IV. Связанные лапы крота для ношения в качестве амулета. – V. Одна из передних (высушенных) землероющих лап крота.

ВОЛК

- I. Созвездие Большой Медведицы. – II. Волк на наскальной картине пещеры доисторического времени. – III. Волк на монете из Аргоса. – IV. Волк на галльской монете Контутоса. – V. Волк-андрофаг, античная бронза из Оксфорда. – VI. Кельтская бронза из Ангулема, тот же сюжет. – VII. Знак «к Волку» из оружейных мастерских Пассау. – VIII. Другой знак «к Волку» на мече из Пассау. – От IX до XIII. Ископаемые зубы, называемые ликодонтами. – XIV. Волки из *Hortus sanitatis*. – XV. Сусанна и старики. – XVI. Римская Волчица. – XVII. Волчица на христианской монете Константина. XVIII. – Деталь диптиха из слоновой кости из Рамбоны. – XIX. Просверленный волчий клык для ношения в качестве украшения или амулета.

ГЛАВА Сорок первая. МАНГУСТ-ИХНЕВМОН

- I. Мангуст на африканском сосуде из кокосового ореха. – II. Мангуст-ихневмон и змея; миниатюра XIV-го или XV-го вв. – III. Египетский мангуст (*Herpetes ichneumon*).

ГЛАВА Сорок третья. ЛАСКА

- I. Ласка – “moustoile”. Согласно Бестиарию XIII-го столетия. – II. «Мюстель». Согласно *Hortus sanitatis*. – III. «Ласка-Мюстгуаль и Василиск-Петух».

ГЛАВА Сорок четвертая. ГОРНОСТАЙ

- I. Герцогский горностаи Бретани на скульптуре кафедрального собора Кенпера (Quimper). – II. «Пятно горностаи» из современной Геральдики. – III и IV. Средневековые формы «пятна горностаи». – V. Горностаи на знамени Целомудрия. – VI. Горностаи на вышивке XIX-го столетия. – VII. Горностаи на скульптуре замка Азз-ле-Ридо; XVI-е столетие. – VIII. Герб герцогов Бретани: *полный горностаев*.

ГЛАВА Сорок пятая. ПЕГАС

- I. Беллерофонт на Пегасе, сражающийся с Химерой. – II. Пегас на монете из Коринфа. – III. Пегас на монете из Тавромейона. – IV. Пегас на христианской лампе из Карфагена. – V. Пегас на романских фресках Сен-Савена (Вьенн), XII-й век.

ГЛАВА Сорок шестая. ГИППОГРИФ

- I. Гиппогриф на монете галльского вождя Пикстиллоса. – II. Тот же самый сюжет на другой галльской монете. – III. Гиппогриф на римской лампе

из Пуатье. – IV. Гиппогриф Приорства Ба-Ньюан-Берри (Вьенн). – V. Гиппогриф на вышивке королевы Матильды в Байё; XI-й век.

ГЛАВА Сорок седьмая. ЕДИНОРОГ

- I. Единорог на вавилонской печати. – II. Сернобык (орик) из Сувины. – III. Смерть Единорога, скульптура кафедрального собора Страсбурга. – IV. Смерть Единорога. Английский манускрипт. – V. Пленение Единорога вероломной девицей, XVI-й век. – VI. Преследование единорога ангелом-ловчим. – VII. Голова единорога на гербе Дювалей. – VIII. Единорог на гербе Кассаров (Дофине). – IX. Носорог, античная бронза из Новочеркасска. – X. «Рог единорога» древних; на самом деле – защитный бивень нарвала.

ГЛАВА Сорок восьмая. ПИРАССУАПИ

- I. Голова Пирассуапи. Согласно иллюстрированным произведениям Амвросия Паре, XVI-е столетие.

ГЛАВА Сорок девятая. ШАМФЮР

- I. Шамфюр. Согласно иллюстрированным произведениям Амвросия Паре, XVI-е столетие.

ГЛАВА Пятидесятая. КЕНТАВР

- I. Кентавр-олень. Этрусская бронза. – II. Кентавр-собака. Этрусская бронза. – III и IV. Золотой статир галлов-Пиктонов. – V. Гиппоцентавр в шлеме. – VI. Кентавр Хирон, несущий Эроса. – VII. Гиппоцентавр, сражающийся против Дракоцентавра. Скульптура кафедрального собора Страсбурга, XII-е столетие. – VIII. Адам и Ева, «ставшие зверями», средневековая миниатюра. – IX. Кентавресса аббатства Святого Дионисия. – X. Кентавресса аббатства Везелз.

ГЛАВА Пятьдесят первая. КЕНТАВР-СТРЕЛЕЦ

- I. Божественный Стрелец, солнечный бог Ассирии. – II. Персидский конный стрелок. – III. Христос во всеоружии, миниатюра XII-го столетия. – IV. Монограмма на мерovingском золотом кольце из Вермана. – V. Скульптура монастыря Святого Сатурнина в Тулузе. – VI. Скульптура из Париз-ле-Шастель. – VII. Кентавр-стрелец. Французская скульптура XII-го столетия. – VIII. Дьявол-стрелец. – IX. Стрелец монастыря Святого Альбина в Анжере. – X. Гебранская буква “Caph”. – XI. Силен-стрелец. – XII. Созвездие Стрельца. – XIII. Астрономический знак Стрельца. – XIV. Астрономический иероглиф Стрельца. – XV. Другой астрономический кентавр-стрелец.

ГЛАВА Пятьдесят вторая. ГРИФОН

- I. Грифон на цилиндрическом вавилонской печати. – II. Фриз халдейского искусства. – III. Голова грифона из бронзы. Персеполис. – IV. Грифон посреди лилий. Дворец Миноса в Кноссе. – V. Грифон из бронзы. Микенское искусство. – VI. Погребальный Грифон из Верту. – VII. Грифон, сражающийся со Змеей; античная греческая бронза. – VIII. Пряжка пояса из Тестоны. – IX. Восхищение Александра Великого, капитель в Базеле. –

Х. Тот же самый сюжет на капители из Туара. – XI. Грифон-психагог Латинского Пути в Риме. – XII. Грифон на обшивке скамей хоров кафедрального собора Пуатье. – XIII. Грифон. Согласно *Книге Левит* из Национальной Библиотеки Парижа. – XIV. Грифон, его гнездо, его детеныши и Изумруд. Согласно *Hortus sanitatis*. – XV. Грифон, поражающий змею. Бронза XIX-го столетия. – XVI. Райские Грифоны IV-VI вв. – XVII. Грифоны и Древо Жизни, скульптура из Афин. – XVIII. Мистический грифон на монастырской печати XIII-го столетия. – XIX. Драконообразный Грифон в Герадьдике.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. СФИНКС И СФИНГА

- I. Сфинкс на золотой пластине, микенское искусство. – II. Этрускый Сфинкс на «Могиле Кампана». – III. Египетский Сфинкс. – IV. Два Сфинкса из Себуа. – V. Ассирийский Сфинкс из бронзы. – VI. Золотой Сфинкс Астарты. – VII. Эдип и Сфинга на греческой вазе. – VIII. Эдип и Сфинга на античном гравированном камне. – IX. Кипрский или финикийский Крисиосфинкс. – X. Капитель египетско-кипрского Афиенау. – XI и XII. Греческие монеты из Хиоса. – XIII. Греческий шлем из древней коллекции Кампаны. – XIV. Перуанский Сфинкс доколумбовой эпохи. – XV. Критская Сфинга на печати Закко. – XVI. Сфинксы и Древо Жизни.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ДРАКОН

- I. Дракон южного побережья Индокитая. – II. Дракон. Согласно *Hortus sanitatis*. – III. Крест Дракона из Аннама. – IV. Великий священный Дракон Китая. – V. Талисманый образ «Дракона Ростков» в Китае. – VI. Китайский и корейский «Ам-Дуонг». – VII. Крылатый дракон преспоудней. Согласно манускрипту XIV-го века. – VIII. Святой Пророк Даниил, отравляющий вавилонского дракона. – IX. Зверь с семью головами из *Апокалипсиса*. Согласно витражу XV-го столетия в церкви Святого Никиты в Труа. – X. Великий Вавилон *Апокалипсиса*. – XI. Святой Михаил Архангел, сражающий Дракона. Гравированная медь XIII-го столетия. – XII. *Гран'зуть* из Пуатье; резное дерево, XVII-е столетие. – XIII. Инсигния Ордена «ниспровергнутого Дракона». – XIV. Инсигния Ордена Святого Георгия Баварии. – XV. Один из драконов вышивки королевы Матильды в Байё; XI-й век.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ФЕНИКС

- I. Феникс «доброго предзнаменования» у Китайцев. – II. Феникс на базальтовом обелиске в Каире. – III. Талисманый образ Феникса для китайской «Церемонии Ростков». – IV. Стилизованный бенну на египетском Ритуале Мертвых. – V. Христос-Феникс на внутренней стороне кубка из Катакомб Рима. – VI. Стилизованный образ Феникса на пальме на античном саркофаге из Вероны. – VII. Христос-Феникс на пальме. Часовня Святого Пракседа в Риме. – VIII. Феникс на пальме; мозаика церкви Святого Иоанна Латеранского в Риме. – IX. Феникс на пальме в убранстве из митры. – X. Свинцовая печать диакона Сирия. – XI. Феникс на пальме. Лампа из Карфагена. – XII. Божественный Феникс на алхимическом знаке серы, картина XVIII-го столетия. – XIII. Феникс на своем гнезде, эпоха Средневековья. – XIV. Феникс; скульптура скамей кафедрального собора в Пуатье, XIII-е столетие. – XV. Феникс на алтаре Гелиополя. – XVI. Феникс в языках пламени. Согласно *Hortus sanitatis*, XVI-й век. – XVII. Феникс, эмблема силы и стыдливости, XV-е столетие. – XVIII. Феникс в венце из кувшинок.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. РАЙСКАЯ ПТИЦА

- I. Крылатая Райская птица. Согласно виньетке XVIII-го столетия. – II. Райская птица. Согласно *Hortus Sanitatis*. – III. Райская птица из произведения Боастюо-Ланэ, XVI-й век. – IV. Райские птицы на одной романско-готической скульптуре. – V. Герадьдическая Райская Птица. Согласно Коломбьеру, XVII-й век. – VI. Райская Птица на гербе семейства Куако де ла Ривьер. – VII. Параклет, Дух Божий над водами. – VIII. «Кукуфа», египетский иератический скипетр. – IX. Удод во французской герадьдике. – X. Райская птица. Герадьдический мотив или анжуйский орнамент.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. КАЛАДРИЙ

- I. КаладриЙ. Согласно вышивке на парче XIII-го века. – II. КаладриЙ покидает больного. Миниатюра XIII-го столетия. – III. КаладриЙ исцеляет больного. Витраж кафедрального собора Лиона, XIII-е столетие. – IV. КаладриЙ наверху креста, миниатюра конца XIII-го столетия. – V. КаладриЙ. Согласно средневековому артефакту. – VI. КаладриЙ в стиле XIII-го века. – VII. КаладриЙ. Согласно миниатюре XIV-го столетия. – VIII. КаладриЙ и больной на капители кафедрального собора Реймса. – IX. Птица КаладриЙ на вышивке из Байё, XI-й век.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. ЯГНЯТНИК

- I. Фибула из Музея Вены. – II. Фибула из Капитолийского музея Рима. – III. Фибула с острова Уайт. – IV. Готская булавка. – V. Фибула-ягнятник из Сан-Марино. – VI. Бронзовая фибула из Вальянс д'Ажана. – VII. Ягнятник из Сакраментария Геллоны.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. СОКОЛ И ЯСТРЕБ

- I. Инсигния сокольного герцогского двора Бургундии. – II. Спутанный охотничий сокол, доисторическая эпоха. – III и IV. Вазы, иероглифы сердца на египетских памятниках. – V. Сокол, сердце Гора на знамени фараона Хефрема. – VI. Фараон Хефрем и божественный Сокол. – VII. Сокол и Ключ жизни. Скульптура из Фив. – VIII. Сокол-Гор на пороге храма Гора в Эдфу. – IX. Сокол-Ра египетских памятников. – X. Сокол-покровитель царей Ассирии. – XI. Гор с головой сокола. – XII. Глаз Гора из иероглифов. – XIII и XIV. Мумифицированный сокол из Фив. – XV. Погребальная стела из Эрмента (Египет). – XVI. Золотой сокол, держащий божественные печати. – XVII. Святой Дух в образе сокола в Роскоффе (Бретань). – XVIII. Герадьдический «взлетающий». – XIX. Взлет Сокола. Согласно *Hortus sanitatis* – XX. Двусторонний топор «лабрис» древних. Согласно греческой вазе. – XXI и

XXII. Сокол и молоток кровельщика. Граффити из Монсоро. – XXIII. Инфернальная хищная птица, кафедральный собор Буржа. – XXIV. Сокол на вышивке королевы Матильды в Байё, XI-е столетие.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. ГРИФ

- I. Гриф, покровитель Рамзеса II. – II. Гриф, символ материнства у древних Египтян. – III. Поиск мозгового камня Грифа. Согласно *Hortus Sanitatis*, XVI-е столетие. – IV. Египетская богиня Некбет в виде грифа.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. СОВА

- I. Гиперборейская сова. – II. Бронзовая сова из области Уфы. – III. Бронзовая сова из Сапьясы (Россия). – IV. Архангелская монета из Афин. – V. Эмблематическая сова из церкви Буше. – VI. Филин и дневные птицы. Капитель кафедрального собора Ле Мана, XII-е столетие. – VII. Филин-Еврей, изображение из Британского Музея. – VIII. Филин на «дурном глазе». – IX. Домовой сыч на гербе семейства Эвра, геральдический символ ясновидения и мудрости.

ВТОРОЙ ТОМ

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. СТРАУС

- I. Эмблема Обжорства: страус, поедающий железо. Согласно гравюре на дереве XVII-го столетия.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ГОЛУБЬ

- I. Божественная Голубица Крита на священных колоннах. – II. Золотая оправа античного алтаря микенского искусства. – III. Бронзовый голубь с одной галло-римской могилы из Пуана (Вьенн). – IV. Голубь Ковчег, эпоха Катакомб. – V. Голубь Ковчег и Радуга на шатоне римского кольца. – VI. Голубь и корабль, эпоха Катакомб. – VII. Голубь, эмблема божественного вдохновения, на «благословенной шляпе» эрцгерцога Фердинанда Австрийского. – VIII. Голубь на гугенотском кресте. – IX. Три Голубя на блюде Нардони, IV-й или V-й вв. – X. Голубь, венчающий Лабарум на одной из монет Константина. – XI. Скульптура галло-римского алтаря из Баньоля-сюр-Сер, V-й век. – XII. Голубь на мистическом «преследовании» оленя. – XIII. Голубь на кресте в изображении *Этимакки*. – XIV. Мраморный алтарь из Бензансона. – XV. Евхаристический голубь XIII-го века. – XVI. Голубь на свинцовой булле (печати). Первые христианские столетия. – XVII. Голубь на клейме конгрегации отцов Святого Духа для Африки. – XVIII. Картина XVI-го столетия в провансальской часовне. – XIX. Деревянное панно, написанное в XVI-м веке и происходящее из Фонтевро. – XX. Голубь с нимбом, эпоха Катакомб. – XXI. Преклоняющиеся голуби на гравированном ножом камне, римская эпоха. XXII. Голубь из книги *Hortus Sanitatis*, XVI-е столетие. – XXIII. Голубь из фаянса для вертушки голубятни; XVIII-е столетие. – XXIV. – Воробей, эмблема вождения.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОРЛИЦА

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ВОРОНА

- I. Ворона на гербе Хуньяди из Венгрии. – II. Герб рода Козкеру

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПЕРЕПЕЛ И ПАСТУШОК ШИЛЬНЫХ ТРАВ

- I. Перепел на надгробном камне из Типассы. – II. Эпитафия Пасифила в Риме, эпоха Катакомб. – III. Куропатка на надгробном камне из Музея Ватикана. – IV. Эпитафия из Музея Латерана. – V. Перепел или куропатка, выгравированная на фрагменте погребальной плиты. Эпоха катакомб.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ЛАСТОЧКА

- I. Душа-ласточка на фрагменте покрывала мумии. – II. Душа-ласточка на могиле Рамсеса IV. – III. Французский чистотел. – IV. «Ласточка и ее птенцы»; согласно Бестиарию XIII-го века. – V. Ласточка, эмблема упования.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. СЕЛЕВКИД

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. МЕДОУКАЗЧИК

- I. Медоуказчик.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ. ВОРОБЕЙ

- I. Птица в клетке на христианской лампе из Карфагена. – II. Одинокая птица, гностическая резьба по камню. – III. Герб Дома Гране (Грани), аббата Сенанка. – IV. Герб Монсеньора Шарля де Ришери. – V. Птица, несущая цветущую ветвь.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ЖАВОРОНОК

- I. Хохлатый жаворонок Франции, пожирающий проволочника.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ТРЯСОГУЗКА

- I. Трясогузка в двух магических кругах. – II. Кольцо XVII-го или XVIII-го столетий, несущее в оправе «камень трясогузки».

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. ЗЕЛЕНЬ ДЯТЕЛ

- I. Зеленый дятел, уничтожающий личинку усача. – II. Пищуха в деле охоты.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. СОЛОВЕЙ

- I. Соловей на печати Мартена Сеньёля (Martin Segneul). – II. Восторженный Соловей. Согласно Бестиарию XIII-го столетия.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. СЛАВКА

- I. Обратная печать Готтфрида, архиепископа Мелля.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ПТАШКИ СТРАСТЕЙ ИИСУСА ХРИСТА

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. ЛЕБЕДЬ

- I. Скандинавский нож бронзового века. – II. Лебедь и солярное колесо из Поджио Бюстоне. – III. Лебедь на монете из Клазомены в Ионии. – IV. Эрос, лебедь и Леда, коптская христианская скульптура. – V. Печать Якова Бонно, XIII-е столетие. – VI. Ста-

ринный торговый знак «К Крестовому Лебедю». – VII. Вид созвездия Лебедя. – VIII. Лебедь на евхаристическом мешочке из Бражака. – IX. Скульптура из замка Белло, XV-й век. – X. Бронзовая статуэтка из раскопок у истока Сены. – XI. Лебедь и арфист, миниатюра XIII-го столетия. – XII. Лебедь и Лодка на христианской лампе из Карфагена. – XIII. Лебедь и лодка Лебединого Рыцаря. – XIV. Печать города Булонь-сюр-Мер. XVI-е столетие. – XV. Колье Ордена Лебедя XVIII-го века. – XVI. Лебедь на монете из Камарины. – XVII. Золотой кулон из Этнины. – XVIII. Лебедь и змея; статуя греческого искусства. – XIX. Герб рода Даро из Пуату. – XX. Лебедь, эмблема Сатаны. – XXI. Буква S на монограмме Иисуса Христа из книг короля Генриха III.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. УТКА И ГУСЬ

- I. Утки Латеранского баптистерия. – II. Утки на одной мозаике из Неаполя. – III. Бронзовая лампа в форме гуса из Музея Кайзера Фридриха в Берлине. – IV. Гусь на гобелене королевы Матильды в Байё.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. ЗИМОРОДОК

- I. Альцион в геральдическом искусстве. – II. Французский зимородок, рассматривавшийся как прототип легендарного альциона.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ. ПЕЛИКАН

- I. Легендарный Пеликан. Согласно одному Бестиарию XIII-го столетия. – II. Пеликан, вскармливающий своих птенцов. Согласно *Nortus sanitatis*, XVI-е столетие. – III. Пеликан согласно рисунку Виллара де Оннекура, XIII-е столетие. – IV. Пеликан, скульптура кафедрального собора Страсбурга. – V. Пеликан на печати брата Вильгельма д'Аженака. – VI. Пеликан на сосуде для воды из фаянса Уарона (Оутон), XIV-й век. – VII. Вышитый Пеликан из Музея Лувра, XV-е столетие. – VIII. Пеликан над титлом Креста, Флоренция, XV-е столетие. – IX. Возрождающее кропление кровью, гобелен XVI-го столетия. – X. Пеликан на чаше, скульптура в храме Святого Иакова в Ганде, XVIII-е столетие. – XI. Скульптура из приюриста Вивуан в графстве Мэн, XVI-е или XVII-е столетия. – XII. Массонский пеликан, XIX-й век. – XIII. Сатана-вампир в Пизе. – XIV. Летучая мышь на гербе семейства Ко. – XV. Летучая мышь согласно китайскому талисману. – XVI. Большой вампир со спинки одной скамьи в кафедральном соборе в Пуатье, XIII-е столетие.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. ИБИС

- I. Инсигния египетского бога Тот-Ибиса. – II. Ибис из Ватиканского музея. – III. Ибис, амулет из Музея Лувра. – IV. Бог Тот с головой Ибиса из храма Антиноя. – V и VI. Вазы, египетские эмблемы сердца. – VII. Средневековое украшение, несущее символического ибиса. – VIII. Египетский бог Тот, Музей Лувра. – IX. Ибис на гностическом амулете. – X. Ибис на римской лампе из Пуатье. – XI. Ибис и звезда в храме Святого Космы и Дамиана в Риме. – XII. Ибис на одной средневековой миниатюре. – XIII. Священный ибис Египтян.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. ЦАПЛЯ

- I. Белая Цапля и пальмовая ветвь на Сакраментарии Геллона. – II. Эмблема Безмолвия. – III. Цапля на гербе семейства Эйкке, Силезия. – IV. Печать на драгоценном гравированном камне.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. МАРАБУ

- I. Марабу на отдыхе. – Фигура II. Марабу в геральдической позе. – Фигура III. Марабу. Восточная бронза. В половину величины.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. ЖУРАВЛЬ

- I. Борьба журавлей с пигмеем. – II. Терракотовый пигмей из Лувра. – III. Иероглиф души и душ в Египте. – IV. Журавль с могилы Манюфера. – V. Журавли на греческой вазе. – VI. Журавль на галльской монете. – VII. Журавль на галльской монете из Биттюрижа. – VIII. Телец с тремя журавлями на римском алтаре из Парижа. – IX. Журавль из раскопок бронзы Суз. – X. Журавль на японском фарфоре. – XI. Восточное благовоние для каждения. – XII. Журавль, дальневосточная эмблема долголетия. – XIII. Тотемическая трость из Новой Гвинеи. – XIV. Галльский щит с триумфальной арки Оранжа. – XV. Журавль на защищающем античном шлеме. – XVI. Журавль и его «бдительность». – XVII. Журавль на медали князя де Вальсассина. – XVIII. Журавль на жетоне Дофине. – XIX. Журавль, борющийся со Змеей на античной вазе из Тиволи. – XX. Журавль на гностическом амулете из бронзы. – XXI. Увенчанный Журавль на мозаике из Мадабы. – XXII. Дикая герань. – XXIII. Скульптура из церкви Монквермута.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. АИСТ

- I. Аист и змея, произведение греческого искусства. – II. Аист и Благодетель на римской консульской монете. – III. Аист и рептилия на мозаике из Теурнии. – IV. Аист на каролингском кольце из Сен-Жюст-сюр-Див. – V. Аист, склоняющийся над своей добычей. – VI. Печать одного капеллана из Сиво в Пуату, XIII-е столетие. – VII. Печать Симеона Бергини, XIII-е столетие. – VIII. Аист, убивающий змею. – IX. Аист на торговой марке фаянсового завода из Гааги в Голландии, XVIII-е столетие.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. ЛЫСУХА

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. БЕКАС

- I, II и III. Галльские пикто-бретонские монеты. – IV. Бекас на гербе семьи Бегассон. – V. Бекас на варварском кольце из Музея Лозанны. – VI. Бекас на бретонском календаре. – VII. Рисунок, иллюстрирующий ноябрь месяц на календаре из Нанта XVIII-го столетия.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. ЧИБИС

- I. Чибис на каминном изразце из храма Святого Леже из Монбрийе, XVIII-е столетие. – II. Чибис, граффити XVII-го столетия в Луджоне.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. ПАВЛИН

- I. Терракотовый павлин, галло-римская эпоха. – II. Император Юстиниан, ученчанный перьями павлина. – III. Прославленный Павлин. Римские Катакомбы Прискиллы. – IV. Павлин, господствующий над миром. Римские Катакомбы Святой Прискиллы. – V. Господствующий римский орел. – VI. Господствующий Павлин. Галло-римская бронза, происходящая из Нанта, галло-римской эпохи. – VII. Павлин, выгравированный на одной христианской эпитафии от 341 года. – VIII. Павлин, стоящий на вершине кресте. – IX. Павлин на римской лампе из Пуатье. – X. Павлин со своим птенцом на христианской лампе III-го века. – XI. Павлины на евхаристической чаше, римская эпоха. – XII. Погребальная надпись катакомб Домитиллы в Риме, III-е столетие. – XIII. Печать XIII-го столетия приоров Сент-Уан-де-Га. – XIV. Павлин на гностическом камне, происходящем из Тура. Римская эпоха. – XV. Народная картинка из Лимузена. – XVI. Царь-Павлин Езидов.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ. ПЕТУХ

- I. Петух на монете из Имерии. – II. Петух на штемпелеванном знаке греческой амфоры из Тасоса. – III. Нисходящий на петуха божественный импульс. В соответствии с греческой монетой. – IV. Петух на галльском алтаре из Флёрьё. – V. Галльская монета из Лима. – VI. Галло-римское украшение из бронзы. – VII. Галльская инсигния, скульптура из Страсбурга. – VIII. Петух на лампе из Ардена в Пуату, римская эпоха. IX. Яйцо с головой петуха на гностическом камне. – X. Петух и лодка на оправе римского кольца. – XI. Петух шпилья собора Парижской Богоматери. – XII. Костяной петух одного захоронения в Бордо, мерovingская эпоха. – XIII. Гнев и петух, миниатюра XIII-го столетия. – XIV. Петух Нергал Каббалы. – XV. Средневековое изображение василиска. – XVI. Василиск скамьи кафедрального собора Пуатье, XIII-е столетие. – XVII. Василиск из Везель. – XVIII. Капитель церкви Венье в Лудонском районе. – XIX. Романская капитель Эннеза, XII-е столетие.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ. КУРИЦА И ЕЕ ЦЫПЛЕНОК

- I. Курица в греческом искусстве. – II. Другая курица греческого искусства. – III. Курица с христианской лампы из Карфагена. – IV. Лис, проповедующий курам, на одной из скамей кафедрального собора Амьена. – V. Сердце энвольтации, XVIII-е столетие. – VI. Другое победное сердце, XIX-е столетие. – VII. Адская курица, называемая Суккот Бенот. – VIII. Пеннистая масса личинки Афродоры. – IX. Почти белая терракотовая курица. Бурж, галло-римская эпоха.

КРЫЛЬЯ ПТИЦ

- I. Душа Пассифила в римских катакомбах Домитиллы. – II. Статуэтка Икара из Смирны. – III и IV. Еврейская буква *йод*; две соединенных *йод* в

своей основе. – V. Две *йод* и земная сфера. – VI. Две *йод*, герметический образ человеческого слова. – VII. Семя смоковницы. – VIII. Два стилизованных семени вяза. – IX. Семя полевого клена. – X. «Взмывающий полет». Герб семейства де Вердильяк. – XI. Епископский герб монсеньора Латги. – XII. Крылья, возносящие человеческое сердце к Богу, XVIII-е столетие. – XIII. Корпус деревянного живописного плафона из замка Плюи-дио-Фу, XVI-е столетие. – XIV. «Нисходящий Полет» дворянской геральдики. – XV. Сатана в виде крылатой жабы, гравированная медь XVI-го века. – XVI. Проклятые крылья: Смерть, уничтожающее бедствие, XVI-е столетие.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ. ПЕРО

- I. Душа-птица, несущая перо, на египетском саркофаге. – II. Египетский иероглиф богини Маа'т. – III. Священный Скрипиум в искусстве катакомб. – IV и V. Калам из бронзы; романская эпоха. – VI. Герб «Корпорации писателей и школьных учителей» Бреста; XVII-е столетие.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ. ЯЙЦА ПТИЦ

- I. Яйцо страуса, вмонтированное в чашу из раскопок Ура Халдейского. – II. Символическое яйцо из слоновой кости. – III. Символические яйца у подножия Христа в кафедральном соборе Бургоса. – IV. Румынское пасхальное яйцо. – V. Сваренное в крутую куриное яйцо и пробитое двумя столярными гвоздями.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ. ЯЗЫК И ПЕНИЕ ПТИЦ

- I. Птица на печати Иоанна де Лонуа. – II. Герб де Шаранси. – III. Печать брата Эблona, XIII-е столетие. – IV. Манок из косточки абрикоса. – V. Манок из свинца из русла Сены. – VI. Старинный манок на жаворонка из дерева.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ. РЫБА

- I. Рыба, гравированная на кости, искусство Магдаленских островов. – II. Рыба-фетиш с Архипелага Новые Гебриды. – III. Рыба-фетиш из скального гранита. – IV. Бог Оаннес из Калаха. – V. Жрец Оаннеса. – VI. Сирийский Бог Дагон. – VII. Ваал из Итана. – VIII. Халдейский бог Эа. – IX. Бог Эа на монете Августа. – X. Деревянная рыба из царской могилы в Микенах. – XI. Египетская рыба из сланцевой породы. – XII. Символическая рыба царских захоронений Фив в Египте. – XIII. Рыба, эмблема закланного Христа. – XIV. Рыба на монете из Саламина. – XV. Христос, Его имя и рыба, Его эмблема. – XVI. Христос-рыба, Его имя и Его символическое изображение. – XVII по XX. Рыба, гравированная на драгоценных камнях первых христианских столетий. – XXI. Имя Ихтус на мраморе из Карфагена. – XXII. Имя божественного Ихтуса в орнаменте одного подземного святилища в Риме. – XXIII. Рыба, амулет римских катакомб. – XXIV. Рыба из слоновой кости из Карфагена. – XXV. Рыба-энколпион из стекла эпохи катакомб. – XXVI. Стекланный флакон в форме рыбы из Музея Оттона. –

XVII. Рыба-амулет из стеклянной пасты. – XX-VIII. Рыба из бронзы из музея Оттона. – XXIX. Эмблематическая рыба из бронзы из Эрп-ан-Сентонж. – XXX. Ихтус и монограмма Христа. – XXXI. Пряжка поясного ремня для меча меровингской эпохи. – XXXII и XXXIII. Терракотовая ваза из Вьё-Серье. – XXXIV. Аль-Хизр на рыбе. – XXXV. *Триакрия* из аббатства из Люксембурга. – XXXVI. *Триакрия* на гербе семьи Хундеров. – XXXVII. Символическая рыба-кость. – XXXVIII. Христианская лампа в форме рыбы. – XXXIX. Сражение ангелов с Левиафаном. – XL. Морской дьявол. Согласно гравюре XVI-го века. – XLI. На терракотовой фигурке из Музея Лувра дельфин спасает ребенка, оказавшегося жертвой кораблекрушения. Дохристианская эпоха.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ. ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ РЫБА

- I. Жертвенная рыба Ассирийцев. – II. Литургическая трапеза в Ассирии. – III. Рыба-Христос и верная рыба, помещенные сверху евхаристического сосуда, III-ый век. – IV. Рыба, несущая евхаристическую корзину. – V. Рыба на алтаре, декор саркофага в Авиньоне. – VI. Рыба на алтаре. Катакомбное изображение. – VII. Рыба и Хлеб на алтаре из катакомб Калликста в Риме. – VIII. Жертвенная рыба на халдейском алтаре. – IX. Штемпель для клеймения хлебов. – X. Лжица из Соше-ан-Тивар, римская эпоха. – XI. Деревянная рыба-лжица из христианских захоронений Акмина в Египте. – XII. Блюдо из Сулосса. – XIII. Булла из свинца из Тира. – XIV. Античная лампа, несущая евхаристические Рыбу и Сосуд. – XV и XVI. Евхаристические рыбы из катакомб Святого Калликста в Риме. – XVII. Рыба-фибула из коллекции Ф. Паранто. – XVIII. Рыба-фибула из музея Пешта. – XIX. Рыба и шарик на дне киринейского киликса. – XX. Рыбы, стремящиеся к евхаристическим хлебам. – XXI. Евхаристические хлеба и рыбы, эмблемы верных, римская эпоха. – XXII. Рыба на алтаре и евхаристические хлеба.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ. ДЕЛЬФИН

- I. Дельфин Посейдона на морском якоре. – II. Монета из Сагонта. – III. Чудесное путешествие Тараса на дельфине. – IV и V. Монета из Тарента. – VI. Дельфин на блюде рядом с хлебом на саркофаге из Порто. – VII. Дельфин на клейме одной амфоры из Тасоса. – VIII. Антропоморфический дельфин из Афиню. – IX. Дельфин на христианской лампе из Карфагена. – X. Дельфин и Трезубец. – XI. Римская печать в форме дельфина. – XII. Драгоценный камень с изображением дельфина на якоре. – XIII. Дельфин, поддерживающий лодку. – XIV. Кольцо епископа Ангулема Адемара. – XV. Дельфин-Христос, слоновая кость из Кампо-Санто в Риме. – XVI. Средневековое граффити из аббатства Буассьер в Анжу. – XVII. Дельфин на крестообразной стреле, XV-й век. – XVIII. Дельфин на епископальном кресте монашеского Брэтте де Ремюра.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ. РАКООБРАЗНЫЕ

- I. Рыба-пила на лампе первых христианской столетий. – II. Ракообразное существо на серебряной монете из Агригенты. – III. Античная монета из Имении. – IV. Гравированный камень из коллекции Фоджини. – V. Каменя из Кабинета Медалей. – VI. Аметист из коллекции Капелло. – VII. Варварское кольцо из Намюра. – VIII. Варварская фибула в форме ракообразного существа. – IX. (Увеличенный) краб с одной прекрасной серебряной греческой монеты из Агригенты.

ПРИЛИПАЛА

- I. *Echeneis remora* в натуральном виде. – II. Гравированная яшма из Сожона в Сентонже. – III. Гравированный сердюлик первых христианских времен. – IV. Гравированная темма, римская эпоха. – V. Миниатюра из средневекового Бестиария из Библиотеки Арсенала в Париже. – VI. Приклеивающийся орган головы реморы, сильно ее закрепляющий на плавающих телах.

ГЛАВА СТО ПЕРВАЯ

- I. Морской конек в своем натуральном виде. – II. Печать Мартиния Аблапта, римская эпоха. – III. Греко-римский морской конек из Британского Музея. – IV. Стилизованный морской конек из Помпеи. – V. Монета из Тарента. – VI. Монета из Библоса. – VII. Бог Мелькарт на морском коньке, монета из Эрпа. – VIII, IX и X. Галльские монеты Карнутов, Лонгосталетов и Байокассов. – XI. Морской конек из Лейньи в Турени. – XII. Морской конек на меровингской бронзе из Дижона. – XIII. Меровингская фибула в форме морского конька. – XIV. Морское чудовище на галло-римской терракотовой вазе. – XV. Морское чудовище из Помпеи. – XVI. Крылатое морское чудовище на вазе из Лаодикеи. – XVII. Морское чудовище в Святой Пророк Иона в катакомбах Бонарии. – XVIII. Морское чудовище и Святой Пророк Иона на могиле из Эль-Джема, Тунис.

ГЛАВА СТО ВТОРАЯ. ЩУКА

- I. Мистическая Рыба. – II. Рыба, гравированная на стекле. Музей Ватикана. – III. Рыба из Музея Гамбурга. – IV. Символическая рыба на античной христианской лампе. – V. Символические рыбы в подземелье Мельбода в Пуатье. – VI. Герб Капитула кафедрального собора Люсона. – VII. Жетон каноников капитула Люсона. – VIII. Рыба, сделанная из кости, из одной галло-римской усыпальницы Мугона (Турень).

ГЛАВА СТО ТРЕТЬЯ. ХРИСТОС-РЫБЫЛОВ И ЕГО ОСНАСТКА

- I. Пойманная и подвешенная рыба – II. Гравированное стекло римской эпохи. – III. Гравированный камень римской эпохи. – IV. Христос-рыболов на одной фреске из Катакомб Святого Калликста в Риме. – V. Христос-рыбак на одной христианской лампе. – VI. Божественный Рыбарь на германо-римском барельефе из Майнца. – VII. Хри-

стос-рыболов на саркофаге из Гайолля. – VIII. Голубь, ловящий рыбу на вазе из Буллы-Регии. – IX. Гравированный камень с оправы перстня-печатки Святого Арнульфа, VII-е столетие. – X. Уловленный Христос. – XI. Поражение Левиафана и Бегемота, картина из Аквилеи, XII-е столетие. – XII. Рыба Товии на позолоченном стекле из римских катакомб. – XIII. Обольщающая Сирена и Лывы, капитель Авроны в Милане. – XIV. Сирена-обольстительница из Мэйезз. – XV. Удушающие сирены из Сен-Жермен-де-Пре в Париже. – XVI. Убивающая: сирена из Эшиллэ в Сентонже. – XVII. Вспарывающая: сирена из Мортаня в Пуату. – XVIII. Сирена из церкви Жюмины (Эси), XII-е столетие.

ГЛАВА СТО ЧЕТВЕРТАЯ. АМБРА

- I. Древний крест из амбры (янтаря), происходящий из Сен-Совёр-ле-Виконт. – II. Зерно амбры, называемое «бусиной переполнения».

ГЛАВА СТО ПЯТАЯ. НИЛЬСКАЯ ГИДРА

- I. Римская монета из Нима. – II. Монета императора Августа. – III. Гидра и крокодил согласно одному Бестиарию XIII-го столетия. – IV. Крокодил согласно другому Бестиарию той же эпохи. – V. Гидра и кокодрилл. Согласно Бестиарию XIII-го столетия. – VI. Миниатора из рукописной книги XIII-го столетия. – VII. Тифонианский крокодил. Скульптура последних времен античного Египта.

ГЛАВА СТО ШЕСТАЯ. ЗМЕЯ

- I. Иероглиф Великого Бога в храме Сети I. – II. Двойная тиара фараонов. – III. Кριοцефальная змея на римском алтаре из Мавилля. – IV. Змея-криоцефал из Монлюсона. – V. Кριοцефальная змея в руке галльского бога из Виньори. – VI. Вавилонская печать из Британского Музея. – VII. Адам, Ева и змея, согласно *Arca mystica*. – VIII. Драконопеда. Согласно *Hortus sanitatis*. – IX. Гравированная гемма из коллекции Барберини. – X. Змей-Гликон гностиков. – XI. Змей, обвитый вокруг дубины Эскулапа. – XII. Змея, обвитая вокруг дерева, доколумбова скульптура с полуострова Юкатан. – XIII. Змей, обвитый вокруг Древа Жизни. – XIV. Аттила-змей под ногами императора. – XV. Аббатский посох из Эрво. – XVI. Агнец и змей преисподней на посохе из Суассона. – XVII. Змей под лабарумом. – XVIII. Камень испытания, называемый «языком змеи». – XIX. Орел или сокол, сражающийся со змеей, на греческой монете из Пидры.

ГЛАВА СТО СЕДЬМАЯ. ДРЕВНИЕ ЭМБЛЕМЫ ЗМЕИ И ЛАДАННИКА, ЗМЕИ И ВАЗЫ

- I. Змея и ладанник на античной монете из Пергамна. – II. Змея и амфора. – III. Змея, пьющая из чаши. – IV. Средневековая печать из коллекции Лондсборо. – V и VI. Еврейская буква *самех*; перевернутая буква *самех*. – VII. Змея и ваза, скульптура из Авиньона. – VIII. Змея, пьющая из сосуда, на кладбищенском кресте из Орли.

ГЛАВА СТО ВОСЬМАЯ. МЕДНЫЙ ЗМЕЙ

- I. Крылатый змей из храма на Юкатане. – II. Медный Змей на стобе. – III. Змей на мистическом Тау. – IV. Большой бронзовый змей из Милана. – V. Медный Змей на алтаре Ставело, XII-е столетие. – VI. Медный Змей на кресте Святого Бертена. – VII. Медный Змей на колонне. Согласно витражу XIII-го столетия в кафедральном соборе Ле Мана. – VIII. Медный Змей на графической латинской букве T, XVI-е столетие. – IX. Змей на кресте, граффити древнего монастыря Кармелитов из Людона. – X. Змей на кресте, пилястр проповеднической кафедры в церкви Святого Петра в Лудуне. – XI. Змей, обвивающий крест, вышивка XVII-го столетия. – XII. Шпага конца XVI-го столетия со змеевидной гардой. – XIII. Змей на тау.

ГЛАВА СТО ДЕВЯТАЯ. ЗМЕЕВИДНЫЙ ЖЕЗЛ МОИСЕЯ И ААРОНА

- I. Моисей, поражающий Черное море.

ГЛАВА СТО ДЕСЯТАЯ. АМФИСБЕНА

Амфисбена, согласно *Hortus sanitatis*. – II. Амфисбена-фибула из меровингских захоронений Нормандии. – III. Амфисбена из бронзы, римская эпоха. – IV. Амфисбена на накладной пластине с поясного ремня к мечу Кариберта, VI-е столетие. – V и VI. Меровингское кольцо из Музея Труа. – VII. Меровингское кольцо в форме амфисбены из Пюи-Нотр-Дам. – VIII. Связующий крюк из аббатства Лессэ. – IX. Астрономический знак Ближецов. – X. Амфисбена *Внутренней Звезды*; конец XV-го столетия. – XI. Геральдическое изображение Амфисбены. – XII. Процесстонный крест из Абиссинии. – XIII. Крюк поясного ремня офицеров французской армии. – XIV. Амфисбена в Геральдике.

ГЛАВА СТО ОДИННАДЦАТАЯ. ДВЕ ЗМЕИ КАДУЦЕЯ

- I. Змеи дольмена Порник. – II. Бронзовый кадуцей из Ром в Пуату, галло-римская эпоха. – III и IV. Кадуцей из Лариссы в Эолии. – V. Кадуцей на античной погребальной урне. – VI и VII. Греческий Кадуцей. – VIII. Газель, несущая Кадуцей, катакомбы Калликста в Риме. – IX. Кадуцей мира и процветания. Согласно гравюре XVII-го столетия. – X. Торговый кадуцей на знаке печатника XVI-го столетия. – XI. Пастырский посох Монсеньора Шептицкого, русского митрополита из Львова (1925 год). – XII. Медицинский кадуцей; знак, использующийся в армии Соединенных Штатов Америки.

ГЛАВА СТО ДВЕНАДЦАТАЯ. УРОБОРОС

- I. Гадюка Хаже на голове Гора или Ра, скульптура из Фив. – II. Древний солнечный циферблат из дома священника в Серверетте. – III. Уроборос Хрисопеи Клеопатры. – IV. Белый и черный уроборос Алхимиков. – V. Гравированный гностический камень, несущий уроборос. – VI. Другой

гностический камень. – VII. Большой бронзовый молоток в форме уробороса, XVI-е или XVII-е столетие. – VIII. Драконообразный уроборос герба Вартембергов. – IX. Уроборос *Внутренней Звезды*. – X. Торговый знак Иоанна Фреллона, XVI-е столетие. – XI. Герметический экслибрис с уроборосом, пеликаном и Древом Жизни. – XII. Уроборос и «вензель» Христа. – XIII. Меровингский браслет из Вэйи. – XIV. Герб Монсенюра де Шамона, епископа Сен-Клюда, XIX-е столетие. – XV. Мотив, изображенный на нормандском сундуке: уроборос и стрела. – XVI. Тройной уроборос, итальянский геральдический мотив XVI-го века. – XVII. Три уробороса герба семьи Лозан из Пуату.

ГЛАВА СТО ТРИНАДЦАТАЯ. САЛАМАНДРА

- I. Персонифицированный Огонь, держащий саламандру. – II. Саламандра, свернутая в Уроборос, X-е столетие. – III. Саламандра в пламени в Нотр-Дам в Париже. – IV. Геральдическая саламандра Франциска I-го в замке Азэ-ле-Ридо, XIV-е столетие. – V. Эмблематическая саламандра рода Салемандрисов из Сиенны.

ГЛАВА СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЛЯГУШКА

- I. Египетская богиня Хекет-лягушка, скульптура из Луксора. – II. Античная монета из Люцерии. – III. Лягушка на римской лампе из Берлинского Музея. IV. – Большая египетская христианская лампа, несущая символическую лягушку. – V. Египетская христианская лампа из коллекции Греппо. – VI. Гностическое изделие из сердолика. – VII. Сделанная по обету терракотовая лягушка из Ардена в Пуату. – VIII. Немецкое кольцо XIV-го столетия. – IX. Медальон из замка д'Эстрепье у Лудюна. – X. Жаба, выходящая из рта демона. – XI. Сирена и жаба в церкви Фуссэ, XII-е столетие. – XII. Жаба-фетиш из Африки. – XIII. Извлечение «Краподина». Согласно изданию *Сада Здоровья*, XVI-е столетие. – XIV. «Краподин из Бёсса». – XV. Натуральный краподин. – XVI. Английское кольцо с краподином, XVII-е столетие. – XVII. Эмблематическая лягушка на головке эфеса книжала конца XVI-го века.

ГЛАВА СТО ПЯТНАДЦАТАЯ. ЧЕРВЬ

ГЛАВА СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ. ГУСЕНИЦА

- I. и II. Коконь бабочек бассейна Луары. – III. Хризалида бабочки долины Луары. – IV. Золотое меровингское кольцо из Музея Монпелье. – V. Бронзовая пластина, происходящая из Прессили.

ГЛАВА СТО СЕМНАДЦАТАЯ. БАБОЧКА

- I. Святая душа, несущая плоды Рая. – II. Золотой диск с княжеских могил из Микен. – III. Душа в форме человеческой бабочки. – IV. Душа-бабочка. – V. Шатон христианского кольца IV-го века. – VI. Кольцо с эмалью конца Средневековья. – VII. Застежка от одежды, XIII-е или XIV-е столетия. – VIII. Бабочка Клеопатра. – IX. Бабочка Сфинкс Атропос. – X. Виноградный Сфинкс.

ГЛАВА СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СВЕТЛЯК ИЛИ СВЕТЛЯЧОК

- I. *Lampyrus splendidula*, самка. – II. Светлячок, страж ночи. Согласно виньette XVIII-го столетия.

ГЛАВА СТО ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ПЧЕЛА

- I. Доисторическая картина Куэза де ла Арана. – II. Фараоновая Пчела на стеле Амененхата III. – III. Стилизованная пчела с могилы фараона Ахотпу I – IV. Эфесская монета с пчелой. – V. Пчела-фибула из Эфеса. – VI и VII. Гранатовые пчелы в золотой оправе из могилы Хильдерика в Турнэ. – VIII. Пляшка ремня из Курсея. – IX. Пляшка из Молзна, меровингская эпоха. – X. Пчела и Цветок. Медаль XVIII-го столетия. – XI. Епископский герб монсенюра Фреппеля, епископа Анжера. – XII. Герметический образ Асмодея. – XIII. Пчела и цветок на итальянской монете от 1920 года.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТАЯ. ЦАРИЦА ПЧЕЛА И ЕЕ УЛЕЙ

- I. Римский улей. – II. Герб аббатства Нотр-Дам де Меллерэ. – III. Герб Дома Кутюрье, аббата Солема. – IV. Осиное гнездо картонажной осы.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. МЕД

- I. Медовые соты на одной популярной картинке XIX-го века. – II. Герб Христа, согласно одному манускрипту XIV-го столетия. – III. Цветущий стебель дождевика.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ВОСК

- I. *Agnus Dei* Григория XI. – II. Посвящение из воска на могиле Святой Радегонды в Пуатье. – III. Свещильник из восковых свечей для Великой Седмицы в римском обряде.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. РОЮЩАЯ ОСА ИЛИ ОСА ИХНЕВМОН

- I. Роющая оса Ближнего Востока. – II. Роющая оса Франции. – III. Саранча из кладязей бездны. – IV. Европейская саранча среднего размера.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КУЗНЕЧИК

- I, II, III, IV. Готские фибулы, найденные в Венгрии. – V. Маленькая фибула с могилы в Трансильвании. – VI. Христианская фибула из Херсонеса. – VII. Кузнечик на греческом жетоне агораномы. – IX. Кузнечик из слоновой кости первой половины XIX-го столетия.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. СКАРАБЕЙ И ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ НАВОЗНИКИ

- I. Скарабей, отбрасывающий назад от себя свой шар. – II. Разрез посередине «шара» скарабея. – III. Скарабей из усыпальницы Рамсеса IV. – IV. Скарабей, держащий солнечный диск и божественную печать. – V. Скарабей, держащий солнечный диск и свой «шар». – VI. Скарабей на картуше Тут-Анк-Амона. – VII. Скарабей из черного диорита, происходящий из Фив. – VIII. Скарабей

и солнечный диск сверху над священной лодкой. – IX. Египетский жрец, в виде Анубиса практиковавший обряды над мумией. – X. Египетско-финикийский скарабей с человеческим лицом. – XI. Скарабей, поддерживаемый Гором-соколом. Дышло колесницы Тут-Анк-Амона. – XII. Скарабей из ляпис-лазури. – XIII и XIV. Гностический скарабей. – XV. Черный азиатский скорпион. – XVI. Скорпион на египетском зодиаке из Дендеры. – XVII. Астрономический знак созвездия Скорпиона. – XVIII. Скорпион на средневековом зодиаке.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. НАВОЗНИКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ФРАНЦИИ

- I. Жук-бронзовка большого размера. – II. Божьи коровки, орнаментальный мотив, XVIII-е столетие.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. БОГОМОЛ

- I. Богомол в своем положении молитвы. – II. Богомол, делающий указательный жест. – III. Паук, называемый Святым Фиакром. – IV. Паук на ювелирном украшении XIX-го столетия. – V. Женщина в виде обобщающего паука. – VI. Большой богомол в наблюдении.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. РАКОВИНЫ

- I и II. Бутылка в форме морской раковины. Галло-римское захоронение из Налье. – III. *Turbinella rapa*, прототип брахманической раковины. – IV. Бронзовый амулет, отображающий брахманическую раковину. – V. Кипрея, подвеска XVIII-го столетия. – VI. Индуистская раковина в серебряной оправе.

ГЛАВА СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. УЛИТКА ОБЫКНОВЕННАЯ И ЗАВИТКИ ЕЕ РАКОВИНЫ

- I. Алжирская лампа в форме улитки. – II. Внутренняя композиция мервингского гроба из Мугона в Турени. – III. Раковина пресноводной улитки из мервингского захоронения из Шассейя. – IV. Скульптура южного портала церкви Святого Ремигия в Реймсе. – V и VI. Символические медальоны в замке Эстрепье, XV-е столетие. – VII. Морская раковина с кольцом из бронзы, захоронение из Дюна в Пуатье, галло-римская эпоха. – VIII. Раковина пресноводной лимнеи. – IX. Скульптурный камень из Нарбонна, римская эпоха. – X. Лесная улитка, называемая «шлифовый аспид». – XI. Скульптурная улитка из дерева, пронизанная вертикальным отверстием для подвешивания.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТАЯ. ИГОЛЬЧАТЫЙ МОЛЛЮСК И ПУРПУР

- I. *Murex brandaris*. – II. Колочий игольчатый моллюск. – III. Деталь артефакта из слоновой кости из сокровищницы Монзы, VI-е столетие. Приснодева Мария перед пурпурным клубком. – IV. Пурпурный лев на гербе испанского королевства Леон.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. КОРАЛЛ

- I. Алжирская рука-амулет из розового коралла. – II. Фигурка рыбы из красного коралла с пробитым

отверстием для подвешивания. – III. Рожок из красного коралла, испещренного белыми крапинками. – IV. Коралловая капля, вмонтированная в серебро, XVIII-е столетие.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. МОРСКОЙ ЕЖ И «МИРОВОЕ ЯЙЦО» ДРЕВНИХ

- I. Яйцо мира Египтян, поддерживаемое двумя священными уреус. – II. Яйцо мира, зародыш жизни у Египтян. – III. Крышка лампы из зеленого стеатита из раскопок Телло. – IV. Переплетение змей на одной из ступеней Подземелья Меллебода в Пуатье. – V. Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом, найденный у Аббевилля. – VI. Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом, район Арраса. – VII. Ископаемый морской еж с вырезанным человеческим лицом, деревня Шолетэ. – VIII. Ваза-эхинус из Сен-Мишель-Мон-Меркюр. – IX. Венчик-эхинг из христианского захоронения Лудона, галло-франкская эпоха. – X. *Madrepora Neptuna*. – XI. Расположение игл, излучаемых морским ежом. – XII. Расположение пятиугольного рта морского ежа. – XIII. Символический морской еж из кургана Пуарона в Сент-Аман-сюр-Севр. – XIV. Каменный футляр из известнякового камня, содержащий морского ежа из кургана Пуарон.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. МОРСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

- I. Раковина Мелеагрины. – II. Лавровые ветви и жемчужное ожерелье, эмблемы вознаграждения мучеников. Согласно фреске из катакомб Ардеатинского пути в Риме.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАРАКАТИЦА И ОСЬМИНОГ

- I. Кельтский орнамент в бронзе: сворачивающиеся свастики. – II. Золотой диск из Микенского Акрополя с изображением символической каракатицы. – III. Веса с осьминогом из Кносса. – IV. Спрут на монете из Эретрии. – V. Спрут на другой монете из Эретрии. – VI. Каракатица на греческой монете из Сиракуз. – VII. Спрут на долмене Порника. – VIII. Осьминог в натуральном виде на микенской вазе в музее Канди. – IX. Ваза эгейского искусства микенской эпохи.

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. АСТЕРИЯ И МЕДУЗА

- I. Восьминогая медуза на перуанской вазе. – II. Свастикоид с пятью руками на тирской или кипрской фузайоле. – III. Граффити медузы на стене древнего донжона Лулона. – IV. Медуза на красной галло-римской керамике. – V. Высушенная астерия, сохраняемая как народный талисман, приносящий счастье.

ЭПИЛОГ

- I. Константиновская монограмма Христа. – II. Поражение Дракона-Сатаны. – III. Алофеоз Агнца-Христа.

Перед нами уникальная книга, которая должна была составить основу фундаментального труда Луи Шарбонно-Лассэ по происхождению, истории и развитию христианского символизма. К сожалению, автору не удалось осуществить свой замысел целиком: вмешались политические обстоятельства, и многое безвозвратно исчезло в лихолетье Второй Мировой войны. Однако по сохранившимся фрагментам, реконструированным благодаря усердию французских ученых, можно судить о многогранности и энциклопедической эрудированности Луи Шарбонно-Лассэ, христианского символиста, археолога, историка, краеведа, геральдиста, сигиллографа и нумизмата. Особо отметим, что он интересен не только тем, что внес весомый вклад в эти научные дисциплины, но и поскольку трудился на стыке сфер, занимающихся тонкими мирами и материями: религиоведения, богословия, египтологии, античной философии и культуры, ориенталистики, ересеологии, мистики, герметических знаний, христианской и иудейской эзотерики.

Издательство Велигор

Интернет-магазин-WWW.VELIGOR.RU